

Институт языкознания
Российской Академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
П.Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЫПУСК III

ТИПЫ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ

УДК 40
ББК 80
К57

Издание подготовлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, государственный контракт 02.740.11.0596 в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Редакционная коллегия:

Е.С. Кубрякова (гл. ред. серии), Н.Н. Болдырев (отв. ред. выпуска),
В.А. Виноградов, В.З. Демьянков, В.Ф. Новодранова,
Л.А. Фуре, В.Б. Гольдберг, Л.В. Бабина, А.Л. Шарандин,
В.Н. Левина (отв. секретарь серии)

Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий
К57 ^в языке : сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 551 с.

ISBN 978-5-89016-637-1

В сборнике представлены материалы, отражающие современные аспекты исследования процессов категоризации и концептуализации мира в языке. Рассматриваются типы категорий и их статус в языке. Описываются особенности категорий различных наук, большое внимание уделяется уровневой категоризации естественного языка.

Издание адресовано филологам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто интересуется когнитивными исследованиями в лингвистике.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-89016-637-1

© ГОУВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2010

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF LINGUISTICS
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN»
ALL-RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION
«THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION»

Cognitive Studies of Language

Volume VII

**TYPES OF CATEGORIES IN
LANGUAGE**

Collection of papers

t> -<

Moscow-Tambov
2010

The publication is provided with financial support from Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal target program "Scientific and scientific-pedagogical personnel of the innovative Russia" in 2009-2013, State Contract 02.740.11.0596

Editorial Board:

E.S. Kubryakova (series editor-in-chief), N.N. Boldyrev (volume editor-in-chief),
V.A. Vinogradov, V.Z. Demyankov, V.F. Novodranova,
L.A. Fours, V.B. Goldberg, L.V. Babina, A.L. Sharandin,
V.N. Levina (volume executive secretary)

Cognitive studies of language. Vol. VII. Types of categories in language : Collection of papers / series editor-in-chief E.S. Kubryakova, volume editor-in-chief N.N. Boldyrev ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, All-Russian public organization «The Russian Cognitive Linguists Association». Moscow : Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2010.551 p.

ISBN 978-5-89016-637-1

The collection of papers covers the actual aspects of the world categorization and conceptualization in language, as well as types of categories and their status in language. It also focuses on specific characteristics of categories in various sciences and much attention is paid to level categorization in language

This collection of papers will be welcomed by students, post-graduates, university scholars, as well as by linguists who are interested in cognitive linguistics.

ISBN 978-5-89016-637-1

© SEIHPE «Tambov State University
named after G.R. Derzhavin», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кубрякова Е.С.</i> О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира	13

I. ТИПЫ И СТАТУС КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ

<i>Виноградов В.А.</i> Когнитивная категоризация мира и грамматика	19
<i>Демьянков В.З.</i> «Интеллектуальная революция», «поворот» и «волна» как факторы изменения категоризации в языке науки	26
<i>Болдырев Н.Н.</i> Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания.	45
<i>Заботкина В.И., Боярская Е.И.</i> Явление полисемии и категоризирующая деятельность сознания.	60
<i>Бабенко Л.Г.</i> Общее и специфическое в процедурах категоризации и классификации лексики разной семантико-грамматической природы.	69
<i>Ирисханова О.К.</i> Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах.	78
<i>Безукладова И.Ю.</i> Понятие индивидуального пространства человека и его категоризация в языке.	94
<i>Беляевская Е.Г.</i> Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации).	101
<i>Левицкий А.Э.</i> Проблема частей речи в аспекте категоризации языковых единиц.	110
<i>Пименова М.В.</i> Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира).	119
<i>Пименова М.В., Пименов Е.А.</i> Категории в языке и культуре (изучение ментальное™ посредством особенностей языка)...	129
<i>Потапенко С.И.</i> Языковая репрезентация категорий: данные теории построения перспектив.	137
<i>Садикова В.А.</i> Топика как система «вершинных» языковых категорий.	144

II. КАТЕГОРИИ РАЗЛИЧНЫХ НАУК

<i>Бочарникова Е.А.</i> Отражение концептуализации и категоризации экономических понятий в языке для специальных целей (lsp)	154
<i>Гриценко Е.С.</i> Метонимические модели в тендерной категоризации.	163
<i>Дроздова Т.В.</i> О когнитивно-функциональных основаниях категоризации лексических единиц	171
<i>Кокорина Ю.Г.</i> Структура концептуального поля археологии (на примере терминов вещеведения).	181
<i>Кудрина Н.А.</i> Взаимовлияние естественной и научной категоризации мира.	188
<i>Кузьмина Е.Л.</i> Эволюция категории «высшее общество» в немецком этнокультурном сознании в 19-21 веках: основные тенденции развития.	196
<i>Руссо М.М.</i> Различия и взаимное влияние научной и «наивной» классификаций (на материале «наивной биологии»)....	206
<i>Серова И.Г.</i> Особенности тендерной категоризации в языке ...	216
<i>Симоненко М.А.</i> Метафора как научная категория и как механизм когниции (на примере архитектурной метафоры).	226

III. УРОВНЕВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

3.1. Лексика	233
<i>Алимурадов О.А.</i> От концептосферы к лексике и обратно: проблемы метонимического моделирования ментального пространства языковой личности.	233
<i>Голованова Е.И.</i> Лексическая категория как полиаспектное представление в языке фрагмента мира.	242
<i>Гольдберг В.Б.</i> Виды лексической категоризации в формате прототипической категории.	252
<i>Золотова И.О.</i> Единицы ядра ментального лексикона человека как «типичные примеры» категории.	262
<i>Ивашкевич И.Н.</i> Структура и семантическая организация многофокусных языковых категорий (на примере категоризации пространства).	269
<i>Киселева С.В.</i> Прототипический подход к выявлению содержательного ядра лексем глагола.	281

<i>Клепикова Т.А.</i> Категория логофоричности.	292
<i>Нильсен Е.А.</i> К описанию лексической категоризации темпоральности в современном английском языке.	306
<i>Сулименко Н.Е.</i> О критериях лексической категоризации в ее когнитивном истолковании.	313
<i>Шарандин А.Л.</i> Прототип как концепт и средство познания	323
<i>Щербак А. С.</i> Когнитивные механизмы формирования онома-лексем.	334
3.2. Грамматика.	339
<i>Новодранова В.Ф.</i> Специфика структуры грамматической категории: традиционный и когнитивный аспекты (на материале категории рода).	339
<i>Алтабаева Е.В.</i> Оптативность как категория естественного языка.	346
<i>Белошанкова Т.В.</i> Категория аспектуальности: организация с точки зрения традиционной и когнитивной лингвистики.	354
<i>Беседина Н.А.</i> Роль морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы.	363
<i>Голубева Н.А.</i> Категория грамматических прецедентных единиц (на материале современного немецкого языка).	372
<i>Ильичева Е.Г.</i> Реализация категории релятивности в гипотаксисных конструкциях.	381
<i>Кручинкина Н.Д.</i> Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий.	386
<i>Манаенко Г.Н.</i> Категоризация и классификация в синтаксисе предложения.	397
<i>Теркулов В.И.</i> Категория падежа и семантика глагола: грамматический и концептуальный аспекты взаимосвязи.	407
<i>Фуре Л.А.</i> О метакогнитивной категории в синтаксисе.	417
3.3. Словообразование.	424
<i>Бабина Л.В.</i> К вопросу о словообразовательной категоризации	424
<i>Гармаш Е.Л.</i> Англоязычные аффиксальные морфемы как объект категоризации и концептуализации.	434
<i>Позднякова Е.М.</i> Категория имени деятеля: принципы когнитивной категоризации.	443

<i>Хованова С.Ю.</i> Роль фразовых отглагольных имен в процессах категоризации в английском языке	451
3.4. Текстовая реализация категорий	457
<i>Борискина О. О.</i> О скрытом типе именной категории с точки зрения лексической грамматики	457
<i>Запелова Л.А.</i> Лексическая и грамматическая концептуализация категории единичности (на материале русского и английского языков).	467
<i>Козлова Л.А.</i> Отражение естественной и научной категоризации в подклассах имен существительных.	474
<i>Комарова З.И., Дедюхина А.С.</i> Суперкатегория партиитивности как тип понятийной и языковой категории.	482
<i>Маслова Ж.Н.</i> Категории, репрезентируемые в языке поэтических текстов.	492
<i>Минахин Д.В.</i> Авторские категории и текстовые категории: к вопросу о соотношении понятий.	502
<i>Немирова Н.В.</i> Категория прецедентности в современных газетных текстах.	508
<i>Петрова Н.Ю.</i> Категория когерентности в когнитивно-дискусивном ракурсе (на материале текстов английской драмы)	519
<i>Романова Т.В.</i> Статус и типы текстовых категорий, специфика их формирования и выявления с содержательно-коммуникативной, логической, формально-функциональной точек зрения.	526
<i>Фурашова Н.В.</i> О взаимодействии категорий разных уровней в формировании семантики многозначного глагола	535
<i>Хвесько Т.В.</i> Динамика лексических и грамматических категорий в русском и английском языках.	543

CONTENTS

<i>Kubryakova E.S.</i> On the status of cognitive linguistics among other cognitive sciences and its role in the research of world categorization and conceptualization processes.	13

I. TYPES AND STATUS OF CATEGORIES IN LANGUAGE

<i>Vinogradov V.A.</i> World categorization and grammar.	19
<i>Demyankov V.Z.</i> «Intellectual revolution», «turn» and «wave» as factors of categorization change in science metalanguage.	26
<i>Boldyrev N.N.</i> Categorical level of knowledge representation in language: the modus category of negation.	45
<i>Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L.</i> The phenomenon of polysemy and categorizing mind activity.	60
<i>Babenko L.G.</i> General and specific aspects in processes of categorization and classification of lexis with different semantic and grammatical characteristics.	69
<i>Iriskhanova O.K.</i> De-focusing and categorization in complex lexical units.	78
<i>Bezukladova I. Yu.</i> The concept of person individual space and its categorization in language.	94
<i>Belyayevskaya E.G.</i> Text as space structure (on the problem of categorization levels).	101
<i>Levitkiy A.E.</i> The problem of parts of speech in the aspect of language categorization.*	110
<i>Pimenova M. V.</i> Natural categorization in language (on the example of inner world concepts).	119
<i>Pimenova M. V., Pimenov E.A.</i> Categories in language and culture (studying mentality by means of language specifics).	129
<i>Potapenko S.I.</i> Language representation of categories: the data of a theory of perspectives.	137
<i>Sadikova V.A.</i> Topica as a system of «top» language categories.	144

II. CATEGORIES OF VARIOUS SCIENCES

<i>Bocharnikova E.A.</i> Reflection of conceptualization and categorization of economic notions in language for special purposes.	154

<i>Gritsenko E.S.</i> Metonymical models in gender categorization	163
<i>Drozdova T. V.</i> On the cognitive-functional bases of categorization of lexical units.	171
<i>Kokorina Y.G.</i> Structure of a conceptual space of archeology (on the example of terms of artifact study).	181
<i>Kudrina N.A.</i> Interference of natural and scientific categorization of the world	188
<i>Kuzmina E.A.</i> Evolution of the category «upper class society» in German ethnocultural consciousness in the 19-21 centuries: the basic tendencies of development.	196
<i>Russo M.M.</i> Differences and interinfluence of scientific and «naive» classifications (on the example of «naive biology»).	206
<i>Serova I.G.</i> Specifics of gender categorization in language	216
<i>Simonenko M.A.</i> Metaphor as a scientific category and as a mechanism of cognition (on the example of an architectural metaphor).	226

III. LEVEL CATEGORIZATION OF NATURAL LANGUAGE

3.1. Lexics.	233
<i>Alimuradov O.A.</i> From conceptual sphere to lexics and back: problems of metonymical modelling of mental space of a language user.	233
<i>Golovanova E.I.</i> Lexical category as polyaspectual representation of a world fragment in language.	242
<i>Goldberg V.B.</i> Kinds of lexical categorization in the format of a prototypical category.	252
<i>Zolotova N.O.</i> Core units of a person mental lexicon as «typical examples» of a category.	262
<i>Ivashkevich I.N.</i> Structure and semantic organisation of multifocal language categories (on the example of space categorization)	269
<i>Kiselyova S. V.</i> Prototypical approach to revealing core contents of verb lexemes.	281
<i>Klepikova T.A.</i> Category of logophoricness.	292
<i>Nilsen E.A.</i> On the description of lexical categorization of temporality in modern English language.	306
<i>Sulimenko N.E.</i> On the criteria of lexical categorization in its cognitive inteipretation.	313

<i>Sharandin A.L.</i> A prototype as a concept and a means of cognition	323
<i>Scherbak A.S.</i> Cognitive mechanisms of onomalexes formation	334
3.2. Grammar	339
<i>Novcdranova V.F.</i> Specificity of grammatical category structure: traditional and cognitive aspects (on the example of gender cate-	
<i>Altabayeva E. V.</i> Optativity as a natural language category.	346
<i>Beloshapkova T.V.</i> Category of aspectuality: its organisation in traditional and cognitive aspects.	354
<i>Besedina N.A.</i> Role of morphological categories in language organization as a cognitive system.	363
<i>Fonyóeva N.A.</i> Category of grammatical preceded units in modern German language).	372
<i>Ilyicheva E. G.</i> Representation of relativity category in hypotactic constructions.	381
<i>Kruchinkina N.D.</i> Categorial-propositive construing and language representation of event prototypes.	386
<i>Manayenko G.N.</i> Categorization and classification in syntax	397
<i>Terkalov V.I.</i> Category of case and verb semantics: grammatical and conceptual aspects of interrelation	407
<i>Furs L.A.</i> On the metacognitive category in syntax	417
3.3. Word-formation	424
<i>Babina JI. V.</i> On the problem of word-formation categorization	424
<i>Garmash E.L.</i> English affixal morphemes as an object of categorization and conceptualization.	434
<i>Pozdnyakova E.M.</i> Category of agent: principles of cognitive categorization	443
<i>Khovanova S. F.</i> The role of phrase verbal names in processes of categorization in English language.	451
3.4. Textual realisation of categories	457
<i>Boriskina O.O.</i> On the latent type of a nominal category in lexical grammar.	457
<i>Zapevalova L.A.</i> Lexical and grammatical conceptualization of category «singularity» in Russian and English.	467

Kozlova L.A. Reflection of natural and scientific categorization in noun subclasses.	474
Komarova Z.I., Dedyukhina A.S. Supercategory of partitivity as a type of conceptual and language category.	482
Maslova Zh.N. Categories represented in poetic texts.	492
Minakhin D. V. Author's categories and text categories: the problem of concept correlation.	502
Nemirova N. V. Category of precedent in modern newspaper texts	508
Petrova N. Y. Category of coherency in cognitive-discourse aspect (on the example of English drama texts).	519
Romanova T. V. Status and types of text categories, specificity of their formation and revealing their communicative, logic, formal and functional aspects.	526
Furashova N. V. On the interaction of different levels categories in the formation of polysemantic verb meaning	535
Khvesko T. V. Dynamics of lexical and grammatical categories in Russian and English.	543

Е.С. Кубрякова

Е.С. Кубрякова (Москва)

**О МЕСТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ СРЕДИ
ДРУГИХ НАУК КОГНИТИВНОГО ЦИКЛА И О ЕЕ РОЛИ
В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ КАТЕГОРИЗАЦИИ
И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА**

На современном этапе развития науки наблюдается изменение отношения к когнитивной науке (далее - КН) - она получает официальное признание. Ведь факт государственной поддержки означает не только открытие новых центров по когнитивным исследованиям в крупнейших университетах и вузах страны. В известной мере он кладет запрет на отрицание ее значимости для общества в целом - во всяком случае, на публичных мероприятиях. Но гораздо важнее оказывается тот факт, что внимание общественности должно быть привлечено и к развитию КН и популяризации ее задач, и к подготовке новых научных кадров. Все это, конечно, очень радует тех ученых, которые, борясь со скептическим отношением к КН вообще и когнитивной лингвистике, в частности, посвятили свою деятельность делу ее продвижения и разъяснения, по крайней мере, в течение двух последних десятилетий. Мы просто должны продолжить эту работу и всячески содействовать ее совершенствованию.

Вместе с тем возрастает роль непосредственно когнитивной лингвистики (далее - КЛ) среди других наук когнитивного цикла, происходит утверждение мнения о ней как едва ли не системообразующей дисциплине - наряду с психологией - а, значит, и разъяснение ее особого места в когнитивной парадигме научного знания в целом. Это объясняется спецификой роли КЛ абсолютно во всех процессах категоризации и концептуализации мира, осуществляемых людьми - притом как в обыденной их жизни, так и, естественно, в деятельности научной. Никакое обобщение человеческого опыта было бы невозможно ВНЕ ЯЗЫКА, БЕЗ ЯЗЫКА: от одного человека к другому, а, главное, от одного поколения к другому, была бы невозможна ПЕРЕДАЧА и знаний, и умений, и всего накопленного опыта по взаимодействию людей с миром; лишь существуя в виде системы знаков язык и совершает свою главную задачу. Он объективирует всю информацию, поступающую к человеку ИЗВНЕ с помощью материальных знаков, обеспечивает все виды деятельности с информацией, либо

О месте когнитивной лингвистики среди других наук

давая обозначения ее отдельным фрагментам, либо служа их аналитическим дескрипциям и их описанию.

В принципе можно с полным на то основанием утверждать, что вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т.п. - по КАТЕГОРИЯМ, носит всегда в конечном счете ЯЗЫКОВОЙ ХАРАКТЕР. Не будучи воплощенной в языковые единицы, языковые формы, комбинации этих единиц и этих форм в дискурсе, ни сама эта деятельность, ни подведение ее ИТОГОВ, просто не могли бы существовать. Никакие науки, никакие отрасли знания, никакие теоретические и практические виды деятельности невозможны без создания терминологических систем, без оформления научного (языкового) аппарата их представления. Но то же относится и к простому обмену мнениями между людьми, а, следовательно, и создания средств их выражения. Обо всем этом и следует напомнить еще раз не только для констатации в качестве главной функции языка ее ОРИЕНТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ, как мы об этом неоднократно писали и ранее, и не только для того, чтобы подчеркнуть значимость языка в создании любых терминологических систем. Главное - отметить всю важность теоретической лингвистики как таковой, занимающейся разработкой относящихся сюда проблем, и, конечно, ответственность лингвистов, особенно лингвистов-когнитологов, впервые поставивших в пределах своей КН вопросы о КОНСТРУИРОВАНИИ мира (*the construal of the world*) при его «портретировании», а, точнее, при его интерпретации и «преломлении» в языке. Мне кажется, что само введение этого термина в КН явилось следствием отказа от мысли о том, что язык отражает мир и что вообще онтологически существующая вне нас реальность может быть, так сказать, в готовом виде представлена в языке, как в зеркале. Эту метафору - об отражении мира в языке - следует, на наш взгляд, трактовать антропоцентрически, то есть в том смысле, что в языке окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята - увидена, осмыслена, понята человеком.

Мир расчленен человеком и представлен в разных языках по-разному именно потому, что в каждом естественном языке он выступал исключительно в виде итогов по-разному протекавших в соответствующих языках процессах категоризации и концептуализации мира. Приходится в этой связи указать и на то, что эти процессы осуществлялись как экологически, так и чисто исторически в неодинаковых условиях и что они проявляли вследствие этого обусловленность множе-

Е.С. Кубрякова

ством факторов, среди которых и эволюционные факторы, и погруженность людей в разные типы и разные структуры их практической деятельности были далеко не тождественны. А раз так, то нетождественными и вариативными оказывались не только сами формируемые в указанных процессах категории, но и их ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, их строение, их иерархия, и даже их типы.

К сожалению, приходится констатировать, что в материалах, присланных к нашему Круглому столу, эти темы почти полностью отсутствуют, и мне придется, вернувшись к истокам когнитивизма, заново рассмотреть его исходные установки. Отсутствие историографических данных о действительном положении дел в КН - при том как за рубежом, так и особенно у нас в стране, а также отсутствие адекватных учебников по КН и КЛ делает мою задачу достаточно сложной (уже в силу ограничений на объем выступления), но отнюдь не лишает ее актуальности.

Так, например, важно вспомнить и то, что становление КН было связано с осознанием того факта, что перед научным сообществом второй половины прошлого века встал целый ряд сложнейших проблем, касающихся человека и планирования его поведения, решение которых было явно не под силу ОТДЕЛЬНЫМ наукам и возникающим в их недрах прикладным задачам. Все это и побуждало необходимость МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ исследований. Вспоминая впоследствии о Симпозиуме по теории информации 1956 г., один из создателей КН психолог Дж. Миллер писал уже 1979 г.: «... я покинул симпозиум с глубоким убеждением в том, что экспериментальная психология, теоретическая лингвистика и симуляция когнитивных процессов на компьютере - все это части какого-то большего целого и что будущее увидит его прогресс, дальнейшее его развитие и их координацию. Я работал над его достижением около двадцати лет еще до того, как понял, как назвать его» ([Miller 1979], цит. по: [The Making ..., 1988]). К указанному им времени и были сформулированы главные установки когнитивизма с его ориентацией на познание человеческого разума и интеллекта и на тщательный анализ их составляющих - восприятия, внимания, воображения, памяти и способностей решать встающие перед нами проблемы.

Центральными топиками КН становились когниция и язык, а поскольку изучающей его областью знания являлось в то время трансформационная грамматика, первый этап становления когнитивизма испытал на себе мощное влияние Н. Хомского. И хотя в экспериментальных гипотезах тогдашних психологов гипотеза Хомского о порождении речи и

О месте когнитивной лингвистики среди других наук

роли в них неких ядерных трансформаций подтверждения не получила, и именно это способствовало разрыву КН с генеративизмом примерно к началу 80-х гг. прошлого столетия, КН унаследовала от учения Хомского и интерес к ментальным репрезентациям языка, и определение когниции как процесса осмысления мира человеком в актах его повседневного столкновения и взаимодействия с ним (в отличие от научного познания действительности) и, наконец, стремление изучить языковую способность в ее связи с получением знаний. Таким образом, волею судеб у истоков КН оказались два таких великих мыслителя, как психолог Дж. Миллер и лингвист Н. Хомский. Небезынтересно отметить поэтому, что революционный переворот в науке той поры именуется либо как *Chomskian turn*, либо как *cognitive turn*. Мы же считаем, что подлинной революцией в лингвистике был сам переход от генеративизма к когнитивизму и обращение этого последнего к новым проблемам анализа структур знания в их соотносительности с языком, а, следовательно, непосредственно к исследованию особенностей категоризации и концептуализации мира. По сути дела это и ознаменовало возникновение КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ как отдельной теоретической дисциплины и закрепило ее статус как одной из ведущих отраслей знания в науках когнитивного цикла. Ее официальное признание в 1986 г. в Дуйсбурге (Германия) уже было фактически подготовлено трудами Т. Телми, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, с одной стороны, и работами Ж. Фоконье, М. Тернера, А. Гольдберг и Ив Суитсер, с другой, которые прокладывая новые пути в понимании языка и задач лингвистики, выступали уже как ярые противники генеративизма.

В упомянутых трудах (а также в работах такого замечательного концептуалиста, как Р. Джекендофф) уже содержались важнейшие положения о разных аспектах концептуализации и категоризации мира и уже были намечены некоторые рубрики в типологии и содержании категорий. И хотя наибольшие достижения когнитивной семантики можно, на наш взгляд, связать с разработкой идей пространственной концептуализации, с анализом метафор и метонимий, с мыслями о механизмах концептуальной интеграции и процессах самого *blending'a* (слияния разных ментальных пространств) и т.п., успехи КЛ на этом втором этапе ее развития уже касаются не только достижений зарубежной науки. В 1995 г. в отечественной науке появляются первые обзоры по структурам знания и в тандеме Москвы и Тамбова начинают проводиться специальные конференции и встречи, посвященные разным аспектам КЛ. Эта же деятельность находит свое отражение в Круглых столах, проводимых в ИЛ РАН, и здесь активно разрабатываются вопросы

Е.С. Кубрякова

ооизации и концептуализации окружающей нас действительности и
кз обно освещаются проблемы, связанные со статусом и организацией
По мматических, лексических и словообразовательных категорий. В этом
^ете становится понятным, почему обращение к перечисленным выше
категориям на нашем Круглом столе далеко не случайно. Ведь несмотря
на длительную историю изучения указанных процессов в них остаются не
до конца решенными следующие вопросы:

— о возможности выявить черты отличия процесса категоризации от классификации и можно ли считать, что категоризация является особой ее разновидностью;

— каков порядок введения в действие процессов категоризации и концептуализации и что оказывается в этом порядке опережающим фактором (то есть что чему предшествует: создание такого ментального конструкта, как концепт, или, напротив, объединение каких-то сущностей в единое целое, получающее в языке обозначение и признание последнего ИМЕНЕМ концепта);

- какие противопоставления должны включаться в ТИПОЛОГИЮ категорий.

Думается, что среди противопоставлений, включенных в типологию категорий, должны быть включены следующие:

- основанные на объединяющих их кластеры признаков (это позволяет выделить, с одной стороны, классические категории, характеризующиеся полным повторением набора признаков, vs категории, с другой, в которых такие кластеры варьируются);

- среди категорий, охватывающих единицы с разными наборами признаков, следует различать противопоставленные по числу кластеров, организующих категорию в некое единство (это позволяет противопоставить однофокусные, двухфокусные и многофокусные);

- базирующиеся на различиях в варьировании признаков внутри выделяемых кластеров (это позволяет противопоставить категории, построенные по прототипическим признакам, то есть с равнением на лучший образец самого кластерного объединения, с одной стороны, и выделяя, с другой, категории, организованные по принципам фамильного сходства, где переход от одного кластера к другому сопряжен в изменением главного признака этого кластера).

С когнитивной точки зрения следует учесть также различия признаков в кластере по их содержанию: в то время как одни категории включают единицы с одними перцептивными характеристиками, Другие содержат лишь неперцептивные, абстрактные признаки. И, на-

О месте когнитивной лингвистики среди других наук

конец, третьи охватывают смешанные свойства (ср. противопоставления, обнаруживаемые у предметных имен в отличие от абстрактных).

Наконец, с семиотической точки зрения можно, на наш взгляд, учесть оппозиции категорий по свойствам их референции, т.е. по наличию или же отсутствию у единиц референта, обладающего или нет референта (денотата) с остенсивно определяемыми качествами.

Можно, конечно, и даже нужно принимать во внимание и собственно лингвистические свойства категории, которые мы усматриваем в специфике соотношения формы в соответствующей категории с фиксируемым ею содержанием, а также противопоставить категории с разными (альтернативными) формами их выражения или же учесть и другие средства оппозиции форм. В докладе будут, конечно, приведены примеры на все эти противопоставления и предусмотрены возможности строить типологию категорий и на этих основаниях. Но уже, по всей видимости, и сказанного выше достаточно, чтобы подчеркнуть его итог: вряд ли возможно построить типологию категорий на каком-то едином принципе или даже предвидеть сведение реального многообразия категорий к их конечному списку.

Языки мира являют собой примеры членения мира не только на разных основаниях, но и зависимость этих оснований от особенностей самих языков, разных от условий их возникновения и формирования в нетождественных исторических, географических или же экологических условиях, уже не говоря об условиях социологических и культурологических. Каждый отдельный естественный язык к тому же репрезентируется своей неповторимой, воистину уникальной СИСТЕМОЙ ЗНАКОВ, и именно это его свойство позволяет выйти в описание мира за пределы непосредственно наблюдаемых объектов, процессов и явлений, а, следовательно, с помощью чисто семиотических операций («знак за знак») не только конструировать вымышленные, воображаемые и нередко фантазийные сущности, но и строить, таким образом, иные возможные миры. Язык позволяет тем самым расширить и развить границы сознания человека, предписанных ему биологически первоначально, по природе и познавать не только окружающую его реальность, но и всю ВСЕЛЕННУЮ.

Литература

The Making of Cognitive Science / Hirst W. (ed.). Cambridge Univ. Press, 1988.

1.ТИПЫ И СТАТУС КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ

В.А. Виноградов (Москва)

КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА И ГРАММАТИКА

«*Во мне конец, во мне начало*». Едва ли Владислав Ходасевич догадывался об этимологической тождественности двух употребленных им в контрастной конструкции существительных, которые в современном русском лексиконе действительно связаны отношением антонимии. Это нечастый пример того, как древний энантиосемический корень впоследствии дает жизнь двум лексическим антонимам; впрочем, здесь мы видим не вполне чистый случай праязыковой энантиосемии, поскольку данный корень существовал в двух чередующихся вариантах полной ступени *ken- / *kop- (а также в варианте нулевой ступени *kn8-). Аблаутные альтернанты, к тому же отраженные в фонетически различных рефлексах, ожидаемо соотносятся с семантической девиацией: *ken- через ряд фонетических превращений дает (чя-) > Са- (ча-), представленное в слове *на-ча-ло* | *kop- сохраняется в первозданном виде в *кон-ец*.

Антонимичность лексем *конец* - *начало* снимается в приведенном афористичном зачине стихотворения «Памятник» совмещением, казалось бы, несовместимого в одной точке - *Я*, причем когнитивная интерпретация данной микроситуации допускает как временное, так и пространственное прочтение. А этот факт, в свою очередь, подталкивает к допустимому, но экспериенциально смелому совмещению образов пространства и времени - хотя бы на уровне вербальных манипуляций, к которым побуждает сам язык многочисленными двусмысленностями: как гласит одна немецкая пословица, "alles hat ein Ende, nur urst hat zweie" «у всего есть конец, только у колбасы их два». Здесь

1. Типы и статус категорий в языке

смысловой парадокс опирается на совмещенность пространственно-временных интерпретаций в лексеме Ende. Но то же самое возможно и при разных лексемах, как в рассматриваемом случае с *началом* и *концом*. Не углубляясь в дальнейшем в проблему пространства и времени как важнейших когнитивных категорий, отметим, однако, один из постулатов познания М.К. Мамардашвили, представляющийся актуальным при обсуждении затронутых вопросов: «Хронотоп, то есть связь времени с пространством, его превращения в пространство и наоборот, подчинены определенным ограничениям: 1) вносятся мнимости или мнимые значения; 2) связь пространство-время не является универсальной, то есть мнимости имеют интерпретацию только для одного пространства. Следовательно, происходит расщепление объекта и созданной его модели (человеческой) в данном пространстве-времени (всегда каком-нибудь)» [Мамардашвили 1996: 23].

По поводу обсуждаемой здесь (условно) антонимической пары уже писалось прежде, ср. группу докладов на конференции семинара Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка», посвященной семантике начала и конца ([Мечковская 2002; Матвеевко 2002; Баранов, Добровольский 2002 и др.]). Множество языковых фактов говорит о тождественности антонимичности и смещении ее в сторону семантического тождества - вспомним, например, близкие по значению (квазисинонимичные) лексемы *исконный* - *изначальный* или случаи типа *Из конца в конец колонны / «По маши-и-нам!» донеслось* (А.Т. Твардовский), где объект *колонна* якобы имеет концы, но не имеет начала. При всем этом «начало» и «конец» многими авторами трактуются как концепты, весьма существенные в разных языковых картинах мира, но в то же время дискурсивно неустойчивые.

Их смысловая близость и даже совпадение не заложены в их концептуальном содержании, которое, наоборот, предполагает их разность и противоположение. Можно думать, что специфика проявления концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ обусловлена типом когнитивной интерпретирующей модели для тех или иных областей действительности, и эта модель является рамочным парадигматическим контекстом для данных концептов. В соответствии с общей моделью интерпретации актуализуются определенные образные схемы, непосредственно лежащие в основе фрагментов языковой картины мира (как следует из разработанной Дж. Лакоффом теории когнитивной семантики [Лакофф 2004: гл. 17]).

Б.А. Виноградов

Одну из таких возможных моделей можно определить как циклично-круговую, в которой конец одного цикла есть начало другого, а внутри цикла по тому же принципу связаны отдельные состояния (интервалы), подобно смене времен суток или времен года: конец ночи есть начало утра, конец зимы есть начало весны и т.д. Именно в рамках этой модели, прототипически темпоральной, естественно ожидать совпадение концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ, в отличие от модели другого типа - векторного, прототипически пространственного, когда движение предстает в виде направленной линии от исходной точки к конечной цели с прохождением ряда состояний, при возможности общей локализации объекта относительно некоторого ориентира; именно в этом случае применяется образная схема пути «ИСТОЧНИК - ПУТЬ - ЦЕЛЬ» Дж. Лакоффа [Лакофф 2004: 358-362]. Такая модель обеспечивает более четкое противопоставление начала и конца, предстающих в виде обобщенных термов SOURCE - TARGET.

Когнитивная значимость начальной и конечной частей линейного пространства или физического объекта (типа улицы или очереди) может маркироваться на основе механизма метафоры и метонимии через ту же образную схему. Например, начало и конец улицы соотносятся с нумерацией домов, соответствующих отрезкам воображаемого или реального пути (метонимия), а если нумерация не принимается в расчет, различие начала и конца опирается на образную схему «ЦЕНТР - ПЕРИФЕРИЯ» с точкой отсчета в виде реального или условного центра: та часть, которая ближе к центру, является началом. Для улицы это некоторая конструктивная часть городского ландшафта (центральная площадь, храм, памятник и т.п.), для очереди - условный (метафорический) центр в виде вожака, прилавка, окна кассы, двери музея и др.

Когнитивная значимость элементов картины мира, то есть их семантическая категоризация, выражается прежде всего в наличии соответствующей именной и глагольной лексики и фразеологии (*начало - конец, начальный - конечный, начинаться - кончать(ся), конец - делу венец* и их синонимы), но также (а может, в первую очередь) наличие словообразовательных и грамматических категорий, в совокупности с лексикой формирующих крупные единства, называемые в школе А.В. Бондарко [Бондарко 1987] функционально-семантическими полями, соответствующими языковому компоненту концептуальных полей.

1. Типы и статус категорий в языке

С концептами НАЧАЛО - КОНЕЦ в грамматике соотносится категория фазовости, представляющая действие (реже - состояние) разложенным на фазы, отражающие его начало, продолжение и завершение, причем наименее грамматикализованной является средняя фаза, для выражения которой используются сочетания с фазовым глаголом *продолжать* или с другими уточняющими словами типа *по-прежнему, все еще*, ср. *запел - продолжает петь - допевает, заболел - все еще болеет - добавляет, начинает писать - продолжает писать - дописывает*.

В работе 1980 г. Ю.Д. Апресян семантически определил фазовые значения продолжения и завершения как производные от значения начинания, которое, таким образом, является базовым: «Общим компонентом значения всех фазовых глаголов является смысл 'начинать'. Действительно, *начинать P* = 'начинать P', *переставать P* = 'начинать не P', *продолжать P* = 'не переставать P' = 'не начинать не P'» [Апресян 1995: 30] (см. также [Храковский 1987: 153-155]). Отметим, что в аспекте концептуального анализа НАЧАЛО и КОНЕЦ являются скорее асимметричными, причем когнитивно более значимым представляется именно КОНЕЦ вследствие его очевидного тяготения к концепту ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ.

Далеко не во всех языках имеются морфологические средства выражения фазовости, но лексически и синтаксически эта когнитивно значимая категория получает вполне ясное выражение. В рамках активно развиваемой модели «Смысл \leftrightarrow Текст» для описания семантических категорий на синтаксическом уровне разработан метод лексических функций, регулирующих лексемную сочетаемость (близкую к фразеологизации) и синонимическое перифразирование и в широком смысле аккумулирующих когнитивный опыт прямых и особенно метафорических номинаций. Среди этих функций есть и функции *Inser* и *Fin*, соответствующие нашим концептам НАЧАЛО и КОНЕЦ, ср. *Inser* (любовь) —» *начинаться, зарождаться, вспыхивать*; *Fin* (любовь) —» *кончаться, умирать, растаять* (о лексических функциях см. [Мельчук 1974: гл. 1]; см. также: [Кустова 2002]).

Семантические (понятийные) категории - как чисто лексические, так и в той или иной степени грамматикализованные - формируют совокупный, сложно организованный план когнитивного содержания языка. Языки различаются не только набором своих категорий, но и их лингвистическим статусом в том или ином языке. В одних случа-

ях категория остается чисто лексической и не имеет обязательных формальных показателей, при этом категориальное значение является базовой частью словарного толкования. В других случаях она выступает как *грамматическая категория* со своим *обязательным* набором формальных средств *регулярного* выражения (ср. определение словоизменительной категории в [Мельчук 1997: 249]) и описывается в сфере грамматики на основе выделяемых грамматических значений. Приобретение категорией статуса грамматической перемещает ее в ядро категориальной системы языка, охватывающее те семантические компоненты концептов, которые выводятся из-под сознательного контроля говорящего при оперировании ими в дискурсе, словно когнитивный императив ставит защиту над опорными смыслами языковой картины мира.

Обязательность выражения как черта, отличающая грамматическую категорию от лексической, была впервые вскрыта Ф. Боасом; «грамматика воистину *ars obligatoria*, как называли ее преподаватели классических гимназий, поскольку она обязывает говорящего принимать решения типа "да" - "нет"» [Якобсон 1985: 233]. Разделение грамматических категорий на словоизменительные и классифицирующие (см. [Зализняк 1967]) отражает два когнитивных процесса категоризации мира, различающихся, как можно полагать, разной ментальной глубиной «залегания». По-видимому, с этим обстоятельством связана известная универсалия: если в языке есть грамматическая категория рода, то в нем есть и грамматическая категория числа [Гринберг 1970: 140]. В данном случае речь идет о том, что наличие развитой классификативной категории предполагает наличие словоизменительной категории, определенным образом сопряженной с ней.

Категориальная система языка имеет свою парадигматику - внутреннюю и внешнюю. Внутренняя включает субкатегориальные значения, в сумме составляющие данную категорию; они находятся в отношении дополнительного распределения, определяемом на множестве единиц, обладающих рассматриваемой категорией, то есть эти значения несовместимы в пределах одной лексемы или словоформы. При этом они подвержены изменениям и могут либо изменяться в количестве, либо трансформироваться в новое субкатегориальное значение (внутренняя деривация категории), либо дать жизнь новой категории (см. об этом для индоевропейских языков [Курилович 1965]). Так, в категории числа обычным является исчезновение значения двойст-

1. Типы и статус категорий в языке

венности, в категории аспектуальности развитие итератив > дуратив, а категория собирательности повсеместно служит питательной почвой для развития субкатегории множественности.

Внешняя парадигматика охватывает противопоставления категорий, обратной стороной которых является их сопряженность, выражающаяся в совместимости или несовместимости категориальных значений в рамках словоформ; на эту область категориальной парадигматики обратил внимание Р.О. Якобсон [Якобсон 1972: 108]. Например, в русском языке категория рода позитивно сопряжена (совместима) с категорией числа в контексте субкатегориального значения «единственное число», и одновременно негативно сопряжена (несовместима) с указанной категорией в контексте «множественное число», где происходит парадигматическая нейтрализация родовых различий. Таким образом, в системе языка одна категория может выступать в качестве контекста реализации другой категории, как это происходит в русском и других славянских языках с классификативной категорией одушевленности-неодушевленности, контекстом проявления которой служит словоизменительная категория падежа (точнее, формы вин.п. ед.ч. и род.п. мн.ч.) при корректирующем контексте категории рода (встречаю поезд / карету / брата / сестру // встречаю поезда / кареты / братьев / сестер). В результате подобных межкатегориальных взаимовлияний могут видоизменяться имеющиеся категории и складываться новые; в качестве примера можно сослаться на сложное взаимодействие категорий определенности-неопределенности и собирательности, из которого проступают контуры новой категории числа с бинарной оппозицией единственности-множественности [Виноградов 1988: 172].

Литература

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 8-101.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. «Начало» и «конец» в русской идиоматике // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 27-35.

Б.А. Виноградов

Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 5-39.

Виноградов В.А. Типологическая реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 157-180.

Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). М., 1970. С. 114-162.

Запизняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С. 400-433.

Кустова Г.И. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться' / 'кончиться') // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 69-82.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). М., 1996.

Матвеевко В.А. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 96-108.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <*> Текст». М., 1974.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.; Вена, 1997.

Мечковская Н.В. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 109-120.

Храковский В.С. Фазовость // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 153-195.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113.

Якобсон Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985. С. 231-238.

**«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»,
«ПОВОРОТ» И «ВОЛНА» КАК ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ
КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ НАУКИ***

Введение

Об интеллектуальной революции часто говорят как о том, что еще до сих пор актуально, развивается в ходе этой революции. Особенно же часто - как о том, что еще только обещает принести плоды. Например, так говорили во времена структурализма [George, George 1972: xxix], благотворные не только для языкознания и литературоведения, но и для смежных дисциплин [Lanigan 1988: 157]. Если же актуальность утрачена, говорят о «прошедшей революции» или «перевороте». Все указанные термины связаны с изменением системы категорий - «категоризации»¹, в рамках которой формулируются методы и результаты научных исследований.

* Публикация подготовлена в рамках реализации АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)» Министерства образования и науки РФ (№ 2.1.3/5061 «Контрастивное исследование языков и культур: Россия и Западная Европа», рук. В.З. Демьянков), Программы «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» (2009-2011 гг.) Отделения историко-филологических наук РАН; при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-04-00173а «Влияние русско-немецких культурных связей на формирование лексики и фразеологии русского литературного языка», рук. А.А. Зализняк) и Министерства образования и науки РФ (грант для поддержки ведущих научных школ № НШ-5837.2010.6 «Креативность в современных коммуникативных практиках (российский и западный ареалы)», рук. ак. Ю.С. Степанов; государственный контракт № 02.740.11.0370 «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», рук. ак. Ю.С. Степанов).

¹ Ср.: «The verbalizing of extralinguistic entities is always related to the problem of categorization. According to the framework of cognitive linguistics, categories have a prototypical internal structure and their external hierarchical relations show a different cognitive profiling (superordinate / basic / subordinate level). It now appears that diachronic semantic processes often involve questions of categorization and of prototypicality» [Blank, Koch 1999: 4]. Для когнитивной лингвистики принципиально важным является следующее положение: «[...] the world is not objectively reflected in the language: the categorization function of the language imposes a

В.З. Демьянков

Интеллектуальная революция

Творческий человек выделяется своей предрасположенностью к легкому изменению привычных категоризаций: он - «интеллектуальный оптимист», всегда готовый увидеть позитивную революционность во всем новом и необычном, если только не слишком очевиден абсурд этого нового. Переубедить его можно, только показав, что сами формулировки автора теории логически противоречат друг другу: такой прием иногда называют «интертекстуальным анализом» [Boudreau 1996: 23-24]. Однако сверхоптимист и после такого опровержения часто бывает готов утверждать: «Это свидетельствует о том, что мы еще не до конца поняли всю глубину мысли автора теории, а потому я остаюсь сторонником этой теории даже после подобного опровержения ее».

Главными разновидностями интеллектуальной революции являются: научная революция, техническая революция, а также революция в экономике, в искусстве и в политическом устройстве общества. Здесь мы сосредоточимся на свойствах научной революции как причине и следствии «перекатегоризации».

Высказывания в научных текстах состоят из описывающих и объясняющих частей. Запас наблюдений над материалом растет со временем до тех пор, пока не обнаруживаются противоречия между разными данными в рамках господствующей теории¹. Очень часто меняется только объясняющая, но не описательная, чисто «эмпирическая» часть [Тулмин 1972: 84]. В научной революции хотят видеть сочетание новых фактов с новыми гипотезами объяснения [Wright 1971: 169], когда одно вытекает из другого и немислимо без него. Пропоненты революционного взгляда полагают: «Если бы не революция, мы не открыли бы новых фактов. И наоборот, мы не выдвинули бы новых гипотез, если бы не обнаружили новых фактов».

Иначе говоря, изменения в категоризации материала исследования связаны с изменением категоризации понятийного аппарата.

Чтобы констатировать революционность, «новый» взгляд соотносят со «старым» и оценивают как предпочтительный: термин *рево-*

structure on the world rather than just mirroring objective reality. Specifically, language is a way of organizing knowledge that reflects the needs, interests, and experiences of individuals and cultures» [Geeraerts 1997: 8].

П.К. Фейерабенд полагал, что научная революция - результат такого разрыва [Feuerabend 1991], однако человек никогда не может быть вне какой-либо теории - оттого-то и возникает новая теория или версия теории; см. [Preston 1997:210].

1. Типы и статус категорий в языке

люция содержит в себе оценку. Сопоставление взглядов при такой оценке предполагает установление соответствия между двумя категориальными системами. Констатация интеллектуального прогресса опирается на хотя бы приблизительное соответствие, установленное между старой и новой теориями (ср. «принцип соответствия» Н. Бора). Это предполагает установление текстуальных, терминологических, даже чисто «идейных» параметров соотнесения, ср. [Pearce, Rantala 1985: 15].

Однако при этом возникает следующий вопрос. Новые категоризации, опирающиеся на переосмысление старых терминов, приносят и новые понимания этих старых терминов. Так на каком понимании - на старом или на новом - должно базироваться оценочное сравнение теорий?

Действительно, интеллектуальная революция приводит к смешению старого научного языка с новым, подобно тому, как это происходит в обыденной жизни. Новое поколение общается со старым и достигает с ним взаимопонимания, однако, не абсолютного, а только в степени, необходимой (но не обязательно достаточной) для каждой из сторон¹. Старое поколение ворчливо называет это «интеллектуальным загрязнением окружающей среды» [Stegmüller 1986a: 1]. А представители нового берут на себя роль санитаров, или корректоров для старых взглядов в «доме для престарелых идей».

Когда меняется тематическая направленность в рассмотрении одних и тех же вещей [Holton 1973], меняются и сами понятия: те компоненты значения, которые раньше были существенными, теперь нивелируются, и наоборот, малосущественное в объеме понятия становится, по общему мнению, существенной или даже главной стороной.

Во время революции никакая сторона еще не вправе претендовать на истину. Революция - «рискованное предприятие», это заложено в подсознании самих «революционеров», отсюда и их революцион-

¹ Например, К. Попперу в теории научных революций Т. Куна [Kuhn 1973] наиболее подозрительным казался термин *нормальная наука* [Stegmüller 1986a: 295], а не положения последнего, не в последнюю очередь и потому, что семантика английского *science* отлична от семантики *Wissenschaft* в родном для Поппера немецком языке [Hoynigen-Huene 1989: 16]. Да и сам термин *революция* оценивается обществом, недавно обжегшимся на социальной революции (как в Германии, России, Австрии своего времени), не так же, как обществом, очень давно пережившим социальные революции (как в Великобритании или США).

В. З. Демьянков

ный пыл. Ведь «революционеры» часто выступают за те взгляды, главное достоинство которых - не окончательная доказанность. В истине этих взглядов революционеры далеко не всегда имеют возможность убедиться «доопытным путем». Главным притяжением обладают неизбежность, небанальность (иногда только мнимые¹) нового и свежего взгляда на старые вещи - на то, что еще недавно могло вызывать сомнения и что объявляется пережитком прошлого (как психоанализ в психиатрии и марксизм в философии в конце 20 в. [Shorter 1997: vii]). Ведь «революционеры» - по крайней мере, в науке, - по большей части сами выросли в старом интеллектуальном мире и в нем остается привычная им старая категоризация. Новая категоризация является своеобразным пиджином, с помощью которого специалисты объясняются между собой в момент становления нового концептуального аппарата: старые элементы в нем перемежаются новым, что приводит к выражениям, строго говоря, неправильным ни для старого языка, ни для нового (типа «Твоя моя не понимай»). Лишь для поколений, вырастающих после такой революции, новая концептуализация - новый научный язык - становится родной, то есть, «креолизируется» (если выражаться в терминах социолингвистов). На этом «креольском» научном языке новые поколения слышат и усваивают научные «колыбельные» (учебники и монографии), этот язык постепенно «стандартизируется», приобретая по возможности максимальную логическую и грамматическую состоятельность («когерентность», несампротиворечивость). Новые установки являются родными для последующего поколения ученых, обладают стандартами правильности, «нормальности», а потому утрачивают ореол революционности.

Можно различать *глобальную* и *локальную научные революции*, или общеродовое и специфическое употребления термина *научная революция* в значении 'скачкообразное изменение господствующего образа мыслей в науке' [Cohen 1994: 21]. Для первой характерно изменение самого отношения к научному занятию, к критериям научности, а также к научным институциям (к возникновению различных академий, лабораторий, научных обществ и т.п.). Так, в европейской науке время 16-17 вв. (особенно первое десятилетие 17 в.) связывают с возникновением новых критериев научности и профессиональности в науке [Rossi 1991/97: 265]. В частности, парадигма физики Ньютона (1642-1727) была и часто остается идеалом таких наук, как химия,

Ср. [Heath 1978: 86-87] о «революционности» реляционной грамматики.

1. Типы и статус категорий в языке

биология, отчасти общественных наук [Neuser 1995: 1]. Более того, изменения научных парадигм связаны с изменением установок в иных интеллектуальных сферах: в литературе, искусстве, образе жизни и т. п. [Коугё 1980]. С приходом взгляда, что мир бесконечен в пространстве и времени, пришло и осознание бесконечности жизни в иных сферах, за пределами науки. Локальные научные революции происходят гораздо чаще, чем глобальные, затрагивают интересы отдельно взятых наук и не создают подобных междисциплинарных парадигм.

Революция лежит на границе интеллектуальных эпох, более или менее непрерывных в пространстве и времени. Из этих эпох и состоит история науки [Blumenberg 1976]. Эпохи различаются тем, какие задаются вопросы (то, что в одну эпоху представляется существенным, в другую оказывается фантазией, не имеющей отношения к делу, или догматизмом), какие ответы на них ожидаются и насколько допустимы разноречивые ответы на одни и те же вопросы. Господствует тенденция к равновесному состоянию, без которого любая система разрушается. (Революция является проявлением, а не причиной, нарушения этого баланса, который затем постепенно восстанавливается.) При чтении текстов основоположников новой парадигмы (скажем, Гейзенберга, Бора, Эйнштейна или Хомского) бросается в глаза заостренность, эксплицитность тех моментов, в которых они расходятся со своими предшественниками. И только со временем, в результате балансировки, эти острые углы становятся все менее заметными [Neuser 1995: 18]. Как *эволюцию* или как *революцию* мы часто характеризуем одни и те же явления, в зависимости от того, из какой временной точки мы их наблюдаем. Т. Кун [Kuhn 1962] говорит о революциях, поскольку его точкой наблюдения является тот период, когда баланс теряется. А в последующую эпоху интеллектуальные волнения прошлого кажутся скорее эволюционными, на которые следует смотреть с философским спокойствием так же, как мы смотрим на биологическую эволюцию, ср. [Beach 1997: 11].

В эпоху, окружающую во времени социальную интеллектуальную революцию, наблюдается бурный рост количества имен, связанных с развитием новой идеи. Не всегда *post factum* можно выделить одну, центральную фигуру, однако всегда наблюдается большое количество сторонников, не просто следующих этой идее (такое ограниченное следование можно было бы назвать интеллектуальной модой), а «авторски» (то есть, с авторским правом на явные творческие ростки) развивающих общую идею. Таково, скажем, свойство социальной ре-

В. З. Демьянков

волюции: например, имя центральной фигуры Великой французской революции до нас не дошло, но в памяти остались революционеры, такие как Робеспьер и Дантон. Таково же положение в технике: лазерная и компьютерная революции в общественном сознании обывателя не связаны с центральной фигурой, но можно упомянуть большое количество людей и фирм, развивающих центральную тенденцию. А вот в «фундаментальной науке» скорее правилом, чем исключением, является наличие именно центральной фигуры, ср.: *коперниковская, галилеевская революции, генеративная революция* (связанная с именем Хомского), *структуралистская революция* (на знамени которой - Соссюр) и т.д.

В исследованиях данного вопроса устойчиво отмечают коперниковскую и галилеевскую революции как типовые случаи. Им соответствуют и два типа интеллектуальной революции.

Коперниковская революция связана с легализацией взглядов, диаметрально противоположных бытующим, но не квалифицированным официальным сообществом как верные и самоочевидные. Вместо самоочевидного *Солнце вращается вокруг Земли* коперниковцы защищают противоположное: *Земля вращается вокруг Солнца*. «Мы наблюдаем восход и заход солнца, что может быть более очевидным свидетельством в пользу геоцентрической модели?» - вопрошали оппоненты Коперника. Для коперниковцев же эта беспроblemность только кажущаяся, поскольку восход и заход солнца могут быть объяснены и при гелиоцентрической точке зрения, которая заодно объясняет и солнечные затмения (наблюдаемые, впрочем, значительно реже, не каждый день).

Итак, коперниковцы стремятся расширить спектр объясняемых явлений, на миг жертвуя непосредственной очевидностью, в то время как доминирующая теория охватывает, действительно, статистически самые частые явления. Противники коперниковцев имеют право сказать: «Зачем наводить тень на ясный день, когда и так все ясно?» Коперниковцы же объясняют более широкий спектр явлений, находят именно для них непосредственное объяснение, а то, что было до них

Именно в этом смысле говорят о коперниковском перевороте, совершенном Г. Фреге в логике: до него считалось очевидным, что высказывание ориентируется на реальность: Фреге же рассматривает реальность как ориентированную на высказывание - при определенной интерпретации носителя языка, ориентирующего свою картину мира на интерпретируемое высказывание, приспособливая эту картину к высказыванию [Nef 1991: 26].

1. Типы и статус категорий в языке

непосредственно ясно, получает теперь опосредованное и, возможно, менее естественное, менее наглядное (со старой точки зрения) объяснение [Redding 1996: 5-6].

Исследователь-коперниковец на время «остраняется» от своей обыденной точки зрения, чтобы исследовать саму эту обычную точку зрения, сделать ее объектом исследования [Nagel 1986: 4-5]. Остранение как прием (в искусстве или в науке) - один из способов «объективации» [Williams 1978: 241], а граница между объективным и субъективным очень зыбка [Nagel 1986: 5].

Коперник отнял у землянина привилегированный статус центра Вселенной. Кант, о котором часто говорят как о человеке, совершившем коперниковскую революцию в философии [Bowie 1997: 31], предложил отказаться от того положения, что в своем познании мы должны следовать за объектами. Кант полагает, что именно объекты (которые мы познаем) должны следовать за нашим познанием, поскольку все равно мы не можем увидеть в этих объектах больше, чем дано нам по нашей природе. Дарвин позже показал, что человек не является и центром природы на Земле («пупом земли»), Фрейд же продемонстрировал, что не является человек хозяином и в доме своего внутреннего мира - в своем сознании: то, что раньше прямолинейно объясняли как результат интеллекта, оказалось продуктом подсознания, а постмодернисты и постструктуралисты постарались окончательно развенчать субъективность [Hietala 1990: 1]. В коперниковскую установку входит и настороженное отношение особенно к тем доминирующим взглядам, которые достались нам от древности [Kamm 1995: 28]. Отсюда - только один шаг до того стиля теоретизирования, который получил название «критика языка».

На всех этапах науки есть данные, от которых (как бы на время) отвлекаются теоретики, представители доминирующих взглядов, поэтому понятие фальсифицируемости (в смысле Поппера) должно быть принято с оговорками и в физике, и в языкознании [Lightfoot 1979: 75]. Это обстоятельство подрывает основы доминирующих взглядов. Революционеры-коперниковцы, называемые иначе *диссидентами*, популяризируют сведения о слабости доминирующей теории и формируют если не конкурирующую целостную концепцию, то, по крайней мере, программу действий. Только затем в рамках такой вырисовывающейся («эмерджентной») концепции наличные подходы (и доминирующие, и маргинальные) оцениваются как «фальсифицируемые» или «иефальсифицируемые» [Lakatos 1970]. Скажем, далеко не все наблюдения

В. З. Демьянков

прямо соответствовали концепции Коперника, но от них диссиденты отвлекались, поскольку эти данные занимали маргинальное положение в ядре общей исследовательской программы [Lightfoot 1979: 76]. Социальные революции, поддерживаемые массами, по определению также являются коперниковскими, поскольку им предшествует широкое распространение определенных взглядов на социальную справедливость. Иначе говоря, теория-меньшинство приобретает статус доминирующей теории: кто был «теоретическим ничем», становится «теоретическим всем».

В истории языкознания, когда говорят о коперниковских революциях типа той, которая связана с грамматикой Пор-Рояля, имеют в виду не полный отход от господствующей теории, а компромисс между распространенными взглядами, в совокупности противопоставленный господствующей точке зрения [Joly, Stefanini eds. 1977]. Так, Пор-Рояль (по [Padley 1985: 382]) означал синтез концепции рамистов (последователей Аристотеля, предвосхищавших структурализм), ориентировавшихся на форму выражения, с логицизмом (при котором принимается, что внешний облик высказывания не всегда прямо отражает логику высказываемой мысли).

Примером коперниковской революции была и структуралистская революция [Ullmann 1958: 4], когда были легализованы идеи, бытовавшие в умах и раньше, но официально не принимаемые в качестве «научных» в научных сообществах, а именно:

- синхронное описание языка не менее научно, чем историческое, поскольку обладает методами [Stoziar 1988: 1], в конечном итоге приводящими к целостному представлению о предмете; до Соссюра об этом знали все, но не-все отваживались прямо это сказать, не рискуя быть обвиненными в ретроградстве, к откату к языкознанию до развития сравнительно-исторического метода;

- язык - не нагромождение разнородных элементов, а организованная целостность, «гештальт» [Ullmann 1958: 4], части которого взаимозависимы; главное же - система, устройство которой не обязательно лежит на поверхности и должно быть выявлено, иногда методами Шерлока Холмса.

Коперниковская революция в случае структурализма на первых порах выглядела как возврат к давно скомпрометировавшим себя взглядам, ведь весь 19 в. прошел под знаменем эволюционной концепции развития человека и общества, и главным, если не единственным, критерием объяснительности был историзм.

1. Типы и статус категорий в языке

Галилеевский стиль (термин Гуссерля) и **галилеевская революция** связаны с созданием нового образа мышления в научной дисциплине, приводящего к неожиданным или парадоксальным результатам. «Очевидность реальности обманчива», - такова лапидарная формулировка основного тезиса сторонников этого подхода [Haase 1995: 5] (см. также [Reiss 1997: xi]). Предлагаемое теоретиком объяснение метафорично, наглядно соединяет разные стороны наблюдаемых явлений, бывает настолько привлекательным, что сторонники такой теории отвлекаются иногда от того, что предсказания не полностью соответствуют фактам. Для таких исследователей конструкты обладают большей ценностью, чем вещная реальность¹.

Галилеевское объяснение противопоставляют и аристотелевскому [Lewin 1930/31: 423], и платоновскому объяснениям [Wright 1971: 2] по линии: каузальность vs. телеологичность (или механичность vs. финалистичность). Теоретик-«галилеевец» доверяет больше конструктам, им самим создаваемым, чем своим органам чувств [Chomsky 1980a]². Особенно уместен такой подход, когда исследуемый объект доступен нам только через посредство инструментов (в естественных науках) или с чужих слов (как в гуманитарных науках). Этот научный стиль предполагает учет степени надежности самих конструктов [Grewendorf 1985: 89], то есть, допустимости идеализации объекта исследования. Например, полагаясь на показания информанта о правильности предложения, о семантических соотношениях между разными версиями его и т. п., лингвист (часто носитель того же языка) обязан задуматься над причинами своих разногласий с этим информантом. Кроме того, различна у теоретиков изобретательность в придумывании конструктов, «формализмов» при моделировании - то есть, при конструировании теории, объясняющей («эксплицирующей») данные [Geier 1986: 36].

Эти разновидности интеллектуальной революции соотносены между собой, поскольку переход на диаметрально противоположные позиции (коперниковский переворот) не исключает парадоксальности. Однако для коперниковской революции важным предварительным условием является наличие официального консенсуса, а для галилеев-

¹ В постмодернистскую эпоху такое предпочтение созвучно любви к комиксам, заменяющим подлинники литературных произведений [Turia 1992/97: 11].

² Впрочем, по Хомскому, лингвистика до такого осознания еще не доросла [Chomsky 1982: 33].

ской такой социологический фактор не существенен. Глобальная коперниковская революция в гуманитарных науках конца 20 в. не была возможна, поскольку не было консенсуса, который необходимо преодолеть, - если отвлечься от видимого «благополучия» в лоне «марксистского языкознания», царившего в СССР 1950-60-х гг. (бороться с марксистской идеологией в лингвистике того времени мало кому приходило в голову, по разным причинам).

Именно поэтому модель научной революции, предложенная Т. Куном, только с оговорками справедлива по отношению к философии, истории, лингвистики и теоретического литературоведению конца 20 в. В это время консенсуса в названных дисциплинах не было даже по самым центральным вопросам (см. [Percival 1976: 292]), каждое теоретическое исследование начиналось каждый раз как бы с нуля [Stegmaier 1988: 59]. Однако мы постоянно наблюдаем один за другим локальные коперниковские перевороты в нашей науке. Поскольку же в результате революции теория-победительница начинает претендовать на роль консолидатора, а консенсус противен общественным наукам нашего времени в принципе, эта теория приобретает налет академической замшелости там, где раньше стремились просто к респектабельности. По свидетельству Дж. Серля [Searle 1996: 23], такой была судьба аналитической философии в 1950-е гг., несмотря на то, что это направление не теряет актуальности и по сей день¹.

Поворот мысли и волна

В отличие от революции, **поворот мысли** (так можно условно перевести английское *turn* в таких словосочетаниях, как *linguistic turn*, *pragmatic turn*, *cognitive turn*, *interpretive turn* и т.п.) и **волна** (например, *прагматическая волна*) не столь динамичен и относится скорее к ин-

1

*

Ср.: «Analytic philosophy has become not only dominant but intellectually respectable, and, like all successful revolutionary movements, it has lost some of its vitality in virtue of its very success. Given its constant demand for rationality, intelligence, clarity, rigour and self-criticism, it is unlikely that it can succeed indefinitely, simply because these demands are too great a cost for many people to pay. The urge to treat philosophy as a discipline that satisfies emotional rather than intellectual needs is always a threat to the insistence on rationality and intelligence. However, in the history of philosophy, I do not believe we have seen anything to equal the history of analytic philosophy for its rigour, clarity, intelligence and, above all, its intellectual content. There is a sense in which it seems to me that we have been living through one of the great eras in philosophy» [Searle 1996: 23].

1. Типы и статус категорий в языке

тервалу времени, чем к точке: мы замечаем, что произошел этот поворот, только когда все уже произошло и ничего изменить нельзя.

Так, *лингвистический поворот мысли* (англ. *linguistic turn*, нем. *linguistische Wende*)¹ а точнее, поворот мысли в сторону языка, означает повышенное внимание к языку², к тому, как (глубинная) структура языка проявлена в дискурсе гуманитарных наук - в философии, литературе, истории, социологии.

Там, где раньше говорили о предмете (особенно человеку как предмете исследования), теперь говорят о языке человека как об организующем звене научного дискурса, касающегося существования, реальности, мышления человека [Baker 1995: 1]. Ведь что бы мы ни узнали о предметах в этом мире, мы можем осознать сами и передать только с помощью языка, а язык обладает своими ограничениями. И эта ограниченность языка очерчивает и границы познаваемости предметов (тезис Виттгенштейна). С помощью языка мы конструируем то, за что принимаем свою действительность [Kitcher 1992], поэтому

¹ Этим термином Густав Бергман [G.Bergman 1953] назвал поворот мысли, произошедший в философии под влиянием логического атомизма Расселла, Мура и Виттгенштейна, а также логического позитивизма Шлика, Карнапа и Венского кружка [Nacker 1996: 4]. Позже сам Бергман, Куайн, Гудман и Селларз рассматривали - в разных направлениях - традиционные онтологические проблемы через призму языка как вопросы синтаксиса и семантики формального языка, более прозрачного, чем естественный [Hochberg 1984: 11]. Еще позже этим термином был назван переход от эпистемологии к исследованию языка в философии 20 в., начатый намного раньше Гумбольдтом в русле кантовской философии [Rorty 1967a], особенно [Rorty 1980] (главы 6 и 7), см. об этом [G.Ward 1995: 50-51]. Еще одна хронологическая версия - рубеж 19 и 20 вв., когда философы стали считать своей задачей не описание действительности, переведенное на язык философской системы, а выяснение в нашем знании того, что уже по своей буквальной формулировке представляется сомнительным. Рассматривая даже такие банальности, как обыденные представления и восприятия: недаром книги Э. Маха «Анализ восприятий» и Р. Авенариуса «Человеческое понятие мира» были бестселлерами в конце 19 в. Сильный импульс этой перестройке дали развитие квантовой механики (1900 г.) и специальной теории относительности (1905 г.). Тогда-то и начал интенсивно развиваться научный метод не только метафизики, но и теории литературы [Hirrauf 1996: 116-117].

² Это повышенное внимание к языку иногда называют рефлексивностью языка [Condit 1995: 209] - интерес к воздействию языка на человека, при котором исходят из наличия у языка структуры, воздействующей на человека так, что он воспринимает предметы и говорит о них, пренебрегая не противоречить этой структуре.

нельзя утверждать, что язык устанавливает референцию к реальному миру как к объективно существующей и независимой величине. Эту действительность конструирует наш дискурс о ней, см. [Wilkin 1997: 24]. А субъект не играет той роли, которую ему приписывал И. Кант: мы от рождения помещаемся в герменевтические круги, или формы жизни, в которых и формируются наши мировоззрения.

Поэтому унаследованное от Просвещения представление о рациональном субъекте теряет актуальность. Там, где раньше занимались вопросом «Что такое знание?», теперь начинают с анализа употребления слова *знание*, а размышление и речь о понятиях привязывают в первую очередь к фактам языка [Everitt, Fisher 1995: 2] и только опосредованно - о самом понятии. О связности мира мы можем говорить в той степени, в какой это допускает наш язык. Итак, с одной стороны - язык со своей логикой, с другой - мир человека [Olafson 1995: 3]. Отсюда вытекает, что философия должна быть логико-лингвистической реконструкцией языка, используемого человеком [Olafson 1995: 4], что, в свою очередь, предполагает интерпретативный подход к философии [Fornaro 1988].

Идеология структурализма, возникшего в то же время, созвучна лингвистическому повороту в следующих отношениях [Giddens 1987: 73-74]:

- определенные лингвистические теории объявляются главными для философии и социологии¹; обратное положение, о важности для лингвистики других дисциплин, принималось и в предыдущие эпохи, не отказываются от них и в новую эпоху²;

¹ Ср.: «Исчерпывающее описание языкового материала содержания требует участия других наук; с нашей точки зрения, все они, без исключения, имеют дело с языковым содержанием. Итак, мы пришли к тому, как нам кажется, обоснованному взгляду, что все науки группируются вокруг лингвистики» [Ельмслев 1943: 335].

Ср.: «То, что составляло главное содержание традиционной лингвистики - история языка и генетическое сравнение языков, - имело своей целью не столько познание природы языка, сколько познание исторических и доисторических социальных условий и контактов между народами, т.е. знание, добытое с помощью языка как средства. Но все это также философия. Правда, часто кажется, что, оставаясь в пределах внутренних технических приемов сравнительной лингвистики этого рода, мы изучаем язык, но это только иллюзия.

Действительности мы изучаем *disiecta membra*, то есть разрозненные части языка, которые не позволяют нам охватить язык как целое. Мы изучаем физические и филологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык» [Ельмслев 1943: 266]; «Если лингвист хочет уяснить себе объект своей науки, он должен обратиться к областям, читавшимся по традиции чуждыми лингвистике» [Ельмслев 1943: 357].

1. Типы и статус категорий в языке

- подчеркивание целостности исследуемого объекта, произвольности знака и примата означающего над означаемым¹;
- субъективность в употреблении языка уходит на второй план², однако может быть сама объектом исследования;
- повышенный интерес к тексту и к темпоральности в развертывании и интерпретации текста.

В философии этот поворот выражался в том, что философию вообще стало трудно отграничить от философии языка [Simon 1981: 5]. Одни философы квалифицировали лингвистический поворот в философии (в обоих ответвлениях: у Хайдеггера и у Витгенштейна³) как конец философии, другие - как возникновение новой системной концепции философии, третьи - как необходимость преобразования философии в философскую герменевтику, см. [Baynes, Bohman, McCarthy 1987: 6-7]. В конце 20 в. в философии наблюдается двоякая тенденция: а) подчинение этой волне, когда внимание исследователя сосредото-

¹ Ср.: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*. Только таким образом как таковой может рассматриваться научно, не разочаровывая своих исследователей и не ускользая из их поля зрения» [Ельмслев 1943: 267]; «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не являются новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношения является излишне аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» [Ельмслев 1943: 283]; «...лингвистика может и должна изучать языковую форму, отвлекаясь от материала, который может быть подчинен этой форме в обоих планах» [Ельмслев 1943: 335]. В психоанализе Ж. Лакана имеем следующую пропорцию [Fornaro 1988: 325]: означающее : означаемое = репрезентация речи : репрезентация предмета = сознание и предсознание : бессознательное.

² Например, автор произведения объявляется фиктивной величиной [Barthes 1968⁴], [Foucault 1969]. Место автора у М. Фуко занимает институция (что очень сильно напоминает роль личности в марксистской трактовке истории), затем переосмысляемая как понятие рамки, или фрейма в философии социологии [Weninger 1995: xii].

³ Предвозвестником же этого поворота иногда называют Ф. Ницше, поскольку он, как утверждается [H6dl 1997: 13], критиковал метафизику под углом зрения ее языка (особенно метафор).

В. З. Демьянков

но на дискурсе, трактующем проблемы философии, б) стремление вернуться к проблемам субъективности и метафизики [Kress 1996: 10-11].

На добрую память от этого поворота мысли в философии исследователи языка получили *теорию речевых актов* Дж. Остина, что оценивается как скандал [Stegmüller 1986: 64]: ведь потребовалось две с половиной тысячи лет, чтобы исследователи начали развивать ту простую мысль, что высказывание - это действие.

Событием более локального масштаба стали *прагматический и коммуникативный повороты мысли* (соотв.: *pragmatic turn, pragmatische Wende; communicative turn, kommunikative Wende*). В обоих случаях речь идет о перестройке в рамках лингвистической теории, когда даже при сопоставлении разных языковых систем (например, при описании и преподавании языков) тематизируют исследование ситуативности употребления языка на фоне форм, процессов и интерпретаций речевой деятельности, ср. [Liedke, Knapp-Potthoff 1997: 9].

Язык и раньше считали погруженным в общество, в общение. Однако с конца 1960-х - начала 1970-х гг. постепенно росло убеждение, что описание формы и значения (семантики) высказывания вне контекста не исчерпывает еще задачи лингвистики, что лингвист должен также описывать употребление высказывания, особенно когда контекстное значение не совпадает с семантикой. Прагматическая волна 1970-х гг. возродила интерес к функциональности [Kaindl 1995: 16]. Началось - на новом витке - соперничество формализма (доминирующей парадигмы) и функционализма (отзвуков парадигмы, предшествовавшей формализму)¹. Актуальными тогда стали, по свидетельству [Hinrichs 1989: 4], в частности, следующие лозунги и утверждения:

£ • .._

Это было именно возрождение, а не рождение контроверзы, причем не только в восточноевропейской лингвистике, но и в западноевропейской и американской. Так, известно, что сам термин *социолингвистика* был предложен впервые в работе начала 20 в. - [Wrede 1903]. В 1930-е гг. диалектологи говорят о социально-лингвистическом принципе (*sozial-linguistisches Prinzip*) [A. Bach 1934/69]. Однако социальные аспекты употребления языка находились раньше на периферии интересов лингвистов [Stevenson 1995: 2], а главными^{но с} были методически малодоступны. Нужные методы были предложены прагмалингвистикой и социолингвистикой 1960-70-х гг.

1. *Типы и статус категорий в языке.*

- «От структурализма и порождающей грамматики - к теории речевых актов, анализу разговора (устного общения), восприятия речи, особенно понимания»;
- «От лингвистики - к психолингвистике и социолингвистике»;
- «От мелких единиц, типа фонемы и слова, - к крупным единицам, типа обмена репликами и текста; от теории - к эмпирии»;
- «От монологичности - к диалогичности»;
- «От языковой системы - к тому, что лежит вне системы, случайно и спонтанно в обычном языке разговора»;
- «От интуиции лингвиста - к конкретному и по возможности аутентичному материалу».

О том, что прагматический поворот мысли продолжается, свидетельствует то обстоятельство, отмеченное Э. Вайганд [Weigand 1996: 151], что в конце 20 в. нет необходимости каждый раз доказывать, что употребление языка является действительным объектом лингвистики.

Заключение

Результатом интеллектуальных революций, а также новых тенденций («поворотов» и «волн») в интеллектуальной жизни общества является изменение категоризации трактуемых предметов. Однако кроме новаций в отнесении предметов к тем или иным классам, происходят изменения и в сети предикаций, употребляемых в речи об этих предметах. Именно поэтому интеллектуальные революции и тенденции приводят к новым постановкам вопросов об этих предметах и к новым способам отвечать на эти вопросы.

Литература

- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264-389.
- Тулмин С.* Человеческое понимание / пер. с англ. М., 1984.
- Bach A.* Deutsche Mundartforschung. 3. Aufl. Heidelberg, 1969.
- Baker P.* Deconstruction and the ethical turn. Gainesville etc.: University Press of Florida, 1995.
- Barthes R.* Le degré zéro de l'écriture, suivi d'éléments de sémiologie. Paris, 1968.
- Baynes K., Bohman J., McCarthy T.* General introduction // After philosophy: End or transformation? Cambridge (Mass.); London, 1987. P. 1-18.

В.З. Демъянков

Beach L.R. The psychology of decision making: People in organizations. Thousand Oaks etc.: Sage, 1997.

Bergmann G. Logical positivism, language, and the reconstruction of metaphysics // *Rivista critica di storia della filosofia*, 1953. Vol. 8. P. 453-481- Repr. // *The linguistic turn: Recent essays in philosophical method*. Chicago; London, 1967. P. 63-71.

Blank A., Koch P. Introduction: Historical semantics and cognition // *Historical semantics and cognition*. Berlin; N.Y., 1999. P. 1-14.

Blumenberg H. *Aspekte der Epochenschwelle: Cusaner und Nolaner*. Frankfurt am Main, 1976.

Boudreau H. *Rewriting Unamuno rewriting Gald6s // Self-conscious art: A tribute to John W.Kronik*. Lewisburg (Pennsylvania); London; Toronto, 1996. P. 23-41.

Bowie A. *From Romanticism to critical theory: The philosophy of German literary theory*. London; N.Y., 1997.

Chomsky N. *Rules and representations*. N.Y., 1980a.

Chomsky N. *On the generative enterprise: A discussion with Riny Hyub Regts and Henk van Riemsdijk*. D.; Cinnaminson, 1982.

Cohen H. *The scientific revolution: Historiographical inquiry*. Chicago; London, 1994.

Condit C.M. *Kenneth Burke and linguistic reflexivity: Reflections on the scene of the philosophy of communication in the twentieth century // Kenneth Burke and contemporary European thought: Rhetoric in transition*. Tuscaloosa; London, 1995. P. 207-262.

Everitt N., Fisher A. *Modern epistemology: A new introduction*. N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1995.

Feyerabend P.K. *Three dialogues on knowledge*. Oxford., 1991.

Fornaro M. *Scuole di psicoanalisi: Ricerca storico-epistemologica sul pensiero di Hartmann, Klein e Lacan*. Milano, 1988.

Foucault M. *L'arcl^ologie du savoir*. Paris, 1969.

Geeraerts D. *Diachronic prototype semantics: A contribution to historical lexicology*. Oxford, 1997.

Geier M. *Linguistische Analyse und literarische Praxis: Eine Orientierungsgrundlage fiir das Studium von Sprache und Literatur*. Tübingen, 1986.

George R.T.D., George F.M.D. *Introduction // The structuralists: From Marx to L6vi-Strauss*. Garden City (New York): Doubleday, 1972. P- xi-xxix.

1. Типы и статус категорий в языке

Giddens A. Social theory and modern sociology. Stanford (California), 1987.

Grewendorf G. Sprache als Organ und Sprache als Lebensform: Zu Chomskys Wittgenstein-Kritik // Sprachspiel und Methode: Zum Stand der Wittgenstein-Diskussion. Berlin; N.Y., 1985. S. 89-129.

Haase M. Galileische Idealisierung: Ein pragmatisches Konzept. Berlin; N.Y., 1995.

Hacker P.M.S. Wittgenstein's place in twentieth-century analytic philosophy, Oxford, 1996.

Heath J. Functional universale // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), 1978. Vol. 4. P. 86-95.

Hietala V. Situating the subject in the film theory: Meaning and spectatorship in cinema. Turku, 1990.

Hinrichs U. Slawistik - Germanistik - Linguistik // Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988. Tübingen, 1989. S. 3-13.

Hochberg H. Logic, ontology, and language: Essays on truth and reality. München; Wien, 1984.

Hodl H.G. Nietzsches frühe Sprachkritik: Lektüren zu «Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne» (1873). Wien, 1997.

Holton G. Thematic origins of scientific thought. Cambridge (Mass.), 1973.

Hoyningen-Huene P. Die Wissenschaftsphilosophie Thomas S. Kuhns / Geleitwort von T. S. Kuhn. Braunschweig / Wiesbaden, 1989.

Hüppauf B. Das Ich und die Gewalt der Sinne: Döblin - Musil - Mach // Wer sind wir?: Europäische Phänotypen im Roman des zwanzigsten Jahrhunderts. München, 1996. S. 115-152.

Joly A.F., Stefanini J. La grammaire generate des modistes aux ideologues. Lille, 1977.

Kaindl K. Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft. Tübingen, 1995.

Kamm J. Rules and methods: Die Grammatikalisierung von Sprach- und Dichtungstheorien im England des 17. Jahrhunderts // Barock. Stuttgart; Weimar, 1995. S. 25-51.

Kücher P. The naturalist return // Philosophical studies, 1992. Vol. 101. N 1 P. 53-114.

Koyre A. Von der geschlossenen Welt zum unendlichen Universum. Frankfurt am Main, 1980.

В. З. Демьянков

- Kress A.* Reflexion und Erfahrung: Hegels Phänomenologie der Subjektivität. Würzburg, 1996.
- Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. Chicago, 1962.
- Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. Chicago, 1973.
- Lakatos I.* Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the growth of knowledge. Cambridge, 1970.
- Lanigan R.L.* Phenomenology of communication: Merleau-Ponty's thematic in communicology and semiology. Pittsburgh (PA), 1988.
- Lewin K.* Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis 1930/31, Bd.1.
- Liedke M., Knapp-Pothoff A.* Einleitung // Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit. München, 1997. S. 7-16.
- Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax. Cambridge etc., 1979.
- Nagel T.* The view from nowhere. N.Y., 1986.
- Neff F.* Logique, langage et réalité. Paris, 1991.
- Neuser W.* Natur und Begriff: Zur Theoriekonstitution und Begriffsgeschichte von Newton bis Hegel. Stuttgart; Weimar, 1995.
- Olafson F.A.* What is a human being?: A Heideggerian view. Cambridge, 1995.
- Padley G.* Grammatical theory in Western Europe 1500-1700: Trends in vernacular grammar I. Cambridge etc., 1985.
- Pearce D., Rantala V.* Continuity and scientific discovery // Logic of discovery and logic of discourse. N.Y.; London, 1985. P. 15-23.
- Percival W.K.* The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics // Lg. 1976. Vol. 52, N 2. P. 285-294.
- Preston J.* Feyerabend: Philosophy, science and society. Cambridge (UK), 1997.
- Redding P.* Hegel's hermeneutics. Ithaca; London, 1996.
- Reiss T.J.* Knowledge, discovery and imagination in early modern Europe: The rise of aesthetic rationalism. Cambridge, 1997.
- Rorty R.M.* The linguistic turn: Recent essays in philosophical method. Chicago: Chicago University Press, 1967a.
- Rorty R.M.* Philosophy and the mirror of nature. Oxford: Blackwell, 1980.
- Rossi P.* Der Wissenschaftler // Der Mensch des Barock. Frankfurt am Main; New York: Campus; Paris, 1991/97. S. 264-295.
- Searle J.* Contemporary philosophy in the United States // The Blackwell companion to philosophy. Oxford, 1996. P. 1-24.
- Shorter E.* A history of psychiatry: From the era of the asylum to the age of Prozac. N.Y. etc., 1997.

1. Типы и статус категорий в языке

Simon J. Sprachphilosophie. Freiburg; München, 1981.

Stegmaier W. Die Innovation der Gegenwart // Tradition und Innovation: XIII. Deutscher Kongress für Philosophie, Bonn 24-29. September 1984. Hamburg, 1988. S. 59-69.

Stegmüller W. Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie: Eine kritische Einführung: Bd. 2. 7., erw. Aufl. Stuttgart, 1986.

Stegmüller W. Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie: Eine kritische Einführung: Bd.3. 7., erw. Aufl. Stuttgart, 1986a.

Stevenson P. The study of real language: Observing the observers // The German language and the real world: Sociolinguistic, cultural, and pragmatic perspectives on contemporary German. Oxford, 1995. P. 1-23.

Stoziar R.M. Saussure, Derrida, and the metaphysics of subjectivity. Berlin etc., 1988.

Trupia P. Die Semantik der Kommunikation: Die Schaffung von Sinnhalten in Kunst, Wissenschaft und bei der Ausübung einer unternehmerischen Tätigkeit / Übers. aus dem Ital. Berlin, 1992/97.

Ullmann S.d. Semantics at the cross-roads // Universitiesquarterly, 1958. Vol. 12. P. 250-260. Repr // Ullmann S. Language and style: Collected papers. Oxford, 1964. P. 3-16.

Ward G. Derrida and the language of theology. Cambridge; N.Y., 1995.

Weigand E. Words and their role in language use // Lexical structures and language use: Proc. of the International Conference on lexicology and lexical semantics, Munster, September 13-15, 1994. Tübingen, 1996. P. 151-167.

Weninger R. Framing a novelist: Amo Schmidt criticism 1970-1994. Columbia (SC), 1995.

Wilkin P. Noam Chomsky: On power, knowledge and human nature. London, 1997.

Williams B. Descartes: The project of pure inquiry. Harmondsworth, 1978.

Wrede F. Der Sprachatlas des deutschen Reiches und die elsassische Dialektforschung // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen 1903. Bd. 111. S. 29-48.

Wright G.H.v. Explanation and understanding. Ithaca; N.Y., 1971.

Н.Н. Болдыреву

Н.Н. Болдырев (Тамбов)

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ:
МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ***

Многие проблемы, которые приходится решать когнитивной лингвистике на современном этапе ее развития, связаны с изучением языковых способов и механизмов представления знаний. Особое внимание при этом уделяется языковым категориальным системам, поскольку именно категориальные значения, по мнению Б.А. Серебренникова, выполняют важную роль в установлении обратных связей между языком и планом концептуального [Серебренников 1988: 87].

Несмотря на то, что знания о мире специфичны у каждого человека, основные познавательные процессы концептуализации (осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания - концептов) и категоризации (отнесение их к определенным рубрикам опыта - категориям) обнаруживают общие закономерности. Эти закономерности находят свое отражение в языке в виде трех систем языковой категоризации: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей (подробнее см.: [Болдырев 2006, 2009]). В определенной мере данные системы отражают этапы познания мира и одновременно - этапы формирования концептуальной системы человека на основе чувственного восприятия мира, абстрактного мышления и речемыслительной деятельности, результаты которой и закрепляются в трех типах, или системах языковой категоризации.

Особый интерес вызывает модусная категоризация как наименее изученная с когнитивной точки зрения. Она предполагает интерпретацию человеком результатов познания в различных аспектах: в плане их соответствия представлениям человека о порядке вещей, его систем; ценностей, мнений и оценок, то есть интерпретацию в рамках его индивидуальной концептуальной системы. Система модусных категорий, в которой непосредственно отражается антропоцентрический

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 009-2013 годы и Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-04-00196а «Оценочная категория мира в русском и западноевропейских языках».

1. Типы и статус категорий в языке

характер языка, позволяет человеку реализовать собственную индивидуальность в восприятии и осмыслении событий окружающего мира, передать индивидуальный характер знаний, свое отношение к ним. Данная система включает категории модальности, отрицания, оценки, аппроксимации, эвиденциальности, экспрессивности и другие.

Цель предлагаемой статьи - показать специфику модусной категоризации и самих этих категорий в когнитивном аспекте на примере категории отрицания. При этом сосредоточим свое внимание на особенностях интерпретации как отдельном способе вторичной репрезентации знаний в языке. Актуальность данной проблемы подчеркивала Е.С. Кубрякова еще много лет назад, говоря об эволюции лингвистической науки в прошлом столетии и возрастающей роли человека как субъекта и объекта познания [Кубрякова 1995].

Следуя ранее данному определению категории как концептуального объединения объектов [Болдырев 2006, 2009], логичнее всего предположить, что категория отрицания представляет собой некое объединение языковых единиц на общем концептуальном основании. Дальнейшая логика подсказывает, что в качестве такого основания, очевидно, выступает одноименный концепт - концепт отрицания. Проблема заключается в необходимости уточнения содержания самого этого концепта как структуры знания, от которой зависит строение, состав и функциональный потенциал рассматриваемой категории. В поисках ее решения, вероятно, следует обратиться к общей специфике модусных концептов и категорий, которую обнаруживает и категория отрицания.

Данная специфика определяется самой интерпретирующей функцией языка, содержание которой (оценка, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность и т.д.) и выступает в качестве общего концептуального основания для объединения разноуровневых языковых единиц в ту или иную модусную категорию. Другими словами, формированию категории в этом случае предшествует концептуализация функции языковых объектов, а не их системных характеристик. Из этого следует, что **главная особенность модусных категорий** заключается в особом, **функциональном характере их концептуальной основы**, а именно того концепта, на базе которого они формируются. В качестве такого концепта, очевидно, выступает конкретная языковая функция, определенным образом осмысленная. Соответственно, уточнение структуры и содержания категориального концепта в этом случае непосредственно зависит от уточнения самой этой функции.

Из этой главной специфики модусных категорий следуют, как минимум, еще три их основные взаимосвязанные характеристики:

Н.Н. Болдыреву

внутриязыковая природа, вторичный статус и инферентность. рассмотрим вкратце каждую из них в отдельности.

Внутриязыковая природа модусных концептов и категорий непосредственно связана с теми семиотическими процессами, которые лежат в основе их формирования. Описывая эти процессы, Р.И. Павиленис обращал внимание на то, что естественный язык дает возможность человеку, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами как элементами концептуальной системы и создавать на основе этого новые концепты и концептуальные структуры, обусловленные уже самой этой системой, а не только познаваемой действительностью [Павиленис 1983: 103, 106, 113-114].

В этих высказываниях Р.И. Павилениса содержится еще одно подтверждение внутриязыковой природы рассматриваемых категорий. Данная их особенность проявляется и в самих их обозначениях, для которых используются имена производной, абстрактной семантики: отрицание, оценка, экспрессивность и т.п. Использование абстрактных имен в этом качестве, видимо, не случайно и обусловлено тем, что в их семантике реализуется интерпретирующая функция человеческого сознания. Они передают знание, которое также характеризуется внутриязыковой природой, поскольку их референтами являются вербально сформированные концепты (подробнее см.: [Болдырев 2007; 2009]). Развивая далее идеи Р.И. Павилениса, Е.С. Кубрякова, в частности, приходит к выводу о том, что возникновение абстрактных имен «знаменует креацию в языке таких новых объектов, которые служат не «отражению», а интерпретации мира, его осмыслению», что они соответствуют объектам, созданным человеческим интеллектом, и появляются «в особых актах с|миозиса, требующих комбинации знаков и номинальных определений» [Кубрякова 2006: 13].

В контексте сказанного выше становится очевидной еще одна **характеристика модусных категорий.** Она обусловлена тем, что внутриязыковой статус и интерпретирующий характер модусных концептов и категорий предполагает их **вторичный статус и,** следовательно, определенную зависимость от первичного знания, которое подвергается интерпретации. Эту особенность, и конкретно категории отрицания, лингвисты подмечали давно. Например, Г. Пауль подчеркивал, что отрицательное предложение вторично по отношению к утвердительному, поскольку отрицательное суждение возникает там, где пытаются связать два одновременно столкнувшихся в сознании представления [Пауль 1960: 157]. Аналогичная мысль, думается, прослеживается и у А.А. Потебни, считавшего, что отрицание есть осознание

1. Типы и статус категорий в языке

процесса замещения одного восприятия другим, следующим за первым, и что отрицание в сознании может быть вызвано только действительной, положительной величиной [Потебня 1958].

Вторичный, зависимый характер модусных категорий может проявляться двояко - в структурном и содержательном аспектах. **Структурная зависимость**, или точнее релятивность, наблюдается на уровне организации самих категорий и, в свою очередь, может быть двух видов: *денотативно обусловленная* и *лингвистически обусловленная*. В первом случае модусная категория наследует полностью или частично структуру (инвариантно-вариантную, прототипическую, «семейного сходства» и т.д.) той категории объектов, знание которой она тем или иным образом интерпретирует. Например, оценочная категория «хороший телевизор» повторяет прототипический принцип организации оцениваемой категории «телевизор» и, более того, их прототипы совпадают. При этом прототип категории «плохой телевизор» совпадает, скорее, с периферией категории «телевизор». Последнее служит примером отсутствия релятивности на уровне отдельных элементов категорий и одновременно того, что в основе формирования оценочных категорий лежит принцип концептуальной интеграции, а не простого суммирования значений: «категория + оценка».

Второй вид структурной релятивности обнаруживается, когда модусная категория дублирует структуру грамматической (или лексико-грамматической) категории, ориентированной на определенную грамматическую функцию, или структуру лексической категории, на базе которой развивается та или иная интерпретирующая функция. Например, категория оценочных слов по аналогии с большинством лексико-грамматических категорий может включать прототипическое ядро, состоящее из наиболее типичных элементов, в системной семантике которых заложена соответствующая оценка, и периферию из менее типичных элементов, реализующих оценку во вторичных функциях.

Содержательная релятивность модусных категорий проявляется как на собственно категориальном уровне, так и на уровне отдельных элементов категории. Она связана с содержательной **неопределенностью** самого модусного концепта, который лежит в основе формирования категории. Безотносительно той или иной области определения трудно сказать, что означает, например, «хороший» или «плохой». Используя оценочные выражения типа: *хороший человек*, *хороший учитель* или *хороший отец*, - говорящий, вероятно, подразумевает разные качества, которые могут оцениваться положительно **или** отрицательно. Аналогично отрицательные суждения в отношении раз*

ных объектов также предполагают разное их осмысление (ср.: *нет работы, нет денег, нет времени, нет ума, нет будущего*) или разную оценку, например: *рыба без костей* (= 'хорошо'), *голова без мозгов* (= 'плохо'), *ехать без остановок* (= 'быстро'), *говорить без вдохновения* (= 'скучно'), *влюбиться без ума* (= 'очень сильно') и т.д.

На уровне отдельных элементов категории эта зависимость от первичного знания аргументирована и в семиотическом отношении. Модусные категории, обеспечивая реализацию интерпретирующей функции, широко используют средства лексической и грамматической категоризации, но в их вторичных значениях и функциях. Например, для оценки: *свежий аргумент, новая идея, старый взгляд, глубокая мысль, молодое вино* и т.п. Аналогично в отношении отрицания: *проехать мимо* ('не попасть'); *сорваться* ('не состояться'); *испорченный* ('бесполезный'); *А воз и ныне там* (= 'не сдвинулся с места'); *Вызвали врача - пришел фельдшер; вызывали дизайнера - пришел сантехник* (= 'врач / дизайнер не пришел' или 'пришел не тот, кого вызывали').

Структурная и содержательная релятивность модусных концептов и категорий определяет очередную их **отличительную характеристику - инферентность**, то есть потребность в выводном знании для формирования необходимого смысла. Зачастую элементы данных категорий имплицитно содержат целый ряд мыслительных операций, связанных с интерпретацией, и не раскрывают конкретное содержание предмета мысли, которое определяется многими условиями реальной коммуникации: *хороший чем или в чем, для кого, в каких обстоятельствах, отрицание чего* и т.д. Степень абстрактности или конкретности передаваемого содержания отражается в выборе слов общей или частной оценки, общего или частного, прямого или косвенного отрицания, а также областью их определения в виде языкового контекста.

С учетом отмеченной специфики и отличительных характеристик модусных концептов и категорий попытаемся проанализировать содержание концепта ОТРИЦАНИЕ и образуемую им категорию языковых единиц. Традиционно отрицание рассматривается как семантический примитив, не разложимый на составные элементы. Так, например, Е.В. Падучева в Лингвистическом энциклопедическом словаре со ссылкой, в том числе, на многие другие авторитетные источники пишет: «Отрицание - одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых, смысловых категорий, которые

1. Типы и статус категорий в языке

не поддаются определению через более простые семантические элементы» [Падучева 1990: 354]¹.

В то же время материал различных языков, который приводится в названной словарной статье в связи с описанием типов отрицания (полное, частичное, фразовое, присловное, смещенное, множественное) и средств его выражения (отрицательные слова, аффиксы, формы глагола, семантика отдельного слова или целого предложения), как представляется, свидетельствует несколько о другом². Разноуровневость и неоднородность языковых средств, используемых для передачи отрицательных смыслов, а также их асимметричность подсказывают, что лежащий в основе данной категории концепт не только не однороден, но и обнаруживает разные характеристики, обусловленные разноплановостью концептуализируемой функции.

В пользу данного аргумента говорит и специфика самой интерпретации как важнейшей функции человеческого сознания, которая образует концептуальную основу для формирования модальных категорий и частью которой является функция отрицания. Соответственно данный вопрос также не может оставаться вне зоны внимания лингвистов при рассмотрении категории отрицания. Если придерживаться определения когнитивной деятельности, которое сформулировал У. Найссер: «активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания» [Найссер 1981: 23], то главной задачей в контексте рассматриваемых проблем становится уточнение интерпретации (и отрицания в качестве одной из ее разновидностей) как когнитивной деятельности. Попытаемся подробнее разобраться с этой проблемой.

Прежде всего, необходимо отметить, что понятие интерпретации может иметь широкое и узкое толкования. В широком смысле этого слова интерпретация понимается как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня, и в этом отношении она шире собственно языковой когнитивной деятельности. Различные функции человеческого мыш-

¹ «Модальным примитивом» считала отрицание и автор теории семантических примитивов А. Вежбицкая [Wierzbicka 1980; 1988].

² Ситуация усложняется еще и тем, что, как показывают вышеприведенные определения и обзор различных концепций отрицания в [Бондаренко 1983], многие авторы, к сожалению, не различают функцию отрицания и собственно языковые средства ее выражения, часто используя в пределах одного контекста один и тот же термин для обозначения разных понятий концептуального и собственно языкового уровней.

Н.Н. Болдыреву

ления (классификация, категоризация, генерализация, конкретизация т.д.) - суть интерпретации. Интерпретация в узком ее понимании - это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации. Именно в этом смысле интерпретация рассматривается в данной работе.

Сушность интерпретации как познавательной активности, на наш взгляд, раскрывают две ее важнейшие особенности. Первая была обоснована в рамках теории интерпретации языковых высказываний (подробнее см.: [Демьянков 1985]). Она заключается в том, что **интерпретация опирается на схемы знаний и потому непосредственно связана с познанием (когницией)**. «Понятие языковой когниции совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод - речь. Если эту речь нужно продуцировать, внутренний мир интерпретируется в виде речи. Когда же речь задана как объект восприятия - интерпретируется она» [Демьянков 1994: 30]. При этом интерпретация как процесс вторичного познания избирает своим объектом не сам объективный мир, а знания о мире, то как он репрезентирован в коллективном сознании. Р. Джэкендофф называл это проецированным миром: «projected world», «experienced world», «phenomenal world» [Jackendoff 1995: 28], а Ж. Фоконье - пресструктурированной фоновой схемой знания: «available prestructured background schemas» [Fauconnier 1994].

Вторая отличительная характеристика интерпретации заключается в ее субъективности, то есть непосредственной зависимости от **индивидуальной концептуальной системы человека**. Это обусловлено тем, что вторичное осмысление неразрывно связано с индивидуальностью и психическим состоянием человека, с тем, что А.Н. Леонтьев называл обретением значений для себя, их связыванием с реальной жизнью и мотивами конкретного человека, его личностным смыслом. Обсуждая проблемы формирования сознания с точки зрения психологии, он различал первичное (понятийное) осмысление, ведущее к формированию значений, которые репрезентируют опыт **всего** человечества, и вторичное (субъективное) осмысление как обретение значений для себя, ведущее к формированию личностного смысла [Леонтьев 2000: 100-104].

Если попытаться сформулировать определение данной функции, с учетом вышеназванных особенностей, то получается сле-

1. Типы и статус категорий в языке

дующее. **Интерпретация** - это процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о **мире** и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это проекция мира, или мир, «погруженный» в индивидуальное сознание человека. «Когнитивная деятельность, - считают психологи, - не является беспредпосылочной. Ее адекватность предполагает наличие предданной «гипотезы» об устройстве мира, заранее сформированной готовности действовать в определенном направлении для решения возникших перед когнитивной системой задач. Без таких гипотез и готовности или в случае их неадекватности задача познания окружающего мира становится неразрешимой для когнитивной системы» [Ушаков 2009: 6].

Анализ специфики интерпретирующей функции человеческого сознания приводит к трем выводам, существенным с точки зрения исследования модусных категорий, и категории отрицания в том числе: 1) интерпретация структурирована, 2) опирается на существующие схемы знаний и 3) ориентирована на концептуальную систему индивида, то есть субъективна.

Первый вывод основывается на установленной выше взаимосвязи интерпретации с процессами познания (когницией). Поскольку «когниция в высшей степени структурирована» [Демьянков 1994: 24], то, следовательно, структурирована и функция интерпретации. Более того, структурированность когнитивной деятельности субъекта познания, как показывают результаты исследований, является одним из ведущих принципов конфигурации знаний (подробнее см.: [Болдырев, Магировская 2009]).

Второй и третий выводы следуют из самой роли и места интерпретации в процессах познания и ее связи с коллективным опытом и личностными характеристиками, системой ценностей индивида, его собственным опытом освоения мира. Хотя речь говорящего и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, подчеркивает Е.С. Кубрякова, все это преломлено через коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык [Кубрякова 2009: 10]. Важность, напротив, субъективного аспекта, в частности, в оценке отмечает Н.Д. Арутюнова: «Для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [Арутюнова 1988: 58].

Н.Н. Болдыреву

рассмотренная специфика интерпретирующей функции и сделанные выводы непосредственно проецируются на функцию отрицания и могут служить объяснением причин различной ее концептуализации и, как следствие, ее разноплановости в языке. **Категория отрицания**, как и другие модусные категории, призвана передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и / или их характеристиками, а также свое личное отношение к ним. Все эти интерпретации, связанные с различными типами объектов и их взаимосвязей и охватывающие многообразие передаваемых смыслов, естественно, не могут быть одноплановыми. Следовательно, и функция отрицания конкретизируется в каждом отдельном случае в зависимости от типов интерпретируемых объектов, событий и отношений между ними.

Функция отрицания в этом плане следует общим законам структурирования мира в процессе его познания, выделяя объекты, события и их характеристики, классифицируя их и устанавливая определенные взаимосвязи между ними в сознании человека. Само название данной функции, ее ориентация на имеющиеся схемы знаний, которые типизируют объекты мира и их взаимосвязи, то есть общее устройство мира, задают и характер интерпретации: наличие или отсутствие объектов, событий, признаков, их соответствие или несоответствие имеющимся представлениям, интерпретация речевых действий (отказ, несогласие, опровержение, запрет и т.д.). Отсутствие того или иного признака также может интерпретироваться как отрицательная характеристика, или оценка.

Структурированность функции определяет характер ее концептуализации и содержание рассматриваемого концепта отрицания. Можно предположить, что с точки зрения интерпретации основных результатов познания мира и его общего устройства концепт отрицания включает такие **основные характеристики**, как: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*.

В разных языках данная дискретность функции отрицания представлена разными языковыми средствами, но подчиняется общему правилу концептуализации мира в языке. В соответствии с данным правилом грамматические средства в их первичных значениях выполняют функцию

Щего структурирования концептуального содержания, а лексические также грамматические в их вторичных значениях) - его конкретной репрезентации [Talmy 1988]. Применительно к интерпретации в целом и от-

1. Типы и статус категорий в языке

рицанию, в частности, структурированность функции проявляется именно на уровне содержания, то есть осуществляется преимущественно на уровне лексики и вторично-грамматических смыслов. Иначе говоря, грамматические средства в своих первичных значениях концептуализируют и репрезентируют рассматриваемые функции в общем виде, а все другие средства - передают их содержание в виде конкретных смыслов, то есть структурированно. Видимо, ориентация преимущественно на грамматические средства и служит причиной определения категории отрицания как «семантически неразложимой, смысловой категории» в вышеназванных лингвистических работах.

В качестве универсального средства общей концептуализации и репрезентации функции отрицания разные языки используют, например, отрицательные частицы типа рус. *не* (англ. *no*, нем. *nicht* и т.д.). Наличие других возможностей передачи отрицательных смыслов и их разнообразие дают основание говорить об асимметричности языковых средств выражения отрицания и, следовательно, о прототипическом принципе организации данной категории. Ее прототипическое ядро образуют вышеназванные частицы вместе с примыкающими к прототипическому ядру другими отрицательными словами, для которых данная функция является главной, например: предикативные слова (рус. *нет*), отрицательные местоимения и наречия (рус. *никто*, *никогда*, *нигде*), парные отрицательные союзы (рус. *ни ... ни*), отрицательные префиксы и т.п.

Все другие используемые средства, для которых передача отрицательных смыслов является вторичной функцией, создают ближнюю и дальнюю периферию категории. Например, концептуальная характеристика **отсутствия** передается лексической семантикой различных частей речи и их грамматических форм (*сирота* - 'отсутствие родителей', *дилетант* - 'отсутствие профессиональных навыков', *лысый* - 'отсутствие волос', *грубый* - 'отсутствие обработки', *бедный* - 'отсутствие средств', *потерять*, *пропасть*, *сломать*, *требоваться*, - 'отсутствие чего-либо', *провалиться на экзамене*, *сорвалось что-либо* - 'отсутствие результата'), значением словообразовательных форм (*разъединить*, *разлюбить*, *отговорить*, *проиграть*) и синтаксических конструкций (*Приди он пораньше ...*; *Если бы встал рано ...*; *Говоришь, объясняешь, а все - одно и то же*; *Нам бы ...*), с помощью фразеологии (*остаться у разбитого корыта*; *когда рак на горе свистнет*). Аналогично: **несоответствие** (*исключение*, *ошибка*, *бракованный*, - 'несоответствие правилу, стандарту', *другой*, *иной*, *чужак* - несоответствие к-л категории', *опаздывать*, *подводить* - 'несоответствие ожидаемому результату или цели', *странноватый*, *толстоватый*, у²~

Н.Н. Болдыреву

ловатыи - 'несоответствие норме, идеалу'; *Будь я на твоём месте; «Уехал в Петербург, а приехал в Ленинград», «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича ...»* (Н.В. Гоголь); *туда конь с копытом, туда и рак с клешней* и т.д.), **различные отрицательные коммуникативные реакции** (*возражаю, запрещаю, отказываюсь; Он и работает; Сейчас все брошу и начну...; Да уж, конечно! Сейчас, только вот шею помою...*), **оценка** (*умник, грубиян, зелёный, ветхий, объедать; Какой из него писатель; Тоже мне летчик; И ещё считает себя умным; Уверенность дилетантов - предмет зависти профессионалов*).

При этом оценочные значения также развиваются на базе соответствующих концептуальных характеристик - отсутствия **или несоответствия** - в результате **концептуальной деривации**, которая **лежит** в основе формирования многих модусных концептов. Концептуальная деривация в данном случае представляет собой процесс конкретизации предметной отнесенности или способа и характера проявления отрицательной характеристики, например: ОТСУТСТВИЕ ЕДЫ -> КАУЗАЦИЯ ОТСУТСТВИЯ СТЕПЕНЬ *объедать*. Примером могут служить также вторичные, оценочные значения прилагательных, ср.: *безголовая селедка, но безголовый* (= 'глупый, тупой, несообразительный') человек [Ожегов, Шведова 1993: 38].

Попутно нельзя не отметить и еще один важный факт, который следует из рассуждений о прототипической структуре модусных категорий. Это касается особой роли прототипа в структурировании концептуального содержания. Именно прототип (и его языковая репрезентация) или прототипическое средство, как в случае с модусными категориями, служат, на наш взгляд, основным когнитивным механизмом и одновременно языковым средством вычленения объекта или его функции в процессе познания. Как следствие, они являются способом общей, гештальной, концептуализации и репрезентации этих объектов или функций на ментальном и языковом уровнях соответственно. Только поэтому, очевидно, и только в этом своем качестве прототип или прототипическое средство способны выполнять роль когнитивной точки референции, или точки опоры, при формировании соответствующих категорий и функциональных смыслов. Данный когнитивный механизм можно терминологически обозначить как **механизм прототипизации**

Подобные примеры свидетельствуют также о возможной градации в степени ^{3e}стации той или иной концептуальной характеристики.

1. Типы и статус категорий в языке

Реализация отрицательных смыслов в речи тоже обнаруживает описанную для модусных категорий в целом специфику. Эта специфика заключается в том, что *на функциональном уровне репрезентация модусного концепта*, а в данном случае концепта отрицания, *в чистом виде не приводит к формированию конкретного смысла*. Отсюда неопределенность семантики таких слов, как *хорошо*, *плохо*, *не* и т.п. Отрицательные формы в высказывании репрезентируют не отдельный концепт, а целую концептуальную структуру, представляющую собой единство отрицательного смысла как определенной характеристики соответствующего концепта (отсутствие, несоответствие и т.д.) и интерпретируемого концепта или концептуальной структуры (объектов, событий, характеристик), то есть **матричный концепт: ОТРИЦАНИЕ + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ**.

Интерпретируемые концепты, как правило, типизируются в виде конкретных предметных областей, или областей определения модусных концептов. В их качестве, в частности, могут выступать такие концептуальные области, как: «человек», «природа», «артефакты», «события», «признаки» и т.п. Конкретный набор подобных областей в единстве с соответствующим модусным концептом и представляет собой, по существу, концептуальную структуру в виде матрицы, или когнитивную матрицу (о когнитивной матрице и концептах матричного типа подробнее см.: [Болдырев 2009]).

Другими словами, модусные концепты не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единое знание. Это обуславливает структуру и содержание соответствующей категории, которая сама предстает как особый, **категориально-матричный формат знания** и может обнаруживать многофокусный принцип организации, объединяя разноуровневые средства репрезентации матричного концепта.

Матричный характер передаваемого концепта подтверждает высказанную выше мысль о вторичности модусных концептов и категорий и их зависимости от области определения, которая может определять формирование и передачу разных смыслов, например: *безвкусная еда* ('не имеет вкуса'), *безвкусная мебель* ('не отвечает требованиям хорошего вкуса'), *?безвкусный человек* ('лишен хорошего вкуса'), - или требовать дифференцированного использования разных **языковых** средств для передачи разных смыслов: *Ему / У него не хватает власти*, но только: *У него не хватает двух зубов* (**Ему не хватает/недостает двух зубов*). Сравните также, с одной стороны: *В комнате нет рояля* (**У комнаты нет рояля*; ?*Комната не имеет рояля*), •

Н.Н. Болдыреву

но: *Комната не имеет отдельного выхода*) и, с другой стороны: *У него (во рту) нет двух зубов* *С?Во рту нет двух зубов; *Рот не имеет двух зубов*). Как иллюстрируют приведенные примеры, используемые языковые средства отличаются определенной избирательностью в отношении передачи отрицательных смыслов, связанных с той или иной предметной областью. Так, во всех случаях репрезентируется одна и та же концептуальная характеристика - 'отсутствие'. Однако в разных синтаксических конструкциях она связана с интерпретацией разных типов объектов. Разнородность объектов, в свою очередь, предполагает наличие разных типов связей между ними (разные типы принадлежности), которые и подвергаются интерпретации.

Следовательно, тип этих связей тоже служит неотъемлемой частью получаемого единого отрицательного смысла, что и подтверждается наличием отдельной синтаксической конструкции для передачи каждого из этих смыслов в языке. Интересно, что для передачи актуального для момента речи отрицания непостоянной связи или признака (отчуждаемой принадлежности) также используется отдельный вид рассматриваемых конструкций: *У него нет с собой денег*. Сравните необычность выражения: **У него (во рту) нет с собой двух зубов*, - в котором отрицание связано с интерпретацией постоянного в норме признака. Аналогично, например, в английском языке для передачи тех же смысловых различий используются разные конструкции: *There no piano in the room; He has two teeth missing (in his mouth); He hasn't sot money with him; He hasn't brought money with him*.

Формирование функционального отрицательного смысла на базе матричного концепта может осуществляться по принципу концептуальной интеграции. Это в большей степени характерно для процессов концептуальной деривации, ведущих к образованию отрицательных, оценочных пс своей сути, смыслов. Их содержание в этом случае не сводится к простому суммированию той или иной характеристики концепта отрицания и концепта из области определения, представленных отдельно лексической и грамматической семантикой, например, семантикой синтаксической конструкции и входящих в нее лексических единиц: *Ему недостает Ума* (результат интеграции - единый оценочный смысл). Сравните с предложениями; **Ему недостает волос*, - в котором интеграция оказывается невозможной из-за передачи объективной характеристики, и: *Ему неостіает зубов*, - где она в принципе возможна в случае переносного, ночного, субъективного понимания в смысле 'давать отпор'). Это происходит и на системном уровне преимущественно при словообразовании, пример: *безголосый (певец) t* ОТСУТСТВИЕ + ГОЛОС. В последнем

1. Типы и статус категорий в языке

случае можно предположить, что результатом интеграции становится репрезентация другой концептуальной характеристики: 'несоответствие определенному профессиональному уровню'.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что основные характеристики категории отрицания, как и у всех модусных категорий, обусловлены особой, функциональной спецификой формирующего их концепта. Это: внутриязыковая природа, вторичный статус, инферентность. Связь с общей интерпретирующей функцией также позволяет заключить, что функция отрицания, как и интерпретация, характеризуется структурированностью, опирается на коллективные схемы знаний и в то же время ориентирована на концептуальную систему отдельного человека, то есть субъективна.

Дискретность функции отрицания определяет структуру концепта отрицания в виде следующих его основных характеристик: отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция. В то же время анализ языкового материала показывает, что формирование отрицательного смысла на функциональном уровне базируется не столько на самом концепте отрицания **или** одной из его характеристик, сколько на матричном концепте «отрицание (или одна из его характеристик) + интерпретируемый концепт **или** концептуальная структура», представляющем собой единое знание. Это, в свою очередь, раскрывает особый статус отрицания как структуры языкового знания - его категориально-матричный формат, который обуславливает многие из вышеназванных особенностей категории отрицания и специфику ее интерпретирующей функции.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Болдырев Н.И. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.И. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Болдырев Н.И. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Болдырев И.И., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №2. С. 7-16.

Н.Н. Болдыреву

- Бондаренко В.Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
- Демьянков В.З.* Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М., 1985.
- Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
- Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.
- Кубрякова Е.С.* В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5-14.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. С. 5-12.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993.
- Павшенис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
- Падучева Е.В.* Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. С. 354-355.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
- Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
- Ушаков Д.В.* Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3. М., 2009. С. 5-14.
- Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, 1994.
- Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge, Mass., 1995.
- Talmy L.* The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 165-205.
- Wierzbicka A.* Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney, 1980.
- Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. Amsterdam / Philadelphia, 1988.

В.И. Заботкина, ЕЛ. Боярская (Москва, Калининград)

ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ И КАТЕГОРИЗИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Одним из основополагающих понятий когнитивной науки является понятие категоризации. Категоризация представляет собой главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других [Кубрякова 1997: 85]. Изучение процесса категоризации важно для любого лингвистического исследования, так как этот процесс лежит в основе использования языка в целом. Как отмечает Н.Н. Болдырев «... любое знание, получаемое человеком, есть результат концептуализации и категоризации окружающего мира. Соответственно, языковое знание, которое является неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека, формируется по тем же законам [Болдырев 2009: 39].

Исходя из данного постулата, в рамках когнитивной семантики было создано множество работ, в которых процесс категоризации изучался и анализировался на примере изучения явления многозначности, в частности полисемии.

Как известно, полисемия представляет значительную трудность, если рассматривать это явление с точки зрения классического подхода к категоризации, в соответствии с которым концепты описываются только с точки зрения их необходимых и достаточных черт. Невозможность описания когнитивных механизмов многозначности в рамках классической теории категоризации привела к необходимости использования других когнитивных теорий. Прототипическая теория категоризации позволяет лучше понять сущность языкового явления полисемии, а также делает возможным выявить и описать его свойства. Е.С. Кубрякова изложила современное видение сути прототипического подхода к категоризации, которое предполагает следующее:

1) каждая естественная категория обладает определенной структурой, она не предписывает своим членам как членам некоего множества обязательности повторения набора идентичных черт - она характеризуется прототипичностью лишь в том смысле, что организуется вокруг прототипа или нескольких прототипов;

2) прототипом является лучший представитель своего класса, тот который своими психологическими признаками наиболее ярко представляет свой класс. Фокус категории содержит средоточие наиболее представительных характеристик своего класса, а, следовательно, понятие прототипа может быть признано коррелятивным понятию категории в ее классическом варианте;

3) члены категории не равны по своему статусу внутри категории, они различаются по степени схожести с эталоном - прототипом;

4) категории прототипического характера, объединяя единицы с различным набором признаков и частично нетождественными характеристиками, оказываются категориями с размытыми неопределенными границами [Кубрякова 1997: 96-98].

Обращаясь к вопросу об отношении процесса категоризации и полисемии, многие лингвисты описывали отношения между производными значениями полисеманта в виде набора структурированных когнитивных связей [Brugman, 1981; Lindner, 1982; Norvig & Lakoff, 1988; Nikiforidou, 1991; Evans & Green 2006]. В данных работах структура полисеманта рассматривается в качестве своеобразной категории, в которой содержится одно или несколько центральных значений, а также периферийные значения, связанные между собой определенными когнитивными связями.

Дж. Лакофф полагает, что явление полисемии тесно связано с концептуальной организацией в целом, а структура полисеманта является собой не просто некую категорию, а категорию прототипического характера. Значения полисеманта входят в ее состав на правах ее членов [Lakoff 1987]. Последователи этой концепции считают изучение явления полисемии ключевым моментом для исследования вопросов, связанных с концептуальной организацией сознания в целом. Само существование полисемии объясняется возможностью существования в сознании категорий прототипического характера, то есть возможностью сосуществования такого концептуального образования, в котором отдельные члены находятся в отдалении и не обязательно опосредовано связаны один с другим [Лещева 1996].

Большинство авторов практически едины во мнении, полагая, что существует определенная связь между концептуальной категорией прототипического типа и структурой полисеманта. Однако вопрос о характере и степени взаимоотношений между ними вызывает значительные разногласия.

1. Типы и статус категорий в языке

Очевиден тот факт, что и концептуальная категория, и полисемант являются комплексными когнитивными образованиями, возникшими в результате классифицирующей деятельности сознания [Лешева 1996: 57]. Обе структуры могут иметь прототипический характер, обладая во многом сходной организацией и строением. Исследования, выполненные в рамках когнитивной семантики, позволили ученым сделать ряд важных предположений, касающихся концептуальных структур, лежащих в основе многозначности. При этом основополагающим является предположение о том, что слова и их смыслы представляют собой концептуальные категории, которые имеют общие свойства с лингвистическими концептуальными категориями [Evans 2006: 328].

Концептуальная категория, как известно, включает информацию о центральных членах, наилучшим образом представляющих всю категорию - о прототипах. Категории формируются по принципу наличия определенного набора базисных характеристик. Чем меньшим сходством с прототипом обладает тот или иной член категории, тем более периферийное положение он занимает. Лингвистическая семантика, заимствуя само понятие прототип, трансформировала его, применительно к своим нуждам. В лингвистике под прототипом понимают прототипическое значение слова, на что и указывал Тейлор [Taylor 1991]. По его мнению, прототип представляет собой схематическую ментальную репрезентацию типичных черт категории, позволяющие другим сущностям быть отнесенными к данной категории на основании ощущаемого сходства с прототипом. Периферийные члены категорий могут играть роль так называемых вторичных прототипов, вокруг которых в свою очередь могут образовываться вторичные категории [Там же]. Это замечание особенно важно для рассмотрения явления многозначности, в частности отношений, существующих между производными значениями полисеманта. Полисемант так же формируется вокруг своеобразного «прототипа» - исходного значения, от которого наиболее вероятно образуются произвольные значения при минимальной затрате когнитивных усилий. Проблема выделения «прототипического», центрального смысла до сих пор не находит **однозначно** принимаемого всеми лингвистами решения - необходимо применить целый набор критериев - от анализа времени появления данного смысла (диахрония) до степени преобладания данного смысла в семантических сетях, **и** наконец, анализа способности данного смысла быть **использо-**

В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская

ванным для вероятностного прогнозирования развития других смыслов от данного прототипического смысла [Evans 2006: 344].

Как члены прототипической категории, так и значения в структуре полисеманта имеют различный статус: в концептуальной категории различают прототип и периферийные члены, а в структуре полисеманта - исходные и произвольные значения. Более того, периферийные члены категории обнаруживают прокатегориальный эффект, то есть готовность к выделению в самостоятельную категорию. В структуре полисеманта также наблюдаются определенные аналогии: производное значение часто становится исходным для образования нескольких новых значений. Особенно ярко данная тенденция проявляется при наиболее распространенном типе связи в структуре полисеманта - смешанном. Именно поэтому, лингвисты часто задаются вопросом о том, представляет ли структура полисеманта одну категорию или же является набором нескольких категорий, к которым и принадлежат концепты, лежащие в основе производных значений.

Прототипы подвержены трем типам процессов: они могут оставаться без изменений в течение долгого времени, могут изменить набор своих характеристик, что приведет к изменению состава категории, и, наконец, может произойти так называемый сдвиг прототипа - прототипом категории может стать совсем другой представитель категории. Любые из вышеперечисленных изменений, произошедшие с прототипом определенной категории неизбежно отражаются на ее составе. По нашему мнению, исходя из трех указанных выше процессов, которые могут затронуть прототипы категорий, имеет смысл различать категории двух видов: устойчивые категории и категории, обладающие меньшей устойчивостью, в зависимости от степени устойчивости или неустойчивости характеристик их прототипов. Можно так же предположить применительно к теории многозначности, что члены более устойчивых категорий (а, следовательно, и лексические единицы, обозначающие концепты, входящие в них), будут чаще использоваться в Целях вторичной номинации. Представляется маловероятным, что сознания повторно и многократно (что и наблюдается в случае полисемии) апеллирует к концептуальному образованию, которое демонстрирует высокую степень вариабельности.

Центральные члены прототипических категорий проявляют иные когнитивные характеристики, чем нецентральные: прототипы Острее распознаются и усваиваются, чаще употребляются и ускоряют

/ Типы и статус категорий в языке •

решение любых задач, связанных с идентификацией. В связи с этим немаловажное значение имеет тот факт, что с точки зрения психологии и нейрофизиологии, механизм восприятия информации, содержащейся в концептуальной категории и полисеманте представляется схожим по своему характеру: сначала идет апелляция к прототипу, а у полисеманта - к более центральному значению. Далее происходит детализация по контексту. И для концептуальной категории, и для полисеманта характерно стремление к уточнению, детализации, спецификации. Как показали проведенные исследования, сознание чаще обращается к субкатегориям или же категориям базового уровня, а не к макрообразованиям - надкатегориям. В противном случае процесс коммуникации! был бы сильно осложнен. Эта же закономерность прослеживается в структуре полисеманта: как показывают исследования, сужение значения как способ вторичной номинации применяется чаще, чем расширение значения [Боярская 1999].

Одним из аргументов, приводимых в защиту тезиса о несхожести концептуальных категорий и полисеманта, является положение о членстве в категории, которое не носит постоянного характера. С одной стороны, один и тот же объект может быть отнесен к разным категориям. С другой стороны, в структуре категории могут происходить значительные изменения в результате сдвига прототипа или изменения некоторых базовых характеристик прототипа, ведущих к изменению состава категории в целом. Структура полисеманта также не является статичной. Многозначные слова - неотъемлемая часть любого языка, а язык подвергается значительным изменениям под действием различных факторов, в том числе и экстралингвистических. Одни значения устаревают, выходят из употребления и могут быть заменены новыми лексическими единицами. Очевидно, нельзя категорично утверждать,! что структура полисеманта носит навсегда заданный характер: она, как и концептуальная категория, демонстрирует определенную степень изменчивости своей структуры.

Вызывает определенное сомнение утверждение о том, что между членами прототипической категории нет отношений предсказуемости, тогда как в полисеманте производные значения могут быть определены отношениями условного тождества, импликации и включения, устанавливаемых правилами логических заключений и догадок [Лешева 1996]. Однако довольно затруднительно даже с относительной точностью предсказать, какое конкретно производное значение появится в

В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская

структуре полисеманта. Никакие логические догадки и заключения не могут объяснить, почему появилось или наоборот не появилось, где было ожидаемо, новое производное значение. Как отмечает А. Лерер, многие случаи полисемии не поддаются никаким предсказаниям, никакому предвидению, не вписываются ни в какую систему [Lehger 1990: 207-246]. Что касается концептуальной категории, то при отсутствии ограничений на членство, размытости границ практически любой концепт может стать членом категории, если для этого имеются достаточные основания. Так, зная ведущий принцип формирования категории, то есть набор ее базовых характеристик, можно с помощью тех же заключений и догадок предположить, что «нечто», еще не классифицированное сознанием и обладающее сходным набором признаков, будет отнесено к определенной категории. Безусловно, степень предсказуемости при определении вероятных приращений концептуальных категорий и полисемантов будет различной, но это вполне объяснимо: легче найти некие модели, схемы и аналогии, работая с «материальными» словами, чем исследовать концепты, осознавая известную долю субъективизма концептуальных исследований.

При всей очевидной значимости прототипического подхода к анализу явления полисемии, данная теория в последнее время подвергается серьезной критике со стороны целого ряда ученых, особенно в той ее части, которая касается способов представления и анализа категорий [Evens 2006]. Дж. Лакофф считает, что многозначные лексические единицы представляют собой комплексные радиальные категории, структурированные вокруг одного прототипа, а разные члены данной категории соотносятся с данным прототипом условно (by convention). Однако, в данном случае Дж. Лакофф не придает должного внимания различным видам контекста, которые, безусловно, оказывают существенно влияния на концептуальную категорию [Там же]. В концептуальной категории периферийный член категории часто занимает место прототипа под влиянием контекста употребления. Что касается структуры полисеманта, то, как известно, именно контекст, понимаемый широко, помогает разрешить полисемию и дифференцировать один смысл от другого. Методология Дж. Лакоффа не позволяет когнитивной лингвистике дать ответ на один из основных вопросов в теории многозначности - вопросе о природе смыслов (создаются ли смыслы on-line или же хранятся в ментальном лексиконе). Как концептуальная категория, так и полисемант проявляют зависимость от кон-

текста: Адекватное значение полисеманта может быть выбрано только с помощью контекста. Речь в обоих случаях идет о широкой трактовке понятия контекст - контекст употребления, узкий и широкий лингвистический контекст и контекст знаний [Заботкина 2006: 47].

Можно предположить, что структура полисеманта и концептуальной категории прототипического типа проявляют значительное количество схожих свойств, но, тем не менее, не являются явлениями одного порядка. Однако, дальнейший детальный анализ структуры полисемантической лексической единицы поможет пролить свет на организацию и особенности явления категоризации. В свою очередь, прототипический характер концептуальных категорий детерминирует степень и характер вторичной номинации.

Рассмотрим концептуальную структуру, лежащую в основе полисемантического слова. Как правило, концептуальная структура построена по принципу радиальной категории. Каждое отдельное значение слова представляет собой отдельные фреймы, соотносящийся с определенной концептосферой. Например, слово *big* в различных своих значениях входит в такие концептосферы, как 1) размер, 2) степень, 3) важность, 4) щедрость, 5) успех, 6) влияние, 7) амбициозность. По мере развертывания дискурса активизируется один из фреймов концептуальной структуры этого слова. Рассмотрим следующий пример: *Maybe we are not thinking **big** enough.* Здесь происходит активизация фрейма «амбиция». В предложении *A whole 5 pounds! That was very big of her, I must say!* активизируется фрейм «щедрость».

В 70-е годы слово *big* развило новое значение "to be enthusiastic about smth, be a great fan or admirer of".

That company is big on research.

I am very big on Goldwater (Nelson Rockefeller has been saying). We have been good friends over the years with a few unfortunate hiatuses. (National Review. 5/23/75 p. 544) ср. She said, I have just been at Macy's. I have been going to Macy's every day for the last two weeks. I am very big on Macy's (New Yorker 5/16/77 p. 86 (1968).

В данном случае новое значение формирует новый фрейм «энтузиазм», который добавляется к концептуальной структуре всего слова *big*.

В последние годы в структуре значения слова *big* появилось новое значение *arrogant* (высокомерный). Ср: *George is such a show-off. He likes acting big sometimes.* Данное значение активирует фрейм «вBI-

В. И. Заботкина, Е.Л. Боярская

окомерие», который также является новым в концептуальной структуре слова big.

Все вышеупомянутые фреймы образуют в концептуальной структуре слова определенную взаимосвязанную радиальную сеть, которая представлена следующим образом (см. рис. 1).

Рис. 1

Как видно из схемы, фрейм «энтузиазм» является производным от фрейма «интенсивная деятельность». Фрейм «высокомерие» является производным от фрейма «амбициозность». Таким образом, тело знака (надводная часть айсберга) репрезентирует такую развернутую структуру знания и такую сложную концептуальную структуру (подводной части айсберга), которой человек оперирует с разными целями и потому «вытаскивает» разные значения из этой структуры и даже «смешивает» их [Кубрякова 2006: 369-370]. Для целей анализа процедуры наследования информации из исходной концептуальной структуры значения в новую, в каждом фрейме можно выделить несколько типов подфреймов, таких как конститутивный, инферентный, телический, формальный, и т.д. (см. [Пустиевский 1999; Боярская 1999; Заботкина 1999]).

Таким образом, лингвистические формы подключают нас к различного рода сетям, существующим в когнитивной системе говоряще-

/. Типы и статус категорий в языке •

го / слушающего и активизируют различного рода последовательные и параллельные операции связи.

Литература

Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. М., 2009. С. 38-50.

Боярская Е.Л. Когнитивные основы развития полисемии в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Заботкина В.И. Прагмалингвистические основы межкультурной коммуникации // Вестник РГУ им. И. Канта, 2006. С. 47-52.

Лещева Л.М. Когнитивные аспекты лексической полисемии. Минск, 1996.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Bierwisch M. Semantische und conceptuelle representation lexikalischer Einheiten, In Ruzicka R. and Motsch, W (eds). Untersuchungen zur semantik, 1983. P, 61-99.

Caramazza A., Grober E. Polysemy and the structure of the subjective lexicon // Semantics: theory and application ed. by C. Rameh. Washington, 1976. P. 181-206.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics // Edinburgh, 2006. P. 830.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago, 1987.

Lehrer A. Polysemy, conventionality and the structure of the lexicon. Cognitive linguistics 1-2, 1990. P. 207-246.

Norvig P., Lakoff G. Talking: a study in lexical network theory // Proceedings of the thirteenth annual meeting of the Berkley linguistic society. Berkley, 1987. P. 185-206.

Nunberg G. Transfers of meaning // Lexical semantics: the problem of polysemy. Pustejovsky J., Boguraev B (eds.), Clarendon Press, Oxford, 1996. P. 109-132.

Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford-N.Y., 1991.

Taylor J.R. Introduction. On construing the world // Language and the cognitive construal of the world / Taylor J. R., MacLaury R.E. Berlin, N.Y., 1995. P. 1-21.

Л. Г. Бабенко

Л. Г. Бабенко (Екатеринбург)

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПРОЦЕДУРАХ КАТЕГОРИЗАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ РАЗНОЙ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Категоризация и классификация, прежде всего идеографическая классификация лексики, - тесно взаимосвязаны, они предполагают друг друга и действуют по принципу дополнительности. Так, классификация лексики по семантическим множествам разного типа (семантическим полям, классам, группам, подгруппам и др.) осуществляется с целью выявления парадигмы понятийных категорий разного уровня иерархии, на основе которых и формируются эти множества слов и которые являются инструментом категоризации мира и выражают закрепленные в языке знания о его устройстве.

Размышляя об итогах и перспективах формирования и развития когнитивной лингвистики в России, Е.С. Кубрякова в качестве одной из причин, препятствующих успешному развитию когнитивной лингвистики в нашей стране, назвала «отсутствие типологии представленных в языке категорий и их иерархии» [Кубрякова, 2006: 30]. Именно эта причина, по мнению Е.С. Кубряковой, не позволяет «говорить о языковых картинах мира и совокупностях наиболее общих представлений о строении и организации мира» [Там же: с. 30].

Наш опыт идеографической классификации лексики различной семантико-грамматической природы: глаголов, существительных, прилагательных, а также русских синонимов - позволил создать синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики. Синопсис фактически представляет собой суперпарадигму категорий, представленных в их иерархии и отображающих представления об организации мира. Идеографическое описание вышеуказанного множества русской лексики в полном объеме с указанием состава всех идеографических классов слов представлено в серии идеографических словарей: Большом толковом словаре русских глаголов (М., 2007), Большом толковом словаре русских существительных (М., 2005), Словаре-тезаурусе русских прилагательных (в печати), Словаре-тезаурусе синонимов русской речи (М., 2007). Именно материалы данных словарей послужили основой извлечения структуры синопсиса русской лексики.

/. Типы и статус категорий в языке J

На основе идеографического описания более 50 000 слов выявлено 15 категорий базового уровня: неживая природа (1), вещества и материалы (2), живая природа (3), человек как живое существо (4), населенный пункт (5), нации (6), родственные и семейные отношения (7), человек и его внутренний мир: эмоции, оценка, интеллект (8), язык и речь (9), сверхъестественное (10), общественно-государственная сфера (11), конкретная физическая деятельность (12), социальная сфера жизни человека (13), восприятие окружающего мира (14), универсальные представления, смыслы и отношения (15). Эти базовые категории формируют денотативно-идеографические сферы словаря, которые, в свою очередь, состоят из денотативных классов, денотативно-идеографических групп и подгрупп.

В синопсисе иерархичность вышеуказанных множеств синонимов разного ранга отражается в соответствующей рубрикации. Так, первоначально выделяются денотативно-идеографические сферы на основе 15 базовых категорий, которые обозначаются арабскими цифрами. Например: 1. Неживая природа; 3. Живая природа. Далее внутри сфер денотативно-идеографические классы уточняются введением новых рубрик, указателями которых являются вторые добавочные цифры в рубрикации. Например, в сфере «Живая природа» это будут следующие классы: 3.1. Растительный мир; 3.2. Животный мир. Соответственно денотативно-идеографические группы и подгруппы выделяются добавочными номерами в общей рубрикации. Так, например, в группе 3.2.8. Строение живого существа имеется 5 подгрупп: 3.2.8.1. Голова живого существа и ее части; 3.2.8.2. Внутренние и внешние части тела; 3.2.8.3. Конечности живого существа и их части; 3.2.8.4. Волосяной покров и роговые образования на теле живого существа; 3.2.8.5. Нарушения в организме живого существа. Итак, чем меньше цифр - тем выше статус денотативно-идеографического множества, чем больше цифр - тем этот статус ниже. Например, подподгруппа 3.2.10.1.2. «Смерть живого существа» входит в подгруппу 3.2.10.1. Процесс жизненного существования, которая в свою очередь является частью денотативно-идеографической группы 3.2.10. Физиология живого существа, которая включается в денотативно-идеографический класс 3.2. Животный мир, являющийся компонентом денотативно-идеографической сферы 3. Живая природа.

Различные денотативные сферы структурно (по набору составляющих их групп и подгрупп) не совпадают, что обусловлено избирательностью отображения мира лексическими средствами разной градации:

Л.Г. Бабенко

"иЧЕСКОЙ природы: глаголами, существительными, прилагательными синонимами. Глаголы и существительные в большей степени об-
'живают грамматическую специализацию в отображении мира
йствительности. Например, конкретная физическая деятельность че-
Де ека преимущественно обозначается глаголами, а вещества и мате-
Л алы нации, населенный пункт и др. - существительными. Есть кате-
пии' которые репрезентируются всеми знаменательными словами,
например, эмоции, речь, интеллект и др. Прилагательные фактически
участвуют в отображении всех сфер жизни.

Специальное исследование роли синонимов в формировании языковой картины мира позволяет обнаружить неравномерность концептуализации разных фрагментов мира. Это обусловлено степенью значимости тех или иных фрагментов для соответствующего этноса. Если говорить в этом отношении о синонимии, то даже простой количественный анализ их представленности в разных семантических группах позволяет обнаружить приоритеты русского национального сознания в отображении бытия. Центр синонимической картины мира русского человека составляют денотативные сферы, характеризующие человека как индивидуальную и социальную личность. Так, денотативные сферы эмоции (20 %), интеллект (7 %), речь (6 %) - включают около 3 000 синонимических рядов слов, что составляет 35 % от их общего количества. Синонимические ряды слов, отображающие социальную деятельность и социальную сферу жизни человека, составляют 22 % от общего числа синонимов. Эти вышеприведенные категории вместе составляют 57 % всех синонимических рядов. Как показывают количественные данные, синонимы восьми денотативных сфер из пятнадцати, в основном интерпретирующие личность человека и его деятельность, включают в свой состав 78 % синонимических рядов, остальные семь денотативных сфер представлены незначительным количеством синонимических рядов.

Сопоставление синонимической структуры словаря синонимов русской речи с идеографической классификацией русских глаголов, существительных и прилагательных обнаружило, кроме того, что не все фрагменты бытия и деятельности человека находят отображение в картине мира, репрезентируемой синонимами. Так, не представлены в полной мере такие базовые категории, как вещество, производство, Управление и власть, владение, приобретение, обладание, сохранение, ение объекта, влияние, контакт, принуждение, подчинение и др.

1. Типы и статус категорий в языке J

Результаты идеографического описания русских синонимов показывают, что важную роль в формировании синонимической картины мира играют интерпретационные процессы, так как сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта - это показатель существенности, выделенности, выделенности данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов. Именно когнитивный процесс интерпретации обуславливает выделенность наиболее значимого в мире. Русская синонимическая картина мира в большой степени антропологизирована, основная часть составляющих ее категорий соотносена с человеком как существом мыслящим, говорящим, чувствующим, деятельным и социально активным. Именно идеографическое описание синонимов позволило выявить то, что находится в фокусе интереса русского национального сознания, так как синонимы являются средством репрезентации антропологически релевантных знаний.

Итак, данные идеографических словарей слов разных частей речи позволяют говорить о грамматических приоритетах в изображении мира, а данные словаря синонимов - о степени глубины семантического пространства русского языка и о характере отображения различных фрагментов в языковой картине мира.

В процессе глобальной идеографической классификации русской лексики выявились как общие закономерности идеографического описания, характерные для слов разной грамматической природы, так и специфические особенности, свойственные определенным семантико-грамматическим классам. В докладе приводятся наблюдения относительно механизма классификации лексики, относящейся к разным семантико-грамматическим классам слов. В каждом из вышеперечисленных словарей сохранялся главный принцип идеографического описания лексики, основанный на методике идентификации - поиске лексико-семантических групп слов, имеющих общий идентификатор. Таким образом, идеографическое описание лексики было направлено от анализа семантики отдельных слов к поиску лексических множеств, репрезентирующих общие понятия. Этот главный принцип в то же время в зависимости от грамматической природы лексического материала и поставленных целей от словаря к словарю изменялся. При этом одним из важнейших оставался вопрос выявления базовых идентификаторов для лексических множеств разной лексико-грамматической природы.

Как убедительно доказано в когнитологии, обнаружение системы концептов ориентировано на базисный уровень категоризации мира. К лексическим репрезентантам категорий базового уровня можно

парадигму базовых идентификаторов семантических групп русских лексик, которая выделена в идеографических словарях и на основе которых вся лексика систематизирована по семантическим полям, полям и лексико-семантическим группам. Наш опыт идеографического описания лексики, воплощенный в серии изданных идеографических словарей, подтвердил мысль о том, что основными репрезентантами категорий разного уровня иерархии: базовых, суперординантных, субординантных и пр. - являются также не только базовые идентификаторы, но и сами лексико-семантические множества разного ранга: семантические поля, лексико-семантические группы слов, их подгруппы.

Специфика лексической и грамматической семантики слов разных частей речи обусловила необходимость модификации общего алгоритма лексической идентификации с целью выявления семантически тождественных компонентов в близких по семантике словах. Самый богатый класс слов в плане идентификации - глаголы. Лексическая семантика глаголов иерархически структурирована: суперклассификаторы ('состояние', 'отношение', 'деятельность' и др.) уточняются категориально-лексическими семами ('говорение', 'мышление', 'движение' и др.), которые в свою очередь конкретизируются дифференциальными семами. Подобная структурированность семантики глаголов отражается и в иерархичности системной организации глаголов, вершину которой занимают семантические поля (глаголы действия, бытия, отношения, состояния и под), внутри которых выделяются семантические классы, группы и подгруппы. Эта особенность лексической семантики глаголов позволила при их семантической классификации в качестве основного использовать метод ступенчатой идентификации слов, предложенный в семидесятые годы Э.В. Кузнецовой, который заключался в поиске категориально-лексических сем, свойственных глаголам одной ЛСГ, а на их основе и базовых глаголов-идентификаторов, репрезентирующих категориальные смыслы. На основании этой методики были выделены лексико-семантические группы русских глаголов, представленные в виде списков глаголов, взятых в своих основных значениях, в словаре «Лексико-семантические группы глаголов» (Свердловск, 1999), созданном под руководством Э.В. Кузнецовой.

Основное принципиальное отличие толкового идеографического словаря существительных от аналогичного словаря глаголов заключается в организации его внешней структуры (макроструктуры), в методах выявления и описания лексической категоризации имен существительных. Категоризация глаголов осуществлялась прежде всего на антическом основании, при этом использовался в первую очередь

/. Типы и статус категорий в языке J

метод компонентного анализа глагольных значений, включающий в качестве основного приема ступенчатую идентификацию семантики; глаголов, их дефиниционный анализ. Существительные включают в свой состав преимущественно предметные слова, специфика значения которых требует иной лексикографической параметризации. При описании семантики существительных, прежде всего конкретных, нельзя не учитывать денотативный компонент их значения, поэтому классификация существительных в данном словаре осуществлялась на денотативно-идеографическом основании. Подобный подход к выявлению идеографических классов существительных обусловлен, во-первых, самой категориальной природой существительных, которые в первую очередь ориентированы на отображение объектов действительности, на определенные предметные области бытия. Таким образом, можно предположить, что семантико-идеографическая систематизация существительных в большей степени, чем других категориально-грамматических классов слов, денотативно обусловлена.

Кроме того, наш опыт составления словарных статей для экспериментального синтаксического словаря русских глагольных предложений показал, что определенные классы существительных отображают участников типовой денотативной ситуации, при этом их роль в формировании типовой ситуации не менее важна, чем роль глаголов-предикатов. Вследствие этого типовая денотативная ситуация может быть основанием объединения имен существительных в одно семантическое множество слов. Использование понятия типовой денотативной ситуации позволило нам объемные классы существительных, фактически суперпарадигматические группировки слов (типа существительных, обозначающих лицо по профессии, обозначающих инструменты, здания и пр.), представить в дифференцированном виде в составе различных денотативно-идеографических групп слов с учетом их семантических функций в формировании типовой ситуации, отображающей определенный фрагмент мира. Так, существительные, обозначающие лицо по профессии, составляют самостоятельные денотативно-идеографические группы слов в составе сфер «Религия», «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера обслуживания», «Транспорт: «Наука», «Образование». Идеографические группировки имен существительных, репрезентирующих участников одной типовой ситуации нами отнесены к одной денотативной сфере. Имена денотативных сфер являются в толковом идеографическом словаре существитель

основными рубриками, отображающими макроструктуру словаря и организующими лексику в семантические классы.

Само выделение денотативных сфер и системы денотативно-идеографических классов слов, представляющих собой синоптическую схему словаря, зиждется на денотативном компоненте семантики существительных, который в свою очередь обусловлен организацией реального предметного мира. Таким образом, система выявленных денотативных сфер и денотативно-идеографических классов существительных представляет собой не что иное как наивную картину мира предметов и опредмечиваемых сознанием человека понятий и явлений, отображаемых лексическими средствами. Например, в словаре существительных в качестве денотативных сфер выделены следующие: быт, военная служба, одежда, наука, образование, населенный пункт, религия, питание и др. Каждая сфера включает в свой состав денотативно-идеографические классы слов, отображающие основные составляющие типовой ситуации, характеризующие ту или иную денотативную сферу. Состав денотативно-идеографических классов существительных различен по объему, он формируется на основании их категориально-лексической семантики

Итак, новый лексикографический взгляд на семантику имен существительных позволил более объемно их интерпретировать и семантизировать. При этом лексикографически существенной оказывается денотативная категоризация имен предметов. Эта информация отражается в макроструктуре словаря, в выделении денотативных сфер имен существительных и в наличии лексических репрезентантов денотативных характеристик в словарной статье.

Прилагательные в силу богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленности их лексической семантики - самый сложный в отношении идеографического описания класс слов. Не случайно до сих пор нет опыта их глобальной семантической классификации (имеющиеся классификации в основном касаются только качественных прилагательных). Прилагательные, с одной стороны, семантически подобны глаголам, с другой стороны, обозначая свойства и признаки предметов в широком смысле, тесно связаны семантически с существительными. Сходство с глаголами обнаруживается в иерархичности семной структуры прилагательных, вершину иерархии которых также занимают семантические суперклассификаторы, отображающие основные суперкатегории: бытийность, отношение, проявление, воздействие и пр. Сходство с именами существительными обнаруживается в референтной отнесенности и дискурсивной обусловленности

семантики прилагательных. Возьмем, к примеру, прилагательное *глаз-ной*. В словаре в одной словарной статье как оттенки подаются два значения этого слова. Первое по лексикографической традиции семантизации относительных прилагательных имеет отсылочный характер: 'к Глаз (I зн.). *Г. нерв. Г. болезни.*' Второе значение формулируется следующим образом: 'Относящийся к болезням глаза и их лечению. *Г. вран. Г-ая клиника. Г-ые капли. Г-ая операция*'. Как видим, оба значения имеют общий суперклассификатор - «Отношение», что позволяет их отнести к одному семантическому полю лексики отношения. С другой стороны, их референтная отнесенность и обусловленная ею сочетаемость различны: первое значение связано с обозначением органа восприятия живого существа - органа зрения, второе значение - с медициной.> Вследствие этого именно денотативно-референциальный фактор и дискурсивные особенности значения оказываются существенными при идентификации данного прилагательного, которое включается в разные денотативно идеографические группы. В первом значении оно включается в группу «Часть головы живого существа, а также часть того, что на ней расположено»: *височный, глазничный, глазной, затылочный, губной* и под. Во втором значении оно включается в группу «Медицина»: *акушерский и акушерский, анестезиологический, ветеринарный, врачебный, гипнотизерский, глазной, дантистский*, и под.

Таким образом, следует подчеркнуть объективную трудность категоризации прилагательных, обусловленную уникальностью семантики этого класса слов. В качестве идентификаторов прилагательных нами были предложены аналитические сочетания, включающие обычно два компонента: Идентификатор первой степени - слово с более обобщенным значением, обычно репрезентант суперклассификаторов: *имеющийся, обладающий, относящийся, выражающий* и под. Идентификатор второй степени - слово с более конкретным значением, репрезентант референциальной и дискурсивной составляющих семантики прилагательных. Например, суперклассификатор дающий уточняется следующим образом: *дающий, приносящий результат; дающий / не дающий много чего-либо (хлеба, урожая и под.); дающий возможность что-л. экономить; дающий жизнь; дающий какие-л. знания, образования; дающий какую-л. производительность.*

В словаре синонимов сохраняется общая идея идеографического описания лексики, которая используется прежде всего в формировании макроструктуры словаря, в выявлении семантических полей, групп и подгрупп, что базируется на макроструктурах ранее созданных идеографических словарей, хотя не повторяет их полностью вследствие то-

Л.Г. Бабенко

что не все фрагменты реального мира в равной степени находят отражение в синонимической картине мира. Также в словарных статьях, Р и ранее, приводится типовая семантика для синонимического ряда (К₃ К₁ в н₀ с учетом того, что слова-синонимы одного ряда связаны отношениями тождества и имеют больше сходных семантических признаков, чем различительных, в словаре зона типовой семантики манифестируется двумя словарными зонами: «семантическая идея синонимического ряда» и «прототипическая семантика». Таким образом, внутренняя структура словарной статьи идеографического словаря синонимов частично повторяет, но во многом отличается от созданных ранее идеографических словарей глаголов и существительных: Заглавная единица словарной статьи - слово-доминанта синонимического ряда. Затем идет зона «синонимический ряд», далее - словарная зона «семантическая идея синонимического ряда», в которой в обобщенном виде формулируется его типовая семантика. За ней следует зона «прототип», которая предполагает репрезентацию существенных признаков семантики слов-синонимов, порой ассоциативных, но чрезвычайно значимых в коммуникативной и когнитивной деятельности говорящих.

Итак, наш опыт идеографического описания лексических множеств разной семантико-грамматической природы (глаголов, существительных, прилагательных и синонимов), осуществленный авторами-составителями проблемной группы «Русский глагол», позволяет наметить дальнейшие перспективы идеографической лексикографии и ставить для решения ряд теоретических проблем. Во-первых, становится возможной подготовка полного словаря-тезауруса, на основе которого можно реконструировать языковую картину мира и можно выявить репрезентированную в языке типологию категорий в их иерархии. Во-вторых, можно выявить общее и специфическое в словарном (лексикографическом) представлении различных семантических категорий, их места и роли в семантическом пространстве языка, в отображении частных фрагментов мира (процессуально-событийного, предметного и пр.). В-третьих, можно ставить задачу обнаружения в полном объеме парадигмы базовых категорий, представляющих собой концептосферу русского языка, отображающую знания русского человека о мире.

Литература

Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2006. С. 26-31.

ДЕФОКУСИРОВАНИЕ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ В КОМПЛЕКСНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ*

Распределение внимания рассматривается в когнитивной лингвистике в качестве важнейшего фактора формирования языкового значения и языковых категорий. Семантика языковых выражений, морфологические, синтаксические и понятийные категории описываются как процесс фокусирования на определенных аспектах референта или класса референтов, осуществляемый и закрепляемый с помощью языковых форм. Сама природа языковой номинации предполагает избирательность, так как состоит в том, чтобы дать имя объекту или событию, опираясь на ограниченное количество его признаков, а нередко и вовсе на один признак (ср. понятия внутренней формы у А. А. Потебни и ономазиологического признака у Е.С. Кубряковой). Этот изначальный фокус внимания может со временем перестать осознаваться говорящими, однако в ходе перекатегоризации или в процессе дискурсивной деятельности нередко обретает вторую жизнь. И

Когнитивные исследования также показали, что в силу селективности внимания и ограниченного объема оперативной памяти фокусировка неизбежно сопровождается подавлением - частичным или полным, - нерелевантных для текущей деятельности сигналов. На заднем плане могут оказаться также те аспекты референтного объекта, которые очевидны, либо представляются говорящими как таковые, либо сознательно «затемняются» в силу тех или иных причин (см. подробные обзоры в [Anderson 2000; Солсо 1996]).

Весь этот комплекс явлений, обратных фокусировке (повышению уровня салиентности, профилированию, помещению в активную зону и пр.), можно объединить под общим названием «дефокусирования».

Дефокусирование - это широкий класс лингвокогнитивных процессов, в ходе которых происходит изменение фокуса внимания говорящих / носителей языка, приводящее к **понижению степени выделенности** определенных элементов конструируемой ситуации или объекта, то есть к перемещению этих элементов во вторичный фокус

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проб' № 08-04-0033 5а) и Министерства образования и науки Российской Федерации" (государственный контракт № 2009-1.1-304-075-021).

О.К. Ирисханова

или фо^н- Понижение степени выделенности реализуется в следующем:
а) в выведении в акте номинации из поля зрения говорящего тех свойств класса объектов, которые в онтологическом плане относятся или изначально относились к его существенным свойствам, то есть должны были быть фокусными элементами; б) в задержке ожидаемой (естественной) смены фокусов и фона в дискурсе¹; в) в ослаблении фокуса за счет, например, превращения первичного фокуса во вторичный, расширения или сужения его границ или создания множественных фокусов, наложения нескольких фокусов и пр.; г) в осознанном подавлении старого фокуса в результате полного или частичного референциального сдвига как реакции на слова собеседника, угрожающие имиджу (уклонение, игнорирование вопроса или иной реплики, косвенные речевые акты).

Таким образом, при дефокусировании происходят attentionальные сдвиги, приводящие к перемещению некоторых свойств референта или класса объектов из первичного фокуса в дефокусированную зону. К последней относятся эксплицированный языковыми средствами вспомогательный (вторичный) фокус и неэксплицированный фон.

Дефокусирование можно рассматривать также с точки зрения возрастания роли фона, оставшегося невыраженным языковой формой, для интерпретации значения самой формы в системе языка или в дискурсе. В этом случае фон как часть дефокусированной зоны является аналогом когнитивного термина «базы / домена» или более традиционного широкого термина «контекста» и является ключом к интерпретации фокусных элементов в семантике языковых единиц, а также к построению дискурсивных импликаций в коммуникативных актах, особенно в актах непрямо́й коммуникации.

Ниже обобщу наиболее важные, на мой взгляд, характеристики дефокусирования в языке. Приводимый ниже список свойств отражает наиболее общие установки и не является исчерпывающим.

Свойства дефокусирования

1 • Дефокусирование как лингвистическое явление находится на пересечении системного и функционального модусов существования языка, с одной стороны, и когницией как процессов селективного познания действительности - с другой. Поскольку в основе феномена Фокусирования лежит динамика взаимного соотношения объектов и

• понятие приостановки фокуса в [Гогтишвили 2006].

/. Типы и статус категорий в языке J

свойств, репрезентированных в нашем сознании с разной степенью выделенности, то понятие дефокусирования обладает р е л я ц и о ц . н ы м характером. Последнее утверждение означает, что данный механизм может быть описан только относительно фокусир о . в а н и я и с д в и г о в ф о к у с а внимания.

2. Фокус и дефокусированная зона (далее - деФ-зона), находясь в отношениях противопоставления, представляют собой области, рас. g положенные на единой, относительно непрерывной ш к а л е выде. ft ленности (см. у Л. Талми). К этим областям относятся, по убыванию | степени салиентности, первичный фокус, вспомогательный (вторич-1 ный) фокус и фон. Языковые единицы и выражения «выхватывают» ® определенные участки континуума (не)выделенности и дифференци- I руют их в нашем сознании. При этом границы между зонами разной степени выделенное™ могут носить диффузный, подвижный характер Я и не всегда осознаются говорящими.

3. Процессы языкового фокусирования и дефокусирования опираются на у н и в е р с а л ь н ы е законы зрительного и слухового восприятия, обработки и распределения информации, для которых свойственны селективность и выделение одних объектов на фоне других, Однако между сменой фокусов и фона в языке и «неязыковым», перцептивным распределением внимания на естественные фигуру и фон нельзя поставить знак равенства, поскольку аттенциональность в пространстве языка в той или иной степени ограничена условностью «языковой игры» - относительной конвенциональностью языковой формы и ее функционирования.

4. Неязыковое дефокусирование носит в большинстве случаев произвольный характер. Оно провоцируется, прежде всего, изменениями в онтологии мира или в психическом состоянии человека, вызвано наличием «узких мест» при восприятии и обработке информации и автоматически сопровождает фокусирование. Дефокусирование в языке может быть как неосознанным и непосредственно обусловленным внешними изменениями в воспринимаемом мире, так и осознаваться и контролироваться говорящими. Оно может провоцироваться другими языковыми формами, зависеть от индивидуальных и коллективных интенций и установок и приобретать характер коммуникативной стратегии.

5. При перцептивном распределении внимания для декодиро* вания поступающего сигнала важно, в основном, то, что находится И поле зрения человека. В вербальной деятельности, носящей в знач"

О.К. Ирисханова

" ной степени инферентный характер, не менее существенным
Т⁶ нередко более существенным) оказывается то, что не выделено экс-
плицитно говорящим как самое значимое или новое. В ходе вербаль-
ной коммуникации именно фон, как известно, может оказывать наи-
большее влияние на процессы интерпретации (как в случае с социо-
культурным контекстом) и даже стимулировать интерес слушающего к
«сокрытым» сущностям (например, в загадках). Это свойство связано с
тем что интерпретация языковых выражений не сводится к про-
стому декодированию и подразумевает самостоятельное,
творческое достраивание говорящими когнитивных пропусков,
восполнение коммуникативно релевантной информации.

6. Процессы распределения внимания обслуживают лингво-
креативную деятельность говорящих в разных ее прояв-
лениях. Языковое творчество во многом связано с нарушением
языковой конвенции, что предполагает, среди прочего, «игры с фоку-
сом» - то есть нетривиальное перераспределение внимания, осуществ-
ляемое с помощью различных языковых средств. В этих процессах те
аспекты ситуации или те характеристики объектов, которые обычно
находятся в фокусе внимания, подвергаются частичному или полному
дефокусированию, приводя к появлению новых имен (суб)категорий,
языковых единиц и выражений с диффузной семантикой (например,
при десемантизации, грамматикализации), к развитию переносных
значений и контекстуальных смыслов, к выстраиванию необычной
перспективы в тексте, к столкновению точек зрения в диалогическом
дискурсе и т.д. В целом, языку в большей степени, по сравнению с
другими видами деятельности, направленными на решение проблем,
свойственно внешнее, -«формальное» отклонение от существенного в
пользу побочного, как это происходит в многочисленных случаях не-
прямой номинации или не прямой коммуникации.

7. Нарушение языковой конвенции, изначально следующей за
природными естественными особенностями восприятия и осмысления
мира, изменение привычного способа конструирования ситуации, то
есть привлечение внимания говорящих к онтологически неактивным
элементам и деактивация онтологически выделенных элементов - все
Э¹⁰ требует, предположительно, дополнительных усилий как на экс-
плицитном языковом, так и на внутреннем ментальном уровнях. То,
что У. Чейф называет «ценой активации» (activation cost) может обер-
нуться ценой «де- и реактивации», так как затраты усилий при целена-
правленном дефокусировании носят обоюдный характер: не только на

/. Типы и статус категорий в языке J

сико-семантическим и синтаксическим видами дефокусирования м^{ТМ} имеем дело, в основном, с выбором готовых форм и значений, которые, как бы «навязаны» системой языка, то прагматическое дефокусирование допускает ббльшую свободу выбора и ббльшую «смелость» говорящего в нарушении языковой конвенции, в более радикальном пере, смотре соотношения фокуса и зоны деФ, в определенных случаях - в более разнообразном сочетании средств фокусирования и дефокусирования. На первый план здесь выступает индивидуализованная интенциональная составляющая, которая будет влиять на принятие комму. § никативного решения - уклониться от ответа, скрыть истину, оказать давление на собеседника, заинтересовать и удивить читателя, выразить эмоции и состояния, создать «прекрасное» и пр.

Поскольку объем данной статьи не позволяет рассмотреть все форматы дефокусирования, остановимся подробнее на лексическом дефокусировании, при котором происходит понижения степени выделенности элементов и признаков ситуации / объекта в границах лексической единицы. Основное внимание будет уделено образованию комплексов языковых единиц - сложных и сложнопроизводных имен существительных, а также устойчивых выражений с главным словом-субстантивом.

При рассмотрении процессов дефокусирования применительно к лексемам можно заметить, что данные процессы в том или ином виде наблюдаются при становлении любых лексических значений. Действительно, как отмечалось выше, языковая номинация селективна по своей природе, а значит, предполагает выведение из фокуса внимания одних свойств объектов в пользу ограниченного количества других характеристик (нередко одной характеристики, как в случае с *runner* как «полозья» или *интриган* как «тот, кто занимается интригами»).

При осуществлении языковой категоризации дефокусирование служит фильтром, отсеивающим информационные «помехи». Чем выше степень абстракции в номинативной единице, чем более общим является ее значение, тем больше индивидуальных свойств референтов выводится из фокуса внимания. Оставшиеся характеристики объединяются вокруг ограниченного количества признаков, легших в основу номинации (см. подробнее в [Кубрякова, Ирисханова 2007]).

Иными словами, дефокусирование является универсальным лингвокогнитивным механизмом в основе образования любых лексических значений, однако наиболее интересные, на мой взгляд, проявления этого феномена следует в именовании категорий высоко |

ОК. Ирисханова

пени абстрактности, в словах с семантической неопределенностью [Ирисханова 2008], в эвфемизмах, а также в комплексных лексических единицах, включая устойчивые словосочетания.

Представляется, что в актах словосложения и в устойчивых словосочетаниях, предполагающих усложнение первичного наименования, дефокусирование состоит в полном или частичном выведении из поля зрения говорящего тех свойств, которые первоначально (в акте предыдущей номинации) были отнесены к наиболее существенным характеристикам денотативного класса объектов.

Следует подчеркнуть, что данный вид лексико-семантического дефокусирования имеет особое значение для языковой категоризации, так как образовавшееся сложное слово (в первую очередь, имя существительное) позволяет через аттенциональные сдвиги зафиксировать в акте языковой номинации новую категорию или субкатеорию, способствуя разнообразным модификациям - пересмотру внутренней структуры и внешних границ прежних категорий (о принципиальной возможности таких изменений см. [Чейф 1983; Givon 1984; Langacker 1987; Кубрякова 2004; Болдырев 2009]).

Примечательно также и то, что лексико-семантическое дефокусирование в лексемах, которые являются сверткой пропозиции [Кубрякова 2004], обнаруживает сходство с синтаксическим дефокусированием. Это сходство проявляется во включении в пропозициональную (аргументно-функциональную) структуру ситуации нового элемента, который становится первичным фокусом. Старый элемент при этом, как правило, частично дефокусируется, переходя во вторичный фокус.

Нередко лексико-семантическое дефокусирование в формате словосложения может стать результатом того, что вся лексическая единица или ее компонент, соотносимый с некоторым аспектом аргументно-функциональной структуры события, утрачивает мотивировку. Например, сложное существительное *blackmail* образовалось от словосочетания Adj + N со вторым компонентом *mail* (шотл. «рента, плата»). Данное выражение в 16-17 веках обозначало «черную ренту», которую взимали вожди кланов с крестьян и торговцев в обмен на личную безопасность (ср. с «белой платой» - официальным налогом) [Jask⁰⁵]- В сознании современных носителей языка второй компонент

Blackmail - "the crime of making someone give you money or do what you want
threatening to tell people embarrassing information about them" [Macmillan].

дефокусировался, утратив свое первоначальное значение¹ и переместившись во вторичный фокус. При этом первичный семантический фокус составляет компонент *black*, обладающий негативными значениями «нелегальный», «преступный», «сатанинский», «злой» (ср. *black market, black mass, black spot, black magic, black death*). Таким образом можно представить процесс смены фокуса в слове *blackmail* (п) в следующем виде: Adj + N → N (AdjN).

Таким образом, с одной стороны, в сложных и сложнопроизводных лексемах, в словосочетаниях (особенно устойчивых) в сокращенном виде кодируется аргументная сетка соответствующей пропозиции, с другой - высвечиваются одни участники события / ситуации и их свойства и дефокусируются другие. Именно поэтому, как представляется, необходимо рассматривать данный тип лексических единиц (и, соответственно, данный тип дефокусирования) не как простую свертку некоей пропозиции, а как компрессию, сопровождаемую перераспределением внимания. Так, в лексемах *brainwave* ("a sudden very good idea") и *brainstorming* ("a way of developing new ideas") в онтологическом плане в фокусе внимания должны были бы находиться события и их участники / экспериенцеры - идеи и те, кто их порождает, однако лексико-семантический фокус смещается на компонент «мозг» как «место» выработки новых идей или инструмент решения проблемы. На формальном уровне это выражается в более престижной позиции элемента *brain-* в слове - в начале и под ударением.

В целом, как отмечалось выше, дефокусирование, сопровождающее образование комплексных лексических единиц, обладает категоризирующей значимостью в системе языка. В русском и английском языках можно найти немало примеров многокомпонентных субстантивов и устойчивых субстантивных словосочетаний, которые фиксируют результаты непрекращающегося процесса пере- и субкатегоризации мира: *бизнес-элита, законопроект, наркобанда конкурентоспособность, корпункт, оргкомитет, законодательство, aquasize, Clintonomics, dataglove, health tourism, agricultural tourism, keyhole surgery, performance poetry, webzine* и др. Присоединение нового компонента позволяет выделить новый подкласс внутри более крупного класса объектов, обозначенного вершинным существительным: *keyhole surgery* - особый вид операционного вмешательства, проводимый через

¹ Можно предположить, что сейчас данный компонент ассоциируется скорее со словом *mail* («почта»).

О.К. Ирисханова

надрез (ср. с традиционной хирургией *surgery\performance* ^{м!}, _ отдельный жанр поэтических произведений, создаваемых для исполнения на публике; *бизнес-элита* - представители крупного бизнеса, "называющие наибольшее влияние на экономику государства (ср. с *творческой элитой, писательской элитой*); *экосистема* - «единный родный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, в котором все компоненты связаны между собой обменом веществ и энергии» [БТСРЯ] (ср. с *солнечной системой, избирательной системой, судебной системой, нервной системой* и пр.).

Возникновение подобных выражений в языке сигнализирует о пересмотре отношений между представителями (подклассами) определенной категории. При этом усложняется не только внутренняя структура понятийной категории за счет появления новых подклассов, но и система координат, на которой строится эта категория. Как показывают когнитивные исследования последних десятилетий, категоризация (включая классификационную) представляет собой взаимодействие постоянных и переменных координат. Первая группа координат подчеркивает сходство между представителями класса или подкласса; вторая - различия между ними [MacLaury 1995]. Соотношение между двумя группами координат может меняться и зависит от характера деятельности человека и от общего лингвокультурного контекста. В нашем случае главный (вершинный) элемент композита, представляющий собой основу вторичной номинации (ономасиологический базис, в терминологии Е.С. Кубряковой), указывает на фиксированные координаты категории в целом - категории «поэтические произведения», «хирургическое вмешательство», «объекты-системы» и т.д. Важно, что дефокусируемый во вторичный фокус компонент не теряет своей значимости для интерпретации комплексной языковой формы, так как указывает на то, что послужило основанием и отправной точкой субкатегоризации. >

Каждое выражение перераспределяет внимание в пользу компонента, вводящего в категорию новую переменную координату («публичный жанр» / «кулуарный» или интимный жанр, «микро надрез / обычный надрез», «замкнутая, самодостаточная система / открытая система» и пр). Фиксированные координаты, характеризующие поэзию, хирургию или элиту как целостность, отодвигаются во вторичный фокус, а все остальные подклассы и представители категории, не названные композитом, составляют дефокусированный, формально не Раженный фон. Аналогичным образом, в слове *webzine* («интернет-

1. Типы и статус категорий в языке J

журнал»), возникшем в результате словосложения N + N (*Web* + *magazine*), конструкция с относительно равнозначными фокусами подвергается дефокусированию, в результате которого образовалась асимметричная единица. Основной (первичный) лексико-семантический фокус составляет компонент *web*, указывающий на новую субкатегоризацию; находящийся в престижной начальной позиции в слове и привнесенный без формального усечения. Носитель фиксированных признаков (координат) для категории «журналы» - словообразовательный компонент *-zine*, - подвергся формальному сокращению и стал вторичным лексико-семантическим фокусом. Наличие всех остальных типов налов, их соотношенность с виртуальным изданием (сайтом) создают имплицитный фон (полностью дефокусированную зону), который, подчеркнуто особо, остается областью, доступной сознанию говорящих, и способствует адекватной интерпретации высказываний, о держащих данный композит (*She runs a language and poetry webzine*).

В морфологии и словообразовании подробно описаны так называемые аффиксоиды, которые, являясь частью корня, служат платформой для продуктивной модели словосложения. Данные единицы возникают в результате дефокусирования: «старый» компонент (аффиксоид) становится носителем фиксированных координат, присоединяется новый компонент - носитель переменных координат, и в результате лексико-семантического дефокусирования (сдвига во вторичный фокус) претерпевает частичную грамматикализацию. Не случайно этот дефокусированный элемент, приобретающий способность становиться основой для модификации все большего количества значений, рассматривается в качестве основного диахронического источника аффиксов [Bybee 1985; Плунгян 1998]. Подобные примеры особенно характерны для современного английского языка: *-bot* (от *robot*) в ело; ных существительных *knowbot*, *cancelbot*, *mobot*, *nanobot*; *-cracy* сложных существительных *technocracy*, *adhocracy*; *-centric* в слож: прилагательных *network-centric*, *customer-centric*, *user-centric*, *desktop centric*, *IBM-centric*, *male-centric*, *state-centric*, *liquor-centric* и др. Известно, что сходное явление наблюдается также в устойчивых ело: сочетаниях N/Adj + N, второй элемент которых частично дефокусируется вследствие размывания своей семантики: как, например, в ело: сочетаниях с отглагольным существительным *abuse* (*aerosole* / *alcohol* / *chart* / *emotional* / *hormone* / *horse* / *math* / *safety* / *abuse*).

В результате перераспределения внимания соотношение между элементами первичного фокуса, вторичного фокуса и фона может в

О.К. Ирисханова

аиваться по-разному, что, естественно, влияет на характер категори-
° ации. В приведенных ранее примерах типа *Clintonomics* и *нано-технология* новый элемент композитной единицы или выражения, главным образом, дробит, у т о ч н я е т некую понятийную категорию по выраженную вторичным фокусом (*-nomics* и *-технология*). При этом образовавшаяся лексема указывает на ту же область знаний, что и вершинный элемент, а категория в целом сохраняет свою общую структуру и границы.

Однако, нужно учитывать и тот факт, что в ходе аттенциональных сдвигов определенные изменения могут происходить с элементом вторичного фокуса (напомню, что именно этот элемент фиксирует основание для языковой категоризации). Так, появление нового первичного фокуса может сопровождаться у с л о ж н е н и е м характеристик вторичного фокуса и привнесением новых признаков в основание категоризации. *Airport fiction* - не столько литература для чтения в самолете, сколько произведения невысокого качества («бульварное чтение»). Если в данном выражении включение переменного признака «качественный/некачественный» в категорию «произведения художественной литературы» происходит в результате метонимического переноса, то в словосочетании *ecological footprint*⁶ наблюдаются метафорические проекции, которые приводят к о б р а з о в а н и ю более сложной и более широкой категории по сравнению с категорией ((телесных воздействий) - к категории «произошедших событий, оказывающих неблагоприятное воздействие на что-либо».

Напротив, в лексеме *правосознание* вторичный фокус (*-сознание*) с у ж а е т с я и включает в себя не все, что связано с «восприятием и пониманием окружающей действительности, умом, разумом» [БТСРЯ], а только совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к различным сферам общественной жизни.

Интересно, что взаимодействие элементов сложной лексической единицы может привести к о т м е н е некоторых онтологически существенных свойств элемента вторичного фокуса. Иными словами, происходит такое расширение категории, при котором в нее попадают изначально противопоставленные друг другу переменные признаки:
⁶*РЦальная реальность, virtual reality, charm offensive, magic realism.*

⁶*logical footprint*- "smth. which has had a permanent (and damaging) effect on surrounding environment" [OxfNW],

./

Типы и статус категорий в языке J

Нередко введение в первичный фокус нового компонента с<и> проводится более радикальными семантическими модификациями - переходом в другой когнитивный домен, а значит, с м е н о й ф о н а . Так, в словосочетании *воздушные мили (Air Miles)* речь идет не столько об особом способе измерения пути, сколько о системе поощрения пассажиров в авиатранспорте. Воздушная миля из меры расстояния превращается в меру льгот и скидок. Следовательно, интерпретация этого выражения требует смены фона - с физического передвижения в пространстве на экономические отношения между производителем услуг и потребителем. Данное явление становится наиболее заметно в не-прямых наименованиях: например, в эвфемистическом словосочетании *animal companion* (вместо *pet*), а также в метафорических выражениях *glass ceiling* ("an unofficial barrier to personal advancement in the workplace" [OxfNW]) и *green shoots* ("signs of renewal, esp. in economy" [OxfNW]).

Последние примеры подтверждают, что фон как полностью дефокусированная часть де-Ф зоны оказывает существенное влияние на концептуальное содержание первичного и вторичного фокусов.

Кроме того, если в случае с *animal companion*, *aquasize*, *желтая пресса*, *видеоигра* сложная лексическая единица выделяет отдельную группу объектов, противопоставленную другим группам объектов (таким как *{human} companion*, *exercize*, *центральная пресса*, *игра*), способствуя построению категории как к л а с с и ф и к а ц и о н н о й структуры, то выражения *glass ceiling*, *ecological footprint*, *правозащитник* не создают четких иерархий и оппозиций. Скорее, их можно рассматривать как средство выделения отдельной группы явлений, событий, людей, характеризуемых по п е р и ф е р и й н о м у признаку категории, обозначенной вершинным элементом, и относящихся к и н о й сфере деятельности, чем вершинный элемент. Этот признак связан с данным элементом опосредованно - главным образом, метафорически: «препятствие для движения вверх» не является существенной характеристикой потолка *{ceiling}*, так же как и «воздействие на окружающую среду» для отпечатка *{footprint}* или «борьба в интересах других людей» для защитника. Связь с «материнской» категорией ослаблена и носит характер п е р е с е к а ю щ и х с я м н о ж е с т в у . Таким образом, усложнение категоризации идет не по классификационной модели, а по модели «семейного сходства» (см. также [Lewandowska-Tomaszczyk 2007]). Все это говорит о том, что характеристика по периферийному признаку может играть при **образовании Я**

О.К. Ирисханова

пересмотре границ категорий не меньшую (а иногда и большую) роль, чем классификация и иерархизация.

Замечу, что одна и та же сложная лексическая единица может участвовать в разных моделях категоризации: *трудоcпособность* как объективный статус человека, физически способного к труду, участвует в категоризации по классификационному пути (ср. *нетрудоcпособность*). Если же речь идет о *трудоcпособности* как желании или умении продуктивно и много работать (*поразительная / фантастическая / мистическая трудоcпособность, завидовать трудоcпособности, отличаться трудоcпособностью*), то категория «трудоcпособных» расширяется за счет включения в нее подмножества людей, характеризующихся через субъективно-оценочный признак «умеющие / желающие хорошо работать». Следовательно, мы имеем дело с расширением или конкретизацией категории «способных к труду» по принципу пересекающихся множеств.

В случае второй модели основание категоризации, выраженное вершинным компонентом (*ceiling, footprint, - способность*₂), пересматривается: например, подвергается метафоризации. Следовательно, с точки зрения распределения внимания, вершинный компонент, так же как и *glass, ecological, трудо-*, привносится в структуру комплексной леммы заново. Поскольку обе части лексической единицы более или менее равноценно участвуют в интеграции нового значения, то они могут рассматриваться как равнозначные в аттенциональном отношении. Соответственно, их следует трактовать как равнофокусные, а дефокусирование рассматривать с точки зрения *р а с ф о к у с и р о в а н и я*, при котором происходит расщепление семантического фокуса на два и более (см. также *очковтирательство, милосердие, marzipan layer* и др.) (о многофокусных неологизмах см., например, в [Lehner 2007]).

Marzipan layer определяется как "executives ranking immediately below the partners of a firm" [OxfNW]. Данное словосочетание показывает, что метафорический перенос не исключает возможности иерархической (классификационной) категоризации, особенно если в основу категории изначально положена метафорическая проекция. Так, компанию / фирму принято представлять как вертикальную многоуровневую конструкцию с высшим руководством (*top^{mass}, top executives*), нижним звеном (*the grass roots*), и звеном исполнительных Директоров (*the marzipan layer*), находящимся, подобно марципану в торце, непосредственно под верхним слоем.

/. Типы и статус категорий в языке J

Итак, категоризация в сложных лексемах связана с перераспределением внимания между лексико-семантическими фокусами (первичным и вторичным) и фоном, при этом необходимо учитывать, что лексико-семантический фокус не тождествен перцептивному фокусу внимания. В первичный лексико-семантический фокус попадают элементы или характеристики объекта, которые привносятся новым формантом и которые оттесняют во вторичный фокус свойства референта, обозначенные «старым» вершинным компонентом сложного слова или выражения (ср. с более традиционными понятиями ономазиологического признака и ономазиологического базиса). Под лексико-семантическим фоном понимается формально не выраженная часть концептуального диапазона сложной лексической единицы, которая значима для определения области (суб)категоризации и, в конечном итоге, для интерпретации этой единицы.

Появление новых субкатегорий в результате комплексной номинации в значительной степени опирается на дефокусирование как понижение степени салиентности (в частности, перемещение во вторичный фокус) тех или иных признаков, выделенных ранее в соответствующей категории и образующих систему фиксированных координат. В акте сложной номинации дополнительный элемент помещает в первичный фокус новые признаки, которые становятся переменными координатами для всей категории.

Соотношение между фокусными и фоновыми элементами носит разнообразный характер и определяет то, по какому пути пойдет дальнейшая категоризация - по классификационной модели или по модели «семейного сходства». В целом, языковая игра между фокусом и дефокусом позволяет осуществлять тонкую настройку в ходе категоризации, обеспечивая гибкость данному процессу.

Литература

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. М., 2009,

Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М., 2006.

Ирисханова О.К. О типах знаний и семантической неопределенности (дело о деле) // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2008. С. 148-157.

О.К. Ирисханова

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о
ке Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании
мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в
именах категорий // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 66. № 3.
2007. С. 1-Й-

Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современ-
ных морфологических теориях // СиИ. Вып. 36. С. 324-286.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология / пер. с англ. М., 1996.

Чейф У-Л- Память и вербализация прошлого опыта // Новое в
зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С. 35-73.

Anderson J.R. Cognitive Psychology and its Implications. N.Y.,
2000.

Bybee J.L. Morphology: a study of the relation between meaning and
form. Amsterdam, 1985.

Givon T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. 1.
Amsterdam, 1984.

Hoek van K. Pronominal Anaphora // The Oxford Handbook of Cogni-
tive Linguistics / Ed. D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford, 2007. P. 890-915.

Jack A. Shaggy Dogs and Black Sheep. London, 2007.

Langacker R. W. Foundation of Cognitive Grammar. Vol, 1 Theoreti-
cal Prerequisites. Calif.: Stanford, 1987.

Lehrer A. Blendalicious // Lexical Creativity, Texts and Contexts.
Amsterdam, 2007. P. 115-136.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Polysemy, prototypes, and radial cate-
gories // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. D. Geeraerts,
H. Cuyckens. Oxford, 2007. P. 139-169.

MacLaurry R E. Vantage theory // Language and the Cognitive Construal
of the World/J.R. Taylor, R.E. MacLaurry (ed.). Berlin, 1995. P. 231-276.

БТСРЯ - Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл.
Ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Macmillan - Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.
London, 2002.

OxfNW-The Oxford Dictionary of New Words. Oxford, 1998.

ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ*

Одной из ключевых задач когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания является изучение закономерностей отражения и познания мира в человеческом сознании, проблем соотношения языковых и когнитивных структур. В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как средство доступа к ментальности человека, М исследованию его познавательных процессов: «все познавательные процессы <...> носят языковой характер. <...> язык, объективируя процессы сознания и имеющих в нем место мыслительных (ментальных, **интернированных**) актов, оказывается средством доступа к ним» [Кубряко 2009: 23]. Исследования, осуществляемые в рамках данного направления, показывают, что язык представляет собой систему репрезентации знаний: окружающий мир репрезентирован в сознании человека в виде неких структур знания, а поведение человека как существа социального определяется именно данными структурами.

В последние десятилетия появилось большое количество работ посвященных изучению категоризации человеком окружающей действительности, исследованию принципов категоризации как принципов объединяющих изучаемые объекты в различные блоки. Дж. Лакофф являясь сторонником новой теории категоризации - теории протопов, основу которой составили работы Э. Рош и ее коллег [Rosch 1973 и др.], предлагает отказаться от многих теоретических положений, составлявших основу традиционных научных воззрений и наглядно показывает сложность реальной категоризации, которая осуществляется людьми [Лакофф 2004: 19-34, 187-207 и др.]. Мы придерживаясь трактовки категоризации, предложенной Е.С. Кубряковой, которая рассматривает категоризацию (в широком смысле) не только как акт причисления единицы к своему множеству, но и как «более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных признаков или свойств» [Кубрякова 2004: 307].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной научной программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», на 2009-2013 годы.

Н.Н. Болдырев также обосновывает необходимость исследовать природу языковых явлений через обращение к проблеме категориального устройства языка, отмечая особую роль категоризации как одной из ведущих функций человеческого сознания, которая лежит в основе речемыслительной деятельности и организации языка как системы» [Болдырев 2005: 16]. Категория рассматривается как **особый формат знания: «это знание и класса объектов и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию. Именно концептуальное сходство объектов, устанавливаемое человеком, и есть то универсальное свойство категории, которое, с одной стороны, отличает ее от других форматов знания и, с другой стороны, обеспечивает широкое разнообразие естественных и языковых категорий»** [Болдырев 2009: 41-42] (выделено Н.Н. Болдыревым. -И.Б.).

Каждый отдельно взятый человек как член того или иного языкового сообщества, взаимодействуя с другими людьми, с окружающей его действительностью, соотносит свои поступки, реакции, действия не только с окружающим его миром, в том числе с окружающими его людьми, но и с тем образом мира, который сконструирован в его мозге (ср. с мнением У. Матураны и Ф. Варелы о том, что «уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание» [Maturana, Varela 1987: 217]). Оценивая вклад языка в усвоение, переработку и хранение знаний, Е.С. Кубрякова подчеркивает: «Усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки - мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы **ценностей**» [Кубрякова 2001: 33] (выделено Е.С. Кубряковой. - И.Б.). Следовательно, правомерно говорить о социальной обусловленности человеческой когниции, что детерминировано самой когнитивной системой, обеспечивающей (осознанно и неосознанно) сохранение, отбор и структурирование знаний о мире.

В результате социализации, основным звеном которой правомерно рассматривается процесс коммуникации, индивидуум познает мир, себя и других, приспосабливается к окружающей его среде, и осознает свою собственную идентичность. Понятие идентичности, согласно теории М. Вебера, раскрывается во взаимодействии индивидуального, социального начал и мира вещей [Weber 1964]. Именно в процессе коммуникации человек узнает определенный набор «инстинкций», согласно которым он строит свои отношения с окружающими».

1. Типы и статус категорий в языке J

ми его людьми, с миром вещей и событий. Речь идет о наличии неких векторов, направляющих мышление каждого члена определенного социокультурного сообщества в соответствии с набором стереотипа установок - правил его поведения в социуме, что позволяет индивиду выстраивать собственную поведенческую модель.

Анализ особенностей категоризации индивидуального пространства требует междисциплинарного осмысления данного понятия; Так, исследование общего понятия *пространство* в рамках философии и естественных наук насчитывает многовековую историю. В философском понимании пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, это «форма бытия материи, растеризуемая такими свойствами, как протяженность, структурно сосуществование и взаимодействие» [Спиркин 1988: 120]. Как составная часть триады «пространство-время-человек» пространство является важнейшей составляющей модели мира и основополагающей формой человеческого опыта освоения окружающего мира. Пространство и время являются теми свойствами, которые невозможно «считать» вещью, однако, все, что существует, существует только в пространстве и во времени.

Традиционно выделяемые субстанциональная, или сущностная (представлена, например, в работах Демокрита, И. Ньютона) и реляционная, или относительная (см. работы Платона, Аристотеля, Лейбница, В.И. Вернадского) концепции пространства предполагают разные подходы к исследованию данного универсального понятия (см. подробный обзор: [Vollmer 2003; Топоров 1983]). В данной работе за основу принимается реляционное, или относительное представление о пространстве, как пространстве структурированном, являющемся частью человеческого понимания мира (субстанциональная, или сущностная концепция является прерогативой математики и физики). Данное универсальное понятие характеризует протяженность, связность, непрерывность, структурированность и многомерность мира. Все эти характеристики осмысливаются и структурируются человеком и, будучи представлены в его сознании, определенным образом репрезентированы в языке и в культуре того или иного языкового сообщества. В процессе постижения и освоения человеком окружающего пространства в его сознании формируется концептуальная модель пространства в целом и индивидуального пространства, в частности, как базовая когнитивная структура, отображаемая в языке.

И.Ю. Безукладова

Под *индивидуальным пространством* в настоящем исследовании понимается определенное расстояние, которое разделяет индивидуальное окружающий его мир (мир людей, мир артефактов, мир событий). Категоризация индивидуального пространства - это вычленение в сознании человека определенных типов пространств по их сходным свойствам. В основе данного процесса лежит когнитивный механизм **профилирования**, который заключается в выделении, высвечивании того или иного свойства, характеристики индивидуального пространства, на основе которых выделяются типы индивидуальных пространств (о профилировании как когнитивном механизме см. подробнее [Langacker 1991]).

Категоризация индивидуального пространства осуществляется на основе системы оппозиций, реализующейся на разных уровнях языка. Данная система характеризуется такими параметрами, как комплексность, структурность и вариативность. Одним из основополагающих принципов категоризации индивидуального пространства является принцип бинарности - разграничения мира на «свое» и «чужое», который находит свое отражение в языке при культурной, межличностной, социальной и других (само)идентификациях. Следовательно, предпосылкой исследования принципов, лежащих в основе категоризации индивидуального пространства, является изучение особенностей проведения границы между Эго и другими людьми и шире - между Эго и окружающим его миром, проявляющихся самыми разными способами (ср. с тезисом Ю.М. Лотмана о наличии неких исходных оппозиций и о бинарном членении семиосферы, актуальном не только для культуры, социума и языковой реальности, но и являющимся основой функционирования человеческого сознания как такового [Лотман 1996: 175]).

Противопоставление *я-мира* и *не-я-мира*, *своего* и *чужого*, формировавшееся в течение тысячелетий, оценивается рядом наук как центральная движущая сила в развитии человечества (еще у Сократа и платона философская рефлексия выступала в форме диалога, то есть интеллектуального общения самостоятельно и по-разному мыслящих людей). Большой вклад в разработку проблематики «другого» внесли Русские философы и языковеды М.М. Бахтин, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет, утверждавшие, что подлинная жизнь личности совершается в точке «до ^{Впадения} человека с самим собою. Иными словами, только на фоне «РУгого» «мое» приобретает ценность [Бахтин 1976; Франк 1990;

/ Типы и статус категорий в языке J

Индивидуальное пространство не однородно, оно представлено в виде концептуальной структуры. Анализ теоретического и фактического материала позволяет выделить следующие типы индивидуального пространства, релевантные для немецкого языкового сообщества; 1 *приватное, личное, социальное и общечеловеческое* пространства®. В приватный тип пространства человека включены близкие родственники и друзья, а также события и артефакты, связанные с приватной сферой человеческой жизнедеятельности (семья, дом, дружба). Личный тип пространства включает в себя людей, события, артефакты, хорошо знакомые индивиду, но не связанные с ним общностью семейно-бытовых интересов. Социальный тип пространства включает в себя всех тех, с кем человек поддерживает официально-деловые отношения, а также события и артефакты, относящиеся к сферам профессиональных, социальных, религиозных, национальных интересов (работа, Щ город, федеральная земля, страна). Общечеловеческое пространство* включает в себя пространство, общее для большого количества людей / всех людей (Европейский союз, Европа, мир / Земля, Вселенная).

Кроме того, внутри каждого типа индивидуального пространства выделяются такие виды пространств, как *физическое (геометрическое)* и *ментальное пространства*. Среди ментальных пространств возможно, в свою очередь, вычленить территориальное (региональное, национальное, мировое и др.), социальное (родственное, профессиональное, статусное / позиционное, тендерное и др.) и психологическое пространства.

Человек членит личное пространство в процессе социолингвистического действия, под которым мы понимаем действие, ориентированное на взаимодействие индивидуумов, идентифицирующих себя на социальном уровне и осуществляемое при помощи языка. Особенности категоризации индивидуального пространства обусловлены когнитивными (знания, понимание собственной идентичности, знание о наличии различных типов (видов) пространств), ситуативными и языковыми факторами. Точкой отсчета при подобном членении окружающего мира выступает индивид с его когнитивными и языковыми способностями и с его пониманием собственной идентичности. При анализе языкового материала **принципиально** важным является следующее положение: адресант, **подразделяй***; щий окружающий мир на три типа сущностей, исходя из их **отношения!!** речевому акту, рассматривается нами не только как субъект речевого акта но и как субъект дейксиса, репрезентирующий себя в качестве **от правя⁰ⁿ** точки членения индивидуального пространства.

И.Ю. Безукладова

В немецком языке существует корпус разноуровневых единиц, дуализирующих результаты категоризации индивидуального пространства человека как в системе языка, так и в рамках его функционирования. Выбирая определенную языковую единицу, маркирующую тот или иной тип его индивидуального пространства, говорящий опирается на знание всех категориальных значений, на знание механизмов ее реализации и на неязыковые знания.

Граница между типами индивидуального пространства (интимной, личностной, социальной и общечеловеческой) представляет собой некую линию, рубеж, разделяющий одну сферу от другой (ср.: «Отличаться от иного и не сливаться с другим можно только тогда, когда есть *определенная граница*, очертание, форма» [Лосев 1999: 60]). Анализ фактического материала показывает, что четких границ между данными типами пространства не существует, что способствует образованию переходных зон. Каждое языковое сообщество, каждая социальная группа имеют свои ритуалы межличностного и социального разграничения. Межличностная и социальная близость (Nahe, Solidarity, Zugänglichkeit, Transparenz) / дистанция (Abstand, Distanz, Trennung) выражаются в немецком языке, например, при помощи номинативных (ср. номинации, используемые для обозначения межличностных отношений *Freund, Bruder, Mutter* etc. и социальные номинации *Herr, Doktor, Lehrer, Minister* etc.) и местоименных форм обозначения лица (*du (ihr) / Sie\ Sie und ich* вместо *wir* (в немецком языковом сообществе недопустимо использование инклюзивной формы *wir* в разговоре с адресатом, более старшим по социальному или позиционному статусу)).

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что точкой отсчета при категоризации индивидуального пространства человека в языке выступает индивид с его когнитивными и языковыми способностями и с его пониманием собственной идентичности. Важнейшим критерием, лежащим в основе данного процесса, является единство или противопоставление сущностей (как индивидуальных, так и коллективных) по принципу *свое-чужое*: государство / государство, конфессия / конфессия, статус / статус (возрастной, тендерный, позиционный, идеологический, социальный и т.д.), личность / личность.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1976.

/. Типы и статус категорий в языке J

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов 2005. С. 16-39. Щ

Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28-34.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов 2009. С. 22-29.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: сочинения. М., 1999. С. 29-204.

Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. М., 1999. С. 29-204.

Лотман Ю. С. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. М., 1996.

Спиркин А.Г. Основы философии. М., 1988.

Топоров В.Н. Пространство и текст. М., 1983.

Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.

Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Философские этюды. М., 1994. С. 105-110.

Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y., 1991.

Maturana H.M., Varela F.J. Der Baum der Erkenntnis. Die biologischen Wurzeln des menschlichen Erkennens. Bern, München, Wien: Scherz Verlag, 1987.

Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4, №3. P. 326-350.

Vollmer G. Wieso können wir die Welt erkennen. Stuttgart, Leipzig: S. Hirzel Verlag, 2003.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. K61n, Berlin, 1964 [1921].

Е.Г. Беляевская

Е.Г. Беляевская (Москва)

ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА (К ПРОБЛЕМЕ УРОВНЕЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ)

Проблемы категоризации, наряду с вопросами, связанными с концептуализацией языковых явлений, рассматриваются в настоящее время в качестве центральных проблем когнитивной лингвистики. Категоризация при этом обычно понимается как «процесс образования и выделения <.. > категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [КСКТ: 42]. Это определение категоризации показывает, что философское понимание категории как максимально обобщенного представления о некоем фундаментальном понятии, важном для познания явлений действительности, в лингвистике трансформировалось в идею категории как любой группы языковых элементов, выделяемой на основании какого-либо общего свойства [ЛЭС: 215]. Соответственно на первый план вышло представление о категориальном признаке как основании категории - некоем признаке или параметре, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака [ЛЭС: 215].

Анализируя проблемы категоризации, исследователи особое внимание уделяют вопросу об основаниях категоризации, а также вопросу о структуре выделяемых категорий. Как отмечают У. Крофт и Д.А. Круз, в качестве важного аспекта категоризации выделяется понятие «уровней категоризации», которое может трактоваться двояким образом. Во-первых, категории могут быть как простыми, так и составными, то есть могут включать в себя субкатегории. Во-вторых, и простую, несоставную, категорию можно рассматривать как иерархически организованное единство, в пределах которого выделяются «Уровни с определенными характеристиками» [Croft, Cruse: 75], в частности, базовый уровень, суперординатный уровень и субординатный уровень.

В рамках когнитивного подхода описанное выше понимание языковой категории применяется, в основном, к элементам лексиче-

/. Типы и статус категорий в языке J

ской системы языка, хотя его можно логически распространить и на элементы других уровней языковой системы - от фонем до текстов. В результате создается возможность получить различные таксономии языковых сущностей, соотносимые со структурами памяти, которые составляют основу языковой способности человека.

Однако необходимо учитывать тот факт, что понятие языковой категории значительно шире, чем представление о таксономии языковых единиц разных уровней языковой системы. Помимо грамматических категорий, которые, правда, можно трактовать как разновидности лексической таксономии, содержащей разноуровневые средства выражения определенных грамматических значений, имеются, например, такие явления как категории текста, которые также могут рассматриваться в рамках проблемы категоризации.

Разнообразие языковых явлений, которые лингвисты обозначают и описывают как категории, показывает, что, разрабатывая проблемы категоризации в когнитивном аспекте, следует сначала определить с какими категориями исследователь имеет дело. Здесь также возникает вопрос об уровнях категоризации, однако, в ином плане по сравнению с уровнями степени обобщенности именованного, которые выделяются в структуре категории при прототипическом подходе.

Говоря об уровнях категоризации, прежде всего, необходимо установить, что является исходным для выделения категории - речевые произведения (дискурс) или же языковая система. Рассмотренный выше подход к категоризации, уже устоявшийся в когнитивной лингвистике, основывается на систематизации элементов *языковой системы*. Более того, исследователь при этом основывается на некотором предварительном знании о категории и ее границах; в определенном смысле он *не выделяет, а задает категорию*. Так, для того чтобы говорить о категории «животных» или о категории «птиц», а затем искать прототип категории и выделять базовый, субординатный и суперординатный уровни категоризации, необходимо предварительно знать с достаточной степенью определенности, какие элементы в эту категорию входят. Иное дело, если элементы категории сначала фиксируются в дискурсе и только после этого подвергаются систематизации. Иными словами, с самого начала *можно выделить системный и речевой уровни категоризации*.

Выделенная из дискурса категория также будет иметь иерархическую структуру и, следовательно, будет допускать выделение бо-

ых уровней категоризации, однако, эти уровни должны выделяться на несколько иных основаниях,

В качестве примера рассмотрим дискурсивные маркеры (то есть слова и словосочетания, выступающие в дискурсе в качестве указаний на смену темы, указаний на эмоциональное состояние говорящего, на авторскую оценку описываемых событий и т.д.).

Обращение к данной группе языковых элементов обусловлено двумя основными причинами. Первой причиной является то, что при изучении лексикона и при его категоризации традиционно больше внимания уделяют знаменательным частям речи, а не «служебным словам» или же «вводным словам», в результате чего эта область лексической системы языка остается недостаточно исследованной. Дискурсивные слова чаще всего относят к сфере действия грамматики или стилистики, хотя без углубленного, лексикологического, изучения семантики подобных образований объяснить особенности их функционирования, по нашему мнению, невозможно. Кроме того, и в стилистике, и в грамматике дискурсивные маркеры не привлекают особого внимания исследователей.

Интересно отметить, что во всех частных областях языкознания (лексикологии, грамматике и стилистике) реализуется приблизительно одинаковый подход к указанной группе единиц. Они всегда объединяются в один класс (или разряд), иными словами в одну категорию, и разбиваются на подгруппы на разных основаниях.

В качестве второй причины актуальности рассмотрения дискурсивных маркеров можно назвать важную роль, которую эти элементы играют в тексте и дискурсе. Существующее в настоящее время разграничение, и даже противопоставление понятий «текста» и «дискурса», зачастую с весьма туманным разъяснением различий между этими двумя явлениями, тем не менее, не отрицает их значительного сходства - один и тот же объект можно назвать «текстом» или же реализацией того или иного типа «дискурса». И дискурс как абстракция, как своеобразная когнитивная программа формирования текстов определенного типа, и текст как конкретизированное речевое произведение, сформированное по определенной когнитивной программе, обладают важным свойством - они строятся таким образом, чтобы обеспечить максимально полное декодирование информации читателем или слушателем. Следовательно, передаваемая в ходе коммуникации информация должна быть структурирована - автор сообщения передает получателю информации не беспорядочный набор элементов (рассыпан-

/. Типы и статус категорий в языке J

ный набор «pieces of the puzzle»), но уже составленную из них «картин. I ку». Дискурсивные маркеры составляют важную часть тех средств, ко. ! торые обеспечивают целостность и осмысленность такой «картинки». |

Языковые единицы, которые обычно относят к «дискурсивным маркерам» (*между прочим, короче говоря, прежде всего, by the way, by I contrast, however*), в лингвистической литературе могут обозначаться I по-разному. Их часто называют коннекторами (connectives) или ввод.® ными словами. Дискурсивные маркеры классифицируют на основании I разных критериев (см. обзор в [Борисова 2009]), причем классифика- * ции, предлагаемые разными авторами, практически никогда не совпадают. Наиболее последовательными, по нашему мнению, являются ж классификации по семантическим критериям.

Существуют разные классификации текстовых соединительных элементов. Мы предлагаем классификацию английских дискурсивных маркеров, разработанную нами на базе нескольких источников [Connor 1 1996; Clanchy & Ballard 1992; Fabb & Durant 1993; Langan 1992]:

Указание на порядок следования (последовательность) информации: *first, first of all, second, third, finally, next, last of all, then, after, as, before, during, afterwards, above, below;*

Указания на введение новой или дополнительной информации: • *also, another, and, in addition, meanwhile, hence;*

Указания на выделение и/или важность информации: *again, furthermore, moreover, especially;*

Указание на повтор информации: *in other words, in simpler terms, that is, that is to say, indeed;*

Указания на противопоставление или на отход от основной линии изложения: *but, however, yet, in contrast, otherwise, still, on the contrary, on the other hand, nevertheless;*

Указания на приводимые примеры: *for example, for instance, specifically, as an illustration, once, such as:*

Указания на вывод или заключение, к которому приходим • автор: *therefore, consequently, thus, then, as a result, in summary, to conclude, last of all, finally, all in all, to summarize;*

Указания на порядок расположения материалов • *странице: next to, across, on the opposite side, to the left, to the right, above, below, nearby, above.*

Как мы отмечали выше, в разных источниках предлагаются р³³ ные классификации. Объяснить существование множественных классификаций, по-видимому, можно тем, что каждый из дискурсивЛв

Мерков может одновременно выполнять несколько функций и, следовательно, может попадать в разные семантические рубрики.

^ Система дискурсивных маркеров, существующая в английском языке в целом совпадает с системой аналогичных единиц русского языка. Совершенно очевидно, что в основе категоризации дискурсивных маркеров лежат не только чисто семантические, но и общие логические принципы. Действительно, представленные выше группы содержат единицы, которые не столько близки по значению, сколько указывают на одни и те же формы обработки информации, предоставляемой автором текста читателю - повтор информации, введение примеров и т.д.

Однако, несмотря на внешнюю логичность категоризации дискурсивных маркеров, имеются данные, которые ставят логические основания ее построения под сомнение. Это эмпирические данные, касающиеся того, какие трудности вызывает изучение дискурсивных маркеров иностранного языка в процессе освоения иноязычного языкового материала. Несмотря на, казалось бы, детальную и четкую классификацию дискурсивных маркеров, предлагаемую в различных учебниках и научных источниках, преподавательская практика показывает, что русскоязычные студенты, изучающие английский язык испытывают значительные трудности при использовании их в речи. Более того, сложности возникают не только у носителей русского языка, но и у носителей других языков, когда им приходится составлять тексты на английском языке. При этом, естественно, возникает следующий вопрос: если выбор дискурсивных маркеров определяется относительно простыми логико-семантическими правилами, то почему отмечается такое большое количество ошибок в речи (и в текстах) на английском языке у тех, для кого английский язык не является родным? Можно полагать, что ведущую роль здесь играет не столько логика, сколько какие-то другие критерии.

На данное явление обратили внимание американские и английские редакторы, которым показалось необъяснимым то, что научные статьи, написанные на английском языке учеными-иностранцами, требуют существенной правки, хотя они не содержат ни грамматических, ни лексических ошибок.

Исследования, специально предпринятые для выявления причин этого парадоксального факта, позволили установить, что англоязычная аргументативный дискурс (а именно к этой разновидности дискурса относится публицистика и научная проза, где, в основном,

/. Типы и статус категорий в языке

функционируют дискурсивные маркеры) обладает особой национально-культурной спецификой, значительно отличающей его от аналогичных дискурсивных форм других языков [Сопног 1996]. В частности определенным образом различаются принципы организации аргументативного изложения в русском и в английском языках, о чем свидетельствуют сопоставительные исследования по организации письменного научного дискурса и эссе в этих языках [Kaplan 1966]. Соответственно, в русском и английском языках различаются и закономерности использования дискурсивных маркеров. Прежде всего, само количество подобных элементов в русском языке намного ниже, чем в английском. Кроме того, соотносительные дискурсивные маркеры обоих языков употребляются по-разному.

Выявленные закономерности позволяют заключить, что использование дискурсивных маркеров обусловлено не только общей логикой изложения, но и национально-культурной спецификой организации дискурса, характерной для той или иной языковой системы. Следовательно, сходные по семантическим признакам дискурсивные маркеры разных языков употребляются по-разному из-за различий в системной организации дискурса в этих языках.

Чем различаются закономерности организации аргументативного дискурса в английском и русском языках? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо более подробно остановиться на вопросе о том, что такое дискурс.

Мы считаем, что дискурс представляет собой когнитивную программу (или модель) формирования речевого сообщения, учитывающую не только то смысловое содержание, которое автор сообщения планирует передать в процессе коммуникации, но также способы передачи информации и конкретные условия коммуникации (особенности коммуникативной ситуации, характеристики участников, контактный или дистантный канал коммуникации и др.).

*Дискурс как когнитивная программа формирования **текстов** включает в себя когнитивные подпрограммы разных **стилей** * **жанров**. Эти подпрограммы выполняют важную роль, определяя принципы и закономерности выбора языковых средств всех **уровней** языковой системы для формирования текстов, соответствующих требованиям различных коммуникативных ситуаций, существующих в рамках различных сфер общения. Можно сказать, что это своеобразные фильтры, каждый из которых задает свою нормативную базу формирования речевого сообщения. Так, нормы научного изложения*

Е.Г. Беляевская

аут отличаться от норм изложения фактов и газетного/журнального **описания** некоторого события, произошедшего в каком-либо регионе; нормы составления официального документа будут отличаться от норм формирования стихотворного текста и т.д.

По нашему мнению, частью подобной подпрограммы для аргументативного дискурса, где одним из определяющих системных **признаков** является логика изложения, должно быть знание и умение **осуществлять** организацию формируемого текста аргументации посредством использования дискурсивных маркеров. Моделирование принципов формирования текстов, относящихся к реализации аргументативного дискурса, дает возможность по-новому подойти к категории дискурсивных маркеров и, частности, к структуре этой категории.

Можно полагать, что «дискурсивные маркеры» образуют не линейную, но многомерную, иерархически организованную систему. Иными словами, при составлении речевого сообщения, когда говорящий использует тот или иной элемент, он выбирает его, опираясь не на «локальные критерии», но исходя из общей когнитивной программы формирования данного текста как представителя соответствующего дискурса. Поэтому классификации дискурсивных маркеров, а также обучающие системы, направленные на усвоение студентами принципов использования английских дискурсивных маркеров в устной и письменной речи, должны исходить из разных уровней соответствующей системной иерархии, то есть из **разных уровней категоризации** указанных единиц.

Можно выделить, по крайней мере, четыре уровня в иерархической организации системы дискурсивных маркеров, или же четыре уровня категоризации дискурсивных маркеров. Основанием для выделения каждого уровня является концептуальное представление о тех функциях, которые выполняет тот или иной дискурсивный маркер.

Первый уровень -р это уровень тех дискурсивных маркеров, которые связывают отдельные части высказывания или отдельные высказывания (это такие единицы, как *and, but, then, yet, moreover* etc., "> *хотя, поэтому* и др.).

Второй уровень формируется авторской оценкой вероятности и возможности {*possibly, might be, in all probability, etc, no-видимому, очевидно, возможно, вероятно* и т.д.).

Выделение третьего и четвертого уровней категоризации дискурсивных маркеров связано с рассмотрением текста аргументации как го рода пространственной структуры. Речь при этом идет не о

/ Типы и статус категорий в языке J

«ментальном пространстве» текста и не о его смысловой структуре»! (точнее, не только о его смысловой структуре), а о вполне **конкретном представлении о тексте как о пространственном объекте** J страницах, заполненных знаками. Страницы имеют протяженность I границы, а также включают в себя пространственные части, имеющих разный физический объем. Рассмотрение пространства текста как двухуровневой структуры связано с тем, что фактическая информация о предмете описания (предмете сообщения) образует самостоятельную пространственную конфигурацию (ПС1), которая определенным образом «вписывается» в более конкретную пространственную конфигурацию - в расположение текста на странице (ПСИ). Из этих двух пространственных структур формируется общая пространственная конфигурация всего текста, по которой совместно продвигаются автор и читатель, в результате чего возникает и своеобразная временная компонента структуры текста [Ноздрина 1997]. Подход к рассмотрению художественного текста как своеобразного совместного путешествия хорошо известен (*Вперед, мой читатель!*), однако подобным образом можно рассмотреть и текст аргументации. Если обратиться к некоторым названиям частей текста в русском языке, то легко заметить, что они метафорически описывают совместное путешествие автора и читателя в пространстве текста - *вступление* (автор и читатель *вступают* в пространство текста), *введение*, *отступление* и т.д.

Указаниями на пространственную структуру первого типа (ПС1) являются такие дискурсивные маркеры, как *first, first of all, second, third, the next step is to show..., во-первых, во-вторых, еще один этап...* и т.д.

Этому уровню логически противостоят указания на общую пространственную структуру всего текста (ПСП) - *above, below, furthermore, etc, выше* (было показано), *далее* (мы рассмотрим), *ниже* (будет показано,) и т.д.

Элементы, формирующие ПС1 и ПСИ, выступают в пространстве текста аргументации как своеобразные «дорожные знаки», указывающие на направления развертывания коммуникации.

Описанные выше функции могут совмещаться в пределах одного дискурсивного маркера. Кроме того, выполнение указанных функций обеспечивается не только собственно словными и **сверхсловными** дискурсивными маркерами, но и клише, которые приняты к использованию в текстах аргументации.

Е.Г. Беляевская

Предлагаемая нами система категоризации дискурсивных марпов и функционально близких к ним элементов создает основание для сопоставления подобных явлений в разных языках, что, как отмечалось выше, важно в плане последующего использования полученной информации в практике преподавания английского языка, особенно при обучении студентов письменным формам аргументативного дискурса, существующим в современном английском языке.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что категоризация языковых сущностей на фоне той роли, которую они выполняют в дискурсе, дает новые результаты, которые позволяют глубже проникнуть в суть организации языковой системы. По-видимому, оба уровня категоризации - языковой и речевой (дискурсивный) - не являются взаимоисключающими; они должны дополнять друг друга. Не менее интересным представляется и дальнейшее изучение уровневой структуры языковых категорий.

Литература

- Борисова И.А.* Метаязыковая специфика дистантного опосредованного устно-речевого дискурса: дис.... канд. филол. наук МЛ, 2009.
- КСКТ- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: МГУ, 1996.
- ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Ноздрина Л.А.* Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М, 1997.
- Clanchy J. and Ballard B.* How to Write Essays. A Practical Guide for Students. Sydney: Longman, 1992.
- Connor Ulla.* Contrastive Rhetoric. Cross-cultural aspects of second-language writing. Cambridge University Press, 1996.
- Croft William and Cruse D.* Allan Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Fabb N. and Durant A.* Essays, Dissertations & Theses in Literary studies. Harlow: Longman, 1993.
- Kaplan R.* Cultural thought patterns in Intercultural Education // Language Learning. 16. 1966. PP. 1-20.
- Longman John.* College Writing Skills. New York: Mc Graw-Hill Book Company, 1992.

ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ!

Проблема категоризации языковых единиц на протяжении **всей** истории лингвистики продолжает оставаться актуальной. Наиболее древним способом классификации словаря является его **членение** в части речи, которые следовало бы назвать объективными **категориями** в противоположность субъективным (например, модальность, **времен**, ная отнесенность и др.), выполняемыми языковыми единицами. Действительно, части речи, несмотря на существующие отличия **в самц** принципах их выделения, представляют собой стабильные **категории** характеризуемые объективными показателями. Однако до сих **пор** эд утихают дискуссии вокруг необходимости выделения частей **речи**; их инвентаря; их иерархии; основ категоризации. Задача **последователь**, ного и исчерпывающего распределения языковых единиц по частям речи является чрезвычайно трудоемкой, потому что любая **категориза**ция есть результатом когнитивной операции, состоящей из: 1) **выделе**ния категориальных признаков; 2) отсутствия взаимоисключающих случаев; 3) включения в нее единиц данного языка.

В целом, стремление к категоризации действительности **соста*** ляет одну из важнейших сторон мыслительной активности человека. Она основана на выявлении базовых свойств определенных **сущностей** (см., напр., [Barsalou 1998; Rehder 2003]), которые прослеживаются» процессе обработки и интерпретации полученных знаний. **Познава*** материальный мир, люди выделяют различные объекты, их **свойств*** объединяя рассматриваемые сущности в естественные категории И основании анализа обработанной информации. Естественные катего- рии, по Е.С. Кубряковой, объединяют такие единицы, признаки кото- рых, повторяясь попарно, не повторяются по своему полному **набору*** каждого из их членов [Кубрякова 2004: 310]. Процесс категоризации таким образом, выступает «сегментацией и комбинацией» [GershkOj Stowe, Goldin-Medow 2002] знаний, которыми обладает индивид. Н»Щ основе происходит объединение ментальных репрезентаций как дуктов категоризации, которые стоят за познаваемыми сущности» категории, то есть определенные рубрики опыта или знания [Кубря ва 2004: 307]. Именно поэтому категоризации подвергаются не ТОГ сами сущности, но и наши знания о них [Sobel 2001: 33].

Использование когнитивной операции категоризации позволяет рассматривать определенные сущности как элементы, входящие в один класс на основании имеющихся у них свойств эталонного репрезентанта, то есть прототипа [Rosch 1978: 30]. Таким образом, в основе определения принадлежности некоего объекта или его свойства к определенной категории находится сравнение, позволяющее сопоставить имеющиеся знания о прототипе с полученными о познаваемой сущности в процессе ее восприятия. Многое в процессе восприятия, а также последующего осмысления и интерпретации полученных знаний зависит от того, что выступает для человека фигурой (сознанием), а что фоном (подсознанием), главным и второстепенным профилем [Langacker 1990]. На это отношение опирается распределение внимания индивида [Рахилина 1997: 376]. При этом механизм категоризации неизвестной сущности основывается на ассоциативном восприятии окружающего мира и «работает» в направлении поиска некоего прототипа, наиболее полно соответствующего ее ключевым параметрам, а несущественные свойства, по мнению О.К. Ирисхановой, выводятся из фокуса внимания [Ирисханова 2007]. Прототип же как нормативный ориентир не обязательно осознается в процессе категоризации, но учитывается индивидом в ходе практической деятельности.

К числу наиболее сложных проблем когнитивистики относится выделение естественных категорий тех сущностей, для которых необходим учет целого ряда критериев. Более детальный анализ необходим также для категоризации явлений, процессов, состояний и действий, сочетающих в себе целый ряд различных признаков. Результаты их изучения позволяют выделить кластерные категории, что дает возможность учесть каждый из рассматриваемых признаков. К примеру, как кластеры выступают определение напитка по вкусовым качествам, рецептуре приготовления, составу, цвету, содержанию алкоголя. Их использование служит основанием выделения *водки, вина, пива* и других напитков как кластерных субстанций.

Иными словами, происходит выделение нескольких фигур в Р-минах Р. Ленекера [Langacker 1990]), схожих с предметом категоризации. Такой «пучок» критериев должен полностью совпасть для определения некой сущности как элемента определенной категории. Зачастую происходит лишь приближение к выделенной фигуре, к примеру, в категории *decaffeinated coffee* как кофе, что приходит в противоречие с знаниями о данном напитке, который должен содержать кофеин, описанные выше особенности действия механизма выделения естественных (онтологических) категорий, на наш взгляд, в полном объеме с процессами категоризации языковых данных. Проиллюстри-

/ Типы и статус категорий в языке J

руем данное положение на примере частеречной классификации единиц языка. При этом, языковая категоризация, вслед за Е.С. Кубряковой, понимается нами как сложный мыслительно-языковой процесс, направленный на выявление различных типов категорий грамматики и лексики в организации языка как когнитивной системы [Кубрякова 2006].

Части речи как лексико-грамматические категории слов устанавливаются для каждого языка в отдельности на основе общности грамматического значения (то есть, категориальной семантики), присущей полнозначным языковым единицам, с учетом морфологических особенностей слова; характеристикам, выполняемым синтаксическими формами и функциям. Итак, основными критериями классификации лексем современного английского языка в основном выступают значение, форма, и функция (см., напр., [Блох 1994: 37-38]).

Естественно, вне взаимодействия грамматическое и лексическое значения не играют важной роли в процессе категоризации. Функция грамматического значения заключается в том, чтобы придать определенную форму тому, что является материалом нашей мысли. Таким образом, форма языковой единицы тесно связана с ее функцией.

Очевидной также представляется связь категориальной семантики с категориями мышления, поэтому первый из трех традиционных признаков определяется не как значение, а как понятийный признак (см., напр., [Общее ... 1995: 253]), лежащий в основе выделения категорий. Его также можно трактовать, как лексическое значение, характерное для целой группы слов, например, вещности для существительных, не принимая во внимание конкретное значение слова. При этом семантический критерий предполагает эволюцию генерализованного значения, которое свойственно всем группам слов, составляющих часть речи. Таким образом, основные части речи, являются определяющими потому, что своей семантикой они покрывают ключевые мыслительные категории. Именно выражение этих мыслительных категорий отображает и раскрывает основные сферы материальной, социальной и психической деятельности человека, что свидетельствует об обусловленности грамматического строя языка логической системой мышления. Именно поэтому с точки зрения онтогенеза последовательность появления частей речи свидетельствует о направлении развития анализа объективной действительности, а изменение объема его содержания, соответствующего части речи, показывает направление развития синтеза объективной действительности [Караулов 1997: 49].

Анализируя части речи в ономаσιологическом освещении, Е.С. Кубрякова выделяет следующие аспекты, присущие каждой из

стей речи: а) наличие объединяющих речемыслительных категорий; б) языковая интерпретация понятийных категорий; в) связь характера смыслового содержания слова и его функцией в той или иной Р. г) языковой деятельности; г) наличие функционально-семантических разрядов в основе выделения частей речи; д) зависимость функций от выражения структур мышления; е) возникновение частей речи в акте коммуникации [Кубрякова 1978: 25-36]. Данный подход позволяет провести и типологические отличия между синтетическими (восточно-славянскими) языками, с одной стороны, и аналитическими (английским), - с другой. Для первых главное смысловое содержание слова и роль имени, для второго - функция в той или иной сфере деятельности, а также глагол как основная категория.

Кластерный характер частеречной категоризации, то есть проведение категориально-семантического, морфологического и синтаксического анализа, как и в случае с естественными категориями не всегда приводит к успешному результату. Значение, форма и функция зачастую одновременно соответствуют прототипам той или иной части речи, существующим в нашем сознании и объективированным в языке. Речь скорее идет о возможном полевом представлении результатов частеречной категоризации, где ядро составляют единицы, которые одновременно наиболее полно соответствуют каждому из прототипов. Относительно любой части речи возможно сделать вывод о наличии в ней более типичных (прототипических) единиц, которые наиболее полно охватывают семантические, синтаксические свойства каждой части речи, а для менее типичных (непрототипических) единиц свойственны отдельные черты, традиционно характерные другим частям речи. К ним, например, относятся существительные, наделенные семантикой вещиности; имеющие формы словоизменения, характерные для каждой грамматической категории (в русском языке - род, число, падеж); выполняющие одну из синтаксических функций, традиционных для существительного (подлежащее, предикатив, дополнение). Остальные же единицы, не соответствующие хотя бы одному прототипу, обречены находиться на периферии данной части речи (для Русского языка это в основном морфологически неизменяемые слова типа *метро*, *какаду* и т.п.). Полевая стратификация категории позволяет признать части речи «нежесткой» системой, которая определяется наличием промежуточных форм; существованием переходов слов одной части речи ФУгую, а также нейтрализацией отдельных признаков в дискурсивных проявлениях.

Сложность разрешения проблемы частеречной категоризации вызывается и тем, что даже в синтетических языках не все критерии

/. Типы и статус категорий в языке J

традиционного подхода в достаточной степени релевантны, например *хорошо* может в определенных высказываниях выступать как прилагательное или наречие, а *больной* - как существительное и прилагательное. Отметим также, что значительная часть неизменяемых слов служебных, относящихся к служебным частям речи, остается как бы вне категоризационного процесса.

Для современного же английского языка основные проблемы I создает полифункциональность словарной единицы, которая без изменения своей морфологической структуры или ее частичной изменчивости может выступать в различных качествах, например, *I saw Q round corner of the house (adj)*, *She made a round of toast (n)*, *all the year round (adv)*, *round the clock (prep)*, *Let's make it round (v)*. Очевидно следует признать, что категориальная омонимия в примерах типа *sleep (v :: n)* устанавливается не потому, что подобные слова рассматриваются на фоне пар, члены которых связаны отношением словообразовательной производности, но потому, что *sleep (n)* и *sleep (v)* обладают разным набором синтаксических признаков (то есть входят в разные синтаксические парадигмы), а также значительно различаются в семантическом, словообразовательном, валентностном и морфологическом аспектах (ср. [Панфилов 1990: 76]). В любом случае, изолированная форма не может практически ничего сообщить о принадлежности английской словарной единицы к одной из частей речи. Лишь в изолированной позиции, к примеру, отметить, что *still* может быть прилагательным, существительным и наречием, а конкретный языковой материал, связанный с ситуацией общения позволит определить не только лексико-грамматические характеристики исследуемой языковой единицы, но и найти ее место в системе частей речи. Приведенные выше примеры (см. подр. [Левицкий 1998]) свидетельствуют, что вне речи слово выражает отвлеченное понятие, а актуализируясь, оно подчиняется действующим законам конкретного языка, отражая на себе многообразие его строения. Следовательно, необходимо учитывать роль дискурсивного фактора, как делает Е. С. Кубрякова, рассматривая части речи с когнитивной точки зрения [Кубрякова 1997; Кубрякова 2004]. Иными словами, речь идет о соединении функционально-семантического и когнитивно-коммуникативного показателей языковой единицы в высказывании, что позволяет учесть окказиональное (то есть речевое) употребление языковых единиц. Дискурс раскрывает их истинную сущность в синтагматике. В то же время части речи как явление морфологического порядка дают именно ту парадигматическую сетку, которая извлекается из речевых (то есть синтагматических) структур

А.Э. Левицкий

ставлена в своей качественной неподвижности. С позиции анализа ПР-вЫИХ единиц в рамках дискурса весомость критериев частеречной ка-язь пизании напрямую отражает потенции слов выражать динамику сво-16 функционирования, а именно помогает раскрыть их содержательные еГе возможности в процессе вербальной объективации. Именно когнитивные ""коммуникативные потребности носителей языка определили наличие й инии, совмещающих в себе признаки разных частей речи.

е в области частей речи прослеживаются полифункциональные и лдкретичные явления. Представление о диффузности, то есть нечетких ппаницах частеречных категорий, варьируется в зависимости от контекста и от индивида. Диффузность категорий приводит к появлению «зоны син-кретизма». В языке существуют лексические единицы, которые имеют признаки двух и более классов слов, но это не связано с развитием в них новых качеств и не отражает переходности как таковой. Речь идет об изменении их значений, функций и т.д. Синкретичные группы в системе частей речи характеризуются различными комбинациями признаков категоризации. В ходе выделения частей речи проявляются переходные звенья, объединяющие части речи в динамическую систему взаимодействующих единиц [Бабайцева 2000; Высоцкая 2006].

Что же касается проблемы переходности в системе частей речи, мы склонны рассматривать данное явление как частный случай более обширного явления - функциональной переориентации, то есть непрототипической реализации языковой единицей своего потенциала, что приводит к изменению ее лексической и грамматической валентности, а также частеречной принадлежности (см. подр. [Левицкий 2001]).

Динамические процессы, происходящие в языке, приводят к тому, что реализация функций-потенций отдельных лексических единиц сопровождается постепенным отмиранием старого качества и накоплением нового, что делает возможным выполнение словом функций, несвойственных данной части речи. Новообразованные единицы совмещают в своей грамматической структуре (в грамматическом значении, морфологических и синтаксических свойствах) в той или иной степени признаки двух

•ми более частей речи (см., напр. [Калечиц 1990; Козлова 1997; Левицкий ' Муругова 2007]). Поэтому наиболее многочисленные случаи возникновения полифункциональных лексем свидетельствуют об их индивидуальной предрасположенности к выполнению тех или иных функций в з «ывании, поскольку они обладают разной степенью наличия при-Рам 8 конкретной части речи, становясь функциональными омонимами в еДИН х определенно контекста. Узуализация употребления языковой в рамках определенного контекста способствует закреплению

/ Тины и статус категорий в языке J

нехарактерного для нее ранее категориального значения, валентностных свойств, новой синтаксической функции.

У функциональных омонимов фиксируются свойства разных частей речи. Подобные явления наблюдаются в функционировании как знаменательных частей речи [*pin* (*n*, *y*), *deep* (*adj*, *achv*)], так и внутри служебных частей речи, а также между знаменательными и служебными словами, модальными словами и междометиями [*over* (*adv*, *prep*), *in* (*n*, *prep*, *adj*)].

Кроме того, что одна языковая единица может выполнять целый ряд функций, возможен и обратный случай, когда одна функция реализуется элементами разных лексико-грамматических образований. Так, определение может быть представлено прилагательным (*a nice house*), инфинитивом (*the desire to work*), герундием (*the reason for coming there*), причастием (*the person wanted*), наречием (*the day before*), существительным (*Mr. White, our headmaster*), предложно-именной группой (*the life in Britain*).

Если использовать диахронический подход к последствиям взаимодействия частеречных функций, то синкретичными следует признать имя числительное, местоимение, неличные формы глагола, слова категории состояния, которые возникли как следствие контактов единиц, относящихся к разным лексико-грамматическим классам. А у ряда служебных слов «стертое» лексическое значение до сих пор влияет на их сочетаемость со знаменательными словами [Heine 1991; Hopper, Traugott 1994].

Причины, приведшие к размытости частеречных критериев, Е.С. Кубрякова видит в том, что общие категории, составившие основу частей речи, были близки «физике мира» и совпадали с категориями натуральной логики познания мира. Затем же, в связи с развитием языков сами общие категории, будучи абстракциями речемыслительными, претерпели значительные изменения и лишились своей первоначальной однозначности [Кубрякова 1978: 26]. Отметим, что объективно асимметрия языкового знака, а также причины синтагматического и парадигматического характера создают трудности в ходе частеречной категоризации. Если парадигматический аспект связан с выбором той или иной единицы из множества, способной занять некую синтаксическую позицию в высказывании, то синтагматический - также тесно связан с контекстом, но уже в плане взаимодействия со своим окружением в дискурсе. Таким образом, открываются широкие возможности для перекатегоризации языкового знака, то есть придания ему и последуют конвенционализации нового статуса как в рамках частеречной категории в целом, так и в плане узурпации его морфологических и синтаксических

А.Э. Левицкий

ских особенностей. Если отмечается тенденция к упрощению словоизменений, в частности, сокращению количества словоформ, с последующим редуцированием состава морфологических категорий, что сопровождается актуализацией потенциальных синтаксических функций в высказывании и изменением категориальной семантики, то мы вправе говорить о развитии аналитизма в языке, как зафиксировано в ходе развития современного английского языка.

Подводя итоги, отметим, что перекаатегоризация языкового знака тесно связана с явлением функциональной переориентации и ее форм (грамматикализации и лексикализации), что непосредственно ведет к развитию диффузности, синкретизма и функциональной омонимии языковых единиц. В этих условиях по-новому начинает работать когнитивный механизм категоризации языковых единиц как частей речи, особенно в плане отхода от обозначения естественных категорий, индивид уделяет больше внимания формализации речевых данных, в частности, дискурсивных особенностей их объективации. Рассмотренные явления в системе частей речи отражают противоречивость процессов познания и номинации объектов и явлений окружающего мира. Проведенный анализ языковых данных доказывает, что части речи являются важным способом категоризации мира. Они позволяют нам дифференцировать предметы, явления, действия, состояния, признаки и отношения между ними. Части речи выступают языковой категорией, отражающей наши понятия, суждения и умозаключения о нас и о мире, в котором мы живем.

Литература

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

199 ^Ло^Х ^{^^} Теоретическая грамматика английского языка. М,

Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного Русского языка. МЛ, 2006.

Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка; современные направления исследования. М, 2007. С. 69-80.

Калечиц Е. П. Взаимодействие слов в системе частей речи (межкатегориальные связи). Свердловск, 1990.

Функ ^{ара}у^{лов} Ю. Н. Ассоциативные поля и активная грамматика // ^{Ды}и ^{ЦИ}ональная семантика (язык, семиотика знаковых систем и методология). М, 1997. Ч. I. С. 18-20.

/. Типы и статус категорий в языке J

- Козлова Л. А.* Проблема функционального сближения частей речи в современном английском языке. Барнаул, 1997.
- Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении М., 1978.
- Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.; Тамбов, 1997.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. М., 2004.
- Кубрякова Е. С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.
- Левцкий А. Э.* Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. К., 1998.
- Левцкий А. Э.* Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. Житомир, 2001.
- Муругова Е. В.* Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека. Ростов-на-Дону, 2007.
- Общее языкознание.* Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий / под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1995.
- Панфилов В. С.* О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 74-89.
- Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 370-389.
- Barsalou L. W., Huttenlocher J., Lamberts K.* Basing Categorization on Individuals and Events // Cognitive Psychology. 1998. Vol. 36. № 3. P. 203-272.
- Gershkoff-Stowe L., Goldin-Meadow S.* Is There a Natural Order for Exploring Semantic Relations // Cognitive Psychology. 2002. Vol. 5. №3. P. 375-412.
- Heine B., Claudi U., Hunnemeyer F.* Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Hopper P. J., Traugott E. C.* Grammaticalization. Cambridge, 1994.
- Langacker R. W.* Concept, Image and Symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin, 1990.
- Rehder B.* Categorization as Causal Reasoning // Cognitive Science. 2003. Vol. 27. № 5. P. 709-748.
- Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition & Categorization Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1978. P. 27-48.
- Sobel C P.* The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach. III 2001.

МВ. Пименова

М.В. Пименова (Кемерово)

ЕСТЕСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ ВНУТРЕННЕГО МИРА)

В теоретическом языкознании были выработаны достаточно полные и подробные описания языковых категорий, особенное внимание к ним отмечено, например, в структурализме. Для когнитивной лингвистики проблема категоризации ныне оказалась весьма актуальной. Память человека устроена так, что языковые элементы, хранящиеся в ней, определенным образом упорядочены, а основанием такого упорядочения выступают именно языковые категории.

Концептуализация мира отображается в системе универсальных категорий, свойственных разным языкам. При этом в каждом отдельном языке существует собственная система специфических категорий. Универсальные категории основаны на психофизиологическом способе восприятия мира, специфические - на субъективированном процессе наложения концептуальных структур на воспринимаемые фрагменты мира. Эти когнитивные процессы находят отражение в языковой форме, фиксирующей разную когнитивную категоризованность предметов и явлений или два типа знания: непосредственное (феноменологическое) и опосредованное (структурное). Основу феноменологического знания составляют предметы, события, явления, идентифицированные в определенной системе пространственных и временных координат, на которые проецируются все возможные между фрагментами мира виды отношений; в языке такие отношения фиксируются в предикатах. Субъект восприятия выступает точкой отсчета, от которой выстраивается система пространственных отношений между воспринимаемыми фрагментами мира. Ориентированность на субъект восприятия как на точку отсчета, составляющую когнитивное содержание значения языковых единиц, свойственна таким грамматическим категориям, как лицо, таксис, вид, залог. Структурное знание есть форма категоризации информации, полученная и обработанная как обобщающий итог опыта поколений, поэтому для носителя языка оно является знанием, зафиксированным в языке в виде понятийных категорий.

Понятийную сетку можно уподобить некой карте, которая на-
трех^{ся} На ^Пр ^иэ ^то ^м понятия - ячейки понятийной сетки - бывают типов (как в логике) - родовые понятия, видовые понятия и конкретные^{ые} понятия. Родовые и видовые понятия соотносятся с тем, что

/ Типы и статус категорий в языке J

И.И. Мещанинов (1945) называл понятийными категориями в языке. «Понятийными категориями передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Такие понятия не описываются с помощью языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся <...> грамматическими категориями. Субъект и предикат (логический) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» [Мещанинов 1945б: 196]. И.И. Мещанинов также уточняет: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нем определенную систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, но и в самой его материальной части» [Мещанинов 1945а: 15]. К разряду понятийных категорий И.И. Мещанинов относил такие концепты, как субъект, предикат и т.п. К этому ряду можно добавить понятийные категории, получившие название семантических ролей (или «глубинных падежей») Ч. Филлмора (агентив, инструменталис, датив, фактив, локатив, объектив и т.д.) [Филлмор 1999: 163-164]. То, что сейчас в современной теории языка именуется теорией семантических ролей, в «Восьмикнижии» Панини (V в. до. н.э.) относится к теории синтаксических функций существительных. «Панини - единственный до середины XX в. лингвист, более или менее последовательно сопоставивший падежные формы (vibhakti) <...> и функциональные классы караки (karakā 'фактор', 'актант'), для которых разработаны содержательные термины: karta 'деятель', karma 'дело', 'цель', 'объект', karaga 'орудие', 'средство', sampradana 'давание', apadana 'отнимание', adhikaraga 'местонахождение'. Панини показывает, что в различных трансформациях существительное, обозначающее один и тот же «фактор», в зависимости от глагольной формы, наличия и форм других имен может выступать в разных падежах и что в конечном счете каждое из них в соответствующей конструкции способно принять форму именительного падежа, как если бы оно называло производителя действия» [История лингвистических учений 1980: 78; см. также: Cardona? 1974: 231-306; Ananthanarayan 1970: 14-27].

Если мир явлен носителю языка в виде понятийной сетки, в которой каждая ячейка представляет собой родовое, видовое или коЯ]

МВ. Пименова

«етное понятие, то на каждую ячейку при дальнейшем осознании и Писании мира накладывается вся понятийная сетка, закрепленная за данным языком. К данному фрагменту мира «примеряются» все категории, существующие в языке; однако не все категории будут соизмеримы с познаваемым понятием. Сознание человека таково, что любое слово и «скрывающийся» за словом концепт обычно включается в несколько ячеек понятийной сетки, что обеспечивает его существование в виде множества ассоциативных связей. То есть при переносе признаков из других концептуальных областей описываемый фрагмент мира уподобляется чему-то иному, сходному по какому-либо качеству, свойству, отношению или функции. Основная роль концептов в мышлении - это категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие некоторые сходства, в определенные классы.

Интерпретация языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов мира, является одним из методов исследования процессов категоризации субъективной и объективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах. В философии категории - это наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. Категории образовались как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики [БЭС 1991: 558]. По словам Е.К. Войшвилло, «одна из основных функций понятия в процессе познания состоит именно в том, что оно выделяет (представляя в обобщенном виде) предметы некоторого класса по некоторым определенным (...существенным) их признакам» [Войшвилло 1967: 117]. Понятия составляют лишь часть семантики слова. В этом отображается свойство мышления человека: мыслить не только конкретными или абстрактными понятиями, но и образами, символами и представлениями о ценностях. А.Ф. Лосев обратил внимание на то, что «слово может выражать не только понятие, но и любые образы, представления, любые чувства и эмоции и любую внесубъективную предметность. Кроме того, если значение приравнивается к понятию, то язык оказывается излишним, то есть он попросту превращается в абстрактное мышление понятиями. Однако кроме специальных научных дисциплин, где понятия играют главную роль, число логические понятия в чистом виде редко употребляются нами, если не считать реальное общение людей между собой» [Лосев 1982: 182].
тео И Категории в языке? Согласно классической Реле и Катеории> восходящей к греческой античности, категории оп-Знаки на основе необходимых и достаточных признаков. Приинарны. «Безусловно, часть наших знаний структурируется по-

средством «классических парадигм» по принципу вариант - инвариант, однако определенная (большая) часть нашего опыта организована иным, более сложным способом - лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» [Борискина, Кретов 2003: 11]. Как утверждается в классической теории, категории обязательно имеют четкие границы (предполагается, что мир четко поделен на классы предметов и явлений); все члены категории равнозначны (имеют одинаковый статус нет разных степеней вхождения в категорию). Но мир значительно сложнее, как показывают данные языков. В 1953 г. «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн писал, что в своей повседневной жизни мы применяем неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в них чаще всего определяются не необходимыми и достаточными признаками, а, скорее, некоторыми факторами, которые могут иметь разные степени важности; «границы категории расплывчаты» [Витгенштейн 1994: 113]. В каждой культуре есть универсальные и этноспецифические категории, последние отражают национальное своеобразие этой культуры.

В основе категоризации, рассматриваемой как процесс, лежат сложившиеся у носителей языка представления о сходстве и различии объектов, будь то объекты внешнего мира, подобно птицам, или феномены внутреннего мира - такие, например, как представления о душе, сердце или уме. Процессы категоризации связаны с человеком, его особенностями восприятия мира.

Сейчас возможно говорить о трех системах логик, которыми пользуется человек, категоризируя окружающий мир: логика научная, логика языковая, логика эмпирическая (практическая). Основу *научной логики* составляют метаязыки различных наук - математики, физики, химии и т.д. Под *метаязыком* понимается система терминов, абстрактных понятий и символов, описывающая отдельную отрасль знания. Основа *языковой логики* - язык и та система категорий, которая традиционно именуется системой грамматических и понятийных категорий. В основе *эмпирической логики* находится практический опыт каждого человека (индивидуальная понятийная система человека); часть такого опыта является универсальной, часть - индивидуальной.

Рассмотрим различия между указанными тремя логиками на примере задачи «движение человека из пункта А в пункт Б». С позиций ШЭСЭ ной логики эта задача будет решаться в рамках разных наук по-разному: в математике - путем составления соответствующих уравнений, в физике -

МВ. Пименова

П_оеИСТВОМ существующих формул и т.д. Языковая логика при решении ой задачи будет оперировать концептуальными терминами *сценарий* и ³*оппоненты сценария*, где сама задача представляет собой сценарий с ^к .бъектОМ, предикатом, источником и целью, или эта логика будет использовать такие понятийные категории, как деятель, действие и др, и/или грамматические категории и т.д. Эмпирическую логику могут представить обычные люди, которые решают эту задачу ежедневно, например, водитель и пешеход. При решении этой задачи пешеход пользуется такими аспектами, как наличие дороги, существование краткого пути доступность и безопасность пути; водитель учитывает те же аспекты, но для него еще важны и дорожные правила, а понятие дороги у них будут существенно различаться: для пешехода это может быть тропинка в лесу или шоссе, а для водителя - путь, по которому может проехать машина. В концептуальной системе языка отчасти заложена эмпирическая логика, примером этому могут служить выражения *звезды зажглись* и *звезды погасли* (по поверьям, звезды и небесные светила считались небесным огнем, отсюда «огненные» предикаты). Из-за доступности фрагментов намного знания происходит адаптация части научной логики и соответствующей терминологии в языке (многие из носителей языка пользуются терминами *порок сердца*, *стенки сосудов*, *пищевой тракт*, не осознавая буквальное значение этих метафор).

Картина мира - совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности [см.: Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 47]. Исследователи пишут, что картина мира есть по существу то, каким нашим предкам и нам виделся и видится отчасти и донныне этот мир. Смена картин мира в истории любой науки показывает, что не все их элементы могут быть сопоставимы с объективной реальностью. Вследствие этого возникают вопросы: каковы основания для онтологизации наших представлений о мире, как происходит соотношение элементов картины мира с объективной реальностью?

Научная картина мира - это система представлений о природе, складывающаяся в результате достижений различных естественнонаучных дисциплин; вся совокупность и система знаний в отдельной науке, в которой фиксируется целостное видение предмета данной науки, которое складывается на определенном этапе ее истории и меняется с переходом от одного этапа к другому (поэтому существуют ^т такие термины, как биологическая картина мира, физическая картина ^МиРа, языковая картина мира и т.п.). Ср.: *языковая картина мира* - ^отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления иного языкового коллектива о строении, элементах и процессах дей-

ствительности в ее соотношении с человеком» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 148]. В современной лингвистике под *языковой картиной мира* традиционно понимается совокупность знаний о мире которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний. При таком подходе язык может рассматриваться как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Наряду с изучением содержательной стороны отдельных языковых единиц для языкознания необходимо достаточно полное представление гносеологических и онтологических основ, которые формируют познание как в филогенетическом, так и в онтогенетическом плане, в языке в целом. «Мысль формируется в языковой материи - следовательно, знания закрепляются и откладываются в языке. Однако это не означает, что в самом языке и заключается вся история человеческих знаний. <...> Семантика 1 языка и есть тот аспект, который требует обращения не только к форме языка, но и к объективному миру, составляющему познавательное содержание мышления» [Колшанский 1976: 8].

Как отмечает В.И. Карасик, к числу онтологических **характеристик** языковой картины мира относятся следующие признаки: «1) **наличие имен концептов**; 2) **неравномерная концептуализация** разных **фрагментов** действительности в зависимости от их важности для жизни **соответствующего этноса**; 3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков этих концептов; 4) **специфическая квалификация** определенных предметных областей; 5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения» [Карасик 2002: 129-130].

Каждая наука предлагает свою собственную классификацию мира, которая представляет собой некоторое категориальное его осмысление. Так, в качестве показательного образца можно **привести** пример глобуса. Глобус - это наглядная модель географической **картины** земного мира: некая форма, представляющая земной шар, на которую нанесены условные обозначения океанов, морей, рек, озер, материков, островов, городов, лесов и т.д. А «народная» модель мира **совершенно иная**: земля имеет края (*вся земля от края и до края; на краю земли*), она плоская (*по всей земле*), поверхность земли **неустойчива** (*провачивается сквозь землю*).

Существующая в науке классическая теория категорий не является когнитивной теорией потому, что в ней рассматриваются **отношения** между реалиями физического мира, без учета того, как **человек** осмысливает мир. «Когнитивные модели, включающие как часть классические категории, предназначены для того, чтобы выполнять **значимые**

более скромную функцию, чем классические категории, - они могут помочь осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком. Классическая же теория ставила перед собой задачу выявить независимо от мышления человека необходимые и достаточные условия для последовательной классификации всех реалий мира. Классификация, которую осуществляет сам человек, просто не укладывается в эту теорию так же как «не укладывается и весь реальный мир» [Лакофф 1988: 46].

Вопрос о необходимости разграничения знания языка от других знаний уже затрагивался в лингвистике. Языковую картину мира трудно назвать объективным знанием. Обыденные представления о мире складываются в определенную языковую картину мира языка у соответствующего народа. В современном языке отражена система донаучного и научного познания мира. Исследование наивных (обыденных, донаучных) представлений о мире сможет раскрыть такие основы национального сознания, как менталитет народа, его ментальность и национальное своеобразие, соотнести их с культурными традициями, мифологией, принятой системой символов. Считается, что наивную картину мира образуют наивная психология, наивная антропология, наивная физика, наивная геометрия, наивная география и т.д. Наивная и научная классификация объектов мира отличаются друг от друга. Пример такого различия - представления о Байкале: в научной классификации это озеро, в народном восприятии это море (*славное море, священный Байкал*).

Сравнительный анализ фрагментов наивных картин мира (в частности, наивных представлений, закрепленных в соответствующей языковой картине мира), как представляется, позволит говорить о родственных связях между, различными народами и об универсальных и специфических способах мышления и категоризации мира. В наивной картине мира отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке. Наивные представления о мире фиксируются языком и определенно отражают знания и культуру носителей этого языка. Именно посредством изучения языка в виде исследования соответствующих концептуальных систем можно выявить то, что называется стихийной познавательной деятельностью носителей языка, образующейся в результате неспециализированного познания мира. Известно, что язык эволюционирует медленно. В семантике языковых единиц можно отыскать следы тех знаний и представлений о мире, которые были свойственны данному этносу на ранних этапах его развития.

/. Типы и статус категорий в языке J

Наивная картина мира мало похожа на научную. Ю.Д. Апресян пишет: «наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для всех людей, говорящих на самых разных языках. Наивная психология, например, как об этом свидетельствуют значения сотен слов и выражений русского языка, выделяет сердце, или душу, как орган (выделено мною. - м.п.), где локализируются различные эмоции. Можно сомневаться в том, что это соответствует научным психологическим представлениям» [Апресян 1995: 57]. По словам Е.В. Урысон, «во-первых, внутри человеческого тела имеются подобные органам, но нематериальные сущности, которые нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах. Такие сущности можно назвать представляемыми органами (пример такого органа - душа). Во-вторых, психические процессы, подобно материальным, связаны с определенными органами внутри тела. Эти органы могут быть представляемыми и материальными (пример такого органа - сердце)» [Урысон 1995: 6]. Так, например, наивная антропология в русской наивной картине мира предполагает совершенно иное строение человеческого существа. Внутри человека есть нечто живое, что скрывается в теле; это живое - самая чувствительная область внутри тела (*Видно было, что и его тронуло за живое* Лажечников. Басурман). Существует разделение «человека внешнего» и «человека внутреннего», наделение последнего индивидуальными органами восприятия и соответствующими функциями [Пименова 2003; 2007].

Человек в наивной картине наделен двойственной природой: все лучшее в нем представляет человеческую сторону, все негативное - проявление звериной его сущности (*Смерть в когтях разъяренного народа - ужасна.* (И.И. Лажечников «Басурман»); [*Князь.*] *Но человек, лишенный J Ума, становится не человеком.* (А.С. Пушкин «Русалка»); *Кроме того, он начинал испытывать к хорошенькой и вызывающей Воигетте то страстное, зверское чувство, которое на него находило с чрезвычайной быстротой и побуждало его к самым грубым и смелым поступкам* (Л. Толстой «Война и мир»); *И не сердечна эта, бедная разумом жизнь, - заметно, что все люди сеча живут ошупью, как слепые, все чего-то боятся, не верят друг другу, - что-то волчье есть в них* (М. Горький «Автобиографические рассказы»); *Мересьеву стали понятны все стручковские чудачества по следста дней - его вспыльчивость, нервозность, когда в комнате появлялась сестра, резкие переходы от веселости к вспышкам бешеного гнева* (Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке»); *Этот человек минуты не мог просидеть спокойно - весь был огонь и движение, и хищные его глаза*

М.В. Пименова

сейда горели ненасытным желанием кого-то догонять и драться (А. Фадеев «Разгром»). Первоначально звериное в человеке - неконтролируемое, **связанное с эмоциями и желаниями** (*Во мне и другой человек сидит, Шапочка. Ух, мот шершавый такой! Тот человек с ножом... Денег ему давай сладкого вина ему давай, золота! Жадный очень, зверь. Иной раз он рез мои глаза глядит... Боюсь* (В.Я. Шишков «Угрюм-река»),

В современном мире двойственная природа человека воспринимается иначе, и уже вторая составляющая не воспринимается зооморфно. Двойственность проявляется в его способности к внутреннему диалогу (*А вот здесь, сейчас, наедине с собою, открытый всем ветрам, Прохор вновь узнал эту назойливую гостью; она резко постучала в дверь его души, она замутила его сердце каким-то гнетущим предчувствием* (В.Я. Шишков «Угрюм-река»). Скрытые желания, тайные мысли осознаются им как существование «внутреннего человека» [*Несмотря на все усилия разума, некоторые вопросы насчет соединения внешнего человека с внутренним остаются навсегда неразрешенными* (И.И. Лажечников «Басурман»), «Внутренний человек» иногда осознается как тот, перед кем нужно отчитываться за свои поступки (*Один офицер сказал Ростову, что за деревней налево он видел кого-то из высшего начальства, и Ростов поехал туда, уж не надеясь найти кого-нибудь, но для того, чтобы перед самим собою очистить свою совесть* (Л. Толстой «Война и мир»), кем следует повелевать (*Учитесь властвовать собою; Не всякий вас, как я, поймет; К беде неопытность ведет* (А. Пушкин «Евгений Онегин»), или как враг (*И так как он никогда не мог подумать, что этот враг сидит в нем самом, ему особенно приятно и горько было думать о том, что он страдает из-за подлости людей...* (А. Фадеев «Разгром»), отсюда выражение *(о)владеть собою* (*Взводный овладел собою и, отвернувшись к окну, застыл в пренебрежительном молчании* (А. Фадеев «Разгром»).

Языковая категоризация носит черты «наивности». В этом проявляется особенность мышления носителей языка. «Наивность» языковой категоризации обусловлена такими особенностями архаичного мышления, как конкретность, синкретизм, антикаузальность, антропоцентризм и протеизм, неразличение субъекта и объекта действия (отсюда необходимость различения семантического и синтаксического «Убъекта и объекта), неразличение категорий сущности и явления, причины и следствия. Обыденные представления на природу человека ражают существовавшие некогда знания об этой природе. Эти ^ания не научные, они, скорее, могут быть отнесены к народной гно^лологии, это реликтовые формы древней системы знаний.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1995.
- Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А.М. Прохоров. М 1991. Т. 1.
- Борискина О.О., Кретов А.А.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
- Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л, Философские работы. М., 1994. С. 75-320.
- Войшило Е.К.* Понятие. М., 1967.
- История лингвистических учений. Древний мир* / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. М., 1980.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Колианский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и метода семантических исследований. М., 1976. С. 5-31.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12-51.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 182-192.
- Мещанинов И.И.* Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945а. №1. С. 15.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945б.
- Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации: монография. Кемерово, 2004. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
- Пименова М.В.* Концепт СЕРДЦЕ: образ, понятие, символ: монография. Кемерово, 2007. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003. Я
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. М., 1999. Т. 3. С. 127-258. J
- Anathanarayana H.S.* The karaka theory and case grammar // Indian Linguistics. 1970. Vol. 31, №1-2. P. 14-27.
- Cardona G.* Panini's, karakas. Agency, animation and identity " J. Ind. Philos. 1974. Vol. 2, № 3/4. P. 231-306.

М.В. Пименова, Е.А. Пименов

М.В. Пименова, Е.А. Пименов (Кемерово)

КАТЕГОРИИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (ИЗУЧЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА)

То, что существует и адаптируется в языке, соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые совпадают с существующей в нем системой категорий. Говорить о языковой ментальности можно, только проникнув в суть духовного пространства языка. Г.Г. Почепцов определяет *языковую ментальность* как «соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением. <...> Под миром в определении языковой ментальности мы понимаем не только окружающий человека мир, но и мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объема прекращающий свое существование, когда исчезает его создатель и носитель - человек, то есть мир речевых действий и состояний» [Почепцов 1990: 111].

Существуют разные определения термина *ментальность*. А.Я. Гуревич под *ментальностью* понимает не сформулированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные культурные установки, общие ориентации и привычки сознания, «психический инструментарий», «духовную оснастку» - уровень интеллектуальной жизни общества [Гуревич 1984: 9]. Иначе определяет этот термин В.В. Колесов: «Ментальность - это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры [Колесов 1995: 15]. <...> Ментальные архетипы складывались исторически, по определенным, генетически важным принципам, которые и следует описать» [Колесов 2004: 15].

Каковы задачи исследования ментальности? «История ментальностей претендует на установление способов мировосприятия, присущих самым разным членам общества. <...> Историк ментальностей стремится за прямыми сообщениями текстов обнаружить те аспекты миропонимания их создателей, о которых последние могли невольно «проговориться». <...> За «планом выражения» он ищет «план содержания». Он хочет узнать об этих людях и об их сознании то, о чем сами, возможно, не догадывались, проникнуть в механизм этого соз-

/. Типы и статус категорий в языке J

нения, понять, как оно функционировало и какие пласты в нем были наиболее активны» [Гуревич 1984: 10].

Рассматривать ментальность народа в отрыве от изучения языка и культурного контекста невозможно, это взаимосвязанные, взаимозависимые и взаимообусловленные явления. Категории культуры накладывают свой отпечаток на сознании носителя языка, что обязательно находит свое отображение в языке. Категории культуры - это «некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность» [Гуревич 1984: 11]. Изменения в обществе, особенно это касается изменений в религии, морали и повседневной жизни, влияли на то, что некоторые категории культуры переосмыслились, причем кардинально. Особенно это заметно при сопоставлении культур одного народа в разные эпохи или при сопоставлении культур разных народов. Так, в древнерусской культуре категория смерти не включала понятий ада (пекла), которые были привнесены в нее христианством. Душа, по древним представлениям русских, попадала на *тот свет* вместе с дымом погребального костра. Сейчас земля ассоциируется со смертью, именно в ней покоятся тела умерших. А в китайской культуре о категории смерти Лао-цзы сказал так: «Откуда мне знать - быть мертвым здесь не означает ли быть живым там?». То есть такие далекие культуры, как русская и китайская, имеют общее представление об ином мире, куда человек (его душа) попадает после смерти. Различия восприятия смерти в истории русской культуры проявляется в заимствованных воззрениях о посмертном наказании и страдании, чего не было в русских дохристианских религиозных системах (язычества как разных форм религиозных систем у русского народа было несколько).

Ментальность народа отображена в системе языка. Языковая ментальность бывает двух типов: «лексическая и грамматическая. Языковая ментальность лексического типа отражена в лексико-семантической системе. Особенности языковой ментальности грамматического типа определяется локальным, темпоральным и другими фокусами представления мира. Данные фокусы представления мира закреплены в первую очередь в грамматической системе (в системе времен, категории числа, категории и рода и т.д.)» [Почепцов 1990: III]-

Обратимся к вопросам изучения языковой ментальноеTM.

В отечественной лингвистике появились работы, в которых обобщаются основы национальной ментальноеTM, которая закрепляется в словесном знаке и фактах языка, а познание, как известно, осуществляется в языке и через слово. Собственный внутренний мир человек исследует и описывает в первую очередь при помощи языка. В.В. К-

аесов указывает на следующие особенности русского языка, так или иначе отражающие ментальные характеристики сознания (которые ниже приводятся почти в полном виде):

1. В центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании действие и в предикате выражающий то новое, что несет в себе мысль.

2. Русский язык четко различает время внешнее и время внутреннее, то есть категорию глагольного вида и глагольного времени.

3. Качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через **п р и з н а к** выделяется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен.

4. В качестве связочного и предикативно осмысленного выступает глагол *быть*, а не глаголы *иметь* и *хотеть*, как во многих европейских языках. Установка на глагол бытийственного значения во многом определила характер русской философии. Идеально *бытие* и *быт* лежат в основе русского предикативного усилия мысли, тогда как формы владения и личного пожелания находятся на втором плане сознания.

5. В русском языке нет артиклей, что, в свою очередь, привело к размыванию границ между употреблением имен в речи. Разведение в сознании двух уровней семантической связки вещи и понятия, как они отражены в слове, делает англичанина стихийным номиналистом, тогда как некоторая размытость границ между вещью и понятием этой вещи у русских характеризует их как реалистов. Еще А.А. Потебня говорил, что «мысль направлена словом».

6. Неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных местоимений и различных синтаксических конструкций (например, безличных предложений) повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая скользит по яркости образа и сторонится определенности понятия.

7- Уклонение от метафоры определяется основной установкой словаря на метонимические переносные значения в слове. Метафорические переносы расцениваются как индивидуально-авторские, не всегда пригодные для общего пользования. Это - отказ творить в слове: с ^{ка}Г^{он}Г^ыо метонимии легко истолковать традиционный символ, тогда метафора создает новые символы, что (в индивидуальном исполнении) признается как ересь.

/. Типы и статус категорий в языке

8. Категория одушевленности - остаток древнего языческого анимизма - также препятствует созданию оригинальной авторской метафоры, такой, которая оказалась бы понятной другим носителям языка. Русская мысль одухотворяет, неожиданно оживляя, все ценное, чему придается особый смысл.

9. Вежливая уклончивость проявляется в том, что славянский императив не является, собственно, повелительным наклонением, он восходит в древнейшей форме оптатива - пожелательного наклонения. Отношение к другому проявляется не в приказе или хозяйском повелении, но в пожелании, что высказывание будет принято к сведению.

10. В отношении к себе русский человек излишне категоричен, что с XVI в. поражало иностранцев: пользуясь формами родного языка, русский строит свое высказывание без помощи всякого рода уклончивых отступлений, ему не требуется оговаривать конкретную модальность своего высказывания, она содержится уже в конструкции его фразы (*я ведь говорил!*).

11. Категоричность самоутверждения и бытовой нигилизм находит себе поддержку в способности русского языка строить отрицание таким образом, что каждое отдельное слово высказывания отрицается само по себе: *никто никому никогда не должен!* Плеоназм (избыточность выражения) - особенность русской речи.

12. Категория состояния, присущая русскому языку, явлена только в речи. В грамматике это проявляется в употреблении наречий, или модальных слов, или второстепенных форм типа *мне жаль...*, *ничего нельзя...* Здесь нет никакой предикативной связи, действие не обозначено. Это состояние души, в чувстве переживающей событие.

13. Особенности русского языка, на основе ментальное™ формирующие обыденное сознание русского человека, выделяются общей установкой на характер общения: как типичное проявление речемысли во всех случаях преобладает не монолог-размышление (который воспринимается как признак неоправданной юродивости - *тихо сам с собою я веду беседу*), а активно протекающий диалог, в котором и рождается обоюдно приемлемая мысль. Мысль соборно рождается в *думе*, с той лишь разницей, что индивидуальная мысль не только направлена! словом, тогда как совместная дума способна и строить слово.

14. Речь идет именно о диалоге как основной форме мы ШДБИИ В исторической перспективе развития языка третий всегда лишнЯщ Местоимение третьего лица он, она, оно, они формируется довольно поздно и до сих пор ощущается как родственное указательному в ^{31,8} чении 'тот, другой', который находится вдали, вне диалога.

15. Собирабельная множественность объектов (нерасчлененная множественность) особенно хорошо представлена в отношении к языковому сообществу, которое ценностно воспринимается в своей цельности: народ, толпа, полк... Многочисленные формы множественного числа сохраняют исходный смысл собирабельности или нерасчлененной множественности.

16. Постепенно происходило интенсивное отделение парадигмы единственного числа от парадигмы множественного, в которой окончания уже не различают имена по грамматическому роду: стена - стены в единственном числе с различием в окончаниях при совпадении окончания во множественном (стены, стенам и т.д.). Происходит разведение вещественного и понятийного значений в слове, причем близкое к понятию значение обычно связано с формой единственного числа, а отвлеченные имена вообще выступают только в этой форме (ср.: *дух*). На различении форм множественности формируется категория определенности, в которой нуждается устная речь.

17. Восхождение «по родам» приводило к порождению новых гиперонимов, и этот процесс предстает как непрерывное воссоздание символов, возникающее в момент воплощения концептов в содержательных формах слова. Для русской ментальности характерно построение синтетических моделей высказывания, что также отражает устремленность к целому, а не к аналитически данным его частям. Даже символический образ предстает здесь как основная манифестация понятия, «своего рода понятие», которое постоянно воссоздается путем наложения образа на известный символ. Символ существует, а понятие о нем постоянно воссоздается; язык здесь - энергия действия, а не его результат.

18. Безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и прочие типы предложения создают совершенно непере译имое на другие языки представление о зыбком внешнем мире, который является своего рода отражением мира другого, реального, существующего в сознании человека до встречи с миром внешним. Для русского сознания условие предпочтительнее причины - чисто внешне, субъективно определяемой характеристике действия, потому что на самом деле цель важнее условия.

19. Важна историческая последовательность в формировании Русских сложных предложений, из которых самыми древними по счислению были условные предложения. Типы придаточных сгущались в развитии трех признаков высказывания: модальности, определенности и предикативности,

почт! ^ Новые типы словообразовательных моделей развивались
1 одновременно с формальной специализацией различных типов

1. Типы и статус категорий в языке J

сложносочиненного предложения (гипотаксиса). Сложные слова также сжимались в обобщенные по единству суффиксов лексемы, с помощью которых легче было создавать длинные цепочки предложений. Сложные слова были своего рода аналитическими понятиями.

Таковы основные признаки русской ментальности, проявляемые в русском языке. Становление ментальное™ определялось развитием самого языка». Повторим еще раз: все эти признаки выделены В.В. Колесовым [Колесов 2004: 25-31].

Таким образом, ментальность - оборотная сторона картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий, то есть понятийную сетку, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании. Категории, образующие картину мира, составляют основной когнитивный инвентарь культуры, потому что они запечатлены в языке, образуя его каркас. Человек мыслит о мире так, как «подсказывает» ему язык. Мыслить всем приходится в тех категориях, которые есть в языке. Еще Э. Сепир заметил, что в мышлении нет того, чего бы не было в языке.

Концептуальные исследования, проводимые в Кемерово, позволяют представить трехчленную классификацию концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации которой, в свою очередь, выступает язык: «Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем понятийным (категориальным) классам: I. Базовые концепты, к этому разряду можно отнести те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты. II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; среди них: 1) размерные концепты, под которыми понимаются различного рода измерения (*размер, объем, глубина, высота, вес* и др.), 2) качественные концепты, выражающие качество (*теплохолод, целостность (холистичность)-партиципность, твердость ~ мягкость*), 3) количественные концепты, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно-недостаточно*). III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений, среди них: 1) концепты-оценки (*хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно*), 2) концепты-позиции (*против, вместе, между, впереди-позади (всех), рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный*), 3) концепты-привативы (*свой-чужой, брать-отдавать, ападеть-терять; включать-исключать*)» [Пименова 2006: 50].

Класс космических концептов (*небо, земля, планета, солнц*> звезда, луна, комета) включает в себя субклассы: а) метеорологиче-

ские концепты (*погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, снег*), биологические концепты (*человек, птица, зверь, насекомое, змея, рыба, растение, цветок, дерево, куст, трава, ягода, фрукты, овощи*), построенные на понятийных оппозициях «живое-неживое», «съедобное-несъедобное», «рукотворное-природное», «человек-нечеловек», пищевые (*ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня*), соматические (*тело / плоть, голова, сердце, печень*), перцептивные (*зрение, вкус, слух, в наивной картине мира предчувствие, уловление, нюх, чутье и др.*), в) ландшафтные концепты (*поле, лес, луг, роща, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорожка*), г) предметные концепты, включая артефактные концепты (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда*).

Класс **социальных концептов** образуют: а) концепты стран (*Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государство*), б) концепты социального статуса (*элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, богатырь, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный*), ремесленник (*гончар, плотник, кузнец*), интеллигент, ученый, хозяин, раб), в) концепты национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз*), г) концепты власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, воля, анархия*), д) концепты интерперсональных отношений (*влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство; мир, война*), е) моральные (этические) концепты (*честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность*), ж) концепты занятий (*труд, ремесло, лень, игра, образование, праздник, дело*), з) религиозные концепты (*Богоматерь, Бог, святой, икона, мессия, пророк*).

Класс **психических (духовных) концептов** формируют концепты внутреннего мира (*душа, дух*): а) концепты характера (*азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*), б) концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть, ликование, страдание, ревность, тоска, тревога*), в) ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*) [более подробный список этих концептов в: Пименова 2003; 2006: 50-51].

Еще раз следует повторить, что границы между классами концептов в размыты. Так, соматические концепты относятся к классу космических (биологических), при этом часть структур этих концептов представляют их в иерархии концептов внутреннего мира: *сердце* - реально существующий орган, при этом *сердце* - воплощение характера *Рее* / злое *сердце*), в наивной картине мира *сердце* - орган эмоцио-

нального переживания (*сердцем веселиться / радоваться / печалиться*). *Совесть* - концепт из класса социальных (моральных) и при этом - класса концептов внутреннего мира, в наивной картине мира *совесть* - воплощение конфессиональной принадлежности человека (*Менять веру, менять и совесть*) и его национальности (*Душа христианская, а совесть цыганская*).

Современный человек с трудом осознает то, какими языковыми ресурсами он используется в повседневности. Особенно это заметно при анализе признаков концептов. Так, в выражениях *выстрелить из пушки и стрелять глазами* наш современник с трудом заметит метафору стрелы: *выстрелить* букв. «выпустить стрелу». Такие же трудности будут в прочтении метафоры глубины в выражении *углубиться в лес*, метафор наказания громовержцем в сочетаниях *молния поразила, удар молнии*.

Исследование развития концептуальных структур в диахронии и в сопоставлении - ближайшая перспектива особого направления когнитивной лингвистики. Сложность таких исследований заключается в том, что многие концептуальные признаки в древних текстах отсутствуют, что связано со спецификой их функционирования. Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий.

Литература

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность М., 2005.
История лингвистических учений. Древний мир / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. М., 1980.
Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
Пименова М.В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2006. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7).
Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110-122.

С.И. Потапенко (Нежин)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИЙ: ДАННЫЕ ТЕОРИИ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ

Одной из ключевых проблем когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности считается изучение процессов концептуализации и категоризации мира [Кубрякова 2004: 307], которые позволяют объяснить функционирование номинативных средств как формы объективации категорий в языке [Кубрякова 2004: 307]. При узком понимании категоризация рассматривается как подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию как рубрику опыта или знания и признания ее (этой сущности) членом этой категории. В широком смысле категоризация рассматривается как процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств [Кубрякова 2004: 307].

Одним из когнитивных подходов, объединяющих узкое и широкое понимание категоризации, является теория построения перспектив (*vantage theory*), первоначально разработанная для объяснения особенностей категоризации различных цветов по аналогии с ориентированием человека в пространстве-времени [MacLaury 2002: 494]. Основные принципы этой теории используются для трактовки целого ряда явлений языка и дискурса: проблемы лингвистической относительности; семантики цветообозначения; сочетаемости английских указательных местоимений с именами собственными; противопоставления в русском языке градуальных прилагательных *невысокий* и *низкий*; функционирования артиклей в нескольких англоязычных переводах одного исходного текста; категоризации национальной идентичности носителей различных языков [см. Glaz, Allan 2010: 154]; анализа синонимов, обозначающих водоемы и побережье в различных языках [Glaz, Potapenko 2009: 107].

Применение теории построения перспектив для толкования языковых явлений, связанных с различными категориями, свидетельствует о ее значительном объяснительном потенциале, обусловленном существованием механизмов ориентирования человека в пространстве и времени, но и выяснением того, как формируются эти исходные механизмы мироздания. В рамках рассматриваемой теории пространство

1. Типы и статус категорий в языке J

связывается со стационарными точками отсчета «верх-низ», «левый-правый», «спереди-сзади», а время трактуется как функция движения [MacLaury 2002: 494]. Поэтому в аспекте ориентирования категоризация предстает как результат взаимодействия трех основных координат: точки отсчета, представленной ориентирующимся индивидом-покою, соотносимого с пространством; движения, служащего основой для репрезентации времени. При транспозиции этой ориентационной модели на объяснение принципов формирования конкретных категорий покой и движение служат основой для установления подобия и отличия [MacLaury 2002: 494], соотносимых с двумя соответствующими перспективами (vantages): основной (dominant) и второстепенной (recessive) [MacLaury 2002: 507]. Основная перспектива, определяющая содержание категории, ассоциируется с отсутствием различий, с приближением (zooming in) к точке отсчета, с перемещением от удаленной позиции к вовлеченной [Glaz 2010: 261]. Второстепенная перспектива, связанная с уменьшением категориальных признаков, имплицитно удалению (zooming out) от несвязных элементов и их синтез в некое новое единство [Glaz 2010: 261]. Согласно теории построения перспектив в процессе категоризации наблюдатель одновременно сосредотачивается на одном отношении: подобии референта относительно точки отсчета или отличии от нее, используя другую координату как фон, что предполагает несколько (от двух до пяти) последовательных этапов формирования категории [MacLaury 2002: 495]. Соответственно, теория построения перспектив предлагает следующие стадии конструирования категории, которые определяют особенности употребления номинативных средств:

- установление точки отсчета (reference point), относительно которой формируется категория;
- выделение характеристик, сближающих категоризируемый референт с точкой отсчета, что сопровождается формированием основной перспективы (dominant vantage) и выбором соответствующих номинативных средств;
- дифференциация различий между категоризируемым референтом и точкой отсчета, то есть построение второстепенной перспективы (recessive vantage), предполагающей удаление от точки отсчета в сторону категориальной периферии;
- реконструкция структуры соответствующей категории " языковых средств ее экспликации.

С. И. Потапенко

рассмотрим возможности применения предложенной методики анализа языкового воплощения категорий на материале английских антропонимов, обозначающих подобие референта кому-то или чему-то известному, напр., *She's a proper Shakespeare* [Berry 1993: 64]. Для анализа привлекаем распространенное в современных англоязычных СМИ использование имени американского президента Барака Обамы для характеристики лиц с более низким статусом: бывшего кандидата в президенты Украины Арсения Яценюка, названного киевским Обамой (*Fresh face wins reputation as Kiev's Obama* [Financial Times 7.04.2009]); двух претендентов на посты премьер-министров - руководителя либеральной партии Великобритании Ника Клегга (*Nick Clegg declined the new Barack Obama* [Daily Telegraph 17.04.2010]) и министра индийского штата Уттар Прадеш Маявати, которую либо уподобляют американскому президенту (*Why It Won't Happen: The improbability of an Indian Obama* [Times of India 19.11.2008]), либо рассматривают как анти-Обаму (*India's Anti-Obama* [Newsweek 27.04.2009: 22]), а также волгоградского Обамы, выходца из Гвинеи-Бисау, претендовавшего на пост мэра в одном из городов Поволжья: *Volgograd Obama* [The Independent 4.08.2009].

Анализ статей, посвященных названным лицам, позволяет дифференцировать их общие черты, соотносимые с основной категориальной перспективой, и различия, связанные с второстепенной точкой зрения, обусловленной индивидуальными особенностями обозначаемых лиц или ситуацией, сложившейся в конкретных странах.

В соответствии с теорией построения перспектив имя собственное вообще и антропоним,- обозначающий американского президента, в частности, рассматриваем как средство обозначения точки отсчета, или фиксированной координаты, относительно которой формируется категория [Riddle 2010: 233]. Такая интерпретация антропонима обусловлена тем, что с одной стороны, эта единица рассматривается как Двойник и представитель человека [Арутюнова 2000: 16], а с другой, обозначает один и тот же референт во всех ситуациях (реальных или Условных), в которых он появляется [Hall 1999: 352], то есть указывает на надситуативный статус референта. С точкой отсчета, представляющей отдельного индивида, сопоставляются другие лица по отдельным Р метрам и в разной последовательности, определяющей номинальную структуру соответствующих текстов.

В рамках теории построения перспектив второй этап следующий за выделением точки отсчета, предполагает соотнесение индивидов со знаменитостями через установление основных и второстепенных перспектив, которые выявляем в ходе выделения текстовых средств обозначения характеристик, общих для американского президента и сопоставляемых с ним лиц.

Рассмотренные тексты свидетельствуют, что для характеристики индивидов привлекаются различные черты американского президента: три из них образуют основную перспективу, обязательную для всех: высокий общественный пост, обеспечивающий салиентность соответствующего лица; возраст, который по-разному эксплицируется в отдельных статьях; идея перемен, специфика вербализации которой зависит от индивидуальных особенностей характеризуемого лица.

Рассмотрим средства номинации в анализируемых текстах основной и второстепенной перспектив более подробно.

Статья о волгоградском Обаме (*Volgograd Obama* [The Independent 4.08.2009]) начинается с перечня трех основных характеристик, соотносящих его с американским президентом. Две основные перспективы, характеризующие всех обозначенных лиц, включают стремление занять выборную должность (*He's standing for elected office*) и воплотить в жизнь идею перемен (*message of change*). Второстепенная перспектива, представленная черным цветом кожи (*black*), отсутствует у всех других индивидов, сопоставляемых с американским президентом, но акцентируется в статье о волгоградском Обаме. Автор подчеркивает, что в отличие от американского лидера российский африканец сосредотачивается на расовых стереотипах (*Unlike Barack Obama, Mr Crima has decided to play into, rather than attempt to transcend, the racial stereotypes*) и рассматривает избрание Барака Обамы как часть глобального процесса, в результате которого к власти придут руководители с черным цветом кожи, что можно рассматривать как воплощение идеи перемен: *He said that Mr. Obama's election was part of a "global process", and that, in time, even Russia would be ready for black officials*. Однако, молодость как черта, общая для американского президента и волгоградского Обамы, в этой статье не акцентируется, хотя и упоминается (*Mr Crima, a 37-year-old native of Guinea-Bissau*).

Возрастной компонент занимает ведущее место при сопоставлении с Барак Обамой украинского претендента на президентский

С. И. Потапенко

ст Арсения Яценюка в статье под заголовком *Fresh face wins* ^П *ntation as Kiev's Obama* (Financial Times 7.04.2009). К основным перспективам, имплицитным в начале статьи, принадлежат избрание на высокий пост и идея о возрождении идеалов оранжевой революции, сопоставимая с мотивом перемен: *Ukrainian voters are desperate for a leader to rekindle the lost optimism of the Orange revolution*. Эта идея, представляющая основную перспективу, акцентируется в блоке комментариев, объясняющем рост популярности Яценюка массовым недовольством населения политикой правительства: *He is capitalizing on the deep disappointment voters have with Ukraine's current leadership* и *Mr Yatseniuk's emergence is a sign that voters are upset with the ruling establishment*. Другими перспективами, сближающими украинского Обаму с американским президентом, являются возраст, то есть молодость (*Some people call him Ukraine's Obama. Mr Yatseniuk is young, yet experienced*), знание английского языка (*Unlike his opponents, Mr Yatseniuk is fluent in English*) и намерение установить контакт с советниками Обамы для того, чтобы перенять опыт проведения предвыборной кампании: *he is already' talking of hiring advisers from US president's campaign*.

В статье о киевском Обаме второстепенная перспектива представлена чертой, которая отличает его от американского президента и проявляется в отсутствии преданной и стабильной группы сторонников: *You can't compare him to Obama. He does not at this point have a dedicated and stable group of supporters*.

К основной перспективе, уподобляющей руководителя либеральной партии Великобритании Ника Клэгга американскому президенту, в статье *Nick Clegg declared the new Barack Obama* (The Daily Telegraph 17.04.2010) отнесены мотив изменения динамики избирательной кампании (*Mr Clegg had changed the dynamic of this election and turned it into a "three-way race"*) и быстрый взлет политика от почти полной неизвестности к славе, соотносимый с параметром молодости у других лиц, сопоставляемых с американским президентом: *The semi-retired geography lecturer likened Mr Clegg to Barack Obama, who He from relative obscurity to win the US presidency*.

Контраст между характеристиками американского президента и Индийской Обамой, Майавати, определяет структуру статьи *India's Obama* (Newsweek 27.04.2009: 22). Часть этих черт общая для дру-^{ЛД}Д, сравниваемых с американским президентом, то есть относит-

/./ Типы и статус категорий в языке J

ся к основной перспективе: борьба за общественный пост (*Mayawati is now gunning for a bigger one. With national elections beginning this month, her supporters are trying to position her as India's answer to Anierica's youthful black president*), сравнительно молодой возраст (*Mayawati is young - just 53 in a country where most political leaders are in their 70s*), принадлежность к угнетаемому слою общества (*an outsider who comes from a long oppressed segment of society*). Вместе с тем, статья акцентирует главное отличие Маявати от президента Обамы: отсутствие перемен, что проявляется в создании собственной классовой демагогии, компенсирующей ее неспособность преодолеть традиционную идеологию и коррупцию: *But unlike Obama, who promised a new politics that would transcend not only race but traditional ideology and corrupt Washington ways, Mayawati has built her power on demagogic cInIII warfare*.

Проведенный анализ статей о политиках, сопоставляемых с президентом Обамой, позволяет сделать несколько выводов о структуре отдельных категорий и возможностях применения теории построения перспектив для анализа средств вербализации категорий. Во-первых, есть основания для вывода о существовании общей категории «избранный руководитель», иерархическая структура которой позволяет дифференцировать политиков по степени их важности: президентов, премьер-министров, местных руководителей (ср. градуированные категории [Болдырев 2001: 93]). Именно благодаря такой структуре этой категории возникают возможности для сравнения с Бараком Обамой не только кандидатов в президенты, а и претендентов на более низкие посты. Во-вторых, при иерархической структуре этой категории точка отсчета, обозначенная именем собственным, воспринимается как фигура на фоне иерархии. В-третьих, с позиций рассматриваемой теории дифференциация основных и второстепенных перспектив позволяет размежевать обязательные и факультативные параметры категории на нескольких уровнях. К основной перспективе, или фигуре, первого уровня, обозначенной во всех текстах, относится параметр «общественный пост» как базовая категориальная характеристика сопоставляемых лиц. На втором уровне категоризации на фоне параметра «общественный пост» основная перспектива представлена относительно молодым возрастом сопоставляемых лиц. На третьем уровне категоризации с основной перспективой соотносится идея перемен, которая характеризует всех претендентов на общественные посты, кроме Маявати, что дает основания для ее означивания как анти-Обам-

С.И. Потапенко

я перемен эксплицируется либо существительным с соответствующей семантикой (*change*), либо единицами, имплицитными преобразованиями что наблюдается в случае с киевским Обамой, от которого требовалось изменить настроение украинских избирателей. Все другие параметры, - быстрое продвижение вверх, цвет кожи, владение английским языком контакты с командой американского президента - рассматриваем как второстепенные перспективы, используемые для характеристики отдельных лиц.

В плане применения теории построения перспектив к моделированию языковых категорий представляется плодотворным рассмотрение того, как основная и второстепенная перспективы определяют формирование и вербализацию суперординантных и субординантных категорий относительно точки отсчета, соотносимой с базовой категорией.

Литература

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // *Язык о языке*. М, 2000. С. 7-19.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2001.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. 2004.

Berry R. *Articles*. L, 1993.

Glaz A. Towards Extended Vantage Theory // *Language Sciences*. 2010. Vol. 32, №2. P. 259-275.

Glaz A., Allan K. Vantage theory: Developments and extensions. Introduction // *Language Sciences*. 2010. Vol. 32. № 2. P. 151-157.

Glaz A., Potapenko S. Cognitive aspects of word meaning: *water* and *sea* vs *land* in English, Polish and Ukrainian // *Проблеми Зіставної семантики*. Вип. 9. К, 2009. С. 107-112.

Hall D.G. Semantics and acquisition of proper names // *Language, Logic and Concepts*. Cambridge (Mass.), 1999. P. 337-372.

MacLaury R E. Introducing vantage theory // *Language Sciences*. 2002. Vol. 24. №2. P. 493-536.

Riddle E. M. Vantage Theory and the use of English demonstrative *eternii-ners* with proper nouns // *Language Sciences*. 2010. Vol. 32. № 2. P. 225-240.

ТОПИКА КАК СИСТЕМА «ВЕРШИННЫХ» ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ

На протяжении многих веков предпринимались попытки определить глобальные языковые категории; продолжают они и в наше время, но удовлетворительный результат все еще не получен.

В 70-е годы прошлого века внимание ученых привлекли исследования Элеоноры Рош, которые якобы «бросают вызов традиционной Аристотелевской теории о том, что понятия хранятся в сознании как логические таблицы достаточных и необходимых условий, определяющие место каждой конкретной категории» [Моран 2006].

Нам представляется, что Э. Рош работает в другом научном русле, и ее теория прототипов никак не поколебала классическую теорию, которая совсем не так примитивна, как кажется автору процитированных строк, и сегодня еще далеко не вполне изучена. Как правило, принимается в расчет только формальная логика Аристотеля, а его топика - неформальная логика говорящих, диалектика правдоподобного (мнения), равно как и его знаменитые категории «числом десять», еще ждут своего часа.

Нам представляется более продуктивным подход А. Вежбицкой: «Часто призыв к использованию прототипов объединяется с утверждением о существовании двух подходов к категоризации: «классический подход» (связанный с Аристотелем) и «прототипический подход» (связанный, в частности, с Рош и Витгенштейном). Их противопоставляют, как правило, для того, чтобы объявить классический подход ложным, а прототипический истинным. По моему мнению, однако, подобное противопоставление двух подходов нам ничего не может дать. Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов одно не исключает другого» [Вежбицкая 1996: 201].

Однако нельзя недооценивать те *вопросы*, которые задает Э. Рош и на которые не может быть ответа до тех пор, пока не будет определенно выявлена глобальная языковая категоризация, присущая* Человеческому Языку в целом. «Рош пишет: «Когда мы слышим о •>

имя (a category word) естественного языка, такое, как *мебель* или ^ и а то какого рода представление оно вызывает в нашем сознании? Список признаков, необходимых и достаточных для принадлежности к иной категории? Конкретный образ, который репрезентирует эту категорию? Список членов категории? Способность употреблять категориальные термины вообще без всякой опоры на ментальные представления? Или какие-то другие, труднее определимые формы представления?» ([Rosch Heider 1975: 193] цит. по: [Вежбицкая 1996: 208]). Полагаем, последнее, потому что *слышим* мы любое *имя*, в том числе и *общее* в контексте, в ситуации, в дискурсе, и для нас в естественных условиях общения и употребления - всегда - важно только это *актуализированное* имя, сказанное нам или нами *почему-то*.

Что касается исследований самой Э. Рош, то, на наш взгляд, их ценность прежде всего в том, что она первой из современных ученых обратила внимание на категоризацию как таковую, занялась поисками ее. Однако эти исследования, как нам представляется, носят как бы половинчатый характер: то, что исследует Э. Рош, не вполне категории. Дж. Лакофф подчеркивает, что на третьем этапе своих исследований и сама «Рош пришла к выводу, что вопрос о соответствии экспериментально выявленных прототипных эффектов ментальным представлениям остается открытым. Прототипные эффекты лишь ограничивают область того, чем могут быть ментальные представления, однако взаимно однозначного соответствия между ними нет. Прототипные эффекты имеют определенные «источники», однако мы не в состоянии их выявить» [Лакофф 1995: 159]. Их и невозможно выявить в искусственных условиях эксперимента, где нет ни ситуации, ни контекста, ни общения, ни интенций. Важно, как люди *используют* эти - скорее, *концепты*, чем *категории* - в реальной речевой практике.

Тем не менее эти «другие, труднее определимые формы представления», эти «источники» необходимо определить и выявить, потому что они имплицитно присутствуют в любой нашей речи, которая, на наш взгляд, и возможна только благодаря этим *естественным глобальным языковым категориям*.

Нью ¹ прежде чем ГОВОРИТЬ собственно о них, обратимся к работе

- Шведовой [Шведова 2005], которая не пользуется терминами *«Ромотипы»* или *инварианты*, как не пользуется и терминами *топика* и *гл* ² Однако ее труд направлен на поиски наиболее обобщенного, *ального языкового смысла*, на целостную организацию *языкового*

(смыслового) пространства, что тождественно поискам глобальных языковых категорий, которые автор называет «вершинными». Подчеркнем: *смысла*, смыслового пространства языка, а не *значения* слова, даже если при этом имеется в виду *общее* имя.

Почти в самом начале своей работы, обосновывая предмет своего исследования, Н.Ю. Шведова ссылается на Аристотеля: «Здесь целесообразно вспомнить о философских категориях Аристотеля, по существу оказывающихся также и категориями языковыми: все они определяются посредством слов с самым абстрактным значением и, что очень важно, в большинстве своем посредством местоимений» [Шведова 2005: 452]. Нам представляется, что высказывание Н.Ю. Шведовой можно было бы продолжить более категорично: философские категории Аристотеля, *безусловно*, являются и языковыми - хотя бы потому, что во времена Аристотеля не существовало науки лингвистики, а языковые проблемы отождествлялись с философскими и решались, если можно так выразиться, купно. Из того обстоятельства, что категории Аристотеля определяются - *в большинстве своем* - местоимениями, вытекает, на наш взгляд, два следствия: во-первых, *не все* категории Аристотеля охватываются местоимениями, во-вторых, для Аристотеля была важна *не форма* выражения, а *сущность* проблемы, и он, вслед за Платоном с его эйдосами, искал *наиболее общие смыслы бытия*.

В то же время мы отдаем должное глубине исследовательской мысли Н.Ю. Шведовой, полагая, что именно в ее исследовании наиболее адекватно на сегодняшний день продолжены и отражены в лингвистике эти общие смысловые языковые категории. Это именно *смысловые* категории, более общие, чем *прототипы* и семантические *инварианты*, поскольку и те, и другие рассматриваются не в сфере *смысла*, а в области *значения*, ограничиваясь по сути дела только словом. А «ущербность нашего слова заключается в том, что оно *изолировано*, хотя и сохраняет в себе все моменты определения первоначальной сущности» [Лосев 2009: 223] (курсив - А.Ф. Лосев).

Конструктивна сама идея Н.Ю. Шведовой о существовании *естественной языковой закрытой исчислимой «вершинной» системы* [Шведова 2005: 449-461], а также указание на исторический исход этой идеи от категорий Аристотеля. Однако мысль о том, что такой системой является дейктическая система языка, представляется не столько спорной, сколько все-таки недостаточной, точнее, недостаточно «вершинной». Важно, однако, то, что, несмотря на прозрачный смысл *место-*

В.А. Садикова

имени - быть «вместо имени» (вместо слова), анализируемая Шведовой система обращена к высказыванию, к тексту [Шведова 2004: 495], а значит может быть понята - из всего контекста исследования - как указание на место имени *в тексте, высказывании, речи, а также - в ситуации, в общении.*

Здесь уместно вспомнить и риторические *общие места*, которые в некоторых исследованиях понимаются как смысловые модели [Михальская 1996] и структурно-смысловые модели [Садикова 2009]. \\\ тогда не местоимения, а *общие места* (в качестве структурно-смысловых моделей) - СРАВНЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ДЕЙСТВИЕ и т.д., *весь* перечень структурно-смысловых моделей [Садикова 2009: 99], в том числе и ИМЯ, образуют определенные смысловые пространства языка. Для того чтобы убедиться в правомерности такого коррелирования, необходимо, во-первых, отказаться от традиционного в риторике толкования топов как «общих мест», во-вторых, увидеть очевидную связь категорий Аристотеля с его топикой. Необходимо также учитывать лучшие образцы толкования аристотелевых категорий на протяжении веков (в трудах Порфирия, Цицерона, Квинтилиана, Ломоносова и др.) [Садикова 2009: 27-52], а не только в современных лингвистических исследованиях. Полезно также обратиться к работам величайшего знатока древних авторов и исключительно глубокого *современного* исследователя А.Ф. Лосева, в частности к его работе «Философия имени» [Лосев 2009]. Тогда возможно выделение в нем, в слове-имени, того топологического смысла, который и образует глобальное *смысловое пространство* (термин Н.Ю. Шведовой) имени, а совокупно с другими смысловыми моделями (топами) создает метакатегориальную языковую систему, в которую дейктическая система языка входит как один из способов выражения (реализации) в речи. Это тем более представляется справедливым, потому что понятие абстрактности не абсолютно; оно, как неоднократно отмечает и Н.Ю. Шведова, обладает степенями, «ступенями» [Шведова 2005: 466]. Собственно эта способность нашего мышления положена в основу и «многослойно» слова у А.Ф. Лосева.

И тогда нет необходимости полагать дейктическую систему языка более абстрактной системой, чем классы других «человеческих»^в языке. Местоимения, даже те, которые Н.Ю. Шведова считает «одами», формирующими смысловое пространство языка, выра-

1. Типы и статус категорий в языке J

жают лишь *степень* абстракции, хотя и большую, чем та, которой обладают другие «человеческие» слова. И вот эту *максимальную для нашей линейной речи* абстракцию и *выражают* местоимения. Другими словами, местоимения как класс «нормально-человеческих» (по А.Ф. Лосеву) слов, хотя и обладают высокой степенью обобщенности, все-таки относятся к плану *выражения*. Категории же, по нашему глубокому убеждению, *не могут быть выражением самих себя*. Они только *мыслятся*. В этом легко убедиться даже на примере грамматических категорий: для того, например, чтобы выразить падеж (грамматическая категория), нужны соответствующие флексии (средство выражения), лицо (грамматическая категория) - местоимение в соответствующей форме (средство выражения), время (грамматическая категория) - соответствующая форма глагола (средство выражения) и т.д. Грамматические категории, в свою очередь, «подчиняются» категориям более общего порядка, языковым, прообраз которых, несомненно, Категории Аристотеля. Но только прообраз. Сегодня нельзя не учитывать их последующую историю.

О недостаточной глобальности дейктической системы языка свидетельствует и тот факт, что Н.Ю. Шведова привлекает (вовлекает в эту систему) ряд глаголов, которые называет дейктическими, несмотря на то, что, по свидетельству самой Н.Ю. Шведовой, наличие системы дейктических глаголов в языке ученым миром не признается [Шведова 2005: 473]. Эту систему, по мнению Н.Ю. Шведовой, образуют глагольные формы от глагола *стать* «в случаях типа *Все может стать, Так и стало/сталося, Так и станет/станется*» (там же). Автора, видимо, привлек изначально обобщенный смысл глагола. Однако мы полагаем, что дейктическую функцию в подобных выражениях выполняют по-прежнему местоимения и / или близкие им по функции наречия. А глагол не указывает, а *обобщает!* Причем функция обобщения в высказываниях такого типа нам представляется более актуальной, поэтому в целом подобные высказывания можно считать реализацией структурно-смысловой модели (топа) ОБЩЕЕ. А «вершинный» *смысл*, организующий определенное *языковое пространство*, который Н.Ю. Шведова находит в «дейктических» глаголах, заключен, на наш взгляд, в топе ДЕЙСТВИЕ.

Наиболее наглядно, на наш взгляд, можно показать «верш®! , ность» топки как системы, организующей смысловое пространство" языка, на топе ИМЯ. Аналогом этой структурно-смысловой модели

дейктической системе Н.Ю. Шведовой являются «местоименные исходы» *кто* и *что*. «Местоимение *кто* занимает главное место в строе местоименных исходов», - пишет Н.Ю. Шведова, совершенно справедливо мотивируя это тем, что оно означает «существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего» [Шведова 2009: 479]. А «местоимение *что* как исход, возглавляющий собственную дейктическую микросистему, означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным; в этом смысле *что* внутри класса местоимений находится в противопоставлении к *кто*» [Шведова 2009: 487].

С приведенными высказываниями трудно не согласиться. Однако хотим обратить внимание на то, что топ ИМЯ, если это *слово* в лосевском смысле, естественным образом *объединяет* эти «местоименные исходы»: *именованы* как одушевленные, так и неодушевленные сущности. И тогда *кто* и *что* могут рассматриваться как *разновидности* ИМЕНИ, которые в самом общем виде находятся между собой в отношениях ПРОТВОПОСТАВЛЕНИЯ по указанному Н.Ю. Шведовой ПРИЗНАКУ. И если ИМЯ в нашем ментальном мире заменяет СУЩНОСТЬ (а так полагали не только философы А.Ф. Лосев [Лосев 2009] и С.Н. Булгаков, но и лингвист А.А. Потебня [Булгаков 1999: 346]), то на «вершинной» ступени абстракции определенно нивелируется и противопоставление одушевленности/неодушевленности: «*Понятие субъекта гораздо менее ясно, чем понятие сущности, да если и становится ясным в результате анализа, то тут же неоспоримым делается и тот факт, что субъект - сам нечто происшедшее из более универсального источника и никак не может являться абсолютной инстанцией и критерием*» [Лосев 2009: 168] (курсив - В.С.).

Таким образом, все топы, в том числе и топ ИМЯ, не «привязаны» к грамматическим категориям или определенным лексическим классам слов. Они реализуются *целостно*: не только лексикой и грамматикой языка, но и ситуацией общения, а также спецификой субъект^и объектов общения, их *отношением* к себе и друг к другу и т.д. *ектически* они могут мыслиться двояко: как *метакатегории*, *ор- ующие* смысловое пространство *языка*, и как *структурно- эти* ^{СЛовые мос} *ели*, реализующие (гибко, текуче, рекурсивно, объемно) *смы* ^{Метакатегори} *и* в *речи*, то есть метакатегории и структурно- овые модели - в духе А.Ф. Лосева - одновременно одно и то же

1. Типы и статус категорий в языке J

и не одно и то же, но могут быть определены одним общим именем 'топы.

В числе шестидеяти семи (!) слоев слова-имени А.Ф. Лосев под номером 49 выделяет *топологический* момент в слове, специфика которого в том, что он характеризует *качественную* структуру слова. У этого момента есть и второе название - *морфный* [Лосев 2009: 176]. В связи с этим вспомним работу В.Я. Проппа «Морфология сказки» [Пропп 1928] В.Я. Пропп не просто описывает структуру волшебной сказки, не **просто** дает ее схему, но выделяет ее *качественную* структуру, *качественно заполненную* схему. Таким образом, морфология сказки есть *топология высказывания определенного жанра*. Полагаем, что от работы В.Я. Проппа, написанной в 20-е годы прошлого века, можно (и нужно) закономерно перейти к *топологии высказывания вообще*. А топология высказывания неизбежно выводит на «вершинные» языковые категории, которые не могут быть выявлены и конструктивно введены в языковую науку до тех пор, пока основным объектом лингвистических исследований будут оставаться изолированное слово и изолированное предложение, и - как следствие - утопические попытки установить «членство» этих глобальных категорий. Как только заходит речь о *членах* категории, мы неизбежно переходим к классификации. Только **относительно классификаций** правомерно говорить о «членах». *Категории* же целостны, ментальны, присущи как мышлению, так и речи, **как** сознанию, так и бытию. Они функционируют, прежде всего, как *отношения*, а не как члены. Полагаем, что «вершинные» языковые **категории** неизбежно связаны с топикой как системой структурно-смысловых моделей *высказывания, речи*, где мы можем наблюдать их в естественных условиях общения.

Известно, что ранние исследования Рош были посвящены **так** называемым *цветовым категориям*. С точки зрения топки как **системы** «вершинных» языковых категорий, *цвет* - это топ РОД даже **бен** относительно к конкретному высказыванию; то, что подразумеваемес* под собственно *цветовыми категориями* - это ВИДЫ, **разновидности** (цвета). Если в высказывании актуально само *слово* «цвет», то это **топ**, ИМЯ. В реальном высказывании эти *отношения* будут значительно богаче и сложнее и способны вывести (и выводят) на другие **категории**: ПРИМЕР (*мне, например, идет синий цвет...*), ПРОТВОГШЧ ТАВЛЕНИЕ (*мне идет, а тебе не идет синий цвет*), СИМВОЛ (С*

В.А. Садикова

идет, допустим, о цвете флага), ПРИЧИНА (бык увидел красную шляпку, поэтому напал) и пр.

Топами неизбежно пользуются ученые и их испытуемые и в условиях эксперимента, потому что именно топы заменяют им все те естественные условия речепроизводства, которые предоставляет естественное общение. Еще раз обратимся к Дж. Лакоффу, которого позволим себе попутно прокомментировать (комментарий дается курсивом в круглых скобках): «Э. Рош прошла в исследовании феноменов категоризации (*классификации и концептуализации, а не категоризации*) три этапа. <...> Поскольку Рош занималась анализом цветовых категорий, категорий формы и эмоций, она связывала прототипные эффекты в первую очередь с (а) перцептивной выделенностью (*это индивидуальные концепты*) или с особенностями тех вещей, которые наиболее легко опознаются людьми, (*ПРИЗНАКИ или СВОЙСТВА классической теории Аристотеля*); б) со способностью к запоминанию, или со свойствами (*топ СВОЙСТВО*) которые легче всего запомнить, и (с) со стимулом к обобщению (*топ ОБЩЕЕ*), или со способностью переносить характеристики одной вещи на другую, внешне похожую на нее (топ СХОДСТВО). То есть, как говорит она сама (Rosch, in press): «Предположим, что существуют перцептивно выделенные цвета, которые очень легко *привлекают внимание и лучше запоминаются* (здесь и далее в цитате курсив мой. - В.С.), чем другие. Когда осваиваются *имена* категорий, имеется тенденция *сопоставлять* их с выделенными стимулами, а затем по принципу стимульной генерализации они *переносятся на другие, материально или по форме близкие примеры*» [Лакофф 1995: 158-159]. Для Э. Рош важен психологический аспект, и она приспособливает все именно к нему: то, что привлекает внимание, лучше запоминается и пр. При этом пользуется топикой как структурно-смысловыми моделями: СВОЙСТВА, ОБЩЕЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, НМЛ и т.д., но делает это пассивно, неосознанно, как и многие другие специалисты. См. пример в [Садикова 2009: 66-67].

Дж. Лакофф совершенно справедливо полагает: «Важно осознать что прототипные эффекты вторичны. Они образуются в результате взаимодействия различных факторов». Однако объяснение этого нам не кажется убедительным: «В случае такой градационной категории: как *высокий человек*, содержание которой размыто и нечетких границ, прототипные эффекты могут возникать из града-

/. Типы и статус категорий в языке J

ции членства, в то время как в случае категории *птица*, которая четко отграничена от других категорий, прототипные эффекты порождаются другими особенностями внутренней структуры категорий» [Лакофф 1995: 162]. И *птица*, и *человек* могут рассматриваться как концепты, с одной стороны, и как категории, с другой. И в качестве «вершинных» категорий и то, и другое - это топ ИМЯ, если в нашем распоряжении нет никаких дополнительных условий, связанных с общением или ситуацией. В более широком контексте, связанном с употреблением, и *птица*, и *человек* может выражать РОД (относительно соответствующих *разновидностей*) или ВИД *живого существа*, где РОД уже именно оно. Топы предполагают высказывание, а не предложение, словосочетание или слово и определяются по тому, *что* актуализировано в высказывании в данный момент. *Высокий человек* может быть и высказыванием, а не словосочетанием. Тогда это *конкретизация имени по признаку*, топ ПРИЗНАК, который в данный момент и актуализирован этим минимальнейшим контекстом.

Нельзя сказать, что топология сегодня совсем чужда ученым-гуманитариям. Например, А.Ш. Тхостов предлагает феноменологическое исследование, посвященное топологии субъекта, которая «не совпадает с эмпирическими границами его тела: она может быть как вынесена вовне, так и погружена внутрь тела и даже в само содержание *сознания*» [Тхостов 1994: 10]. Сегодня ученые обращаются к топологии скорее как к научной метафоре, экстраполируя некоторые моменты, *что*, конечно же, закономерно, и в ряде случаев дает важные научные результаты. Например, понятие *топономы*, введенное А.Я. Бродецким для анализа внеречевого общения и успешно примененное А.А. Романовым для анализа визуальной интеракции, составления ее типовой структуры и описания закономерностей ее функционирования [Романов 2004: 18-22].

Однако можно, на наш взгляд, говорить о лингвистической топологии, основанной на топике, как о *глобальной гуманитарной парадигме*, способной стать одним из ведущих принципов лингвистического, филологического, гуманитарного исследования в целом.

Литература

- Булгаков С.Н.* Философия имени. СПб, 1999.
Вежбицкая А. Прототпы и инварианты // Вежбицкая А. Я^{зь}ЯЧ
Культура. Познание. М, 1996. С. 201-231.

В.А. Садикова

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1995. С. 143-184.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 2009.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996.

Моран А. Элеонора Рош [Электронный ресурс]. URL: www.psychology-online.net/members/member-1.

Пропт В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // А.А. Романов, Ю.А. Сорокин. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М., 2004. С. 6-158.

Садикова В.А. Топика: история, теория, практика. Тверь, 2009.

Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского Университета. Сер. 14: Психология. 1994. Т. 2. № 3. С. 3-12.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл (Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства) // Н.Ю. Шведова. Русский язык: Избранные работы. М., 2005. С. 445-543.

I

II. КАТЕГОРИИ РАЗЛИЧНЫХ НАУК

Е.А. Бочарникова (Астрахань)

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ЯЗЫКЕ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ (LSP)

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, LSP - это «такая система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие в достигнутый в этот период уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс <...>. Являясь частью системы общенационального языка, <...> она репрезентирует особые структуры знания, служит их объективации и тем самым обеспечивает общение специалистов в определенной предметной области знания» [Новодранова 2007: 138-139].

Известно, что процесс научного познания мира происходит вследствие концептуализации и категоризации объектов, явлений и других феноменов с позиций определенной науки и с помощью существующих в данной науке принципов, методов и установок. В результате научного познания формируются (или видоизменяются) научные концепты и категории, представляющие собой ментальные образования различной степени абстракции.

Согласно представлениям современной когнитивной лингвистики, процессы концептуализации и категоризации взаимосвязаны. Так концептуализация - «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к человеку информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психик человека)» [КСКТ 1996: 93]. Процесс категоризации являет собой классификационную деятельность, направленную на «объединение единым»

проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующих как тождественные, в более крупные разряды» [Там же].

Особенности научной концептуализации проявляются ярче всего и в анализе научного текста. В нем, в отличие от других видов текста, отражаются не только результаты познавательного процесса, но и само его развертывание, а также методы и приемы, с помощью которых он осуществляется. В научных текстах представлены не только разнообразные средства вербализации концептов и категорий как результатов процессов концептуализации и категоризации, но также и особенности формирования как отдельных научных концептов и категорий, так и концептосферы определенной науки в целом [Кудрина 2009: 337].

Характеризуя научный концепт, многие лингвисты основываются на «расширительном» понимании термина «концепт»: это и образы, и представления, и понятия, и установки, и оценки [Кубрякова 2002б: 7]. Немаловажной предстает также и разработанная Н.Н. Болдыревым типология концептов, включающая конкретно-чувственный образ, представление, схему, понятие, прототип, пропозициональную структуру, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт [Болдырев 2000]. Заслуживает внимания мнение Н.А. Кудриной, согласно которому эти типы концептов отражают этапы познавательного процесса познания: от чувственного восприятия через обобщение чувственных образов в форматах представлений и схем к «освобожденному» (выделено Н.А. Кудриной - Е.А.) от дополнительных признаков понятию, а на основе него к более сложным концептуальным структурам, отражающих в том числе и его связи с другими понятиями. По мнению Н.А. Кудриной, такой путь характерен как для обыденного, так и для научного познания: познание начинается с чувственного восприятия и далее стремится к рациональному осмыслению [Кудрина 2009: 347].

Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что в процессах концептуализации и категоризации научных понятий большую роль выполняют обыденные знания: изначально познание мира шло на повседневном уровне и вообще «обыденное познание, обыденное сознание и знание - это традиционные для человека формы освоения и ото-

ражения действительности» [Лазарев 1999: 26]. Данное утверждение в значительной степени касается научных экономических понятий, так как экономика тесно связана с повседневной жизнью человека и в своих ^{о^Е}, ^{<,10} ^Рми^рования своих знаний активно использует сведения других областей знания. Отметим, что мы признаем различия между терминами ^{Мн} «концепт» и ^{Поня} «понятие», но, в связи с тем, что экономические ^{Тия} часто содержат обыденные смыслы и, как мы полагаем, могут

II. Категории различных наук

вызывать у коммуникантов определенные эмоции и актуализировать повседневные знания, мы употребляем эти термины синонимично.

Далее рассмотрим особенности концептуализации и категоризации экономического концепта / категории «факторы производства», анализируя фрагменты содержания научно-учебных текстов по экономике.

Для того чтобы лучше представить содержание исследуемого концепта, приведем определение, данное в Большой экономической энциклопедии: «Факторы производства - это используемые в производстве ресурсы, от которых в определенной степени зависит количество, объем выпускаемой продукции. К таким факторам относятся: земля, труд, капитал, предпринимательская активность (предпринимательские способности)» [БЭЭ 2007: 723], и следующее определение, представленное в Longman Dictionary of Business English: «... the basic things that are used by **Man**, especially land, labour, capital and enterprise, to produce economic goods. **Land** includes all **usable and scarce material provided by Nature**; labour includes the **human energy, mental skills and judgement** applied in producing economic goods; capital includes **stores of unconsumed wealth and stocks of assets** in the form of **tools, machinery and raw materials**, and also **money** to finance work in progress of manufacture and for **further investment**; and enterprise or organization consists of the **organizing ability** of the **entrepreneurs** and their **willingness to bear financial risks...**» [DBE 1993: 190-191].

Из содержания приведенных дефиниций становится очевидным, что данный концепт является сложным по своей структуре и может быть представлен как категория, включающая следующие одноуровневые простые концепты, которые обладают целым рядом концептуальных и атрибутивных характеристик / признаков (в дефиниции выделены нами жирным шрифтом): земля / land, труд / labour, капитал / capital, предпринимательская активность, которые в представленных определениях выступают концептами базового уровня, подводимыми под онтологическую категорию THINGS (в определении словаря DBE) и суперординатную экономическую категорию РЕСУРСЫ (в определении БЭЭ). В дефиниции словаря DBE также именуется концепты субординатного уровня, детализирующие данное понятие: human energy, mental skills, judgement (подводятся под категорию «labour»), unconsumed wealth, assets, money (подводятся под категорию «capital», причем концепт «assets» субкатегоризирован концептами «tools», «machinery», «materials»), organizing ability и willingness to bear financial risks (подводятся под категорию «enterprise»).

Любопытно заметить, что содержание научно-учебной экономической литературы позволяет более подробно и расширенно отразить концептуальную структуру данного понятия. Обратимся к примерам.

Е.А. Бочарникова

Capital is the equipment, tools, structures, machinery, vehicles, materials, and skills created to help produce goods and services. Don't confuse capital resources'

'Capital inputs can be physical or human. A portion of labor used in production includes human capital, which represents skills acquired for the purpose of producing medical engineering, legal, and other services. Another portion includes physical capital - machinery and tools [Hyman 1999: 42] (здесь и далее выделено мною - Е.А.). В данном примере актуализированы атрибутивные признаки «human» и «physical», раскрывающие содержание и понимание концепта «capital» в экономическом дискурсе. Пример содержит также информацию о том, что концепт «human capital» связан с концептами «labor» и «skills», а концепт «physical capital» включает концепты «machinery» и «tools». Таким образом, в приведенном примере посредством субкатегоризации концепта «capital / капитал» раскрывается содержание этого концептуального признака или смысла, формирующего понятие / категорию «факторы производства» - капитала. Объективированные признаки входят в содержание дефиниции «capital / капитал», которую можно рассматривать как результат взаимодействия когнитивных механизмов концептуализации и категоризации.

В то же время следующий фрагмент позволяет рассмотреть иные признаки исследуемого концепта: *Существуют два подхода к внутрифирменной эффективности: 1) деятельность фирмы описывается ее производственной функцией, так что при всех возможных колебаниях факторов производства (главным образом, труда и капитала) обеспечивается максимальный выпуск продукции; 2) фирма выбирает комбинацию факторов с наименьшими издержками для каждого возможного объема впуска продукции* [Камаев 1998: 248]. Данный пример имплицитно связывает концепт «факторы производства» через его составные элементы «труд» и «капитал» с концептами «внутрифирменная эффективность», «деятельность фирмы», «издержки» и «выпуск продукции». Таким образом, исследуемый концепт представлен здесь как феномен экономической концептосферы, связанный определенными отношениями с другими ее составляющими: верная стратегия использования реальных воплощений концепта приводит к уменьшению издержек и максимизации производства (при-сно-следственные связи).

ко ^{Участие} исторических и политических знаний в объективации «факторы производства» прослеживается в следующем
Примере: *For example, during 1943, at the peak of World War II, the United*

II. Категории различных наук

States devoted over 40 percent of its productive resources to production of military goods and services. That year no private automobiles were produced because all automobile factories were under contract to the government to produce military vehicles [Human 1999: 47]. Посредством использования термина истории «World War II» и экономических терминов «productive resources» и «production» здесь осуществляется апелляция к известному историческому факту. Объективация концепта «факторы производства» в данном примере, представляющем фрагмент знания экономической практики, реализуется посредством концепта «resources». Пример описывает специфику размещения ресурсов США в разгар Второй Мировой войны и показывает результат такого размещения, тем самым раскрывая взаимосвязь экономических концептов «factors of production» и «distribution», имплицитный термин «resources».

Следующий фрагмент актуализирует качественную характеристику концепта «факторы производства»: *В своей работе «Распределение богатства» (1899) Кларк доказывает, что его доводы основываются на предположении об одинаковой эффективности каждой единицы применяемых в производстве факторов* [Камаев 1998: 158]. Актуализированному в данном примере концепту «одинаковая эффективность» приписывается качественная характеристика, присущая всем составляющим концепта «факторы производства».

Далее можно видеть, как пример раскрывает изменение теоретических положений, касающихся концепта «факторы производства», в ходе истории развития экономической науки: *После работ А. Смита и Д. Рикардо в экономической науке господствующее положение занимали так называемые теории факторов производства. Основные представители этих теорий - французский экономист Ж.Б. Сэй и английский экономист Дж.Ст. Милль* [Камаев 1998: 68]. Приведенный пример содержит также ссылку на теории факторов производства, и имплицитно как наличие трудов указанных ученых, так и значимость понятия «факторы производства» в концептосфере экономической науки.

Следующий фрагмент актуализирует иные характеристики описываемого концепта / категории: *Улучшение структуры и качества основного капитала, благодаря инвестированию во внедрение и распространение новых научных знаний (прежде всего, новых технологий), составляет понятие воплощенного¹, то есть материализованного технологического прогресса.*

¹ *Имеется в виду технический прогресс, воплощенный в более совершенной технике, конструкциях, новых материалах и т.д., то есть в улучшении качества капитала* [Чепурин 1999: 565]. Данный пример!

Е.А. Бочарникова

объективирует один из факторов производства - «капитал» и раскрывает зависимость существования данного фактора от *«материализованного технологического прогресса»*; актуализированные в связи с этим концепты *«современная техника», «конструкции», «новые материалы»* расширяют круг объектов, подводимых под концепт «капитал»; вербализованный концепт «научные знания», очевидно, подводится под концепт «факторы производства» и выступает, таким образом, дополнительной характеристикой анализируемого концепта.

Актуализированные в следующем примере признаки концепта «факторы производства» раскрывают взаимосвязь данного концепта с другими концептами экономики: *«Совершенно очевидно, что экономический рост представляет собой чрезвычайно сложное явление, удовлетворительная теория экономического роста должна принимать в расчет природные ресурсы, политические институты, законодательство, а также множество психологических и социальных факторов. Разработка всеохватывающей теории представляется почти невыполнимой задачей»* Бен Б. Селигмен [Чепурин 1999: 557]. Посредством данного примера у реципиента формируется расширенное представление о факторах производства, так как ни в одном из определений данного понятия не указано на связь факторов производства с такими элементами экономической картины мира, как «политические институты», «законодательство», «психологические и социальные факторы», которые, по-видимому, оказывают определенное влияние на процесс производства экономических товаров.

Следующий фрагмент также расширяет представление об описываемом концепте: *«Стремление к прибыли, - подчеркивает выдающийся австрийский экономист Ф. Хайек, - это как раз то, что позволяет использовать ресурсы наиболее эффективно. Высокоосознательный социальный лозунг «производство во имя потребления, а не ради прибыли...» свидетельствует о полном отсутствии внимания к тому, как умножаются производственные возможности»* [Чепурин 1999: 55]. Очевидно, что содержание концепта «факторы производства» расширяется за счет вербализации концепта «прибыль», Указанного Ф. Хайеком. Взаимосвязь «прибыли» с понятиями «ресурсы» и «факторы производства» неоспорима исходя из содержания цитаты. Фраза «высокоосознательный социальный лозунг» «производство во имя потребления, а не ради прибыли...» раскрывает частичное совпадение повседневных (социальных) и экономических понятий, интег-

³ Фрагменты повседневной и экономической картин мира. В то время, последняя часть приведенного фрагмента позволяет сделать

II. Категории различных наук

умозаключение о том, что в обыденном сознании отсутствует представление о необходимости получения прибыли для увеличения «производственных возможностей» (то есть основных средств производства) и, следовательно, расширения производства и увеличения выпуска продукции, что присуще экономическому сознанию. Подтверждением этому служит следующий пример: *Предпринимательский интерес к производству той или иной продукции прямо зависит от величины получаемой нормы прибыли. Вот какие наблюдения сделал на этот счет английский публицист XIX в. Т.Дж. Даннинг: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз в наличии имеется достаточная прибыль, капитал становится смелым...»* [Куликов 2004: 169]. Актуализированный концепт «предпринимательский интерес», подводимый под категорию «факторы производства», предстает здесь во взаимосвязи с концептами «капитал» и «прибыль». Отметим, что при понимании приведенных примеров формируются когнитивные структуры, закрепляющие связи концептов внутри концептосферы экономики.

Концепты или концептуальные признаки, как правило, представлены эксплицитно, однако они могут и имплицироваться, как, например, в следующем случае: *Самое нелепое и вредное для человечества, говорит Форд, - утверждать, что все люди равны. Они очень разные, и тот, «кто много создает», должен и «много приносить в свой дом», и наоборот. Именно в этом состоит «строгая социальная справедливость, проистекающая только из честного труда» Благотворительности в оплате труда места нет. Каждый получает ровно столько, сколько заслужил* [Куликов 2004: 291]. Можно предположить, что известный американский предприниматель Г. Форд говорит о таких факторах производства, как таланты и способности отдельного человека, а также о том, что чем выше потенциал человека, то есть его *skills*, тем больше благ он может создать, то есть тем выше объем *выпускаемой им продукции/output*, за которую он и получает *вознаграждение* (заработную плату). Таким образом, анализ имплицированного данной цитатой смысла позволяет сделать вывод о взаимосвязи концептов *объем продукции* и *способности предпринимателя* (в том числе *физический* или *умственный труд*), а также связь этого концепта с другим концептом экономики - *доход (прибыль /profit, заработная плата / wages)*.

Выявление имплицитной информации, представленной в следующем примере, способно сообщить новые признаки *описываемого j* понятия: *Adam Smith, the father of economics, argued in his 1776 classic, The Wealth of Nations, that people pursuing their own interests are led as if by* {

Е.А. Бочарникова

• *visible hand' to promote the interests of society* [Begg 1992: 50]. Вполне очевидно, что имплицитная информация содержится в метафорическом оНце111те «невидимая рука» / «invisible hand», и правильной интерпретация данного примера будет только в том случае, если адресату известно, что принцип «невидимой руки», под которой подразумеваются неосознаваемые стимулы экономической деятельности, сводится к следующему: «частники экономической деятельности, действуя в угоду собственным интересам, неосознанным образом способствуют увеличению общественного блага. Будут ли выявлены когнитивные признаки понятия «невидимая рука», предположим, такие как: «self-interest», «unintentional action», «general interest», и будет ли «распознана» имплицитная информация, зависит от степени экономической эрудированности реципиента.

Примечательно, что обращение к уже существующим средствам объективации концептов и тех или иных концептуальных признаков не является произвольным выбором автора, а обусловлено тем явлением, которое Д. Шпербер и Д. Уилсон называют «принципом релевантности» [Шпербер, Уилсон 1981: 212-233]. Исходя из этого принципа, автор использует для репрезентации концепта такую релевантную информацию, которая служит вербальным сигналом, активизирующим всю когнитивную структуру (фрейм, сценарий, скрипт), представляющую ментальный образ данного понятия. В результате воздействия этого сигнала в памяти адресата восстанавливаются необходимые элементы когнитивной структуры представления знаний, связанной с описываемым концептом. За одним знаком может быть «вытянут» (Е.С. Кубрякова) другой и т.д.

На основании описанного выше анализа можно сделать вывод о том, что объективированные посредством приведенных текстовых фрагментов экономические концепты и их признаки консолидируют сложную концептуальную структуру понятия / концепта таким образом, что у адресата формируется довольно глубокий и подробный объем знаний о содержании понятия «факторы производства», его роли и месте в научной экономической картине мира. Можно утверждать, что, объективируя те или иные концепты или концептуальные признаки, автор научного текста не просто описывает и раскрывает содержание того или иного понятия, но⁸ строит его объяснение таким образом, чтобы показать его системные связи с другими понятиями / концептами в определенном «домене» (нашем случае - экономической науки). Реализуя данную установку, автор использует как собственно экономическую информацию, так и информацию, восходящую к иным источникам знания. Формы участия раз-

знаний в концептуализации / категоризации экономического по-

⁸ также различны: сюда относятся привлеченные термины других на-

II. Категории различных наук

ук, дефиниции, описания, использование средств художественного выт-жения (цитат, метафор, сравнений и т.д.), апелляция к разного рода J! * цедентным феноменам и реалиям общественной практики.

В заключение отметим, что исследование как форм и способо репрезентации знаний в LSP, так и самого состава знаний, участвуи щих в процессах концептуализации и категоризации научных понятий" представляется немаловажным в контексте решения проблем, связан' ных с изучением особенностей формирования когнитивного простран- ства науки вообще и научного знания в частности.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- БЭЭ-* Большая экономическая энциклопедия. М, 2007.
- КСКТ - Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузи- на Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М, 1996.
- Кубрякова Е.С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологи // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002.
- Кудрина Н.А.* Концептуализация в научном тексте // Когнитив- ные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: кол- лективная монография. М.; Тамбов, 2009.
- Курс экономической теории: учебник / под ред. М.Н. Чепурина. Ки- ров, 1999.Лазарев ВВ.* К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника до Птолемея) // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 1999. №2. С. 25-34.
- Новодранова В. Ф.* Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика. М.; Рязань, 2007.
- Шпербер Д., Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М, 1988. С. 212-233.
- DBE- Adam J. H. Longman Dictionary of Business English. Long- man - RELOD. Printed and Bound in Russia, 1993.*
- Экономическая теория: учебник / под ред. В. Д. Камаева. М, 1998.*
- Экономическая теория: учебник / под ред. В.Н. Куликова М, 2004.И*
- BeggD., FisherS., Dornbush R. Economics. London, 1997.*
- HymanD.N. Economics. Boston, 1992.*

Е.С. Гриценко

Е.С. Гриценко (Нижний Новгород)

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ТЕНДЕРНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Метонимия - одна из базовых характеристик познания, механизм которой заключается в том, что хорошо понятная или легко воспринимаемая черта представляет весь предмет или явление, то есть на основе переноса по смежности часть замещает целое, следствие - причину, материал - предмет из этого материала, орудие действия - действие и т.п. В концептуальной системе существует множество метонимических моделей, используемых в разных целях. С точки зрения тендерной категоризации особый интерес представляют те, в которых член категории (или субкатегория) используются для представления категории в целом в процессе (рас)суждений, умозаключений и / или оценок. Анализ таких моделей помогает, в частности, понять роль стереотипов в тендерной категоризации, которая определяется их когнитивным прототипическим статусом.

Одну из первых попыток объяснения природы прототипического эффекта с точки зрения когнитивных моделей предприняли в своих работах Марвин Минский и Хилари Патнэм. У Минского, фреймы - пропозиционные модели, представляющие знание о предмете в формате сетчатой структуры с набором пустых ячеек (слотов), заполняемых индивидом в конкретной ситуации, - снабжены так называемыми «величинами по умолчанию» (default values), которые представляют собой значения, используемые для осмысления ситуации при отсутствии конкретизирующей ситуативной информации [Minsky 1975]. Например, значением по умолчанию для большинства метагендерных антропонимов является мужчина. Насколько парадоксальной может быть его несанкционированная (не оговоренная контекстом) замена свидетельствует пример, приведенный немецким славистом Д. Вайсом Шт. по: Кирилина 1999: 71]: «Из-за угла выскочил человек в желтой рубке и с большими золотыми серьгами в ушах». Весьма показательным текст анонса, который поместила в газете «Нью-Йорк Тайме» общественная организация, протестующая против одобрения Верховным Судом США закона об ограничении прав женщин на аборт: «ON AMERICANS LOST A FUNDAMENTAL LIBERTY. Now it's your turn to win back your right to choose. <...> The Supreme Court's ru-

II. Категории различных наук

ling... has given politicians the power to intrude on the most personal decision an American can make - whether or not to have an abortion» [Cameron 1995: 119]. В последнем примере прагматически значимая замена слова *woman* на слово *American* не достигла бы цели, если бы *American* автоматически вызывало в воображении образ женщины, а не мужчины.

Х. Патнэм для обозначения фреймов, содержащих величины по умолчанию, использовал термин «стереотип», понимая под этим идеализированные ментальные репрезентации обычных (стандартных) случаев, которые не обязательно являются точными. Таким образом если в бытовом сознании слово «стереотип» коннотирует негативное отношение и недоверие, в когнитивной науке оно лишено этих коннотаций, хотя предполагает, что стереотипические репрезентации и восприятия могут основываться на несущественных признаках. Стереотипы трактуются как ментальные механизмы, действующие по принципу эвристики (кратчайшего пути): они облегчают понимание окружающего мира, формируя основу для контекстуальных импликаций и инференций.

В психологии появление данного понятия связывают с именем У. Липмана (1922), который определял стереотипы как мнения, знания и ожидания в отношении социальных групп. Синтез когнитивного и психологического подходов имеет место в определении стереотипов как особых форм хранения знаний, структур ориентирующего поведения [Матурана 1996: 142]. Если первоначально интерес исследователей был сосредоточен на вскрытии неточного, противоречивого и надуманного характера стереотипов, то в настоящее время акценты сместились: интерес к знаниям (мнениям) о социальных группах (к содержанию стереотипов) сменился интересом к ментальным механизмам, посредством которых стереотипы влияют на межличностное и межгрупповое восприятие и взаимодействие. Мнение «многие X являются У» (напр, «большинство политиков - мужчины») может быть и верным, однако если оно используется в суждении об индивидуальном члене группы (напр, «женщина X не является/не может / я® должна быть политиком»), имеет место стереотип. Стереотип в тако® понимании можно представить в виде формулы «X считают, что У основном является Z» [Banaji, Greenwald 1995], где Z (атрибут, ассоцируемый с категорией) распространяется на индивида У (члена Д®\ной категории), а переменная X представляет носителей культуры | среду, в которой бытует данный стереотип.

Е.С. Гриценко

Стереотипы важны для концептуализации, поскольку они определяют культурные ожидания: отклонения от стереотипа воспринимаются как отклонение от нормы. В языке такие ситуации маркируются союзом *но* (на этом основан механизм лингвистической экспликации **социальных** стереотипов), ср.: «Она женщина, но занимается политикой» vs «Она женщина, но не занимается политикой». Первое предложение звучит нормально, второе - нет. Оно могло бы быть использовано, если бы политика считалась «женским» делом.

Исследованию тендерных стереотипов в языке (лексике, фразеологии, паремиологии) посвящено немало работ отечественных и зарубежных лингвистов (А.В. Кирилина, В.Н. Телия, М.Д. Городникова, И.А. Гусейнова, И.В. Зыкова, М.С. Колесникова, S. Gal, P. Eckert, S. McConnel-Ginet, D. Spender 1980, J. Penelope 1977, D. Cameron 1995, M. Doyle 1998, A. Vodine 1998, V. Mider 1999 и др.). Многие стереотипы продолжают жить, несмотря на то, что давно перестали отражать действительную ситуацию в обществе. Например, социальный стереотип матери-домохозяйки определяет представления о том, какой должна быть мать. В патриархальной культуре «лучшим примером» матери является неработающая мать. Согласно этому стереотипу, матери, которые не находятся дома с детьми, лишены возможности должным образом их воспитывать. В данном случае срабатывает еще один известный стереотип, что работа - это деятельность, выполняемая вне дома, а воспитание детей и ведение домашнего хозяйства таковыми не являются. Он фиксируется в лексикографической дефиниции: «РАБОТА - 3. Служба, занятие как источник заработка. *Постоянная, временная р. Выйти на работу. Снять с работы. Поступить на работу*» [ГСРЯ: 637].

Тендерные стереотипы связаны между собой и служат звеньями смежных стереотипов, вплетаясь в систему стандартных культурных представлений, типичных для данного социума. Они играют важную роль в понимании значений, имплицитных слов, которые используются для обозначения соответствующих категорий. Например, стереотип матери-одиночки - это не просто женщина, которая воспитывает своего ребенка одна, а женщина, которая испытывает материальные трудности, поскольку вынуждена содержать ребенка без подбенк^{КИ} Мн^{Жа} ("Распевающую актрису или поп-звезду, родившую ребенка^{ВНС} ^ака^{не} включают в эту категорию). Данный стереотип, в Добы^{очер} едь^{Гчи}, мотивируется стереотипным представлением о муже-ке, который по-прежнему актуален, хотя современные жен-

II. Категории различных наук

щины вносят не менее существенный вклад в обеспечение материального благополучия семьи.

Таким образом, значение стереотипов в конструировании гендера определяется не только их способностью к созданию прототипического эффекта, но и участием в концептуализации смежных категорий. В классической теории категоризации социальные стереотипы по определению не могут выполнять такой функции, поскольку не входят в число необходимых и достаточных параметров для выделения категории.

Определяя культурные ожидания, стереотипы лежат в основе суждений и оценок. Стереотип о женщинах как слабых и робких, а мужчинах - как сильных и агрессивных объясняет, почему, описывая одного и того же плачущего ребенка, те, кому его представили как мальчика, говорили, полагали, что «он сердится», а те, кому ребенка представили девочкой, говорили - «она боится» [Romaine 1999: 43].

Воспринимаемые нами тендерные различия могут быть в большей мере результатом стереотипных представлений о таких различиях, чем отражением их фактического существования. В этой связи показателен эксперимент, который провела в 1989 г. Д. Спендер, записав на магнитофон 16 бесед женщин (преподавателей университетов, считавших себя феминистками) с коллегами-мужчинами. Главным открытием, которое она сделала, было несоответствие ощущений людей и эмпирической реальности. Спендер сначала записывала разговоры, потом представлялась, извинялась и просила разрешения использовать записанный материал, чтобы посчитать фактическое время, занятое каждым собеседником. Затем она задавала всем участникам один и тот же вопрос: была ли справедлива их доля участия в разговоре. Все женщины ответили на данный вопрос утвердительно, а одна даже признала, что говорила больше, чем было бы справедливо. Фактически же оказалось, что они говорили от 8 % до 38 % от общего времени. Мужчины же заявили, что не получили достаточной возможности высказаться, расценив свою долю участия в разговоре как несправедливую, хотя в реальности они говорили от 58 % до 75 % времени. **Очевидно**, что оценки респондентов предопределил стереотип о чрезмерной разговорчивости женщин.

Разумеется, источником прототипического эффекта в гендерно категоризации служат не только стереотипы. Дж. Лакофф описывав*) несколько метонимических моделей, где в роли прототипа выступ

Е.С. Гриценко

ментальные единицы иной природы [Lakoff 1987: 84-90] - типичные случаи, идеалы, эталоны (образцы) и знакомые примеры.

В отличие от социальных стереотипов, которые носят осознанный характер, могут меняться с течением времени и становиться предметом споров и разногласий в обществе, *типичные примеры* используются неосознанно, автоматически. Они не являются предметом публичного обсуждения и не меняются заметно в течение жизни человека. Типичные примеры широко используются в рассуждениях, при этом асимметрия между типичным и нетипичным заключается в том, что знания о типичных случаях обобщаются и переносятся на нетипичные, иначе говоря, типичные примеры становятся источником прототипического эффекта. Типичным представителем культуры, например, является мужчина: немецкая «методичность», французская «галантность» и т.п. - это скорее атрибуты мужчин, чем женщин в соответствующих обществах [Рябов 2002: 43].

Лингвистической иллюстрацией процесса категоризации на основе типичных примеров можно считать идиоматические характеристики внешности и поведения представителей одного пола через другой. Когда о женщине говорят «ходит по-мужски», а о мужчине - «краснеет как девушка», то констатируют, что ее / его походка / внешность / поведение не типичны для представителей данного пола. Поскольку тендерные знания структурированы в форме полярных оппозиций, нетипичное женское воспринимается как типично мужское, а нетипичное мужское как типично женское.

Тендерные оппозиции пронизывают все сферы жизни. Типичный мужчина выше ростом, чем типичная женщина, и оппозиция «больше-меньше» не только отличает мужчину от женщины, но и работает внутри каждой из категорий, так что мужчина маленького роста становится менее мужественным, а высокая (крупная) женщина - менее женственной. Типичный мужчина и типичная женщина гетеросексуальны, Ассоциация между тендером и гетеросексуальностью ведет к ассоциации гендерно-нетипичного поведения (в том числе речевого - например, интонационный динамизм и эмфаза в речи мужчин) с гомосексуальностью.

Хотя Дж. Лакофф разделяет типичные примеры и стереотипы, ^{они являются, что в процессе} тендерной категоризации граница между типичным и нетипичным формируется. Гендерно типичное в функции прототипа формирует гендерные ожидания и, таким образом, становится стереотипичным.

II. Категории различных наук

Определенный пласт тендерных представлений структурирован в терминах абстрактных *идеалов*. Они не являются ни типичными, ни стереотипичными, но знания о них создают прототипический эффект. Например, прототипическая семья - это семья, где мать и отец заботятся о детях, дети уважают родителей, все счастливы и любят друга друга (то есть идеальная семья).

В процессе социализации девочки и мальчики усваивают те модели поведения, которые характеризуют их социальный пол в соответствующей культуре и в значительной степени основаны на идеалах. При этом одна и та же категория может иметь в качестве прототипа различные модели идеалов. В.С. Поллак пишет о четырех стереотипных идеалах мужественности в английском языке, в рамках которых происходит социализация мужчины:

1. *Sturdy Oak* (крепкий дуб) - апеллирует к мужскому стоицизму и учит маленького мальчика не жаловаться;
2. *Give'em Hell* (покажи им где раки зимуют) - создает ложную «самость» из отваги, бравады, любви к насилию;
3. *Big Wheel* (крутой парень) - подчеркивает потребность достичь высокого статуса и власти, влияния любой ценой;
4. *No Sissy Stuff* (без соплей) - осуждение выражения мальчиком любых сильных или теплых чувств, привязанности, зависимости и всего, что считается «женственным» и, следовательно, неприемлемым или табуированным [цит. по: Кирилина 2004: 55].

Источником прототипического эффекта могут также служить *знакомые примеры*. Если ваша коллега называет себя феминисткой и у вас нет других знакомых феминисток, то вы, скорее всего, будете приписывать качества вашей знакомой другим феминисткам. Процесс концептуализации при этом может носить весьма поверхностный характер, как в случае со студентами Корнельского университета, описанном П. Экерт и С. МакКоннел-Джине: в трактовке этих молодых людей феминистки - это «девушки, которые не бреют ноги и не любят мужчин» [Eckert, McConnel-Ginet 2003: 203].

Категоризацию на основе знакомых примеров **иллюстрируют** данные свободного ассоциативного эксперимента, **проведенного в 2002-2003 гг. в НГЛУ** [Гриценко, Гончаренко 2004]. **Респондентам были предложены в качестве стимулов гендерно маркированные этнонимы, репрезентирующие соответствующие категории: «русский»!**

¹ 50 русских и 50 американцев разного возраста, статуса и пола.

ЕС. Гриценко

сская», «американец», «американка». Характер стимулов определен тип реакций: наряду с другими ассоциациями были зарегистрированы дифференции, представляющие собой концептуализацию соответствующих категорий с опорой на знакомые примеры. На стимул «русский» (Russian man) американцы дали реакции «Путин» и «Сергей Февьев» и просто «Сергей», на стимул «русская женщина» - «Анна Курникова». На стимул «американка» русские респонденты дали реакции «Хилари Клинтон» и «Мерилин Монро». Примечательно, что в последнем случае прототипические фигуры обладают противоположными с точки зрения тендерной идеологии качествами: Клинтон является символом независимости, Монро - сексуальности.

Концептуализация тендерных категорий также осуществляется в терминах *эталонов (образцов)*, то есть индивидуальных членов категории, воплощающих либо идеал, либо его противоположность. В роли прототипа-эталона могут выступать как мифические / литературные / исторические персонажи, так и реальные личности. Например, в США женщин, которые, выходя замуж, предпочли не менять свою фамилию, называют *Lucy Stoners* по имени Люси Стоун, общественной деятельницы середины XIX в., стоявшей у истоков аболиционистского движения, и первой американки, которая сохранила свою девичью фамилию, вступая в брак. А имя чемпиона мира по боксу Майка Тайсона, известного своей жестокостью, служит определением для спортсменов, проявляющих неистовство во время соревнований (ср. «He was absolutely Tyson in the Monday Night Football Opener against the green Bay Packers»). Нередки случаи лексикализации имени собственного, обозначающего категорию объектов, для которых оно является образцом. Так, имя героя пьесы В.Шекспира «Много шума из ничего» Бенедика (*Benedick*) в несколько измененном виде (*benedict*) используется в современном английском для обозначения недавно женившегося мужчины, который долгое время был холостяком.

Стереотипы, типичные случаи, знакомые примеры, идеалы, эталоны (образцы), представляя категорию в целом, действуют как точки когнитивной референции и создают основу для рассуждений, догадок, Умозаключений. В той мере, в которой они формируют мнения и ожидания относительно того, какими являются или должны быть мужчины и женщины, можно говорить о размывании границ между стереотипичным и типичным, а также идеальным / знакомым / эталонным в тендерной категоризации. Поскольку тендерные различия являются по большей части мерой результатом стереотипных представлений об ат-

II. Категории различных наук

рибутах «мужского» и «женского», нежели отражением их фактического существования, речь следует вести о конструируемом тендер^а не о его отражении сознанием.

Литература

- Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования тендера: дис, докт. филол. наук. Н. Новгород, 2005.
- Гриценко Е.С., Гончаренко Ю.В.* Тендер и этничность: стереотипы восприятия и факторы, влияющие на их формирование // Психолингвистические основы словоупотребления и слововосприятия на уроках иностранного языка: межвуз. сб. науч. статей. Н. Новгород, 2004. С. 44-53.
- Кирилина А.В.* Тендер: Лингвистические аспекты. М, 1999.
- Кирилина А.В.* Тендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М, 2004.
- Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект: сб. статей / под ред. В.В. Петрова. М, 1996. С. 95-142.
- Рябое О.В.* Тендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Тендер как интрига познания: Альманах. М, 2002. С. 37-47.
- ТСРЯ* - Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Е.Ю. Ваулина, Т.Н. Гайкович, А.В. Зеленин и др. СПб, 1998.
- Banaji M, Greenwald A.* Implicit Gender Stereotyping in Judgments of Fame // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. No 2. P. 181-198.
- Cameron D.* Feminism and Linguistic Theory / D. Cameron. McMillan Press Ltd, 1992.
- Eckert P., McConnel-Ginet S.* Language and Gender. Cambridge University Press. 2003.
- Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things // Chicago: The University of Chicago Press. 1987.
- Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision / Winston P.H. N. Y, 1975.
- Pollack W.S.* Deconstructing Dis-identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development // Psychoanalysis and Psychotherapy, 1995. № 12. P. 30-45. fl
- Romaine S.* Communicating Gender. New Jersey, London, 1999.

Т.В. Дроздова

Т.В. Дроздова (Астрахань)

О КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Рассматривая многоаспектную проблему категоризации в языке, мы хотели бы коснуться лишь одного из ее аспектов, а именно - выделения такой категории лексических единиц как терминологическая лексика (в ее оппозиции категории нетерминологической лексики), предложив основания для выделения этой категории с позиций когнитивного, а точнее - когнитивно-коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подхода к анализу языковых и метаязыковых явлений и осознавая отличие языка от других объектов познания, заключающееся в том, что он выступает «в двух разных ипостасях: с одной стороны он способен выступать в роли особого объекта научного познания, а с другой - в роли инструмента, орудия его же описания» [Кубрякова 2009: 23].

Следует, по-видимому, напомнить, что, понимается под обозначением «категория». Указывают, что в разговорном языке это «то же самое, что вид, сорт, класс, ранг. <...> В философии категории, с одной стороны, наиболее общие и вместе с тем простейшие формы действительности, высказываний и понятий <...>, от которых происходят остальные понятия (категории познания, сознания), а с другой - первоначальные и основные формы бытия объектов познания (категории бытия, категории реального)» [ФЭС 2002: 204].

Философское учение о категориях - категориальный анализ - различает категории науки и познающего мышления, с одной стороны, и категории созерцания и переживающего сознания, с другой, констатируя, что каждой области науки присущи свои категории, а количество категорий очень велико и до конца не выяснено [ФЭС 2002: 203-204].

Говоря о категориях такой науки как языкознание, их определяют^{и к} как «класс сущностей, группу языковых элементов, выделяемых на основании каких-либо общих свойств» [Стариченок 2008: 237], и как «в^стросом смысле - некоторый признак (параметр), который лежит в ос-^{нове} Разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц^а ограниченное число непересекающихся классов...» [ЛЭС 1990: 215].

II. Категории различных наук

Указанные определения в первую очередь касаются грамматических категорий, поскольку именно они оказались наиболее обоснованными и разработанными в традиционном языкознании. Относительно русского языка эти категории, например, предлагается рассматривать в следующих оппозициях: общие vs. частные, словоизменяемые vs. классификационные, деривационные vs. альтернативные, номинативные vs. структурные, синтаксические vs. несинтаксические [Стариченок 2008: 237].

В то же время, представление о категориях науки, предлагаемое в рамках современной когнитивной парадигмы, по-видимому, более точно раскрывает суть процесса категоризации и определяет категорию как формат знания, интегрирующий «в себе различные структуры знания: 1) знание общего концептуального основания для объединения тех или иных объектов; 2) знание самих объединяемых объектов и 3) знание принципов и механизмов их объединения, то есть [категория] может рассматриваться как определенная концептуальная структура интегративного типа» [Болдырев 2009, с. 29].

Очевидно, что по сравнению с другими науками ситуация с категориями языкознания будет более сложной, поскольку, как указывалось выше, языку присуща не только функция означивания внеязыковой реальной и / или воображаемой действительности, но и метаязыковая функция. Из этого следует, что категории языкознания как обобщающие абстракции, формирующиеся на уровне метаязыка и объединяющие в различные группировки элементы языковой системы (объекты языкознания), в то же время имеют разные когнитивные основания (параметры) категоризации: экстралингвистические (денотаты языковых знаков и интерпретаторы / пользователи знаковой системы) и внутрисистемные (прежде всего - грамматические характеристики языковых единиц). Представляется, поэтому, что категоризация, осуществляющаяся в данной области науки, обеспечивает, скорее, исследовательские цели отдельных входящих в нее дисциплин, поскольку практически каждый полноценный языковой знак в системе конкретного этнического языка и на уровне его функционирования демонстрирует определенный набор признаков, в котором каждый признак может служить основанием для формирования отдельной лингвистической категории.

Признаки, служащие основанием для внутрисистемной категоризации языковых единиц как объектов языкознания, выявляются

Т. В. Дроздова

наЮЩИМ мышлением на основе сравнения их и как отдельных элементов внутри языковой системы, в том числе и через различные типы бЪединений и оппозиций, и в ситуациях семиозиса как средств осуществления коммуникации, в процессе их функционирования в различных лингвистических и экстралингвистических контекстах. В результате устанавливаются, или скорее - «задаются» наборы признаков, позволяющие «конструировать» определенные лингвистические категории - «определенные формы осмысления мира в языке, то есть формы языкового сознания и форматы знания особого типа - языкового знания» [Болдырев 2009: 30]. в зависимости от типа языкового знания предлагается рассматривать следующие языковые категории: лексические, грамматические, модусные.

Лексические категории характеризуются как содержащие знание с неязыковых концептах, по отношению к которым они имеют аналоговую структуру, и знание о языковых средствах репрезентации соответствующих концептов, организованных в категорию на основе инвариантно-вариантного, логического принципа, в соответствии с которым центром категории (ее инвариантом) становится слово с наиболее общим значением, одновременно выступающее названием категории [Там же: 29-35].

Предложенный выше принцип организации лексических категорий, при всей его привлекательности и рациональности, все же в первую очередь основан на вербализованном знании о предметах и явлениях реального мира и их категориях, в то время как подведение языковых единиц под категорию терминологической лексики требует знания признаков, формирующих лингвистический концепт «термин», родоЕое имя которого используется теорией языкознания как инструмент описания знаков языка, являющихся объектом этой науки. Можно сказать, что с уровня метаязыка нам следует перейти на уровень метакогниции (см. [Кубрякова 2009]), что позволит выявить основания выделения и принцип организации категории терминологической лексики. Начинать, по-видимому, необходимо с выявления концептуального основания данной категории, то есть с анализа признаков, формирующих концепт «термин», для чего предлагается рассмотреть несколько Дефиниций термина, выбранных произвольно из лексикографических источников и лингвистической литературы:

ни г (^с В роли тер мина может выступать *всякое* слово, как бы оно было фивильно, <...> термины - это не особые слова, а только

II. Категории различных наук

слова в *особой функции*. <...> Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это - функция *называния*. Всякое знаменательное слово является названием какого-нибудь предмета мысли» [Винокур (1939), 1994: 220-221].

«Термин <...> слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1966: 474].

«Термины - это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей...» [Реформатский (1967) 1999: 115].

«Термин - это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними - под углом зрения определенной профессии» [Головин 1979: 264].

«Термин - это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин - это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин - это основной понятийный элемент языка для специальных целей. Внутри своего терминологического поля термин однозначен. Одинаково звучащие термины разных полей - омонимы.... Для своего правильного понимания термин требует специальной дефиниции (точного научного определения)» [Суперанская и др. 1989: 14].

«Термин - слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности ...» [Татаринев 2006: 221].

«Термины - слова или словосочетания, являющиеся **точными** обозначениями специальных понятий науки, техники, **производствам** искусства и др. Термины включаются в состав литературного языка характеризуются абсолютной точностью, официальностью (**нормативным** узаконением), стремлением к однозначности <...>. **В зависимости!** от употребления термины могут быть общеупотребительными и уз специальными, известными лишь специалистам в определенной ти знаний. В зависимости от структуры выделяют три типа терми Ч

Т. В. Дроздова

однословные, двухсловные <...> и многокомпонентные» [Стариченок 2008: 645-646].

Анализ даже этого небольшого числа приведенных дефиниций термина показывает, что, с одной стороны, у реальных знаков естественного языка, позиционируемых как термины, определяется комплекс разноплановых лингвистических характеристик: этимологических, словообразовательных, семантических, прагматических и др. С другой стороны, концепту «термин» приписывается набор прототипических признаков (точность выражения понятия, однозначность, отсутствие образности и оценочноеTM и т.д.), которые, как показывает анализ эмпирического материала, представленный в лингвистической литературе не всегда демонстрируются языковыми знаками-терминами на уровне конкретных этнических языков.

Сравнение содержания представленных дефиниций также имплицитно ставит ряд нерешенных вопросов, получивших, наряду с другими, свое отражение в теоретических работах, посвященных терминологической лексике. К таким вопросам относят, например, «соотношение искусственного и естественного начал в номинации понятий профессиональной сферы коммуникации» [Голованова 2008: 62], статус термина как особого слова или слова в особой функции, место терминологической лексики в системе языка, стилистическую стратификацию терминологических единиц и др. Недостаточно изучены и отмечаемые исследователями факты употребления лексико-семантического варианта полисемантического слова в функции термина (причем иногда разных его ЛСВ в различных экспертных областях), а также использования полисемантического или моносемантического знака и как термина и как нетермина в одном и том же специальном дискурсе или тексте.

Несмотря на отмеченную многочисленность и многоплановость признаков, формирующих концепт «термин», а также на указанные проблемы, связанные с толкованием содержания этой категории, определение ее концептуальных основ и принципов организации представляется нам вполне реальным в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы. Именно потому, что, будучи парадигмой междисциплинарной, она позволяет привлекать, осмысливать и использовать знания других наук, таких как философия, психология, психолингвистика, теории информации и др. Да и сама лингвистика, помещая в центр своего внимания «такие две функции когнитивная и коммуникативная, [которые] находятся в по-

II. Категории различных наук

стоянном взаимодействии и согласовании друг с другом» [Кубрякова 2001, 12], предопределяет, что каждое языковое явление должно быть описано и с позиций когниции, и с позиций коммуникации как двух взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, то есть интегрированное знание о когнитивных и дискурсивных свойствах лексических единиц позволит установить их терминологический статус.

Возможность решения поставленной задачи связывается нами и с обращением к предлагаемой философией познания (когнитивной философией) подходу к определению критериев истинности знания в рамках релевантной парадигмы. Предпосылочными условиями установления парадигмальной истинности являются конститутивные признаки парадигмы, к которым относят параметры релевантности / нерелевантности и их бинарную организацию на основе принципа дополнительности. Поясняя суть данного подхода, указывают, что «...категория релевантности образует когнитивное поле парадигмы, в рамках которой оцениваются опытные / неопытные данные на предмет их истинности. Парадигмальная информация прежде всего должна быть релевантной, и только тогда она может оцениваться в терминах истинности. <...> Вместе с тем, нерелевантное в одной системе отсчета может оказаться релевантным в другой системе отсчета, в другой парадигме. <...> Понимаемые таким образом релевантность / нерелевантность становятся конститутивными признаками парадигмы, конституируют сам принцип дополнительности. Дополнительность понимается как объектное единство, которое онтологически предполагает взаимодополнение предметной информации и вместе с тем взаимоисключение по истинностным параметрам. Дополнительность связывает нерелевантные друг для друга информационные параметры, каждый из которых в рамках своей парадигмы является релевантным и, следовательно, истинностным. Принцип дополнительности свидетельствует о том, что связываемые им полярности образуют абсолютно независимые с когнитивной точки зрения бинарные предметные парадигмы» [Лазарев 2006: 9].

Очевидно, что релевантными для признания языкового знака термином будут указанные выше его когнитивные и дискурсивные свойства, являющиеся в данной лингвистической парадигме концептообразующими. Когнитивные свойства языкового знака усматриваются в его связи с систематизированным и особым образом организованным экспертным знанием, что проявляется как приписывание такому знаку

Т.В. Дроздова

качестве значения дефиниции (содержания) специального понятия, как реферирование к соответствующей концептосфере, структурам понятия экспертного знания. Дискурсивные свойства подразумевают, что такой знак используется (функционирует) в специальных типах дискурса как имя специального понятия, средство хранения и доступа к экспертному знанию, обеспечивает его трансляцию и развитие, участвует в вербализации содержания экспертного понятия, а также выполняет и другие функции, в том числе ориентирующую, которую справедливо считают основной для терминов, «поскольку <...> именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности» [Голованова 2008: 82]. Из сказанного выше можно сделать вывод, что термины, обеспечивая коммуникацию в специальных областях деятельности, не только демонстрируют неразрывное единство своих когнитивных и дискурсивных свойств, но и проявляют себя как полифункциональные знаки языка.

Что касается иных характеристик, выявляемых у лексических единиц-терминов (этимология языкового знака, его структурные и эпидигматические характеристики, наличие или отсутствие производных значений, образности и др.), то их, по-видимому, следует рассматривать в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как нерелевантные для определения терминологического статуса знака, а лишь представляющие дополнительную информацию о таких знаках. Иными словами, для позиционирования языкового знака как термина, не будет иметь значения, создан ли языковой знак в экспертной сфере интенционально, или же для названия специального понятия использована уже существующая в литературном языке единица. В то же время, в рамках иных подходов и лингвистических дисциплин при анализе единиц отдельных терминологий (терминосистем) каждый из соответствующих признаков может оказаться релевантным.

Основываясь на понимании взаимосубусловленности когнитивных и дискурсивных характеристик термина, мы предлагали рассмотреть то СГО КЭК <<языковой> знак, фиксирующий в своем значении научное знание о референте, а также содержащий информацию о себе сам.

Реп единице естественного языка, существующий в рамках опенной терминосистемы, употребляющийся в различных типах

II. Категории различных наук

дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем (научном или техническом) контексте <...> в совокупности с другими единицами (в первую очередь - терминологическими), реферирующими к одной и той же предметной области» [Дроздова 2003: 78]. Безусловно, это определение требует своего уточнения, в частности, отражения в нем условий понимания или распознавания языкового знака в дискурсе именно как термина, что возможно только при наличии у коммуникантов соответствующей базы экспертных знаний. Тем не менее, мы полагаем, что это определение может быть принято как рабочее при решении вопроса о гнодведении языкового знака под категорию терминологической лексики, которую, основываясь на выделенных релевантных концептообразующих признаках, предлагается обозначить как когнитивно-функциональная.

Характеризуя категорию терминологической лексики с точки зрения ее организации, можно предположить, что она оказывается достаточно сложной, построенной на разных принципах. Однако представляется, что, основываясь на параметре релевантности, в этой категории можно выделить несколько фокусов - объединенных во взаимопересекающиеся размытые, нежесткие множества / совокупности конкретных единиц, репрезентирующих отраслевые терминологии, взаимодействующих с особым множеством, образованным терминами широкого функционирования и семантики. В каждом из этих множеств можно выделить ядро - знаки, изначально созданные как имена специальных понятий и приближающиеся к прототипу термина, и периферию - терминологизируемую лексику. С другой стороны, основываясь на принципе дополнительности, в каждой из терминологий возможно выделение отдельных лексических категорий описанного выше инвариантно-вариантного типа, отражающих организацию реальных объектов и понятий в отдельных экспертных областях. Далее возможна и стилистическая дифференциация лексики на термины, **профессионализмы**, профессиональные жаргонизмы, а также частеречная **классификация** терминологических единиц, и др.

Соответственно, многоуровневой оказывается и **совокупность** знаний, репрезентируемых данной категорией. Представляется, что сюда входят знание о языковых единицах репрезентации и принципах организации данной категории на уровне метакогниции, о единицах* языковой системы и их функционировании на уровне метаязыка,

Т. Р. Дроздов

ние конкретных единиц отдельных терминологий и принципах их систематизации, а также знания экспертных областей, обслуживаемых соответствующими терминологиями, и знание ментальных структур оанения лингвистических и экстралингвистических знаний. Заметим, что полноценный анализ и репрезентацию такой сложной организации знания, как показывает опыт, удается проводить на когнитивно-матричной основе (см., например, [Болдырев 2008, 2009]).

Аналогичное описание концептуальных основ выделения, организации и совокупности репрезентируемых знаний можно осуществить и относительно категории нетерминологической лексики, в которой, по-видимому, ядром будут единицы, репрезентирующие повседневное (обыденное) знание, а периферией - детерминологизованные языковые знаки, обязанные своим происхождением специальным типам дискурса. Следует особо подчеркнуть, что между двумя оппозиционными категориями не существует непроходимой границы, а категоризовать определенный языковой знак как терминологический или нетерминологический возможно не только (а скорее, не столько) на основе его значения, зафиксированного в системе языка, но и исходя из его непосредственного употребления в конкретном контексте, в зависимости от демонстрации им всех указанных выше когнитивных и коммуникативных характеристик в их единстве. Таким образом, по своей сути эти две категории лексики оказываются скорее категориями релятивными, в отличие от абсолютных категорий, устанавливаемых, например, в грамматике.

Завершая изложение своего мнения по поводу одной из возможностей категоризации лексики, отметим, что проблема эта требует дальнейшего исследования, которое должно проводиться на основе дополнительного анализа эмпирического материала - языковых единиц, репрезентирующих знание, полученное в различных когнитивных практиках, а также с учетом информации, предоставляемой смежными науками, что позволит расширить представление о когнитивных и коммуникативных свойствах языковых знаков.

Литература

Ахмшова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

II. Категории различных наук

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 11-29.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии (1939) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: очерк и хрестоматия. М., 1994. С. 218-284.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М, 2008

Головин Б.Н. Терминология // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: учеб. пособие. М, 1979. С. 264-278.

Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста: монография. М.; Астрахань, 2003.

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009. С. 22-29.

Кубрякова Е.С. Об актуальных значениях теории словообразования (на рубеже веков) // Материалы межд. конф, посвященной науч. наследию проф. М.Д. Степановой и его дальнейшему развитию. К 100-летию со дня рождения. М, 2001. С. 11-18.

Лазарев В.В. Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход: монография. Пятигорск, 2006.

ЛЭС-Лингвистический энциклопедический словарь. М, 1990.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М, 1967.

Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д, 2008.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М, 1989.

Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество *Росс Терм. Мч*, 2006.

ФЭС - Философский энциклопедический словарь. М, 2002.

Ю.Г. Кокоринс1

Ю.Г. Кокорина (Москва)

СТРУКТУРА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ВЕЩЕВЕДЕНИЯ)

Антропоцентрический подход к изучению языка предполагает внимание к внутреннему миру человека, стремление понять его мысли, чувства, устремления. Изучая археологическую терминологию, мы можем понять, с одной стороны, в какой мере она отражает мышление современных исследователей-археологов, с другой стороны, насколько она отмечает предназначению археологии как науки. Это предназначение заключается в реконструкции картины мира древнего человека, его технических и культурных навыков, семантики изображений на древних вещах.

Концептуальное поле археологии отражает структуру археологического знания. Археологическое знание включает в себя археологическое источниковедение (и его часть - вещеведение), теоретическую археологию, полевую археологию, историю археологии и т.п. Элементом археологического источниковедения является вещеведение, интерес к которому возвращается на рубеже XX-XXI веков. «Вещеведение - это не только и не столько искусство, биография вещи или интересный рассказ. Вещеведение - это изучение мира вещей, это - наука, объектом которой является древний вещной мир <...>. Вещеведение ставит перед собой задачу представить историю и эволюцию этого мира, последовательное появление вещей, с помощью которых человек мог удовлетворять свои насущные потребности, свой интерес к жизни, свой комфорт, свое стремление к знанию и к прекрасному» [Щапова 2000: 12].

Терминология отражает сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, то есть логическими концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений с отвлечением от второстепенных признаков [Зяблова 2004: 43]. Концепты существуют не автономно, а представляют собой единицы тех или иных систем, одной из раз-

°стей которых является концептуальное поле,
зов " 0 л е кат егорий представляет собой объемное идеальное обра-
е¹ Объемность концептуального поля археологии заключается в

II. Категории различных наук

том, что, как будет показано ниже, ядро поля каждой категории является ближней периферией всего концептуального поля, в центре которого находится категория *вещь*. Концептуальное поле археологии не представляется возможным представить как плоскостную структуру оно действительно объемно, хотя и не имеет форму абсолютно правильного шара. Неправильность эта обусловлена тем, что, как будет показано ниже, поля различаются друг от друга по структуре, объему насыщенности.

Для представления поля нами избрана концентрическая модель так как она наиболее оптимально отражает отношения между концептами, составляющими поле категории, с ее разделением на ядро, приядерную зону, ближнюю, дальнюю, крайнюю периферию, и все зоны делятся на парцеллы [Полевые структуры 1989: 183].

При построении концептуального поля не было возможностей использовать количественные методы, такие, как, например, прием вычисления ядерности лексемы [Полевые структуры 1989: 64] и т.п., а также методы, опубликованные Ю.Н. Карауловым [Караулов 2010], в условиях отсутствия научных археологических словарей на русском языке.

Для выделения семантического поля необходимо было использовать семасиологический подход к анализу лексики, тогда как для создания концептуального поля необходимо осуществить ономасиологический подход, который и применяется в данной работе. Для создания полей категорий в данной работе была взята за основу классификация вещей, принятая в археологии.

Итак, рассмотрим концептуальное поле археологического вещеведения на примере выборки в 1500 терминов - слов и словосочетаний. Центральной категорией концептуального поля является категория *вещь* (в археологии), которая реализуется в категориях *оружие, конское снаряжение, украшения, сосуды, постройки*.

Каждая категория имеет собственную полевую структуру, в которой различаются ядро, приядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия. Таким образом, для описания полевой структуры категории применимы те же термины, что для описания полевой структуры концепта.

Рассмотрим структуру поля каждой категории.

Оружие.

Ядро составляет термин *оружие* и его дефиниция как совокупности предметов, направленных на поражение противника в бою или отражение его ударов.

Приядерную зону составляют концепты, объединенные единой функцией - *колющее оружие, рубящее оружие, режущее оружие*. Приядерная зона разделяется, таким образом, на три части, каждой из которых соответствуют в ближней периферии концепты, также объединяемые единой функцией: колющему оружию - концепты *пика, дротик, сулица, рапира, эспонтон* и др; рубящему оружию - концепты *топор, кельт, пальштаб, алебарда, лопата*; режущему оружию - *меч, нож, сабля, ятаган, скрамасакс, палаши* и т.п. Дальнюю периферию составляют концепты, отражающие форму и функцию: *кельт с пещеркой, кельт-лопата, ладьевидный топор* и т.п. Дальше всего от ядра располагаются концепты, объединяющие вещи по функции, форме и культурной принадлежности: *кельт сейминско-турбинского типа, скифский акинак, серп сосново-мазинского типа* и т.п.

Конское снаряжение.

Ядро составляет термин *конское снаряжение* и его дефиниция как совокупности предметов, предназначенных для управления верхним конем.

Приядерная зона распадается на части, каждая из которых объединяет термины, обозначающие предметы определенного назначения: *удила, псалии, наносник, нащечники, решмы, бляхи, седло, стремяна* и т.п. Ближнюю периферию составляют термины, обозначающие определенную форму элементов конского снаряжения: *удила с кольцевидными окончаниями, удила со стремечковидными окончаниями, псалии с пержневидными, псалии секировидными, стремяна арочные, стремяна яйцевидные* и другие. Дальнюю периферию составляют термины, уточняющие форму предметов конского снаряжения: *удила с кольцевидными окончаниями однокольчатые, удила с кольцевидными окончаниями двухкольчатые, псалии стержневидные двудырчатые, псалии с пержневидными трехмуфтовые, стремяна арочные Т-образные, времена арочные Э-образные* и другие.

Украшения.

Ядро поля категории составляет термин *украшения* и его дефиниция как совокупности функциональных групп предметов, имеющих осознательную и семиотическую функции.

II. Категории различных наук

Приядерную зону занимают термины, обозначающие украшения одинакового назначения: *браслет, булавка, бусина, височные кольца, гривна, диадема, привеска, перстень, фибула* и другие. Ближнюю периферию составляют термины, обозначающие форму каждого вида украшений, а для фибул, диадем и серег - их культурную принадлежность. Так, термины, обозначающие культурную принадлежность - это: *фибулы раннелатенские, фибулы среднелатенские, фибулы скандинавские, диадемы гуннские, сарматские, древнерусские*. Термины обозначающие форму - это: *булавка посоховидная, перстень ложновитой, привески очковидные, бусина бочковидная, браслет круглопроволочный* и т.п. Дальнюю периферию составляют термины, уточняющие форму украшений: *бусина бочковидная ромбовидногранная, бочковидная фасетированная, бочковидная четырехгранная, бочковидная восьмигранная; фибула раннелатенская с плоской спинкой, с гладкой спинкой, с гусеничной спинкой; привеска-лунница ширококорая, круторая, замкнутая, трехрогая, пельтовидная* и т.п.

Сосуды.

Ядро поля категории составляет термин *сосуды* и его дефиниция как морфофункциональной группы вещей, предназначенных для хранения, переноса и термической обработки жидких и сыпучих тел.

Приядерная зона разделяет все поле на две части, в одну из которых входят термины, обозначающие разные виды сосудов - *горшок, дурилаг, кубок, кувшин, лампа, миска* и другие. Другую часть поля составляют термины, обозначающие формы сосудов, выраженные словосочетаниями: *сосуд открытый, сосуд закрытый, сосуд остродонный, сосуд круглодонный, сосуд плоскодонный, сосуд яйцевидный, сосуд шаровидный*. Периферию данного поля составляют термины, обозначающие как форму сосудов, так и их культурную принадлежность. При этом удалось учесть всего три термина, обозначающих культурную принадлежность сосудов, а именно: *ваза кыргызская, ваза Черняховская, сосуд «типа чаатас»*. Термины, уточняющие форму сосудов и расположенные на периферии, также немногочисленны: *сосуд шаровидный уплощенный, сосуд высокошейный крынкообразный, горшок тюльпановидный, кувшин чайникообразный, миска кратеровидная* * другие.

Постройки.

Ядро поля категории составляет термин *постройки* и его Д^сР < дефиниция как совокупность сооружений, предназначенных для жилья*

Ю.Г. Кокоринс I

крытия людей в непогоду, а также удовлетворения бытовых, социальных и культурных нужд.

Приядерную зону составляют термины, обозначающие постройки разного назначения - жилые, производственные, культовые и т.п. Ближняя периферия разделяется на две части, одну из которых составляют термины, обозначающие разные типы построек - *дом, дворец, здание, изба, сооружение* и т.п., а вторую - термины- словосочетания со словом постройка: *шалашевидная постройка, толосовидная постройка*.

Дальнюю периферию составляют термины, обозначающие форму той или иной постройки. Многие из них являются чисто археологическим терминами: «*длинный дом*», «*большой многосекционный дом*», «*башенный дом*», «*дом на сваях*».

Особую группу терминов, связанных с постройками, составляют обозначения отдельных помещений, в которых может проследиться указание на их назначение - *кухня, склад, зернохранилище, лавка-мастерская*, - и не проследиваться - *камера, комната*. Отдельную группу составляют обозначения архитектурных деталей - *арки, контрфорсы, колонны* и т.п.

В категории постройки могут быть выделены фреймы *русская изба* и *среднеазиатский дом*. В фрейме *русская изба* выделяются собственные термины, обозначающие как помещения избы - *горница, сени, клеть, прируб* и т.п. - так и элементы конструкции: *матица, самцы, слези, курицы, коньки* и т.п. Также специфическую группу терминов составляют обозначения элементов дома Средней Азии: *айван, суфа, суфа-эстрада, тандыр, кан, тошнау* и т.п.

Рассмотренные поля категорий устроены по-разному, что обусловлено разными признаками терминируемых археологических групп вещей одинакового назначения, их разным планом строения, если использовать биологический термин. В то же время просматривается сходство в организации полей категорий *украшения* и *конское снаряжение, сосуды* и *постройки*. Сходство полей категорий *сосудов* и *построек* обусловлено тем, что оба класса артефактов представляют собой емкости, а сходство *конского снаряжения* и *украшений* - высокой типической и семиотической функцией первого. В то же время, поле ^А ^Е ^Г ^О ^Р ^И постройки включает в себя фреймы *среднеазиатский дом, Нерусская изба*, а поля других категорий фреймов не включает.

II. Категории различных наук

Таким образом, в выделенные поля категорий характеризуются системными отношениями внутри поля, в частности, отношениями иерархическими. Поля объединяют разнородные части речи, а также фреймы, что особенно свойственно полю категории *постройки*. В поле каждой категории, как и в совокупности этих полей, выделяются ядерные и периферийные конститuentы. Границы полей размыты, особенно это относится к полям, так или иначе связанным с полем *украшения*. Высокий семиотический статус или особую эстетическую функцию могут иметь и предметы *вооружения*, и *конского снаряжения*, и *сосуды*, что и вызывает размытость границ полей.

Рассмотрение полей всех категорий показывает, что на приядерной зоне или ближайшей периферии находятся термины, обозначающие функцию предметов, тогда как по мере удаления от ядра в состав признаков, на основе которых выделяется та или иная зона, входит форма вещи, и на дальней периферии - культурная принадлежность. Если на приядерной зоне и ближней периферии располагаются термины, пришедшие в археологическую терминологию путем терминологизации и выраженные словами общелитературного языка, то на дальней периферии располагаются чисто археологические термины, приведенные выше.

Построенные поля позволяют понять мышление исследователей-археологов, для которых основой термина является, прежде всего, функция вещи. То, насколько верно сможет археолог оценить место вещи в мире древнего человека, становится источником формирования термина. Расположение чисто археологических терминов на дальней периферии поля позволяет предположить, что данные термины обозначают концепты, играющие определенную роль в сознании наших современников, а для определения места этих концептов в мире древних людей необходимы специальные исследования. В настоящее время можно только догадываться, какую роль могли играть в мире древних людей концепты, обозначенные специальными археологическими терминами.

Тот факт, что культурная принадлежность вещи **обозначается** концептами, располагающимися на дальней периферии поля, свидетельствует о том, что конечной целью ученого-археолога является **определение** места данной вещи в конкретной культуре. К этому можно относиться по-разному. С одной стороны, желание **исследователей** археологов изучать конкретную древнюю культуру выглядит закон

ЮГ Кокорина

мерным- и именно этим путем обеспечивается глубина археологического знания. С другой стороны, стремление замкнуться в рамках отдельной культуры сужает кругозор исследователя, лишает его возможности ставить и решать широкие научные задачи.

Позволяет ли существующая терминология археологии выполнять этой науке ее главную задачу - реконструировать картину мира человека древности, особенно в условиях отсутствия письменности? думается, что эта задача решается, но не полностью. Из-за того, что одни и те же археологические реалии часто обозначаются разными терминами (*торквес* и *гривна*, *кчевец* и *чекан*, «*большой дом*» и «*длинный дом*» и т.п.) теряется связь между концептами, реально объединявшими разные эпохи и культуры. То же происходит с использованием терминов античной археологии к другим культурам (*пифос триалетинской культуры*, *гидрия Черняховской культуры*). Реконструкция семантики изображений на древних вещах затрудняется путаницей в терминах *декор* и *орнамент* (напомню, что *орнамент* - *декор*, обладающий симметрией). Археологическая терминология чрезвычайно образна, но эта образность отражает представления современных исследователей-археологов, часто затемняя сходство или отличие в представлениях древних людей. Терминология археологии нуждается в совершенствовании, и путь к этой работе открывается путем построения ее концептуального поля.

Литература

Зяблова О.А. К пониманию термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2-3. С. 41-47.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Барударов. М., 2010.

Полевые структуры в системе языка / науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж, 1989.

Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М., 2000.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

И в естественном, и в научном познании мира, имеющем иерархический характер, категоризация представляет собой высшую ступень, поскольку приводит к образованию «основных понятий, отражающих общие и наиболее существенные свойства, стороны, отношения явлений действительности» [Философский словарь. 1975: 169]. При этом естественная и научная категоризации нередко «переплетаются», оказывая взаимное влияние и способствуя развитию процесса познания как в обыденной жизни, так и в науке. В восприятии действительности практический опыт человека и приобретенные им знания в разных областях науки находятся в постоянном взаимодействии. Развивая мысль А. Эйнштейна о том, что «вся наука является ничем иным, как усовершенствованием повседневного мышления», В.С. Швырев подчеркивает, что «формирование и развитие научных абстракций можно представить как постепенное замещение обыденных донаучных представлений о мире внутренне расчлененной структурой «научного образца действительности», пропущенной через реторту научно-теоретической рефлексии» [Швырев 1984: 180]. Аналогичные мысли высказываются в современной когнитивной лингвистике, для которой понятие когниции является одним из ключевых. Оспаривая точку зрения о том, что «обыденные формы освоения действительности имеют корни и основания, разительно отличные от оснований научного познания», Е.С. Кубрякова подчеркивает, что не только вненаучное знание является прагматически ориентированным - наука тоже «вырастает» из обыденных потребностей человека: «когниция охватывает любые формы постижения мира, а начинаются они с первых контактов человека с окружающей средой» [Кубрякова 2004: 10].

Таким образом, можно сказать, что научная категоризация практически всегда в большей или меньшей степени учитывает результаты естественной категоризации, закрепленные в языке, и что категории, выделенные обыденным сознанием, являются своеобразным субстратом научных категорий.

При рассмотрении «точек соприкосновения» естественного научного процессов категоризации, представляется логичным выявление их сходств и различий. К сходствам можно отнести общность ,

Н.А. Кудрина

основной цели, заключающейся в познании человеком окружающего его мира, общую направленность - от перцептуального опыта к абстракции) от единичного, частного к общему, а также некоторые способы категоризации. Так, в процессе научной категоризации активно используется метафорический способ, о чем свидетельствует наличие метафорических терминов в каждой области знания. Метафорическое терминообразование, как отмечает В.Ф. Новодранова, занимает ведущее место в семантическом терминопорождении, рассматриваемом с когнитивной точки зрения [Новодранова 2000: 92]. Анализируя многочисленные примеры метафорических медицинских терминов, автор приходит к выводу о том, что «научная метафора в ходе коммуникации дает возможность говорящему формулировать свое открытие, а слушающему - понимать новизну и одновременно выстраивать новые стратегические интерпретации исследуемого явления» [Там же]. Кроме того, обыденное знание об отношениях между различными предметами и явлениями действительности помогает вскрыть и точно квалифицировать аналогичные отношения между объектами научной категоризации. В качестве примера можно привести ставшее прецедентным для современного научного лингвистического дискурса выражение Л. Витгенштейна *семейное сходство*, активно используемое в прототипическом подходе к изучению языковых категорий.

Однако при определенных сходствах процессы естественной и научной категоризации имеют и существенные различия, проявляющиеся как в самих основаниях двух видов категоризации, так и в принципах их организации и развития.

Научная категоризация отличается осознанным и целенаправленным характером, обусловленным четко поставленными задачами, для решения которых каждая наука обладает своим инструментарием как методологическим, так и «практическим», то есть различными устройствами для проведения наблюдений и экспериментов. При этом для науки наряду с поступательным движением, отражающим постепенное накопление знаний, свойственно и скачкообразное развитие, о чем свидетельствуют

^Т н. «научные революции». Процесс естественной категоризации развивается ^С стихийно, постепенно и более медленно - достаточно сравнить «возраст» истории человечества и истории науки.

^А Указанное различие самой организации процессов категоризации двух видов обуславливает системный характер научной категоризации. Ссылаясь ^{и известную} «мозаичность» естественной категоризации. Ссылка ^б На предложенную французским исследователем А. Молем классификацию культуры по способу хранения и организации зна-

II. Категории различных наук I

ний, которые человек проецирует на окружающий мир и с которые согласует все свои восприятия», А.Е. Бочкарев отмечает, что «классическая организация знаний предполагает иерархическую упорядоченность идей в умах людей в виде стройной системы подчиненных друг другу и четко определенных категорий - «сети маршрутов» с некоторыми узловыми точками в виде сложившихся в рамках объективного знания понятий» [Бочкарев 2008: 38], в то время как для массового сознания характерен «мозаичный» тип организации знания.

Глубина и системность категориального освоения реальности достигаются наукой благодаря выявлению не только типичных характеристик объекта категоризации, но и вниманию к остальным его характеристикам что не свойственно вненаучному познанию. Известно, что «при выделении предмета из ряда других происходит, по выражению В.Г. Гака, «поворачивание» его разными сторонами к субъекту. Человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо - в связи с практическим освоением данного объекта, в соответствии с интересами и целями данного языкового коллектива» [Уфимцева 1977: 49-50]. Это обстоятельство обуславливает важные различия не только научного и вненаучного осмысления действительности, но и многие межъязыковые несовпадения. В отношении последних следует, кроме того, добавить, что, как показывают результаты новейших исследований, «в каждом языке есть свои закономерности действия механизмов распределения внимания» [Талми 2006:23].

Стремления научной категоризации учесть все характеристики изучаемого явления, «увидеть его с разных сторон» ведет к более четкому и детальному структурированию научных категорий и к более высокому уровню абстракции. Ср., например, конкретные естественно-языковые категории необходимости, возможности и случайности и объединяющую их, абстрагированную на их основе научную категорию модальности, которая выделяется в логике, философии и лингвистике. Еще более высокий уровень абстракции научного познания приводит к выделению «сверхкатегорий». К ним можно отнести, например, «образ времени» в понимании Г. Гийома, объединяющего в одну категорию время, наклонение и вид.

Различия в строении естественных и научных категорий, как было указано выше, обусловлено и разными основаниями двух **ВИДОВ** категоризации. Так, для обыденного сознания время - это «продолжительность, длительность чего-н, измеряемая секундами, минутами, часами» [Ожегов 1981: 93], то есть категория в достаточной степени **конкретная**. В лингвистике категория времени строится на основе изучения всего многообразия форм выражения временного значения, пример, В.Г. Гак, основываясь на структурном принципе построе

Н.А. Кудрина

грамматической категории, на материале французского языка выделяет оппозиций: абсолютное время (настоящее / прошедшее / будущее), семенную соотнесенность (предшествование / одновременность / следование), длительность (ограниченное / неограниченное время), актуальное / неактуальное действие и временной интервал [Гак 1979: 203].

Разработка теории относительности, которая внесла существенные изменения в основания категоризации времени, закрепила в науке положение о том, что время и пространство «существуют не сами по себе, в отрыве от материи, а находятся в такой универсальной взаимосвязи, в которой они теряют самостоятельность и выступают как относительные стороны единого и неделимого времени-пространства», что «течение времени и протяженность тел зависят от скорости движения этих тел» [Философский словарь 1975: 69]. Интересно отметить, что это положение, экспериментально подтвержденное наукой только в XX веке, для обыденного сознания давно является истиной, не нуждающейся в доказательствах: мысль об относительности времени закреплена в разных языках в достаточно устойчивых выражениях *время бежит / летит и время тянется*.

На примере категории времени ярко проявляется и такое различие процессов естественной и научной категоризации, как «одновариантность» первой и «разновариантность» второй: строение категории времени имеет свои особенности и в разных научных областях, и в разных теориях одной и той же области научного знания, что, в конечном счете, тоже обусловлено разными основаниями категоризации. Так, при логико-философском осмыслении времени оно трактуется как «одна из основных (наряду с пространством) форм существования материи, выражающаяся в закономерной смене одних объектов, явлений другими объектами, явлениями, смене одних фаз (ступеней) развития предметов, процессов другими фазами (степенями) развития предметов, процессов [Кондаков: 1975: 95]. Кроме неразрывной связи времени с материей и ее движением на современном этапе развития науки выявляются такие свойства времени, как одномерность (в отличие от трехмерного пространства), необратимость (однаправленность), есконечность, объективность существования. В формальной логике в построении категории времени учитываются его особенности при выведении трех основных законов - закона противоречия, закона исключения^{10,0} третьего и закона достаточного основания. Закон противоречия^{10,0} гласит: «две противоположные мысли об одном и том же предмете^{10,0} взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, вместе^{10,0} не могут быть истинными» и, наоборот, «в разное время об одном предмете^{10,0} можно высказать противоположные мысли, кото-

II. Категории различных наук I

рые в этом случае могут быть истинными» [здесь и далее выделено автором. - Н.К.] [Кондаков 1975: 96]. Согласно закону исключенного третьего «два противоречащих высказывания об одном и том же предмете, взятом *в одно и то же время* и в одном и том же отношении вместе не могут быть ложными» [Там же]. Третий закон формальной логики «требует, чтобы всякая истинная мысль была обоснована другими мыслями, истинность которых была доказана раньше» [Там же].

В лингвистике время рассматривается как грамматическая категория глагола, «являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении» [ЛЭС 1990: 89]. При этом, в отличие от логико-философского понимания времени, подчеркивается, что грамматическое время обратимо, поскольку «точка отсчета может свободно перемещаться, например, из настоящего в прошлое» [Гак 1979: 203], а «грамматическое настоящее время охватывает некоторый отрезок, включающий в себя часть прошедшего и часть будущего» [Там же]. Для современной лингвистики характерна «многовариантность» структурирования категории времени, что объясняется существованием различных подходов к трактовке языковых категорий. Н.Н. Болдырев выделяет три таких подхода: структурный (по принципу оппозиций), функциональный (полевой) и когнитивный (прототипический) [Болдырев 2006: 6]. Кроме того, в лингвистике выявляются расхождения в структуре категории времени разных языков, обусловленные характером грамматического строя и основанные, в конечном счете, на особенностях естественно-языковой категоризации в разных национально-лингвокультурных сообществах. Учет таких особенностей характерен для прототипического подхода к построению языковой категории, которая рассматривается в когнитивной лингвистике как «особый формат знания» [Там же: 5]. «Появление прототипического подхода, - подчеркивает Н.Н. Болдырев, заставляет заново осмыслить основные вопросы категориального устройства языка, а также степень универсальности некоторых положений этого подхода в объяснении природы, структуры и состава языковых категорий» [Там же: 7]. Следует отметить, что прототипический подход, разработанный сначала в когнитивной психологии при исследовании процесса естественной концептуализации и категоризации, в последние годы активно используется и в построении научных лингвистических категорий, что свидетельствует о тесных междисциплинарных взаимодействиях двух наук. 1 Н

Взаимодействие и взаимовлияние разных дисциплин вообще характерно для процесса научной категоризации. Для лингвистики на Р³³,

Н.А. Кудрина

личных этапах ее развития то большую, то меньшую важность имела логико-философская трактовка аналогичных категорий. Обосновывая необходимость использования данных логики при изучении языковой категории модальности, О.В. Трунова в частности отмечает, что «эмпирическое описание языковых форм модальности позволяет специфицировать и систематизировать действительное многообразие значений этой категории» [Трунова 2003: 30], в то время как реконструкция модальной силлогистики дает возможность выявить сущность языковой категории модальности и определить «основания для объединения ее в рамках объективного и субъективного начал» [Там же: 31]. Интересно, что в логическом словаре Н.И. Кондакова определение модальности дается в двух статьях - *модальность в логике* и *модальность в языкознании*. Первая рассматривается как «различие между суждениями в зависимости от степени зафиксированной в них достоверности отображенного факта, явления - от вероятности до необходимости отображаемого» [Кондаков 1975: 359], а вторая трактуется как «грамматико-семантическое понятие, отображающее отношение произносящего какое-то высказывание к объекту этого высказывания и проявляющееся с помощью различной интонации, формы наклонения глагола, вводных слов и т.д.» [Там же].

Одним из существенных различий естественно-языковой и научной категоризации является то, что при разном объеме и разной степени разработанности в языках мира естественных категорий аналогичные научные категории в целом совпадают. Вместе с тем, нельзя не отметить и случаи влияния национальных особенностей внеаучного освоения мира, закрепленных в лексике того или иного языка, на строение научной категории в соответствующей области знания носителей данного языка. Например, для русских *крыжовник* и *смородина* представляют собой два различных вида кустарников, а французы объединяют их в один вид с общим названием *groseille* (*крыжовник*), подразделяя на подвиды - белый, красный, зеленый (или *groseille a maquereau*) и черный (при этом для обозначения черной смородины существует параллельное наименование *cassis*). В «русском семействе» тыквенных арбуз и дыня четко противопоставлены, а во французской лингвокультуре при наличии специального наименования арбуза *pasteque* его вместе с тем рассматривают как разновидность дыни (*melon*), называя *melon a eau*. Три французских названия масла - *huile* (растительное и минеральное), *essence* (эфирное) и *beurre* (рожье) - свидетельствуют об отсутствии общей категории масла, выделяемой русскими.

Ва Различия двух видов когнитивности - научной и естественной, а, следовательно, и соответствующих им двух видов категоризации проявляются

II. Категории различных наук I

и в разной степени и разном характере их прагматической ориентированности. В целом, как известно, «познание, результаты которого материализуются в языке, то есть получают языковую форму их «воплощения» (entbodiment), демонстрирует зависимость когниции от множества прагматических и даже идеологических факторов» [Кубрякова 2004: 15]. Связь естественно-языковой категоризации с практическими надобностями человека, являющаяся непосредственной и явной, в большинстве случаев усугубляется достаточно легко. Зависимость научной категоризации и в целом научных исследований от потребностей человека чаще всего имеет опосредованный и не столь явный характер, а практическая ценность их результатов, как правило, «отложена во времени». Тем не менее, достижения науки постоянно внедряются в разные сферы человеческой деятельности, а результаты научной категоризации влияют на процесс внеучного освоения мира. Достаточно сказать о влиянии науки на радикальное изменение естественной категоризации природных явлений, пересмотр взглядов на Землю и окружающие ее планеты и т.п. Свой вклад вносит и лингвистика. Например, все более широкое употребление таких терминов, как *дискурс*, *гендер*, *концепт*, *интертекст* и др., отмечаемое в современной медиакоммуникации, свидетельствует о постепенном их проникновении в массовое сознание. Это, несомненно, влияет на развитие естественных категорий, в частности, на расширение их границ, повышение уровня абстракции, более четкое их структурирование, а также приводит к выделению новых категорий. В большой степени влиянию научной категоризации на внеучную способствует развитие электронных средств массовой коммуникации.

Что касается идеологической обусловленности процесса познания и, в частности, процесса категоризации, то она, разумеется, ярче всего прослеживается в общественных науках. Приведем достаточно красноречивый, на наш взгляд, пример определения философско-этического понятия *альтруизм*, которое приводится в философском словаре, изданном в 1975 г.:

Альтруизм - нравственный принцип, заключающийся в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами; противоположен эгоизму. В буржуазной этике понятие А., как правило, сливается с религиозными моральными учениями о любви к ближнему, всепрощении и т.п., которые Стижат прикрытием эксплуататорской, эгоистической сущности кап*¹ тализма. Противоречие между А. и эгоизмом, неразрешимое в условиях капитализма, снимается лишь с уничтожением социальных ^{ант} гонизмов, когда отпадает всякая необходимость и в принципе А. «Я*

Н.А. Кудрина

социализма понятие А. сохраняет значение лишь при характеристике узколичных отношений людей. А в сфере общественных отношений действуют принципы новой, коммунистической морали (коллективизм, сотрудничество и взаимопомощь, сознание общественного долга и т.п.) [Философский словарь 1975: 13].

Лингвистика, в том числе отечественная, особенно лингвистика советского периода также имеет много широко известных «в лингвистических кругах» примеров идеологического влияния на процессы концептуализации и категоризации языковых явлений.

Таким образом, можно сказать, что при объективной противопоставленности естественной и научной категоризации между ними есть много точек соприкосновения. Ученый, являясь одновременно и носителем массового сознания и представителем определенной лингвокультуры не может не испытывать их влияния.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Бочкарев А.Е. О значении как «экране знаний» // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 37-42.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.

ЛЭС- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Новодранова В.Ф. Когнитивные науки и терминология // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (Материалы Круглого Стола, апрель, 2000 г.). М., 2000. С. 89-93.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 816.

Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 23-44.

Трунова О.В. Человек воспринимающий и полагающий: природа содержательного дуализма категории модальности // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М.; Иркутск, 2003. С. 29-56.

Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977. С. 7-98.

Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. М., 1975.

Щвырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984.

**ЭВОЛЮЦИЯ КАТЕГОРИИ «ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО»
В НЕМЕЦКОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ
В 19-21 ВЕКАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ***

Характерной чертой современной науки о языке является стойкий интерес к человеку как «мере всех вещей». Соответственно в рамках наиболее актуальных на сегодняшний день направлений - антропоцентрического и этноцентрического - все языковые явления изучаются через призму человеческого фактора.

Следует уточнить, что основополагающими понятиями в описании когнитивной деятельности индивида являются понятия **концептуализации** и **категоризации**. Человек осмысливает поступающую **информацию** и мысленно конструирует предметы и явления, так **образуются** концепты. Процесс категоризации заключается в том, что **человек** мысленно соотносит объект или явление с определенной **категорией** (см. подробнее: [Болдырев 2000]). «Обмен информацией с **помощью** языка сводится к соотнесению с имеющейся у человека системой **знаний**, к идентификации предметов и событий с определенной **группой** аналогичных предметов и событий, то есть с определенной **категорией**. <..> Категоризация - это с одной стороны, знание категорий **объектов** и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс **отнесения** тех или иных объектов к конкретной категории, включая **присвоение** им соответствующих названий» [Болдырев 2000: 23, 67].

Одним из основополагающих понятий современной **лингвистики** является понятие *этнокультурного сознания*, представляющего **собой** отражение социального бытия конкретного этноса, общественных и **психологических** отношений, являющихся типичными для его членов, их **духовных** практик. Оно формируется как результат материальной и **духовной** жизни индивидов, их исторического развития. Развитие немецкого этнокультурного сознания идет по пути эволюции, отражая наиболее важные этапы влияния мировых и внутригосударственных процессов.

Изменения общественно-исторического уклада жизни любой этнокультурной общности вызывают коренную перестройку познава-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы».

Е.А. Кузьмина

тельных процессов людей. Меняются при этом «не закономерности психической деятельности людей, а механизмы влияния на нее внешних факторов. <...> В новых условиях функционирование не закрепившихся еще в общественном сознании нарождающихся норм и правил поведения опосредовано традиционными формами психической деятельности людей, свойственными им как представителям конкретной этнической общности» [Лурия 2004: 144].

Несмотря на тот факт, что для развития этноса характерны постоянные политические, экономические, социальные и культурные изменения, всегда остается некое ядро, позволяющее идентифицировать этнос как единое целое и самоидентифицироваться самому этносу как единому целому. Вслед за изменениями в любом аспекте бытия происходит процесс эволюционирования структур этнокультурного сознания.

Фундаментальные структуры этнокультурного сознания представляют собой мегаконцепты - глобальные, многомерные, многогранные ментальные конструкторы, хранящие в себе абстрактные представления об основополагающих компонентах концептосферы (политика, экономика, культура и т.д.). Выделенные нами структуры не являются гомогенными образованиями, в их составе выделяются следующие компоненты: деятель; деятельность (виды специфической деятельности); инструментарий; результат деятельности. Концепт любого уровня никоим образом не является статичным образованием, а, напротив, постоянно изменяющимся и развивающимся под воздействием объективных и субъективных факторов, как то: познавательная деятельность индивида, изменение экономически), политических и других условий существования этноса.

Следует отметить, что делать выводы о содержании и особенностях этнокультурного сознания чужого этноса возможно лишь на основе анализа косвенных данных (изучение артефактов, проведение экспериментов и т.д.), однако наиболее широкие возможности для получения необходимых и достоверных данных предоставляет язык, поскольку тела языковых знаков представляют собой материальную форму образов сознания, являясь при этом репрезентантами этноязыкового сознания.

Именно язык как средство хранения и передачи культурной информации является основным механизмом анализа этнокультурного сознания. Он представляется не только главным этнодифференци-

Щим, но и этноформирующим признаком каждого этноса (см. под-
*ем^{бел} ' - 'потелня 1989]). Таким образом, эволюцию концептов мы мо-
"Роследить на основании эволюции лексико-грамматических, фо-

II. Категории различных наук I

нетических и фразеологических средств их репрезентации на разных этапах развития этноса.

Необходимо подчеркнуть, что «репрезентация знаний в системе языка основывается на категориальном принципе. Это означает, что прототипы неязыковых и языковых категорий не связаны между собой отношениями репрезентациями. Данные отношения устанавливаются на общекатегориальном уровне, а не на уровне отдельных элементов категорий. Соответственно, в качестве прототипов, или опорных точек, языковой репрезентации знаний выступают названия категорий» [Болдырев 2007: 26]. Кроме того, важно отметить, что, несмотря на то, что познание человеком окружающей действительности всегда индивидуально, и в основе его лежит личный опыт практического, ментального, вербального взаимодействия с окружающим индивида миром, вербально выраженные знания о мире «входят в систему разделенных, коллективных знаний, которые должны подчиняться единому принципу организации» [Болдырев 2007: 16]. Язык прессы (за исключением узкоспециальных изданий) репрезентирует знания, доступные большинству читателей.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей репрезентации категории «высшее общество» в немецкоязычных СМИ 19-21 веков и выявлению на этой основе эволюционных изменений в немецком этнокультурном сознании. «Высшее общество» является надстроечным концептом, в равной степени относящимся ко всем выделяемым нами структурам этнокультурного сознания

Одним из доказательств актуальности категории «высшее общество» в немецком этнокультурном сознании можно считать присутствие в языке большого количества лексических единиц, репрезентирующих указанную категорию. Интересно отметить, что спектр лексических средств, вербализующих данное понятие, на каждом из выделенных этапов исторического развития этноса только расширялся, в то время как уже отмеченные единицы продолжали использоваться в текстах прессы, а затем и Интернета, что говорит об эволюции концепта «высшее общество» по пути приобретения новых концептуальных признаков с сохранением уже имеющихся.

Анализ словарных дефиниций наиболее высокочастотных лексических единиц, репрезентирующих категорию «высшее общество» в немецкой прессе и Интернете (*Oberschicht*, *High Society*, *EstabWment*, *Elite*, *VIP*), позволил выявить следующие ядерные

концептуальные признаки социокультурного феномена «высшее общество»:

1. Высший социальный слой.

Е.А. Кузьмина

2. Наивысший престиж в обществе.
3. Богатство.
4. Решающая сила в политике и экономике.
5. Наличие особых способностей.
6. Обладание определенными привилегиями.
7. Очень важные персоны.

Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что высшее общество, несмотря на присутствие у любого его члена таких обязательных признаков как богатство, высокое социальное положение и привилегии, не является монолитным образованием, его представители делятся на несколько групп.

В первую очередь сюда входят люди, занимающие ведущие позиции в политике и экономике и оказывающие решающее влияние на процессы, происходящие во всех областях бытия (*Oberschicht, High Society, Elite, die hohe Gesellschaft, Hautevolee, die oberen Zehntausend, Upper ten, Geldelite, die besitzende/fuhrende/priviligierte Klasse/ Kreise/ Schichten, die hdheren Schichten, Preisklasse, High Snobiety upon., die Spitzen/Stutzen der Gesellschaft, Honoratioren, Notabeln, VIP*).

Ср.: *Eine kleine Zahl nur von ihnen, eine dunne ftnanzielle **Oberschicht**, ist naturalisiert und befindet sich in wirtschaftlich giinstiger Lage. Die grofie Masse hingegen hat keine irgendwie gesicherten Daseinsgrundlagen und wird zudem noch von den niederen Behdrden dauernd schikaniert und verfolgt [Berliner Tageblatt (Morgen-Ausgabe) 07.03.1918, S. 4]. (Небольшое их число, тонкий финансовый слой высших слоев общества, получают гражданство и находятся в выгодном экономическом положении. Широкие массы напротив не имеют хоть какого-то гарантированного основания для существования, над ними издеваются низшие органы власти и преследуют их)*. В этом примере актуализируются концептуальные признаки «наличие богатства, привилегий». Кроме того, «высшие слои общества» противопоставляются большинству, подвергаемому гонениям и притеснениям.

К высшему обществу принадлежат политики, обладающие властью и высоким социальным положением (*Oberschicht, Establishment, autevolee, die oberen Zehntausend, Upper ten, Geldelite, die besitzende /juhrende /priviligierte Klasse / Kreise / Schichten, die hdheren Schichten, reisklasse, die Spitzen /Stutzen der Gesellschaft, Notabeln, die SED, ParJTMung, die nationalsozialistische deutsche Fuhung, die bevorzugte*^{1e}) и финансисты, обладающие огромными денежными средствами, изующие себя в сфере экономики и оказывающие влияние на дру-

II. Категории различных наук I

гие аспекты бытия, также являются частью исследуемой категории (*Oberschicht, Elite, die hohe Gesellschaft, Hautevolee, die oberen Zehntausend, Geldadel, Upper ten, Geldelite, die besitzende /fuhrende /priviligierte Klasse / Kreise/ Schichten, die höheren Schichten, Preisklasse, die Spitzen/Stutzen der Gesellschaft, Notabeln, Bourgeoisie*).

Ср.: *Geldige dies, erhielt er denselben Status wie die katholische oder die evangelische Kirche. Wer den Islamrat kontrolliert, gehdte zum Establishment des deutschen Staates [DIE ZEIT 04.02.1999, S. 11].* (Если бы это удалось, он получил бы такой же статус как католическая или евангелистская церковь. Тот, кто контролирует исламский совет принадлежит к политической элите немецкого государства). В этом примере актуализируются концептуальные признаки «обладание властью», «наличие политического влияния».

К высшему обществу относятся богатые и влиятельные люди, имеющие возможность праздно проводить свое время (*High Society, Elite, die hohe Gesellschaft, Jetset, VIP (very important person), sehr wichtige Personlichkeit*).

Ср.: *Nach Portofmo fahrt man am besten per Boot, denn einen Parkplatz findet man ohnehin kaum. Der einstige Fischerort wurde erst durch den Jet-set, die unvermeidliche Liz Taylor, Ava Gardner, Frank Sinatra und andere, beruht. Heute ist hinter den schdnen alten Fassaden alles fest in der Hand der Hochfinanz [Der Tagespiegel 09.03.1997].* (В Портофино лучшие всего ехать на лодке, т.к. там едва ли найдется место для парковки. Бывшая рыболовная область стала известна благодаря высшему обществу, неизбежным Лиз Тейлор, Аве Гарнер, Френку Синатре и другим. Сегодня за прекрасными старыми фасадами все находится в руках высшей финансовой элиты). В данном примере не только репрезентируется концептуальный признак «высшего общества» «наличие свободного времени», «известность», «материальное благополучие», но и имеет место противопоставление культурной и финансовой элит, входящих, однако, в единую группу, противопоставленную, в свою очередь, широким народным массам.

Кроме того, высшее общество - это индивиды, относящиеся к особой группе людей в силу своего происхождения (*Oberschichten, Elite, High Society, Adel, Adelige*) или наличия специфических положительно маркированных способностей и качеств, выделяющих их в положительном аспекте из широких народных масс (*High Society, Elite, minenten, Creme der Gesellschaft, Jetset, VIP (very important person), s wichtige Personlichkeit*).

Е.А. Кузьмина

Ср.: *Berlin kennt ihn, wie er auf dem roten Teppich mit Hollywood-duties wie Charlize Theron oder Nicole Kidman turtelt. Aber was, wenn mal ^{eine} ^{auf} roten Teppich des Lebens tritt? Zuerst brachte Koss-Цск seinem neugeborenen Sohn und dessen Mutter aus seinem Lieblingsrestaurant Pasta mit schwarzen Trüffeln ins Krankenhaus [Der Tagespiegel q7 04.2004]. (Берлин знает его, как он воркует на красной ковровой дорожке с голливудскими красавицами, такими как Шарлю Терон или Николь Кидман. Но что происходит, если VIP-персона вступает на «ковровую дорожку жизни»? Для начача Косслик принес из своего любимого ресторана в больницу своему новорожденному сыну и его матери пасту с черными трюфелями).* В данном примере речь идет о киноактерах, которые без сомнения принадлежат к группе известных людей, обладающих определенными способностями и богатством, выделяющихся из широких народных масс. Примеры подобного рода указывают на наличие дополнительных концептуальных признаков «высшего общества» - «экстравагантность», «общение в тесном кругу себе подобных в специально для этого предназначенных местах».

Содержание категории «высшее общество» варьируется на разных этапах развития этноса в зависимости от многочисленных социально-политических, культурных и экономических факторов.

Ядерными лексическими единицами, репрезентирующими концепт «высшее общество» в немецкой прессе и Интернете являются *Oberschicht, High Society, Elite, die besitzende / fuhrende/ privilegierte Klasse / Kreise / Schichten, VIP (very impotent person)*. Следует подчеркнуть, что каждая новая единица, появляющаяся в языке для вербализации конкретного концепта, репрезентирует какой-либо его дополнительный концептуальный признак или оценку.

Инновации, имевшие место в немецком языке на каждом из рассматриваемых этапов, можно, используя классификацию Д.Д. Билибина [Билибин 2009: 8], разделить на следующие группы:

- неолексемы - единицы, обладающие новым содержанием и "овой формой (*die SED, Geldadel*);
- неосемантизмы - единицы, обладающие новым содержанием// " а р о й Ф о р м о й (*die bevorzugte Kaste, die Spitzen / Stutzen der Ge-*
- неозаимствования - единицы, отдельные элементы, словосочетания или аббревиатуры иноязычного происхождения, которые участвуют в деривационных процессах (*Creme der Gesellschaft, Notabeln,*

II. Категории различных наук I

Hautevolee, Bourgeoisie, High Society, Establishment, Upper ten, High Snobiety, VIP (very important person), Jetset);

• неологические сочетания - относительно устойчивые сочетания, состоящие из нескольких единиц и служащие для репрезентации нового явления (*die oberen Zehntausend, sehr wichtige Personlichkeit, die nationalsozialistische deutsche Führung*).

В конце 19 - начале 20 веков доминирующими лексическими единицами, вербализующими концепт «высшее общество», были *Elite Oberschicht, Creme der Gesellschaft, die hohe Gesellschaft, Honoratioren die oberen Zehntausend, Adel, Adelige, Notabeln, Hautevolee, die Spitzen der Gesellschaft, die fuhrenden Kreise*. В период с 1915 по 1932 года новых единиц зафиксировано в текстах СМИ и Интернета не было, напротив, палитра лексических средств, репрезентирующих концепт «высшее общество» была сужена, из чего можно сделать вывод, что в эпоху социальных потрясений рассматриваемый концепт потерял былую актуальность в немецком этнокультурном сознании, что произошло сужение концептуальных признаков (материал показывает, что сохранились лишь ядерные - «богатство», «власть», «влияние»), В период социальных потрясений в печатных СМИ выражается крайне негативная оценка «высшего общества», что вербализуется такими негативно маркированными лексемами, как *Tyrannie (тирания), Ausbeutung (эксплуатация), Bedranger (притеснитель, угнетатель), von der Ausbeutung lebende (живущий за счет эксплуатации)* и т.д.

В эпоху национал-социализма (1932-1945) положительную оценку в прессе получал концепт, вербализуемый лексемой *Fuhrer* и сочетанием *die nationalsozialistische deutsche Führung (национал-социалистическое немецкое руководство)*. Зафиксированные в прессе единицы *Elite, Oberschicht, Honoratioren* использовались для негативной характеристики «высшего общества» стран, находящихся с Германией в состоянии войны.

В период с 1945 по 1989 годы в прессе и Интернете было выявлено большое количество заимствований из английского языка. В текстах газет и журналов были зафиксированы все обозначенные в данной статье единицы, вербализующие различные грани концепта «высшее общество» в немецком языке (*Oberschicht, High Society, Establishment, Elite, die hohe Gesellschaft, Hautevolee, die oberen Zehntausend, Gelaad Adel, Adelige, Upper ten, Geldelite, die besitzende /fuhrende /priviligierte Klasse / Kreise / Schichten, die hderen Schichten, Preisklasse, ProminePj ten, Creme der Gesellschaft, High Snobiety, die Spitzeni Stützen der Ges*%*

Е.А. Кузьмина

chaft Honoratioren, Notabeln, Jetset, VIP (very important person), sehr wichtig Personlichkeit, die SED, Parteiführung, die nationalsozialistische " *[sche Führung. Bourgeoisie, die bevorzugte Kaste)*, что также свидетельствует о повышении актуальности данного концепта в сознании этноса. Следует подчеркнуть, что в СМИ и Интернете данный феномен рассматривается с разных сторон и различных точек зрения. В текстах СМИ Восточной Германии концепт «высшее общество» представлен значительно уже. Зафиксированные единицы *Elite, Oberschicht* используются для репрезентации Западного высшего общества.

Для вербализации концепта, обладающего признаками «влиятельности», «управления», «ведущий слой общества», в восточногерманских СМИ применяются единицы *die SED, unsere Parteiführung*.

На современном этапе (1992-2010) обращает на себя внимание тот факт, что никаких неологизмов, новых заимствований зафиксировано не было, хотя рассматриваемый концепт представлен в прессе и Интернете очень широко, частотность репрезентирующих его единиц за последние десятилетия не снижается. Можно отметить лишь факт употребления некоторых лексем с оттенком иронии (*die Spitzen / Stützen der Gesellschaft*), что свидетельствует о снижении уважения народа к «высшим слоям общества, обладающим властью и богатством».

Ср.: *Aber eigentlich finde ich es eher traurig, dass Politiker, Philosophen Schriftsteller, Leute, die wirklich etwas zu sagen haben, so sehr in den Hintergrund geraten sind. Die Stützen der Gesellschaft werden gar nicht mehr genutzt. Dafür werden so viele Leute in die Medien gezerrt, die gar nicht wichtig sind [Die ZEIT 2006, № 12]. (Собственно, я считаю очень печальным, что политики, философы, писатели, люди, которые действительно могут что-нибудь сказать, задвинуты на задний план. Столпы общества совсем больше не требуются. Зато в СМИ затаскивают так много людей, которые не имеют никакого значения).* Данный пример репрезентирует, во-первых, кого же традиционно относят в Германии к «столпам общества» (политиков, писателей, философов), во-вторых, эксплицитно указывает на снижение роли представителей «высшего общества» в общественно-политической жизни Германии.

Следует подчеркнуть, что список лексем, репрезентирующих концепт «высшее общество» в последней четверти 19 - в первых десятилетиях 20 века, одержит ряд заимствований из французского языка, число которых сохранились в немецком языке до настоящего времени. Наличие заимствований из конкретного языка объясняется геополитическими причинами, либо тесными культурными взаимосвязями со стра-

II. Категории различных наук I

ной-носителем языка-донора. Таким образом, пришедшие из французского языка единицы *Notabeln*, *Hautevolee*, репрезентируют такие дополнительные концептуальные признаки как «достойный внимания» «ведущий», «изысканный», «первоклассный».

Как показывает анализ текстов печатных СМИ и Интернета - источников наиболее оперативно реагирующих на все изменения в обществе, подхватывающих наиболее актуальные и современные тенденции своего времени - в период с 1914 по 1945 год в немецком языке не появилось новых заимствований для репрезентации категории «высшее общество». Это можно объяснить тем фактом, что немецкий этнос испытывал в этот период как материальные, так и духовные потрясения: Первая мировая война, приход к власти национал-социалистов, Вторая мировая война. Все это заставляло немцев искать опору в своей истории, укреплять ощущение своего единства. Таким образом, в текстах этого периода были зафиксированы только неологические сочетания типа *die nationalsozialistische deutsche Führung*.

Новая эпоха неозаимствований началась после окончания Второй Мировой войны, что, конечно, объясняется экспансией культур держав-победительниц: в секторе, находящемся под юрисдикцией США и Великобритании появилось много англицизмов (*High Society*, *Establishment*, *VIP (very impotent person)*, *Jetset*), в секторе СССР - русизмов (*Politburo*). Интересно отметить, что новых заимствований из французского языка зафиксировано не было.

Наиболее частотной единицей для вербализации концепта «высшее общество» на современном этапе служит единица *VIP (very impotent person)*. Актуальность репрезентируемой ею характеристики рассматриваемого концепта подтверждается также фактом одновременного функционирования в СМИ и Интернете калькированного перевода данного сочетания на немецкий язык (*sehr wichtige Personlichkeit*) и англоязычного варианта *VIP (very impotent person)*. Кроме того, имеет место перефраз, когда устоявшуюся аббревиатуру *VIP* расширяют как *Very Important Playboy* или *Very Important Personage*, что также свидетельствует об ассимиляции (хотя и неполной) данной единицы в языке-реципиенте. Об этом же говорит и использование аббревиатуры *VIP* в афоризмах типа «Король мертв, да здравствует король!». Ср.: *Der VIP ist tot, es lebe der VIP! Nach dieser Devise klotzen einige der grofiten Olympia-Sponsoren, fur ihre teuersten Gaste ist wahrend des Sportspektakels in Sydney kein Aufwand zu grofit* [Berliner tung, 21.08.2000, S. 34]. (*VIP-персона мертва, да здравствует У'*

Е.А. Кузьмина

персона! Под этим девизом тяжело трудятся некоторые крупнейшие олимпийские спонсоры, для их самых дорогих гостей во время спортивного представления в Сиднее никакие расходы не считаются „езмерными“). В этом примере отражается современное представление о «высшем обществе» как о группе обезличенных персон, главным достоинством которых является наличие крупных денежных средств и готовность их тратить.

Выявление и рассмотрение способов и особенностей репрезентации категории «высшее общество» в немецких СМИ и Интернете позволяет сделать ряд выводов:

1. Содержание категории «высшее общество» варьируется на разных этапах развития этноса в зависимости от многочисленных социально-политических, культурных и экономических факторов.

2. Наличие в немецком языке большого количества лексем, репрезентирующих категорию «высшее общество», служит одним из доказательств ее актуальности для немецкого этнокультурного сознания.

3. Каждая новая единица, появляющаяся в языке для вербализации категории «высшее общество», репрезентирует какой-либо ее дополнительный концептуальный признак или оценку.

4. Все появившиеся в немецком языке в 19-21 веках инновации можно разделить на 4 группы: неолексемы, неосемантизмы, неозаимствования и неологические сочетания.

5. Наименее плодотворным для развития категории «высшее общество» является период с 1914 по 1945 гг. 20 века, наиболее плодотворным - с 1945 по 1989, когда в немецком языке появилось колоссальное количество заимствований из английского языка, что связано с политическими, экономическими, культурными изменениями, происходящими с этносом в конкретный период.

Литература

Билибин Д.Д. Лексико-семантические инновации в современном немецком языке как отражение процесса объединения Европы: автореферат диссертации на соискание кандидата филологических наук. СПб., 2009.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // И^{ны} знаний и их репрезентация в языке. Тамбов, 2007. С. 12-28.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2004.

Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.

**РАЗЛИЧИЯ И ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ НАУЧНОЙ
И «НАИВНОЙ» КЛАССИФИКАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ «НАИВНОЙ БИОЛОГИИ»)***

За столетия своего развития научная биология сформулировала достаточно точные принципы, по которым она классифицирует органический мир. Группы одного ранга в научной классификации выделяются на основании одних и тех же признаков, сформулированы критерии выделения вида. В последние полвека научная биология отказалась от ведущего значения эколого-морфологических признаков (образ жизни и строение организма) в пользу классификаций, опирающихся на молекулярные данные и строение клеточных органелл [Васильева 2005]. Создание зоологической и ботанической номенклатуры - названий видов и более крупных таксонов - подчинено строгим правилам [Клюге 2000:42-67].

Классификация животных и растений, в неявном виде присутствующая в естественных языках (так называемая «наивная», или народная, биология, англ. folk biology, ethnobiology) по целому ряду признаков отличается от научной. Рассмотрим, как в ходе формирования научных категорий биологии проявлялось их взаимодействия с принципами «наивной биологии».

Некоторые характеристики «наивной» биологической систематики. На верхних уровнях народной систематики универсальным является разделение на растения и животных, а растений - на **деревья** и травянистые растения [Atran 1990: 211-213]. При дальнейшей классификации народная таксономия выделяет среди растений **единицы**, которые примерно соответствуют «жизненным формам растений» в научной картине мира (деревья, травы, кустарники, лианы, грибы и пр.), а среди животных - таким группам, как «покрытые шерстью четвероногие», птицы, рыбы и т.п. Эти таксономические единицы получили название «народные жизненные формы» (folk live forms) [Berlm 1992: 22-30]. Наконец, следующей ступенью народной таксономии является «вид».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00156а.

В работах Б. Берлина и С. Брауна [Berlin 1992, Berlin, Breedlove, Raven 1973, Brown 1977, Brown 1979] установлено, что в традиционной культуре обычно различаются около 600 «видов» растений и несколько меньше - животных. Этим «видам» чаще всего соответствуют не виды, принятые в научной биологической классификации, а таксоны, соответствующие родам, а иногда и более крупным единицам - семействам или отрядам. Скотт Атран предложил назвать такие единицы народной таксономии «родо-видами» [Atran 1990].

Хотя работы Берлина и Брауна выполнены в основном на материале языков бесписьменных народов Океании и Южной Америки, их основные результаты верны и для других языков. Выделение «родо-видов» легко наблюдать и в «наивной биологии» русских городских жителей. Судя по опросам информантов, они, как правило, отличают воробья от других птиц, не подозревая, что в средней полосе европейской части России обитают два вида, принадлежащих к роду *Passer*, домовый воробей (*Passer domesticus*) и полевой воробей (*Passer montanus*) [Птицы СССР: 588, 591]. Среди бесхвостых земноводных обычно различают лягушку и жабу (диал. *земляная лягушка*). В научной биологии для этого региона насчитывается шесть видов, соответствующих лягушке (краснобрюхая жерлянка *Bombina bombina*, травяная лягушка *Rana temporaria*, обыкновенная чесночница *Pelobates fuscus*, озерная лягушка *Rana ridibunda*, прудовая лягушка *Rana esculenta*, остромордая лягушка *Rana terrestris*) и два вида, соответствующих жабе (зеленая жаба *Bufo viridis* и серая жаба *Bufo bufo*) [Земноводные и пресмыкающиеся СССР: 45-58, 61-73]. Еще ярче «укрупнение» таксонов в народной систематике проявляется в мире насекомых. Так среди комаров наивная биология выделяет, пожалуй, только «просто» комаров, комаров-сенокосцев (или долгоножек, диал. *карамора*) и толкунчиков (иногда из школьного курса биологии информанты знают, что есть малярийные комары, впрочем, многие называют так Долгоножек). В то время как энтомологи на территории бывшего СССР насчитывают 86 видов семейства настоящих комаров и около 400 (!) видов комаров-долгоножек [Насекомые СССР: 304, 308]. Французский орнитоним *chevalier* букв. 'кавалер' относится к целому ряду куликов из рода Улит (лат. *Tringa*): щеголь, травник, поручейник, ольдой улит, черныш, фифи, перевозчик [Фридман, Коблик 2006:]> при этом в двуязычных словарях франц. *chevalier* чаще всего не-очно переводится как 'улит'.

II. Категории различных наук I

Исследования подтверждают центральность категории рода (родо-вида) для народной таксономии [Atran 1994]. В языках мира, как правило, для обозначения категорий именно этого порядка используются однословные наименования. При усвоении языка детьми названия растений запоминаются, как правило, на уровне рода, а затем «ребенок продвигается по ступеням иерархии вверх посредством генерализации и вниз - посредством специализации» [Лакофф 2004: 55-56]. Интересно и то, что категории народной таксономии наиболее точно соответствуют таксонам биологической систематики именно на уровне рода, а на других уровнях встречается все больше несоответствий [Там же].

Необходимо упомянуть один частный механизм «наивной биологии», который будет важен при дальнейшем рассмотрении влияния «наивной биологии» на научную систематику. Если в традиционной культуре необходимо дать название для нового для данной культуры вида растений или животных, то он дается, как правило, путем сопоставления с более известными видами. Название «вида» в таких случаях чаще представляет собой словосочетание или сложное слово. Например, название пшеницы на языке индейцев цоциль *castillan Tixim* букв, 'кастильский маис', название курицы у индейцев соке *castellan-tunuc* букв, 'кастильская индейка' [Brown 1999:27] и обозначение кукурузы англичанами *Indian corn* 'индейское зерно', чуваш, *уима* 'яблоко', *дёр ули* 'картофель', букв, 'земляное яблоко' [Дегтярев 2002: 51-52].

Взаимодействие «наивной» и научной картины мира **в биологии**. Сначала рассмотрим влияние «наивной» картины мира на научную. В первую очередь следует сказать, что, поскольку «наивная» биология во многом отражает воззрения человека до возникновения науки или на этапе ее становления, то история биологической науки, если рассматривать ее с точки зрения лингвиста, изучающего языковую картину мира, представляет собой преодоление концепций, доставшихся ей в «наследство» от «наивной биологии». Важный пример того, как научная биология в своем развитии сначала использовала наследие «наивной», а потом преодолевала его - становление современной классификации органического мира и биномиальной (бинарной) номенклатуры.

Описания флоры и фауны в работах античных авторов: Плиния Старшего, Dioscorida, Феофраста, Аристотеля - охватывали в первую очередь животный и растительный мир восточного Средиземноморья. При дальнейшем развитии биологии (особенно активно - с XVI ве

новые виды стали описывать ученые из более северных стран (Германии, Англии, Франции). Названия новых видов образовывались от названий средиземноморских видов по описанному выше механизму народной биологии.

Посмотрим, как образовывались названия растений в первых печатных «травниках» немецких авторов. Три первых автора подобных трудов: Отто Брунфельс (1489-1534, «Трав живых изображенья»), Иеронимус Бок (Трагус) (1498-1554, «Новый травник о различиях, действии и именах трав, что в германских землях произрастают») и Леонхард фукс (1501-1566, «Новый травник, в котором...»). Способ включения новых видов в терминологию в этих травниках напоминал способ, описанный на примере названий кукурузы и пшеницы у индейцев майя и испанцев. УО. Брунфельса известная с античности мальва называется просто *Malva*, тогда как местный немецкий вид назван «конской мальвой» (*Malva equina*). УИ. Бока есть описанная античными авторами меллисса (*Mtitterktaut*) и распространенная в Германии «обычная меллисса» (*Gemein Mutterktaut*). В книге Л. Фукса «классическая» меллисса названа «истинной» (*Melissophylon verum*), а обычная меллисса - «ублюдочной» *Melissophylon vulgaris vel adulterinus* [Atran 1990: 213-214].

В конце XVII века в биологии был сформулирован принцип один род - одно название [Куприянов 2005]. Названия всех видов, относимых к одному роду, следовало начинать с одного и того же слова или устойчивого словосочетания - имени рода. Имена видов должны были образовываться при помощи добавления к имени рода более или менее многословных видовых отличий (так называемых *differentiae specificae*). Линней сделал этот принцип всеобщим, а описание видовых отличий подчинил строгим правилам. Длина видового отличия не должна была, по подсчетам Линнея, превышать 12 слов. Использование многословных названий на практике было связано с определенными трудностями. Во-первых, они были длинными, во-вторых, они были подвержены изменениям: при добавлении в род новых видов, их следовало пересматривать, чтобы они могли сохранять свои диагностические функции. С середины 1740-х гг. Линней и его ученики начали экспериментировать с использованием так называемых тривиальных названий (лат. *nomina trivialia*). *Nomen triviale* обычно было одним словом или устойчивым словосочетанием. Изобретение и применение *nomina trivialia* было ограничено только двумя правилами: они не должны были повторяться в пределах рода и изменяться после добавления в род новых видов. *Nomina trivialia*, в отличие от *differentiae*

II. Категории различных наук I

specifica, были даны растениям и животным и в тех родах, которые содержали только один вид. Так была положена основа современной биномиальной номенклатуре растений и животных, состоящей и названия рода и вида (последнее - бывшее *nomen trivile*) [Джеффри 1980].

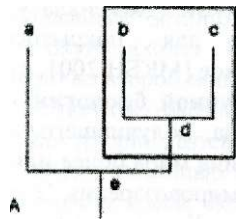
Еще один пример наследия «наивной биологии», которое долго присутствовало в научной картине мира. В народном сознании часто выделяется особая группа (*folk life-form*) животных, в которую входят насекомые, змеи, лягушки, ящерицы, черви и мыши [Журавлев 2005: 611-612, 647-650]. Условно эту группу можно назвать «хтоническими животными». В лексике для существ этой группы часто используется один общий термин: у славян это **gadb*, обозначающее как змей, ящериц, лягушек, жаб и черепах, так и рыб (чаще змеевидных), некоторых млекопитающих (в первую очередь - крыс и мышей), а также насекомых, особенно кусающих и паразитов [ЭС'СЯ: VI, 81-82, Гура 1997: 274-275; Гура 1995: 491-493], пол. *robactwo* 'насекомые' применяется также по отношению к змеям [там же]. В арабско-персидском словаре «Мукаддимат ал-араб» аз-Замахшари: «Употребление слова *ал-хавамм*... показывает, что оно обозначало не насекомых в современном смысле, а всех «ползающих», с подразделением на «крупных» (змеи, ящерицы, скорпионы, крысы) и «мелких» <...>: муравьи, вши, блохи, червяки, жуки-навозники, саранча, осы, бабочки, мухи, слепни, комары» [Бертельс 1982: 58]. Выделение особой группы «низших» животных довольно долго сохранялось и в научной биологической систематике [Куприянов 2005: 19-20]. Позвоночные (рыбы, земноводные, пресмыкающиеся) были выделены из этой сборной категории сравнительно рано. Однако внутри них еще сохранялись сборные группы, так *гады* (лат. *Amphibia*) - согласно классификациям XVIII-XIX веков, были группой, охватывавшая всех наземных позвоночных, за исключением четко очерченных групп птиц и млекопитающих. К концу XIX века название *гады* закрепилось за земноводными, но постепенно вышло из научного употребления. Беспозвоночные дольше оставались нерасчлененной группой. Систематическое изучение «низших животных» началось лишь после работ Карла Линнея, первым отделившего «насекомых» от «червей» [Натали 1951: 11].

Подобным же образом долго сохранились и другие «народные» группы (*folk life-forms*) животных и растений. В ранних попытках построения классификаций народные группы преобладали, позднее, с развитием науки их становилось все меньше. В первой европейской классификации растений Феофраста выделялись деревья, кустарники, кустарнички (др.-греч. *τρουανον*) и травы [Феофр

М.М. Руссо

1951: 316-317]. Первая попытка научной классификации растений в Китае в труде Ли Шичжэня (1518-1598) состояла в разделении их на травы (*цао*), злаки (*зу*), овощи (*цай*), фрукты (*го*) и деревья (*му*) [Духовная культура Китая: V, 388] - типичный пример folk life-forms, лишь в конкретных деталях отличающихся от выделяемых в европейских культурах. В труде Пьера Беллона о птицах (1555) рассматривались также летучие мыши, в его же книге о рыбах (1551) рассказывалось также о крокодилах, китообразных, черепахах, выдре и о некоторых морских беспозвоночных [Куприянов 2005: 59]. Аналогичный пример из области ботаники - долгое время сохранявшееся деление растений на две основные группы «деревья» и «травы», следующее «наивной картине мира», тогда как в современной научной ботанике признается, например, что травянистое растение манжетка более родственно яблоне и вишне (семейство розоцветных), а пшеница - бамбуку (сем. злаков), чем манжетка и пшеница между собой.

Научная биологическая классификация стремится отражать эволюционную таксонов. Все виды, восходящие к одному предку, (и только они) объединяются в один род, роды - в семейство и так далее. Строгое следование этому принципу в 1960-х годах получило название филогенетическая систематика [Емельянов, Расницын 1991, Клыге 2000: 25-28]. Она допускает наличие в классификации только монофилетических систематических группы (происходящие от одного предка). Монофилетическим группам противопоставляют полифилетические, в которых составляющие их подгруппы оказываются более близко родственными с другими группами, не входящими в данную. Выделение полифилетических групп обычно основано на поверхностном сходстве.

На рисунке А темным контуром представлен пример выделения монофилетической группы, объединяющей виды b, c и их общий предковый вид d. не выделена полифилетическая группа, куда вошли виды a и b, но вошел родственный виду b вид c.

II. Категории различных наук I

specifica, были даны растениям и животным и в тех родах, которые содержали только один вид. Так была положена основа современной биномиальной номенклатуре растений и животных, состоящей и названия рода и вида (последнее - бывшее *nomen trivile*) [Джеффри 1980].

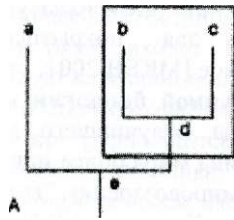
Еще один пример наследия «наивной биологии», которое долго присутствовало в научной картине мира. В народном сознании **часто** выделяется особая группа (*folk life-form*) животных, в которую **входят** насекомые, змеи, лягушки, ящерицы, черви и мыши [Журавлев 2005: 611-612, 647-650]. Условно эту группу можно назвать «хтоническими животными». В лексике для существ этой группы часто используется один общий термин: у славян это **gadb*, обозначающее как змей, ящериц, лягушек, жаб и черепах, так и рыб (чаще змеевидных), некоторых млекопитающих (в первую очередь - крыс и мышей), а также насекомых, особенно кусающих и паразитов [ЭССЯ: VI, 81-82, Гура 1997: 274-275; Гура 1995: 491-493], пол. *robactwo* 'насекомые' применяется также по отношению к змеям [там же]. В арабско-персидском словаре «Мукаддимат ал-араб» аз-Замахшари: «Употребление слова *ал-хавамм*... показывает, что оно обозначало не насекомых в современном смысле, а всех «ползающих», с подразделением на «крупных» (змеи, ящерицы, скорпионы, крысы) и «мелких» <...>: муравьи, вши, блохи, червяки, жуки-навозники, саранча, осы, бабочки, мухи, слепни, комары» [Бертельс 1982: 58]. Выделение особой группы «низших» животных довольно долго сохранялось и в научной биологической систематике [Куприянов 2005: 19-20]. Позвоночные (рыбы, земноводные, пресмыкающиеся) были выделены из этой сборной категории сравнительно рано. Однако внутри них еще сохранялись сборные группы, **так гады** (лат. *Amphibia*) - согласно классификациям XVIII-XIX веков, были группой, охватывавшая всех наземных позвоночных, за исключением четко очерченных групп птиц и млекопитающих. К концу XIX века название *гады* закрепилось за земноводными, но постепенно вышло из научного употребления. Беспозвоночные дольше оставались нерасчлененной группой. Систематическое изучение «низших животных» началось лишь после работ Карла Линнея, первым отделившего «насекомых» от «червей» [Натали 1951: 11].

Подобным же образом долго сохранились и другие «народные» группы (*folk life-forms*) животных и растений. В ранних попытках построения классификаций народные группы преобладали, позднее, с развитием науки их становилось все меньше. В первой европейской классификации растений Феофраста выделялись деревья, кустарники, кустарнички (др.-греч. *τρουανον*) и травы [ФеофрИ

М.М. Руссо

1951: 316-317]. Первая попытка научной классификации растений в Китае в труде Ли Шичжэня (1518-1598) состояла в разделении их на травы (*цао*), злаки (*зу*), овощи (*цай*), фрукты (*го*) и деревья (*му*) [Духовная культура Китая: V, 388] - типичный пример folk life-forms, лишь в конкретных деталях отличающихся от выделяемых в европейских культурах. В труде Пьера Беллона о птицах (1555) рассматривались также летучие мыши, в его же книге о рыбах (1551) рассказывалось также о крокодилах, китообразных, черепахах, выдре и о некоторых морских беспозвоночных [Куприянов 2005: 59]. Аналогичный пример из области ботаники - долгое время сохранявшееся деление растений на две основные группы «деревья» и «травы», следующее «наивной картине мира», тогда как в современной научной ботанике признается, например, что травянистое растение манжетка более родственна яблоне и вишне (семейство розоцветных), а пшеница - бамбуку (сем. злаков), чем манжетка и пшеница между собой.

Научная биологическая классификация стремится отражать эволюционную таксономию. Все виды, восходящие к одному предку, (и только они) объединяются в один род, роды - в семейство и так далее. Строгое следование этому принципу в 1960-х годах получило название филогенетической систематики [Емельянов, Расницын 1991, Ключев 2000: 25-28]. Она допускает наличие в классификации только монофилетических систематических групп (происходящие от одного предка). Монофилетическим группам противопоставляют полифилетические, в которых составляющие их подгруппы оказываются более близко родственными с другими группами, не входящими в данную. Выделение полифилетических групп обычно основано на поверхностном сходстве.

На рисунке А темным контуром представлен пример выделения монофилетической группы, объединяющей виды b, c и их общий предковый вид d. а рисунке В выделена полифилетическая группа, куда вошли виды a и b, но не вошел родственный виду b вид c.

II. Категории различных наук

Полифелитической группой являются, например, *ластоногие* (лат. *Pinnipedia*), считавшиеся отрядом в составе класса млекопитающих, отделившимся от отряда хищных. Как выяснилось, одна из подгрупп ластоногих (моржи и ушастые тюлени) родственна семейству медвежьих, а другая (настоящие тюлени) - семейству куньих. Общего предка у всех ластоногих не было. В результате в современной систематике бывшие ластоногие распределены на два независимых семейства в отряде хищных [Tedford 1976]. На примере достижений кладистики мы видим, как научная биология отказывается от признания последних сборных групп, оставшихся в наследство от «наивной биологии».

Следует, наконец, упомянуть и об очень характерной черте «наивной биологии», которая с необходимой коррекцией используется и в биологии научной, причем отказ от нее в науке был бы явно нецелесообразен. Объекты «наивной биологии» часто удачно описываются с использованием понятия «прототип», известного из когнитивной психологии и лингвистической семантике. В различных культурах можно выделить более или менее прототипические виды животных и растений для таких концептов как ПТИЦА, ДЕРЕВО и т.п. Эти прототипы находят прямое соответствие в научной биологии, где для каждого вида в обязательном порядке устанавливается типовой экземпляр (хранящийся в музее или гербарии), для рода - типовой вид, для семейства - типовой род и так далее [Клюге 2000: 51]. Подход, основанный на выделении типовых таксонов, отразился в предложениях реформировать биологическую номенклатуру, взяв для названий аксонов названия типовых видов. В таком случае, например, покрытосеменные растения (*Angiospermae*) получают название магнолиевых. В ныне действующем Международном Кодексе Ботанической Номенклатуры название *Magnoliophyta* служит основным для покрытосеменных, а *Angiospermae* определено как допустимое [МКБН 2001, ст. 16].

Обратное влияние: следы научной биологии в «наивной». Безусловно, у современного европейца, получившего, как минимум, школьное образование, языковая картина мира более или менее трансформирована под влиянием научного мировоззрения. Это относится не только к области «наивной биологии». Как пишет Е.С. Яковлева, «в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой» [Яковлева 1994: 10]. Поэтому, возможно, в «наивной зоологии» современного русского горожанина содержится уже не представление о том, что киты и дельфины относятся к рыбам, а о том, что они относятся к млекопитающему, **но** часто

М. М. Руссо

шибочно причисляются к рыбам (информация о такой ошибке уже практически стала «общим местом»). Подобные случаи проникновения научных понятий и терминов в ту область, которую Л. Щерба относил к «обывательским понятиям», характерны не исключительно для XX века. Например, слово *насекомое* в русском языке изначально было исключительно научным термином (введено М.В. Ломоносовым, калькировавшим латинское слово *insectum*), но уже к концу XVIII - началу XIX века стало общеупотребительным, а понятие «насекомое» заняло свое место в русской языковой картине мира.

Мы полагаем, что именно влиянием научной таксономии на народную следует объяснять необычное свойство системы английских орнитонимов, отмеченное в [Фридман, Коблик 2006]. В английском языке очень тонко различаются виды птицы, благодаря использованию многословных названий, например *swinhoe's white-troated rock thrush* 'белогорлый дрозд'. Эти названия напоминают научную номенклатуру, однако не являются калькой латинских названий видов. В то же время однословные наименования птиц в английском проявляют типичное для народной таксономии соответствие родам или даже более широким группам: большие группы воробьиных объединены под названиями *finch* 'вьюрок' и *sparrow* 'воробей', большинство славков, пеночек, камышевок и других сходных видов объединены орнитонимом *warbler*.

Границы научной и наивной картины мира в области биологии, пожалуй, размыты более, чем в прочих областях. Так, несомненно, что австралийское растение *Melaleuca alternifolia* или рыба филиппинская рыба *Pandaka rugosa* не входят в русскую «наивную биологию», они известны только профессиональным ботаникам (и фармакологам) и ихтиологам, а подорожник или окунь входят. Но если взять рыбу гуппи (*Lebistes reticulatus*), ставшую во второй половине XX века популярным аквариумным объектом, то ответить однозначно на вопрос о ее принадлежности к «наивной биологии» трудно. Интересная попытка определять степень освоенности фитонимов с помощью опроса информантов сделана в [Алешина 2007]. Подобные вопросы частично отражаются в социолингвистических исследованиях, посвященных взаимодействию профессиональных подязыков и жаргонов с литературным языком.

Конечно же, «наивная биология» в сознании жителей сельской местности и уж тем более представителей «традиционных культур», пей^{лиих} близко к природе, более богата и разработана, чем у европейских горожан. Однако и у них можно найти довольно специфиче-

II. Категории различных наук

ские вещи вроде «наивной генетики», чаще всего при полемике вокруг генетически модифицированных организмов. Подобные факты, скорее, должны служить объектом исследования уже не лингвистики, а других дисциплин изучающих общественное сознание, коллективные мифы в современном обществе и пр.

Литература

Алешина Е.К. Этимологическая компетенция носителей языка-знание и осознание греческого происхождения лексем (на примере фитонимов) // Труды XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск 2007.

Бертельс А.Е. Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов // Вопросы языкознания. 1982. № 4.

Васильева Л.Н. Мегасистематика и теория систематики. Презентация на I Чтениях памяти академика О. Г. Кусакина. 30 мая - 3 июня 2005 г. Владивосток. URL: <http://www.evolbiol.ru/vasiljeva5.htm>.

Гура А.В. Гады // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 491-493.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Дегтярев Г.А. Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары, 2002.

Джеффри Ч. Биологическая номенклатура. М., 1980.

Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах / гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2009.

Емельянов А.Ф., Расницын А.П. Систематика, филогения, кладистика // Природа. 1991. № 7. С. 26-37.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»-М., 2005.

Земноводные и пресмыкающиеся СССР / под ред. А.Г. Банникова. М., 1971.

Клюге Н.Ю. Современная систематика насекомых. Принципы систематики живых организмов и общая система насекомых с классификацией первичнообескрылых и древнекрылых. СПб, 2000.

Куприянов А.В. Предыстория биологической систематики. С ➤
2005.

М.М. Руссо

Международный кодекс ботанической номенклатуры (Сент-луисский кодекс), принятый шестнадцатым Международным ботаническим конгрессом, Сент-Луис, Миссури, июль-август 1999 г. СПб., 2001-

Насекомые СССР / под ред. Г.А. Мазохина-Поршнякова. М., 1970.

Натали В.Ф. Зоология беспозвоночных. М., 1975.

Птицы СССР! под ред. Г.П. Дементьева. М., 1968.

Феофраст. Исследование о растениях. М., 1951.

Фридман Ю.С., Коблик Е.А. О названиях птиц в дословном переводе с европейских языков // Мир птиц. № 1(34). 2006. С. 33-39.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-33. М., 1961.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени, восприятия. М., 1994.

Atran S. Cognitive foundations of natural history: towards an anthropology of science. Cambridge, 1990.

Atran S. Folk Biology // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences Ed. by R.A. Wilson and F. C. Keil. Cambridge, Massachusetts. London, 1991. P. 317-318.

Berlin B. Ethnobiological Classification. Princeton, 1992.

Berlin B., Breedlove D. E., Raven P. H. General Principles of Classification and Nomenclature in Folk Biology // American Anthropologist, New Series, Vol. 75, No. 1 (Feb., 1973). P. 214-242.

Brown C.H. Folk Botanical Life-Forms: Their Universality and Growth // American Anthropologist, New Series. Vol. 79. 1977. P. 317-342.

Brown C.H. Folk Zoological Life-Forms: Their Universality and Growth // American Anthropologist, New Series. Vol. 81. 1979. P. 791-817.

Brown C. H. Lexical Acculturation in Native American Languages. New York, 1999.

Tedford R. H. Relationship of pinnipeds to other carnivores (Mammalia) // Systematic Zoology. 1976. 25 (4). P. 363-374.

ОСОБЕННОСТИ ТЕНДЕРНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Категория «гендер» возникла сравнительно недавно в результате экстраполяции понятия грамматического рода (*gender* - *англ.*) в область гуманитарных наук в период интенсивных феминистских исследований 70-80-х гг. Это событие нашло свое отражение в англоязычных толковых словарях в виде расширения семантической структуры лексической единицы *gender*.

Согласно данным словарей, английское слово *gender* до недавнего времени имело два значения, а именно: 1. *Gram. Any of two or more categories, such as masculine, feminine and neuter, into which words are divided and that determine agreement with or the selection of modifiers or grammatical forms.* 2. *Classification of sex* [The American Heritage Dictionary 1989: 292]. Тот же словарь четвертого издания отражает новое наполнение термина «gender». Значение 2 теперь трактуется как *sexual identity, esp. in relation to society and culture*. Введено также значение 3: *the condition of being male or female; females and males as a group* [The American Heritage..., 2000]. Экспансия термина *gender* связана с появлением нового научного дискурса тендерных исследований и со стремлением антропологов внедрить представление о том, что пол должен рассматриваться не как чисто биологическая характеристика, а как социально-культурный конструкт, созданный в результате исторических обстоятельств.

Лингвистические исследования должны прояснить, каким образом сконструирована категория *gender* с учетом появления нового дискурса, который, как представляется, расширяет ее и усложняет ее строение.

Рассмотрим вначале базовый уровень категории, на котором человеческие существа противопоставляются друг другу как две биосоциальные группы - мужчины и женщины.

Согласно данным о системной категоризации человеческих существ в английском языке, представленным в семантическом анализе С. Ромейн [Romaine 2000: 112], люди могут быть разделены на категории в соответствии с различиями по возрасту: *ADULT* - *CHILD*, и ПОЛУ: - *MAN*, *WOMAN*. Однако члены этой классификации не обладают

одинаковым статусом, и это означает, что категоризация человеческих существ осуществляется на основе прототипического принципа.

Понятие прототипа, активно используемое в когнитивной лингвистике, связано с понятиями «лучший образец категории», «центральный или типичный элемент категории», «наиболее явный член категории» [Rosch 1978]. Прототип определяется как концепт, лежащий в основании формирования категории и определяющий ее содержание, концепт категории или элемента категории [Болдырев 2003: 59].

Анализ словарных дефиниций помогает осознать, что *MAN* является наиболее репрезентативным членом категории *HUMAN BEING*. Эта категория представляет собой метонимическую модель, в которой субкатегория *MAN (adult male human being)* способна к замещению всей категории в соответствии с дефиницией *male 2: used to refer to all human beings, including both males and females (CCED)*. Таким образом, прототипом человеческого существа считается взрослый мужчина. Это соответствует представлениям о тендере в патриархальной культуре, структурированным традиционной оппозицией мужчина - субъект, женщина - объект, которая проявляется в языке в виде предпочтительной ассоциации мужчины с функцией субъекта. Прототипичность мужского субъекта принято связывать прежде всего с его агентивностью. Представление об агенсе действия предполагает инициатора события, который контролирует его и является «источником энергии» действия. Оно связано с наличием таких характеристик, как *энергетическая активность, намеренность (волитивность), каузативность, контролируемость* [Там же].

В соответствии с теорией Э. Рош, категоризация естественных объектов осуществляется на нескольких уровнях. Кроме базового уровня репрезентации сущностей (в нашем случае - *MAN, WOMAN*) существует еще два уровня - выше и ниже базового. Эти уровни служат для представления как более абстрактных, так и более конкретных сущностей. На субординатном, более низком уровне, концепту *MAN* соответствуют композиционные концепты типа *Oxford man, gam-S man, businessman, horseman*. На этом уровне роль метонимического прототипа проявляется в отсутствии параллелизма в парных категориях. Так, исследователи отмечают, что существительных с компонентом *woman* встречается в пятнадцать раз меньше, чем с компонентом *man*. Частотность таких существительных, как *chairwoman, jnesswoman, congresswoman, horsewoman*, в 30 раз меньше, чем соответствующих номинаций с компонентом *man*, на миллион единиц.

II. Категории различных наук I

Встроенность метонимического прототипа в концепты более низкого уровня проявляется в наличии в категориальном гендерном членении тендерных асимметрий четырех типов [Гриценко 2005: 134].

- отсутствие одного из категориальных контрагентов;
- несовпадение смыслового объема категориальных контрагентов;
- асимметрия внутреннего структурирования, основанная на различии принципов членения парных категорий;
- асимметрия маркированного и немаркированного членов в категориях с «ложными» родовыми именами.

Отсутствие «женской» категории при наличии «мужской», и наоборот, наблюдается в таких номинациях, как *bishop, thug, First Lady, nurse*. Наличие второго типа асимметрии связано с развитием этимологически родственных слов английского языка, которые в процессе исторического развития подвергались семантической дивергенции. При этом мужское обозначение сохранило первоначальный смысл, а женское обросло ассоциациями сексуального или пейоративного толка: *master / mistress* (хозяин / любовница); *governor / governess* (губернатор / губернантика) и т.д. Здесь же рассматриваются случаи, когда женская категория является производной от мужской, и определяется через мужской контрагент, например:

Deacon - an officer in Christian churches appointed to perform certain subordinate duties varying in different communions; deaconess - a female deacon; one of an order of women whose duties resemble those of deacons (The Collaborative International Dictionary of English).

Асимметрия третьего типа проявляется в том, что категории «мужчина» и «женщина» внутри себя структурируются разными способами. В русском языке оппозиция «женщина / девушка» основана на принципе вступления в брачные отношения, а аналогичное противопоставление «мужчина / юноша (парень)» основано на возрастном параметре.

Асимметрия маркированного и немаркированного членов в категориях с ложными родовыми именами наблюдается во фразах типа *the members of community and their wives, the settlers and their wives* и т.д. Результатом действия метонимического прототипа становится положение, при котором наблюдается контрадикторность концепта «женщина» не своему контрагенту мужчине, а человеку вообще.

И. Г. Серова

На более высоком, суперординатном уровне, созданном «достижениями воображения», концепт *MAN* связан с концептом *MASCULINITY*. Субкатегория *WOMAN* также имеет свой аналог, а именно, *FEMININITY*. Эти абстрактные субкатегории представлены как кластеры признаков и отражают абстрагирующую деятельность человеческого сознания.

Кроме одушевленных существительных, которые автоматически категоризируются по признаку биологического пола референта, в языке имеется огромное количество неодушевленных и абстрактных существительных, которые, как показывают эксперименты, могут вводиться в поле тендерной репрезентации через апелляцию к суперординатному уровню в связи с приписыванием референту признаков, традиционно трактуемых как маскулинные или фемининные. Например, красивые и грациозные животные соотносятся с женским родом, а сильные и агрессивные - с мужским родом. Причем, использование этих признаков для тендерной категоризации одновременно помещает объект в поле отрицательной, либо положительной репрезентации. Приписывание женского рода может осуществляться на основании отрицательных характеристик, таких, как коварство или слабость. Приписывание мужского рода бывает позитивным при подчеркивании таких качеств, как сила и масштаб. Соотнесение с мужским родом может сигнализировать о негативном подходе - о репрезентации предмета речи как чего-то огромного и неприятного.

Таким образом, эти данные свидетельствуют о наличии тендерного символизма уже на уровне, который представляется как базовый. Приписывание рода может осуществляться, как в данном случае, через апелляцию к концептам суперординатного уровня, представленным образ-схемами мужественности и женственности.

Многочисленные исследования психологов показывают, что наиболее частотными признаками, ассоциируемыми с мужественностью, являются *агрессивность, жесткость, мощь, брутальность, крепость, грубость, сила, энергичность, выносливость, демонстрация волевого компонента, сексуальная мощь, уверенность, независимость, решительность, надменность, настойчивость*.

Среди типичных характеристик, определяющих «женственность» в коллективном сознании, выделяются: *мягкость, слабость, ^{ичн}ость, эмоциональность, религиозность, зависимость от других*

- *преданность, безынициативность, неуверенность в себе, ориентация на компромисс, чувствительность, внимание к другим, понима-*

II. Категории различных наук

ние, предупредительность, внимание к деталям, изменчивость (см напр, [Vonk, Ashmore 2003]).

Эти представления о стереотипических женских и мужских чертах составляют когнитивную основу субкатегорий мужественности и женственности, и являются теми характеристиками, наличие / отсутствие которых дает нам возможность выносить свои суждения о (степени) мужественности / женственности объекта, что может выражаться в приписывании ему мужского или женского пола / рода.

Развивая теорию категоризации, Н.Н. Болдырев рассматривает категории «в качестве концептуальных комплексов, поскольку категории объединяют в себя различные структуры знания, и, следовательно представляют собой его особый формат» [Болдырев 2009: 28]. С этой точки зрения категория *gender* является примером смешанной категории, так как она связана с ментальной проекцией как знаний об окружающем нас биологическом и социальном мире, так и знаний о языке (см, напр, [Серова 2005]). Как языковое, так и неязыковое знание в данном случае носит весьма неоднородный характер.

Неязыковое знание, проецируемое в содержание категории *gender*, предполагает знание о биологии человеческих существ и организации социума, в котором мужчинам и женщинам предписаны разные роли, функции и типы поведения.

Языковое знание определяется как «знание языковых единиц, форм, категорий, синтаксических конструкций, их значений и функциональной специфики. Как следует из данного определения, содержательная неоднородность языкового знания обуславливает необходимость разграничения, по меньшей мере, трех его типов, или разновидностей, которые представлены в трех системах языковой категоризации и, соответственно, в трех типах языковых категорий» [Болдырев 2009: 30]. Подробнее, выделяемые три типа таковы:

1. Вербализованное знание об объектах окружающего мира, представленное в системе лексической категоризации - лексических значениях языковых единиц и лексических категориях.

2. Знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику языковой организации, а также специфику представления знания о мире в языке, которое репрезентировано в системе грамматической категоризации - грамматических значениях языковых форм и грамматических или лексико-грамматических (сКР тая грамматика) категориях.

И. Г. Серова

3. Знание языковых единиц и категорий модусного характера, имеют® внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и ^интерпретации любого концептуального содержания в языке [Там же].

Чтобы объяснить специфику тендерной категоризации, необходимо обратиться к анализу различных систем рода в языках мира и истории развития категории рода в индоевропейских языках, а также различным способам ее экспликации в лингвистической науке.

В широком смысле термин «род» может быть применен и к большому количеству разрядов (до двадцати) существительных в североафриканских языках, или к известным четырем классам существительных в языке австралийских аборигенов *дьербал*. Согласно этой классификации, ставшей знаменитой благодаря Д. Диксону и Дж. Лаккоффу, мужчины попадают в один разряд с кенгуру, летучими мышами и луной, женщины - с солнцем, огнем, водой и опасными предметами. В третий разряд включаются все съедобные плоды и растения, которые их приносят, вино и печенье, и, наконец, в четвертый разряд - мясо, части тела и большинство деревьев [Lakoff 1990: 92-96]. Э. Курзан отмечает, что носители западноевропейских языков имеют очень ограниченное представление о категоризации существительных, так как они ориентированы на индоевропейские языки, где грамматические разряды более или менее отражают представления о поле живых существ или об отсутствии такового в связи с неодушевленностью референта [Curzan 2003: 13].

«Естественная» трехчленная система является одним из возможных типов системы рода. В системе естественного рода лингвистический род зависит от биологического пола референта и проявляется лишь в соответствующих формах местоимений (в английском языке когда-то существовала грамматическая система рода, но она ушла в прошлое уже в начале двенадцатого века). Современная система рода в английском языке основана на семантическом принципе, в отличие от грамматической системы рода в других индоевропейских языках. Те немногие суффиксы, которые применяются для обозначения женского агента в словах типа *stewardess*, *poetess*, не являются чистыми маркерами женского рода, как полагают специалисты по тендерной лингвистике. «Производных существительных рекомендуется избегать,

как уже в силу их производности от существительных с мужским именем и отнесенности к стилистически сниженным стратам слов, они «содержат в себе определенную снисходительность» [Пота-

II. Категории различных наук I

пов 2001: 297, 299]. Вместо них рекомендуется употреблять номинации, не содержащие тендерного признака: *flight attendant*, *poet*.

В грамматических системах для обозначения рода используются флексии, которые предполагают наличие склонений для существительных, прилагательных, местоимений и артиклей (напр, в немецком языке) и систему согласования в зависимости от рода существительного. Особенности трехчленной грамматической системы рода, сохраняющейся в немецком и ряде славянских языков, описаны Дж. Тейлором на материале немецкого языка [Taylor 2002: 335].

Например, существительные, начинающиеся с сочетания *kn-* принадлежат к мужскому роду, за исключением слова *das Knie* (колено). Существительные, имеющие в конце слова *-n* + *согласный*, также принадлежат к мужскому роду: *der Wind* (ветер) за исключением таких имен, как *die Hand* (рука). К женскому роду, как правило, относятся слова с окончанием на *шипящий или свистящий звук + t*, например, *die Angst* (страх), *die Luft* (воздух) за исключением *der Saft* (сок), *der Dunst* (поток). Лингвистическую репрезентацию рода в немецком языке можно проследить на трех уровнях: морфонологическом (внутренняя форма слова), синтаксическом (грамматическое согласование) и семантическом (схема значения слова).

Одним из предположений относительно возникновения грамматической системы рода является теория о том, что человеку свойственно стремление к персонификации всех окружающих предметов и явлений, их частичное отождествление с собой. Версия о том, что лингвистическая категория рода восходит к концептуальным структурам пола, была популярна в начале века. Считалось, что исходной причиной образования грамматической категории рода послужило то, что на какой-то стадии развития языка произошла экстраполяция естественного рода в сферу языка. Такие предположения высказываются и сейчас: каким бы абсурдным не представлялось сегодня приписывание пола неодушевленному предмету, например, камню, вполне возможно, что в системе праязыка существовали некие исходные аргументы, логичные в анимистической картине мира, которые забыты и утеряны.

Романтической теории олицетворения М. Ибрахим противостоит; тавляет факты фонетических изменений, морфологические и синтаксические закономерности, лингвистическую аналогию [Ibrahim 1973., 50]. Он полагает, что происхождение категории рода в языке связано лингвистическими, а не с экстралингвистическими факторами. Есть Ч

И. Г. Серова

точка зрения, согласно которой происхождение рода связано с тем, что оимитивные говоры мужчин и женщин различались окончаниями.

Дж. Корбетт определяет систему естественного рода исходя из того факта, что род в ней может быть приписан на основе значения существительного без учета формы слова [Corbett 1991: 9]. В системах естественного типа классификация существительных на базе трехчленной оппозиции *masculine - feminine - neuter* происходит с опорой на естественные экстралингвистические противопоставления *human / non-human; male human / female human*. Поэтому, на первый взгляд, семантические родовые системы логичны и предсказуемы. Если термин «естественный род» связан с семантическим типом, то грамматическая система рода предстает в таком случае как формальный тип, хотя, в сущности, обе системы носят смешанный характер.

Как отмечают М. Хеллингер и Х. Басмен, обе такие очевидные категории, как грамматический и референциальный (естественный) род, не могут быть полно описаны в терминах, отвлеченных от культурной и социополитической специфики конкретного языка. А если изучение рода выводится за рамки формальных манифестаций и включает дискурсивные практики, концепт рода становится значительно более сложным и многомерным [Hellinger, Bussman 2003: 19].

Субъект речемыслительной деятельности опирается на психологические и личностные факторы, осуществляя родовую категоризацию «на ходу» в процессе речевой коммуникации. Выбор местоимения связан не столько с экстралингвистической реальностью, сколько с имеющейся у субъекта речи ментальной репрезентацией объекта. Индивидуальная языковая картина мира определяет категории, которыми он оперирует. Часто возникающий в таких ситуациях недостаток понимания связан с тем, что критерии говорящего не всегда очевидны для наблюдателя и нуждаются в дополнительном пояснении.

Итак, и в формальной системе рода, и в системе рода отражательного типа для приписывания или экспликации родовой принадлежности недостаточно опираться на онтологическое знание о биологическом поле референта, если таковой имеется. Огромное значение имеет социокультурное знание - знание инферентного типа, которое позволяет приписывать род на основе представлений о феминности маскулинности объектов, укорененных в данной культуре путем приписывания атрибутов объекту.

Язык предоставляет субъекту речи большую свободу в категоризации и перекатегоризации объектов, определяемую как перегендеризация (gender switch). Фактически, для тендерного конструирования ментального образа лица, явления или предмета у субъекта речи (мысли) имеется в распоряжении две образ-схемы - фемининная и маскулинная.

Приведем пример наложения «мужской» и «женской» образ-схем на концепт моря в повести Э. Хемингуэя «Старик и море»:

«Мысленно он всегда звал море la таг, как зовут его испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любят, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буями вместо поплавков для своих снастей и ходит на моторных лодках, купленных в те дни, когда акуля печенка была в большой цене, называют море el таг, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернице, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, - что поделаешь, такова уж ее природа» [Хемингуэй 1968: 231].

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд выводов. В частности, категория *gender* представляет собой естественную категорию, отражающую знание о биологии человека и организации социальной жизни. Строение категории *gender* обнаруживает прототипический характер, что соответствует представлениям о тендере в патриархальной культуре, структурированным традиционной оппозицией мужчина - субъект, женщина - объект, которая проявляется в языке в виде предпочтительной ассоциации мужчины с функцией субъекта. Концепт MAN определяется как концепт, лежащий в основании формирования категории *gender* и определяющий ее содержание. Он является метонимическим прототипом, способным к представлению человеческого существа вообще, структурирующим категорию *gender*, отсюда - тендерные асимметрии, проявляющиеся на всех ее уровнях. В ходе языкового оформления категории могут быть задействованы языковые средства разных уровней, однако, тендер является модусной категорией *par excellence*, поскольку приписывание пола / рода и вынесение суждения о фемининности / маскулинности объекта основаны на интерпретирующей деятельности субъекта речи и мысли.

И.Г. Серова

Литература

Болдырев Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / отв. ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 2003. С. 57-74.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Гриценко Е.С. Язык. Тендер. Дискурс: монография. Н. Новгород, 2005.

Потапов В.В. К опыту пересмотра тендерного признака в лингвистике (на материале английского языка) // Тендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Первой международной конференции. М., 2001. С. 289-301.

Серова И.Г. Лингвистические и нелингвистические знания в презентации языковой категории рода // Когнитивное моделирование в лингвистике. Материалы VIII международной конференции. М.; Варна, 2005. Т. 2. С. 158-168.

Corbett G.G. Gender. Cambridge University Press. 1991.

Curzan A. Gender Shifts in the History of English. Cambridge University Press. 2003.

Hellinger M, Bussman H. Introduction // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men. Marlis Hellinger, Hadumod Bussman (eds.) Vol. 1. N. Y., 2002. P. 8-21.

Ibrahim M.H. Grammatical Gender: Its Origin and Development. The Hague: Mouton and Co., 1973.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago & London, 1990.

Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale, 1978.

Romaine S. Language and Gender // Language in Society. An Introduction to Sociolinguistics. Second edition. Oxford University Press, 2000. P. 102-134.

Taylor J. Cognitive Linguistics. Oxford Textbook in Linguistics: Oxford University Press, 2002.

Vonk R., Ashmore R. Thinking about gender types: Cognitive organization of female and male types // British Journal of Social Psychology. 42. Issue 2. 2003.

The American Heritage Dictionary. N.Y., 2000.

Хемингуэй Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1968. Т. 4.

**МЕТАФОРА КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ
И КАК МЕХАНИЗМ КОГНИЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ МЕТАФОРЫ)**

Когнитивные исследования последних лет позволяют по-новому оценить многие традиционно изучаемые в языкознании феномены. В частности, расширение ракурсов рассмотрения метафоры связано с появлением антропоцентрической парадигмы в науке о языке, в рамках которой переосмыслению подвергаются разные языковые категории, в том числе, изменяется подход к трактовке содержания ключевого понятия - понятия языка. В концепции индивидуального знания А.А. Залевской предлагается модель языка, основанная на триаде: «язык как КЗ₁», «язык как КЗ₂» и «язык как ИЗ», где КЗ₁ - это коллективное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной лингвокультурной общности по законам психической деятельности, КЗ₂ - коллективное знание, закрепленное в продуктах разнообразной деятельности людей, а ИЗ - это индивидуальное знание, то есть знание как достояние индивида, выступающего в качестве представителя вида, знание, формируемое по закономерностям психической деятельности и под воздействием и контролем выработанных социумом норм и оценок [Залевская 2005: 430-431]. Индивидуальное знание, в свою очередь, включает две составляющих - коррелят коллективного знания и личностное знание. При изучении разных процессов, происходящих в языке, необходимо учитывать сложное взаимодействие между всеми членами триады, поскольку речь идет о «живом» языке, принадлежащем пользующемуся им индивиду.

Подход к слову как достоянию индивида должен осуществляться иначе, чем научное описание значения слова в лексико-семантической системе языка, проводимое в отрыве от процессов функционирования слова у человека. Метафора, как и любое другое слово, существует одновременно в системе языка и в индивидуальном лексиконе носителя языка, в связи с чем исследователями метафоры могут акцентироваться разные ее свойства и характеристики. В первом случае метафора описывается как «троп, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов и явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс» [Языко-

М.А. Силуенко

знание: Большой энциклопедический словарь 1998: 296], во втором случае метафора - это «средство передачи и усвоения новых знаний и видения вещей в новом свете» [Залевская 2005: 288]. Первая дефиниция представляет собой собственно лингвистическую точку зрения на сущность метафоры, второе определение подчеркивает ее когнитивные свойства. В исследованиях метафоры, в которых интегрируются знания из разных наук, подчеркивается важность рассмотрения нескольких аспектов метафоры. В работе А.С. Самигуллиной, например, различаются три аспекта проявления метафоры - метафора-знак, метафора-образ, метафора-когнитивная / концептуальная модель, которые, в классификации автора, соответствуют единицам лингвистического, культурного и когнитивного пространств [Самигуллина 2008].

Сложность в определении сущности значения метафорического выражения состоит в изначальной смысловой двуплановости метафоры, которая, по выражению Н.Д. Арутюновой, образует некую «семантическую аномалию». Для описания языковой семантики метафоры можно воспользоваться моделью В.П. Москвина. Автор, помимо вспомогательного и основного субъектов метафоры (компаратив и компаратор в авторской терминологии), выделяет в ее внутренней структуре также основание сравнения, задающее область сходства двух субъектов, и их общий признак [Москвин 2007: 50]. Именно общий, или доминирующий, признак связывает два компонента метафоры воедино и составляет основу нового метафорического значения. Например, семантика архитектурной метафоры *сердце комплекса* может быть представлена следующими компонентами (см. таблицу 1).

Таблица 1

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
сердце - Центральный орган системы кровообращения в виде *Ускульного мешка [ТСРЯ 2007: 93->]	комплекс - несколько зданий или сооружений, связанных общностью территории, архитектурного замысла и назначения [ИСАТ 2006: 147]	местоположение и функция части в составе целого	соотношение части и целого

II. Категории различных наук I

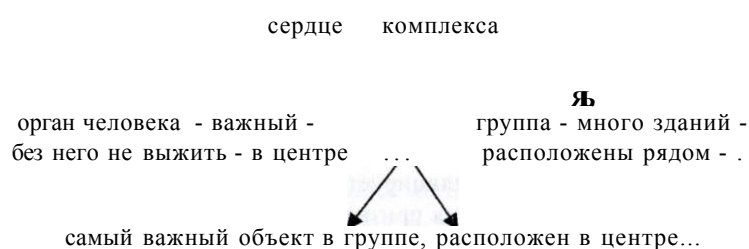
В.П. Москвин подчеркивает целостность метафорического значения, в метафоре, по мнению исследователя, передано «нерасчлененное представление, в котором совмещены признаки разных предметов... два образа как бы "слиты" воедино» [Москвин 2007: 71]. Следовательно, метафорическое значение должно отражать все компоненты, которые его формируют, сохраняя при этом целостность образа. На пример, *сердце комплекса* - объект в группе с другими объектами] расположенный в центре этой группы и выполняющий самую важную функцию подобно тому, как сердце в общей системе кровообращения является центральным и самым важным органом (ср. «*сердце ч-л* - важнейшее место чего-нибудь, средоточие» [ТСРЯ 2007: 932]). В результате мы получаем некое обобщенное значение метафоры, искусственно созданное путем логико-рационалистического анализа словных дефиниций двух компонентов метафоры и не учитывающее «фактор человека» - автора или толкователя метафоры - и процессы, стоящие за словом в сознании индивида. Вероятно, при таком подходе значение метафорического выражения рассматривается как принадлежащее КЗ₂ в триаде А.А. Залевской. Следует уточнить, что в профессиональном языке архитекторов метафоры с доминирующим компонентом «сердце» являются достаточно распространенными (*сердце города, сердце площади, сердце здания*) и, хотя они не зафиксированы в терминологических словарях, частотность их употребления в текстах архитектурной тематики дает основание утверждать, что такие метафоры утратили свою образность и перешли в разряд стертых.

Рождение нового метафорического смысла с позиции психолингвистической концепции слова можно объяснить спецификой организации ментального лексикона - «чрезвычайно сложной системы многоязычных и многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится... разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, их оценке индивидом... об особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская 2005: 428]. Существует предположение о том, что в процессе понимания происходит «свертывание речевого про ведения к исходной (ядерной) речевой схеме, образующейся во внутренней речи и передающей глубинную смысловую структуру» [Ифлов 2008: 89]. Следовательно, метафорический смысл сначала формируется во внутренней речи, затем выводит человека на некоторый фрагмент индивидуального образа мира, создаются условия для

М.А. Силуенко

мирования «психологического значения», или значения «для себя». Поиск слова в памяти ведется одновременно по разным параметрам - с опорой на формальные и семантические признаки или их комбинации с одновременным учетом многообразной увязываемой со словом информации [Залевская 2005: 426, 430]. Например, лексема «сердце» - «метафорический флюс» метафоры *сердце комплекса*, вероятно, увязывается с наивными представлениями о месте и назначении сердца в организме человека: это самый важный орган, без него нельзя жить, является центром кровеносной системы. Лексема «комплекс» может актуализировать смыслы, связанные с неким объединением отдельных компонентов, например зданий, в единую группу. Образ метафоры образуется в результате слияния, взаимоналожения актуализируемых знаний, увязываемых с двумя компонентами метафоры. Дальнейшая развертка сжатого смысла метафоры происходит за счет выделения релевантных признаков и признаков признаков, при этом следует подчеркнуть, что релевантность признаков всегда индивидуальна, «сжатый смысл разворачивается в рамках системы координат, присущей конкретному человеку, с учетом индивидуальных характеристик личности в точке "здесь-и-сейчас"» [Лебедева 2006: 64]. Формирование метафорического смысла происходит в процессе установления связи между словоформами метафоры и хранящейся в памяти информацией (см. схему 1).

Схема 1

Поп ^Астественно, что данная схема представляет всего лишь нашу
Со ^{Ку}осмыслить этапы формирования метафорического смысла в
и человека, сам этот процесс гораздо сложнее и многообраз-

нее, незаконченность каждого ряда указывает на открытость системы отражает вариативность выбора того или иного признака. Результат который мы получаем на выходе, не является плодом четкого рационального умозаключения, это даже не понимание, а, скорее, «переживание понятности» (термин А.А. Залевской).

Проведенный нами эксперимент по методике субъективных дефиниций среди студентов старших курсов архитектурного отделения Астраханского инженерно-строительного вуза (количество испытуемых - 50 человек) показал, что выводное знание всегда вариативно. Даже при доминировании одного когнитивного признака в субъективных дефинициях, полученных от большинства испытуемых, вряд ли возможно говорить о какой бы то ни было унификации. На один доминирующий признак могут накладываться дополнительные признаки и характеристики, часто избыточные с точки зрения исследователя, но вполне релевантные по мнению самого испытуемого. Наивные анатомические познания о функциях и значении сердца в жизнедеятельности организма помогли участникам эксперимента выделить в метафоре *сердце комплекса* признак «главный» (67% дефиниций). Однако для одних испытуемых этот признак ассоциируется с местом здания в общей застройке:

сердце комплекса - центральное здание комплекса; архитектурный элемент, центр композиции; центральное, ключевое место в каком-либо многоплановом, сложноструктурном объекте,

другие же расценивают это качество как показатель функциональной значимости здания в ансамбле:

сердце комплекса - главное, что помогает зданию функционировать, жить; место, объединяющее несколько зданий комплекса, например, площадь с фонтаном или клумбой в центре; главный акцент, вокруг этого сооружения вырастают остальные, дополнительные; место тяготения людских масс.

В ряде дефиниций эксплицируется несколько смыслов - равноценное значение приписывается признакам «место здания в общей застройке» и «функция здания»:

сердце комплекса - центр, регулирующий работу всех зданий и сооружений; центр комплекса, который сосредотачивает в себе основную суть, идею комплекса и распределяет ее; изюминка, основной центр композиции, смысловое и функциональное ядро комплекса. центр здания, объединяющий все остальные его пространства, имеет <

М.А. Силуенко

«бо нейтральную функцию (атриум, пассаж), либо главенствующую,» ди *которой* здание было построено.

Результатом актуализации личностного знания являются единичные интерпретации:

сердце комплекса - эмоциональный комплекс; входной узел; и/пепьный зал в кинотеатре, перрон на вокзале, кухня в квартире; такое понятие используют для художественного описания объекта, например, в архитектурных журналах.

Подобные реакции представляют особый интерес, поскольку речь идет о профессиональной метафоре, широко представленной в профессиональном дискурсе архитектора, что, казалось бы, сводит к минимуму вероятность единичных толкований. Эксперимент показывает, что профессиональное знание не может гарантировать единое понимание одного и того же феномена, оно лишь задает определенный угол зрения. В субъективных дефинициях отражено индивидуальное знание, в структуре которого коллективное знание составляет лишь часть. С позиции подхода к слову как к достоянию индивида значение слова в индивидуальном сознании приравнивается к процессу, а, точнее, к совокупности взаимодействующих процессов, протекающих на разных уровнях осознаваемости и нацеленных на поиск соответствий между воспринимаемой индивидом словоформой и его разноприродным опытом. За словом в сознании лежит обширный круг связей (выводных знаний, эмоционально-оценочных переживаний), и выбор опор в процессе установления значения слова осуществляется в ситуации «здесь-и-сейчас».

Различие контекстов функционирования метафоры обязывает к строгой дифференциации принципов и подходов к изучению данного феномена. Рассмотрение архитектурной метафоры в профессиональном языке архитекторов побуждает к выявлению неких инвариантов и построению искусственных гипотетических моделей, в то время как специфика функционирования таких метафор в индивидуальном лексиконе должна рассматриваться как механизм когниции в контексте «живого знания», во всем многообразии его проявлений и с учетом постоянного взаимодействия многих психических процессов, судить о нем ¹...² МОЖНО только по промежуточным продуктам через специаль-

⁰³Разом организованные экспериментальные ситуации.

II. Категории различных наук I

Литература

- Горелов И.Н.* Основы психолингвистики: учеб. пособие. М. 2008.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М, 2005.
- ИСАТ* - Иллюстрированный словарь архитектурных терминов: учеб. пособие для ВУЗов / Н.Ш. Согоян. М, 2006. С. 147.
- Лебедева С.В.* Медицинская метафора в современном языке. Курск, 2006.
- Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М., 2007.
- Самигуллина А.С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2008.
- ТСРЯ* - Толковый словарь русского языка: около 53000 слов j С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. М, 2007. С. 932.
- Языкознание:* Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М, 1998. С. 296.

III. УРОВНЕВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

3.1. ЛЕКСИКА

О.А. Алимуратов (Пятигорск)

ОТ КОНЦЕПТОСФЕРЫ К ЛЕКСИКЕ И ОБРАТНО: ПРОБЛЕМЫ МЕТОНИМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ*

Очевидно, что когнитивные процессы осуществляются практически каждой саморегулирующейся живой системой в ходе ее взаимодействия с окружающей средой [Кравченко 2006]. Когнитивные процессы (КП), присущие человеческому существу, характеризуются значительной сложностью, их можно рассматривать как деятельность по исчислению и аналитической переработке информации, обладающую рядом отличительных особенностей. Прежде всего, КП содержательны и интенциональны. Понятие содержательности КП чрезвычайно важно для понимания того, что же представляет собой такой процесс. Необходимо помнить, что содержание КП составляет реакция на определенные стимулы, поступающие из внешней среды. Такая реакция всегда направлена на достижение определенной цели, которой, как прави-

исследование выполнено в рамках реализации АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)» Министерства образования и науки Российской Федерации. * «Когнитивно-лингвистическое и психолингвистическое моделирование ментального пространства: Россия и Западная Европа»; 08 «Разработка принципов и механизмов портретирования языковой личности и моделирования структуры и элементов языковой личности мира», Темплан).

III. Уровневая категоризация естественного языка

ло, становится оптимальная адаптация к изменяющимся условиям среды [Maturana, Poerksen 2004], и в этом смысле КП становится интенциональным, ибо он всегда преследует какую-то цель, осознаваемую или нет [Stillings et al. 1998].

Имеется достаточно очевидное различие трактовки интенциональности в рамках когнитивизма и в рамках аналитической философии языка (интенционализма). На наш взгляд, оно заключается в более широком подходе к явлению интенциональности в КЛ, при котором оно, как правило, понимается не как наделение чего-то объективно познаваемым смыслом, не как придание осмысленности, а как *направленность* коммуникативной и коммуницирующей системы на *оптимизацию* собственного внутреннего пространства и своего положения относительно других систем.

Таким образом, в самом общем виде цель когнитивного процесса можно сформулировать *как оптимизацию отношений между субъектом КП и окружающей средой посредством построения поля опыта такого взаимодействия*. Перефразируя В.А. Виноградова, можно констатировать, что когнитивное (ментальное) пространство индивида как сфера протекания КП является самодостаточным в том плане, что оно обеспечивает самосознание и самосохранение человека [Виноградов 2009: 10].

Следует также учитывать, что *информационные процессы репрезентируемы (representational)* [Stillings et al. 1998: 6-11]. Понятие репрезентации предполагает наличие операциональной кодовой системы, включающей определенный набор элементов, имеющих знаковую природу, и синтаксических (в широком смысле слова) правил, регулирующих сочетаемость этих элементов. В приложении к языковой системе данный аспект изучен достаточно глубоко. Возможность комбинирования элементов знаковой системы предполагает процедуру семантической интерпретации сложных знаков, осуществляемую в соответствии с законами композиционной семантики, воплощенными в конкретных алгоритмах. Важным здесь, на наш взгляд, является демонстрация того, *каким образом закономерности семантической интеграции языковых знаков репрезентируют взаимодействие и динамику ментальных пространств*. Пионерские работы Ж. Фоконье и М. Тернера (см, в частности, [Fauconnier 1994]) наметили основные теоретико-методологические ориентиры в этом направлении, одна композиционная семантика по-прежнему является новым направлением в КЛ, а исследование значения комплексных лексических знаков»

счисление механизмов интегрирования содержательных компонентов
' комплексное целое только начинается.

⁸ Процессы концептуально-категориальной интеграции (зачастую
оказиональной, входящей далее в систему), на наш взгляд, наиболее
око проявляются именно на лексическом уровне. Сфера, которую
можно привести в качестве наиболее яркого примера, - конечно,
неология:

***bustitution** (bus + (subs)titution, the act of substituting a suburban
train with a bus running along the regular train route);*

*cltugger (ch(arity) + (m)ugger, people who want you to sign up for a
charity donation);*

*edutainment (edu(cation) + (enter)tainment, the method of teaching
based on combining learning with fun activities)* и многие другие приме-
ры [Maxwell 2007].

Отметим, что на лексическом уровне процессы концептуального
блендинга отражаются опять же в блендинге, но уже как в дериваци-
онном механизме, что весьма типично для лексической системы со-
временного английского языка.

В последние годы появился целый ряд публикаций, посвящен-
ных разнообразным проблемам композиционной семантики. В частно-
сти, интерес отечественных когнитивистов направлен на изучение
проблем концептуальной интеграции (Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин
и др.); вопросов композиционной семантики в производном слове
(Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик, О.К. Ирисханова); роли дискурса в
рождении композиционной семантики (З.Д. Попова и др.); метафоры в
свете теории концептуальной интеграции (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев);
грамматической семантики и композициональности (Е.В. Урысон).

Важно подчеркнуть, что *содержание КП нельзя отождеств-
лять с процессами познания*. В данной связи следует, по-видимому,
согласиться с мнениями В.З. Демьянкова и А.В. Кравченко о том, что
процессы когниции - это процедуры получения и использования на
основе приобретаемого опыта так называемых «предзнаний», в то
⁹ время как познание включает КП и познание рассудочное, аналитиче-
ское (см., в частности, [Кравченко 2008: 39]). Неслучайно многие ис-
следователи исходной когнитивной способностью человека в настоя-
^е время считают восприятие, принимая этот процесс в качестве ба-
зового КП [Langacker 2000: 2; Магировская 2009: 80-81 и др.]. Уровне-
Вани 7Уктура КП предполагает возможность уровневого структуриро-
Тал и сферы протекания данных процессов - когнитивного (мен-
Го) пространства индивида, его концептосферы.

III. Уровневая категоризация естественного языка

Известно, что когнитивное пространство человека можно изучать по поведению языковой личности, поскольку осуществляемые ей виды деятельности (во всяком случае, большинство из них) протекают при участии языка, образующего их речемыслительную основу. Таким образом, язык, представляя собой основу мыслительной (дискурсивной) деятельности, «рассматривается как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникативной деятельности и обеспечиваемый особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Голованова 2004: 18]. Благодаря своим речемыслительным способностям человек в процессе социализации становится языковой личностью, являясь при этом носителем коллективно и личностно детерминированной *информационно-когнитивной системы* (ИКС), которую следует трактовать как самоорганизующуюся систему, обеспечивающую протекание когнитивных процессов конкретного индивида.

Традиционно выделяется четыре подсистемы ИКС: язык, сознание, мышление и память. В контексте наших рассуждений, безусловно, значимым является язык, который функционирует в ИКС благодаря процессу *вербализации концептов, являющихся единицами ИКС*. Под вербализацией, на наш взгляд, следует понимать многоуровневый и многокомпонентный механизм *языковой репрезентации* когнитивных структур других уровней ИКС, осуществляющийся в виде внешней речи или письма. Данный процесс характеризуется образованием устойчивой или окказиональной связи между сенсорно формируемым концептом и его вербализаторами, организованными в вербально-семантическую сеть [Johnson-Laird 1995: 207 и след.].

Для языкового выражения концепта используются либо рекуррентные, либо окказиональные средства. Хорошо известно, что концепт как оперативная единица специализированного или обыденного знания [Болдырев 2009: 26] может репрезентироваться в языке готовыми лексемами и фразеосочетаниями, свободными словосочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты), текстами и совокупностями текстов [Попова, Стернин 2001; Фуре 2009]. Итак, концепт как сложная ментальная структура может быть представлен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть. Слово, по мнению большинства концептологов, представляет собой основное средство доступа к концептуальному знанию. Получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные: «СЩ! <...> как и любая номинация - это ключ, «открывающий» для челове

О.А. Алимуратов

нцелт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить выключателю - он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления» [Попова, Стернин 2001: 38].

Лишь благодаря процессу вербальной репрезентации становится возможным изучение и моделирование отдельных концептов и концептосферы в целом.

В контексте сказанного выше принципиальное значение приобретает *дифференцированный* подход к пониманию того, что такое концептосфера. Последняя, с одной стороны, предстает как достояние конкретного индивида - как динамически функционирующая, открытая, стохастически активируемая система с нечеткими границами структурно упорядоченных элементов. Единицами концептосферы в таком понимании (**КОНЦЕПТОСФЕРЫ**) выступают концепты - ментальные структуры, недоступные прямому наблюдению и, как показывают все новые и новые исследования, не поддающиеся полной вербальной репрезентации (см. [Залевская 2005: 261; Maturana, Roesken 2004 и др.]). С другой стороны, под концептосферой можно понимать и *описательную модель* ментального пространства как отдельной языковой личности, так и целой лингвокультурной общности, построенную на основе анализа закономерностей употребления языка (**КОНЦЕПТОСФЕРА₂**). Как и всякая модель, **КОНЦЕПТОСФЕРА₂** также обладает рядом отличительных признаков, которые позволяют стремиться к максимальной близости двух концептосфер, но не позволяют их полностью отождествлять. Среди таких признаков, как представляется, можно выделить абстрактность, относительную статичность, алгоритмичность активации элементов, наличие четко определенных границ между конституентами и т.д. (см. [Залевская 2005: 261]). Примечательно, что, как совершенно справедливо подчеркивает А.А. Залевская, единицами **КОНЦЕПТОСФЕРЫ₂** выступают **уже** не концепты, а конструкты - совокупность *моделей концептов, представляющих* структуру последних в схематизированной форме, являющая лишь часть той информации, которая составляет **КОНЦЕПТОСФЕРУ**, и реализуется в дискурсе [Залевская 2005: 359].

Вопрос о том, является ли такое разграничение лингвистическую концептосферу оперирующая конструктами, есть неизбежный вопрос, особенно в том случае, если объект его исследования является непосредственным наблюдением. Адекватность и ценность разрабатываемой лингвистической модели (как и многим другим, нелингвисти-

III. Уровневая категоризация естественного языка

ческим, моделям) могут придать репрезентативность фактического материала, комплексность анализа, его методологическая четкость и последовательность, а также открытость модели, проявляющаяся в возможности ее совершенствования, упрощения, выявления дополнительных системно-структурных связей внутри нее [Models of Reality 1984: lift]. Модели КОНЦЕПТОСФЕРЫ₂ могут отвечать всем перечисленным критериям в случае их корректного построения, вследствие чего такие модели вполне можно рассматривать как корректные научные репрезентации ментального пространства языковой личности. Тот факт, что лингвистические конструкции являются в большинстве своем описательно-иллюстративными, ни в какой мере не снижает их эвристических возможностей, и подтверждением тому является то, что импульс многих моделей такого рода «выходит за пределы искусства и словесности, распространяясь и на естественные науки» [Пашковский, Пиотровская, Пиотровский 2009: 127].

В современном английском языке можно выделить три основные модели лексической вербализации концепта: прямая, метафорическая и метонимическая вербализация.

Первая имеет место в том случае, когда концепт эксплицируется в языке готовой лексемой. Вместе с тем, установлено, что «большая часть обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична и метонимична», то есть язык и вся информационно-когнитивная система человека функционируют на основе метафоро-метонимических моделей, посредством которых осваивается и структурируется окружающий мир [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

Метафора создает область вторичных языковых знаков, характеризующих непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками конкретных физических предметов и частотно наблюдаемых явлений. Благодаря этому, метафора выполняет гносеологическую функцию, соотнося чувственно воспринимаемые признаки с отвлеченными и непосредственно не наблюдаемыми объектами (см, в частности, [Мишанкина 2010]).

Третья, **метонимическая модель** концептуальных структур ментального пространства индивида, основана на смежности различных фрагментов этих структур. Н.В. Рунова, вслед за З. Ковечешем и Г. Раденом, рассматривает метонимию как когнитивный процесс, который обеспечивает доступ к другому концепту-цели (**vehicle**) обеспечивает ментальный доступ к другому концепту-цели (**target**) в пределах одного домена; который представляет собой упорядоченную когнитивную репрезентацию фрагмента окружающей среды в виде набора концептуальных составляющих и отношений между ними [Рунова 2006].

О.А. Алимуратов

Основное отличие метонимической модели концепта заключается в том, что она выражает отношение между разными областями *одной и той же концептуальной структуры*, маркируя при этом *салиентные* „знаки данного концепта. Под салиентностью понимается способность объекта или явления выделяться на фоне группы других объектов того же типа; именно салиентностью объясняется фокусирование восприятия на наиболее важной части информации, полученной от органов чувств [Geeraerts Cuyskens 2007: 120]. Очевидно, что определенные сущности в силу своей природы больше других привлекают наше внимание. Действительность имеет сложную организацию, и множество вещей в мире происходит одновременно, поэтому каналы человеческого восприятия ограничены как с физиологической, так и с психической точек зрения. Для того чтобы воспринимать мир и понимать, что в нем происходит, необходимо быть избирательными и уметь упрощать (категоризировать) получаемую информацию в процессе ее обработки. То, что попадает при этом в поле нашего зрения, выделяется на фоне всего остального, и, вследствие этого, является салиентным [Goddard, Mean 2009: 45]. Данные салиентные характеристики отражаются в процессе номинации во внешней и внутренней форме лексических единиц.

Тот или иной концепт становится салиентным в тот момент, когда он находится в центре внимания говорящего и в дальнейшем вербализуется им. Таким образом, когнитивная салиентность является *временным свойством* концептов и их отдельных областей.

С другой стороны, рассматриваемое понятие может быть использовано не только в отношении активированных / неактивированных концептов, но и в отношении референциальной сферы дискурса, то есть - окружающей действительности. В этом случае речь должна идти об *онтологической салиентности*, под которой понимается свойство объекта или явления выделяться на фоне группы других объектов того же типа; именно салиентностью объясняется фокусирование восприятия на наиболее важной части информации, полученной от органов чувств. В таком понимании термин «салиентность» приобретает более статичный характер и рассматривается как перманентное свойство объекта окружающей нас действительности. Когнитивная и онтологическая салиентность взаимосвязаны, вследствие чего ментальное представление салиентной сущности активируются в речи чаще и быстрее,

Итак, понятие салиентности может обозначать как временно активированный концепт в сознании говорящего (когнитивная салиентность) и внутреннее, более перманентное свойство предмета, та или явления реального мира (онтологическая салиентность).

III. Уровневая категоризация естественного языка

В основе метонимического переноса, на наш взгляд, лежит *салиентность* отдельных частей воспринимаемого объекта в их представлении в рамках ИКС языковой личности. Основные закономерности метонимических процессов в ИКС сводятся к следующему:

- существует концептуальная структура А, которая должна быть активирована в определенном контексте;
- существует область В, являющаяся частью концептуальной структуры А, причем выбор В однозначно определяет А в рамках соответствующего дискурсивного контекста;
- по сравнению с А, В легче понять и распознать [Лакофф, Джонсон 2004: 33].

Таким образом, метонимическая модель ментального пространства языковой личности выражает связь между концептуальными областями А и В в рамках ИКС и указывает на функцию области В по отношению к А. Метонимическое моделирование концепта и концептосферы позволяет продемонстрировать *внутреннюю динамику* данных ментальных феноменов, выявить доминантные области, наиболее часто становящиеся салиентными, вскрыть межобластные связи в пределах одной концептуальной сущности.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Виноградов В.Л. Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009. С. 9-21.

Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 18-25.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология[^] Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн; М., 2000.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды М, 2005.

О.А. Алимуратов

Карпицкий Н.Н. Переживание целостности жизни как опыт мира бытия человека // *Философия. Наука. Культура.* Вып. 3. М., 2004. С. 123-128.

Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? // *Studia Linguistica Cognitiva:* Вып. 1. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. М., 2006. С. 135-156.

Кравченко А.В. Языковой семиозис и пределы человеческого познания // *Когнитивные исследования языка.* Вып. 3: Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. М.; Тамбов, 2008. С. 37-44.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М., 2004.

Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // *Когнитивные исследования языка.* Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 78-96.

Матурана У. Биология познания // *Язык и интеллект / общ. ред. В.И. Герасимова и В.П. Нерознака.* М., 1996. С. 103-157.

Мишанкина Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2010. № 1. С. 37-46.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Рунова Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Фуре Л.А. Концептуальные аспекты синтаксиса // *Когнитивные исследования языка. Когнитивные исследования языка.* Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 278-301.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1994.

Geeraerts D., Cuyckens H. The Oxford handbook of cognitive linguistics. N.Y., 2007.

Goddard A., Mean J. L. Language and gender. N.Y., 2009.

Johnson-Laird Ph.N. Mental Models. Towards a Cognitive Science Language, Inference, and Consciousness Cambridge, 1995.

Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. Berlin; N.Y., 2000.

Maturation Poerksen B. From Being to Doing. The Origins of the Biology of Cognition. The Netherlands, 2004.

Maxwell K. Brave New Words. London, 2007.

Rissler Sillings N.A., Weisler St.E., Chase Ch.H., Feinstein M.H., Garfield J.L., and E.L. Cognitive Science. An Introduction. Cambridge, Mass., 1998.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ПОЛИАСПЕКТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ФРАГМЕНТА МИРА

Способность к категоризации «является одной из центральных функций человеческого сознания, которая во многом определяет процессы и результаты познания мира и то или иное его понимание» [Болдырев 2000: 94]. Исключительная ценность понятия «категория» определяется тем, что оно позволяет свести бесконечное разнообразие человеческих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики.

По выражению В. Дорошевского, «общая и главная задача языкознания состоит в изучении того, каким образом языковое сознание расчленяет действительность на отдельные», то есть в чем состоят и каким образом протекают процессы языковой категоризации [Дорошевский 1973: 201]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «категоризация воспринятого - это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п.» [Кубрякова 1997: 25].

Когнитивная наука поставила вопрос о категоризации как вопрос о когнитивной деятельности человека. В теории прототипов категоризация сущностей связывается с выявлением их характеристик, которые объединяются по принципу фамильного сходства (см. работы Л. Витгенштейна, Э. Рош). Эти характеристики имеют отношение не к изначальным свойствам самого предмета, а к той роли, которую он играет в данной культуре: «категории, на которые мы делим природу, - не в самой природе, они возникают исключительно из взаимодействия между природой и нами» [цит. по: Болдырев 2000: 76-77].

В соответствии с современными подходами процессы языковой категоризации могут быть рассмотрены на разных уровнях - грамматическом, словообразовательном, лексическом. Таким образом, к числу языковых категорий могут быть отнесены категории грамматики, словообразования и лексики [Кубрякова 2004: 330]. Разграничение данных разновидностей категорий предполагает наличие у них специфических признаков и свойств.

Рассмотрим характеристики лексической категории на примере категории профессионального деятеля, подвергнутой нами многоаспектному анализу в динамическом аспекте [см. Голованова 2004; Голованова 2008]. Выбор данной категории обусловлен тем, что она занимает центральное положение в языке и культуре, находится на пересечении обыденного и специального знания: обозначения лиц по профессии выявляют значимый фрагмент действительности как с точки зрения профессионального познания и коммуникации, так и с точки зрения этнической культуры и актуализированного в языке общекоммуникативного знания.

Категория деятеля традиционно рассматривалась в лингвистике в рамках теории словообразования. Для рассматриваемой категории подобный подход оказывается недостаточным, поскольку средствами репрезентации профессионального деятеля в языке выступают не только слова, но и несколькословные единицы (слово- и фразеосочетания). Говоря о языковой категории профессионального деятеля, мы подразумеваем под ней всю совокупность лексических средств, объективирующих знание о субъектах профессиональной деятельности, то есть совокупность наименований лиц по профессии, реально существующих в языке, получивших в нем закрепление, а также возникающих в речи, не ставших еще фактом общего употребления.

Категория профессионального деятеля представлена в языке многотысячным корпусом наименований. Характеристики данной категории раскрываются при выявлении ее уровневой организации.

Целесообразно выделять семь основных уровней:

1. Высший	<i>Человек</i>
2. Метакатегориальный	<i>Деятель</i>
3. Категориальный	<i>Профессиональный деятель</i>
4. Суперординатный	<i>Рабочий Работник Специалист</i>
5. Базовый	<i>Аппаратчик Менеджер Инженер</i> и т.д.
6- Тематический	<i>Менеджер по продаже / сбыту / снабжению</i> и т.д.
• Субтематический	<i>Менеджер по продаже технологического оборудования</i> и т.д.

гор_и Уровень категоризации определяет место данной категории в составе концептуальной картины мира (антропосфера). Второй^{нь} ^{ьь}Делает признак, на основе которого производится класси-

III. Уровневая категоризация естественного языка

фикация представителей антропосферы, а именно - участие в активной, целенаправленной деятельности. Третий уровень ограничивает число мыслимых объектов сферой профессиональной деятельности, то есть деятельности, предполагающей наличие комплекса специальных знаний и умений, полученных в процессе обучения, осознаваемой человеком как профессия и являющейся основным источником его существования. Четвертый уровень категоризации служит для разграничения видов профессиональной деятельности в зависимости от ее характера и производимой продукции: творческая, производственная и управленческая. В терминах Ю.С. Степанова указанным видам деятельности соответствуют три культурологически значимых типа действий: добывающие, обрабатывающие и упорядочивающие [Степанов 2001: 315]. В основе каждой из выделенных сфер деятельности лежит доминирующая функция активного лица: создавать ситуацию, изменять ситуацию или контролировать ее.

Названные уровни имплицитно содержатся в языке в наименованиях лица по профессии (в семантике данных единиц), а также могут быть репрезентированы в виде самостоятельных обобщенных наименований нетерминологического характера: *человек, лицо, индивидуум; деятель, профессиональный деятель, рабочий, работник, специалист.*

Пятый - базовый - уровень дает представление о языковом осмыслении профессионального статуса отдельного человека (или группы лиц - на основе метонимического способа номинации). Лишь начиная с этого уровня можно говорить о собственно обозначениях лица по профессии в языке. Тематический и субтематический уровни отличаются степенью разработанности специализации лица. На тематическом уровне представлены мыслимые (и репрезентированные языком) объекты, имеющие не более одного конкретизирующего признака. На субтематическом уровне интегрированы объекты, имеющие два и более дифференцирующих признака.

Выделенные на суперординатном уровне единицы представляют собой универсальные классы объектов, которым соответствуют наименования с предельно обобщенной (в рамках того или иного языка для специальных целей) семантикой. Данные наименования служат в качестве стержневых слов для целого ряда многокомпонентных терминосочетаний, а значит, выявляют основополагающие характеристики субъекта профессиональной деятельности.

Единицы базового уровня не содержат указания на конкретную область применения профессиональных знаний и умений лица, но **ха**

Е.И. Голованова

актеризуют содержание его деятельности, например: *аппаратчик* — контроль за работой технологического оборудования, *оператор* - прием и обработка поступающей информации, управление сложными автоматизированными системами, *машинист* - управление различного типа машинами. Данные единицы являются средствами репрезентации общекоммуникативного и профессионального знания, они аккумулируют в себе общеязыковую и специальную информацию [Володина 1997]. К этому уровню можно отнести такие профессии, как *инженер, механик, слесарь, сборщик, контролер, техник, технолог, наладчик, лаборант, автоматчик* и др.

На тематическом уровне представлены термины, типичная структура которых помимо интегрирующего компонента содержит дифференцирующий компонент (конкретизатор). Ср.: *автоматчик по кристаллизации, инженер по землеустройству, инспектор по строительству, наладчик оборудования, оператор по загрузке, консультант по продажам* и т.п. Если сравнивать данную группу наименований с предыдущей, то перед нами окажется оппозиция *родовой термин: видовой термин*.

Субтематический уровень образуют узкоспециальные наименования профессий. Помимо дифференциатора-конкретизатора эти обозначения включают компоненты-уточнители, ср.: *слесарь по ремонту сантехнического оборудования, автоматчик по химической обработке полупроводниковых материалов, оператор по подготовке скважин к капитальному и подземному ремонту, техник по эксплуатации технических средств железных дорог, лаборант по механическим испытаниям строительных материалов*. Длина подобных терминов составляет от 3 до 7 элементов. Это самая многочисленная группа терминологических наименований.

Последний уровень объединяет единицы с высокой степенью терминологизации. Это наиболее информативные единицы терминосистемы, так как они фиксируют, хранят и транслируют профессионально значимую информацию о деятельности лица. Точность содержательного плана данных наименований поддерживается функционированием их в пределах узкопрофессиональной сферы.

Базовый уровень категоризации является тем уровнем, который °Дит в ядро коммуникативного сознания этноса, а значит, в большей пени усваивается всеми носителями языка. В ранние исторические и категория имени профессионального деятеля была представлена Существенно этим, базовым уровнем. Для овладения данным

III. Уровневая категоризация естественного языка

уровнем категоризации не требуется специальных, общетеоретически* 1 знаний об объектах, основу его в языке составляют краткие, наиболее^! частотные и контекстуально нейтральные слова.

Элементы базового, тематического и субтематического уровней организуются в системы, подсистемы и микросистемы понятий, котрым в языке соответствуют аналогичные совокупности номинативных ! единиц. Происходящий в языке постоянный процесс образования новых имен профессионального деятеля соответствует непрекращающемуся процессу усложнения концептуальной сферы профессиональной деятельности в связи с происходящими количественными и качественными изменениями человеческого опыта, человеческой практики в ' процессе эволюции общественного производства.

Представленное строение категории профессионального деятеля характеризует ее как *отражательно-ориентированную категорию* (по терминологии Е.С. Кубряковой), то есть предназначенную для категоризации мира бытийного, неязыкового (или внеязыкового). Данному типу категорий противопоставлены языковые категории в собственном смысле этого слова - *вербально-ориентированные*, то есть структурирующие свойства самого языка и его системы. Если первые, как отмечает Е.С. Кубрякова, появляются в языке в силу потребности объективирования знания о мире (исключая язык), то вторые - такую разновидность этих знаний, как знания о языке [Кубрякова 2004: 314]. По отражательно-ориентированным категориям можно судить, как сортируются фрагменты внешнего мира с помощью специальных языковых средств.

Моделирование в языке субъекта профессиональной деятельности демонстрирует действие механизмов категоризации, в результате которого неограниченное количество способов функционирования человека » совокупном производственном организме общества сводится к ограниченному числу языковых моделей. Нежесткий характер последних позволяет усложнять связи и отношения между концептуализированными в них смыслами в непрерывном процессе эволюции человеческого общества. J

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «образование категории тесно связно с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится» [КСКТ: 46]. В рамках категории профессионального деятеля таким концептом, организующим структуру всей категории, выступает концепт «профессия». Данный концепт является одним из базовых мeлЦ тальных конструкторов современного общества, одной из сложных и мно* гомерных составляющих концептосферы языка. Его значимость опрея* ляется местом профессии в структуре общественных отношений («знав*

Е.И. Голованова

(Бессиях - знания об обществе»), а также той ролью, которую играет профессиональная деятельность в социальной идентификации личности, в становлении и развитии (подробнее см. [Голованова 2001; 2004]).

Вся совокупность наименований лиц по профессии русского на протяжении его письменной истории выступает в качестве «деллирующей знаковой системы» (В.М. Лейчик), предназначенной для получения, хранения и трансляции информации о соответствующем фрагменте действительности.

Магистральные способы концептуализации субъекта профессиональной деятельности формируются на базе первичных (примарных) концептов универсальных для всех языков: объект, процесс, инструмент, продукт деятельности. В качестве дополнительного концепта, включенного в этот список, выступает важнейший онтологический концепт «место», «пространство». В соответствии с этим набором примарных концептов выделяются четыре основных способа концептуализации лица: 1) инструментальный (*крановщик, гарпунер, комбайнер, весовщик*), 2) процессуальный (*сборник, резчик, вязачьщик, упаковщик*), 3) предметный (*жестячник, каменщик, мраморщик, стекольщик*), 4) экстернативный (*печник, макетчик, модельщик, лекальщик*), 5) локативный (*шахтер, подводник, бармен, библиотекарь, банищик, киоскер* и др.) На периферии исследуемой концептуальной структуры находятся метафорический и метонимический способы концептуализации. В тот или иной исторический период на первый план в интерпретации профессионального деятеля выдвигается определенный аспект деятельности.

Формирование категории профессионального деятеля как ментальной и языковой сущности берет свое начало с древнейших исторических эпох и происходит одновременно со становлением профессиональных сфер деятельности. Факт окончательного обособления того или иного вида профессиональной деятельности получает закрепление в соответствующих обозначениях лица по профессиональному признаку, образованных на основе продуктивных моделей.

История этой группы наименований демонстрирует смену доминирующих способов интерпретации профессионального деятеля. Меняется действительность - требуются иные модели для ее интерпретации. Языковой знак удерживает и фиксирует не всю информацию, связанную с объектами и ситуациями, а фокусирует внимание лишь на определенных деталях. Иными словами, во вновь создаваемых единицах номенклатуры отражается присущий данному периоду вектор ориентации коллективного сознания. Изменение фундаментальных основ структурирова-

ния деятельности приводит к «перепрофилированию» средств номинации, к перенесению центра тяжести с одного аспекта деятельности на другой. В целом же набор мотивирующих признаков остается неизменным.

Развитие категории профессионального деятеля может быть представлено как смена когнитивного типа, под которым понимается доминантная когнитивная модель номинации, представляющая ход мыслительной деятельности человека по созданию нового имени и отражающая особенности определенного этапа развития человеческого общества. Эпохе ремесленной, организации труда соответствует экстернативный, мануфактурному периоду - процессуальный, индустриальной эпохе - инструментативный когнитивный тип. Для современного постиндустриального периода характерно усложнение структуры наименований лиц по профессии, комплексное выражение совокупности дифференциальных признаков субъекта профессиональной деятельности, при этом доминирующим способом концептуализации деятеля является объектный (по основному объекту и шире - сфере профессиональной деятельности). Общий принцип саморазвития, движения в системе наименований лиц - ротационный: происходит регулярная смена доминантных моделей номинации, соответствующих направлению концептуальной интерпретации роли человека в преобразовании мира.

Факт существования в языке сфокусированной картины в репрезентации фрагментов действительности, факт сознательной фокусировки знания при его объективации языком не раз становился объектом пристального внимания лингвистов. Так, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что «в естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми <...>, «онтология» явлений, как она представлена языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность», при этом «любые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» (выделено нами. -Е.Г.) [Булыгина, Шмелев 1997: 7].

О взаимосвязи языковой концептосферы с тем или иным социально-культурным контекстом, о влиянии на формирование концептов социально-экономической модели общества пишет А.П. Бабушкин: «Концептосфера языка чутко реагирует на изменения в обществе. Социальное моделирование влечет за собой языковое моделирование» [Бабушкин 1999: 76]. Близкую точку зрения высказал А.С. Герд: «Логическая понятийная система <языка> строится как модель знаний о мире в фоновом или ином ареале для определенного исторического периода» [Герд 1995: 65]. Развитие процессов языковой концептуализации и категоризации

Е. И Голованова

¹ и не может быть понято без учета социально-исторического факто-
³³ ибо «язык не существует вне человека, а человек не существует вне времени» [Кравченко 2001: 16].

Доминантная когнитивная модель номинации, представляющая ход мыслительной деятельности человека по созданию нового имени и отражающая особенности определенного этапа развития человеческого общества, обозначена нами термином *когниотип*. Когниотип¹ является проявлением настроенной модальности восприятия в тот или иной исторический период, что обусловлено опытом взаимодействия человека с окружающей средой в процессе деятельности. Целью осуществляемой в названиях профессионального деятеля интерпретации является лучшая адаптация человека к среде. Иначе говоря, через когниотип осуществляется адаптивная деятельность человеческого сознания, суть которой «состоит в контроле информации» [Кравченко 2001: 240].

В эпоху ремесленного производства категория имени деятеля преимущественно формировалась за счет наименований, указывающих на продукт деятельности ремесленника. Это период реализации «продуктивного», или экстернативного, когниотипа, ср.: *бердник, гвоздарь, гребенщик, зеркальщик, иконник, каретник, канатчик, кисельник, игольник, смоляник, хомутильник* и т.п. В период мануфактурной организации труда в качестве ведущего способа концептуализации лица по профессии выдвигается процессуальный (операциональный). Смена когниотипа в данном случае была обусловлена дифференциацией отдельных звеньев многоступенчатого производства и выделением «детального рабочего» как основной производственной единицы: *толчейщик, ковищик, катальщик, литейщик, тильщик, обжигальщик, отгребальщик, подставщик, промывальщик, прядильщик, сеяльщик, таскачьщик*. Период крупной машинной индустрии (эпоха НТР) отмечен переориентацией в формировании категории имени деятеля на инструментативный способ концептуализации, что связано с фронтальными изменениями в характере труда, а именно - переходом от ручного труда к машинному на всех этапах производственного процесса. Например: *автоматчик, аппаратчик, вальцовщик, дизелист, машинист, станочник, фрезеровщик, транспортерщик, бензопильщик,*

¹ Термин весьма отдаленно соотносится с термином «когниотип» в функциональном прагматической концепции текста А.Г. Баранова, где под ним понимается пропозиционально-когнитивный уровень (компонент) текста, то есть логическая структура текста, рассматриваемая как способ представления знаний.

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

автогрейдерист, газосепараторщик, дробеструйщик, карищик, крановщик, гидропрессовщик.

Современная эпоха (постиндустриальный период) характеризуется новым когнитивным типом - объектным. Выделяя данный когнитивный тип, мы учитываем наблюдающееся усложнение структуры обозначений лица по профессии и актуализацию в них различных аспектов профессиональной деятельности. В новых условиях объект получает расширительную интерпретацию: это не просто то, на что направлена деятельность, это область профессиональной деятельности в целом. **Ср • дизайнер, визажист, флорист, имиджмейкер; специалист по видеомонтажу (по управлению имуществом, по рекламе, по сбыту, по ценным бумагам, по внутреннему аудиту и т.д.).**

Главный принцип движения внутри категории профессионального деятеля можно обозначить как ротационный: происходит регулярная смена ведущих моделей номинации, за которыми стоят соответствующие когнитивные модели. Развитие данной лексической категории предстает как непрерывный процесс становления новых форм, сменяющих старые, и как циклически повторяющаяся смена когнитивного типа. При этом подобно тому, как «в биологической эволюции ранние формы жизни лишь частично вымирают, а в значительной мере эволюционируют, приспособившись к новым условиям, в человеческой истории и культуре выделение новых доминант отнюдь не приводит к исчезновению предшествующего» [Лотман 2000: 655].

Изменение среды жизнедеятельности человека (а профессиональная сфера является ее составной частью) влечет за собой приспособительную реакцию языка как глобальной информационной системы, из которой человек черпает (и через которую транслирует) не только знание о предшествующих этапах развития общества, но и знание об изменяющемся сегодняшнем мире. Смена когнитивного типа, таким образом, суть проявления адаптивной и ориентирующей функций нашего сознания и языка как средства его объективации. Человеческое сознание выступает при этом как сложная когнитивная система, способная к развитию и саморазвитию, моделирующая мир и преобразующая его в процессе деятельности. Поскольку сознание является продуктом опыта, предметно-практической деятельности человека, существенное изменение содержания деятельности, способов ее организации влечет за собой переориентацию структур сознания, а следовательно, и языковых форм его объективации.

Е.И. Голованова

С когнитивных позиций происходящий в языке постоянный процесс образования новых имен в рамках лексической категории, их встраивание в существующую систему наименований, происходящие в лексических совокупностях «структурные переналадки» оказываются обусловлены непрекращающимся процессом усложнения концептуального образа мира, количественными и качественными изменениями человеческого опыта, человеческой практики и эволюцией общества в целом.

Литература

Бабушкин А.П. Обновление концептосферы языка как социолингвистическая проблема // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов, 1999. С. 75-80.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация (на материале русской грамматики). М., 1997.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск, 2004.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М., 2008.

Голованова Е.И. Когнитивно-лингвистическое описание концепта «профессия» // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: сб. ст. по матер. междунар. науч. конф., поев. 85-летию Б.Н. Головина. Н. Новгород, 2001. С. 77-80.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.

КСКТ- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.,

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2006.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

ВИДЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ФОРМАТЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ*

Предметом исследования являются некоторые виды лексической категоризации, в которых получают отражение разные пути систематизации знаний о мире.

Под лексической категоризацией понимаются языковые процессы объединения лексики в классы (например, объединение на основе общности семантики, структурных элементов). Функцию систематизации выполняют не только процессы объединения объектов, то есть собственно категоризация, но и процессы иного типа, в частности, сравнение объектов. Ссылаясь на мысль А.А. Потебни, М.М. Копыленко и З.Д. Попова подчеркивают, что «сравнение является средством обобщения фактов окружающей нас действительности» [Копыленко, Попова 1989: 119]. З.А. Харитончик высказывает аналогичную мысль о том, что отсылка к объекту в процессе сравнения осуществляется прежде всего в целях классификации явлений [Харитончик 2004: 26]. Сказанное позволяет отнести процессы ассоциирования объектов на базе сравнения также к процессам лексической категоризации, но иного типа - компаративной категоризации [Гольдберг 2007]. Таким образом, в основе процессов лексической категоризации можно увидеть две модели: парадигматическую (собственно категоризация) и синтагматическую (компаративная категоризация).

В качестве определяющего параметра для разграничения отдельных видов лексической категоризации мы рассматриваем их языковые сигналы. Поскольку в лексической категоризации получают отражение процессы познания мира, выявляемые лексические сигналы свидетельствуют как о состоявшейся лексической категоризации, так и о стоящих за ней когнитивных процессах. Попытаемся далее систематизировать виды лексической категоризации по их языковым сигналам.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы и Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-04-00196а «Оценочная категоризация мира в русском и западноевропейских языках».

Проанализируем процессы лексической категоризации, осуществляющиеся по парадигматической модели. В качестве сигналов лексической категоризации выступает идентифицирующая и признаковая лексика [Арутюнова 1998: 2]. Идентифицирующая лексика в роли сигналов категоризации представляет собой абстрагированные имена категорий, отражающие гештальтное знание о некотором фрагменте действительности. Имя категории как отражение абстрагирующей деятельности сознания (*ягоды, плод, птица, артиллерийское орудие* и т.д.) является наиболее очевидным сигналом состоявшейся категоризации, поскольку подобное «категориальное обобщение» [Кубрякова, Ириханова 2007: 8] подсказано языком.

Абстрагированное имя как сигнал категоризации обнаруживается в словарных толкованиях (ср. «опорная точка внутриязыковой референции при толковании значений отдельных слов», «прототип в процессе языковой репрезентации знаний» [Болдырев 2009]). Сигналом лексической категории «Птица» является абстрагированное имя птица: дятел Лесная лазящая *птица* с сильным клювом; синица Небольшая пестрая *птица* отряда воробьиных и т.д. (здесь и далее толкования заимствованы из [Толковый словарь] и [Webster]). В основе подобной категоризации лежит общность объектов по сущностным признакам, получившим отражение в словарной дефиниции. Выделение категорий посредством специального системного имени свидетельствует об их значимости для человека.

Тогда как абстрагированные имена указывают непосредственно на сформировавшуюся категорию, остальные виды категоризации получают косвенные сигналы, открывающиеся исследователю лишь в результате детального анализа контекстов, частотных компаративных словосочетаний и сочетаний, построенных по моделям «запах чего-либо», «пахнуть чем-либо», словарных толкований, словообразовательных средств в контекстах разного типа. В качестве косвенных сигналов категоризации выступает идентифицирующая лексика базисного Уровня и признаковая лексика. Идентифицирующие имена базисного Уровня передают представления о признаках объектов [Кубрякова^{У6}] - цветовых, одорических признаках, форме и т.д., что дает основания для опоры на концепт этих объектов в процессе субъективного осмысления действительности, а также познания специальных, не широко известных предметов и явлений. В основе категоризации, определенных ^{ОИ} косвенными сигналами, лежит общность объектов по сущностным признакам или признакам, которые обычно присущи объектам.

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Поскольку среди косвенных сигналов преобладает признаковая лексика, рассмотрим далее процессы категоризации, сигналом которых являются повторяющиеся в контекстах разного типа признаковые единицы. Признаковую лексику составляют единицы, репрезентирующие концепты ЦВЕТ, ФОРМА, ЗАПАХ и др.

Цветобозначения являются сигналами формирования общей категории «Объекты, выделяемые по цветовому признаку» и частных категорий: «Объекты, выделяемые по признаку *белый цвет*», «Объекты, выделяемые по признаку *красный цвет*», «Объекты, выделяемые по признаку *зеленый цвет*» и т.д. Цветобозначения как сигналы категоризации обнаруживаются в компаративных сочетаниях, словарных толкованиях.

Например, основание *белый* в компаративных сочетаниях *белый как молоко / сметана / мука / мел / снег / бумага / полотно / саван/лебяжий пух* и т.д. свидетельствует о том, что носитель языка осмысляет белый цвет путем опоры на знание о цвете целого ряда объектов и, следовательно, видит нечто общее в этих объектах. Общность признаковой единицы *белый* сигнализирует о состоявшемся процессе категоризации, в результате которого формируется лексическая категория «Объекты, выделяемые по признаку *белый цвет*». Аналогичным образом выявляется лексическая категория «Объекты, выделяемые по признаку *белый цвет*» в английской языковой картине мира: *white as milk/snow / a sheet / a ghost / a lily*.

В словарных толкованиях также обнаруживается повтор признакового слова как сигнал увиденного человеком сходства между целым рядом объектов, то есть сигнал состоявшейся категоризации. Например, *белый* и *white* - сигналы категорий «Объекты, выделяемые по признаку *белый цвет*»: молоко *Белая жидкость...*; мел *Мягкий белый известняк...*; снег *Атмосферные осадки — белые пушинки, хлопья...*; саван *Широкое одеяние, покров из белой ткани...*; *milk an opaque white or bluish-white liquid...*; *snow frozen atmospheric vapour falling to earth in light white flakes*. *Красный* и *red* - сигналы категорий «Объекты, выделяемые по признаку *красный цвет*», кровь *...обращающаяся в кровеносной системе красная жидкость*; земляника *Многолетнее травянистое растение сем. розоцветных, дающее сладкие ягоды красного цвета*; мак *Травянистое растение с длинным стеблем и крупными, чаще красными, цветками*; клюква *Стелющийся болотный кустарничек сем. брусничных с красными кислыми ягодами...*; *blood usu. re*

fluid' cranberry shrub with small *red* acid berries; raspberry a *red* blackberry-like fruit и т.д.

К ядру подобных категорий можно отнести единицы, которые в словаре представлены как готовое объединение, ср.: *белый*: цвета снега или мела; *white* of the colour of milk or snow; *красный*: цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака; *черный* - цвет сажи и угля.

Категоризация объектов по их цветовому признаку актуальна для человека, что подтверждается, к примеру, рекомендациями, где раскрывается влияние на здоровье человека продуктов разных цветовых категорий: *белые* продукты - рис, молочные продукты, картофель, банан, белые сорта рыбы; *красные* продукты - свекла, помидоры, красные яблоки, гранаты, вишня, клюква, свекла, красный перец, редис, ревень, красная рыба; *оранжевые* продукты - апельсины, абрикосы, морковь и т.д. [Здоровье]. Подобные категории актуализируются также в учебном процессе при семантизации изучаемой лексики. Например, семантизируя единицу *red*, преподаватель подберет для иллюстрации целую категорию и подкатегории объектов, колоративный признак которых воспринимается как красный.

Сигналы категоризации, ведущей к объединению объектов по признаку формы, обнаруживаются в частотных компаративных словосочетаниях, словарных толкованиях. Например, повтор признакового слова *круглый* в ряде компаративных словосочетаний сигнализирует о формировании категории «Объекты, выделяемые по признаку *круглая форма*»: *круглый*, как шар / мяч / яблоко (здесь и далее примеры заимствованы из [НКРЯ] и [BNC]):

Военный, *круглый*, как шар, сидя у окна, надувал синее лицо... (М. Горький); *Круглая*, как мяч, голова его с широким, плоским лицом была коротко острижена (А.И. Свирский); Санин еще раз окинул взором его грузную фигуру, его голову, шею, его высоко поднятый, *круглый*, как яблоко, подбородок... (И.С. Тургенев). Таким образом, признаковое слово *круглый* сигнализирует об основном составе лексической категории «Объекты, выделяемые по признаку *круглая форма*»: Шар, мяч, яблоко.

Словарные описания малоизвестных предметов выявляют ряд идентифицирующих имен базисного уровня, выполняющих функцию

^оПоры ('Руша, колокол, нить, сур, баг и др.). Это позволяет рассматри-

^в Данные единицы и их производные как сигналы сформированных категорий. Покажем некоторые из них:

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

«Объекты грушевидной формы» - айва (южное дерево семейства розоцветных с твердыми ароматными плодами, похожими по ф о р ^ 1 на яблоко или грушу...; *цолбра* - казахский и киргизский двухструнный щипковый музыкальный инструмент грушевидной формы;

«Объекты, имеющие форму колокола» - *ландыш* (травянистое растение сем. лилейных с душистыми мелкими белыми цветками в форме колокольчиков); *лилия* (луковичное растение с прямым стеблем и крупными красивыми цветками в виде колокола);

«Объекты нитевидной формы» - *волокно* (клетка животной или растительной ткани, имеющая нитевидную форму); *провода* (металлическое изделие в виде нити);

«Объекты П-образной формы» - Дом, в котором нам предстояло жить, был выстроен буквой «П»... (С. Пилявская); Впереди, на обочине трассы, стоит П-образный бетонный блок автобусной остановки («Солдат удачи»).

Сигналы выделенных конкретных категорий зафиксированы также словообразовательными средствами - в системных прилагательных с очевидной внутренней формой: *грушевидный, нитевидный, шарообразный, воронкообразный*.

Аналогичным образом были выявлены английские категории. Таким образом, идентифицирующие имена базисного уровня сигнализируют о категориях, членами которых являются, как правило, идентифицирующие имена субкатегориального уровня (*айва, волокно, домбра, ландыш, bolster duffle, cradle, udder, cup-cake, tulip, acorn* и др.).

В словарных толкованиях обнаружилось сигналы более широкой лексической категории «Объекты, выделяемые по признаку формы»: *похожий по форме на...; -видный; в форме...; в виде...; напоминающий по форме...; имеющий... форму, -образный, shaped like* и т.п.]

Рассмотрим еще один вид категоризации, сигналом которого является признаковая лексика - глаголы и существительные, несущие сему 'запах': *пахнуть, нести чем-либо, аромат, smell (v,n), stink, scent, odour* и др. На базе наиболее частотных сочетаний выявляются русская и английская категории «Объекты, выделяемые по одорическому признаку»:

Все кругом *пахло гарью...* (О. Павлов); От нее *пахло дымом* и дорогими *духами* одновременно (А. Грачев); Утром меня будит *аромаж цветов...* (Е. Голованова); От гладкой розовой щеки *пахло духами, фе, ванилью...* (Т. Устинова); ...от него так уютно и крепко *пахло "ЩЯ баком* (Ю. Герт); В этом переулке постоянно и сильно *пахло рыбой-'1*

В. Б. Гольдберг

/Саша Соколов); Пахло луком и разными другими овощами...

Д- Скалдин); В сенях пахло **капустой** и вениками... (Вс. В. Иванов);

... on the breeze came the faintest *scent* of **flowers**; The *scent* of **roses** wafted to her...; ...a delicious *odour* of **coffee** began to permeate the room; There was the usual pub *smell* of stale **tobacco**; ...the air was permeated with the acrid *stink* of **burning**; ...*scent* of coal **smoke** billowed from a brick chimney; ...the *smell* of frying **bacon** made Hilary's mouth water; It *smells* like **oil**; The *smell* of **sweat** was overwhelming.

Представленный фактический материал выявил следующие члены русской и английской категорий «Объекты, выделяемые по одорическому признаку»: *гарь, духи, дым, цветы, табак, рыба, кофе, лук, ваниль, капуста; flowers, roses, coffee, tobacco, burning, smoke, frying bacon, oil, sweat*. Для уточнения состава этой категории целесообразно обратиться к описаниям ароматизированных средств. Очевидно, что производители моющих средств опираются на известные запахи, легко опознаваемые покупателем: морская свежесть, цветочный запах, запах конкретных плодов, цветов, других растений: апельсин, арбуз, вишня, грейфрут, дыня, клубника, лимон, малина, персик, яблоко; green apple, strawberry, raspberry, watermelon, apricot, orange, lime, lemon, jasmines, lavenders, rose, sandal.

Полипризнаковость многих объектов делает знание о них опорной точкой референции для осмысления целого ряда признаков. Это отражается в частотных компаративных словосочетаниях с общим опорным элементом, сигнализирующим о лексической категоризации, например, *румяный как яблоко / яблочко, круглый как яблоко; легкий как пух, мягкий как пух*, ср.:

Как *яблочко* **румян** (Большой толково-фразеологический словарь Михельсона); ...Катерина Ивановна... возвращалась с теплыми ногами, **румяная** как *яблочко* (О. Славникова); Рядом со сватом - **румяный**, как *яблочко*, Авдеич Брех... (М. Шолохов); Вера Васильевна-уходила по набережной в ночь, покачиваясь на **круглых**, как *яблочко* каблуках (Т. Толстая); Кирилл слышал, что земля **круглая**, как *яблочко*... (Н.И. Костомаров);

Гамлет брал из ее рук **легкий**, как *пух*, шарф... (М. Козаков); но... **Легкое**, как *пух*... (Б. Окуджава); ...сняв пилотку, стала рассчитывать ^{Вать сво} и детские, **мягкие**, как *пух*, волосы (К. Симонов); Чайника-лучше, -умилялась полная, **мягкая**, как *пух*, Соня... (Ю. Мамлеев).

Таким образом, идентифицирующие имена базисного уровня *яблочко* и *пух* выполняют функцию косвенных сигналов о категориях, объе-

диняющих признаковую лексику и идентифицирующее имя: *румяный круглый* и *яблоко*; *легкий, мягкий* и *пух*. Такие категории можно квалифицировать как меронимические, где идентифицирующее имя **репрезентирует** концепт целого, а признаковые имена - концепты его частей.

Объективность меронимических категорий получает подтверждение в наиболее частотных реакциях, данных испытуемыми в ходе ассоциативного эксперимента, например: *яблоко / яблочко - румяное, круглое; пух-легкий, мягкий* [Ассоциативный словарь 2002: 533, 744]. Не менее надежным доказательством объективности и востребованности меронимических категорий являются загадки, например: *Круг, лог, румяное, / Я расту на ветке... (яблоко)* [Ответы].

Таким образом, были выявлены прямые и косвенные **сигналы** категоризации, осуществляемой по парадигматической модели, и сформировавшиеся категории. Категории различаются по **степени** психологической выделенности. Думается, что определяющим фактором в этом случае является вероятность ожиданий, управляемых лексическим сигналом категоризации. Известно, что ожидания лежат в основе обработки информации [Шенк, Лебовиц, Бирнбаум 1983; Дейк, Кинч 1988], а категоризация - определенный способ обработки информации. Чем ниже вероятность ожидания членов категории, тем дальше от прототипа будет находиться данный вид категоризации.

Наиболее выделены категории, имеющие прямой сигнал - имя категории, которым является абстрагированная системная лексическая единица (мебель, птица и др.). Данный сигнал (например, птица) **управляет** ожиданиями с большой степенью вероятности (птица - воробей, синица, ворона и т.д.). Если рассматривать виды категоризации в формате отдельной категории, можно заключить, что категоризация, имеющая **системный** языковой сигнал, получит статус прототипа такой категории.

Менее выделены категории, обнаруживаемые по косвенным сигналам, так как они не имеют обобщающего имени. Такая категория идентифицируется метаязыковым описанием нелексикализованного **концепта**: «Объекты, выделяемые по цветовому признаку», «Объекты, выделяемые по признаку *красный цвет*», «Объекты, выделяемые по признаку **форма**», «Объекты, выделяемые по признаку *круглая форма*», «Объекты, выделяемые по одорическому признаку» и т.д. Модель подобных категорий ("идеогруппа" - была представлена нами ранее [Гольдберг 2000].

При обработке дискурсивной информации управление ожиданиями имеет, в соответствии с развертыванием речи, вектор «слева на^право». Из этого следует, что среди косвенных сигналов наиболее вы

кую вероятность ожиданий должны демонстрировать сигналы, являющиеся основаниями частотных компаративных сочетаний. Например языковое знание заставляет реципиента, воспринявшего фрагмент *белый как*, ожидать какой-либо из достаточно ограниченного числа опорных элементов частотных компаративных сочетаний: **молоко**, сметана, **мука, мел, снег, бумага, полотно** и т.д. Аналогичным образом фрагмент *white as* управляет ожиданием единиц **milk, snow, a sheet, a ghost, a lily** и т.д. Ожидания, которые управляются фрагментом *круглый как*, формируют множество **шар, мяч, яблоко**. Такой же степени выделенности характеризуются русские меронимические категории, сигналом формирования которых являются опорные элементы *яблоко / яблочко, пух*. Это обусловлено возможностью обратного порядка слов в русском высказывании: как *яблоко / яблочко румян(ый) / круглый*; как *пух легкий / мягкий*. Когнитивной основой данного вида категоризации является осознание множества, которое составляют ожидаемые единицы. Если рассматривать виды категоризации в формате отдельной категории, данный вид категоризации составит центр такой категории. Аналогичная степень выделенности может быть продиктована энциклопедическим знанием об определенной концептуальной сфере. Так, в рамках сферы «Бытовая химия» ожидания, которые управляются словом *запах*, формируют широкое, но вполне предсказуемое множество единиц, составляющих категорию «Объекты, выделяемые по одорическому признаку»: апельсин, арбуз, вишня; green apple, strawberry, raspberry, watermelon, sandal и другие.

На периферии будут находиться виды категоризации, выявляемые по присутствующим в словарных толкованиях лексическим сигналам, которые репрезентируют признаковые концепты ЦВЕТ, ФОРМА, ЗАПАХ: *похожий по цвету на...*, *по форме похожий на...*, *по запаху напоминающий...* и т.д. Ожидания, управляемые таким сигналом, довольно многочисленны и поэтому обладают низкой степенью вероятности. Анализ возможных ожиданий не позволяет исчислить состав категорий «Объекты, выделяемые по цветовому признаку», «Объекты > выделяемые по признаку формы», «Объекты, выделяемые по одорическому признаку». Это может быть сделано лишь путем направленного лингвистического анализа. Следовательно, данные категории ^{оладак>т} значительно меньшей степенью выделенности и, ^{Дим} ^{оладак>т} менее актуальны для процессов познания.

Усмотренные категории парадигматического типа формируются ^в ^{уг} ^{кон} концептов, отражающих сущностные признаки, отраженные в

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

словарной дефиниции, или признаки, которые обычно присущи объекту. Совершенно иной характер имеет категоризация, осуществляющаяся по синтагматической модели - компаративная категоризация. Наличие образного сравнения сигнализирует о том, что состоялось ассоциирование двух объектов на базе сравнения. Поэтому образное сравнение само является сигналом лексической компаративной категоризации.

В отличие от рассмотренных видов собственно категоризации, компаративная категоризация основана на сходстве между двумя объектами, подмеченном данным наблюдателем в данном эпизоде. Компаративная категоризация - эпизодическая, получающая выражение в индивидуальных сравнениях. Приведем описания плачущего мужчины:

Обычно он плакал как ребенок [...] он плакал, как мужчина (В. Токарева); ...он плакал, как девочка... (А. Матвеева); Я плакал, как барышня (В. Смехов); Или же плакал, как плачут женщины (В. Маканин); ...он, сидя в последнем ряду, «плакал как баба»... (С. Пилявская); Плакал как ребенок, но не ребенок вообще, а как он сам, когда был маленьким (Г. Щербакова).

Соотнесение объекта сравнения - события «мужчина плакал» - с неограниченным числом когнитивных опор, составляющих открытое множество, обусловлено субъективностью осмысления наблюдаемого эпизода и опорного объекта говорящим. Поэтому ожидание выбранной говорящим когнитивной опоры, и тем более ее языкового выражения, имеет очень низкую вероятность. Это диктует отнесение компаративной категоризации к отдаленной периферии такого явления, как лексическая категоризация.

Проведенный анализ показал, что состоявшиеся процессы категоризации получают сигналы на лексическом уровне. Разграничение прямых и косвенных лексических сигналов позволяет типологизировать виды категоризации и рассматривать их в формате прототипической категории. Выделение прототипа и удаленность от прототипа определяются вероятностью ожиданий, управляемых сигналами категоризации. Центральная или периферийная позиция того или иного вида категоризации в данной структуре отражает его актуальность для процессов познания.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М, 1998.
Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // КогнитивН»| исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

В. Б. Гольдберг

Гольдберг В. Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»): монография. Тамбов, 2000. 232 с.

Гольдберг В. Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 71-80.

Дейк Т. А. еан, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 153-211.

Здоровье. URL: <http://zdorovja.com.ua/content/view/137/69/> (дата обращения 13.07.2010).

Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1989.

Кубрякова Е. С. Базисный уровень категоризации // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 14-15.

Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 3-12.

НКРЯ - Национальный корпус русского языка. URL: <http://guscorpora.ru/> (дата обращения 13.07.2010).

Ответы. URL: <http://otvet.mail.ru/question/18911274/> (дата обращения 13.07.2010).

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во «Астрель», 2002. 782 с.

Толковый словарь - Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (электронное издание).

Харитончик З. А. Очерки о языке. Минск, 2004.

Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983. С. 401-449.

BNC - British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (Дата обращения 13.07.2010).

Webster - Random House WEBSTER'S Unabridged Electronic Dictionary. 1996.

**ЕДИНИЦЫ ЯДРА
МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ЧЕЛОВЕКА
КАК «ТИПИЧНЫЕ ПРИМЕРЫ» КАТЕГОРИИ**

Для индивидуального сознания восприятие слова выступает в виде неразрывного единства двух сторон одного и того же явления, а именно как имени ОБЪЕКТА и лишь затем ИМЕНИ объекта. То есть, носитель языка, для которого метаязыковая деятельность не является специальностью, практически не различает слова и называемые ими объекты (точнее, конечно, отражение объектов в сознании (см. об этом: [Жинкин 1982; Залевская 1990; Маскадыня 1988]).

Вследствие этого становятся объяснимыми широко наблюдаемые в материалах психологических и психолингвистических экспериментов факты, когда испытуемые, работающие с вербальными стимулами, оперируют, тем не менее, не словами, а мысленными образами соответствующих объектов и знаниями об их качествах и отношениях к другим объектам. Так, предъявляемое слово *buffalo* вызывает у англоязычных испытуемых мысленный образ реального животного, которое они на основании хорошо известных признаков относят к категории ANIMAL [Toglia, Battig 1978].

Тольи и Бэттиг, авторы цитируемого исследования были заинтересованы получить числовые данные для значений слов, предъявленных в эксперименте, с точки зрения легкости нахождения испытуемыми названий суперординатных категорий для этих слов. Предполагалось, что слова различаются по степени легкости, с которой они могут включаться в более обширную категорию или класс. Некоторые слова могут принадлежать к одной или нескольким категориям, в то время как другие вообще трудно подвергнуть категоризации.

В связи с этим в инструкции испытуемым в качестве примера возможного реагирования приводилось слово *buffalo*, поскольку обозначаемое этим словом животное очень легко сразу отнести к категории четвероногих (диких) животных и вследствие этого высоко оценить названное слово по шкале категориальности (*categorisability*). С другой стороны, слово *relevant*, очевидно, очень сложно подвергнуть сколько-нибудь осмысленной категоризации, поэтому испытуемые®! приписывают этому слову очень низкие оценки по шкале категория*

ьности. Как было отмечено, в подобных случаях то или иное решение принимается испытуемым на основании того, что лежит за словом, не предъявленной в эксперименте вербальной единицы.

Основываясь на данных, представленных по параметру категоризуемости в семантических нормах Толби и Бэттига, мы получили достаточно выраженные средние величины по рассматриваемому параметру для единиц ядра ментального лексикона на материале английского языка [Золотова 2005: 100], что позволяет сделать вывод об исследуемых словах как единицах, легко включаемых носителями английского языка в более общую категорию. Способность единиц ядра без усилий и быстро вызывать в качестве ассоциата название суперординационной категории позволяет рассматривать их в качестве так называемых ((типичных примеров) данных категорий).

Феномен типичности занимает особое место в современных исследованиях категориальной организации. В этом отношении показательны работы Э. Рош [Roch 1973; 1974 и др.], построенные на нескольких основных тезисах, которые можно сформулировать следующим образом: реальный мир каким-то образом структурирован, что находит отражение в сознании человека. Категории характеризуются своеобразной внутренней структурой с неравноправным положением членов категорий между собой. Это предполагает наличие членов категорий, обладающих большей психологической значимостью (так называемые «лучшие примеры»), воплощающих в себе сущность категорий, и менее типичных членов, принадлежность которых к категории менее обоснованна. Члены категории упорядочены по степени типичности: менее типичные члены расположены на периферии категорий, по мере увеличения типичности члены категории приближаются к центру и группируются вокруг наиболее типичных, ярких членов категории, названных Э. Рош «естественными прототипами» (см.: [Rosh 1974]).

Анализируя внутреннюю организацию ряда житейских категорий (оттенки цвета, мебель, преступления, эмоциональные выражения лица и т.д.), Э. Рош описала факт различной типичности отдельных представителей данных категорий: например, *стол* скорее может служить прототипом категории МЕБЕЛЬ, чем *секретер*. Таким образом, согласно Э. Рош, категории определяются свойствами прототипичных членов (объектов) этих категорий. Например, степень соответствия неоторого существа категории ПТИЦА - это функция от тех свойств, °рое это существо разделяет с такими прототипичными птицами,

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

как воробей, малиновка и т.п. Причем под свойствами понимаются! «свойства, релевантные с точки зрения человека», то есть перцептуальные свойства, целевые свойства и т.п. [Лакофф 1981: 356].

Кроме выделения прототипов Э. Рош принадлежит также выделение базисного уровня в иерархии включения классов внутри категории и обоснование его особого статуса. Как показали многочисленные эксперименты с носителями языка, категории которые не являются фундаментальными с теоретической точки зрения, являются психологически «базисными». Такие слова, как *собака* и *стол* занимают промежуточное положение между суперординатной категорией *животное* и *мебель* и субординатной *колли* и *секретер*. Они не являются фундаментальными, но психологически относятся к так называемому базисному уровню обобщения, так как в них максимально сконцентрированы релевантные для носителя языка свойства. Например, слова *собака* и *стол* легко вызывают зрительные (мысленные) образы, в то время как *млекопитающее* и *мебель* - нет. Таким образом, члены базисного уровня категорий (наиболее инклюзивного) отличаются от членов суперординатного и субординатного уровня тем, что они «представляют в распоряжение процессора максимум информации при минимуме когнитивных затрат» [Roch 1979].

Подобная «когнитивная экономия» наблюдается в экспериментальных исследованиях, связанных с изучением языкового и интеллектуального развития ребенка. Результаты таких исследований показывают, что некоторые признаки формы (а именно: 'круглый', 'продолговатый') являются для детей психологически наиболее значимыми и, соответственно, скорее используются в качестве основания категоризации, которая вначале протекает на внеязыковом уровне. В качестве примеров сверхгенерализаций, основанных на форме (по признаку 'круглый'), приводится следующий перечень предметов: *луна, печенье, часы всех видов, глаз, камень, пуговица на пиджаке и т.п.* (см. об этом: [Кларк 1984: 221-240]).

В этом же смысле возможна интерпретация примера, приведенного А.А. Потемной в [Потемня 1973: 214]. Исследователь пишет: «Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпак лампы и спрашиваю: «что это такое?». Ребенок много раз видит эту вещь, но не обращал на нее внимания. <...> На мой вопрос он отвечает «арбузик». Тут произошло познание посредством наименования, *сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа* ^ ков: то, что вижу, сходно с арбузом. Назвавши белый стеклянный

«буз»м, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной середки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса <...>. Из значения прежнего в смысле плода вошел только один признак, именно шаровидность (выделено нами - Н.З.)».

Таким образом, значения первых слов формируются на основе выделяемых детьми базовых категорий, которые, в свою очередь, являются отражением определенных базовых мыслительных способностей. Как отмечает Б.М. Величковский, сами обобщения, лежащие в основе ранних категоризаций, могут быть чрезвычайно широкими - достаточно широкими, чтобы учитывать только глобальные различия между живым и неживым [Величковский 2006: 37]. Автор обозначает функцию, которую выполняют базовые понятия, связывающие воедино обозначающие их слова, наглядные образы и специфические движения, как функцию «быстрого интерфейса» между процессами сенсорного взаимодействия с объектами и обобщенным концептуальным знанием о них [Там же].

Возможность рассмотрения слов ядра лексикона в терминах единиц базового уровня обобщения хорошо согласуется с данными, полученными по другим параметрам значений этих слов: усваиваемые в раннем возрасте, обладающие достаточной степенью конкретности значения, легко вызывающие мысленный образ в сознании носителя языка и легко узнаваемые индивидом (знакомые) - эти слова играют роль ядра, группирующего вокруг себя последующие, усваиваемые с возрастом слова, способствуют их идентификации. Перечисленные свойства значений единиц ядра наилучшим образом обеспечивают их участие в феномене разъяснения значения одних слов через другие.

С точки зрения процесса категоризации это происходит следующим образом. Узнавание объекта начинается с отнесения его к соответствующей категории и только после этого происходит идентификация его как элемента более общего или более конкретного класса; например, рисунок гавайской гитары вначале будет спонтанно опознан как ГИТАРА, а затем уже дифференцирован как ГАВАНСКАЯ ГИТАРА или обобщен как МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ (пример взят из: [Хофман 1986: 77]). Соответственно, вербальная единица базового уровня обобщения (отождествляемая носителем языка с мысленным коррелятом объекта реального мира) позволяет интерпретировать (СпИС_ слова с менее выраженными параметрами их значения.

- ^основание психологической реальности феномена разъяснения

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

широкозначных слов типа *thing, did, somebody* через конкретный пример [Anderson, Schifrin 1980]).

Как указывает Дж. Лакофф, категории не просто организованы в иерархии - от более общих к более частным, но - организованы таким образом, что когнитивно более базовые категории сосредоточены «в середине» иерархии «от общего к частному». Обобщение идет вверх от базового уровня, а спецификация - «вниз». Категории базового уровня с эпистемологической и функциональной точки зрения приоритетны по отношению к следующим факторам: восприятию гештальтов, формированию образов, моторике, организации знаний, легкости протекания когнитивных процессов (обучения, распознавания, запоминания и т.д.) и легкости вербализации языковых выражений [Лакофф 1995: 152].

Следует обратить внимание, что идея важности базового уровня обобщения в процессах идентификации значений одновременно увязывается с *относительностью, подвижностью* этого уровня [Хоффман 1986; Барсук 1990]. В исследовании И. Хоффмана, посвященном рассмотрению репрезентаций понятий в памяти человека, **выделяются два типа понятий: сенсорные**, опирающиеся на обобщенные **сенсорные** свойства объектов, и **категориальные**, основанные на **выделении** функциональных связей. Сенсорные понятия чаще, чем категориальные, оцениваются испытуемыми как более наглядные. **Испытуемые** чаще называют одинаковые признаки сенсорных понятий, чем категориальных, и указывают **в среднем**, как правило, больше **признаков** первых, чем вторых. Вероятно, в результате сходства связанного с ними опыта сенсорные понятия репрезентированы более **единообразно и** являются для испытуемых более знакомыми, что и позволяет им указывать большее число признаков. При анализе местоположения **сенсорных** и категориальных понятий **в рамках** понятийных иерархий обнаруживается, что доля сенсорных понятий снижается с увеличением уровня абстракции. Более общие понятия чаще бывают категориальными, но и среди общих понятий часто встречаются сенсорные, так что семантические иерархии можно дифференцировать *по наиболее высокому уровню абстракции, на котором еще может находиться сенсорное понятие* (выделено нами - Н.З.) [Хоффман 1986: 95]. Сопоставляя данные, полученные от испытуемых, И. Хоффман приходит к выводу, что сенсорные понятия, являющиеся самыми общими в данной иерархии, играют в ней особую роль. Исследователь называет № первичными (в оригинале - basic) и вслед за Э. Рош определяет их понятия, репрезентированные в памяти прототипами. Однако, согл ;

Н.О. Золотова

но критерию Хоффмана, именно понятия *дерево, рыба, птица*, которые, по мнению Рош, находятся выше уровня первичных понятий *дуб, окунь, орел*, являются первичными [Там же: 95-96].

Л.В. Барсук осуществила анализ широкозначных существительных (слов типа *nothing, thing, rubbish*), принадлежащих к ядру лексикона, в контексте изучаемой ею проблемы идентификации слов широкой семантики. Анализ ассоциативных полей этих слов показал, что у рассматриваемых слов наблюдается устойчивая тенденция идентифицироваться через признаки. Ссылаясь на мнение И. Хоффмана, Л.В. Барсук отмечает, что наиболее общие понятия (сенсорные понятия) в той или иной иерархии, для которых указывается наибольшее количество перцептивных признаков, расцениваются как базовые (в переводе исследования Хоффмана употребляется термин «первичные») [Барсук 1990: 36]. Таким образом, рассматриваемые Л.В. Барсук слова, несмотря на свою широкозначность, могут быть отнесены к базовому уровню: базовый уровень здесь сдвигается вверх, и «по праву» занимает свое место в ядре лексикона наравне с привычными базисными словами с более узким значением, например, *apple, dog, dress* [Там же]. Проявление «подвижности» базового уровня, очевидно, неизбежно при попытке структурировать живую материю слова и связанную с ним когнитивную структуру (структуру знания) в обыденном сознании.

Установленная степень категориальности значений единиц ядра лексикона является достаточной для трактовки их значений в терминах базового уровня обобщения и, как следствия, успешного использования этих единиц в качестве «типичных примеров», через соотнесение с которыми происходит идентификация менее типичных, нетипичных единиц, не входящих в ядро. По сути, этот механизм лежит в основе эффективной коммуникации и познавательной деятельности индивида.

Литература

Барсук Л. В. Проблема идентификации значений слов широкой семантики // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990. С. 31-39.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М., 2006.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь, 2005.

Кларк Е.В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. М, 1984. С. 221-240.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М 1981. С. 350-368.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование (Из книги «Женщины, язык и опасные предметы») // Язык и интеллект: сб. М, 1995 С. 143-184.

Маскадыня В.Н. Психолингвистическая трактовка категоризации как способа идентификации значения слова индивидом // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С. 22-26. if

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. В.П. Филина: учеб. пособие. М, 1973. С. 213-237.

Хофман И. Активная память. М, 1986.

Anderson R.C., Shiffrin L. The Meaning of Words in Context // Theoretical Issues in Reading Comprehension: Prospective from Psychology, Linguistics, Artificial Intelligence and Education. New Jersey, 1980. P. 331-349.

Rosh E. Internal Structure of Categories // Cognition Development and Acquisition of Language. New York, London, 1973. P. 112-144.

Rosh E. Linguistic Relativity // Human Communication: Theoretical Explorations. New York, 1974. P. 95-121.

Rosh E. Principals of Categorisation // Cognition and Categorisation. New York, 1979. P. 28-49.

Toglia M.P., Battig W.F. Handbook of Semantic Word NoijJ Hillsdale; New Jersey, 1978.

И.Н. Ивашкевич

И.Н. Ивашкевич (Минск)

СТРУКТУРА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МНОГОФОКУСНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА)

Процессы категоризации мира как важнейшие когнитивные процессы в описании познавательной деятельности человека (по праву относящиеся к наиболее фундаментальным мыслительным операциям) находятся сегодня в фокусе повышенного внимания когнитивной лингвистики. По мнению Е.С. Кубряковой, нет ничего более основополагающего для мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека, чем его способность к категоризации, то есть к процессу образования категорий как отражающих самые существенные, самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам, рубрикам [Кубрякова 1998: 7].

В философии под категориями, которые являются понятиями метауровня, понимаются общие фундаментальные понятия, отражающие наиболее общие и существенные свойства, стороны, отношения явлений реальной действительности и познания [ФС 1975: 169]. Основателем учения о категориях является Аристотель, согласно которому категория представляет собой некое абстрактное вместилище, заключающее в себе определенное множество равноправных членов данной категории, которые обладают всегда одним и тем же набором критериевальных свойств. Он выделил десять бытийных категорий самого высокого уровня абстракции (субстанция, количество, качество, отношение, место, время, действие и др.), которые, по Э. Бенвенисту, являются перечнем свойств, которые греческий мыслитель считал потенциальными предикатами любого объекта и, следовательно, рассматривал как набор априорных понятий, организующих, по его мнению, опыт.

В своей знаменитой работе «Женщины, огонь и опасность: Что категории языка говорят нам о мышлении» известный лингвист-когнитолог Дж. Лакофф ярко продемонстрировал эволюцию взглядов на категорию, которая связана прежде всего с именами Л. Витгенштейна, показавшего несостоятельность классической категории, и Бахтинской, которая рассматривала категоризацию как одну из наиболее актуальных проблем познания. В многочисленных экспериментальных

III. Уровневая категоризация естественного языка

исследованиях Э. Рош и ее коллег показана неадекватность традиционных классических представлений о категориях как множествах с четкими границами, которым некий объект может либо принадлежать либо не принадлежать, причем все члены некоторой категории имеют одинаковый статус. Ср. Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries [Rosch 1988: 316].

Данные, полученные психологами при исследовании категоризации, были впоследствии спроецированы на языковые феномены у[^], когнитологами первого поколения. Согласно проведенным исследованиям, неравенство членов категории было обнаружено учеными на всех уровнях языковой структуры - от фонологии до синтаксиса, а также в лингвистической семантике, прагматике и ряде смежных дисциплин, таких как социолингвистика, анализ дискурса и др. «Во всех случаях (будь то оппозиция глухих и звонких согласных, понятия частей речи, членов предложения, синтаксические конструкции, глубинные семантические падежи, синонимия, типы речевых актов и т.д.) в языковых категориях наблюдается так называемый «прототипический эффект» - асимметрия между центральными и периферийными членами. Таким образом, в проекции на область языкознания, прототипическая теория категоризации позволяет разрешить конфликт, связанный с неадекватностью традиционной методологии (неотъемлемой частью которой является классический взгляд на категории) при описании языкового материала. Теория Э. Рош позволяет «узаконить» применение терминов «центр» и «периферия» уже давно де факто использовавшихся в лингвистических описаниях, но имевших фактически лишь метафорическое обоснование [Скребцова 2007: 51].

С развитием когнитивной науки и становлением когнитивной лингвистики классические представления о категоризации претерпели кардинальные изменения. В результате обыденной, повседневной категоризации формируются специфические объединения, которые «хранят в себе черты естественных классификаций, то есть классификаций с образным началом, с их нежесткими границами и отсутствии жесткой логики, с особыми правилами включения в них новых членов и, следовательно, особыми закономерностями их функционирования развития [Кубрякова 2004: 99]. В языке категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками играют характерную роль в организации и оперативном использовании знаний о мире»

языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком [Болдырев 2007: 23].

В нашем исследовании (вслед за авторами «Краткого словаря когнитивных терминов») категория понимается как «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [КСКТ 1996: 45].

Предметом настоящей статьи является изучение структуры и семантической организации языковой категории «Природные пространства», способов языкового выражения тех содержательных элементов, которые в совокупности участвуют в формировании ее неповторимой сущности. Как известно, онтологическая категория «Пространство», входящая в число «архетипов коллективного сознания, универсальных для всего человечества», занимает одно из центральных мест в системе знаний о мире, являясь важнейшим элементом глобального процесса познания, категоризации и языковой репрезентации окружающей действительности. Значительное место в рамках данной концептуальной области занимает категория «Природные пространства», которая отражает определенный пласт человеческого опыта о существовании объектов природного происхождения в пространстве. В семантике имен рассматриваемой категории вербализуются важнейшие для человека (воспринимаемые с помощью органов чувств) фрагменты окружающего его материального мира. Следовательно, концепты, конституирующие данную категорию, номинируют реально существующие в природе физические объекты и являются онтологическими реальностями (Ср. *Physical objects possess material existence and are spatial entities* [Croft, Cruse 2004: 26]).

В связи с обсуждаемым вопросом интерес представляет полемика Е.С. Кубряковой с У. Матурана. Как отмечает Е.С. Кубрякова, из того, что мир предстает перед нами в описаниях, данных на естественном языке, никак не следует, что он СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО В ЭТИХ ПИСАНИЯХ. И если можно согласиться с тем, что *homo sapiens* -

живое существо, наделенное языком, то согласиться с тем, что физическая область существования вторична по отношению к фено-
век жизни человека наблюдателя», мы никак не можем: и сам чело-

> и тем более среда, в которой существуют все люди, вряд ли могут усматриваться как ВТОРИЧНЫЕ физические объекты. На наш
Ком Д, они представляют собой *sine qua non* для признания за челове-
Венно о ли на наблюдателя; Д для того, чтобы наблюдать за чем-то, естест-
предположить, что это что-то существует [Кубрякова 2009: 9].

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

Таким образом, базовая категория «Природные пространства» существует как определенный формат знания об онтологии мира. Не обходимо подчеркнуть, что концепты, номинирующие данную категорию (earth, hill, mountain, forest, lake, ocean, rock, stream), принадлежат к древнейшему слою лексики английского языка, обладая высокой частотностью. По данным словаря Э. Торндайка, эти концепты относятся к первой тысяче наиболее употребительных слов (причем концепт 'sea' входит в первые пятьсот наиболее частотных слов).

Обладая определенной спецификой, которая заключается в системной организации ее содержания, рассматриваемая категория **не** имеет, тем не менее, жесткого уровня характера. Она более сложно структурирована и представляет собой частично иерархическое построение, фундамент которого базируется на многоярусной микросистеме базовых слов-идентификаторов, которые четко очерчивают ее границы и определяют структуру [см. более подробно Ивашкевич 2009: 45]. В отличие от трех основных уровней категоризации в терминологии Э. Рош (суперординатного, базового и субординатного), **мы** считаем необходимым выделить в рамках категории «Природные пространства» некоторые промежуточные и пограничные уровни, на описании которых мы остановимся несколько позднее.

Итак, концепт 'space', который является «понятием **большой** степени общности и абстракции», выступает вершиной **рассматриваемой** категории. В семантике этого базового слова-идентификатора 'the unlimited three-dimensional expanse in which all material **objects** are located' - представлены в целом основные атрибуты пространства в форме существования материи: трехмерность, **протяженность**, **бесконечность**. В терминах когнитивной лингвистики, это **своего рода** 'контейнер', внутри которого размещается все сущее: люди, **живные**, растения, природа, природные объекты и артефакты, **осознаваемые** как части пространства. Ср. в русском языке: пространство] форма существования материи, не ограниченная видимыми пределами характеризующаяся протяженностью, объемом и движением, **качественно** соотносимая со временем. Время и пространство - это **две**¹ **плоскости** мироздания [Бабенко 2008: 242]. Как отмечает М.В. **Ник** прототипическим образом пространства служит некий объем **с** **не** **ределенными** открытыми границами - скорее всего образ раздвинутого без предела в трех измерениях куба, а не сферы, что связано с **не** **зависимостью** координатного позиционирования вещей и события

И.Н. Ивашкевич

Более того, это базисное представление о пространстве люди
• нны сводить к двумерному - представлению о поверхности со
лабо разработанным измерением глубины, что, несомненно, обуслов-
сено остоятельствами и опытом привычного существования людей на
земной тверди. Так или иначе, в этой первородной, наивно обобщен-
ной модели мира пространство представляется как пустое неогра-
ниченноеместилище, заполняемое в разных своих частях-местах ве-
щами [Никитин 2003: 14].

Данные признаки, суммируя в самой общей форме представле-
ние о пространстве, и обладая широким диапазоном вариативности и
разнообразной конфигурацией, находят фиксацию в той или иной ко-
личественной мере в семантике всех имен в рамках категории «При-
родные пространства». Как известно, принадлежность объекта к той
или категории определяется наличием у него общих с прототипом ха-
рактеристик.

Ступенькой ниже (второй уровень, который можно назвать
промежуточным между суперординатным и базовым) представлены
концепты с абстрактным пространственным потенциалом и разветв-
ленной синонимией ('area', 'place', 'tract', 'region', 'zone', 'expanse'),
которые, выступая как части целого, находятся в гиперо-гипони-
мических отношениях с концептом 'space'. Данные концепты обозна-
чают ограниченные части пространства той части универсума, которая
доступна непосредственному зрительному восприятию, или которая
маркирована определенными пределами. Концепты 'region', 'zone'
концептуализируют те части пространства, которые обладают некото-
рыми специфическими характеристиками (tundra 'the large flat Arctic
regions of northern Europe, Asia, and N America where no trees grow and
where the soil below the surface of the ground is always frozen' и др.).

Необходимо отметить наибольшую частотность идентификатора
area Для дальнейшего членения нашего материала. В этой связи инте-
рес представляет этимология концепта 'area': оно появилось в XVI веке
имело значение 'пространство, отведенное для специальных целей'
^ space allocated for a specific purpose). В современном английском языке
им этот концепт имеет следующее значение: 'часть пространства,
3v 111351 маркированные пределы, доступные непосредственной ви-
'and и ации. Cp, plain a large area of flat land', valley 'an area of low
soft 6 Ween or mountains, often with a river', bog '(an area of) wet
IUn'd, formed of decaying plants' и др. Концепт 'place' (a particular

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

position, point or area), второй по частотности в нашем эмпирическом материале, обычно имплицитно означает следующий смысл: ограниченная, определенная, занятая чем-либо или кем-либо часть пространства. В своей известной работе «О понятиях места, предмета и пространства» Е.С. Кубрякова убедительно показывает, что концепт «место» является тем первичным концептом, который служит основой когнитивных пространственных представлений человека (концепт «пространство» появился несколько позднее). В этом контексте важен вывод ученого о том, что «понятие места тесно связано и с понятием объекта, и с понятием пространства: подобно объекту, оно определяется через представление о ЧАСТИ пространства (место - это часть пространства, занимаемого объектом и ограничиваемая им); подобно пространству, оно может характеризоваться и как объем, <...> и как плоскость, как поверхность <...> и даже как точка» [Кубрякова 2000: 90].

Третий уровень описываемого семантического домена (в силу его семантической близости с промежуточным) можно назвать пограничным. Он представлен наименованиями природных совокупных множеств (имен собирательных), категориальное значение которых - способность обозначать множество предметов в единстве (как одно неделимое целое). Например, sands 'пески'; palisades 'береговые скалы'; the wilds 'пустынные просторы'; foothills 'предгорье' и др. Ср. в русском языке: массивы, дали, лесопосадки, заросли, воды и т.д. Эти имена существительные с конкретным значением имплицитно во множественном числе смысл большой пространственной протяженности, значительных пространств или скоплений, занятых объектами природного происхождения.

Концепты 'area', 'place', 'tract', 'region', 'zone', 'expanse' являются словами-идентификаторами в семантической структуре имен, обозначающих базовый (четвертый) уровень категории «Природные пространства», который «с эпистемологической и функциональной точки зрения приоритетен по отношению к следующим факторам: во-первых, приятию гештальтов, формированию образов, моторике, организации знаний, легкости протекания когнитивных процессов (обучения, познания, запоминания и т. д.) и к легкости вербализации языковых выражений» [Лакофф 2004:151]. Базовый уровень категории представлен ядерными пространственными концептами 'land' и 'water', являющимися отправными точками референции в выделении основных тематических зон данного семантического до

И.Н. Ивашкевич

по Признаку 'субстанция'. Данный признак наравне с признаком 'пространство' позволяет выделить два обширных семантических домена в рамках рассматриваемой категории: «Земное пространство и его части» и «Водное пространство и его части». Эти тематические зоны включают в свой состав глобальную пространственную оппозицию: 'land' vs. 'water' ('суша'/'твердь земная' и 'вода'). Данное противопоставление определяет понимание концепта 'land' как обозначающего часть общей поверхности Земли, то есть как поверхности, имеющей пределы, что и отражено в семантике этого имени: land 'the solid part of the surface of the earth as distinct from seas, lakes'. Точкой отсчета в исходной детализации данной категории на базовом уровне становятся именно земная поверхность и ее объекты как наиболее очевидные (зрительно воспринимаемые) части пространства, запечатленные в перцептивном опыте человека, выступающего в качестве основы познавательного процесса.

Взяв за точку отсчета поверхность земли, и используя бинарное противопоставление 'горизонталь vs. вертикаль', мы получаем дальнейшее членение семантического домена «Земное пространство и его части» на следующие основные типы природных пространств, которые на дальнейших уровнях категоризации получают более подробную детализацию: «Elevation» (mountain, hill, cliff, hillock, hummock etc.), «Level land» (plain, field, desert, prairie, veld etc.), «Hollow» (depression, hole, ravine, cave, grotto etc.). Каждый из выделенных типов пространств получает дальнейшую спецификацию членов субкатегории. Так, в рамках наименований возвышенностей можно выделить следующие субкатегории, непосредственно связанные общим интегральным компонентом с приподнятыми участками земли: «Slope», «Ledge / Terrace», «Cliff», «Crag», «Peak» и т.д. (ввиду ограниченных рамок статьи, эмпирический материал представлен в сокращенном виде).

^ Семантический домен «Водное пространство и его части», который базируется на следующих оппозициях: 'большое количество' vs. 'малое количество', 'статика' vs. 'динамика / движение', представлен

Двумя типами природных пространств: «Body of water», «Moving Water» ^ Standing water», «Lake», «Channel» и т.д., каждый из кото-

^ может получить дальнейшую детализацию на последующих уровнях. Небезынтересно, что описываемая категория, не имеющая единственного ярко выраженного прототипа как такового, обладает

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

множеством прототипов / фокусов именно внутри базового **уровня**, что еще раз подтверждает мнение о том, «что естественная категория строится зачастую как **многофокусная**, а категория существительных, будучи естественной, явно постепенно развивается в эту сторону. Центральность положения в ней названий объектов с четкими **перцептуально** наблюдаемыми свойствами, показательная для начальных периодов становления, эволюционирует на более поздних этапах **развития языка**» [Кубрякова 2006: 11].

Каждый из многочисленных фокусов описываемой **категории** (которые образуют своеобразную иерархию) может открыть **самостоятельный** семантический домен, что является отличительной **особенностью** базовой категории «Природные пространства». Для **английского** языкового сознания - это, например, такие «лучшие представители **категории**», как 'hill', 'slope', 'mountain', 'valley', 'sea', 'river', 'lake', 'stream' и др., то есть речь идет об отдельных **ментальных** образах которые могут отражать всю категорию в целом. В этой связи **интересен** вывод В.З. Демьянкова о том, что люди формируют **конкретный** или абстрактный образ предметов, принадлежащих некоторой **категории**. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся **ближ** к этому образцу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные. Прототипы - **1** инструменты, с помощью которых человек справляется с **бесконечным** числом стимулов, поставляемых действительностью [Демьянков IS 144]. Важно отметить, что именно язык создает лаконичные **обозначения** для сложнейших структур знания.

Последующий уровень категоризации, который мы **называем** уровнем **спецификации**, представлен «универсальными **бинарными** оппозициями» **перцептивных** и **других признаков**, образующих семантическую сеть, которые обеспечивают **единство** категории «Природные пространства» в современном английском языке. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в семантике пространственных **и** на первый план явно выступает перцептивная **категория РАЗМЕ^** (основного смыслообразующего параметра, «который объединяет человека с окружающим его миром, с наполняющими **пространствами** предметами»). Данный перцептивный признак является **одним из факторов** формирования пространственного значения, который **выражается** в следующих противопоставлениях: large / small, high / low,

hallow, broad / narrow, long / short и т.п. Так, именно размерные характеристики позволяют отличить гору от холма, реку от ручья, море от океана и т.д. По мнению Н.К. Рябцевой, большое и малое количество опредмечивается в природных явлениях (поток, река, море) [Рябцева 2000: ПО].

Именно признак размера считается классическим примером адУ:1альной **перцептивной категории**, которая ярко представлена в семантике имен с пространственным значением. Градуальный признак, по мнению ученых, это признак, который способен изменяться, проявляться в той или иной степени; он соотносится с определенной точкой шкалы, характеризуются относительностью и динамичностью. Ср.: mound, hillock, hill, mountain. По Д.А. Крузу, 'this set can be unambiguously ordered in terms of size: 1) a mountain is bigger than a hill. A hill is bigger than a hillock. A hillock is bigger than a mound <...>. The items in set do not merely form an ordered sequence; they also represent (or, more precisely, encapsulate) degrees of a graded property, namely size [Cruse 2004: 188]. На этом уровне происходит группировка пространств по характеру пространственных признаков в соответствующие типы (системная категоризация).

Неотъемлемыми признаками описываемого семантического участка, называющего природные пространства, являются различные типы перцептивной категории **ФОРМЫ**, вербализованной в семантике рассматриваемых имен различными пространственными атрибутами: 'steep', 'steep-sided', 'flat', 'pointed', 'even', 'craggy', 'round', 'cone-shaped', 'horizontal' и др. Так, например, основу субкатегории, номинирующей понижение участков земной поверхности, составляют лексемы 'valley', 'dell', 'dale', 'glen', 'ravine', 'gorge', 'canyon', 'defile' и др. Ср. ravine 'a **deep narrow steep-sided** valley, esp one formed by the action of running water'. В семантике имен данного объединения находят фиксацию как перцептивные признаки размера (низкий, незначительный по размеру, узкий, глубокий), так и формы, которая фиксирует ха-

Р долин, склонов и неровностей. Зрительно-воспринимаемые Размеры и формы в семантике имен, номинирующих объекты происхождения, обычно фиксируются в определенных ведущих, дЦИЯХ или комплексах, что еще раз является подтверждением ных ») роли зрительного анализатора в познании пространственных отношений и позволяет говорить о синкретизме прочных отношений в значении данных имен. Члены катего-

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

рии «Природные пространства», обладая многообразием перцептуально наблюдаемых свойств и различным категориальным статусом, образуют **градицию** по количеству и значимости реализуемых ими перцептивных признаков, что свидетельствует о **неоднородном характере** рассматриваемой категории и **гетерогенности** значений ее **имен** складывающихся из чувственно воспринимаемых данных.

Последний (шестой) уровень категоризации свидетельствует о соотношении частей системы, внутренней структуры рассматриваемой категории и отношений между ее членами. Он представлен **многочисленными лексическими конкретизаторами с партитивными отношениями** - одними из основных типов **парадигматических отношений**, характерными для наименований частей как земного, так и водного пространств (isthmus 'a narrow **strip of land**, with water on each side, that joins two larger pieces of land'; bay 'a **part of the sea**, or of a large lake, partly surrounded by a wide curve of the land' и др.). Именно эти когнитивные типы связей лежат в основе расширения категории «Природные пространства» в английском языке.

В связи с обсуждаемой тематикой важной представляется **мысль** М.В. Никитина о том, что семантическая структура словаря имеет два глобальных и универсальных измерения: гиперо-гипонимические (родо-видовые) и партитивные отношения [Никитин 1988: 88]. Мы разделяем мнение ученых, которые признают существование отношений по типу Часть-Целое (с опорой на которые человек категоризирует **чувственно воспринимаемый мир**) и считают их важнейшим фактором **смыслового упорядочения словаря**, благодаря чему он предстает как **целостная иерархическая структура**. Именно сложный **синкретичный тип отношений** (гиперо-гипонимия + партитивность, равно как и **гипервегипонимия + градуальность**) является основным видом семантических отношений между членами категории «Природные пространства».

Таким образом, базовая категория «Природные пространства» строится как многофокусная уже потому, что различные ее **субкатегории** ориентированы на разные прототипы. В соответствии с **принципом дифференциальности** она определяется множеством **дифференциальных характеристик**, образующих семантическую сеть, из которых **наиболее значимыми** оказываются те, что свойственны ее **многочисленным типам / фокусам** и являются общими для всех членов данной **категории**. Мы разделяем мнение Н.Н. Болдырева о том, что **выделение основных уровней категоризации носит достаточно условный характер**.

И.Н. Ивашкевич

тер Нзш^с мышление многомерно, многомерны и системы концептуализации и категоризации. Внутри каждого уровня возможно выделение различных подуровней и переходных зон, обусловленных той или иной степенью обобщения. При этом каждый подуровень может быть представлен в виде отдельной таксономической системы связанной с определенной концептуальной областью [Болдырев 2009: 60]. Категория «Природные пространства» демонстрирует тенденцию к «общей субкатегоризации» категорий, то есть к их большей разветвленности, дробности, иерархизации, тенденции к утере единого основания у категории в строгом смысле и дроблению ее фокусов; когнитивному усложнению категории в силу введения в нее новых концептуальных признаков и параметров [Кубрякова 1999: 12].

Дальнейшее изучение «членения мира», рассмотрение строения различных категорий и изучение варьирования их границ, определение прототипов для каждой категории, создание типологии различных категорий представляется перспективным направлением лингвистического анализа, поскольку такой анализ еще больше приблизит нас к пониманию мыслительной деятельности человека.

Литература

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. серии Е.С.Кубрякова, отв. ред. выпуска Н.Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2009. С. 50-75.

Бабенко Л.Г. и др. Большой толковый словарь русских существительных. Морфологическое описание. Синонимы. Антонимы. М., 2008.

Демьянков В.З. Прототипический подход // Краткий словарь русских терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Ивашкевич И.Н. К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 43-52.

Кубрякова Е.С. Словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Кубрякова Е.С. О двоякой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении (вступительное слово) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. М, 1998. С. 7-12.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы 2-й Междунар. конф. Ч. 3. Тамбов 1999. С. 6-13.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв.ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина, Москва, 2000. С. 84-93.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов, 2006.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С.5-13.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М, 2004.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М, 1988.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. СПб, 2003.

Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств. М, 2000. С. 100-116.

Скрёбцова Т.Г. Оппозиция «центр-периферия» в лингвистических учениях // *Respectus Philologicus: Issue 12(17) /2007.* P. 47-52.

Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. М, 1975.

Croft, W. and Cruse D. A. *Cognitive Linguistics.* Cambridge, 2004.

Cruse D. A. *Lexical Semantics.* Cambridge University Press, 1986. **III**

Rosch E. Principles of Categorization. In *Readings in Cognitive Science. A Perspective from Psychology and Artificial Intelligence.* San Mateo, University of California, 1988. P. 312-321.

С. В. Киселева

С. В. Киселева (Санкт-Петербург)

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВЫЯВЛЕНИЮ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА ЛЕКСЕМ ГЛАГОЛА

На протяжении нескольких веков в научной лингвистической литературе проблема значения языковых единиц остается дискуссионной. Обращение к вопросам соотношения понятия и значения, значения и категорий мышления при исследовании лексической семантики определило облик современной семасиологии и явилось стимулом к появлению новых научных теорий, в частности когнитивной концепции значения, важная роль в которой отводится теории прототипов.

В последнее время понятие прототипа активно используется при описании языковых категорий и языковых значений. Н.Н. Болдырев определяет прототипический подход как один из современных методологических открытий когнитивной лингвистики [Болдырев 2006]. Теория прототипов применяется к изучению различных языковых категорий и языковых объектов, в частности, к семантической структуре многозначных слов. Описание значения слова в рамках прототипического подхода заключается в том, что со словом соотносится его прототип, описание которого представляет собой пучок абстрактных семантических признаков. Прототипический подход к изучению лексического значения дополняет системно-семасиологический, поскольку теория прототипов позволяет обнаружить, как в лексических значениях слов отображаются результаты концептуализации и категоризации мира человеком.

Так, обоснование существования содержательного ядра многозначного слова определило анализ лингвистических исследований в области когнитивных прототипов, изучения лексем слова на уровне лексикона, системы образов при осмыслении переносных значений и прежде всего, метафоры, являющейся источником лексической многозначности и универсальным инструментом когнитивной деятельности. Метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности.

Бытует мнение, в соответствии с которым словарная статья слова должна включать все элементы плана содержания языковой единицы. С этим взглядом проводятся исследования в сфере «семантической компактности», являющиеся результатом возникновения ги-

III. Уровневая категоризация естественного языка¹

потез в области выявления содержательного ядра, как на уровне одно-, го значения, так и на уровне многозначного слова.

С точки зрения первого направления, в дефиниции слова содержится не только референциональные сведения о лексической единице но и коннотативные, коммуникативные и прагматические семы. Действительно, план содержания слов включает больше значений, чем это представлено в словарных дефинициях. Например, достаточно полное описание денотативных значений некоторых слов для их дифференциации дается в труде А. Вежицкой [Wierzbicka 1985: 33-37]. В то время как И.К. Архипов считает, что подобные гигантские дефиниции составлялись в ходе выявления реальных единиц хранения информации о словах в памяти, но эти дефиниции явно не подходят на роль содержательного ядра. При всей очевидной избыточности таких определений словарных статей убедительным противопоставлением может послужить «любое указание на какой-нибудь упущенный признак» [Архипов 1998: 15-19].

Для настоящей статьи важным представляется область сужения семантических элементов значения глаголов отношения, в частности со значением «части и целого», до минимально необходимых для **вы-**явления партитивных сем. Объектом исследования послужил глагол *to compose*. Поскольку язык постоянно стремится к экономии, то это **мо-**жет навести на мысль о том, что единицы на уровне языка хранятся в ментальном пространстве словарного состава человека не в виде развернутых словарных дефиниций, а в более компактном виде. Содержательное ядро на уровне отдельного значения глагола партитивной семантики должно предполагать сужение семантических компонентов до минимально необходимых (устойчивых, центральных). При этом значение «части и целого» должно быть максимально узнаваемым.

Среди известных лингвистов, ведущих исследования в данном направлении, необходимо отметить ряд ученых (С.Д. Кацнельсон, В.А. Серебренников), развивающих концепцию А.А. Потебни **о бл**¹ жайшем и дальнейшем значениях. А.А. Потебня считает, что значение слова включает «две различные вещи», одну из которых он называв* «ближайшим значением», принадлежащим области языкознания, ДМ² гую - «дальнейшим значением», составляющим предмет других **нау*** Но только одно ближайшее значение имеет реальное содержание ^Т ли во время ее произнесения [Потебня 1959: 19-20]. При произнесении слова сознание человека не сфокусировано на совокупности всех знаков слова, так как для этого требуется время и совершение ^{о п р} |

ценной мыслительной операции. По мнению автора, вне контекста слово выражает не все содержание, а только один существенно необходимый признак. Его он называет ближайшим значением, которое вместе с игрой воображения делает доступным для говорящего и слушающего понимание друг друга. Ближайшее (или объективное) значение А.А. Потебня называет «народным», так как считает, что люди одного языкового сообщества имеют подобные мысли. Дальнейшее значение является субъективным. «Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе как, при посредстве народного понимания, то есть языка и средств, создание которых обусловлено существованием языка» [Потебня 1999: 120-124].

Таким образом, ближайшее значение представляет собой форму, в которой нашему обыденному сознанию представляется его содержание. При этом под внутренней формой слова подразумевается отношение содержания мысли к сознанию. Она дает возможность увидеть, как «собственная мысль представляется человеку». По мнению А.А. Потебни, этим можно объяснить, почему в языке могут быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово может обозначать разнородные предметы. Кроме того, он считает, что иногда невозможно выделить в каком-то понятии единственный, наиболее существенный признак. Поэтому, вероятно, в основе значения лежит не один, а минимально возможное количество признаков. Автор считает, что семантика слова, фиксируемая в словаре как ближайшее значение слова, является вторичной и производной по отношению к знанию о мире, являющимся дальнейшим значением [Потебня 1999: 124].

Положение о «народности» значения сохраняется и в наши дни. Так, С.Д. Апресян проводит разграничения формальных и содержательных понятий. К формальным он относит минимум наиболее общих и в то же самое время наиболее характерных отличительных признаков, необходимых для обозначения и распознавания предмета [Апресян 1995]. С точки зрения С.Д. Кацнельсона, «В формальном понятии Дыгоживается главное из того, что нужно знать о предмете, но "но поэтому всякий новый шаг в познании предмета выводит за пределы такого понятия..."» [Кацнельсон 1986: 20]. Что касается содержания понятия, то оно отличается от формального не только содержанием, но и по форме. Оно охватывает новые стороны предмета и по своим свойствам связи с другими предметами. Подобные понятия могут оказаться разными вследствие индивидуального опыта,

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

уровня образования, одаренности и т.д. [Там же]. Иными словами содержательное понятие автора совпадает с дальнейшим значением А. А. Потебни.

По мнению Ю.Н. Караулова, сначала происходит изменение дальнейшего значения слова, затем компоненты этого обогащенного значения проникают на уровень семантики и частично отражаются в изменении ближайшего значения. «Зарегистрированная языковой семантикой информация отражает незначительную часть знаний о мире, а в ряде случаев может отражать их искаженно» [Караулов 1987: 168-170].

Все еще нерешенным остается вопрос об ограничении числа семантических компонентов в составе значений. Одни лингвисты пытаются сузить количество компонентов путем сокращения значений. Другие исследователи считают, что это количество не может быть лимитировано, а это предполагает, что значение не может быть описано исчерпывающим набором семантических компонентов, в то время как сам семантический компонент является ядерным, допускающим дальнейшее членение элементов значения [Потебня 1959]. Так, многие лингвисты указывают на чрезвычайную сложность подобных операций внутри лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Ядро значения слова как семантему, семантическую категорию, семантический компонент или признак (сему) (как отражение различительной черты) выделяет В.Г. Гак. В плане выражения семантеме соответствует лексема. В семантической структуре значения слова он различает архисемы, дифференциальные семы и виртуэмы (потенциальные семы). Например, архисема «транспортное средство» называет признаки, свойственные целому классу объектов: автобус, поезд, самолет и т.д. Архисема может стать дифференциальной семой по отношению к семам более высокого уровня (например, «ехать» и «говорить» обладают архисемой «действовать»). Ядру значения слова соответствуют дифференциальные семы, существенно отличающие семантему одного (данного) слова от другого. Потенциальные семы отражают второстепенные, зачастую нерелевантные признаки предметного различия, с которыми данный предмет реально ассоциируется в сознании коммуникантов. В обычном употреблении слова они уходят на задний план, их функционирование связано с явлением переносных значений у слова [Гак 1977: 13-14].

М.В. Никитин выделяет понятие интенционала, приближения к минимально необходимому содержательному ядру. Под интенционалом понимается содержательное ядро лексического значения, «&Щ

С. В. Киселева

и рванная совокупность семантических признаков, конституирующая данный класс денотатов. Их наличие считается обязательным для сущностей данного класса, точнее - с учетом вероятностной принадлежности мира и его сущностей, - их прежде всех других признаков связывают с: данным классом. Интенционал - то же, что содержание понятия в классе в логике. Именно интенционал лежит в основе мыслительных речевых операций по классификации и именованию денотатов» [Никитин 2007: 109].

С точки зрения М.В. Никитина, семантические признаки в интенционале распадаются на две части, связанные родо-видовым (гипергипонимическим) отношением. Признаки не существуют порознь, между ними существуют многообразные связи и зависимости. В силу этого «одни признаки заставляют помыслить о других с большей или меньшей необходимостью» [Никитин 2007: 110]. Равным образом интенциональные признаки могут с необходимостью или вероятностью имплицировать наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. Автор считает, что по отношению к интенционалу, то есть ядру значения, совокупность таких имплицированных признаков образует импликационал лексического значения (ЛЗ), то есть периферию его информационного материала. Информация о денотате, которую слово несет в тексте, складывается из двух частей: неизменных интенциональных признаков и некоторой части импликациональных признаков, актуализируемых контекстом.

Таким образом, М.В. Никитин представляет лексические значения как сложные образования, непосредственно вплетенные в когнитивные системы сознания. Структура лексического значения образуется, прежде всего, предметно-логическими связями, расширенными его интенциональным ядром и захватывающими в периферию его содержания импликациональные признаки. Структура интенционала образуется логическими зависимостями составляющих его семантических признаков и, прежде всего, родо-видовыми (гипергипонимическими) связями. Признаки импликационала также структурно упорядочены и вероятностными характеристиками и предметно-логическими зависимостями [Никитин 2007: 115]. Под интенционалом М.В. Никитин, в приближенном виде (или равнозначно) содержание значения.

ци, А. Вежбицкой, чтобы составить словарные дефиниции. Но использовать метод «редуктивного анализа», который дает тот факт, что все концепты должны быть определены че-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

рез набор далее неопределенных семантических признаков [Вежбицкая 1997]. Автор приводит слова Г. Лейбница, в свое время постулирующего, что множество понятий может быть скомбинировано из нескольких элементов, «поскольку природа стремится достичь максимального эффекта с помощью минимального количества элементов, то есть действовать простейшим способом» пер. [Вежбицкая 1997: 296].

С точки зрения А. Вежбицкой, основной момент заключается в постулировании ограниченного набора семантических примитивов внешние очертания которых задаются толкованиями всех лексических и грамматических значений естественного языка. «Если имеется некоторое число понятийных примитивов, понимаемых непосредственно (не через другие понятия), то эти примитивы могут служить твердым основанием для всех других понятий; бесконечное число новых понятий может быть получено из небольшого числа семантических примитивов» [Вежбицкая 1997: 296-297].

Представляется важным, что использование А. Вежбицкой семантических примитивов, несомненно, приближает исследователей к минимальным содержательным смыслам, объясняющим сущность функционирования лексических единиц. Опыт А. Вежбицкой в толкованиях первых (номинативно-непроизводных) значений многозначного слова заслуживает особого внимания в данном исследовании. Разъяснение первых значений слова в словарях не всегда доступны сознанию простого человека, поэтому она предложила учет предлагаемых дефиниций без использования особого метаязыка.

В работах Ю.Д. Апресяна некоторые понятия как метаязык и семантические примитивы определяются таким образом, что словарь метаязыка сокращается в несколько раз до двух типов слов: 1) семантические примитивы (неопределяемые слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции), и 2) семантически более сложные слова, которые сводятся к примитивам в один или несколько шагов [Апресян 1995: 486-481].

Таким образом, существуют несколько определений содержательного ядра значения слова: «интенционал» (М.В. Никитин), «дяф* ференциальная сема» (В.Г. Гак), «семантический примитив» (А Вежбицкая, Ю.Д. Апресян) и др. Всех этих авторов объединяет подход! значению слова как к единству, сложный характер которого выражу специфику мыслительного отражения действительности. Такова ооша^ картина, отражающая базовые мнения лингвистов по поводу смыс ^ вой общности внутри значения, то есть его содержательного ядра-

С нашей точки зрения, представленный обзор позволяет сделать вывод, что содержательное ядро значения слова обладает следующими признаками: сужение семантических элементов до минимально необходимых, устойчивых компонентов, где значение должно быть максимально узнаваемым; допустима субъективность суждения, с точки зрения когнитивной лингвистики.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно определить основные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования значений слова, в частности глагола «compose», и определить инвариант как содержательное ядро, связывающего лексико-семантические варианты данного глагола. В задачу также входит доказать функционирование представителя всей лексемы глагола, выражающего отношение «части и целого» на уровне языковой системы и актуализации переносных значений на уровне речи. Поскольку на основе номинативно-непроизводного значения осуществляется осознание всех переносных значений, оно формируется первым. Первичное значение выводится из дефиниций словарей с использованием компонентного анализа на основе принципа частотности. Так, номинативно-непроизводное значение «compose», на основе выведенных данных 28 толковых словарей (которые не могут быть приведены в рамках статьи) имеет следующий вид: «compose» (1) «to form things or people together as a whole». Данное определение, по нашему мнению, включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы это слово можно было сразу распознать на уровне обыденного сознания.

С этой точки зрения, первичное представление глагола *compose* ассоциировалось с образом дощечек / бревен, складываемых / сколачиваемых вместе для создания какого-то строения, похожего на плот, стену, дом и т.д. Но со временем, когда жизнь людей осложнилась и вышла в мир артефактов, появились более сложные предметы и понятия. Отношения между ними, которые тоже образуют, формируют, создают более сложные вещи и отношения.

В качестве ЛСВ исследуемого глагола, мотивированного номинативно-непроизводным значением, целесообразно привести любое другое значение данного глагола. Его анализ осуществляется на основе сравнения, как традиционного приема толкования. Представляется важным выявить, какие единицы выступают в качестве исходной базы формирования и декодирования метафорических высказываний. При этом анализ основывается на принципах когнитивного под-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

хода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующий образ восприятия. Предстоит доказать, сохраняются ли когнитивные образы (отношение становления или образования целого из частей), лежащие в основе номинативно-непроизводного значения при осмыслении метафорического высказывания. Когнитивный подход предполагает опору на образ, а также на третий смысл, то есть смысл речевого высказывания, выводимый говорящим в определенной коммуникативной ситуации или в пределах соответствующего контекста на основе номинативно-непроизводных значений, входящих в выражение слова.

Так, в основе метафоры *She composed satirical poems for the New Statesman; It can't be too difficult to compose a nice negative reply* (if you compose a short piece of writing such as a poem or a speech, you write it; used especially when this requires skill or effort) [CCELD: 285] лежит ассоциативное сходство по формированию частей в целое. В этом метафорическом значении отражается сравнение с партитивным отношением между конкретными предметами. Подобно дощечкам, являющимся частями какой-то постройки/какого-то строения, данный ЛСВ на основе первичного значения можно интерпретировать как сочинение сатирического рассказа либо негативного ответа, подразумевающих также складывание частей в целое. Эта лексема основана на семантических элементах «/o write», «to create», «piece of writing», «ability», «to form words». Следовательно, семантика «compose» предполагает наличие и этих сем. Очевидно, что номинативно-непроизводное присутствует в этом значении в качестве семы to form words, где компонент words репрезентирует сему «часть», остальные семы элиминированы. Поэтому можно сказать, что в данном конкретном значении часть партитивное™ глагола to compose потеряна, поскольку глагол приобрел черты креативности: *She composed satirical poems for the New Statesman; It can't be too difficult to compose a nice negative reply as if ISS. as compose (1) (to form things or people together as a whole) orjg_aci0& integrity.* j H

Следующая метафора *Look at the way Hoyland composes nature* [CCELD: 285] предположительно мотивирована сравнением с данным с определенным стилем написания картин, с созданием ров, с формированием некоего целого из частей, с образованием стности. Этот образ ассоциируется с отклонением от общеприупотребления глагола to compose. Когда этот глагол используется |

туациях, не предполагающих конкретное семантическое окружение, детерминированное отношением к чему-либо, а касается общей оценки ситуации, то наложение такого контекста на буквальное значение дает третий смысл - «нарушение общепринятых норм». В данной метафоре значение "to compose" переосмыслено не полностью, его семантика включает не только дополнительные, но и ядерные компоненты номинативно-непроизводного значения: *if you compose a painting, a garden, or a piece of architecture, you arrange its different parts in a deliberate and usually attractive or artistic way*, не приведенные в дефиниции первичного значения.

Необходимо заметить, что лексема *compose* сохраняет значение становления партитивных отношений между «целым» и его «частями»: «целое» и «части» представлены эксплицитно (это даже указывается в дефиниции данной лексемы в лексикографии). В данной метафоре происходит уподобление значению глагола *to compose*, вытекающему из прямого значения, но сохраняющему общую идею «соединить части в целое». В дефиниции остаются какие-то части, какие-то элиминируются. На этом абстрактном уровне происходит концептуальная интеграция.

В следующем примере содержание данной метафоры носит также абстрактный характер: *In the second case, I will give you some tea to compose your spirits, and do all a woman can to hold my tongue* [Collins: 60]. Как уже было сказано, исходя из номинативно-непроизводного значения слово *compose* репрезентирует образ соединение кусков дерева в целое (постройку), и исследуемый глагол только это и обозначает. Когда подобный образ (фрейм) накладывается на другой образ именно в этом контексте с определенным лексическим наполнением (на какой-то абстрактный предмет - дух, характер), то он не сохраняет свое системное значение. Человек понимает, что *to compose one's spirits* - это ничто иное, как *собраться духом, привести чувства в порядок, успокоиться*. В этом случае включается механизм подыскивания наиболее подходящего смысла. Компоненты, лежащие в основе данного значения (*to make an effort not being angry, to be calm, to pull together, to be concentrated*), покрывают все абстрактные понятия образования целого из частей. Существование значения общего ^{Лени} ^{Тера} свидетельствует о том, что семиозис происходит в направлении ^{Лени} ^{акт} ^{ализации} абстрактных понятий и в последующих представлениях ^{Лени} ^{акт} ^{ализации} данной лексемы. Здесь компоненты номинативно-непроиз-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

водного значения элиминируются и глагол *to compose* претерпевает перекатегоризацию из класса партитивных в иной со значением «собраться духом».

Следует отметить, что данное значение явно возникло вследствие того, что в памяти человека естественно остаются воспоминания о случаях реализации актуальных переносных смыслов в смысловых структурах высказываний. Надо полагать, что эти данные подтверждают сделанное выше предположение о существующем представлении у реальных носителей языка о наличии широкой возможности понимания любых отношений как между конкретными предметами/людьми, так и между абстрактными сущностями, как основы метафорического осмысления с использованием лексемы «как» (*like*) или конструкции «как если бы» (*as if*). Поэтому представляется необходимым включить данную структуру, подсказанную словарями, в формулировку содержательного ядра, который принимает следующий вид: *номинативно-непроизводное значение compose 1 (to form things or people together as a whole) or as if/like compose 1 (to acquire integrity)*.

Итак, результаты анализа позволяют сформулировать следующее содержательное ядро лексемы *compose* как *to acquire integrity*. Данный инвариант как содержательное ядро является единицей лексической системы языка, и все значения актуализируются на его основе в зависимости от коммуникативной установки участников общения.

Таким образом, можно отметить, что абстрактное значение *to acquire integrity* выступает сильным аргументом в пользу реального существования содержательного ядра, связывающего все глаголы одного класса, но не демонстрирующего различительные особенности отдельно взятого глагола. Для каждого глагола есть свое содержательное ядро, содержащее какие-то особые специфические компоненты. Содержательное ядро есть осмысление того общего, что характеризует все ЛСВ-многозначного слова. Природа подобных значений настолько широка, что выходит за рамки отношений между реальными предметами.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика-Синонимические средства языка, М., 1995.

С. В. Киселева

Архипов И.К. Проблема языка и речи в свете прототипической мантики // *Studia Linguistica* № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1998. С. 5-22

Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сентября 2006 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 34-39.

Вежебицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вежебицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Гак В.Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 112. М., 1977. С. 42-50.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. СПб., 2007.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1959.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.

Стернин Н.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Фрумкина Р.М. «Куда ж нам плыть?» // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 67-82.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.

Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.

CCELD - Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins London and Glasgow, 1990.

Collins - W. Collins. The Woman in White. England, 1985.

КАТЕГОРИЯ ЛОГОФОРИЧНОСТИ

Современная лингвистика ставит перед собой задачи глобального свойства, исследуя закономерности и свойства человеческого сознания, преломленные в языке и проявляющиеся через речевую деятельность. Одним из ключевых моментов анализа являются категории и категоризация, которая относится к основополагающим понятиям когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. Под когнитивным процессом категоризации понимается осмысление объектов и явлений в рамках категорий - обобщенных понятий. Осуществляя категоризацию действительности, сознание человека, как указывает Е.С. Кубрякова с соавторами, «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм её движения в определенные рубрики, то есть классифицирует их и подводит под такие объединения - классы, разряды, группировки, множества, категории» [Кубрякова и др. 1996: 45-46]. Исследование актуализационном плане - с точки зрения формирования высказывания в формате предложения определенного структурного типа - категория пропозитивности может быть дополнена понятием *динамической категоризации пропозиции в процессе актуализации*.

Согласно когнитивно-дискурсивной методике лингвистического анализа, разрабатываемой Е.С. Кубряковой и ее школой, исследование категорий и категоризации должно быть ориентировано на потребности коммуникации. Как указывает Елена Самойловна, следует разграничить анализ категорий и механизмов категоризации с узко когнитивной и с когнитивно-дискурсивной точки зрения: «если б с узко когнитивной точки зрения мы были бы должны поставить вопрос о том, какие пакеты информации объединяются в определенные типы ментальных репрезентаций, а далее, какие из них проявляют тенденцию к тому, чтобы быть вербализованными той или иной языковой формой, с когнитивно-дискурсивной точки зрения вопрос формулируется более широко: к вопросу о структурах знания и их реализации добавляется вопрос о том, что делается для того, чтобы объективируемая в языке форма удовлетворяла требованиям дискурса и оказалась удобны»² средством коммуникации» [Кубрякова 2004: 326].

Когнитивно-дискурсивный подход рассматривает когницию Ду*! коммуникации и в процессе коммуникации, с одной стороны, а с Дру

10Й - коммуникацию как особого рода когнитивную деятельность, социальную когницию, направленную на взаимодействие и взаимопонимание агентов социума. Взаимопонимание обусловлено таким когнитивным механизмом, как метакогниция, то есть способность представлять содержание сознания другого человека и анализировать содержание собственного сознания. Динамичность как неотъемлемое свойство когнитивно-дискурсивной деятельности требует анализа процессов категоризации в динамике. Такой ракурс рассмотрения позволил Л.Н. Болдыреву обосновать концепцию функциональной (динамической) категоризации языковых единиц [Болдырев 1995]. Динамический аспект категоризации лежит в основании понятий *внешней категоризации слова* Н.А. Кобриной [Кобрина 1995], *«плавающего означивающего»* К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 1983] и *ad hoc* категоризации Л. Барсалоу [Barsalou 1983]. Динамика категоризации подразумевает, что категоризация действительности в широком многообразии категориальных форм не ограничивается отражением данных категорий в языке и выполнением дальнейших операций с данными языковыми категориями в процессе порождения высказывания. Процессы категоризации происходят и непосредственно в дискурсе. Так, категория подчинительности (субординативности) оказывается во многом дискурсивной категорией, поскольку статус придаточного пропозициональная структура получает только в контексте взаимодействия с другой предикативной единицей, в результате процесса языковой концептуализации, когда представление одной внеязыковой ситуации (положения дел - state of affairs) происходит «сквозь» призму другой [Кобрина 1973: 3; Langacker 1991: 435-437]. Отсюда и представление о динамической категоризации пропозиции, которая, являясь ментальным конструктом, ментальным аналогом денотативной ситуации, может быть актуализирована в высказывании в виде различных категориальных форм - в виде простого предложения, придаточного предложения, вторично-предикативной структуры, имени препозитивной семантики [Клепикова 2009].

Рассматриваемая в настоящей статье категория логофоричности также может быть квалифицирована как динамическая когнитивно-дискурсивная категория, поскольку реализуется только в контексте сложноподчиненного предложения и тесно связана с такими понятиями

> как референция, анафора, дейксис, эвиденциальность, которые в различной степени имеют когнитивно-дискурсивные основания.

Пяти Поскольку понятие логофоричности и производные от него понятия логофорического субъекта и логофорического контекста не яв-

III. Уровневая категоризация естественного языка

ляется широко распространенным в отечественной лингвистике, обращаясь к истокам его возникновения.

Понятие *логофоричности* (*logos* - 'дискурс, *phoros* - 'передача, перемещение') возникло на основе принятого в психологии, философии естественного языка, лингвистике разграничения субъекта речи (говорящего) и субъекта ментального/ информационного / эмоционального / психологического состояния (логофорический субъект), содержание сознания / речи которого передается высказыванием в форме сложноподчиненного предложения. Например, в предложении *On the 28th Macmillan affirmed that Britain could avoid financial disaster only by regaining American goodwill* (BNC/HY8) помимо субъекта речи, выражен и *субъект метакогнитивного состояния - логофорический субъект* (Macmillan). Становлению понятия логофоричности способствовало и выделение, наряду с модусами *de re* (отношение к реальной действительности) и *de dicto* (отношение к сказанному, семантическое пространство, референция в котором осуществляется не к элементам реальной действительности, а к элементам дискурса, речи), модуса *de se* (отношение к сказанному когнитивным субъектом, отличным от говорящего, перспективизация высказывания от лица субъекта истинностной оценки) [Lewis 1979; Chirchia 1989; Oshima 2006].

В рамках исследования субъективности интерес к логофоричности и средствам ее выражения в языке существенно вырос за последнее время, о чем свидетельствует большой объем публикаций по данной проблеме (см. подробную библиографию в работе [Клепикова 2008]).

Прежде всего, исследователей заинтересовали особенности референции имен в косвенных высказываниях, в связи с чем были выделены языковые единицы, функция которых в высказывании может быть охарактеризована как логофорическая, то есть функция, указанная на субъект, содержание когнитивного состояния которого передает высказывание.

Так, в английском языке предложение *Sue said that she went home* двусмысленно, поскольку допускает две интерпретации - сообщение Сью относится либо к ее собственному действию, либо к действию третьего лица. Основная трудность понимания подобных предложений заключается в интерпретации референции, то есть, в конечном счете, по словам Ю.С. Степанова, в уяснении того, кто является «автором события», о котором идет речь, и кто - «автором высказыванием об этом событии» [Степанов 1998: 534], то есть, с позиций когнитивного субъекта происходит языковая концептуализация ситуации

инными словами, понимание высказывания обуславливается необходимостью определить дейктические параметры а) *высказывания* и *ситуации*. «Раздвоение» концептуализатора соответствуют выделенным Р- Якобсоном [Jakobson 1957] речевому событию и повествовательному событию (*speech event* vs. *narrated event*). Как считает Р. Якобсон очень многие грамматические категории могут быть выделены именно в связи с учетом этих двух уровней. В дальнейшем идеи Р. Якобсона нашли отклик в работах других лингвистов: например, Э. Бенвенист противопоставляет план повествования и план речи [Бенвенист 1974]. На схожих основаниях Е.В. Падучева дифференцирует речевой (он же дейктический, диалогический) и нарративный режимы интерпретации дейктических элементов - слов и грамматических форм [Падучева 1996: 265].

Говорящий как субъект дейксиса - наиболее традиционный объект изучения в лингвистике, и этот аспект фигуры говорящего лучше всего описан, поскольку дейксис «здесь и сейчас» является неотъемлемой составной частью любого высказывания. В то же время для сложных репрезентаций дейксис оказывается дифференцируемым на дейктический контекст собственно высказывания и дейктический контекст содержания речи или ментального/психического состояния. В этой связи можно обратиться к дифференцируемым Дж. Лайонзом двум типам дейксиса - *локутивному* (*locutionary deixis*) и *когнитивному* (*cognitive deixis*). Дж. Лайонз отмечает, что с философской и психологической точек зрения ответа на вопрос о том, какой из двух видов дейксиса играет более важную роль в процессе производства и понимания речи, пока нет. Локутивный дейксис имеет своим центром говорящего [Lyons 1996: 304-305]. Точкой отсчета, центром когнитивного дейксиса является логофорический субъект - лицо, содержание сознания, речи, психического состояния которого выражает зависимая пропозиция. Близким к выделяемой Дж. Лайонзом дейктической дистрикции является противопоставление ролей говорящего и наблюдателя [Апресян 1986] и соответствующее ему разграничение первично-вторичного Дейксиса, предложенное Е.В. Падучевой [Падучева

• 266-269]: первичный дейксис (или собственно дейксис) ориентирован на говорящего, а вторичный дейксис - на наблюдателя. При этом Ролей говорящего и наблюдателя невозможны высказывающиеся следующие: **И⁰ дороге показался я* в отличие от *На причине *вса()*». Первая фраза аномально по следующим причинам: **И⁰ дороге показался я* ~ значит 'начать находиться в поле зрения какого-то говорящего не может начать находиться в поле зрения са-

мого себя, тем более что глагол *показаться* включает идею расстояния между наблюдателем и наблюдаемым объектом. В то же время при «распределении» ролей говорящего и наблюдателя между разными субъектами в структуре СПП с СК пропозиция становится допустимой:

Он говорит, что в этот момент на дороге показался я.

По умолчанию роль наблюдателя в разговорном языке чаще всего выполняет говорящий. Е.В. Падучева подчеркивает, что даже в случае референциального несовпадения говорящего и наблюдателя данные роли имеют много общего: и говорящий, и наблюдатель порождают определенную ориентацию в пространстве и времени относительно некоторого субъекта [Падучева 1996: 267].

Ю.С. Степанов выделяет три дейктических круга, центрированных относительно говорящего и универсальных для любого языка, вне зависимости от наличия лексических единиц, маркирующих данные дейктические координаты:

- Первый круг: *Я-здесь - сейчас*
- Второй круг: *Ты - около тебя - теперь*
- Третий круг: *Он - там - тогда* [Степанов 1998: 385].

Ю.С. Степанов подчеркивает совпадение понятия пропозициональные установки и третьего дейктического круга, наиболее удаленного от говорящего - «он - там - тогда»: «Пропозиция, включенная в ту или иную пропозициональную установку, относится по существу к некоему миру, определяемому координатами «он - там - тогда». Пропозиция, следующая после установки, и мир, определенный в названных координатах, - это один и тот же мир, просто описываемый в разных терминах» [Степанов 1998: 385-386].

Действительно, пропозициональная установка немедленно помещает зависимую пропозицию в некоторое дейктическое измерение: локутивный дейксис, с эгоцентрическим центром, представленным говорящим (я-здесь-сейчас) преобразуется в когнитивный дейксис с логофорическим центром, представленным лицом, содержание **чьего** сознания / речи / эмоций передается пропозицией. Однако, как отмечает Дж. Хайман, при косвенном цитировании мы одновременно **наблЧ'** даем и процесс своеобразного «перевода» - говорящий (цитирую*!* лицо) помещает исходное выражение в свою собственную референциальную рамку (frame of reference) [Haiman 1998: 116]. Иными словами*! говорящий *метарепрезентирует* исходное высказывание.

Соответственно, пропозициональная установка нейтрализует [^]ейкис говорящего - субъекта речи, содержание высказывания ^Нго и представлено в зависимой пропозиции, объекте пропозициональной установки. В предложении *John, said that he, won the lottery* ^Нейкис говорящего (Джона) в параметрах «я-здесь-сейчас» не может быть воспроизведен. В этом случае нарушится кореференция субъекта ^Нчи (Джона) и субъекта действия, описываемого придаточным предложением: *John, said that Ij won the lottery*. Кроме того, при подстановочных трансформациях обнаруживаются аналогичные референциальные сдвиги:

(a) *Jane believes she is millionaire.*

(б) *Sue believes whatever Jane believes.*

(в) *Therefore, Sue believes that she is a millionaire* [Corazza 2007: 346].

Третье предложение оказывается двусмысленным. Его можно интерпретировать как мнение (1) Сю о том, что Джейн миллионерша, и как то, что (2) Сю считает миллионершей себя:

(1) *Sue believes that she_{jam} is a millionaire.*

(2) *Sue believes that she_{erseifis} is a millionaire.*

Невозможна и подстановка местоимения кореференциальным выражением - референциальная отнесенность нарушается:

John said: "I'm sorry".

John said that he was sorry Φ *John said that John was sorry*

Ю.С. Степанов пишет: «В выражении пропозициональной установки после союза «что» не должен упоминаться мир, описываемый координатами «я - здесь - сейчас» (если, конечно, не имеются в виду раздвоение личности говорящего или какая-либо метафора, но если имеется в виду это, то тем самым мы имеем дело с «третьим кругом», только выраженным в поверхностно иной форме - в форме 1-го лица ...)» [Там же: 386]. Нельзя не согласиться с Ю.С. Степановым в том, что высказывания типа «Я считаю, что я сейчас говорю и что я нахожусь здесь» нельзя употребить осмысленно. Об этом говорит и Е.В. Падучева, описывая различие между ролью (наблюдатель, Говорящий) и ее «референциальными исполнителями» (говорящий, адресат, субъект установки и пр.) в терминах «проекции». Под ^{Эг}Ци ей понимается изменение контекста, в результате которого у ^{Ской}трического элемента возникает иной референт. При синтаксической ^{оеКЦИИ}Т е, В контексте подчиняющего предиката пропозициональной установки отменяются запреты на высказывания типа

**Вдалеке виднелись мы с Володиёй / *Мое тело белело е темноте Q_h считает, что вдалеке виднелись мы с Володиёй / Иван потом говорил что только мое тело белело в темноте* [Падучева 1996: 267-268]. Таки образом, при синтаксическом подчинении дейксис говорящего нейтрализуется: «эгоцентрическими элементами текста «распоряжается» уже не говорящий а, субъект вводящего предложения» [там же: 338].

Философский и логический аспект данной проблемы формулируется как возможность/невозможность представления содержания от первого лица в контекстах речи и ментальных контекстах ('first person thoughts or sayings with first person content'/ 'first person authority') [Anscombe 1981: 22; Davidson 1984: 101; Harcourt 1999: 459]. Иными словами, вопрос заключается в следующем: можно ли говорить о том, что в предложении *John said that he won the lottery* зависимая пропозиция передает содержание «от первого лица»? Если считать, что речь идет об опыте, принадлежащем говорящему (Джону), то содержание сентенциального комплемента есть, таким образом, контекст «первого лица», поскольку мы интерпретируем данное высказывание как принадлежащее Джону, когда он говорит о себе самом - в первом лице: «*I won the lottery*». Соответственно, местоимение *he* выполняет несвойственную местоимению третьего лица единственного числа функцию, поскольку Джон не указывает на некоторое третье лицо, а говорит о себе самом. Такое употребление является специфическим для косвенных контекстов, своего рода особым случаем анафорического связывания, «косвенным рефлексивом» (indirect reflexive), логофорическим местоимением, квази-индикатором (quasi-indicator), указывающим на субъект речи, в связи с чем его обозначают как *he** - термин для местоимения «четвертого лица», созданный философом Х.-Н. Кастаньедой [Castafeda 1966, 1968; Anscombe 1981; Harcourt 1999; Oshima 2006; Corazza 2007]. В некоторых языках есть средства маркирования такого рода различий, составляющих особый разряд местоимений - *логофорические местоимения*. Функциональная значимость данных единиц заключается в оформлении модуса *de* я при выражении содержания чьей-либо речи, ментального или психического состояния [Human, Comrie 1981: 19; Oshima 2006]. Анафорическое *he* и косвенный рефлексив *he** оказываются различными как точки зрения логической формы предложения, так и семантически. Вместе с *he*/she*/it** появляется и весь индексальный набор для логофорических контекстов - *there**, *then**, маркирующие вторичную дифференциальную систему (secondary indexicals - [Schlenker 2003])-

Т.А. Клепикова

ное пространство, формируемое данными индексальными выражениями, в философской логике получило наименование модус *de se* - пространство сообщения «от первого лица» (first-person reports). При этом данное лицо является «вторичным агенсом» в высказывании, в связи с чем исследователи отмечают принципиальное единство квазииндикаторов и личного местоимения первого лица «/», с той разницей, что *I* является центром внешнего по отношению к высказыванию контекста, а *he*/she** соотносятся с «внутренним контекстом» зависимой пропозиции, который называют *логофорическим контекстом* [Oshima 2007: 29]. Соответственно, антецедент логофорического местоимения обозначает лицо, которое выступает одновременно источником сообщения и экспериенцером ментального (психического) состояния, своего рода *внутреннее Я*, «ответственное за высказываемое содержание речи или мысли» ('an internal self and / or responsibility for thought and communication, *Responsibility Source*') [Smith 2003: 135, 138], эпистемический валидатор ('epistemic validator') [Stirling 1994: 2305], «точка отсчета» (*point of reference*) для ментального пространства [Croft 1990: 275]. В нашей концепции данная эгоцентрическая проекция представлена как *логофорический субъект*.

Несмотря на то, что изначально термин «логофорический контекст» относился к включенному предложению, сентенциальному комплементу, возможно и более широкое приложение термина - к отрезку дискурса или синтаксической конструкции, в которых возможна реализация метареферентивной связи и, тем самым, актуализация логофорического контекста [Клепикова 2008]. Соответственно, глаголы, которые вводят логофорические контексты, называются *логофорическими глаголами* [Sells 1987; Spreas 2004].

Развитие формального описания феномена логофоричности предложено П. Селлзом в рамках теории структур, репрезентирующих дискурс. П. Селлз полагает, что феномен логофоричности не является единой сущностью, а представляет собой результат взаимодействия Целого ряда аспектов, способных конвенционализироваться и получать

⁰ Тематическое, либо лексическое выражение. С точки зрения структуры репрезентации дискурса данные аспекты получают статус *in d* ^{ИМальных} Дискурсивных (прагматических) ролей (primitive 'roles' *ourse*). Среди таких аспектов П. Селлз выделяет:

с₀₀₆ ^{ения} *источник'* (*source*) *сообщения* - тот, кто является автором интенциональный агенс коммуникации;

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

2) *логофорический субъект* (self) - лицо, содержание чьего сознание является содержанием сообщения (whose 'mind' is being reported), чье ментальное состояние или отношение описывается зависимой пропозицией;

3) *опорная точка*, 'точка зрения' (point of view = pivot) - лицо с чьей точки зрения выполняется сообщение. П. Селлз оговаривает' что понятие 'точка зрения' является нечетким, поскольку под точкой зрения понимают и физическое расположение, и ментальное состояние (*From American point of view, isolationism is a bad thing*). Сам Селлз понимает это как физическое расположение. Иными словами, опорная точка - это лицо, по отношению к локационным и темпоральным характеристикам которого оценивается содержание пропозиции (one with respect to whose (space-time) location the content of the proposition is evaluated) [Sells 1987: 445, 455-457].

Данные роли определяют разные концептуальные конфигурации дискурса в зависимости от спецификации каждой из них - а именно, приписывается ли данная роль внутреннему референту (sentence-internal referent) или внешнему по отношению к высказыванию говорящему (external speaker).

Например, в высказывании *That idiot Mary* говорящий как интенциональный агент сообщения, логофорический субъект и опорная точка совпадают: говорящий выражает собственное отношение к Мэри и локализует данное отношение во времени и в пространстве относительно себя.

В высказывании *It disturbed Max that his beloved Mary had left him*, информирующем о том, что Макса расстраивает тот факт, что его дорогая Мэри покинула его, эгоцентрические проекции **оказываются** более сложными. В высказывании реализуются следующие роли:

(1) говорящий как интенциональный агент, продуцент высказывания,

(2) логофорический субъект - Макс, содержание чьего сознания передается: [it disturbed Max that...], кроме того, в структуре компонента присутствует и выражение, которое принадлежит Максусу «be loved» (как случай косвенного цитирования);

(3) опорная точка - Макс, относительно которого **локализует** ситуацию: Мэри некогда была *его* девушкой и она покинула *его*.

Для целей нашего исследования важно, что выделя^И П. Селлзом роли могут быть лексикализованы, в частности, в *предик*[®] речи, пропозиционального отношения и ментального состояния, **что #**

Т.А. Клепикова

^ляется на уровне структур, репрезентирующих дискурс. Соответственно семантическая структура данных предикатов, структура их аргументов оказывается более сложной, чем привычно выделяемый для предикатов набор аргументов [Sells 1987: 477]. Множественность эгоцентрических проекций и варианты их актуализации представляют в совокупности логофорический контекст высказывания, структурированного по типу лингвистической метарепрезентации. В схематическом представлении логофорический контекст представлен следующими факторами:

а - говорящий, продуцент высказывания

Ф - логофорический субъект

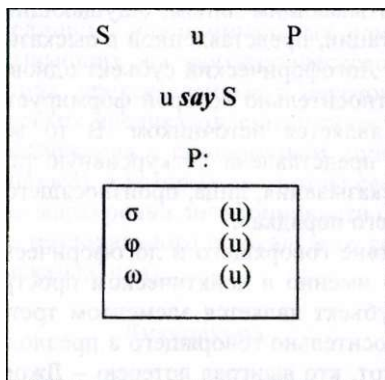
со - опорная точка

S - внешняя речь

и - индивидуум, субъект глагола

P - пропозиция

В схеме для глагола *say*, лексически репрезентирующего определенную дискурсную структуру (полностью, по мнению П. Селлза, 'логофорического' глагола):

«Расшифровка» данной схемы имеет следующий вид: глагол *say* отражает отношение S ('оказывания') между индивидуумом (и) и пропозицией (p). в силу особенностей лексической семантики глагол *say* допределяет совмещение логофорического субъекта, источника и опорной точки в субъекте глагола [Sells 1987: 457].

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Структура репрезентации дискурса, лексически представленная глаголом *distress*, будет иметь иной характер:

S u P

P distress u

P:

o	(S)
ф	(U)
0)	(U)

Согласно данной схеме, логофорический субъект является экперриенцером, испытывающим лицом, ощущающим на себе воздействие некоторой ситуации, представленной в высказывании в виде целостной пропозиции. Логофорический субъект одновременно является и опорной точкой, относительно которой формируется эголокация. Однако субъект не является источником. В то же время в схемах П. Селлза нечетко представлена дискурсивную роль говорящего как субъекта всего высказывания, лица, произносящего все высказывание, говорящего «высшего порядка».

Взаимодействие говорящего и логофорического субъекта отражаются в том, что именно в дейктическом пространстве говорящего логофорический субъект является элементом третьего дейктического круга. Именно относительно говорящего в предложении *John said that he won the lottery* тот, кто выиграл лотерею - Джон - обозначен собственным третьему дейктическому кругу способом, местоимением третьего лица (*he*). Тем самым происходит своего рода нейтрализация дейксиса логофорического субъекта (дейксиса *de se*), его подавление дейксисом говорящего (дейксисом *de re*) - и в структуру комплемент* проецируются элементы дейксиса говорящего высшего порядка. К¹ представляется, исходная референциальная семантика местоимен¹ третьего лица позволяет использовать их в логофорическом контексте, в котором они выполняют двойственную функцию - **указывают**

Т.А. Клепикова

бъект внутреннего состояния и имплицитно присутствуют в высшем порядке.

Краткая по необходимости характеристика онтологического статуса и функций категории логофоричности позволяет, тем не менее, сделать вывод о том, что языковая концептуализация возможна в нескольких модусных проекциях:

- модус *de re*, в котором осуществляется референция к внешнему миру и реализуется дейксис говорящего «высшего порядка»;
- модус *de dicto*, в котором осуществляется референция к «сказанному ранее»;
- модус *de se*, в котором осуществляется референция к ментальному пространству когнитивного состояния логофорического субъекта.

«Расщепление» концептуализатора на говорящего и логофорического субъекта в процессе формирования высказываний по типу лингвистических метареферентий позволяет квалифицировать категорию логофоричности как модусную по своему онтологическому статусу (о модусных категориях см. работу Н.Н. Болдырева [2005]). Референтивная логофорическая категория осуществляется за счет целого ряда языковых единиц - прономинальных единиц особого типа, анафорически указывающих на логофорического субъекта (квазииндексальные единицы, представленные в некоторых языках в виде морфем), логофорических предикатов, синтаксических структур сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным (*that-clauses*, что-придаточные), в которых возможны свойственные модусу *de se* грамматические маркировки логофоричности (изменение порядка слов, шифтирование темпорального и локального дейксиса, снятие иллюкутивной силы высказывания).

Литература

- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5-33.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. Монография. СПб.; Тамбов, 1995.
- Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Часть I. Лек-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

синология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. СПб., 2005. С. 14-39.

Клепикова Т.А. Лингвистические метареферентации: монография. СПб., 2008.

Клепикова Т.А. Динамика категоризации пропозициональных единиц // Филология и культура: мат-лы VII Междунар. конф. 14-16 окт 2009 г. Тамбов, 2009.

Кобрина Н.А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу части сложноподчиненного предложения // Синтаксис сложного предложения германских языков / под. ред. Н.М. Александрова, В.М. Аринштейн, Е.А. Корнеевой, А.М. Черепанова. Л., 1973. С. 1-102.

Кобрина Н.А. Лексическая и категориальная семантика глагола как фактор категоризации его актантов // *Studia Linguistica*: сб. науч. тр. Вып. I / науч. ред. В.В. Кабакчи, В.М. Аринштейн. СПб., 1995. С. 40-47.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М., 1998.

Anscombe G.E.M. The First Person // *Anscombe G.E.M. Collected Philosophical Papers. Vol. II: Metaphysics and the Philosophy of Mind.* Oxford, 1981. Pp. 21-36.

Barsalou L.W. Ad-hoc categories // *Memory and cognition.* 1983. Vol. 11. P. 211-227.

Castaneda H.-N. 'He': A Study in the Logic of Self-Consciousness // *Ratio.* 1966. Vol. 8. P. 130-157.

Chirchia G. Anaphora and attitudes *De Se* // *Language in Context* / Ed. by R. Bartsch, J. Van Benthem, P. Van Emde. Dordrecht: Doris, 1981. P. 78-92.

Clements G.N. The Logophoric Pronoun in Ewe: Its Role in DJ course // *Journal of West African Languages.* 1975. Vol. 2. P. 141-177.

Corazza E. Essential Indexicals as Quasi-Indicators // *Journal of semantics.* 2007. Vol. 21. No. 4. P. 341-374.

T.A. Клепикова

Croft W. A Conceptual framework for grammatical categories (or, a taxonomy of propositional acts) // *Journal of Semantics*. 1990. Vol. 7. P. 245-279.

Culy C. Aspects of logophoric marking // *Linguistics*. 1994. Vol. 32. P. 1055-1094.

Davidson D. First Person Authority // *Dialectica*. 1984. Vol. 38. P. 101-111.

Haas A.R. Indexical Expressions in the Scope of Attitude Verbs // *Computational Linguistics*. 1993. Vol. 19. No. 4, December. P. 637-649.

Haiman J. Talk is Cheap: Sarcasm, Alienation and the Evolution of Language Oxford, N.Y. et al: Oxford University Press, 1998.

Harcourt E. Interpretationism, the First Person and "That"-Clauses // *Nous*. 1999. P. 459-472.

Hyman L., Comrie B. Logophoric reference in Gokana // *Journal of African Languages and Linguistics*. 1981. Vol. 3. P. 19-37.

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Harvard University: Department of Slavic Languages and Literatures, Russian Language Project, 1957.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II. Descriptive Application. Stanford, 1991.

Lewis D. Attitudes *De Dicto* and *De Se* // *The Philosophical Review*. 1979. Vol. 88. P. 523-543. Reprinted in Lewis D. *Philosophical Papers*. Vol. 1 Oxford, 1983. P. 133-159.

Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge, 1996.

Oshima D. On emphatic binding and logophoric binding // *Res Lang Comput*. 2007. Vol. 5. P. 19-35.

Schlenker P. A plea for monsters // *Linguistics and Philosophy*. 2003. Vol. 26. P. 29-120.

Sells P. Aspects of Logophoricity // *Linguistic Inquiry*. 1987. Vol. 18. No. 3. P. 445-479.

Smith C.S. *Modes of Discourse. The local structure of texts*. Cambridge, 2003.

Speas M. Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features // *Lingua*. 2004. Vol. 114. P. 255-277.

DeLancey L. Logophoricity and Long-distance Reflexives // *Encyclopedia of Language and Linguistics in 10 vols* / Ed. by N. Asher. Oxford, P. 2302-2306.

К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию и попытке описания лексической категоризации темпоральности в современном английском языке на материале романа «Дочь Галилео».

Время является одной из основополагающих категорий, через призму которых человек воспринимает действительность. С одной стороны, оно субъективно, поскольку его восприятие зависит от индивидуального опыта человека, от его морального и физического состояния (нам может казаться, что, в зависимости от обстоятельств, время летит слишком быстро или тянется невыносимо долго), от особенностей культуры, к которой принадлежит индивидуум (например, полихронной или монокронной) и т.д. С другой стороны, время объективно существует в мире вне зависимости от наличия или отсутствия индивидуума, его воспринимающего, помимо его воли и особенностей восприятия, более того, время определяет само существование человека. Вследствие этого изучение лексических способов отражения категории времени представляется актуальным и интересным. Исследования такого рода могут приблизить нас к пониманию того, как носитель языка членит мир, какова его картина мира, каковы особенности экспликации мировосприятия людей в том или ином языке.

Рассмотрим особенности оязыковления категории времени в одном из художественных произведений XX века, в романе Dava Sobel «Galileo's Daughter».

Как отмечают многие лингвисты, время зачастую воспринимается носителями английского языка как ценность, как предмет обладания, который можно приобрести, потерять, подарить и т.д. [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff, Turner 1989]. В рассматриваемом романе представление о времени как о ценности, в частности, реализуется в следующих отрывках из произведения:

Galileo could have swatted these away in a single blow - except, of course, the theoretical ones - but he simply hadn't bothered to refute because he deemed the effort a waste of time and breath [Sobel 2000].

Здесь речь идет о занятии, которое не принесет пользу, а его результатом будут только растроченные силы и безвозвратно ут

ремя. В этом примере лексема *time* сочетается с *waste*, что говорит о способности человека растрчивать время, тратить его впустую так же, как можно бездумно и без пользы тратить денежные средства. Таким образом, понятие «время» сближается с понятием «деньги», играющем очень важную роль в западных культурах, для которых время, наравне с деньгами, является одной из наивысших ценностей. Это, в частности, выражается в английских пословицах и поговорках: *Time is money*, *fake care of the minutes and the hours will take care of themselves* и других, которые говорят о ценности каждой минуты в жизни человека, так как из минут складываются часы, дни, годы.

Еще одним из способов передачи когнитивной метафоры ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ в романе является употребление глагола *to spend* в сочетании с существительным *time*:

From May 20 to 23, the Madonna of Impruneta passed through the streets of Florence laid waste by the plague, and spent her nights as the guest of three churches that had vied for that honor [Sobel 2000: 268].

Galileo spent enough time to write the better part of the book [Sobel 2000: 85].

He spent half of December drafting a series of detailed drawings of the Moon in several phases [Sobel 2000: 31].

В приведенных примерах глагол *to spend* говорит читателю о том, что время не растрчивается впустую. Его проводят плодотворно, с пользой для людей, тратят на благие дела. Так, в первом примере речь идет о трехдневном шествии статуи Мадонны по улицам Флоренции, охваченной чумой. Статую помещают на ночь в одну из церквей города, и вместе с ней кров в этой церкви обретают и люди, шедшие с процессией. Проводя время в страдающем от ужасной эпидемии городе, *Madonna of Impruneta* помогает людям. Время, затраченное на трехдневное шествие, должно окупиться: болезнь должна отступить.

В двух других примерах речь идет о времени, затраченном Галилео на научную деятельность: написание научных трудов и работу над зарисовками фаз луны.

Во всех трех случаях использование глагола *to spend* в сочетании с *time* вызывает у читателя ассоциации с деньгами, которые можно потратить, как неразумно, так и разумно.

В следующем примере время предстает перед нами как предмет ВДания, что эксплицируется при помощи глагола *to have*:

His Holiness had no time for more [Sobel 2000: 192].

Здесь время представляется принадлежащим Его Светлости, у которого «не было времени на большее». Таким образом, время вы-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

ступает в роли ограниченного и невосполнимого ресурса, который не стоит растрчивать понапрасну.

В приведенном ниже предложении время также представляется объектом обладания. Аббатиса при смерти, у нее в распоряжении осталось только несколько дней:

*She is so gravely ill that yesterday morning she received the **Extreme Unction**, and it appears that she has only a few days to live [Sobel 2000: 320]*

В этом отрывке из романа говорится о том, что ученый обладает достаточным количеством времени для того, чтобы прочесть три лекции. Как и в двух предыдущих примерах, обладание человеком временем эксплицируется при помощи глагола *to have*:

*It flared up near the constellation Sagittarius in October and **stayed so prominent through November that Galileo had time to deliver three public lectures** [Sobel 2000: 52].*

В следующих примерах время можно трактовать двояко: с одной стороны, как нечто, принадлежащее Галилео, его собственность, с другой стороны, как вместилище событий, фактов и обстоятельств, имевших место в определенный период времени или относящихся к нему:

In Galileo's time, in addition to nearly thirty thousand males of all ages and more than thirty-six thousand females living in the city of Florence, a separately tallied population of "religious" - one thousand men and four thousand women - dwelled in twenty-seven local monasteries and fifty-three convents [Sobel 2000: 44].

The freedom from error that belongs to the pope as his special privilege applies only when he speaks as shepherd of the Church to issue formal proclamations on matters of faith and morals. What's more, the right of infallibility was never formally defined in Galileo's time, but issued two centuries later from Vatican Council I, held in 1869-70 [Sobel 2000: 286].

Время, как показывает анализ фактического материала, может представляться вместилищем определенных действий и событий, своеобразным сосудом, который человек наполняет в соответствии со своими желаниями и обстоятельствами, предлагаемыми ему судьбой, как, например, в следующем предложении. В нем речь идет о том, что Клэр положила начало традиции работать в монастыре, заполняя часы между повседневными обязанностями монашек прядением и вышиванием: J ^ B

*She also initiated the tradition of work in the convents, **filling the hours** between the daily offices with spinning and embroidery [Sobel 2000: 1 ^ .*

Использование глагола *to fill* в сочетании с *hours* заставляет человека воспринимать часы как вместилище полезных дел, которые монахини заполняют свой досуг.

В представленном ниже отрывке время (дни) является вместилищем неприятных событий: суда и болезни ученого. Представления о времени как о вместилище передаются с помощью предлога *within*:

Galileo's poor health perhaps rushed his judgment on the matter, since he again took seriously ill within days of the court dispute over floating bodies and did not recover for several months [Sobel 2000: 45].

В данном предложении утренние часы наполнены гораздо более приятными обстоятельствами, связанными с трапезой в обществе учредителей университета:

Thursday morning / was dining with our patrons [Sobel 2000: 61].

В следующем примере благодаря метонимическому переносу фразы *happy years* говорит читателю о том, что Фердинанда впереди ждут еще много счастливых лет, наполненных радостными событиями и впечатлениями:

Forecast of many more happy years for Ferdinando [Sobel 2000: 29].

Далее приведено предложение, в котором, как и в предыдущем, присутствует метонимический сдвиг значения. Словосочетание *by the next ship* означает в данном контексте «ко времени прибытия следующего корабля». Таким образом, событие и связанные с ним реалии (корабль) номинируют отрезок времени, являющийся вместилищем для этих событий:

By the next ship your lordship shall receive from me one of the above instruments [Sobel 2000: 35].

Когда речь в тексте идет о Тридцатилетней войне, читателю представляются военные действия, ужасы и горе, которые они влекут за собой. Тридцать лет жизни жителей Европы были наполнены этими трагическими событиями:

The Thirty Years' War, which broke out in Bohemia the same year [Sobel 2000: 88].

В следующем примере определенный отрезок времени наполнен приятными и волнующими событиями, связанными с первыми днями первосвященства Барберини:

The exiting early days of the Barberini pontificate [Sobel 2000: 102].

В приведенных ниже предложениях время является вместилищем нужды, бед и трудностей, что, как и в предыдущих примерах, выражается с помощью метонимии:

be' 2000^2 ^o *mamis* *cript to Rome in these troubled times?* [So-

Care ^o *nly thing for you to do now is to guard your good spirits, taking*
'hou ¹⁰ *jeo* *P^{ar}dize your health with excessive worry, but to direct your*
^s *and hopes to God, Who, like a tender, loving father, never abandons*

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

those who confide in Him and appeal to Him for help in time of need [Sobel 2000: 243].

В следующем примере отрезок времени, а именно, ночь, представляется вместилищем определенных дел, в частности, написания письма. В то же время словосочетание *far into the night* позволяет говорить о реализации в данной цитате метафоры ВРЕМЯ - ЛАНДШАФТ

... *if Suor Maria Celeste told her Father she was "writing at the seventh hour", she meant she worked far into the night* [Sobel 2000: 189].

Время может выступать в романе в качестве системы измерения, как, например, в приведенном ниже предложении, из которого становится ясно, что в Италии в семнадцатом веке часы от первого до двадцать четвертого считались, начиная с рассвета:

Italians numbered the hours of the seventeenth century from one to twenty-four, beginning at sunset... [Sobel 2000: 189].

Присутствие в семантической структуре единиц с темпоральной семантикой признака «система измерения», как пишет В. Эванс, обусловлено соотношением между происходящими с определенной периодичностью явлениями внешнего мира и субъективным восприятием длительности человеком. Благодаря этому физические (то есть визуальные и аудиальные) символы могут использоваться для репрезентации (то есть измерения) длительности, с которой они взаимосвязаны [Evaris 2004]. В. Эванс приводит в качестве примера периодичность. Поскольку некоторые объекты, события и явления связаны с определенной периодичностью, формирующей циклы или имеющей определенный ритм, такие объекты, события и явления можно использовать для «измерения» длительности, с которой они взаимосвязаны [Evans 2006]. Так, например, часы используются для того, чтобы делить день на равные части, на часы (более раннее разделение), минуты и секунды (более позднее разделение), что стало возможно после изобретения достаточно точных часов с маятником в 1656 году и точных механических часов в 1700 году [Barnett 1998; Watrow 1988].

В терминах времени может измеряться расстояние, как, например, в следующих предложениях, в которых расстояние от одного дома до другого измеряется не количеством миль или километров, а временем, которое необходимо затратить на его преодоление:

When she became pregnant, he moved her to Padua, to a sin house on the Ponte Corvo, only a five-minute walk away from [Sobel 2000: 23]. JB

It took him three quarters of an hour on foot or by mule - when was up to the trip - to visit them [Sobel 2000: 86].

Е.А. Нильсен

В романе «Дочь Галилео» время зачастую персонифицируется. Оно предстает перед читателем в качестве грозного господина, имеющего безграничную власть над людьми и не подчиняющегося их воле. Время диктует человеку, что он должен делать в тот или иной период жизни, как, например, в следующем отрывке:

Sundday morning brought Vincenzio here to see the Perini's villa... [Sobel 2000: 122].

Наличие в тексте глагола *to bring*, сочетающегося с существительным *morning*, говорит читателю о том, что человек здесь является объектом действия, а не субъектом. Он пассивен. Время занимает активную позицию по отношению к человеку. Винченцио пришел посмотреть на виллу Перини не по собственной воле. Его привело сюда воскресное утро.

Время влияет на мысли людей, изменяя их ход. Время может запутать человека, привести его в замешательство:

Mid-March turned Galileo's thoughts toward Rome... [Sobel 2000: 190].

The past several years had enmeshed him in difficult papal affairs... [Sobel 2000: 192].

Время, как живое существо, способно увидеть что-то важное, например, быть свидетелем конца эпидемии чумы. В тексте данное олицетворение эксплицируется при помощи глагола *to see*:

September saw the end of the plague epidemic [Sobel 2000: 311].

В анализируемом произведении можно выявить случаи реализации в тексте когнитивной метафоры ВРЕМЯ - ПУТНИК. В частности, она передается с помощью таких лексических единиц, как *to approach*, *to come*, *to go* и др. В последнем из приведенных ниже примеров экспликация времени как путника сочетается с персонификацией: зима пришла в Рим и ушла из него, не сказав ни слова. Таким образом, в романе время наделяется не только возможностью видеть, но и говорить:

• *The day of Galileo's judgment approached* [Sobel 2000: 269].

All Saints' Day [November 1] is approaching [Sobel 2000: 319].

When autumn came with its early dark, he chanced to focus one of his telescopes on the face of the Moon [Sobel 2000: 31].

A powerful serious illness struck Galileo toward the end of 1617 and held him in its grip until spring came [Sobel 2000: 86].

Hardly had he begun his close discussion and draw conclusions, demanded delicate Womacy [Sobel 2000: 176].

2000. *Winter came and went without a word from Rome* [Sobel

III. Уровневая категоризация естественного языка I

В ряде случаев темпоральные лексические единицы говорят о ритмичной повторяемости определенных событий. Что-то происходит трижды в день, один раз в день, раз в два года, каждые три года и т.д. Таким образом, можно говорить о репрезентации в тексте модели ВРЕМЯ - РИТМ:

Their Serene Highnesses Cosimo II, Archduchess Maria Maddalena and Grand Duchess Mother Madama Cristina filled the seats around their table three times a day [Sobel 2000: 61].

The "fixed" stars outlined pictures on the night sky and whiled around the Earth once a day [Sobel 2000: 31].

Changes in the weather "molested" him, his first biographer noted and he typically fell sick in spring or fall, or both, about every other year throughout his adult life [Sobel 2000: 84].

He may be replaced every three years [Sobel 2000: 127].

Обобщая все вышесказанное, можно отметить!, что в романе Д. Собель «Дочь Галилео» оязыковление категории времени на лексическом уровне отражает следующие концептуальные модели: ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ / ЦЕННОСТЬ / ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ, ВРЕМЯ - ВМЕСТИЛИЩЕ, ВРЕМЯ - ЛАНДШАФТ, ВРЕМЯ - ПУТНИК, ВРЕМЯ - ГОСПОДИН, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВРЕМЕНИ, ВРЕМЯ - СИСТЕМА ИЗМЕРЕНИЯ, ВРЕМЯ - РИТМ. Репрезентация перечисленных моделей происходит в основном за счет механизмов семантической деривации (метафоры и метонимии), а также благодаря использованию в тексте лексических единиц с соответствующей семантикой в сочетании со словами, номинирующими различные отрезки времени.

Литература

Barnett J.E. Time's Pendulum: From Sundials to Atomic Clocks, the Fascinating History of Timekeeping and How Our Discoveries Changed the World. San Diego, CA, 1998.

Evans V. How We Conceptualise Time: Language, Meaning and Temporal Cognition // The Cognitive Linguistics Reader. London, 2007. P. 733-765.

Evans V. The Structure of Time. Language, Meaning and Temporal Cognition. Amsterdam / Philadelphia, 2004.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980

Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor. - Chicago, 1989.

Sobel D. Galileo's Daughter. N.Y, 2000.

Whitrow G.J. Time in History. Oxford, 1988.

Н. Е. Сулименко

Н.Е. Сулименко (Санкт-Петербург)

О КРИТЕРИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЕЕ КОГНИТИВНОМ ИСТОЛКОВАНИИ

Все знания о мире, включая лингвистические, хранятся в нашем сознании в категориальной форме. Таким образом, категоризация с синергетической точки зрения - это способ упорядочения реалий и явлений, процессов универсума. Когнитивные основания грамматики обычно связываются с понятием категории и именно о грамматических категориях традиционно говорят языковеды. Иначе говоря, грамматикой монополизируется право на категоризацию в языке. Действительно, категоризация в первую очередь предполагает выделение из фона предмета и его признака с последующей их номинацией, но это общее свойство человеческого мышления, наиболее отчетливо представленное в грамматике.

Приписывание категории, прежде всего, грамматического смысла имеет свои объективные предпосылки: множественность объекта, известная смысловая размытость семантических категорий в лексике, лакунарность в представлении тех или иных смыслов в лексических парадигмах, сравнительно более позднее по ряду причин формирование системного подхода к лексическим явлениям, сплошь и рядом отмечающееся нарушение принципа нормативности в истолковании лексических явлений при неукоснительном соблюдении этого принципа в интерпретации грамматической категоризации в системе литературного языка.

В самом общем виде ответ на вопрос о различии лексической и грамматической категоризации дан в концепции функциональной грамматики. В ней отмечено, что это различие сводится не столько к содержательным характеристикам, сколько к способу их формального выражения. Принято считать, что грамматическое значение как тип языковой семантики является более абстрактным, чем лексическое значение. Но уже в рамках функциональной грамматики (школа А.В. Бондарко) указывается, что грамматические категории и грамматические значения как их компонент являются более высокой степенью формализации ^Ц понятийных категорий по сравнению с лексическим значением, ^{соот-}носимым с системой лексических средств, не имеющих такого ^{ател-}ного формального выражения общих понятийных катего-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

рий. Так, А.В. Бондарко считает, что в грамматике существуют регулярные специализированные ряды форм для выражения грамматических значений. Лексика же пользуется формальным аппаратом грамматики для размежевания содержательных различий слов. Это свойство грамматических форм учтено, например, В.В. Виноградовым в выделении им различных типов лексических значений как одной из наиболее абстрактных лексических категорий (например, значения синтаксически обусловленного или конструктивно ограниченного). Что же касается содержательного плана лексической категории, то она обладает возможностями, соизмеримыми с потенциальными категориями грамматической. Это осознано представителями и традиционной, и словарной грамматики, и лингвистами-когнитологами.

Опираясь на положение Ю.С. Степанова о глубокой аналогии между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения, В.С. Юрченко считает словосочетание промежуточной ступенью преобразования предложения в слово: «Словосочетание и слово *не вычлняются* (курсив автора - Н.С.), а являются результатом его внутреннего *преобразования*» (курсив автора - Н.С.), при этом «словосочетание - это расчлененная (синтаксическая) номинативная единица; а слово - это квантовая (лексическая) номинативная единица» [Юрченко 1996: 54]. Ср. приводимый им пример: *ночь темна - темная ночь - темная*. По словам Н.Д. Арутюновой, значение слова - не смысловый атом, а «функция значения предложения» [Арутюнова 1976: 23]. Вспомним и о том, что именно синтаксисты говорят о возможности производных слов свертывать и переводить на уровень лексической семантики целые синтаксические конструкции. С когнитивной точки зрения это обосновывается их способностью вербализовать такие базовые ментальные репрезентации, как пропозиция. Сам закон семантического согласования в синтагматике выступает следствием закона концептуального согласования при номинации предмета и его признаков. Это лишний раз убеждает, что пропозиция является основной ментальной репрезентацией для всех единиц языка, снимая оппозицию текста и кода, что отчетливо выявляется в способах представления слова в словаре как в дефиниции, так и в иллюстративной части словарной статьи. Поэтому знание лексического значения производного слова предполагает знание ситуации, в которой принято употребление. Это знание сближает различные макрокомпоненты структуры лексического значения - денотативный и коннотатив

ибо и тот, и другой оказываются ситуативно обусловленными, хотя и по-разному.

При интегральном подходе к языку между единицами разных уровней языковой системы усматривается изосемия, отсутствие непроходимых границ, наличие переходных зон. С грамматической целью оформленностью слова связано указание на оформление лексического содержания средствами определенной части речи и на отнесение слова к определенному лексико-грамматическому классу со свойственным ему грамматическим значением как типом языковой семантики. По словам А.И. Смирницкого «грамматическая классификация слов, выражающаяся в их определении как частей речи, с лексикологической точки зрения, является особой семантической их классификацией - классификацией по наиболее общему и абстрактному элементу в составе их значения» [Смирницкий 1955: 153].

С.Д. Кацнельсон пишет о категориях скрытой грамматики в русском языке, благодаря которым с помощью лексического значения и контекста могут выражаться значения, идентичные грамматическим [Кацнельсон 1972: 97]. Например, это могут быть значения определенности / неопределенности (*Потребовалась консультация профессора. Профессор потребовал немедленной госпитализации*), результативности / нерезультативности (*искать - находить*), каузативности / некаузативности (*есть - кормить*), лица (*навещать, говорить, смеяться, хвалить, порицать*). Слово *мальчик* конкретизирует свое значение через сопоставление с членами парадигмы: человек - мужчина - ребенок. Но уже здесь есть соприкосновение со структурой грамматического значения (ср. человек - неодушевленное существо - предмет). Эту связь лексического и грамматического значения, различающихся не столько содержательно, сколько формой своего выражения, отмечает В.Г. Адмони. Связь лексического и грамматического последовательно учитывается в исследованиях по словарной грамматике (А.А. Колесников, Г. Руделев, А.И. Шарандин, Э.А. Балалыкина и мн. др.). По словам И. Шарандина, механизм взаимодействия лексического и грамматического значений в слове сводится к признанию за грамматикой статусного одного из основных средств выражения лексической семантики; тем не ^{Бм} «подтверждается уникальность лексического значения на уровне ⁴грамматики: оно имеет только ему свойственный набор грамматических ^{Их} форм. Вследствие этого грамматика не оказывается чем-то поле, ^{ННим} в словарной статье, а органически входит в нее, определяя ^{Ико}графические потенциалы слова» [Шарандин 1998: 237-238].

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Замечая, что грамматика как бы «размазана» по АВС, Ю.Н. Караулов отмечает связь лексического и грамматического на уровне семантических полей: «... дальнейшее обобщение и компрессия полей на уровне ядер должны приводить к некоторым широким понятийным категориям, которые могут приближаться к грамматическим категориям, а отчасти даже совпадать с ними» [Караулов 1985: 221]. Установлено, что часть сем, используемых при описании лексических значений, «находится в определенном отношении к грамматическим (в широком смысле) значениям, грамматическим категориям» [Руделев 1997: 202]. В работах последнего времени эта проблема получает и когнитивное измерение. Так, Л. Талми считает, что грамматические значения отражают не те или иные фрагменты мира, как лексические значения, а структуру таких фрагментов с позиции говорящего. Автор сравнивает эту структуру со скелетом или строительными лесами для концептуализации материала, выражаемого лексически. Отмечается два рода ограничений в содержании грамматических единиц по сравнению с лексическими: на категории выражаемых грамматически понятий и на члены этих категорий. Так, обычно лексическую форму выражения имеют понятия расстояния, размера, формы, цвета. А грамматические категории числа, согласно мнению автора, никогда не выражают таких понятий, как «четный», «нечетный», «дюжина», «исчисляемый», имеющих лексическое выражение [Талми 1999]. Таким образом, грамматическая цельноформленность «лексического» слова определяет и формальную, и содержательную его характеристику, особенно в свете представлений о содержательной природе формы.

Следовательно, выяснение критериев лексической категоризации предполагает внимание как к тому общему, что связывает разные типы языковой категоризации, так и к когнитивной специфике лексической категоризации. Связь когнитивистики и лингвокультурологии, когнитивного и лингвокультурологического анализа слова объясняется тем, что в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры. Концептуальный анализ в этих ориентациях целесообразно, оппозиций типа *мужчина-женщина*, *когниция-коммуникация* и формирует надопозитивные интегративные образования разного рода (перонимы, метафоры и т.д.).

Языковые категории любого типа в отличие от формальных логических выступают категориями естественными, строящимися по прототипическому принципу. Принцип семейного сходства является определяющим не только для таких лексических категорий, как

//Е. Сулименко

значность и синонимия, но и в менее очевидных случаях, например, в азного рода лексикосистемных группировках слов, включая самые обширные типа семантических полей, представляющих, прежде всего, в идеографических словарях различные фрагменты знаний о мире. Лексико-семантические поля строятся по полевому, ядерно-периферийному, принципу, указывающему на неодинаковую роль для нашего сознания, на разную психологическую выделенность различных номинаций поля. Вместе с тем известно, что за каждым семантическим полем; словообразовательным гнездом и лексической сочетаемостью стоит определенный концепт со всей совокупностью свойственных ему признаков. Права Анна А. Зализняк, утверждая, что «**отечественная семантика по существу всегда была «когнитивной»**» [Анна Зализняк 2006: 19]. Лингвокогнитологи неоднократно высказывали мысль о том, что развитие многозначности онтологически идет не от одного значения к другому, а от общего представления с постепенной дифференциацией значений. Это подтверждается и данными когнитивной науки, и исследованиями детского мышления и речи. Еще д.Н. Шмелев отмечал факт диффузности значений многозначного слова, известной размытости, некоторой неопределенности лексической семантики. В когнитивных ориентациях это объясняется бесконечностью человеческого опыта и знаний, их недискретностью, преломляемой языком в дискретных единицах. Замечено, однако: «не исключено, что не только словарное толкование, но и само частное значение - это элемент **метаязыка описания**, и только его» [Анна Зализняк 2006:44].

Определяя дискурс как когнитивно-коммуникативное образование, ученые выделяют в качестве ведущих разные его характеристики: В.И. Карасик отмечает ценностные признаки дискурса и его место в культуре; Г.Г. Слышкин объявляет дискурс объектом исследования культуры. Понятие дискурса как возможного мира в когнитивном плане соотносится с понятием концепта: и то, и другое допускает лексическую экспликацию концептуальных признаков, разнящихся от дискурса к дискурсу.

Между тем остается нерешенной проблема аксиологической сущности — щей концепта (как со стороны содержательного ее наполнения > так и отношения к другим составляющим концепта). Видимо, зывая сигнификативную природу всех компонентов лексического Ю£ слова (а это, напомним, редуцированный концепт), но-до Тепанов выделяет в нем и десигнат, обращенный к рациональческой, аналитической части лексического значения. Известно,

III. Уровневая категоризация естественного языка I

однако, что в современных исследованиях содержания слова называет, ся и такая его часть, как прототипический денотат, то есть типовой образ, ассоциируемый со словом. В когнитивистике это одна из содержательных форм концепта, а в семасиологии статус образного компонента не вполне выяснен: то ли это область коннотаций, то есть аксиологии; то ли область денотации. Очевидно, все дело в том, что нельзя рассматривать многие лексические явления вне когнитивного их истолкования. Само различие десигната и сигнификата в структуре лексического значения объединяет его с другими типами языковой семантики как отражением ментальных процессов, позволяющих говорить о различных когнитивных операторах типа: я знаю, я представляю себе вообрази; почувствуй; я считаю; учти, что я рассматриваю ситуации как официальную / неофициальную [см. подробнее: 'Гелия 1996], Видимо, когда В.В. Колесов называет символ синкретичной, «наиболее продвинутой» содержательной формой концепта, он имеет в виду совмещение в слове как знаке образной и понятийной характеристик, что и создает «продвинутость» лексической объективации концепта с помощью языка. Следовательно, эту символическую, понимаемую как знаковая функцию слова нельзя подменять его ценностными характеристиками. Сказанное относится и к содержательным формам концепта, который стоит за словом и объективируется с его помощью. В определении символа как содержательной формы концепта В.В. Колесов снимает дихотомию образа и понятия: символ рассматривается как «знак, одновременно имеющий и собственное значение, и переносное, и в единстве этих значений указывающий на нечто третье» [Колесов 2002: 16]. Таким образом, здесь находит семиотическое объяснение закон сложения смыслов, о котором писал еще Л.В. Щерба. **Отмеченное** делает едва ли оправданным встречающийся у лингвистов переход от истолкования содержательных форм концепта В.В. Колесовым (образ-понятие-символ) к концепции В.И. Карасика (последняя составляющая концепта заменяется на ценностную, которая, кстати, может быть представлена и в образе, и в понятии, и в символе). Концепт методологически пришел на смену семиотическим категориям (образ, **понятие**, значение), больше не считающимся полностью адекватными [Колесов 2002, 2004, 2006; Воркачев 2004], и перенял от «понятия дискурса^» функцию представления смысла, от образа - метафоричность и эмоциональность этого представления, а от значения - включенность его им лексическую систему языка» [Воркачев 2007: 14]. **Понятийное** значение, по мнению автора, - это дефиниционная структура кон

//Е. Сулименко

образная составляющая (гештальт, прототип, фрейм, символ) закрепляет когнитивные метафоры, с помощью которых концепт структурной в сознании, реализуя аналоговые возможности человеческого Мышления; значимостный пласт в содержании концепта определен местом имени концепта в системе языка. Последнее утверждение позволяет аргументировать необходимость использования в интегральном анализе слова и его системно-структурных характеристик, обусловленных и когнитивно, и лингвокультурологически.

Семантическое согласование слов, которое было обозначено как закон в синтагматике (работы В.Г. Гака), «законы сочетания словесных значений» (В.В. Виноградов) тоже имеют когнитивное обоснование: в словосочетании должны обнаруживаться общие концептуальные признаки партнеров несмотря на то, что они могут входить в разные семантические поля, вплоть до межчлестеречных, зацепляться друг за друга по своим отнюдь не ядерным компонентам смысла. Например, определения очень избирательны при допуске слов в качестве определяемых: у прилагательных ими могут быть эталонные носители признака - отсюда их использование в сравнениях типа белый, как снег, молоко, мел, - а могут быть субстантивы совершенно иных семантических полей, весьма далеких от носителей прототипических, цветовых признаков: белый свет, день, половина (в избе), кожа, раса, гвардия и т.п. Как видим, семантическое согласование выступает как проявление концептуального согласования по одному или нескольким когнитивным признакам. Основное, свободно-номинативное значение слова обращено к прототипической ситуации, оно выступает как основа когнитивной схемы, как того вместилища, из которого вычерпываются различные концептуальные признаки; как донор концептуальных признаков для производных значений, как область-источник для метафоры-цели. Поэтому его словарное описание включает указание на разные виды расчлененности значения, типовые образные применения, семное речевое варьирование и т.д. Таким образом, радиус действия основного типа значения как репрезентанта прототипической ситуации оказывается чрезвычайно широк и охватывает не только структуру

Позначного слова, но и всю лексическую систему с различными ее У пировками по совокупности парадигматических, синтагматических^и ассоциативно-деривационных признаков (видимо, отчасти поэтому^в своей типологии лексических значений В.В.Виноградов по^{натив}т в однородный ряд определения «основное, свободно-номинативное^т значение»). При этом межчлестеречные отношения слов со-

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

гласуются с двумя базовыми законами когнитивной, речемыслительной деятельности: выбор предмета для его номинации и приписывание еп, тех или иных признаков (предикация). С этими двумя процессами соотносятся и важнейшие типы ментальных репрезентаций и два основных процесса, определяемые в системно-структурной парадигме как отбор и сочетание языковых единиц. Антиномия текста и кода также говорит о пропозиции как ведущей ментальной репрезентации, получающей явную или скрытую языковую объективацию (в предложении-высказывании, в словосочетании, в слове). Не случайно в лингвистике утвердилась мысль, что синтаксическая объективация смысла предшествует лексической, а глубинная семантика проявляется в содержании единиц разных уровней. Концепт и ассоциируется с явлениями глубинной семантики.

По словам Е.С. Кубряковой, внутренний лексикон - это «действующая система, в которой каждая единица «записана» с инструкцией ее использования, с данными о ее оперативных возможностях, притом по всем мыслимым линиям ее употребления - прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 76]. Инструкции по использованию слова, его оперативных возможностей - это тот фильтр, который объясняет возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом представлении слова. Проблема словаря в современном языкознании, особенно в его дискурсивной версии, предстает как проблема гипертекста. Это связано с глобальной интертекстуальностью словаря, обобщающего в своем лексикографическом аппарате результаты различных дискурсивных практик, использующих слово. Концептуальный, дискурсивный и ставший уже традиционным компонентный анализ слов не исключают друг друга, если видеть общую концептуальную основу языковых, лексических, и внеязыковых явлений, включая различные виды деятельности, обслуживаемые разными типами дискурсов.

Слово как предмет лексикологии следует отличать от обыденного представления о нем, от слова как психологической реальности и продукта коммуникативной деятельности. Преимущественное внимание к понятию как основе лексического значения объяснялось отчасти тем приоритетом, который отдавался логическим структурам человеческого сознания в ущерб процессам, протекающим в подсознании, сфере бессознательного и интуиции, хотя и эти процессы объектив[^]руются словом. Лексическое значение слова в правой части словаря , статьи получает свою текстовую экспликацию в виде словарной Д Ф

//Е. Сулименко

«ции. Тем самым демонстрируется изоморфность языковых единиц разных уровней (слова и предложения-высказывания): в толковании лексического значения как текста выделяется тема (известное) и рема (новое), и этим новым может быть информация не только о мире, но и о субъекте с единством его психической сферы, о различных условиях употребления слова в разных его значениях. Понятие, заключенное в лексическом значении, оказалось принципиально не лимитируемым и по причине его изменчивости во времени, в связи с открытием новых свойств «вещей», и по причине свернутости в нем многообразия тех суждений, личностных смыслов, пропозиций, которые создают лексический портрет усредненной, типизированной языковой личности на определенном этапе развития этноса. Подобная изменчивость свойственна не только «наивному» понятию, отражаемому языком, но и научному, претерпевающему изменения в связи с новыми научными открытиями, с формированием новых научных парадигм и новых школ, в рамках которых «исповедуется» то или другое понятие. Попытки ограничить понятие только областью герминосистем научной сферы не спасает положения, поскольку обыденные понятия подтягиваются до научных, правда, когда последние покидают пределы науки (Ю.С. Степанов), но еще и потому, что между термином и словом нет непроходимой границы. Примеры интегрального описания лексического значения с включением элементов энциклопедической информации, с помещением серии значений в идеографические блоки (то есть с соединением когнитивной и семасиологической информации) обнаруживают и пробные словарные статьи НАСа: команда - «I (распоряжение, приказ). 1. Воен. Краткий устный приказ командира по установленной форме. 2. Устное приказание, распоряжение руководителя, отдаваемое им в процессе выполнения какой-л. работы. 3. Разг. Чье-л. распоряжение, сделанное обычно в приказном, не терпящем пререканий тоне. 4. Информ. Автоматически передаваемый сигнал, вызывающий действие какой-л. машины, механизма. II (группа людей, объединенных общностью задания, интересов, условий труда, быта и т.д.). 5. Небольшая воинская часть, сформированная для определенной цели или определенного боевого задания. 6. Личный состав, экипаж судна. 7. Спортивный коллектив, возглавляемый капитаном. 8. Группа лиц, подобранных руководителем или политическим лидером для осуществления его целей и программы действий. 9. Разг. Шутл. Компания, ватага» [Очередные 1995: 83, 85 и др.].

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Таким образом, специфика лексической категоризации связана прежде всего с непосредственной обращенностью слова к реальности если включать в нее и психологическую реальность субъекта речевой деятельности, а также с особенностями лексической формы, ориентированной на принцип совместимости лексической и грамматической семантики.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 2.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Караулов Ю.Н.* Семантическая иерархия в словаре и ее отражение в синтаксисе // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985.
- Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова. СПб., 2002.
- Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб., 2004.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2006.
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Очередные задачи русской академической лексикографии.* СПб., 1995.
- Руделев В. Г.* Слово в словаре // Слово И. Тамбов, 1997.
- Смирницкий А.И.* Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. №2.
- Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГШ Филология, 1999. № 1,4, 6.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. М., 1996.
- Шарандин А.Л.* К вопросу о грамматической концепции толкового словаря // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в в И Сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб., 1998.
- Юрченко В. С.* Предложение и слово (проблемы их соотношения) // Филологические науки. 1996. № 2.

А.Л. Шарандин

А.Л. Шарандин (Тамбов)

ПРОТОТИП КАК КОНЦЕПТ И СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ

В «Кратком словаре когнитивных терминов» (КСКТ) понятие прототипа не имеет самостоятельной словарной статьи, а в той или иной степени определяется в статье, посвященной прототипическому подходу или теории прототипов [КСКТ 1986: 140-145]. Согласно этой теории, данный подход - это «новый подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы понятия являются прототипами». С учетом выделяемых двух видов прототипов, ими оказываются либо единицы, которые проявляют в наибольшей степени свойства, обладающие с другими единицами данной группы, либо единицы, которые реализуют эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [КСКТ 1986: 140].

Однако такое понимание термина «прототип» не является первичным.

Вообще, сам термин «прототип» появился в XVII веке и, как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, слово «прототип» происходит от греческого слова, означающего, буквально, «первый отпечаток». Эта внутренняя форма достаточно четко отражает подход тех исследователей, которые считают, что «прототип заложен в человеческой мысли от рождения; он не анализируется, а просто «дан» (презентирован или продемонстрирован), им можно манипулировать» (со ссылкой на Филлмора - В.З. Демьянков. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века - эл. версия). В этом случае прототип в большей степени сориентирован на неязыковую категоризацию, когда прототип как «первый отпечаток» обусловлен непосредственным отражением и восприятием действительности, когда формирующийся образ оказывается «навязанным нашему уму извне» (И.М. Сеченов), когда прототип является началом, «первообразом» категории, ограниченной по существу данным конкретным образцом. Прототип в этом смысле выступает, согласно Э. Рош, как когнитивная точка референции, которая связана с тем или иным конкретным объектом действительности. Вот почему на этом этапе формирования категории возможны осмысления других ее членов с привлечением прототипа. Рода референтного или денотативного прототипа. Так, например, усвоивший концепт «птица» через прототип «воробей» (допус-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

тим, наиболее частотный в его памяти и восприятии, когда ему пока зывали воробья и говорили: «Смотри, какая за окном птичка»), можно включить в ряд с этим прототипом, например, таких птиц, как «щегол», «соловей», потому что в его восприятии «щегол» - это птичка, похожая на воробья, но имеющая красивое и яркое оперение; «соловей» - это птичка, похожая на воробья, но отличающаяся красивым пением. Такой тип восприятия и осмысления позволяет с точки зрения категоризации выделять так называемые «генеративные категории в которых принцип подобия является тем, что позволяет из прототипа образовать более широкую категорию» (Википедия. Категоризация и познание - эл. версия).

Как «первообраз, начальный, основной образец, истинник» толкуется значение понятия «прототип» в словаре В.И. Даля.

С точки зрения словообразовательной структуры термин «прототип» прозрачен, будучи представлен единицей, образующейся с помощью префикса «прото-», непосредственно присоединяемой к корню «тип». Достаточно регулярный и продуктивный (особенно в научной терминологии) он, согласно «Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой, имеет значение «первоначальности, исконности по отношению к тому, что названо мотивирующим словом». Другими словами, буквально, прототип - это своего рода «первоначальный тип», «исконный тип» в системе осмысления объекта действительности, включая и язык как один из объектов этой действительности. И в этом смысле понятие прототипа совпадает с его осмыслением как «архетипа».

Но в XX веке происходит переход к истолкованию типа как методологического средства, с помощью которого строится теоретическое объяснение. «При этом происходит сдвиг в трактовке типа, который выступает уже не как реальный «архетип», а как результат сложной теоретической реконструкции исследуемого множества объектов», объединяемых с помощью обобщенной идеализированной модели или типа. Поэтому тип определяется как «некий объект, выделяемый по ряду критериев из всего множества и рассматриваемый в качестве представителя этого множества» [ФЭС 1983: 685]. В этом смысле значение префикса «прото-» по существу теряет свой смысл первоначальности, исконности и понятие прототипа в большей степени соотносится с типическим образом. Соответственно, типическое (типичное) начинает «обобщенное, являющееся образцом для группы предметов, членений, вобравшим в себя все существенное, закономерное для Д "Ч

гоуппы, класса объектов» [Кондаков 1985]. «Прото-», таким образом, полу^{чае}т семантическое развитие, означая «лучший», то есть прототип - лучший тип, образцовый тип.

Формирование прототипа на неязыковом уровне по существу осуществляется формами сенсорно-перцептивного отражения, представленного в ощущениях и восприятии от непосредственного воздействия предметов и явлений действительности на наши органы чувств. Но прототип как ментальная единица знания, сформировавшийся на этом уровне и локализованный в памяти человека, должен найти соответствующую репрезентацию в языке посредством слова. При этом важно помнить, что фактами языка являются не концепты, а значения слов, которые репрезентируют концепты в языке, хотя, естественно, это не означает, что концепты оказываются за пределами их рассмотрения в языке.

Прежде всего, необходимо учитывать различие в вербализации концепта на сенсорно-перцептивном уровне и на уровне представлений и понятий. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «в процессе вербализации сенсорно-перцептивного образа отраженные свойства и признаки предметов объективной действительности еще не приобретают статус сем - мельчайших смысловых элементов языкового значения, поскольку сама ментальная презентация такого образа еще недифференцирована, размыта, синкретична. Косвенно об этом свидетельствуют исследования детской речи, согласно которым значения первых слов - это целостные образы памяти, всплывающие в сознании ребенка, когда он произносит или воспринимает знакомое слово» [Алефиренко 2005: 121].

Слово в этом случае оказывается своего рода аналогом того объекта действительности, обозначением которого оно является. В связи с этим уместно привести высказывание Н.Н. Болдырева о том, что «так называемые лексические категории собственно языковыми категориями не являются. Они представляют собой аналоговые (по отношению к окружающему миру) категории и имеют, соответственно, аналоговую (категориям естественных объектов), то есть логическую "о своей природе, структуру» [Болдырев 2006: 10]. В этом плане показательное отношение исследователей к статусу такой лексической группировки, как тематическая группа. Они отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней являются своего рода «слепками», «фотографиями» тех или иных центов действительности. Собственно языковых закономерностей позволяющих описать связи между словами в тематической

III. Уровневая категоризация естественного языка I

группе, по существу, нет. Как отмечает Е.Е. Котцова, «состав тематической группы задается не общим языковым значением, а самой реальной действительностью, объективными отношениями между ее явлениями (денотатами), то есть во многом определяется привходящими внеязыковыми, экстралингвистическими, факторами» [Котцова 2002: 96].

Данную особенность лексической репрезентации естественного объекта в языке в этом аспекте достаточно ярко, на наш взгляд, охарактеризовал Г.В. Колшанский: «Отношение слова к предмету есть не значение этого слова, а лишь факт номинации, - обозначения; значение же слова определяется сигнификатом» [Колшанский 1977: 112]. Факты номинации приобретают статус собственно языковых значений тогда, когда они выполняют коммуникативную функцию, включаясь в дискурс. Об этом достаточно наглядно свидетельствует высказывание Е.С. Кубряковой: «Сам акт номинации осуществляется в дискурсе и ментальной деятельности человека не только для того, чтобы обозначить новую реалию и тем самым служить наречению мира, но и для того, чтобы обеспечить протекание дискурса, связать разные его отрезки и выполнять разные текстообразующие функции» [Кубрякова 2004:407].

Включение сигнификата в значение слова оказывается в той или иной степени реализованным на более высоких уровнях отражения действительности - на уровне представлений и на уровне понятийного мышления.

Ссылаясь на мнение Б.Ф. Ломова о том, что «формирование образа-представления - новая ступень прогрессивной линии развития когнитивных процессов (Б.Ф. Ломов), Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «на данном этапе возникают элементарные обобщения и абстракции. В связи с многократным восприятием одной и той же категории становится возможной рейтинговая избирательность свойств их признаков. В значении слова фиксируются лишь те, которые обладают особо актуальной для человека ценностно-смысловой значимостью». И далее важное отличие от сенсорно-перцептивного уровня в связи с лексической семантикой слова: «Для формирования семантической структуры языкового знака уровень представлений имеет решающее значение. ^
этом этапе происходит обособление образов-эталонов «когнитив карт», концептуальных моделей, наглядных схем и других ^{когни}ТМ*|
ных образований, на базе которых, собственно, и структуриря^И
многомерное содержание языкового знака» [Алефиренко 2005- JS ;
Причем, как считает Н.Ф. Алефиренко, «вербализация образов-пр®^
ставлений носит творческий характер».

А.Л. Шарандин

Что же касается уровня понятийного мышления, то он однозначно позволяет вербализовать концепт в языке, но не сводя его к отождествлению с понятием. На этом уровне «общее» и «особенное» выражается в языковом знаке не через «единичное», как на уровне представлений, а через «общее», конкретное - через абстрактное [Алефиренко 2005: 123].

В связи с рассмотренными уровнями возникает вопрос о поиске лексических прототипов на них и их статусе в языке. Если исходить из трактовки прототипа как наиболее яркого представителя категории, то по отношению к лексическим категориям, являющихся аналоговыми по отношению к окружающему миру, представленному в тех или иных формах сенсорно-перцептивного отражения, понятие прототипа оказывается по существу нерелевантным. По мнению Н.Н. Болдырева, «можно легко представить себе прототип базовых категорий «кошка» или «собака» и гораздо труднее, если вообще возможно, выделить наиболее яркие образцы животного, сенбернара или персидского кота...» [Болдырев 2006: 7].

Понятие прототипа, наиболее полно представленное на понятийном уровне, позволяет определить внутреннюю структуру понятия, выделяя в нем центр и периферию составляющих его существенных признаков, где в качестве центра и будет выступать прототип. Именно на это обращает внимание А.П. Бабушкин, считая, что теория прототипов используется для того, чтобы определить внутреннюю структуру, и содержит в себе указание на то, что некоторые элементы понятия являются прототипами [Бабушкин 1996: 19]. Правда, здесь, на наш взгляд, проявляется, скорее всего, другое осмысление в понимании прототипа, на которое указывает, в частности, Л.Г. Бабенко: «С одной стороны, прототип понимается как образец, как лучший, типичный представитель категории... С другой стороны, прототип осмысливается как совокупность прототипических признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости: ядерные, повторяющиеся, частотные - периферийные, редкие» [Бабенко 2005: 17].

В этом случае лексическая семантика, связанная с понятием, уже имеет не аналоговый статус, не позволяющий, в силу отсутствия признаков-свойств у слова как естественного объекта языка, определить, какое из слов и соответствующих аналоговых лексических значений является прототипом, а оказывается собственно языковым понятием, которое реализовано определенным лексическим значением. В результате мы можем абстрагироваться от каких-то признаков, опираясь на них как существенные или как несущественные. Ярким показате-

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

телем такого абстрагирования является, на наш взгляд, метод ступенчатой идентификации, применяемый для определения состава лексико-семантических групп (ЛСГ) и позволяющий уже в самом понятийном со-держании выделять центральные и периферийные признаки. А это приводит к выявлению прототипических признаков в структуре понятия.

При этом немаловажно то, что с помощью этого прототипа представленного тем или иным образом, человек воспринимает действительность так, что «член категории, находящийся ближе к этому образцу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипичный экземпляр, чем все остальные» [КСКТ 1986: 144].

Таким образом, прототипический подход - это подход, позволяющий с помощью прототипов познавать действительность. И с этой точки зрения прототипы выполняют инструментальную (орудийную) функцию, категоризируя окружающий мир посредством прототипов. Как отмечает Н.Н. Болдырев. «прототип — это категориальный концепт дающий представление о типичном члене определенной категории... Данные концепты служат опорными точками (когнитивными точками референции, по Э. Рош), с помощью которых человек членит свои знания об объектах и явлениях окружающего мира на определенные категории и выносит свои суждения о них (например: наполеоновские планы, человек восточного типа и т.д.) [Болдырев 2000: 36-37].

Итак, прототип участвует как в процессе концептуализации, демонстрируя особый тип концепта, так и в процессе категоризации действительности. В первом случае он оказывается мысленным образом, который репрезентирован языковыми единицами, наиболее полно представляющими основные и существенные признаки-свойства объекта действительности. Во втором же случае он является тем инструментом, с помощью которого человек осуществляет, прежде всего, категоризацию действительности, поскольку мысленный образ-прототип оказывается своего рода «первоначальным» или «исконным» образом, с помощью которого человек воспринимает окружающий мир. В этом смысле прототип совпадает с понятием архетипа [Ахманова 1969: 371].

В связи с рассмотрением прототипа как одного из типов концепта возникает вопрос о том, какие знания им структурируются или другими словами, формат каких знаний представлен прототипом? Ответ, вероятно, следующий: знания о лучших образцах в категоризации действительности и языка, знания, которые оказываются наиболее типичными для восприятия объектов естественных категорий. Их явление позволяет воспринимать окружающий мир в наиболее е

А.Л. Шарандин

енны>: для носителей языка формах обыденного сознания. Соответственно и форматы знаний, представленные теми или иными типами концептов, оказываются сравнимыми в прототипическом плане. Вот почему понятие прототипа как образцовой структуры того или иного концепта

У находим в отношении таких концептов, как схема, понятие, фрейм, пропозиция, сценарий (ср.: схема-прототип, фрейм-прототип и т.д.). Но прежде всего прототип определяет круг знаний об объектах естественных категорий и характеризует базовый уровень категоризации, тогда как на суперординатном и субординатном уровнях категоризации прототипические эффекты отсутствуют [Болдырев 2006: 7].

В типологии концептов, представленных Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2000: 36], прототип занимает позицию после понятия как одного из видов концептов, то есть по степени абстракции мы имеем следующий порядок типов концептов: конкретно-чувственный образ, схема, понятие, прототип, пропозиция... Поэтому возникает вопрос: какой смысл мы вкладываем в выражение типа «прототип концепта «Птица»? Если прототип один из типов концепта, то буквально имеем следующий ответ: определенный (категориальный) концепт концепта «птица». Но поскольку концепт «Птица» имеет понятийное содержание, то термин «прототип» употреблен здесь в сочетании «прототип понятия «птица».

Понятие же включает, как правило, набор наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, его объективные, логически контролируемые характеристики. Следовательно, прототип в этом случае оказывается более абстрактной сущностью, чем собственно понятие, поскольку прототип предполагает абстрагирование не столько от второстепенных признаков, что мы находим у понятия, сколько нахождение среди существенных признаков понятия наиболее значимых, наиболее типических, которые в ранговом отношении оказываются наиболее важными и значимыми, своего рода рейтинговыми.

утверждение этому мы находим в приведенном выше определении •Фототипического подхода, данного КСКТ: это «новый подход... к понятию как к структуре, содержащей указания на то, какие элементы б о - я являются прототипами», то есть наиболее типическими, наиболее значимыми в понятийной структуре.

1 аким образом, прототип возникает на базе понятия в результате абстрагирования от его существенных признаков, что Поз^ПВ^{ОСТГ}Пенного^О абстрагирования от его существенных признаков, что за^{те}о^{Л5}лет^е у^ста^но^ви^ть среди них наиболее значимые и логически объяс^нные для признания их в качестве прототипических. Вот почему

III. Уровневая категоризация естественного языка I

понятие прототипа оказывается релевантным на базовом уровне, который представлен понятиями естественных категорий.

Если обратиться к представленности самого прототипа как самостоятельной ментальной единицы, как определенного типа концептов в системе данных уровней, то, вероятно, он окажется субконцептом, обеспечивающим представительство собственно концепта, то есть концепта базового уровня. На суперординатном уровне собственно концепт оказывается связанным с понятием «сознание / мышление» и может рассматриваться как своего рода суперконцепт. Отношения между ними демонстрируют реализацию родо-видовых отношений.

Итак, с учетом 3-х уровневых представлений категоризации естественных объектов можно установить определенные иерархические отношения между разными по объему концептами: базовый уровень представлен *собственно концептом*; субординатный уровень - *субконцептом*; суперординатный уровень - *суперконцептом*.

В принципе, эти отношения могут быть положены в основу трехчленной оппозиции, где центральным и маркированным оппозитом, например, является слово «воробей» по отношению к «птица» и «животное», в отношениях которых, в свою очередь, маркированным оказывается «птица». Но на вопрос, что является прототипом концепта как единицы базового уровня, мы получим, скорее всего, ответ «понятие». Поэтому не случайно понятия «концепт» и «понятие» часто оказываются предметом рассмотрения в плане их нетождественности.

Нетождественность данных понятий особенно наглядно проявляется, когда выявляется их репрезентация в языке. Понятие как категориальный концепт находит свою реализацию в слове, тогда как реализации концепта вообще оказываются в языке более разнообразными: слово, предложение (высказывание), текст.

Различия между концептом и понятием обуславливают нетождественность понятий «прототип» и «понятие». Это находит отражение в анализе их природы. Сущность понятия определяет его логическая природа, тогда как прототипа - когнитивная сущность. Но это не означает, что понятие не может быть охарактеризовано как когнитивная единица, связанная с ментальностью человека. Как известно, понятие в системе концептов рассматривается в качестве одного из важнейших видов концепта. В свою очередь, прототип - это, по существу? один из видовых элементов, связанных с элементом базового УР^{об} категоризации родо-видовыми отношениями, которые обычно определяются как логические. Объединяет их также включенность в се

ическую структуру слова: понятие определяет лексическое значение слова, а прототип позволяет выявить в семантической структуре лексического значения наиболее существенные (прототипические) его характеристики. Различие же между ними, в принципе, определяется на языковом уровне как уровне их репрезентации. Прототип как концепт включает не только языковую информацию, но и неязыковую (энциклопедическую), обусловленную его психологической и культурной выделенностью в структуре естественной категории, тогда как понятие включает только информацию, выраженную языковым способом. Как отмечают А.А. Сусов и И.П. Сусов, различие между понятием и концептом нужно видеть прежде всего в интенционале (то есть содержании, наборе релевантных признаков). Релевантность того или иного признака, его акцентированность определяется, по их мнению, во-первых, уровнями объективированности знания, отвлечения от субъективных факторов (более высокой степенью для понятий и меньшей для концепта); во-вторых, сферой функционирования (более широкой, в идеале общечеловеческой для понятия и более узкой, личной либо групповой, социоэтнокультурной для концепта). Что же касается экстенцикала, то он одинаков для понятия и концепта, поскольку по объему и охвату отображаемых элементов понятие и концепт не различаются. Через воплощающий их языковой знак они в принципе относятся к одному и тому же денотату и стоящему за ним множеству реалий. Поэтому, приходят к выводу исследователи, не следует абсолютизировать противопоставление понятия и концепта. Скорее всего, по их мнению, мы имеем дело с одним и тем же феноменом ментальной сферы, но предстающим перед нами в двух ипостасях (Сусов А.А., Сусов И.П. Размышления о концептах - эл. версия).

Природа прототипа обуславливает выделение его *основных функций*. В качестве таких функций можно выделить следующие:

1. Концептуализирующая функция, связанная с рассмотрением прототипа как одного из концептов;

2. Категоризирующая функция, обусловленная тем, что прототип является элементом категоризации;

3. Структурирующая функция, выделение которой связано с прототипом оказывается основой или средством формирования *атипов* категорий - генеративных и радиальных. В генеративных категориях используется принцип подобия, когда прототип оказывает влияние на формирование более широкой категории (пример см. в [1]).

Радиальных категориях реализуется конвенциональная ре-

III. Уровневая категоризация естественного языка

презентация концепта в языке. Так, например, концепт «мать» характеризуется набором признаков (сем). Но какой из них будет центральным и тем самым прототипическим, конвенционально устанавливается конкретным сообществом пользователей языка.

4. Инструментальная (орудийная) функция, которая определяется способностью человека использовать прототип в качестве средства познания действительности.

Типы прототипов: 1) референтный прототип (например, поэт - Пушкин); 2) денотативный прототип (птица - воробей); 3) семантический прототип (глагол - действие); 4) сигнификативный прототип представленный совокупностью существенных понятийных признаков, которые характеризуют денотат (птица - крылья, перья, клюв, летать, откладывать яйца, петь). В этом смысле сигнификативный прототип дает возможность исследователям выделять в семантической структуре слова прототипические характеристики.

Итак, понятие прототипа, в целом, является продуктивным в случае четкого осознания его природы, функций и места в концептуализации и категоризации действительности и языка как специфического объекта этой действительности.

Противопоставление прототипа и понятия как двух ментальных сущностей не должно быть самоцелью, поскольку очень часто их противопоставление абсолютизируется, тогда как критерии разграничения прототипа и понятия свидетельствуют о нежестком характере данного противопоставления в языке, где они репрезентированы как разные типы концептов, находящиеся между собой в родо-видовых отношениях.

Особый интерес в связи с рассмотрением прототипа, его природы и функций вызывает противопоставление прототипа в языке понятию «инвариант», которое, как известно, представляет особый тип отношений в языке - инвариантно-вариантных. На наш взгляд, противопоставление прототипа и инварианта в языковых категориях имеет относительный характер и должно учитывать их реализацию на разных уровнях категоризации языка как средства репрезентации концептов.

Рассматривая прототип и инвариант как две самостоятельные ментальные сущности, имеющие взаимодополняющий характер, следует помнить, что инвариант не может быть прототипом, поскольку они находятся по разные стороны мыслительного процесса, в частности; чего в качестве точки отсчета базовый уровень категоризации, инвариант отражает мыслительный процесс, направленный на большую сложность и структурированность по сравнению с концептом базового уровня, а

А.Л. Шарандин

тохип связан с конкретизацией концепта базового уровня [Болдырев 2003: 56]. Причем, данное их противопоставление свидетельствует о том, что инвариант, в принципе, также представляет собой определенного типа концепт (своего рода суперконцепт).

Несовпадение инварианта и прототипа языковой категории обуславливает невозможность определения членов этой категории посредством прототипа, а предполагает в качестве базового компонента толкования использование инварианта, который имеет понятийное содержание и оказывается ближайшим к слову, которое получает толкование. Ср. в словаре С.И.Ожегова: «птица» - покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом; «воробей» - маленькая птичка с серо-черным оперением.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М., 2005.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Бабенко Л.Г.* Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург, 2005.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- Болдырев Н.Н.* Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариантность. СПб., 2003.
- Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. Тамбов, 2006.
- Колшанский Г.В.* Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Кондаков Н.Н.* Логический словарь-справочник. М., 1985.
- Котцова Е.Е.* Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. Архангельск, 2002.
- КСКТ-* Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Раткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
- ФЭС* - Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ОНОМАЛЕКСЕМ

Когнитивные механизмы формирования ономастических единиц понимаются в настоящей статье как упорядоченные мыслительные процессы, которые обуславливают семантическую и формальную структуру онима, а также отраженные в нем стереотипные представления восприятия и осмысления действительности. Формирование ономастических единиц обеспечивается когнитивными способностями человека, к числу которых относятся память, внимание, чувственное восприятие, выбор объекта наблюдения и собственно мыслительные операции.

Согласно теории познания первоначально процесс отражения действительности происходит через посредство ощущений и зрительных восприятий [Лакофф 2004: 585]. В этом случае в нашем сознании возникает *представление* о каком-либо предмете. Речь идет о том, что ономастические концепты создают когнитивную основу для таксономической деятельности мысли. Отметим, что под ономастическим концептом нами понимается единица ономастического знания, определяющая семантику имен собственных вообще, то есть знания об ономастическом фрагменте действительности [Щербак 2008: 15].

Это представление осуществляет необходимые операции *вычленения, выдвижения, выделенности, целостности восприятия (гештальтное восприятие)* объекта, *сравнения и сопоставления* его с другими объектами одного ряда. Данные операции определяют ориентиры для человека в восприятии мира и расчленении концептуальной информации строго определенными в семантическом отношении группами ономастической лексики. Те или иные элементы ономастического знания актуализируются в результате *направленного внимания* - избирательной, сосредоточенной направленности сознания на определенный объект, избранный из множества объектов, воздействующих на субъект в тот или иной момент. Для обозначения феномена сосредотачивать мысли на чем-либо в когнитивной лингвистике используются несколько терминов: профилирование, высвечивание, перспективизация, фокусировка (Р. Лэнекер, Дж. Лакофф, Дж. Тейлор, Ч. Филлмор).

О.Т. Молчанова при описании алтайских топонимов, ссылаясь на работы У. Крофта и Е. Вуда, рассматривает процесс присвоения

А. С. Щербак

и объектам на основе когнитивных действий (construal operations), которые служат для образования языковых единиц разного уровня [Molchanova 2007: 74]. Ею приведен перечень этих действий, составленный с учетом традиционно выделяемых логических операций и семантических закономерностей, а также психологических наблюдений «из мира восприятия. Когнитивные механизмы объединены в четыре группы в зависимости от мыслительной способности человека, которая в них задействована.

1. *Внимание* (выделенность): выбор; абстракция; схематизация; профилирование; динамическое внимание (движения фокуса внимания при рассмотрении объектов).

2. *Суждение* (сравнение): соотношение фона и фигуры; метафора; категоризация.

3. *Перспектива*: точка зрения (выгодная позиция или ориентация), субъективность / объективность; дейксис; эмпатия (способность входить в чужое эмоциональное состояние, сопереживать).

4. *Устройство* (гештальт): существование; структурная схематизация; распространение (дистрибуция); силовая динамика (сила, сопротивление); образные схемы (взаимоотношение в пространстве, шкала, контейнер, целостность / множественность, тождество).

Перечисленные моменты не существуют автономно, каждый из них может пересекаться с другими моментами. Так, внимание является условием суждения, а перспектива определяет возможности устройства.

Понимание значения и смысла той или иной ономастической единицы, таким образом, лежит в рассмотрении структуры ономастического концепта, поскольку «отдельный индивидуальный концепт есть <...> пучок знания, возможно, весьма богатый, и в высшей степени схематичный. Индивидуальный концепт <...> способен на почти неограниченные видоизменения, особенно посредством описательного содержания определенных референтных выражений» [Croft, Cruse 2004: 75].

При рассмотрении лексикологической *выделенности* в научной литературе при описании топонимов учитывается семь вариантов выделенности, которые предложил Д. Герерц [Molchanova 2007: 76].

Ныне варианты располагаются в следующем порядке:

- 1) перспективная выделенность;
- 2) парадигматико-семасиологическая выделенность;
- 3) синтагматико-семасиологическая выделенность;
- 4) формальная ономастиологическая выделенность;

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

- 5) общая категориально ономаσιологическая выделенность;
- 6) локально категориальная выделенность;
- 7) структурная выделенность.

Когнитивная выделенность, по нашему мнению, обусловлена, в первую очередь, динамикой структуры ономастического концепта представляющего собой способ / результат переработки и упорядочивания в сознании человека ономастической информации в зависимости от актуальности когнитивных признаков для человека. Выделенность признака представляет собой элемент ситуации наречения, который становится меткой, маркером и источником языковой номинации.

Вербализованный коррелят ономастического концепта реализуется в виде смыслов различной степени конкретности и абстрактности посредством ономастической лексики, наиболее тесно и непосредственно связанной с действительностью, с ее членением и выделением отдельных величин, объектов, на которых акцентировано внимание носителей языка в связи с их практической, концептуальной значимостью.

Изыскания в области когнитивной лингвистики позволили ученым, занимающимся ономастикой, обратиться к рассмотрению не отдельных единиц, а целых комплексов моделирования региональной топонимической картины мира через ментальные образы [Васильева 2006; Molchanova 2007].

Опираясь на теорию когнитивной семантики, можно выделить две основные области, служащие основами для называния географических объектов: мир человека и физический мир [Molchanova 2007: 100-101]. Эти области распадаются на пять групп: 1) человек (человек сам по себе); 2) черты, характеристики, особенности, которые можно ощутить, запомнить и реализовать; 3) растительный мир (флора); 4) животный мир и все, что с ним связано; 5) неорганический мир: субстанция.

Из этого следует, что в результате действия когнитивного механизма *выделенности* кодируются наиболее существенные и важные для языка характеристики, которые ложатся в основу репрезентации ономастических знаний. Соответственно, название любого объекта может быть мотивировано несколькими свойствами: человек может быть рыжим, кривым, хромым, холостым и пекарем одновременно, река может получить свое название по цвету воды, характеру берега, характеру растительности, водящейся в ней рыбе, живущих в траве гушкам и т.п. Однако в основе онимической номинации будет какой-то один из признаков, в то время как иные признаки будут игнорироваться.

А. С. Щербак

Мы можем определить те классы лексики, которые будут лезть со значительной вероятностью в основе ономиической номинации, в этом случае значение ономастических единиц содержит указание как на «высвечиваемый» ею профиль, так и на соответствующий фон, наоборот, один и тот же профиль может быть высвечен на разных базах. Иными словами ономастический концепт имеет в своем составе фон и на нем множество профилей.

Как известно, образность - отличительная черта мировидения человека, у каждого народа есть своя структура мира и мышления, зависящая от пространства и времени [Шмелев 2002]. Формирование ономастических единиц во многом определяют когнитивные механизмы метафоры и метонимии. Данные процессы способствуют и выявлению семантических механизмов, мотивирующих метафорическое употребление имяобразных значений, поскольку в основе ономастической метафоризации лежат образные схемы («образ-схема») [Лакофф, Джонсон 2004].

В этом случае речь идет о положении Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которому метафора - это не поверхностный риторический механизм украшения речи, это фундаментальный когнитивный агент, организующий наши мысли, оформляющий суждения и структурирующий язык. Как отмечают ученые, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: source domain и target domain, то есть когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Там же: 9].

В связи с этим метафора является ключом к пониманию форм репрезентации ономастических знаний. Выделяются различные типы метафорической модели: *антропоморфная* (в ее основе лежит окружающий человека мир объектов); *зооморфная* (в нее основе лежит окружающий человека животный мир); *фитоморфная* (в нее основе лежит окружающий человека растительный мир) и др.

Так, в метафорической тамбовской топонимической номинации отмечается преобладание представлений антропоморфного (*части тела человека: Глазок, Гололобовка*) и фитоморфного характера, в меньшей степени используются представления зооморфного характера (*Ревка, Кобылинка, Барановка, Ящерка, Щучье*), представления на основе комплексных ассоциаций (*Солдатская Духовка, Средние Пути*), на основе переноса в область ценностей (*Лужки, Красный Куст*), на основе переноса в область ценностей (*Знаменка, Спасское, Верхнеспасское*).

Менее всего когнитивной метафоризации направлены на мотивацию Риторических употреблений имен собственных, в ходе которых выяв-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ляется образное представление об объекте или субъекте. Метафорические представления о действительности в сознании человека всегда связаны с национальными традициями и обычаями, что обуславливает особенности способов ономастической категоризации и концептуализации объективной действительности. Образная номинация в региональной топонимии «обусловлена крестьянским опытом, психическими переживаниями и практическим мышлением человека» [Васильева 2006: 19].

Описывая механизмы действия метафоры и метонимии, ученые отмечают, что при метонимии причиной переноса является смежность, сопредельность концептов в отношении пространства, событийности, ситуативности, времени, правовых или социальных отношений и т.д. В метафоре причиной переноса для характеристики и номинации субъекта / объекта выступает сходство концептов в каком-либо отношении: структурно-содержательном, оценочном и т.д.

Таким образом, формирование ономастических значений и смыслов региональных ономастических единиц предполагает действие универсальных механизмов - когнитивных механизмов метафоры и метонимии, объясняющих многие феномены семантики и грамматики имен собственных, а также упорядоченное оперирование мыслительными единицами - ономастическими концептами.

Данные когнитивные механизмы способствуют выявлению как категориального значения имен собственных, так и репрезентации ономастических знаний.

Литература

- Molchanova O.* From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin, 2007.
- Васильева С.П.* Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2006.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М> ; 2004.
- Croft W., Cruse D.A.* Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Щербак А.С.* Региональная ономастика в когнитивном аспекте-монография. Тамбов, 2008.

В. Ф. Новодранова

3.2. ГРАММАТИКА

В. Ф. Новодранова (Москва)

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ:
ТРАДИЦИОННЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ РОДА)

В последнее время в когнитивной лингвистике активно развивается грамматическое направление. В работах Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, Н.А. Бесединой, Т.А. Клепиковой, О.В. Магировской, Л.А. Фуре и др. раскрывается когнитивность грамматики, ее основополагающая структурирующая роль в когнитивной системе языка, роль «скелета или строительных лесов для концептуального материала, выраженного лексически» [Талми 1999: 91].

«Грамматика на самом деле представляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» [Вежбицкая 1999:44].

Специфика грамматического строя отражается в грамматических категориях, пронизывающих грамматическую структуру языка и репрезентирующих общие представления о категоризации мира.

В русской грамматической традиции вопрос о грамматических категориях является одним из важнейших в теории грамматики. Л.В. Щерба предлагал выделить его в особый отдел грамматики. Он определил сущность грамматической категории как двустороннего единства грамматического значения и грамматических форм его выражения. «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков» [Щерба 1928: 7]. Это положение Л.В. Щербы развивалось более поздних работах В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, Чорматского, С.Д. Кацнельсона, И.А. Мельчука, О.Г. Ревзиной, Зализняка и др.

Традиционная грамматическая теория давала логическое толкование структуре грамматической категории как инвариантно-вариантно (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, С.Д. Кацнельсон, И.А. Мельчук, О.Г. Ревзин, Д.С. Зализняк и др. Бондарко).

III. Уровневая категоризация естественного языка I

В основе каждой грамматической категории лежит объединяющее ее общее грамматическое значение, которое существует в виде частных грамматических значений. Например, в категории падежа общим грамматическим значением является значение падежа «вообще», а частными грамматическими значениями являются значения отдельных падежей.

Частные грамматические значения можно рассматривать как реализацию общего инвариантного значения, лежащего в их основе. Инвариантность общего грамматического значения понимается как сохранение всеми членами грамматической категории ее общего значения.

Языковые средства, служащие для выражения частных грамматических значений, являются категориальными показателями. Категориальные показатели могут быть морфологическими или синтаксическими. Они являются обязательными с точки зрения системы языка, их употребление определяется парадигматическими отношениями и синтаксическими связями, существующими в данном языке, их отсутствие также является показателем (нулевой показатель).

Грамматическая категория соотнесена, прежде всего, с парадигматической осью, но «вычленяется она в результате анализа речевых отрезков, их сегментации и сопоставления, она - результат классификации и обобщения связей и противопоставлений, установленных на основании непосредственного наблюдения над текстом» [Штелинг 1959]. Грамматическая категория выявляется по способности слова функционировать в определенной роли и в определенной форме в составе предложения. Она соотнесена с единицей морфологического уровня - словоформой, но она соотносится и с единицей синтаксического уровня - словосочетанием, участвуя в выражении подчинительных связей между словами. В грамматической категории, таким образом, пересекаются парадигматические и синтагматические связи слова.

По своему семантическому и структурному устройству грамматические категории разнородны и разнотипны. Это поставило вопрос в традиционной грамматике об их классификации. В зависимости от признака, положенного в основу классификации, были определены различные типы грамматических категорий в системе имени.

В зависимости от того, какое грамматическое значение лежит в основе грамматической категории, синтаксическое или несинтаксическое, различаются синтаксические и несинтаксические категории (А.М. Пешковский, И.А. Мельчук).

В зависимости от того, как выражено грамматическое значение категории - противопоставлением однородных рядов грамматических форм или противопоставлением целых лексем, различаются соотв

В.Ф. Новодранова

грамматические (словоизменяемые) категории и лексико-грамматические (классифицирующие) категории (А.И. Смирницкий, д.д. Зализняк).

В зависимости от отношения грамматической категории к сигналу речи различаются суперкатегории и простые категории, связанные с несколькими частями речи, например, категория рода, категория падежа, категория числа и др. Простые категории связаны с одной частью речи, например, категория рода прилагательных (О.Г. Ревзина).

В зависимости от функции грамматической категории в синтагме различаются управляющие категории и управляемые. Управляющими называются такие, появление которых, не обусловлено появлением каких-либо других категорий в синтагме, например, категория рода существительных. Управляемые категории зависят от управляющих, например, категория рода прилагательных (О.Г. Ревзина).

Современная когнитивная лингвистика, продолжая традиции отечественного языкознания, знаменует новый подход к теоретической разработке грамматических категорий и их роли в процессах категоризации и субкатегоризации мира и репрезентации знаний в языке. В трудах Е.С. Кубряковой гармонично сочетаются «традиции и новаторство». Говоря о новой когнитивной интерпретации грамматических категорий и морфологии в целом, она пишет об истолковании каждой из языковых форм «на перекрестке когниции и коммуникации», то есть по тем функциям, которые эта форма выполняет, с одной стороны, в процессах познания мира, процессах его концептуализации и категоризации, а, с другой, в процессах общения и выполнения ею функций дискурсивных» [Кубрякова 2003: 6].

Н.Н. Болдырев определяет языковую категорию с точки зрения когнитивного подхода как концептуальную структуру интегративного типа, как формат знания, в котором интегрируются различные структуры знания: «1) знание общего концептуального основания для объединения тех или иных объектов, 2) знание самих объединяемых объектов и 3) знание принципов и механизмов их объединения» [Болдырев 2009: 29].

Грамматические категории обычно относятся к категориям языковых и неязыковых объектов, для внутренней организации которых характерна прототипическая структура. В грамматических категориях выделяются наиболее важные, сущностно необходимые характеристики Различия «мира» которые получают регулярную репрезентацию на разных языковых уровнях - как в морфологии, так и в синтаксисе.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Настоящий доклад посвящен одной из важных для репрезентации знаний в языке грамматических категорий - категории рода, которая представлена во многих языках и отличается большим своеобразием даже в языках одной группы.

Категория рода является тендерной категорией, так как когнитивным основанием для нее служит биологический пол, по которому строится главная корреляция категории: мужской - женский род и ни тот, ни другой - средний род.

Своеобразие категории рода состоит, прежде всего, в том, что она характеризует не одну, а несколько частей речи: в классе определяемых - существительное и местоимение - существительное, в классе определяющих - прилагательное, местоимение - прилагательное, числительное, глагол (причастие). Таким образом, категория рода является, многофокусной категорией, суперкатегорией. Она состоит из двух простых категорий: категории рода, характеризующей класс определяемых, и категории рода, характеризующей класс определяющих. Эти две категории связаны в пределах суперкатегории рода, но различаются и по своему значению, и по средствам выражения, и по своей функции.

1. По своему значению категория рода является синтаксической как в классе определяемых, так и в классе определяющих. Но конкретное содержание каждой из простых категорий, ее составляющих, различно. В категории рода класса определяющих грамматическое значение содержит один компонент - синтаксический, обозначающий отношение между языковыми элементами; а именно отношение зависимости определяющих слов от определяемых.

В категории рода класса определяемых грамматическое значение содержит два компонента - синтаксический и несинтаксический. Синтаксический компонент является обязательным и обозначает способность существительного сочетаться с соответствующим набором форм определяющих его слов, что определяет отнесенность существительного данного рода к определенному согласовательному классу.

Несинтаксический компонент характеризуется такими признаками, как одушевленность - неодушевленность, указание на естественный пол, личность - неличность. Этот компонент в составе грамматического значения категории рода класса определяемых является культуративным, он может присутствовать потенциально и проявляться при олицетворении.

Признак одушевленность - неодушевленность характерен только для предметов, а принадлежность к полу и личности - неличности только одушевленные предметы. Несинтаксический компонент

ния соотносится с грамматическим значением предметности, характеризующим имя существительное как часть речи. Этого компонента нет в значении категории рода класса определяющих, так как грамматическое значение качества, свойства, характеризующее, например, прилагательное как часть речи, не соотносится с родом.

2. С точки зрения выражения грамматического значения категория рода в классе определяющих является собственно грамматической (словоизменительной), а в классе определяемых - лексико-грамматической (классифицирующей). В словоизменительной категории рода класса определяющих грамматическое значение может быть выражено в пределах одной лексемы противопоставлением однородных рядов словоформ. В классифицирующей категории рода класса определяемых грамматическое значение присуще не словоформе, а лексеме, и выражается противопоставлением не отдельных словоформ, а целых лексем.

Средства выражения грамматических значений в словоизменительной и классифицирующей категории рода различны. В словоизменительной - это морфологические средства, представленные категориальным (морфологическим) показателем в пределах определяющей словоформы. В классифицирующей категории рода средства выражения грамматического значения рода - морфолого-синтаксические, представленные не только морфологическим показателем в самом определяемом слове, но и морфологическим показателем в определяющем слове, который обладает выделительной силой, то есть однозначно определяет род определяемого слова.

Морфологический показатель категории рода в определяемых словах, как и выражаемое им значение, является независимым (не зависит от контекста), но он не обладает выделительной силой и является только различающим, то есть он не всегда однозначно определяет РД и нуждается в дополнительных показателях, находящихся в контексте и подтверждающих принадлежность определяемого слова к данному роду. Поэтому категориальный показатель рода в классе определяемых является комплексным - морфолого-синтаксическим, в себя морфологический показатель не только определяет, но и определяющего, находящегося в контексте.

Различительная и классифицирующая категория рода определяется своим функциям, функция словоизменительной категории рода - указывать на род определяемого слова. Функция классифицирующей категории рода - требовать определенной формы оп-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ределяющего слова при любой согласовательной связи (атрибутивной предикативной, объектной и др.).

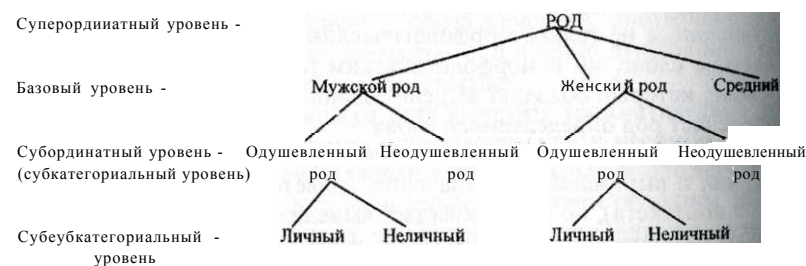
Таким образом, суперкатегория рода представляет собой сложное строение, в пределах которого взаимодействуют две различных по структуре категории - словоизменяемая (зависимая, управляемая) и классифицирующая (независимая, управляющая).

Категория рода, связанная общими структурными чертами с другими грамматическими категориями, отличается от них своим специфическим устройством.

Грамматическая категория рода, характеризующая языковые и неязыковые объекты, построена по прототипическому принципу. Прототипичными являются такие языковые единицы, как предметные имена мужского или женского рода, которые имеют коррелят в виде указания на мужской или женский пол. Например, в мужском роде - *муж, мужчина, мальчик* и т. п.

Грамматическая категория рода в своей реализации в существительном имеет сложное иерархическое, многоуровневое устройство, характерное для языковой категоризации (см. схему).

Схема 1

Базовый уровень является исходным, именно на этом уровне выделяются основные члены категории рода, они наиболее частотны и информативны и в целом характеризуются своими прототипами.

Интересно отметить, что у категории рода может быть представлено разное количество членов, например, на субкатегориальном уровне. Характеристика категории рода может конкретизироваться, углубляться, дополняться данными разных языков, в которых представлена категория рода. Многообразие и специфичность средств

В.Ф. Новодранова

ения катеофии рода были показаны нами на примере романской "одовой системы [Новодранова 1971].

Литература

- Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные следования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77
- ^Л *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Запизняк А.А.* К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1964. №4.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Красткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* Морфология сегодня и исследование морфологического строя в работах В.Н. Ярцевой // Теория, история, типология. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. 1. М., 2003. С. 5-13.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Мельчук И.А.* О некоторых типах языковых значений // О точных методах исследования языка. М., 1961.
- Новодранова В.Ф.* Сопоставительный анализ грамматической категории рода (на материале романских языков): автореф дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
1956. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.,
- Ревзина О.Г.* Типологический анализ грамматической категории рода (на материале славянских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Смирницкий А.И.* Древнеанглийский язык. М., 1995.
- Тачми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 76-104.
- ^{0п} *Штелинг ДА.* О неоднородности грамматических категорий // Росы языкознания. 1959. № 1.
- ^{Реч} ^{№4б} *Л.В.* О частях речи в русском языке // Спб. «Русская»- Новая серия. Вып. 2. М.-Л., 1928.

ОПТАТИВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Современные научные представления о процессе познания позволяют рассматривать язык как когнитивное явление, как систему знаний о мире. Организация знания осуществляется посредством когнитивных моделей, которые, в силу своей абстрактности, обеспечивают категоризацию мира и языка [Lakoff 1991: 68]. Следствием такой организации знаний являются соответствующие категориальные структуры, отражающие «коллективное бессознательное» человеческого общества и его культурной составляющей. Так, в сознании индивидуума существует особое ментальное пространство, отражающее сферу желаний личности, и специальная концептуальная структура хранения и использования этих знаний и представлений о мире. Мыслительная область, структурируемая когнитивной моделью «Я - мои желания», содержит информацию о наиболее существенных для субъекта свойств предметов и явлений, которые помещаются в тот или иной возможный и предпочитаемый им мир и квалифицируются как объекты желания или желаемые ситуации. Сфера желаний говорящей личности концептуализируется благодаря одному из базовых концептов языкового сознания - ментального концепта ЖЕЛАНИЕ.

По нашему мнению, этот концепт представляет собой когнитивную основу категории оптативности, что подтверждает постулат о концептуальной природе категорий естественного языка [Болдырев 2006: 5]. При этом важно учитывать, что концептуализация желания происходит на разных этапах коммуникации: у говорящего - на стадии формирования желания, при формировании языкового значения на основе мыслительного представления об объекте (S — s), у слушающего - на стадии осмысления информации о желании собеседника, при соотнесении одноименного значения с его сигнификатом (s — S). В то же время те или иные языковые интерпретации категориальной семантики желательности обусловлены не только системно-языковыми связями и отношениями, но и интересами языковой личности говорящего-^

Основным категориальным смыслом, формирующим оптативность как концептуальную структуру, выступающую особой Y⁰? ^ концептуализации действительности, является понятийное содер

дательности. Это содержание опирается на синтез языкового и не-онового знания, заполняющего ту ячейку нашего языкового сознания^{3Б} которая отвечает за сферу желаний языковой личности. Тем самым оптативность предстает перед нами как понятийная категория, ^e(011),ая соответствующую языковую интерпретацию и реализацию, действительно, по своим онтологическим характеристикам может быть определена именно как категория. Ее основным содержанием является инвариантное значение желательности, интегрирующее целый класс высказываний с противопоставленными друг другу вариантами значениями этой семантики и соответствующими способами ее выражения.

В сознании говорящего категориальный смысл желательности может быть выделен лишь постольку, поскольку в основе его лежит соответствующий концепт - концепт ЖЕЛАНИЕ, без выявления и осмысления сущности которого, выдвигать и аргументировать основные положения теории оптативности весьма затруднительно. При исследовании категории оптативности и находящегося в основе ее концепта возникает необходимость определения прототипических форм и конструкций, формирующих ядро этой категории, с одной стороны, и детального описания интерпретационного компонента единиц с оптативной семантикой, с другой. Такой подход позволяет увидеть как целостность объекта, так и взаимодействие разных его сторон.

Кроме того, следует учитывать, что «неоднородность организации и содержания разных типов концептов, а также многообразие способов их репрезентации в сознании человека отражает неоднородный характер предметов и явлений окружающего мира» [Болдырев 2001: 42]. Какими средствами языка будет представлен концепт в каждом конкретном случае, зависит от тех микроконцептов, которые детерминируют способ презентации соответствующих понятийных областей желательности: желания говорящего (*Уехать бы за город!*) и желания Участника ситуации (*Он хочет уехать за город!*).

Для данного содержания в русском языке предусмотрены различные способы представления, как грамматические, так и лексико-таксические, причем очевиден ядерно-периферийный характер ор-
Тель ^аии средств, выражающих категориальную семантику желаний^{ости} - Так, грамматическое представление желательности (формы лО*е ^ных наклонений) занимает ядерное и /или окооядерное положение^{как} *Ие! РЗадать бы мне загадку; Разгадал бы я загадку*, - тогда сико-синтаксическое его выражение составляет периферию с

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

разной степенью удаленности от центра функционально-семантического поля оптативности: *Хочу разгадать загадку; Хочется раз^^дать загадку; Хотел бы разгадать загадку; Хотелось бы разгадав загадку; Я выразил желание разгадать загадку; У меня есть желани разгадать загадку; Ко мне пришло желание разгадать загадку; Раз^^дать загадку-мое желание* и т.д.

Семантика, реализуемая в единицах категории оптативности и средства ее представления, существенно корректируют морфологическую парадигматику русского глагольного наклонения, поскольку™ языковая реальность такова, что на первый план выдвигается образование, с полным правом претендующее на статус особого желательного наклонения в русском языке. Это форма инфинитива с частицей *бы* (*Погулять бы в зимнем лесу; Построить бы дом; Посадить бы сад-Сдать бы экзамен; Встретиться бы нам; Поехать бы на море; Написать бы книгу, Пожить бы подольше*), ярко отражающая русскую ментальность и ценностную иерархию говорящего по-русски человека, продуктивно функционирующая в русских оптативных предложениях и обладающая самостоятельным категориальным значением желательности говорящим наступления предпочитаемой им ситуации, в отличие, например, от формы глагола на -л с частицей *бы*, передающей желание как одно из своих значений (ср.: *Построил бы* - возможность, предположительность, условие, либо желательность - в зависимости от контекста).

Специфика понятийного содержания этой категории и способов ее языковой репрезентации определяется, безусловно, когнитивными основаниями концепта ЖЕЛАНИЕ и его концептуальными характеристиками. Концепт ЖЕЛАНИЕ представляет собой один из важнейших концептов русского языкового сознания и в основе своей содержит элементарный смысл, формирующий, в числе прочих, фундамент нашей языковой личности. Таким образом, решение вопросов о специфике концепта ЖЕЛАНИЕ, о его месте в русской языковой картине мира, о системе его репрезентаций в языке оказывается непосредственно связанным с необходимостью определения сущности той категории, основу которой он составляет, - категории оптативности, и тодологических оснований для ее выделения и описания.

Сложнейшее явление концепта требует онтологического под^^дда при выяснении и описании его природы (см. более подробно. табаева 2002: 19-33]). Кроме того, приходится констатировать^^{оТС^J.}вие на сегодняшний день типологической иерархии языковых к

ий «без чего невозможно говорить о языковых картинах мира и социальных функциях наиболее общих представлений о строении и организации языка и в связи с чем поток работ о репрезентации отдельных концептов в том или ином языке лишается какой бы то ни было реальной ценности...» [Кубрякова 2006: 30]. В связи с этим важно в исследованиях подобного рода четко выстраивать вектор *концепт - система его презентаций в языке - категория* и методологически грамотно обосновывать природу выделяемой категории.

Особо следует подчеркнуть, что категориальная семантика оптативности и языковые средства ее выражения в условиях функционирования в речи составляют некое единство. Это единство в его многоаспектной системности четко определяется как функционально-семантическое поле (ФСП), особенно если учитывать, что «основанием для выделения ФСП является взаимодействие грамматической категории, формы, конструкции, грамматического или лексико-грамматического класса слов с другими единицами (включая единицы лексики и контекста) на базе общности семантики - при наличии некоторого семантического инварианта в значениях языковых средств, относящихся к данному полю» [Бондарко 2001: 44].

С позиций структурной грамматики оптативность рассматривается как одно из вторичных (неинвариантных) значений морфологической формы сослагательного наклонения, либо как значение синтаксического желательного наклонения [РГ-80]. В функциональной грамматике оптативность понимается как одно из значений косвенных волитивных наклонений, которое, в отличие от императива, выражает «*опосредствованную* мотивированность глагольного действия волеизъявлением субъекта речи» (в семантике императива и в морфологической форме 2-го лица заключена *непосредственная* мотивированность действия волеизъявлением говорящего). Подчеркивая отсутствие У оптатива достаточно четкого морфологического оформления, авторы видят его «в роли «слабого» (морфологически не маркированного) элемента всей системы наклонения в целом» [ТФГ 1990: 91-94]. Но³ здесь неизбежно возникает ряд вопросов, например, о том, что же лишает значение оптатива (желательного наклонения) и инвариантное значение кондиционала (сослагательного наклонения),

являющимся общим объединяющим началом для оптатива и кондиционала. Является ли то, что они входят в систему ирреальных (косвенных) наклонений, поскольку ирреальным является статус самой ситуации, марки-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

руемой этими наклонениями. Инвариантным грамматическим значением у них выступает одно и то же значение потенциальности, хотя для опатива это потенциальность желаемого действия, а для конд.ционала - потенциальность действия, осуществимого при каких-либо условиях. Естественно, что в речевой ситуации возможны их разнообразные совмещения и взаимодействия.

Принятое в РГ-80 включение опатива в систему значений сослагательного наклонения, на наш взгляд, базируется на формальных (морфологических) основаниях, имеющих, впрочем, историко-лингвистическое объяснение [Потебня, II: 267-270]. Единая для обоих наклонений форма *глагол на -л + частица бы* исторически закрепляется и за желательным значением, хотя для нее оно отнюдь не является основным. Так, значение желательности традиционно выделяется как вторичное значение сослагательного наклонения [Шахматов 1941; Пешковский 1956; Золотова и др. 2004 и др.]. В то же время очевидна связь опатива с императивом в виде разных реализаций общего значения волеизъявления.

Исходя из того, что опатив обнаруживает связь сразу с двумя ирреальными наклонениями - сослагательным и повелительным, причем формой своей он тяготеет к первому, а семантикой - ко второму из них, следует заключить, что это либо гибридная форма, в которой находит свое проявление такая широкая языковая закономерность, как *асимметрия формы и значения*, либо это совершенно особая категория в системе наклонений, явившаяся результатом длительного взаимодействия сослагательности и императивности и претендующая теперь на статус нового, самостоятельного наклонения. Эти решения не являются взаимоисключающими, хотя в данной ситуации возникает проблема выявления собственных формальных показателей опатива.

При допущении аргюги, что опатив - одна из форм наклонений, то возможно решение рассматривать его на правах формы с ее различными функциональными возможностями. Если же обратиться к опативной семантике как к категориальной, то это позволяет увидеть парадигматический характер ее реализаций в языке, и, соответственно» признать, что опативность располагает собственными средствами выражения, не только грамматическими, но и лексико-синтаксическими проч.: *Уснул бы я; Уснуть бы мне; Я хочу уснуть; Мне хочется уснуть; Я хотел бы уснуть; Мне хотелось бы уснуть; У меня жел^а ^ уснуть; Уснуть - мое желание.*

Е. В. Алтабаева

Все эти средства могут быть объединены в одну систему форм (шрадигму), и закономерно возникает вопрос: почему бы не признать иную парадигму представителем грамматической категории оптативности? Ведь грамматическая категория - это не что иное, как (класс грамматических значений, объединяющий в себе разные формальные единицы, находящиеся в отношениях единства самого общего абстрактного значения и противопоставленности тоже абстрактных, но более частных значений» [РЯЭ: 59]). Иными словами, грамматическая категория существует в естественном языке только как класс значений, реализуемых в системе противопоставленных форм, то есть в парадигме.

Очевидно одно: на вопрос, можно ли квалифицировать оптативность как грамматическую категорию, допускается положительный ответ, если принимать за основу ее оптатив как форму наклонения. Однако мы полагаем, и языковой материал убедительно свидетельствует, что оптатив - это прототипическая форма для категории оптативности, равно как грамматическая категория оптативности - ядерное средство представления этой семантики в языке. Помимо грамматических, семантика желательности может быть передана и лексико-синтаксическими средствами, занимающими периферийную позицию. Поле оптативности, будучи одним из модальных полей, создается взаимодействием всех своих строевых элементов. Поэтому имеются достаточные основания квалифицировать оптативность как функционально-семантическую категорию интерпретационного плана, имеющую полевую (ядерно-периферийную) организацию своих средств.

Кроме того, изучая системную организацию оптативности в естественном языке, мы сочли возможным дифференцировать два плана нашего объекта. Одним планом является желательность как универсальное понятийное содержание, а другим - оптативность как система языковых репрезентаций этого содержания. Подобное представление объекта коррелирует с постулатом о двух аспектах ФСП, которые в Функциональной грамматике обозначены как понятийное поле и собственно ФСП.

Понятийное поле категории оптативности, предполагающее опделенное выражение в том или ином языке, может быть рассмотрено отвлечении от плана вышележащего. Его структура представляет собой семантику желательности и связи между семантическими признаками, отличающие желательность, составляющие элементы структуры данного понятийного поля. В силу высокой

III. Уровневая категоризация естественного языка I

степени абстрактности и универсальности понятийного поля желательности многие его характеристики в значительной степени являются гипотетическими.

Собственно ФСП оптативности как единство языкового содержания опирается на наличие общекатегориального значения и объединяет единицы (грамматические, лексические, словообразовательные и др) на основе общей семантики. Поскольку для всякого ФСП, в силу его конкретно-языковой сущности, характерна меньшая степень абстракции, постольку оно отлично от ПП по рангу онтологического статуса. Если ФСП может быть отнесено к содержательно-языковой онтологии 1-го ранга, то онтологический статус ПП соответствует более высокому уровню абстракции - 2-го ранга [Бондарко 2001: 50]). В любом случае речь идет о двух уровнях содержания ФСП, причем в основу выделения и описания конкретного ФСП должно быть положено категориальное основание, вытекающее из единства этих двух уровней.

Таким категориальным основанием для оптативности является, как мы отмечали выше, категориальный смысл желательности, который не только так или иначе представлен в речи, но и является принадлежностью строя языка, формируя комплекс грамматических единиц, классов и категорий. Этот категориальный смысл нельзя свести к индивидуальным значениям отдельных лексических единиц; по своей природе он соответствует той степени абстракции, которая необходима для выделения данного смысла как грамматической семантики. При этом наряду с грамматическим формальным выражением категориальный смысл желательности допускает и неграмматическое выражение (специализированные и неспециализированные средства): *Уехать бы - Хочет уехать; Хочется уехать; Охота уехать; Есть желание уехать и т.п.*

Итак, существуют достаточные основания для того, чтобы признать оптативность категорией, занимающей в грамматической системе языка и в языковой картине мира свое собственное место. Категориальная структура оптативности опирается на грамматическую категорию желательного наклонения - оптатива, статус которого нуждается, по меньшей мере, в уточнении. Оптатив обнаруживает свойства, объединяющие его как с сослагательным, так и с повелительным наклонением, и позволяющие говорить о функциональной специфике этого явления. Оптативность, в аспекте организации своих ^сР^{ед}^'Ж. является функционально-семантической категорией, объединяющей оптатив в качестве грамматического ядра и все функциональные ан

Е.В. Алтабаева

оптатива как периферийные показатели в системе средств выражения желательности.

Итак, определение языковой сущности оптативности и места ее в системе категорий естественного языка объективно базируется на выявлении и изучении специфических концептуальных признаков ЖЕЛАНИЯ как ментального концепта, составляющего гносеологическую основу данной категории. Процессы концептуализации и категоризации желаний говорящей личности определяются характером взаимодействия внешнего окружающего мира с внутренним миром индивидуума.

Литература

Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. М., 2002.

Болдырев И.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. СПб., 2001.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года. Тамбов, 2006. С. 26-31.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.,

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1-й.

ТФГ - Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

РГ-80 - Русская грамматика: В 2 т. М., 1980

РЯЭ - Русский язык. Энциклопедия. М., 1979

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

Гра **G.** Concept, Image and Symbol: The Cognitiv Basis of

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ:
ОРГАНИЗАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ
И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аспектуальность - это одно из сложноорганизованных явлений русской грамматики, которое по мере изучения расширяло сферу своего существования и сейчас включает в себя лексические, морфологические и синтаксические явления.

Аспектуальность - это объект исследования ономазиологических исследований. В современной науке представлено два пути описания этого явления. Первый путь строится на использовании понятия понятийной категории. Второй путь - это использование теории номинации, продолжением которой в современных когнитивных исследованиях является когнитивно-дискурсивное описание (см. подробнее: [Белошапкина 2007а]). Первый путь представлен как в традиционных, так и в когнитивных исследованиях. Второй же - только в когнитивных исследованиях.

Традиционно аспектуальность никогда не относилась к разряду грамматических категорий, где грамматическая категория - «система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [Лопатин 1990: 115]. Наиболее полно в рамках традиционного подхода аспектуальность описана А.В. Бондарко в [Бондарко 1987]. Предложенная А.В. Бондарко организация аспектуальности строится на теории понятийной категории: центр или «ядро» занимает грамматическая категория вида и вокруг этой категории выстраивается система разноуровневых средств ее передачи.

Аспектуальность им понимается «как семантический категориальный признак «характер протекания и распределения действия во времени» (см. [Пешковский 1956: 105]) и вместе с тем как группировка ФСП, объединенных этим признаком» [Бондарко 1987: 40]. А.В. Бондарко указывает, что «понятие аспектуальности тесно связано с тем, что Г. Гийом называл «внутренним временем» действия» [Там же: 41]. Он относит к аспектуальности «такие характеристики протекания и распределения действия во времени, как ограниченность / неограниченность пределом, наличие / отсутствие внутреннего предела, представление действия как протекающего процесса или как ограниче

пределом целостного факта, кратность, длительность, выделение той или иной фазы действия (фазовость), актуальность последствий действий ^я более позднего временного плана (перфектность), различие между собственно действием, состоянием и отношением» [Там же: 41].

Аспектуальность наблюдается в аспектуальной ситуации, которая понимается как «типовая структура, базирующаяся на семантике аспектуальности и представляющая собой ту сторону выражаемой в высказывании общей ситуации, которая связана с выражением характера протекания действий во времени» [Там же: 40]. «Содержание понятия «аспектуальная ситуация» включает все то в характере протекания действий во времени, что анализируется аспектологами за пределами отдельного слова, то есть на уровне высказывания (высказывания-предложения, высказывания, равного сверхфразовому единству, комплексу таких единств и т.п.). Предмет анализа называется по-разному, например аспектуальность предложения, частные видовые значения, видовые функции, типы употребления видов и т.п., но в содержании разных терминов фактически заключено много общего» [Там же: 41].

Аспектуальность представляет собой объединение следующих полей: поля лимитативности, поля длительности, поля кратности, поля фазовости, поля перфектности, поля действия (акциональности), поля состояния (статальности), поля отношения (реляционное™). В центре этого объединения находится поле лимитативности. Определенного комментария требует понятие ФСП, которое им понимается как «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [Бондарко (1983) 2001: 40]. Таким образом, можно говорить о том, что в основе ФСП аспектуальности лежит категория вида, а лексические, лексико-грамматические и словообразовательные элементы определенным образом распространяют эту категорию.

Сейчас для А.В. Бондарко стал актуальным вопрос системной категоризации ФСП и категориальной ситуации, описываемых в работе^{Тах} по теории функциональной грамматики. Однако понятие категоризации наполняется для него своим собственным смыслом. Так, он указывает: «конкретное содержание понятия «категоризация» определяет-ся^{Ся} предметом исследования, его задачами и теоретическими основами и » [Бондарко 2008: 11]. Предложенная А.В. Бондарко трактовка

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

категоризации включает следующие аспекты: «1) стратификация семантики, значение и смысл; 2) эксплицитность / имплицитность семантического содержания в его отношении к формальному выражению; 3) инвариантность / вариантность в сфере семантики; 4) центр и периферия; прототипы и их окружение; 5) принципы естественной классификации; 6) взаимодействие системы и среды; 7) межкатегориальные связи; 8) грамматические категории и лексико-грамматические разряды; 9) функционально-семантические поля; 10) категориальные ситуации» [Бондарко 2008: 12]. Думается, что категоризация для А.В. Бондарко - это систематизация внутри созданной им концепции.

В русле когнитивной лингвистики категория аспектуальности исследуется в двух работах А.Л. Шарандина [Шарандин 2001] и автора [Белошапкова 2007].

А.Л. Шарандин, с одной стороны, продолжает линию исследований, выполняемых в русле понятийной категории. Он выстроил собственную концепцию связей и отношений между категорией аспектуальности и видом глагола. Для А.Л. Шарандина «вид - это грамматическая категория, представленная оппозицией нефлективных словоформ, которым присуще определенное грамматическое значение» [Шарандин 2001: 146], а «способы действия, к которым относят перечисленные выше примеры («писать - написать»; «писать - дописать» - *Т.Е.*), не должны характеризоваться в аспекте видовых значений как самостоятельные лексемы. Они сами являются формами, аспектуальными. И поэтому в этом случае речь идет не о взаимосвязи лексики и грамматики, не о взаимодействии лексического и грамматического значений, а о межкатегориальных связях и взаимодействии грамматических значений близких, но не тождественных категорий - вида и аспектуальности» [Шарандин 2001: 149].

С другой же стороны, выполняя когнитивное исследование, А.Л. Шарандин очень интересно решает проблему категоризации вида и аспектуальности. Так, он считает, что, во-первых, «ранг категории вида выше, чем ранг категории аспектуальности. Но это и означает, что они представляют собой различные концепты, отражающие категоризацию действительности посредством вида и способов действия, хотя концепты и взаимосвязанные» [Шарандин 2001: 89]. Во-вторых, «категория вида в своей основе денотативно-понятийная, и, следовательно, значение форм вида имеет основание в объективной действительности» [Шарандин 2001: 147-148]. В-третьих, «на основе категории вида мы выделяем в русском языке два ЛГР (лексико-гра

Т.В. Белошапкова

дческих разряда - Т.Б.) глаголов - предельных и неопредельных. Это значит, что предельность - неопредельность рассматривается нами как абстрактная лексическая семантика, а не как грамматическое значение» [Шарандин 2001: 149-150].

Линия, идущая от теории номинации, представлена в исследовании автора - это «Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке» [Белошапкова 2007]. В заглавии этого исследования звучит слово категория, это объясняется тем, что термин «категория» используется в широком смысле как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле - некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Булыгина, Крылов 1990: 215].

Теория номинации позволяет интерпретировать категорию аспектуальности как **номинативную**, что соответствует широкому пониманию аспектуальности, представленному в Русской грамматике [РГ-80] и Русской грамматике, изданной в Праге в 1979 году [РГ-79].

Принимая общепризнанное определение аспектуальности как «характер протекания и распределения действия во времени» [Пешковский 1956: 105], мы понимаем характер протекания и распределения во времени как количественную характеристику «внутреннего времени» действий, которая участвует в выражении объема значения предложения. Для нас **номинативная категория аспектуальности** состоит из следующих семантических составляющих: **однократность, длительность, фазовость, результативность, множественность, интенсивность, соотношение с нормой.**

От номинативной основы категории аспектуальности к когнитивной основе организации категории аспектуальности можно перейти, используя понятие концепта, то есть через концептуализацию. Но перечисленные выше семантические составляющие не совсем обычные - они не обозначают ситуацию и не являются абстрактными понятиями. Здесь возникает очень интересная и сложная проблема языкового абстрагирования и наименования категорий. Так, например, рассуждая об организации **однократности, длительности** или **фазовости**, мы снимаем, что здесь представлена иная организация, чем у абстрактных имен. Можно говорить о том, что эти понятия служат для чувственно-конкретного осмысления мира.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Поэтому здесь оказалось плодотворной идея о наличии концептов-примитивов, потому что, во-первых, они обозначают не ситуацию а лишь некие ее модификаторы, во-вторых, они обладают свойством семантических примитивов, выделяемых А. Вежицкой [Вежицкая 1996, 1999] - обозначаются абстрактными словами. Но, в отличие от семантических примитивов, где семантический примитив - «это не значение, не смысл, не сема, а именно слово» [Лукин 1990: 7], они обладают иным планом выражения - от слова до текста.

Использование пропозиционального критерия, основного критерия в когнитивной лингвистике, позволило по-новому взглянуть на традиционную и общепринятую точку зрения об организации категории аспектуальности, а именно расширить представление о сфере ее существования. Следует указать, что в основу разрабатываемой нами модели категории аспектуальности была положена теория фреймов М. Минского и теории когнитивных структур (ИКМ) Дж. Лакоффа, что позволило описать как структуру исследуемых концептов, так и путь их репрезентации.

Категория аспектуальности являет собой набор девяти концептов-примитивов, служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, - осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической, метафорической

Перечислим эти концепты: *'единичность'*, *'длительность'*, *'начало'*, *'продолжение'*, *'конец'*, *'результативность'*, *'повторяемость'*, *'степень проявления'*, *'соотношение с нормой'* (подробнее: [Белошапкина 2007]).

Таким образом, перед нами встает задача - ответить на вопрос, как организуется эта категория в нашем сознании, то есть провести ее категоризацию. Категоризация для когнитивного исследования является ведущей составной частью, так как «категоризация является одной из ведущих функций человеческого сознания, которые лежат в основе речемыслительной деятельности и организации языка как системы» [Болдырев 2005].

Языковая категоризация наиболее полно представлена в теории прототипов Э.Рош и теории когнитивных структур (ИКМ) Дж. Лакоффа (см. подробнее: [Беляевская 2000]). Согласно Э. Рош языковая категория представляет собой структуру, состоящую из концентрических ^ кругов, в центре которых находятся такие элементы, которые несут

себе больше типических черт, а на периферии - те элементы, у которых меньше типических черт.

Дж. Лакофф [Лакофф 2004] выдвигает понятие когнитивной структуры (ИКМ), лежащее в основе языковых категорий (пропозициональная, образно-схематическая ИКМ, метафорическая и метонимическая ИКМ).

Также в науке ставился вопрос об иерархии категорий в процессе категоризации, и здесь наблюдается определенная динамика развития научных взглядов. Так, А.В. Кравченко выделял два уровня категоризации действительности - конкретно-предметный и абстрактно-системный (см. подробнее: [Кравченко 1996]).

Н.Н. Болдырев выделяет, основываясь на результатах исследований современной психологии и лингвистики, три основных уровня категоризации: **высший** (суперординатный), **средний** (базовый), **низший** (субординатный) [Болдырев 2007].

Используя теорию когнитивных структур (ИКМ) Дж. Лакоффа и результаты исследований психологов и лингвистов, представленных Н.Н. Болдыревым, постараемся представить организацию категории аспектуальности в нашем сознании.

Категория аспектуальности репрезентируется на двух уровнях категоризации: **высшем** (суперординатном) и **низшем** (субординатном). **Суперординатный** уровень является базовым для этой категории, так как все концепты-примитивы им передаются, используя для этого пропозициональную ИКМ: ... я **однажды** встретил ангела... (В. Распутин); ... **как-то** вечером она была на катке ... (И. Бунин); ... Долго мы так молчали ... (М. Шолохов); ... законопроект Дума приняла **быстро**... («Коммерсант» Москва 18.10.03); ... ждать пришлось **недолго** (С. Довлатов); Буфетчик **медленно** поднялся... (М. Булгаков); До сих пор критик Латунский бледнеет... (М. Булгаков); ... я **немного** растерялся ... (С. Довлатов)', ... милосердие **иногда** стучится в их сердца... (М. Булгаков); ... он **вновь** возвратился... (А. Платонов); ... **на** ^но^т раз **пополнили** [дивизию] скупо... (К. Симонов); **очень** жалела ... (К. Трифонов); Ваня копал **медленно** ... (К. Паустовский); ... **слегка** дрогнули губы... (М. Шолохов); Она **продолжала читать**... (И. Бунин); Она **перестала улыбаться**.. (Ю. Трифонов); Тут она **Снималась плакать** (Б. Пастернак).

Особое место занимают корневые выразители и аффиксальные образования, где эти смыслы передаются либо конечной морфемой, ли-аффиксом: затем **пошли** неприятности (С. Довлатов); ... если еще

III. Уровневая категоризация естественного языка I

немного **продлится** этот шорох ... (М. Булгаков), Метель **хлестала в** глаза доктору... (Б. Пастернак); ... кони уже **неслись** ... (М. Булгаков); ... **плелся** переулком к метро ... (Ю. Трифонов); **шагнуть** (Ю. Трифонов); ... **поболеть** (Б. Пастернак); ... Гортензия **заплакала** (Ю. Трифонов); ... **приоткрыть** завесу... («Псковская правда» Псков 20.12.02); ... ранки **подсохли** (А. Платонов); Синцов **полуобернулся**. (К. Симонов); ... кое-чего в жизни **недопонимаете**... (М. Шолохов); ... **побрякивать** ... (В. Распутин); Старшие **ежевечерне собирались** на военный совет... (Б. Пастернак); ... он **раскраснелся**. (И. Бунин); ... там было **темновато** (Ю. Трифонов); ... я **перетушился** (М. Булгаков).

Субординатный уровень используется для передачи двух концептов: '**начало**' и '**степень проявления**', используя для этого метафорическую и образно-схематическую ИКМ: ...он был **пещерно худ**... (И. Бунин); Пулемет **работал яростно** ... (А. Платонов); ... **долгие сумерки густели** в чащах ... (К. Паустовский); Вода **блестела, как черное стекло** ... (К. Паустовский); Одна, **как буря**, ворвалась за занавеску ... (М. Булгаков);... **разнес его рассказ в пух и прах** ... (Ю. Трифонов); Он **сломя голову помчался** в клинику... (Б. Пастернак); Море было **сонно** ... (К. Паустовский); **Внезапно упала ночь** ... (К. Паустовский).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Категория **аспектуальности** является одним из самых **сложноорганизованных лингвистических объектов**, привлекающих **внимание исследователей** не одно десятилетие. Этим, думается, можно **объяснить** стремление к категоризации этого объекта разными **авторами**. Но термин категоризация у разных авторов наполняется своим **содержанием**. У А.В. Бондарко категоризация существует на уровне **семантики языка**, а в когнитивной лингвистике - это функция человеческого сознания (см. подробнее: [Попова 2005]). Здесь встает вопрос **об инструменте анализа**: чтобы сравнивать результаты исследований, **нужно** иметь не только общий объект анализа, но и единый **инструмент анализа**. Думается, что перспективным является использование **препозитивного критерия**, основного критерия в когнитивной лингвистике, который позволит унифицировать результаты проводимых когнитивных исследований.

2. В науке существует два ономаσιологических пути ^{опис} этой категории, основанных на теории **понятийной** категории **номинации**, которая является во многом основой **отечественной**

Т. В. Белошапкова

когнитивно-дискурсивных исследований. К исследованиям, основанным на теории **понятийной** категории, приложима теория **прототипа**, для **когнитивно-дискурсивных** исследований, думается, более подходит теория **когнитивных** структур (ИКМ) Дж. Лакоффа, так как р)КМ, по сути, путь представления языковой категории, или как указывала Е.Г.Беляевская «когнитивная модель слова - явление не семантическое, а когнитивное, которое «придает значению форму» [Беляевская 2000: 12].

3. Использование теории **когнитивных** структур (ИКМ) Дж. Лакоффа позволило увидеть, что категория **аспектуальности** обладает особой структурой: ее составляющие не образуют подклассов с отношениями «выше - ниже» (как это свойственно системам категорий, которые создавались человеком еще со времен Аристотеля для упорядочения знаний об объекте), а являются равноправными членами. Таким образом, категория **аспектуальности** представлена в языковом сознании человека не как полевая структура, а как набор дифференциальных признаков, которые в речевой деятельности могут давать самые разные объединения, например: **аспектуальные блоки**, когда и одном высказывании происходит объединение аспектуальных концептов, и **аспектуальные повторы**, когда имеется ситуация дублирования аспектуальных параметров (см. подробнее: [Белошапкова 2007]).

Проведенное исследование позволило увидеть ряд вопросов, решение которых требует отдельного осмысления. Это, в первую очередь, вопросы организации языкового абстрагирования в наименованиях категорий: категория **аспектуальности** - это отражательная категория или номинальная категория, или что-то третье? (см. подробнее: [Кубрякова, Ирисханова 2007]).

Литература

Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М., 2007.

Белошапкова Т.В. Эволюция ономаσιологического подхода к интерпретации категории аспектуальности: теория понятийной категории?> теория номинации, когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. 57-63.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. трудов РГПУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2000. С. 9-14.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. Тамбов 2005. С. 16-39.

Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. трудов. М.; Калуга, 2007. С. 29-37.

Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики. СПб., 2008.

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Л., 1987.

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. №2. С. 3-12.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лопатин В.В. Грамматическая категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 115.

Лукин В.А. Семантические примитивы русского языка. М., 1990.

Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Попова З.Д. Прототипическое значение в концепции Н.Н. Болдырева // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. Тамбов, 2005. С. 128-132.

Русская грамматика. Т. 1. Прага, 1979.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов, 2001.

Н.А. Беседина

Н.А. Беседина (Белгород)

РОЛЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА
КАК КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЫ

В основе когнитивного подхода к исследованию языковых единиц различного уровня лежит понимание языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями, то есть как особой когнитивной системы. Соответственно каждый из языковых уровней и отдельные единицы языка выполняют свою особую роль в создании такой системы. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка определить роль морфологических категорий в этом процессе, опираясь на результаты исследования морфологической репрезентации в языке (см. подробно: [Беседина 2006; Болдырев, Беседина 2007]).

Морфологическая репрезентация как особый категориальный способ структурирования концептуального содержания осуществляется в результате действия определенных языковых и когнитивных механизмов. В качестве языкового механизма выступают морфологические категории и формы. В этой функции они представляют собой концептуальное объединение форм, служащее осмыслению наиболее важных и абстрактных сущностей в языке и выступающее в качестве формата знания особого типа (см. подр. о форматах знания: [Болдырев 2006]). Как следствие, обобщенные значения морфологических категорий создают ту «сетку координат» (термин Е.С. Кубряковой) в организации языка как когнитивной системы, в рамках которой осуществляется видение и осмысление мира человеком. Вместе с другими грамматическими категориями они «обеспечивают! языку выход за пределы непосредственно наблюдаемого и отражают воистину беспредельные возможности языка» [Кубрякова 2006: 13].

В морфологических формах язык фиксирует не только наиболее обобщенные и абстрактные характеристики окружающего мира, но и те стороны, которые оказываются для человека наиболее регулярными и менее подверженными влиянию каких-либо факторов. Именно такие характеристики и стороны окружающей действитель-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ности передаются в морфологических формах с определенной степенью обязательности и регулярности. Например, временные, количественные параметры, показатели меры степени признака и реальности / ирреальности действия в большей степени представляются универсальными и в меньшей степени зависимыми от позиции говорящего. Эти знания, как правило, репрезентируются в языке соответствующими морфологическими категориями (времени, числа, степеней сравнения, склонения).

Сказанное позволяет заключить, что морфологические категории и формы объективируют языковое знание как составную часть знания о мире, включающее в себя знание языковых значений, форм и категорий и знание о мире, как оно концептуализировано языком. При этом они обладают максимальной степенью значимости в формировании языкового знания. Как следствие, морфологические категории создают костяк системы языка и закрепляют в качестве обязательных основные координаты всего языкового пространства. Напомним, что еще А.А. Реформатский сравнивал морфологию со скелетом, на котором держится все остальное в языке. По его мнению, морфология представляет собой центр языкового пространства, и для того, чтобы узнать язык, надо, прежде всего, понять его морфологию, без которой нет языков. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков своя морфология, но она все равно присутствует [Реформатский 1979: 58].

С когнитивной точки зрения, морфологические категории служат структуризации концептуального содержания, организуя каркас тех форм, в которые «выливается» содержание, передаваемое лексикой (см. подробно: [Talmy 2000: 1-4]). Как следствие, они, как и другие грамматические и словообразовательные категории, входят в класс формально маркированных категорий, характеризующихся наличием у каждой из них особой языковой формы (ср. формы Progressive, Perfect, Perfect Progressive, Passive и т.д.).

Таким образом, морфологическая категория представляет собой единство концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. При этом инвентарь морфологических категорий в разных языках заметно варьируется. Тем не менее, они подчиняются некоторым схемам, которые могут быть признаны универсальными. И происходит это благодаря наличию общего когнитивного основания, в качестве которого выступает концепт «соответствующий»!

шей категории. В данном случае - морфологически передаваемый концепт.

Морфологически передаваемый концепт - это выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, то есть единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Морфологически передаваемый концепт существует одновременно как единица знания, репрезентируемая с помощью морфологических категорий и форм, и как концепт, лежащий в основе формирования морфологических категорий и реализующийся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и др.). Морфологически передаваемые концепты, будучи основой формирования соответствующих морфологических категорий, позволяют подводить существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и определяют семантику последних.

Содержание морфологически передаваемых концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов. Эти характеристики (например, совпадение с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи, соответствие действительности, несоответствие действительности, длительность, результативность, активность, пассивность, множественность, немножественность, большая степень интенсивности признака, высшая степень интенсивности признака, посессивность и др.) обладают статусом особых категориальных смыслов и имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса. В этом смысле морфологически передаваемые концепты обнаруживают более тесную привязку к языку, являясь классификационными, и могут быть определены как обязательно вербализуемые концепты.

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается полностью только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации. Вследствие этого, морфология^{Гия} выступает как область смыслов, служащих для формирования конкретных, в частности грамматических и лексико-грамматических

III. Уровневая категоризация естественного языка I

смыслов. Данная особенность объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно в языковой системе, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом смысла в процессе речемыслительной деятельности.

Сказанное выше приводит, в частности, к выводу о том, что специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках в силу того что инвентарь морфологических категорий, как уже отмечалось, может заметно варьироваться от языка к языку. Различия между морфологическими категориями, в свою очередь, определяются различиями лежащих в их основе концептов и существованием различных уровней концептуализации в морфологии, отражающих различные способы структурирования знания на уровне морфологии. Это, в свою очередь, позволяет предложить новые параметры в классификации морфологических категорий и на их основе новую типологию морфологических категорий, отражающую наиболее существенные аспекты в концептуальной организации морфологического уровня языка в целом.

К числу таких параметров классификации, по нашему мнению, следует отнести: функции морфологических категорий в концептуализации и категоризации мира, их связь с категориями других уровней языка, соотношенность морфологических категорий с уровнями концептуализации в морфологии, особенности внутренней организации морфологических категорий. Рассмотрим их подробнее.

Концептуализация в морфологии осуществляется на синтаксическом уровне, включающем в себя уровни предикативности и сказуемости, и на уровне семантики лексико-грамматических разрядов слов. Между выделенными уровнями отсутствуют жесткие границы, что является следствием проявления континуальности как на концептуальном, так и на семантическом уровне, а также асимметрии в соотношении концептуального и семантического уровней. Как следствие, содержание концепта и содержание морфологической категории, репрезентирующей его, не совпадают и не могут совпадать. Содержание морфологической категории репрезентирует особым образом спрофилированное и конфигурированное концептуальное содержание.

В соответствии с заявленными уровнями концептуализации может быть выделено три категориальных области в морфологии, нагольные категории лица, времени и наклонения (образующие первую категориальную область) ориентированы на уровень выражения предикативных отношений. Данные категории связаны с выражением предикативности как признака всего предложения-высказывания, ориентированы на то, что выходит за рамки непосредственно пропозиции. По своему значению они соотносят сообщение с актом речи и связаны с отношением человека к миру событий с точки зрения их актуализации в языке. Показывая средствами языка связь человека с этими событиями, выделенные категории позволяют представить сообщаемое в том или ином временном плане, а также в аспекте его реальности / ирреальности. Они имеют в определенной степени «глобальный, всеохватывающий характер, регулярное формальное выражение, системно-парадигматический уровень реализации и формально-грамматический статус» [Болдырев 2000: 16]. Такой всеохватывающий характер предикативных категорий объясняется Н.Н. Болдыревым «универсальностью задаваемых параметров и, следовательно, их независимостью по отношению к семантике самих глагольных лексем» [Там же]. В английском языке, например, сказанное в большей степени относится к категориям времени и наклонения, как характеризующим событие в его целостности. Любой глагол в предложении-высказывании, независимо от своей семантической принадлежности, употребляется в одной из временных форм (настоящего, прошедшего или будущего) и в одной из форм наклонения. Категория же лица, в силу специфики строя современного английского языка, имеет «ограниченный» морфологический статус, сохранив только форму 3-его лица ед. числа, выражающую, скорее, грамматическую, согласовательную функцию. Другие значения этой категории реализуются на уровне синтаксиса с помощью дополнительных средств, в частности, с помощью соответствующих местоимений в функции подлежащего.

Глагольные категории числа, аспекта, залога и именные категории числа, падежа и рода, входящие во вторую категориальную область, представляют концептуальное содержание на уровне выражения субъектно-предикатных (пропозициональных) отношений. Они репрезентируют то, как связи между объектами реального мира

III. Уровневая категоризация естественного языка I

отражаются в языке и, соответственно, ориентированы на собственно языковые знания.

Данные категории (в первую очередь, аспекта, залога и числа существительного) характеризуются определенной избирательностью в плане семантики глагольных и именных лексем. Выражение соответствующих грамматических значений (аспектуальных и залоговых), отражающих фазовую и субъектно-объектную характеристики событий, непосредственно связано с дифференциацией лексико-грамматических классов глагольных лексем. Как известно, формы прогрессива и пассива в английском языке возможны только у акциональных глаголов. Например: *Mary is speaking English now* и *English is spoken all over the world*. Ср. *The house belongs to Mr. White*. Но: *The house is belonging to Mr. White*; *The house was belonged to Mr. White*.

Именные категории числа и падежа, степени сравнения прилагательных и наречий, глагольная категория аспекта, а также категория определенности / неопределенности (третья категориальная область) репрезентируют концептуальное содержание на уровне собственно семантики лексико-грамматических разрядов слов, семантики, ориентированной на внешний мир и его представление в языке. Данные категории направлены на отображение знаний о предметах и событиях мира, их взаимосвязях с точки зрения их влияния на использование языковых единиц и их систематизацию в языке.

Концептуальной организации языковых категорий имеет своим следствием существование разных принципов их строения, что, в свою очередь, связано с природой (онтологической или гносеологической) различных языковых категорий. По отношению к системе языка морфологические категории являются категориями естественных (для языка) объектов и отражают онтологию самого языка. Этот факт непосредственно определяет специфику структуры и принципы формирования морфологических категорий, которые как носители человеческих знаний не рядоположны и неравноценны (см. подробно: [Кубрякова 2004: 314]).

Для морфологических категорий, как и для других категорий грамматического уровня, характерна прототипическая структура (подроб. обосн. этого тезиса см. в: [Болдырев 2006; 2007 и др.]) - Это с необходимостью предполагает поиск прототипа морфологической категории как наиболее типичного образца в категории языковых

объектов. Прототип определяется Н.Н. Болдыревым как концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание [Болдырев 2004: 32]. Основные характеристики прототипа выступают в качестве характеристик соответствующей категории, что и обуславливает принадлежность к данной категории тех или иных элементов [Там же].

Из данного определения следует вывод о том, что прототипом морфологической категории является морфологически передаваемый концепт, который обладает набором наиболее важных характеристик, свойственных соответствующей морфологической категории. Применительно к категориям современного английского языка такими прототипами будут: для категории времени - морфологически передаваемый концепт ВРЕМЯ с основными характеристиками *одновременность с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи*; для категории числа - морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО с характеристиками *множественность, немножественность*-, для категории степеней сравнения - морфологически передаваемый концепт МЕРА ПРИЗНАКА с характеристиками *большая степень интенсивности признака и высшая степень интенсивности признака*; для категории наклонения - морфологически передаваемый концепт НАКЛОНЕНИЕ с характеристиками *соответствие действительности, несоответствие действительности*'; для категории залога - морфологически передаваемый концепт ЗАЛОГ с характеристиками *активность, пассивность*.

Выявление концептуальных прототипических характеристик тех или иных морфологических категорий создает предпосылки для определения их роли в формировании смысла в процессе речемыслительной деятельности.

Однако для рассмотрения этого аспекта проблемы следует предварительно обратиться к выявлению когнитивных механизмов морфологической репрезентации и показать их действие. В качестве когнитивных механизмов, обеспечивающих морфологическую репрезентацию, выступают абстрагирование, профилирование и конфигурирование (см. подробно: [Беседина 2006]). Абстрагирование, представляющее собой процесс мысленного выделения наиболее существенных характеристик и связей и отвлечения от других, частных характеристик и связей, обеспечивает формирование самого морфологически передаваемого концепта на базе основного концепта, относящегося к

III. Уровневая категоризация естественного языка I

числу наиболее значимых в концептуальной системе (например ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, ОТНОШЕНИЕ и т.д.). Профилирование применительно к морфологической репрезентации предполагает выделение какой-либо характеристики в содержании основного или морфологически передаваемого концепта под влиянием дополнительных лингвистических факторов. Конфигурирование - это процесс придания той или иной формы концептуальному содержанию на основе различных вариантов сочетания концептуальных характеристик.

В результате действия когнитивного механизма абстрагирования выделяется часть информации основного концепта, которая и составляет базу для формирования морфологически передаваемого концепта. Возникающий концепт получает репрезентацию за счет морфологических форм, то есть является по способу представления в языке морфологически передаваемым.

Формирующиеся на этой базе характеристики морфологически передаваемого концепта (прототипические характеристики) составляют его содержание и, активизируясь через морфологические формы, создают базу для собственно морфологических смыслов. Между смыслами, составляющими содержание морфологически передаваемого концепта, и значениями морфологических форм устанавливается отношение репрезентации, представленное по принципу «фон-фигура». В результате активизации этих характеристик формируются собственно морфологические смыслы, носящие максимально обобщенный характер (например, единичность, множественность, относительность, длительность и т.д.) и требующие уточнения и конкретизации. Последние осуществляются за счет дополнительных лингвистических факторов: семантического, синтаксического и контекстуального (см. подробно: [Беседина 2006]). Под их влиянием дополнительно профилируются характеристики в содержании основного концепта. Именно различное сочетание характеристик морфологически передаваемого концепта и характеристик основного концепта обеспечивает концептуальное конфигурирование и способствует возникновению самого широкого спектра лексико-грамматических смыслов. В дальнейшем, конфигурирование позволяет по-разному перераспределять концептуальное содержание в ходе морфологической репрезентации под воздействием различных лингвистических факторов.

Н.А. Беседина

Заканчивая рассмотрение заявленной проблемы, обратим внимание на то, что предложенная нами типология морфологических категорий дает представление об их тесной связи с единицами других языковых уровней, о некоторых свойствах их внутренней организации, а также и о том, что по своей когнитивной значимости они оказываются принципиально важными в процессе формирования смысла в ходе речемыслительной деятельности. Функция же морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы состоит в систематизации определенных аспектов человеческого опыта на самом высоком уровне обобщения и абстракции.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.

Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллектив, моногр. Тамбов, 2000.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов, 2007. С. 12-28.

Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2007. Т. 66. № 1. С. 3-10.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.

Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии, Морфологии. М., 1979.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. Cambridge, 2000.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Н.А. Голубева (Нижний Новгород)

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В настоящей статье отражены результаты диссертационного исследования, выполненного в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к изучению грамматических явлений немецкого языка. Ее целью является представление категории грамматических прецедентных единиц - производных по форме, значению и функции, которые передают прецедентные смыслы и на когнитивном уровне репрезентируют отдельный формат знания, а на языковом уровне организуются в подсистемы единой лингвистической категории. Эта категория постулируется в русле *концепции грамматической прецедентности*.

Грамматика в определенном смысле - это схематизация (абстрагирование) отношений между объектами внешнего и внутреннего мира человека. Такое понимание концептуализирующей роли грамматики как грамматически репрезентируемого конфигурирования и форматирования концептуальной сетки является особенно важным для обоснования рассматриваемой категории. Идея концептуализирующей функции грамматических единиц стала главным принципом когнитивной грамматики, основателем которой считается Р. Лэнекер. В то же время эта идея в разной степени присутствовала в грамматических исследованиях всего прошлого века (М. Bierwisch, К. BUhler, U. Engel, J. Engelkamp, J. Erben, J. Hawkins, J. Katz, H. Reichenbach, T. Winograd). Определенный вклад в становление базовых положений когнитивной морфологии и когнитивного синтаксиса внесли наряду с Р. Лэнекером в рамках «пространственной» и «телесной» грамматики Л. Талми, М. Джонсон, П. Дин.

Анализ способов хранения и переработки информации показывает, что основой этих процессов является схематизация, которая может быть представлена простыми и сложными ментальными моделями (понятие, концепт, фрейм, пропозиция, матрица). Когнитивной моделью, по которой объединяются грамматические производные является «прецедент». Он понимается как коллективно или индивидуально детерминированное на языковом или коммуникативном УР

Н.А. Голубева

представление об определенной сущности, актуально-значимое в сознании его носителя. Мы рассматриваем прецеденты в широком смысле; среди них фигурируют не только широко известные в лингвистике «прецедентные феномены», но и «прецеденты иного типа». Первые несут энциклопедическое знание, вторые - языковое.

Концептуализация знака как прецедентного возможна в двух проекциях: системно-языковой и дискурсивной. Первая проекция намечается связью прецедентного знака с **языковым прецедентом**, который может быть *грамматическим* (Das Wetter ist schön. das schöne Wetter; in Frage kommen <— das infrage kommende Element) и/или *лексическим* (arbeiten <— Arbeiter; rot <— rötlich). Вторая проекция обозначается связью прецедентного знака с **коммуникативным прецедентом**, который может быть также *грамматическим* и/или *лексическим*. Ср.: Er war sich fast sicher, einmal von Birgit entdeckt werden zu können. Allmählich verwandelte sich der Kitzel des Entdecktwerdenkönnens in die Lust auf ein richtiges Bett. [Brigitte 2000: 99] Коммуникативным прецедентом мотивируется, например, появление речевой лексической метафоры. Разновидностью коммуникативного прецедента является *эпистемический* прецедент, который, как правило, репрезентируют прецедентные феномены.

Названные типы прецедентов передаются конкретным языковым или коммуникативным событием. Языковая единица, употребление которой мотивируется путем отсылки к прецеденту любого типа, считается прецедентной (далее - ПЕ). Она понимается как *языковой элемент, который объективирует определенный когнитивный контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прецедентом (прообразом), и имеет статус производивши - выступает либо производным, либо производящим языковым знаком*.

Каждый из выделенных типов прецедентов в зависимости от характера передаваемого им знания дает основание различать грамматический, лексический и эпистемический виды прецедентноеTM. Грамматический вид прецедентноеTM во многом выражается через словообразование (суф. *-er* в *Priifer* обозначает агенс, а суф. *-ler* в *Prtifler* - пациенс; ср. также процесс универбализации *insbesondere, Vergissmeinnicht*). Все названные виды прецедентноеTM могут интегрироваться в °Дном производном знаке, напр., *Stalinist*. Коммуникативный (эпистемический) прецедент представлен прецедентным именем *Stalin*, языковой прецедент - *der Anhänger der Ideologie in der Auslegung einer Per-*

III. Уровневая категоризация естественного языка I

son. Вместе с тем, в слове *Stalinist* наблюдается концептуальная интеграция лексических типов (концепт «Сталин» и концепт «приверженец какой-либо идеологии»). Кроме того, здесь имеет место интеграция лексических концептов с морфологически репрезентируемыми концептами. Через суффикс *-ist* обозначаются агентивность (носитель определенного интеллектуального состояния) и категории лица и одушевленности. Ср. также лексемы: *Miesepeter*, *miesepetrig* (*mies sein wie Peter*). Это позволяет говорить об интегративном типе прецедентности и, соответственно, о грамматическом, лексическом и прагматическом способе репрезентации Прецедентного смысла.

Специфика грамматических производных знаков выражается в грамматическом виде прецедентности, который, как замечено **выше**, раскрывается в производное™ формы, значения и функции грамматической единицы и имеет диахронический и синхронический, парадигматический и синтагматический аспекты. В исторической перспективе можно говорить только о языковом прецеденте как когнитивной базе ПЕ. Это обнаруживается при появлении новых грамматических значений на основе имевших место в языке лексических и грамматических единиц. Примером тому служит становление значений предлогов и одноименных союзов. Так, союз *weil* в двн. с исходным темпоральным значением существительного (*Weile*) приобрел позже каузативное значение. Концессивный союз *trotzdem* развился из прономинального наречия *dem* и свн. междометия (*trutzl*), союз *ungeachtet* образовался от свн. прилагательного / наречия *ungeah(t)*. Ср. также становление вспомогательного глагола *werden* в форме Futur из полнозначного глагола в двн. *uuerdan*; изменение падежного управления глагола *vergessen* (род. п. сохранился а слове *Vergissmeinnicht*)', частеречное **перерождение**: *derweil(en)*, *desgleichen*, *aufgrund*, *mitnichten*, *geschweige denn*; возникновение новых грамматических форм - временных **форм** *Doppelperfekt* и *Doppelplusquamperfekt* со значениями «предпрошедшее» и «предпредпрошедшее» вместо исчезнувших в верхненемецком ареале в 17 веке форм *Imperfekt* и *Plusquamperfekt*. Ср.: *Ich hab's ganz vergessen gehabt*. *Ich bin eingeschlafen gewesen*.

В синхронии этот процесс легко узнаваем в грамматических знаках, которые функционируют параллельно в различных контекстах и реализуют при этом разные грамматические значения. Например, модальные глаголы (Er *muss* zum Arzt. - деонтическая модальность, *muss schon längst nach Hause gekommen sein*. - эпистемическая ^{модальность}); глаголы *bekommen*, *gehören* и *haben* как **пол**позначные

Н.А. Голубева

Seminarplan *gedhren* noch einige Schwerpunkte. Er *bekommt* kein Vergnügen von seinem neuen Job.) и как вспомогательные для выражения пассивного значения (Die Tür *gehört zu reparieren*. Er *bekommt / hat* die Wunde verbunden.).

В этом же ракурсе предстает адъективация и адвербиализация причастий *bekannt, bestimmt, ausgesprochen, vorliegend, eingehend, einleitend* и др., прономинализация глаголов *tun* и *machen*, предикативных структур *es heift / geschieht / bedeutet, wie folgt*, синтаксическая редукция структур *ganz zu schweigen, urn nicht zu sagen* и мн. др.

Переосмысление исходных грамматических значений в производные в синхронии претерпевают временные формы с несвойственными им в первичной функции значениями: PrSsens и Imperfekt (Sie *wilten zahlen? Nun gehe* ich einmal durch den Wald.). На синтагматическом уровне проследим образование любой именной фразы - словосочетания. Через *der grüne Apfel* в нашем сознании, по К. Боосту, активизируется знание о том, что: *Aha, es gibt einen Apfel* und der Apfel muss grün sein [Boost 1956]. Поэтому атрибутивно употребляемые прилагательные и причастия в субстантивных словосочетаниях являются вторично-языковыми результатами своих производящих предикативных форм как языкового прецедента: Die Zeitung ist gelesen worden (ist gelesen) <— *die gelesene Zeitung*. Сказанное позволяет выделить в рамках грамматического вида прецедентности морфологический и синтаксический типы.

Прецедентность как признак отношения производности, отсылочности между двумя языковыми единицами является когнитивным категориальным признаком ПЕ и восходит к понятию «прецедент». Как единица знания понятие «прецедент» является типом одноименного концепта. Его структура включает два субконцепта: «иметь прецедент» и «создать прецедент», в ракурсе модусов «ретро» и «про», а общая категория ПЕ как формат знания формируется на основе концепта «прецедент» и имеет двухфокусную структуру.

Категория ПЕ в грамматике выступает как некоторое множество когнитивно-однородных, дискурсивно-адаптированных языковых элементов с классифицирующим признаком «прецедентность». Эта лингвистическая категория в немецком языке выступает результатом вторичной категоризации грамматической (интерпретативной) семантики " основывается на двух видах коллективного знания: языковом и оценочном, заключенных в грамматических значениях языковых форм, грамматических и лексико-грамматических категорий и разрядов

III. Уровневая категоризация естественного языка

(см. о типах знания: [Болдырев 2009]). Языковое знание в ПЕ! проиллюстрировано выше на примере словосочетания *der grüne Apfel*. Оценочное знание передается синтаксическими единицами типа *es sei betont, ausdrücklich gesprochen*, модальными глаголами с эпистемической модальностью, коррелятами *sprich:, nicht:, hier*, аппозитивными структурами разного рода, которые носят регулярный, стереотипный и метакоммуникативный характер как результат интерпретации семантических и функциональных характеристик дискурса. Ср.: <...> **möchte** ich abschließend noch eine häufig vorkommende *deontisch-konditionale* (**sprich:** finale) *Gebrauchsvariante* erwähnen <...> (Brucken, 2006).

Прототипом языковой категории производных (грамматических) знаков является прецедентная единица. Она имеет набор определенных когнитивных и языковых свойств - типологических характеристик, которые подтверждают производность ее формы, значения и функции, а именно: релятивность, фактитивность, интерпретативность, метафоричность, дейктичность, ментальность, репрезентацию психологического и лингвистического модуса Говорящего.

Статус описываемой категории подтверждается формой, функцией и значением составляющих ее ПЕ. *Прецедентное значение* - это фактитивность знания о первичном грамматическом знаке. *Прецедентная форма* - это производная грамматическая форма (средство). По форме ПЕ не являются однородными. Каждый грамматический уровень немецкого языка имеет свои подсистемы ПЕ. Между производной формой и производным значением нет сильных обратимых логических связей. Всякая прецедентная форма ведет к формированию прецедентного значения, но не всякое прецедентное значение **вызывает** изменение формы. Ср. *hier* как пространственное и как союзное наречие: **Hier** ist es ganz gemütlich. Но: <...> (3) *erhält eine Deutung, in der eines der beiden Ereignisse (hier: die Selbsttötung) dem anderen (hier: der Anweisung) vorgezogen wird* (Brucken, 137).

Прецедентная функция заключается в реализации производного грамматического значения через производную грамматическую **форму** или средство, но не только. Она понимается также как воспроизведение грамматической единицей прецедентного смысла высказывания. Ср.: <...> *das einen Kontrapunkt zu dem bisher Dargelegten setzt* < • > (Sprachreport, 2005, № 1, с. 21) *Когнитивная функция* заключается в хранении вторичной (грамматической) информации. ПЕ являются сигналами «языковой памяти» коммуникантов, единицами осмысления преобразования языкового опыта (грамматическая метафора, синтакси

Н.А. Голубева

цеское слово и др.). *Прагмакоммуникативная функция* заключается в способности ПЕ быть средством передачи информации Говорящим и носителем его интенции.

В формировании прецедентных смыслов задействованы разные когнитивные механизмы и приемы: спецификация, де/фокусирование, высвечивание, перспективизация; опора на прототип, охват объема информации, точка обзора, динамичность силы, связь с референциальной точкой. Это отражается во многих грамматических понятиях: «рефлексивность вещей», «этический компаратив», «дипломатический конъюнктив», «эксплетивное подлежащее» и др. и реализуется грамматическими формами и средствами (пассив, модальные, временные и инфинитные формы глагола, десемантизированное *es*, артиклевые слова, «анафорические» числительные, союзы, инфинитивные конструкции с *zu* и др.), которые формируют категорию грамматических прецедентных единиц. В качестве примера рассмотрим когнитивный механизм *фокусирование*. Фокусирование предусматривает выбор Говорящим размещения содержания на переднем или на заднем планах высказывания. Это соответствует широко известным понятиям в психологии и когнитивной лингвистике «фон» и «фигура». Традиционно фокусирование выступает в информационной структуре как тема - рема, старое - новое, *topic - comment*.

Эта когнитивная операция объективируется, например, коннекторами, значение которых определяется выдвижением того или иного семантически значимого признака Говорящим через разные позиции их структурных элементов, напр., *auch wenn - wenn ... auch - auch, wenn-, ungeachtet dessen - dessen ungeachtet* и др. Для фокусирования внимания на характере (ментального) действия, направленного на предмет речи, на передний план выдвигается причастие II (*gemeint, gesagt* и т.п.). Ср.: *Damit ist gemeint...* *— *Gemeint ist damit...*; *Hier sei folgendes betont* ← *Betont sei folgendes*.

Исследование когнитивных основ ПЕ выводит на выделение принципиально нового когнитивного механизма «отсылка». Он позволяет им выполнять главную когнитивную операцию - *Отсылку* к прецеденту, которая рассматривается как *осмысление определенной значимой языковой или коммуникативной информации о какой-либо сущности при ее соотнесении (сопоставлении) с информацией о другой сущности и выявлении их смысловой взаимосвязи*. Этот когнитивный механизм специализируется на создании дейктических проекций и включает в себя специфические когнитивные приемы: метафориче-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ский перенос, сравнение, (пе)реформулирование, концептуальное возвращение), которые объективируются ПЕ в сфере морфологии и синтаксиса.

Продемонстрировать действие когнитивного механизма ОТ-СЫЛКА можно на примере разного рода проформ, артиклевых слов, местоимений, «текстовых указателей», языковых структур в рамках синтаксического повтора и др. Ср.: *Anna bringt Wein mit. Das macht sie immer.* Или: *Wenn sie Uberhaupt kommt, bringt Anna Wein mit.* Из примеров видно, что через дейктическую доминанту, выраженную местоимением *sie*, обозначается когнитивная проекция. В первом случае репрезентируется субконцепт «иметь коммуникативный прецедент», во втором - «создать коммуникативный прецедент». Но так как само местоимение не в состоянии однозначно передать смысл, то оно как знак, по Р.О. Якобсону, *отсылает* Говорящего к контексту, который наполнит этот знак определенным смыслом и сделает его через имя собственное *Anna* референтной единицей [Якобсон 1996].

Фундаментальным языковым процессом, который обуславливает прецедентность грамматической единицы и их совокупность как языковую категорию, является грамматикализация. Этот процесс понимается как постепенная утрата языковой единицей лексического значения и превращение ее в морфосинтаксический маркер. Этот процесс имеет несколько стадий: перекатегоризацию (*rot* ← *das Rot*), эрозию (потерю словом, структурой внутренней /внешней флексии) (*dieser* ← *der*; *zur Zeit* ← *zurzeit* ← *derzeit*) и десемантизацию (*Trotz dem!* ← *trotzdem*; *Sprich!* ← *sprich: ...*).

Признаки грамматикализации единиц в морфологии проявляются: через дистанцирование конstituентов на уровне разных пропозиций - *ungeachtet dessen, dass; trotzdem* (наречие); концентрацию конstituентов в пределах одной пропозиции - *ungeachtet dessen dass; trotzdem dass* (союз); контактное расположение конstituентов - *und wie gesagt, wenn auch*; слитное написание конstituентов - *jederzeit, dergestalt*; утрату или изменение категориальных признаков - *vorliegend, sogenannt, der Bekannte; sich erinnern + Dat.*

Для синтаксического аспекта релевантными могут быть: утрата спрягаемого глагола: *Wenn gleich krank, ging sie zur Arbeit* (Brucken, 303); интерпозиция придаточного предложения: *<...> da wir, wie dargelegt, sehr wohl auf fiktive Situationen <...> referieren können* (RL, 85); синтаксическая значимость единицы в рамках одной пропозиции: *Er geht gerade* (ohne Gehstock) (предикативный атрибут) *Gerade das mochte ic*

Н.А. Голубева

„agen! (модальная частица); синтаксическая значимость единицы в рамках двух пропозиций: <...> *Und somit natirlich nichts weniger als identisch mit ihr* (Briicken, 400); изменение позиции спрягаемого глагола: в предложениях с подчинительным союзом *wed*, с concessивными союзами: *Auch wenn sie krank ist, sie geht zur Arbeit* (Briicken, 303); отсутствие знаков пунктуации: *Moderner ausgedriickt besagt dies, dass < ••>* (Briicken, 333).

Анализ признаков и стадий грамматикализации позволяет сформировать систему принципов этого языкового процесса:

- расслоение (новая функция языковой единицы сосуществует со старой): *werden - wird gelesen / wird lesen; hier - hier...*);
- дивергенция (одна и та же форма в одном контексте грамматикализуется, в другом - нет): *mit Hilfe (mithilfe) - mit deiner Hilfe*;
- специализация (сужение дистрибуции формы): *folgende Beispiele - die noch folgenden Aufstellungen*;
- постоянство (ранее доминирующая функция формы еще рефлектирует): *weil, wo, nicht*;
- перекатегоризация: *wie folgt, hekannt, vorausgesetzt, gegebenenfalls*.

Изучение грамматических прецедентных единиц выявляет три фактора их грамматикализации. Первый - метафоризация (напр., переосмысление семантики союзов *wo, nachdem, weil* и др.) Второй - влияние «сильного контекста» [Шендельс 2006], напр., адъективация определенного разряда причастий *bekannt, folgend*, адвербиализация предложных групп *im Falle - falls, im gegebenen Fall - gegebenenfalls* и др., в результате которых разрушаются их системные дистрибутивные связи. Третий фактор обусловлен влиянием современного состояния общества! - форм бытия и мышления - на развитие языковых явлений. Он дискутируется в рамках *теории естественного грамматического изменения* (Н. Борецкий, В. Мейертхалер, О. Вернер, В.У. Вурцель). Ср. употребление вспомогательных глаголов: на севере Германии - *Ich habe gestanden*, на юге - *Ich bin gestanden*; изменение падежного Управления: *ungeachtet davon, dass; trotzdem des enormen Andrangs, den Opfern gedenken, sich dem korrekten Gebrauch erinnern*; редукция флексиональных форм при раздельном написании: *Garten Center, Auto Wasche* и др.

В заключении следует выделить объекты прецедентной грамматики, которые несут следы грамматикализации и формируют отдельную категорию ПЕ.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

- На морфологическом уровне - это существительные (*der Bekannte, das Gesagte, die Kohärenzmachung* и др.), прилагательные, числительные, наречия, местоимения, артикли, предлоги, частицы, союзы-вспомогательные глаголы (*Bekommen, haben, werden, stehen, gehen, gehen* и др.); модальные глаголы с эпистемическим и деонтическим значениями; временные (*Futur, das doppelte Perfekt/das doppelt Plusquamperfekt, «вежливый» Imperfekt*) и инфинитивные формы глагола (*Partizip I, II; Infinitiv I, II*); «дипломатический» конъюнктив; категории определенности / неопределенности, падежа (*Gen., Dat*), времени, аспектуальности (*Progressive*), залога (*das Dativpassiv, das Reflexivpassiv, das Zustandspassiv, das Zustandsreflexiv*), лица, модуса, степеней сравнения.
- На синтаксическом уровне - это проформы (*darauf, dessen, so, es*), коннекторы (аргументативные, темпоральные, concessивные), атрибутивные словосочетания, предложные группы (*im Sinne, im Falle, dass - falls, unter der Voraussetzung - vorausgesetzt*), модусные предложения (*es gilt, es heißt, es geschieht*), придаточные предложения с союзом *weil* (сказуемое на втором месте) и с союзом *dass*, относительные предложения; сравнительные, эллиптические и аппозитивные структуры, обособленные инфинитивные и причастные конструкции; порядок слов, интонация; категории предикативности, модальности, утверждения / отрицания, «синтаксического лица», темпоральности.

Исследование языковых процессов и механизмов формирования и передачи прецедентных смыслов в грамматике позволяет заключить, что в немецком языке существует система когнитивно-однородных языковых явлений, совокупность которых рассматривается как грамматическая категория прецедентных единиц.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009. С. 91-103.

Шендельс Е.И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. М., 2006.

Якобсон Р.О. Язык и бессознательное (Работы разных лет). М» 1996.

Boost K. **Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld.** Berlin, 1956.

Е.Г. Ильичева

Е.Г. Ильичева (Саратов)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ РЕЛЯТИВНОСТИ
В ГИПОТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Поскольку в современной лингвистике все большее значение приобретает когнитивное направление, возникает необходимость рассмотрения некоторых грамматических явлений не только в аспекте традиционных грамматических категорий, но и относительно понятийных категорий, реализация которых обеспечивает репрезентацию ментального опыта в речи. В данной статье предпринята попытка анализа категории релятивности на примере гипотаксисных конструкций, то есть конструкций с подчинительной связью компонентов.

Категория релятивности охватывает весь язык, пронизывает все уровни, приобретает статус межуровневой семантической категории, причем понятие отношения является исходным при описании лексико-фразеологического состава языка, грамматических категорий, служит для описания структуры предложения. Категория релятивности лежит в основе описания семантики служебных слов - предлогов, союзов и некоторых частиц, в значении которых сема «релятивности» является категориальной, в основе анализа прилагательных, объектных глаголов и некоторых существительных, для которых названная сема является либо субкатегориальной, либо групповой.

Результаты категоризации отношений между предметами и явлениями материального мира отражены в лексике, фразеологии и грамматике того или иного языка, поскольку вещи существуют не сами по себе, а всегда даны в тех или иных отношениях, в тех или иных изменениях. Категория релятивности как лингвофилософское понятие является одним из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связана с другими когнитивными способностями и системами в когнитивном аппарате, а также логической операцией Установления отношений между предметами и явлениями [Шиганова 2007: 92]. Применение категории релятивности дает возможность выделить варианты подчинительной связи с опорой на степень семантической наполненности слова. Категория релятивности как необходимый признак гипотаксисных конструкций передает отношения между ДУ зависимыми и главными членами словосочетания, отношения внут-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ри предложения: простого или сложноподчиненного, а также отношения в тексте, реализуемые благодаря проекции глагольной валентности за пределы предложения, в результате чего образуется парцеллированная конструкция.

Понятие релятивности связано с потенциальной возможностью слова выражать абсолютное либо релятивное значение. Выделение абсолютных и релятивных значений слов [Гайсина 1981: 12] дает возможность разграничивать слова с абсолютным (нерелятивным) значением, которые не нуждаются в восполнении своего смысла, и слова с релятивным значением. Для слов с абсолютным значением использование распространителей в предложении является факультативным, для слов с релятивным значением только реализация семы «отношения» обеспечивает устранение смысловой недостаточности высказывания. Свойство релятивности / нерелятивности отмечается в качестве фундаментального конститутивного свойства, позволяющего характеризовать различные слова с точки зрения их проекции в организации потока информации [Кубрякова 2004: 266; Langacker 1987: 214-217; Taylor 2002: 205; Croft, Cruse 2004: 67 и др.]. Важным в этой связи является понятие пропозиционального формата знания [Панкрац 1992; Волохина, Попова 1999]. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, пропозиция является ментальной структурой, отражающей типовую ситуацию и характер отношений ее участников [Арутюнова 1976].

Между словами с абсолютным и релятивным значением, однако, часто отсутствуют четкие разграничения. Так, прилагательные с релятивным значением, традиционно называемые относительными, способны приобретать значение качественного прилагательного с абсолютным значением в том или ином контексте. Ср.: *wooden walls*, то есть *walls made of wood*; *a wooden smile*, то есть *an inexpressive smile*. Или глагол «to write» может быть релятивным в значении конкретного действия: *to write a book*, а может использоваться и абсолютно при обозначении способности к выполнению данного действия: *The student writes while reading and translating*.

Далее остановимся более подробно на способах реализации категории релятивности в гипотаксисных конструкциях. В простом предложении предикат своей валентностью определяет количество виды аргументов, а переходность либо непереходность **глагола** предиката влияет на создание прообраза пропозиции в предложении.

Е.Г. Ильичева

дктанты, спроецированные семантической валентностью глагола, получают позиционную представленность в структуре предложения в зависимости от способов реализации этой валентности в языке. В плане реализации категории релятивности в гипотаксисных отношениях такие способы представлены, с одной стороны, формой простого нераспространенного предложения, с другой стороны, формой сложноподчиненного предложения.

Словарной статьей проецируется рамка глагола, но в действительности не все актанты глагола актуализируются в процессе образования предложения. Например, семантическая валентность слова *blame* предполагает обозначение исполнителя действия *who blames*, реципиента *whom he blames*, причины *what he blames for*. На синтаксическом уровне обязателен один аргумент - реципиент: *He was to blame (blamed)*. Этот процесс зависит не только от позиции и значения субъекта, переходности или непереходности глагола в предложении, но и интенционального вектора высказывания. Интенциональность высказывания и влияние фактора проецирования глагольной валентности [Фуре 2008: 520] обеспечивает различную конфигурацию знаний в синтаксических единицах. Например, в простом нераспространенном предложении *He suffered terribly* ситуация конструируется в терминах процесса; в предложении *His suffering was terrible* ситуация представлена предметно [Taylor 2002: 179-180]. Таким образом, в рамках синтаксической конструкции возможна не только полная, но и частичная реализация семантической валентности глагола-предиката, что свидетельствует о возможной реализации категории релятивности и в случае, когда в речи актуализированы не все потенциально возможные аргументы.

В традиционной грамматике было принято формальное разграничение подчинительных связей в виде согласования, управления, примыкания, однако такое деление не раскрывает содержательные характеристики типов смысловой зависимости, актуализируемые гипотаксисными конструкциями. Значимым для изучения содержательных особенностей гипотаксисных отношений здесь является тот фактор, ^{что} ³а категорией релятивности закреплено значение взаимозависимых отношений, которое и реализуется в форме словосочетания, простого ^ сложноподчиненного предложения или изолированного придаточного предложения в контексте.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Разграничивая виды смысловой зависимости в рамках простого и сложноподчиненного предложения, а также на уровне дискурса важно обратить особое внимание на принципы, определяющие формирование гипотаксисных конструкций. В рамках простого предложения актантная рамка глагола выступает в качестве ведущего принципа, направляющего актуализацию реляционных концептов в речи. Что касается сложноподчиненного предложения, то в рамках сложноподчиненного предложения центральное место занимают реляционные признаки одного из аргументов, поскольку именно в рамках сложноподчиненного предложения конкретизируется тот или иной участник ситуации или уточняются его характеристики, например: *Wendy, a thirty-nine-year-old housewife who studied music, recognized as college freshman that she needed to free herself from childhood.* Выделенность определенного аспекта ситуации, то есть фрагмента информации в пределах высказывания приводит к выбору определенного способа его кодирования, при котором его положение в составе высказывания становится приоритетным по сравнению с другими фрагментами информации. Именно релятивный характер отношений между частями сложноподчиненного предложения предопределяет семантическое и структурное содержание придаточной части.

В дискурсивно обусловленных конструкциях, например, парцелированных, построение синтаксической конструкции обусловлено реализацией категории релятивности за пределами предложения, содержащего глагол-предикат, например: *I shall write to Mr. Wyatt. - Through Lotty, as you did before. - As I did before? I didn't write to him. - No, Lotty wrote, and you dictated (J. Albery),* что свидетельствует о наличии проекции актантной рамки глагола-предиката главного предложения в отношении изолированного придаточного предложения. О факультативности выделения придаточного предложения в обособленную позицию говорит возможность его введения в базовую структуру путем снятия конечного знака препинания, например: *Dick's gone off. Just when I wanted to talk about the picture. —> Dick's gone off just when I wanted to talk about the picture.*

В случае реализации категории релятивности в форме изолированного придаточного предложения в формате дискурса предикат, обладая признаками обязательной сочетаемости, проецирует свою ак-

Е.Г. Ильичева

тантно рамку за пределы предложения, так как один из актантов остается не реализованным в рамках синтаксической конструкции.

Перспективу исследования видим в исследовании факторов и принципов реализации категории релятивности на материале типов подчинительной связи в рамках текста и дискурса.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней. МЛ; Минск, 1992.

Фуре Л.А. Факторы конфигурации знания в синтаксисе // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов, 2008. С. 520-523.

Шиганова Г.А. Отражение релятивности в языке: содержание, основные способы и средства // Богородицкий В.А.: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции. Казань, 2007. Т. 1. С. 92-94.

Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford, Calif., 1987.

Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford, N.Y., 2002.

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПРОПОЗИТИВНОЕ
СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОТОТИПОВ СОБЫТИЙ

Когнитивный этап в развитии лингвистики, как вполне аргументированно отмечено Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 60], был подготовлен ономасиологическим направлением исследований, когда в отечественной лингвистике было опубликовано много фундаментальных работ в области динамического функционирования языка как основного средства коммуникации.

В этот период развития ономасиологии отдельными крупными отечественными лингвистами наряду с явлением означивания предметных субстратов было обращено пристальное внимание и на особенности номинации целых и целостных событий (ситуаций). Еще в 1967 году два вида означивания, связанные с двумя разного характера денотатами, выделял В.Г. Гак [Гак 1967]. Г.В. Колшанский, говоря о номинативной деятельности, имел в виду как номинацию предметов, так и целых ситуаций. Он выделял слово как лексическую форму номинации, а «все виды законченных конструкций» как грамматическую форму номинации. Во втором случае, по его мнению, речь должна идти об отражении «объективных связей вещей и явлений в структуре высказывания» [Колшанский 1976: 26].

Номинация событий (ситуаций) вполне закономерно обращала на себя внимание крупных лингвистов, так как их означивание оформлялось в языке в том конструктивном синтаксическом образовании, которое является в коммуникативном акте основной единицей передачи информации - высказывании. В системе языка высказывание в инварианте облекается в форму базовой синтаксической единицы - простого двусоставного предложения [Кручинкина 2009б].

Обычно сами события лингвистами не рассматривались, так как экстралингвистическая действительность выходила за пределы интересов и возможностей лингвистики. Тем не менее, когда речь шла об организации предикативных единиц, отражающих в языке соответствующие внеязыковые субстраты, исследователями давались более или менее структурированные дефиниции понятий события, ситуации. Со-

Н.Д. Кручинкина

бытия (ситуации) характеризуются как: «описываемые предметы и связи между ними» [Гак 1998: 215], «ансамбль взаимосвязанных элементов» [Сусов 1973; 15-16], «ансамбль взаимосвязанных онтологических компонентов» [Богданов 1987: 17] - субстанций и признаков. Как можно заметить, общим во всех этих определениях является имплицитное (*ансамбль*) или эксплицитное (*предметы, компоненты*) указание на внутреннюю структурированность события, его целостность в синтагматике (*ансамбль, связи, взаимосвязанность*).

Внутренняя структурированность самого события связана с его квантитативным характером: количеством конститuentов. Функциональная целостность события связана с тем, что каждый из конститuentов выполняет свою роль в этом релятивном целом, каковым является событие. Событие может быть воспринято адекватно и потому, что каждое специфическое событие функционально должно быть специфично также по комбинаторике функций конститuentов.

Онтологически события более или менее расчленены по количеству участвующих субстанций, субстанций и обстоятельств и по их ролям в конкретном событии. Наибольшей расчлененностью и сложностью отношений между конститuentами, иначе говоря, структурированностью отличаются события, в которых задействовано большее количество конститuentов (партиципантов и обстоятельств) - для реализации потенциала агента действия. Важно заметить, что структурированный характер событий не мешает им быть функционально целостными и восприниматься таковыми [Кручинкина 2009а: 8].

Отечественные лингвисты, опосредованным образом вынужденные определять такой внеязыковой феномен, как событие, на наш взгляд, вышли на его характеристику через посредство самого языка и той языковой единицы, в которой как в означающем знака события, мотивированно сфокусировались основные характеристики событийного денотата - **номината** (в терминологии В.Г. Гака). Нами событие понимается как **«ансамбль» функционально взаимосвязанных конститuentов** (партиципантов или партиципантов и обстоятельств).

Одно событие отличается от другого определенными функциональными дифференциальными признаками, которые реализуются через посредство соответствующих функциональных конститuentов в означающем знака (**номинанта** (в терминологии В.Г. Гака): событийного по содержанию и пропозитивного по форме инвариантной языковой актуализации. Так, например, в **событии каузации** участвуют два

III. Уровневая категоризация естественного языка. I

конституента. Один из них является агентом действия каузации, второй - объектом воздействия первого: *La cuisiniere (1) lave la vaisselle (2)*. При отсутствии второго конституента (каузата) первый не будет являться агентом действия каузации - каузантом. В событии **адресации** (*La mere (1) dome une pomme (2) a sa fille (3)*) агент действия **не** просто воздействует на объект. Объект (2) для него является средством материально зримого контакта с другим конституентом соотношения - адресатом (3). Поэтому сам объект является не просто объектом воздействия, как в первом случае, а объектом адресации. И только в этом случае, при наличии конституентов 2 и 3 агент данного действия будет адресантом (1). Адресата (3) не будет в событийном отношении, если **не** будет передаваемого ему объекта (2). При наличии тех же трех конституентов, но при изменении субстанциальной природы третьего конституента реализуется иной прототип события - событие локации: *La mere (1) met une pomme (2) dans le vase (3)*. Конституенты этого события будут осуществлять в отношениях между собой иные семантические функции: локализанта (**1**), локализуемой субстанции (локализата (2) и локатива (пространства, в которое помещается локализат (3).

Номинации событий в интерактивной коммуникации предшествует когнитивно-концептуальный этап. На этом этапе номинатор **выступает** в роли реципиента событий, которые он собирается означить в общении с адресатом. Поэтому лингвистами было отмечено, что в актах номинации закрепляется познавательная деятельность [Кубрякова 2004: 62], а само «именование есть не только процесс обозначения, но одновременно и процесс познания и коммуникации» [Колшанский 1975: 68]. Непосредственно знаковый этап многоэтапного и **много**-сложного процесса, по мнению Г.В. Колшанского, представляет **лишь** форму «языкового выражения познавательного процесса мышления» [Колшанский 1990: 38]. С этим трудно не согласиться, если **номинативный** этап рассматривать в отношении к предваряющим **его** этапам познавательной деятельности номинатора и концептуализирующей деятельности его сознания.

Сознанием события могут быть восприняты потому, что они дискретны и целостны. Целостность и дискретность событий позволяют языковому сознанию отделить одно событие от другого. Внутренняя целостность препозитивных номинантов, отражающих события и эксплицирующих их функциональную структуру, состоит в их неразложимости на простые одноуровневые составляющие.

Н.Д. Кручинкина

Номинатор событий, исходя из фоновых знаний о мире, о картине мира, тогда адекватно отражает в сознании воспринимаемое события, когда фактически классифицирует их, тем самым отделяя одни события от других. Такая классификация возможна, если у реципиента в фоновых знаниях о мире имеется представление о функциональном типе каждого события. Тогда языковое сознание, а через его посредство и язык «как бы набрасывает «сетку понятий», которая, расчленяя объективную действительность, создает языковую картину мира» [Уфимцева 1974: 8].

Образ сетки понятий как фрейма в восприятии событийной картины мира можно использовать не по отношению к деперсонализованному языку, а по отношению к языковому сознанию, которое отражает систему событийного мира в соответствии с фреймированием событийных структур и актуализирует эти событийные фреймы в соответствующих функциональных структурах пропозитивных номинантов [Ср.: Филлмор 1988]. Поэтому, надо полагать, согласно именно такому видению, Р. Джекендофф называет отраженную сознанием и спроецированную им на язык картину мира, спроецированным миром [Кубрякова 20(14): 61]. Мы называем отраженную через посредство языка событийную картину мира вторичной, по сравнению с первичной - самой объективной реальностью.

Образ сетки (решетки - фр. *grille*, рамки - *mm. frame*) оказывается весьма распространенным для обозначения структурирования событийной концептуализации [Verspoor, Dirven, Radden, 2002] даже если при этом речь шла сначала о глагольной валентности и ее роли в формировании синтаксической структуры предложения [Теньер 1988: 117-161; 250-296], о семантических падежах [Филлмор 1981], или, позднее, о семантическом синтаксисе предложения [Алисова 1971; Москальская 1974].

Е.С. Кубрякова также использует образ сетки: «Языковая картина мира - это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это - своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и виденье ситуаций и событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере и правила их образования и функционирования. В то же время языковая картина мира - это проекция концептуальной системы нашего сознания,

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

куда, возможно, входят как некоторые врожденные концепты, так и концепты, сложившиеся в ходе предметно-познавательной деятельности» [Кубрякова 2004: 64-65].

Воспринимаемое реципиентом-номинатором экстралингвистическое событие как субстрат пропозитивного знака (номинанта) до его языковой пропозитивной номинации проходит в сознании воспринимающего его субъекта тот же этап концептуализации, что и предметный субстрат. Мы назвали такого рода концептуализацию событийной, а сами структурированные языковым сознанием концепты событий событийными [Кручинкина 2007; Кручинкина 2008; Кручинкина 2009в; Кручинкина 2010а].

У номинатора событий в процессе восприятия и осознания познанных событий складывается функционально-структурированное представление о них. Это функционально-структурированное представление заменяет в сознании номинатора само событие, становясь его когнитивным прототипом. На основании прототипической модели события в сознании реципиента формируется концепт этого события - событийный концепт [Кручинкина 2007]. Сформированный сознанием прототип экстралингвистического события подчиняется определенным закономерностям, которые определяются онтологической природой формирования самого события. Используя метод фреймирования при восприятии событий, реципиент-номинатор тем самым классифицирует тип отношений между конститuentами и, значит, категоризирует воспринимаемые события. В ходе когнитивно-классификационной деятельности номинатора событийный концепт эмпирического уровня обретает статус типового событийного концепта, субстратом которого является прототип той или иной категории событий.

Разница в функционально-семантическом структурировании отношений между конститuentами событий отличает один событийный концепт от другого [Кручинкина 2007; Кручинкина 2007б: 158-159]. Каждый прототип события функционально мотивированно структурирован в особом событийном типе концепта, который, в свою очередь, функционально мотивированно реализуется номинатором в определенном функциональном типе синтаксической структуры пропозитивного номинанта: *La femme de menage porte des legumes dans le panier* (Petit dictionnaire de style). *La mere eteint la tele* (Dictionnaire du franfais langue ^trangere. Niveau 2). *Le jeune homme va a Paris* (Dictionnaire de fran?ais).

Н.Д. Кручинкина

При концептуализации воспринимаемых событий в функциональной структуре событийного концепта в сознании остаются только функционально обязательные компоненты, соотнесенные с прототипом функциональной структуры события. Их функционально-семантическая структура позволяет отличать один тип событийного концепта от другого.

В прототипе воспринятого события его семантический фрейм моделируется в сознании в абстрагированной от лексического «наполнения» конститuentов форме: в концепте события сохраняется образ количества взаимодействующих субстанций, их классемной материальной природы (лица, предмета, вещества), их общефункциональной (агента действия, пациенса, объекта воздействия, пространственного указателя действия или воздействия) или частной функциональной природы (каузанта, адресанта, локализанта; каузата, объекта адресации, локализата; пространственного указателя действия или воздействия: местоположения, направления) [Кручинкина 2003].

Концепт типового события в сознании языковой личности формируется по принципу аналогии [Соссюр 1977: 197, 199; Кручинкина 2010б] в связи с тем, что сам событийный субстрат имеет функционально структурированный характер. В таком случае события реальной действительности когнитивно классифицируются и категоризируются в их прямой экстраполяции на языковое сознание. Использование языковым сознанием принципа аналогии в его рефлексивной деятельности и в дальнейшем симметричном проецировании функционально-семантической структуры концепта того или иного прототипа события на инвариант пропозитивного номинанта можно отнести к реализации тем самым и принципа мыслительной и языковой экономии.

Теория прототипа в когнитивной семантике используется для осуществления категоризации: прототип описывает когнитивную организацию категорий [Lehmann, Martin-Berthet 1998: 35]. Это связано с тем, что понятие прототипа рассматривается как обозначение типичности. При помощи прототипов, по мнению лингвистов, становится возможным описание бесконечного через посредство конечного [Niklas-Salminen 1997: 144].

Избранный нами семантико-грамматический принцип категоризации событийных отношений в пропозитивной номинации также ограничивает число препозитивных категорий выражения событийных отношений: речь в этом случае идет только о тех типах отношений,

III. Уровневая категоризация естественного языка I

которые в пропозитивном означающем номинантов имеют специфическую грамматическую форму выражения, более или менее развитую парадигму вариантных выражений того или иного функционально-семантического типа событийного отношения. В соответствии с **этим** принципом категоризации не всякая событийная концептуализация обретает в конкретном языке категориально значимую, то есть регулярную, грамматически оформленную, специальную пропозитивную инвариантную актуализацию с ее парадигмой вариантных способов означивания событийного концепта.

Самой простой проекцией событийного концепта на его языковое, пропозитивное воплощение является симметричная проекция [Кручинкина 1998: 35-40; Кручинкина 2007: 121-125; Krouchinkina 2008: 127-133]. Симметричная проекция в означающем препозитивного номинанта событийного концепта функционально-семантической структуры означаемого включает в себя: 1) совпадение функциональных ролей конститuentов событийного концепта и функциональных конститuentов функционально-семантической структуры пропозитивного номинанта; 2) функционально-позиционное соответствие линейного расположения компонентов событийного концепта и функционально-семантической структуры соответствующего пропозитивного номинанта, то есть их идентичную прогрессивную иерархическую последовательность.

Внутри самого пропозитивного номинанта симметрия между означающим и означаемым связана с прототипом события, в проекции которого на пропозитивный номинант через призму сформированного номинатором событийного концепта соблюдается «семантико-морфолого-синтаксическое равновесие» [Золотова, 1982: 129] между функционально-семантическим означаемым и функционально-синтаксическим означающим: *Le pere achete des jouets a ses enfants* (Dictionnaire de franpais). *Le chauffeur met le pied sur l'accelerateur* (Dictionnaire de la langue fran^aise. Lexis.). *Les acteurs preparent im nouveau spectacle* (Dictionnaire du fran9ais langue 6trang£re. Niveau 2).

Это означает, что инвариант пропозитивного номинанта характеризуется функциональным и структурным соответствием событийного означаемого и пропозитивного означающего. В применении к нашему объекту описания соответствие между планом содержания и планом выражения означает, что в инвариантной проекции событийного концепта означаемое событийного номинанта находит функцио-

Н.Д. Кручинкина

нальное симметричное соответствие в означающем. Так, в инварианте номинанта семантическая функция агента действия в синтаксической структуре предложения (означающем номинанта) представлена синтаксической функцией подлежащего (1), семантическая функция объекта действия - синтаксической функцией прямого дополнения (2), семантическая функция адресата (бенефактива - в другой терминологии) - синтаксической функцией косвенного дополнения (3) с бенефактивным значением, семантическая функция направления или места действия - синтаксической функцией обстоятельства места (4): *La mere* (1) *envoie la lettre* (2) *a sa fille* (3) *a Paris* (4).

Верно и обратное соответствие, если его рассматривать с позиции интерпретатора коммуникации - с позиции слушающего: функциональное соответствие между конstituентами пропозитивного означающего (членами предложения) и событийного означаемого. Так, в инвариантах в функции подлежащего выступает агент действия (*La cuisiniere met du sel dans la soupe* (Dictionnaire du fran9ais vivant). *Le vendeur coupe la viande* (Le Robert methodique). *Mon pere a vendu son ancienne voiture a son ami* (Dictionnaire de la langue fran9aise. Lexis)), в функции прямого дополнения - объект действия (воздействия) (*Le proprietaire a place son argent dans une banque* (Petit dictionnaire de style). *La femme a colle son oreille a la porte* (Le Petit Robert 1). *L'homme enleve son chapeau* (Dictionnaire de fran9ais)), в функции косвенного дополнения - адресат (*Le chef du bureau donne les clefs au gardien* (Le Robert methodique). *Le grand-pere a achete un jouet a son petit-fils* (Le Petit Robert 1). *Les ravisseurs ont rendu l'enfant a ses parents* (Dictionnaire de fran9ais)), в функции обстоятельства места - локатив (*La fille porte un chdle sur ses epaules* (Petit dictionnaire de style).

В линейном аспекте конstituенты событий при этом проецируются языковым сознанием на пропозитивное языковое выражение в той же иерархической линейной последовательности взаимозависимых функциональных составляющих, что и в прототипе концептуального образа события: отношение каузации (каузант → каузат); отношение локации (локализант → локализат локатив); отношение адресации (адресант → объект адресации → адресат). Такой примитивный (первичный), изофункциональный и синтагматически симметричный про-Позитивный номинант [Кручинкина 1998: 35-40; Krouchinkina 2008] прототипа события, зафиксированный в языковом сознании в процессе

III. Уровневая категоризация естественного языка I

когнитивно-классификационной концептуализации события, является инвариантным. Синтаксическим инвариантом пропозитивного номинанта в этом случае выступает простое двусоставное предложение [Кручинкина 20096].

Инвариантная структура пропозитивного номинанта характеризуется тем, что в ней наличествуют только событийно обязательные конститuentы, представленные теми частями речи, для которых та или иная семантическая функция является и первичной синтаксической функцией, с позиции динамического, ономаσιологического аспекта проецирования прототипов событийных концептов на их языковое выражение является наиболее экономичной формой препозитивной номинации. Лексико-грамматическое содержание субстантивных конститuentов инвариантов пропозитивных номинантов соответствует субстанциальному содержанию соответствующих конститuentов самих событий. Так, в инвариантах номинантов, представляющих активные действия (*L'enfant renverse le vase. La fillette donne un crayon a son frere. La dame met son sac sur le siege*), в роли агента действия использованы антропонимы (*enfant, fillette, dame*), в роли адресата используется также антропоним (*frere*), так как в прототипах соответствующих типов событий в этих ролях выступает человек. В инвариантах номинантов с отношениями каузации, локации, адресации в ролях, соответственно, каузата, локалидата, объекта адресации выступает предметное имя (название предмета - *vase, crayon, sac*) так как в прототипах соответствующих типов событий в этих ролях выступают предметные субстанции и т.д. В этой интерпретации и пропозитивный инвариант, как эталон, столь же материален, реален в аспекте речевого выражения, что и любой из вариантов, который входит в парадигму средств речевого выражения прототипа отраженного и концептуализированного в сознании номинатора события.

Когнитивная наука в ее сегменте связи с исследованием языкового выражением деятельности сознания языковой личности при восприятии, концептуализации событий обретет новое поле исследования в рамках когнитивной лингвистики.

Литература

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М., 1971.

Н.Д. Кручинкина

Богданов В.В. О трех аспектах организации предложения как знакового объекта // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л., 1987. С. 16-25.

Гак В.Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Язык как знаковая система особого рода. М., 1967. С. 14-18.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Колианский Г.В. Категория семантики в синтаксисе // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 26-33.

Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. М., 1990.

Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

Кручинкина Н.Д. Когнитивный и языковой аспекты формирования событийных концептов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2. Серия «Филологические науки». 2010а. С. 27-32.

Кручинкина Н.Д. Препозитивный номинант как тип языкового знака // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2. Серия «Филологические науки». 2009а. С. 6-8 .

Кручинкина Н.Д. Простое двусоставное предложение как инвариант означающего номинанта (языковое выражение прототипа событийного отношения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2009б. № 2 (10). С. 178-183.

Кручинкина Н.Д. Реализация принципа аналогии в языковом оформлении функциональной структуры типовых событий // Известия ВГПУ. 2010б. № 2 (46). С. 60-63.

Кручинкина Н.Д. Семантико-грамматическая номинация событийных концептов // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Вып. 6. Саранск, 2008. С. 110-119.

Кручинкина Н.Д. Синтагматика и парадигматика препозитивного номинанта. Саранск, 1998.

Кручинкина Н.Д. Система препозитивных категорий // Язык и «Ультура». М., 2003. С. 194-195.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Кручинкина Н.Д. Система пропозитивных категорий в концептуальном аспекте // Язык. Культура. Коммуникация. Ульяновск, 2007. С. 158-161.

Кручинкина Н.Д. Событийный концепт // Язык, культура, общество. М., 2007. С. 120-121.

Кручинкина Н.Д. Структурирование событийных концептов в пропозитивных номинантах // Филология и культура: матер. 7 Междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 478-480.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 7-285.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1973.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. Вып. 10. М., 1981. С. 369-495.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23. М., 1988. С. 52-92.

Krouchinkina N. Realisation symetrique propositionnelle de la structure de l'événement (Symmetrical Propositional Realization of Event Structure) // Collected Articles of the 10th International Linguistics Conference (Taganrog, Russia) / Polenova, Bondarets (Eds). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 127-133.

Lehmann A., Martin-Berthet F. Introduction a la lexicologie. Sémantique et morphologie. P., 1998.

Niklas-Salminen A. La lexicologie. P., 1997.

Verspoor M., Dirven R. & Radden G. L'assemblage des concepts: la syntaxe // Linguistique cognitive. Comprendre comment fonctionne le langage. Bruxelles, 2002. P. 103-136.

Г.Н. Манаенко

Г.Н. Манаенко (Ставрополь)

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ
В СИНТАКСИСЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современной лингвистике отражаются общекультурные и общенаучные тенденции переосмысления фундаментальных соотношений человека и мира, мира и знания, знания и деятельности. Прежде всего, начиная с изысканий В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни, языкознание: стремится к выявлению и объяснению глубинных закономерностей возникновения и функционирования своего объекта - *языка как целостного феномена человеческого бытия*: «Уже само определение языка как средства коммуникации и, одновременно, уникальной среды, в которой только и находит свое выражение «дух народа», его история и культура, предполагает выход (пока только потенциальный) за пределы описания, систематизации и классификации естественных языков» [Руденко, Прокопенко 1995: 119]. Подчеркнем выход за установленные ранее, традиционные параметры описания. Идеи же М.М. Бахтина о принципиальной диалогичности языка и становлении языковой формы в непрерывном социальном взаимодействии заметно изменили не только «масштабы» объекта лингвистики, но и координаты его осмысления и описания (см.: [Волошинов 2000]). Данные методологические посылки, на наш взгляд, и определяют пафос современной отечественной версии когнитивной лингвистики.

Как отмечается в современной эпистемологии, в случае противоречия между новой интересной теорией и совокупностью твердо установленных фактов лучший способ действий заключается не в устранении теории, а в использовании ее для обнаружения скрытых принципов, ответственных за это противоречие [Фейерабенд 1986: 212]. Такое решение предполагает не только применение к области «твердо установленных фактов» плодотворных и перспективных общенаучных идей (в нашем случае - идей когнитивно-дискурсивной парадигмы см.: [Кубрякова 2004]), но и поиск нетрадиционных подходов к известным фактам с позиций новых теорий, что, конечно, влечет за собой необходимую коррекцию как самих опорных понятий, так и осмысления их соотношений. Не менее существенным становится выдвижение в качестве исходных теоретических посылок иных концептов, последовательное развитие которых, благодаря новизне подхода, позволяет на осно-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ве соотнесения с прежним теоретическим видением объекта исследования вскрывать принципы, порождающие противоречия. Отметим вслед за Н.Н. Болдыревым, что категориальный формат является ведущим в организации языка [Болдырев 2009: 77], и рассмотрим специфику использования категорий как формата организации знаний в теоретической области синтаксиса предложения.

Термин *категория* в современном русском языке имеет следующие значения: «1) *фил.* общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество и т.д.); 2) разряд, группа предметов, явлений, лиц, объединенных общностью каких-л. признаков; 3) *лингв.* Совокупность ряда противопоставленных друг другу грамматических значений (напр., категория падежа образуется совокупностью всех падежей данного языка)» [Словарь 1993: 270]. Заметим сразу, что второе значение *категории*, которое можно условно назвать *онтологическим*, поскольку оно приложимо к языковым объектам как части *внешнего* по отношению к человеку мира, совпадает с первым значением *класса*: «1) совокупность, группа предметов или явлений, обладающих общими признаками; разряд, подразделение» [Там же: 280]; а также определение категории дается в лингвистике только на основе *грамматических* значений, хотя, как известно, описание языка как системы осуществляется и с помощью лексико-грамматических и лексических категорий. При этом термин *категория* используется в современном языкознании как в философском значении (категория времени и ее отражение на разных уровнях языка), так и во втором, онтологическом, значении (категории членов предложения) и собственно *лингвистическом* (категория синтаксического времени).

Почти повсеместно в пределах одного контекста при осмыслении и описании языка термин *категория* используется в разных значениях. Напр.: «В качестве объекта динамической категоризации в языке могут выступать и пропозициональные единицы. Возможность приложения понятия категоризации к пропозициональным единицам обусловлена тем, что на уровне формирования высказывания пропозиция как прообраз предикатного выражения может быть реализована по-разному. Это может быть (а) простое предложение, то есть автономная предикативная единица, (б) придаточное предложение (предикативная единица в составе сложного полипропозиционального целого - сложносочиненного (? - Г.М.) или сложноподчиненного предложения).

а также (в) вторично-предикативная структура (неличные формы и конструкции с ними. Различие в категоризации приводит к различиям в реализации предикативной единицей актуализационных категорий - это прежде всего категории модальности и предикативности) [Клепикова 2009: 62]. Нетрудно заметить, что пропозициональные единицы как объекты языка здесь представлены как составляющие *онтологической* категории (при этом происходит подмена объекта - пропозициональные единицы не суть предикативные, - необходимая для дальнейшего представления актуализационных, *языковых (грамматических)*, категорий модальности и предикативности, действительно определяющих данные единицы языка в качестве предикативных, а также не разграничиваются предикативные единицы, организованные на основе категории сочинения и категории подчинения. Кроме того, уровень построения *высказывания* - это уровень речи, то есть языка как деятельности человека, но не языка как виртуальной системы, традиционно представляемой вне человека.

Не избежала многочисленных противоречий, обусловленных использованием различного содержания *категории*, и Л.А. Фуре в своих теоретических построениях при обосновании многоаспектное™ *категориальной* основы предложения [Фуре 2009: 278-286]. Разграничивая лексико-семантические характеристики, представляющие собой *логико-денотативные* признаки и относящиеся к сфере *неязыковых* знаний, с одной стороны, и лексико-синтаксические характеристики, имеющие статус *грамматического* значения и составляющие *чисто языковое* знание, с другой стороны [Там же: 279], исследователь выделяет *грамматические* категории, а) принадлежащие сфере одного слова, словосочетания и предложения и б) принадлежащие сфере взаимоотношений между предложениями *в дискурсе* [Там же: 281]. В итоге в *категориальной* основе предложения как *активизированной ментальной репрезентации* можно выделить четыре уровня: **«Онтологический уровень»** в этих ментальных репрезентациях представлен логико-денотативными аспектами. **Семантический уровень** маркирован лексико-семантическими характеристиками (то есть те же *логико-денотативные признаки - Г.М.*) слов и их падежными ролями в структуре предложения. **Синтаксический уровень** маркирован лексико-синтаксическими характеристиками и категориями членов предложения по функциональным показателям (подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство). Сюда же относятся и категории субъекта и объекта, которые, будучи категориями языка, сопряжены с формированием грамматического ядра предложения. **Ин-**

III. Уровневая категоризация естественного языка I

интенциональный уровень маркируется коммуникативно-оценочными категориями (тема, рема, фокус и др.). Эти категории передают знание о когнитивной выделенности / невыделенностиTM элементов события с точки зрения говорящего. Важными при этом являются именно интенции говорящего» [Там же: 285-286].

Категориальному формату знания и специфике языковых категорий посвящена фундаментальная работа Н.Н. Болдырева «Концептуальная основа языка» [Болдырев 2009: 25-77], в которой феномен категоризации осмысливается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы языка. Устанавливая отнесенность категории к интегративным форматам знания, так как любая категория включает знания а) общего концептуального основания объединения объектов, б) объединяемых объектов и в) принципов и механизмов их объединения, исследователь отмечает специфику языковых категорий - осмысление мира *в языке* - и выделяет три типа языковых знаний: 1) знание об объектах окружающего мира, представленное в системе лексической категоризации, 2) знание собственно *языковых форм*, представленное в системе грамматической категоризации, и 3) знание языковых единиц и категорий модусного характера, «имеющих внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания» [Там же: 29-30]. Соответственно, лексические категории отражают онтологию *внешнего* по отношению к человеку *мира* и *результаты* его познания человеком; грамматические (морфологические и синтаксические) категории отражают онтологию собственно языка как феномена, опять-таки *внешнего* по отношению к человеку, и поэтому являются категориями естественных объектов, но только **по** отношению к языку; модусные же категории отражают онтологию **человеческого** сознания и выступают онтологическими по отношению к нему и гносеологическими по отношению к окружающему миру и миру языка [Там же: 31-34].

Полностью разделяя положение Н.Н. Болдырева о различной *направленности* (мир - язык - человек) языковой категоризации, считаем необходимым подчеркнуть *единство* ее онтологии - **сознание человека**: языковые категории формируются на основе *значений* (представлений представления, по А.А. Потебне), то есть концептов, в той или иной степени объективированных, явленных и «схваченных **знаком**». В когнитивной лингвистике язык рассматривается как **общий** когнитивный инструмент - система знаков, служащих репрезентации и трансформации информации. В отличие от других когнитивных **меха-**

Г.Н. Манаенко

низмов и инструментов язык одновременно является объектом как *внешним*, так и *внутренним* по отношению к человеку: «В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков» [Кубрякова и др. 1996: 53]. Именно поэтому справедливо утверждение р.И. Павилениса о двух аспектах интерпретации языкового выражения: сточки зрения представленных в них концептов и с точки зрения специфики самого языкового воплощения концептов [Павиленис 1983: 109-110]. Сущность когнитивного подхода к языку, как отмечает Е.С. Кубрякова, и заключается в постоянном соотнесении разных форматов знания с объективирующими их языковыми формами, а любое языковое явление должно рассматриваться и в плане когниции, и в плане коммуникации [Кубрякова 2009: 5-6]. Разграничение трех типов языковых категорий, направленных на репрезентацию знаний человека о языковом преломлении результатов познания мира, устройстве языка как когнитивного инструмента, когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта коммуникации, обязательно при описании языка в когнитивно-дискурсивной парадигме, которая позволяет преодолеть свойственное традиционной лингвистике представление языка в качестве только *внешней* реальности и классифицировать объекты языковой системы на основе категориальных признаков, характеризующих их в лингвокогнитивном плане.

При этом существенным становится выдвижение в качестве исходных теоретических посылок иных концептов, составляющих основу *языковых* категорий, последовательное развитие которых, благодаря новизне подхода, позволяет на основе соотнесения с прежним теоретическим видением объекта исследования вскрывать принципы, порождающие противоречия. Такими категориальными основаниями могут стать категории *информации* и *речемышлительных (когнитивно-коммуникативных)* действий говорящего. Лингвокогнитивный подход к анализу класса предложения, определенный как *информационно-дискурсивный* [Манаенко 2003], не только содержит в своем названии ключевые концепты, задающие ракурс теоретического осмысления, но и вектор анализа эмпирического материала: «*познание* не движется от наблюдения к теории, а всегда включает в себя оба элемента. Опыт возникает *вместе* с теоретическими допущениями, а *не до* них, и опыт без теории столь же не мыслим, как и (предполагаемая) теория без °пыта» [Фейерабенд 1986: 310].

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Концептуализация события в языке воплощается на основе *пропозиции*. Пропозиция как явление семантического уровня не является слепком с действительности, названием зеркально отраженного онтологического «положения дел». Пропозиция представляет не отстраненный от субъекта *внешний* мир, но фрагмент картины мира этого субъекта. Разнообразные события и явления реального мира (*события*) интерпретируются каждым индивидом по-своему, более того, одно и то же событие может быть описано им по-разному. В каждом событии или явлении субъект выделяет ситуации - элементы недискретного опыта человека, вне которого никаких ситуаций нет. Пропозиция как концептуализация данного элемента недискретного опыта выступает тем самым отображением не действительного мира, но взгляда на действительный мир, выделяемой в нем ситуации, то есть его *интерпретации* человеком. Именно такое «положение дел» номинирует пропозиция (см.: [Манаенко 1999]).

Так как суть коммуникации как смыслового аспекта социального взаимодействия людей состоит не только в апелляции к концептуальным (информационным) схемам индивидов через указание на определенные конфигурации смыслов как результатов прежней ментальной и коммуникативной деятельности, но и создании мысли, способной внести новый смысл или привести к изменению конфигурации смыслов, сообщение - это всегда порождение мысли, а не просто актуализация смыслов. Следовательно, *сообщающая единица* (единица *информации*) - это всегда отображение мысли как деятельности человека. Информационная емкость, насыщенность текста определяются не простым количеством наличествующих в нем указаний и **других** обозначений пропозиций, а количеством обозначенных пропозиций, вовлеченных в деятельность, ставших объектом непосредственной мысли. Поскольку некоторое исходное пространство мысли образуется наличием абстрактной взаимосвязи между объектами, то есть *отношением*, устанавливаемым человеком [Логический словарь 1994: 170], как сообщающую единицу можно определить ту, в которой отображаются когнитивные и коммуникативные действия говорящего. **Отношение** предикации образует исходное ментальное пространство, в котором оно совершается, поскольку происходит расщепление пропозиции на предикатный и индивидный концепты. Таким образом, **предикация - это** речемыслительная операция приписывания установленного и отображенного субъектом конкретного свойства или отношения абстрактному предмету. Если пропозиция является номинацией структурирован-

ного положения дел с заполненными участниками (результатом перевода внутреннего слова в конвенциональный код), то предикация является операцией преобразования многомерной, но неориентированной структуры пропозиции в линейную, отображением речемыслительного акта выделения индивидуальных и предикатного концептов и установления вектора связи между ними. При языковом воплощении предикаторованная пропозиция (если она единственная) обязательно оформляется в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Таким образом, сообщающая единица (соотносительная с единицей информации) - это языковое выражение, в котором отображается любое логическое отношение: предикации, импликации, конъюнкции, дизъюнкции, логического следования и т.д. Именно в этом смысле сообщающие единицы можно определить как приписывающие (предикаторующие).

В современном языкознании предложение как класс синтаксических объектов языка определяется в качестве главного средства формирования и выражения мысли и постулируется на основе категориального признака *предикативности*. И если традиционно *предикативность* понимается как актуализированная отнесенность содержания предложения (высказывания) к действительности [Ахманова 1966: 346; ЛЭС 1990: 392], то более точным и соответствующим современным научным взглядам, с нашей точки зрения, выступает понимание предикативности, предложенное Ю.А. Левицким: это есть «форма приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации» [Левицкий 2001: 49]. Здесь как раз вполне отчетливо противопоставляются понятия предикативности и предикации. Аналогичная точка зрения принята и в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова и др. 1998: 217].

Из этого следует, что предложение как единица языка представляет отображение операций формирования, направления и движения мысли, выступая ориентировочной базой для взаимодействия коммуникантов. В предложении как отображении динамичной мысли пропозиция подлежит обязательной предикации. Заклучая в себе «синтаксический ген», пропозиция может быть воплощена в разных языковых выражениях, для которых она является семантическим инвариантом. При этом значение языкового выражения не может быть сведено к только объективной характеристике ситуации, описываемой в нем: не менее существен и ракурс, в котором ситуация, отображенная в пропозиции, представляется. Коммуникативные компоненты значения «упаковки» пропозиции языкового вы-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ражения проявляются на уровне высказывания и в зависимости от направления на раскрытие «Я» или «Другого», обладают, соответственно, семантической или прагматической природой. К числу компонентов значения из ракурса представления пропозиционального содержания к когнитивным (семантическим) относят эмпатию, важность и актуальное членение. Компоненты коммуникативной организации пропозиции в высказывании, ориентированные на «внешний» контекст, на «Другого», принадлежат к прагматическим компонентам значения языкового выражения. К их числу можно отнести реализацию оппозиций данное / новое и известное / неизвестное, а также, частично, постановку логического ударения. Таким образом, созидающая роль субъекта находит свое проявление не только в выборе пропозиции, но и способах ее представления на различных уровнях языкового воплощения.

Предикативность как *форма* приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации является *приоритетным* способом отображения предикации какого-либо типа пропозиции, подсказывающим адресату коммуникативную значимость отображаемой мысли («передаваемого» знания), следовательно, простое предложение является основным способом отображения единицы информации. Данное положение полностью согласуется с позицией Л.А. Фуре, отметившей, что при когнитивном моделировании синтаксиса основополагающим «является учет структурирующих свойств когнитивных систем человека, который в своей познавательной деятельности членит поступающую информацию на значимую и незначимую с точки зрения задач коммуникации» [Фуре 2007: 81].

Разграничение предикативности, предикации и пропозиции позволяет на уровне модели описать и объяснить фундаментальное свойство человеческой психики - ее пластичность. В этой связи осложняющие конструкции предстают не носителями вторичной предикативности как языковой *формы*, но именно языковыми выражениями, отображающими как «вторичное» отношение предикации, так и другие акты речемыслительной деятельности субъекта. В плане оформления на поверхностном уровне «вторичная» предикация и другие акты речемыслительной деятельности могут быть представлены через таксисные и «внутрирядные» отношения и многие другие специфические морфологические и синтаксические средства. На данном основании действительно возможна динамическая категоризация пропозициональных единиц, о которой говорится в работе Т.А. Клепиковой [см.: Клепикова 2009]. Поскольку в системе языка существует иерархия

Г.Н. Манаенко

средств представления пропозиции, ставшей содержанием отдельной мысли, *пропозициональная форма* ментальной репрезентации предстает в коммуникации единицей *информации* тогда, когда данное содержание (знание) «навязывается» и не входит в фонд разделенных знаний. Выбор говорящим синтаксической единицы показывает, какая единица информации (какое знание) наиболее существенна в оказываемом воздействии на адресата, на основании чего и можно построить лингвокогнитивную классификацию типов предложения, в соответствии с которой:

- простое предложение, соотносительное с одной единицей информации, репрезентирует в акте коммуникации существенный для говорящего фрагмент его картины мира - приоритетную пропозицию и эксплицитное оформление акта ее предикации;

- сложное предложение, соотносительное с тремя и более единицами информации, репрезентирует в акте коммуникации существенную для говорящего связь (отношение) между двумя единицами информации - приоритетную логическую пропозицию;

- осложненное предложение, соотносительное с двумя и более единицами информации, репрезентирует в акте коммуникации существенное для говорящего соотношение между единицами информации - приоритетной и «вторичной» пропозициями и, соответственно, речемыслительные действия по формированию данного соотношения.

Назначение синтаксических конструкторов, подводимых под понятие осложнения предложения, априори достаточно легко определяется как комментарий основной информации, или единиц информации, заданных приоритетно с помощью таких синтаксических единиц, как простое и сложное предложения. Комментарий же это не что иное, как родовый термин для обозначения определенных коммуникативных действий говорящего по организации информации в тексте. Надо подчеркнуть, что пропозиции, получающие комментирующий статус в языковом оформлении (как осложняющие категории), «содержательно» представляют знание, которое традиционно в теории коммуникации определяется как комментирующая информация, сопутствующая основной информации.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин под маской. М., 2000. С. 350-486.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Клепикова Т.А. Динамическая категоризация пропозициональных единиц // Филология и культура: материалы VII Междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 61-63.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 11-24.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. Пермь, 2001.

ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Логический словарь: ДЕФОРТ / под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. М., 1994.

Манаенко Г.Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования. Ставрополь, 2003.

Манаенко Г.Н. Современное представление пропозиции в лингвистике // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 22. Филологические науки. 1999. С. 86-94.

Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Руденко Д.И., Прокопенко В.В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М., 1995. С. 118-143.

Словарь иностранных слов. М., 1993.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

Фуре Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 81-85.

Фуре Л.А. Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 278-301.

В. И. Теркулов

В. И. Теркулов (Горловка)

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА:
ГРАММАТИЧЕСКИЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Предметом рассмотрения в предлагаемой статье являются особенности функционирования падежных комплексов имени в простом двусоставном предложении. Обращение к данной структурной разновидности предложений обусловлено тем, что «двусоставное простое предложение - основной структурно-семантический тип простого предложения, обладающий наиболее полным набором дифференциальных признаков» [Беловольская 2001: 28]. Отметим, что, как будет показано ниже, простое двусоставное предложение является основной формой коммуникативной предикации двух базовых типов лингвоконцептов - субстантных и гештальтных. Такой статус простого двусоставного (добавим - неосложненного) предложения позволяет считать, что в нем когнитивные сущности представлены в наиболее чистом виде. Это, в свою очередь, вселяет надежду в то, что исследование **семантических** ролей [Демьянков 2003: 196] падежей в данном типе предложений может способствовать установлению их сущностных характеристик и базовых моделей реализации в системе языка в целом.

Для определения системы координат, в которой осуществляется наше исследование, отметим, что, на наш взгляд, исходной, атомарной формой номинативного выражения концепта является не слово, а единица, которую мы называем номинатемой. Она существует в двух измерениях - языковом, где представляет собой модель номинации, объединяющую все свои реализации (мы называем их глоссами номинатемы) инвариантным концептуальным значением и схемой формальной взаимосвязанности глосс, и речевом, где в глоссах происходит актуализация концепта при помощи прогнозируемой общей моделью номинации формы. Объединение глосс в одну номинатему осуществляется, следовательно, по двум параметрам: они должны актуализировать один и тот же концепт и быть формально взаимосвязанными.

Очень важно для целей нашего исследования определить типологию концептов, реализуемых номинатемой. Как писали В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, «концепт многомерен <...>. Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая бо-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

лее четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта» [Карасик 2001: 76]. Интересной моделью типологии является классификация И.А. Стернина, включающая три типа концептов: концепты-представления, то **есть** «обобщенные чувственно-наглядные образы предметов и явлений», например: **ночь, бабушка, солнце** и т.п.; концепты-понятия, определяемые как «мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета», например: **истец, ответчик, судья**; концепты-гештальты, то есть «комплексные, целостные функциональные структуры», упорядочивающие «многообразие отдельных явлений в сознании», например: **театр, готовить, писать** [Стернин 1998: 24-25].

Разделение субстанциональных концептов на представления и понятия трудно признать убедительным, поскольку всякий концепт содержит в себе рациональное и чувственно-наглядное одновременно. И гештальт, как функциональная сущность, и субстантный концепт, как констатирующая сущность, могут быть реализованы в речи и как представление, и как понятие, однако это происходит на уровне речевого модифицирования, а не языкового инварианта. Поэтому мы предполагаем разделение концептов на концепты предметно-чувственного типа (субстантные концепты) и концепты-гештальты. Именно такое разделение, на наш взгляд, имеют в виду, когда говорят о том, что знания (читай - концепты) делятся «на знания декларативные («знания, что...») и процедуральные (знания, как...»)» [Кубрякова 2004: 10]. Данное разграничение типов знаний релевантно противопоставлению двух упомянутых нами типов концептов - декларативно-субстантных, и процедурально-гештальтных. Основной формой выражения субстантного концепта является имя, гештальтного - глагол.

Актуализация любого концепта в глоссах осуществляется по двум тактикам. Во-первых, это тактика денотации, когда в речи коммуникативно значимыми становятся те или иные слоты инвариантного концепта. Например, лингвоконцепт «дом» может реализовываться в глоссах номинатемы **дом** и с актуализацией слота «строение» (*он увидел **вдалеке дом***), и с актуализацией слота «жилье» (*его **дом** очень много **говорил** о своем хозяине*). Во-вторых, это тактика коннотации, когда концепт реализует образное отождествление референтов, осуществляемое путем замещения, при котором один из отрезков действительности (например, «глупый и упрямый человек») воспринимается как другой отрез-

В. И. Теркулов

зок действительности (например, как осел) **целостно** - он не в реальности, но в языке, в лингвальном мире, детерминированном нашим образным мышлением, *становится* ослом. Для целей нашего исследования важны ситуации денотации, поскольку, как это будет показано ниже, падежи являются особой формой денотации лингвоконцептов.

Базовой речевой формой реализации инвариантного значения номинатемы в речи является слово. Однако в пределы ее тождества следует внести также все случаи развертывания слова в словосочетание, поскольку продуцирование словосочетаний имеет в своей основе актуализацию тех или иных слотов инвариантного концепта номинатемы в зависимом слове, которое при такой трактовке становится вербализованным компонентом семантики главной лексемы. Например, в словосочетаниях *писать книгу, писать на бумаге, писать ручкой* и т.п., обозначающих разные аспекты актуализации одного и того же гештальта, словоформы *книгу, на бумаге, ручкой* являются, по сути, реализаторами семного наполнения фактитивного, локативного и инструментального слотов гештальтного концепта *писать*. Это и позволяет предположить, что указанные словосочетания являются многословными аналитическими лексико-семантическими вариантами номинатемы *писать*, а не самостоятельными языковыми сущностями. Актуализация сем номинативного центра абсолютно адекватна здесь актуализации сем монолексемных реализаций номинатемы при денотации. Формальное же тождество номинатемы обеспечивается наличием у всех указанных словосочетаний базового конструкта *писать*. Точно так же трактуются нами сочетания базового формального компонента номинатемы со служебными словами. Концептуальная семантика автономных знаменательных слов-синтагм и знаменательных слов-синтагм в сочетании со служебными единицами абсолютно идентична. И *человек* и *для человека* связаны с концептом «*homo sapiens*». Различия касаются только грамматической семантики: *человек* указывает на агента гештальтной ситуации (*человек изменяет природу*), а *для человека* - на бенефицианта (*все тут делается для человека*). Если мы признаем, что морфологическое варьирование автономных глосс не нарушает тождества номинативной единицы, то и грамматическое варьирование, реализованное в сочетаниях знаменательных слов со служебными, должно быть определено как варьирование, не нарушающее тождества номинатемы. И здесь ее формальное тождество обеспечивается наличием у всех указанных сочетаний конструкта *человек*.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Такой подход к трактовке номинации приводит нас к идее, что падежная форма является не самостоятельной речевой номинативной единицей, а только вербализатором тех или иных слотов концепта, номинантом которого является главный компонент словосочетания. Уточнение этой гипотезы должно быть подтверждено когнитивным анализом предложения как базовой коммуникативной сущности. Мы предполагаем, что противопоставление субстантных и гештальтных концептов реализуется и на коммуникативном уровне, уровне предложения, где они выступают уже не как номинативные, а как предикативные сущности. При этом базовым коммуникативным воплощением концепта является именно простое двусоставное предложение. Оно может реализовывать либо семантику субстантного концепта, когда номинатема-сказуемое констатирует наличие у концепта, обозначенного номинатемой-подлежащим, той или иной характеристики (*Сократ - мудрец*), либо семантику гештальтного концепта, когда номинатема-подлежащее становится обозначением концепта, провоцирующего возникновение ситуации, обозначенной глагольной гештальтной номинатемой-сказуемым.

Мы остановимся только на гештальтных предложениях. Их анализ показал необходимость внесения некоторых изменений в трактовку статуса падежа подлежащего, предложенную в свое время Ч. Филлмором. Ученый говорил «о допустимости трактовки подлежащего просто в качестве одного из дополнений глагола» [Филлмор 1981: 391]. Это мнение он основывал на убеждении, что очень часто подлежащее исполняет роль, более приемлемую для косвенных семантических падежей. И действительно, на первый взгляд, подлежащее часто повторяет те же значения, что и другие члены предложения. Например, во фразе *Ключ открывает дверь* глосса *ключ* имеет, по мнению Ч. Филлмора, значение инструменталиса, которое адекватно значению данной глоссы в предложении *Дверь открывается ключом*, а во фразе *Дом строится рабочими* глосса *дом* имеет значение фактитива (ср.: *Рабочие строят дом*) и т.д. Как известно, «интенционально глагол направлен на форму подлежащего, что позволяет ему выражать только агенс, то есть действующее лицо или существо. Поскольку *ключ* не отвечает этим условиям, то это слово не может стоять в форме подлежащего» [Кацнельсон 1988: 111]. Однако такая трактовка предполагает только существование онтологического мира и абсолютно игнорирует то, что в мире, созданном языком, могут действовать иные закономерности. Справедливо замечание С. Кацнельсона по этому поводу: «В <...> примере

В. И. Теркулов

Ключ открыл дверь постановка имени орудия на место действующего лица и, следовательно, отсутствие аргумента действующего лица является средством метафоризации имени орудия и его персонификации, совмещения в орудийном имени свойств как орудия, так и лица» [Кацнельсон 1988: 114]. Действительно, в реальности *ключ* всегда инструменталис. Однако в языке, в языковом мире, в мире, который формируется языком и существует как параллельная внеязыковому миру реальность, он вполне может становиться в одних ситуациях агентивом, а в других - инструменталисом и даже фактитивом (*он вытаскивает ключ на станке*). На наш взгляд, следует согласиться с Суитом, с которым спорил Ч. Филлмор и для которого «роль подлежащего была настолько ясна, что он провозгласил номинатив единственным падежом, в котором может стоять собственно «существительное». Предложение он рассматривал как некоторую предикацию о данном существительном, а всякий элемент предложения, похожий на существительное, но не являющийся подлежащим, - как своего рода производное наречие, образующее часть этой предикации» [Филлмор 1981: 377]. Языковая реальность в тех случаях, когда в предложении находится глагол, чаще всего производится гештальт-агентом, то есть аргументом, который выполняет роль создателя гештальтной ситуации. Позиция этого гештальт-агента - позиция подлежащего. Именно поэтому мы и можем назвать падеж подлежащего падежом гештальт-агента. Глагол, обозначающий действие (скрипт) или состояние (фрейм), не может быть абсолютным центром пропозиции, поскольку как во внеязыковой, так и в языковой реальности они являются чаще всего только функцией имени, функцией гештальт-агента.

Как известно, в неосложненном двусоставном предложении выделяется группа подлежащего и группа сказуемого. При этом группа подлежащего представляет собой словосочетание (простое или сложное), формирующееся на базе подлежащего, а группа сказуемого - словосочетание (простое или сложное), формирующееся на базе сказуемого. Трактовка номинатемы как единицы, которая может быть репрезентирована в форме словосочетания, позволяет нам утверждать, что эти группы представляют собой аналитические реализации только двух номинатем. Иначе говоря, гештальтное предложение обычно репрезентирует в себе дихотомию «гештальт-агент» (создатель гештальтной ситуации, выраженный подлежащим) - «глагольный гештальт-предикат» (то есть, собственно, гештальтная ситуация). Например, в предложении *Серебряный ключ открыл золотую дверь* геш-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

гештальт-агентом является глосса *серебряный ключ* номинатемы *ключ*, а гештальт-предикатом - глосса *открыл золотую дверь* номинатемы *открыть*. С точки зрения языка ключ вполне может быть признан не инструменталисом, а субъектом, причиной ситуации, гештальт-агентом. Для утверждения этого достаточно сравнить рассматриваемую фразу с инструменталисным употреблением номинатемы *ключ*: *Иван Иванович открывает дверь ключом*. В этом случае гештальт-агентом становится Иван Иванович, и фраза обретает явную номинативную непротиворечивость. Возникает вопрос, для чего же тогда реализовывать инструменталис в позиции подлежащего, если его очень легко можно реализовать в традиционной позиции косвенного дополнения творительного падежа? Вероятно, только для того, чтобы изменить его гештальтную роль и констатировать актуальность его существования в лингвальном мире в качестве создателя ситуации.

В связи с такой трактовкой возникает вопрос о том, каково же назначение остальных падежных форм в предложениях описываемого типа. Мы согласны с В.З. Демьянковым в том, что падеж - это выражение когнитивной роли имени в синтаксической конструкции. Однако трактовка падежей концепта номинатемы либо как актуализаторов гештальт-агента целиком или в его компонентах, либо как актуализаторов компонентов глагольной номинатемы гештальт-предиката требует уточнения понятия семантической (когнитивной) роли.

На наш взгляд, всякая ситуация актуализации концепта в глоссе реализуется по базовым ономаσιологическим структурам. Само понятие ономаσιологической структуры разрабатывалось, в первую очередь, М. Докулилом и Е.С. Кубряковой и было настроено на описание номинативной структуры новых языковых номинаций. Предложенное нами [Теркулов 2008] разделение внешней мотивации, то есть мотивации одной номинатемой другой (как это представлено в примере *рыба - рыбак*), и внутренней мотивации, то есть мотивации номинатемой ее речевых реализаций (как это представлено в примере *дом - красивы дом*), вынудило нас различать ономаσιологические структуры внешней и внутренней мотиваций. В последнем случае под базисом понимается семантический множитель архисемы инвариантного концепта номинатемы, а под признаком - тот семантический множитель, который актуализируется в глоссе. Например, употребление глоссы *иголка* в предложении *Ваш ребенок взял иголку* реализует ономаσιологическую модель «приспособление» (ономаσιологический базис - архисемное значение концепта «иголка») + «статус» (ономаσιологически

В. И. Теркулов

признак - семантический множитель, заполненный семным признаком «представляющий опасность»), В поливербальных глоссах ономаσιологический признак реализуется в зависимом компоненте словосочетания. Например, в глоссе *строить дом* реализуется ономаσιологический базис «процесс» (*строить*) и признак «фактитив» (*дом*).

Наша гипотеза состоит в том, что падежное значение - это, в сущности, актуализированное значение номинатемы, которое имеет статус либо ономаσιологического базиса предикативной конструкции, либо ономаσιологического признака. Например, в предложении *человек открыл дверь ключом* номинатема *человек* имеет статус гештальт-агента - ономаσιологического базиса с агентивным значением. *Открыл дверь ключом* - аналитической реализации глагольной гештальт-ной номинатемы *открыть*, в которой имя *дверь* актуализирует гештальтный глагольный слот - ономаσιологический признак «пациентов», а имя *ключом* - гештальтный глагольный слот - ономаσιологический признак «инструменталис». Таким образом, падежное значение определяется нами как аргумент (базис или признак) ономаσιологической структуры номинатемы.

Падежная система имени для гештальтного предложения в первую очередь выделяет, следовательно, номинативный падеж гештальт-агента. В случаях реализации гештальт-агента в виде аналитической глоссы номинатемы по моделям управления в нем отмечаются применные падежи - посессив (*сестра мужа*), атрибутов (*коротышка с горбом*) и прочие. При этом падеж гештальт-агента будет базисным, а применные падежи - признаковыми.

В аналитической форме гештальт-предиката все именные вербализаторы тех или иных слотов глагольной гештальтной номинатемы получают статус признаковых падежных реализаций. Мы различаем два типа признаковых падежей. Во-первых, это приглагольные комплексные падежи, которые указывают на объектную рамку предиката. Сюда, например, относятся бенефициантов, то есть падеж того, кто получает что-либо в результате действия (*Мудрому дай голову*) и др. (см. ниже). Во-вторых, это приглагольные прозекутивные падежи, характеризующие гештальт со стороны условий его существования, например, аллатив, обозначающий внешний конечный пункт траектории (*стремиться к финишу*), темпоратив (*вернуться кутру*) и прочие.

Однако когнитивная роль не исчерпывает системы конститuentов падежного комплекса. Эта роль имеет свое синтаксическое воплощение - синтаксическую позицию глоссы. Само объединение онома-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

сиологического статуса и синтаксической позиции и формируют набор падежей. Приглагольным комплементарным падежам соответствует синтаксическая позиция дополнения, приглагольным прозекутивным - обстоятельства. Мы выделяем, например, падеж контрагентивного прямого дополнения: *задерживать снег*, падеж медиативного косвенного дополнения: *лечить водкой*, падеж дистрибутивного прямого дополнения: *снабжать водой* и т.д.

В некоторых языках падеж имеет и формальное морфологическое воплощение - систему маркеров, формирующих падежную словоформу. Данный компонент падежной структуры не является обязательным - существуют языки, в которых он есть (русский, польский), и в которых его нет (английский, французский). Именно здесь для языков первого типа используются традиционные названия падежей. Но они асимметричны реальным ономазиологическим падежам. Традиционный, например, винительный падеж, по сути, не является падежом. Он лишь является падежной формой, с которой тот или иной падеж не столько отождествляется, сколько ассоциируется. Мы можем сказать, например, о *водке* в макрознаке *он делает водку*, не то, что он имеет значение и форму винительного падежа, а лишь то, что падеж финитивного (фактитивного) прямого дополнения выражается здесь особой винительной формой.

Покажем модель описания падежа на примере комплементарных падежей русского языка. У нас нет здесь возможности, в силу ограниченности объема статьи, дать полное описание разных точек зрения на реестр комплементарных падежей. Отметим, что выделяемые нами падежи выводятся на основе классификаций, предложенных Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995], В.В. Богдановым [Богданов 1977], В.Г. Гаком [Гак 1998], Г.А. Золотовой [Золотова 1988] и др. Нами отмечаются следующие базовые комплементарные падежи по их когнитивной роли в процессе актуализации семантики глагольного гештальт-предиката.

1. Фактитив. Данный падеж актуализирует объект, возникающий в результате действия. Мы предполагаем наличие двух разновидностей фактитива. Во-первых, это финитив, указывающий на объект, которого еще нет, и который только возникнет в результате определенного действия: *я варю мыло* (преобразование: жир - мыло). Во-вторых, это трансгрессив, который актуализирует объект преобразования: *я варю мясо*. Трансгрессив указывает на объект, который уже есть, но который приобретает в результате воздействия на него новое

В. И. Теркулов

качество (преобразование: сырое мясо - вареное мясо). Фактитив обычно реализуется в позиции прямого дополнения в винительной форме (прямое дополнение - винительная форма)¹.

2. **Патив** - падеж, вербализующий объект, на который направлено действие. Здесь следует различать:

а) **собственно патив**: *я открываю дверь*, (прямое дополнение - винительная форма);

б) **дистрибутив** - падеж, указывающий на объект, подвергающийся распределению: *мы сеем зерно* (прямое дополнение - винительная форма). Часто может выражаться творительной формой в косвенном дополнении (*я снабжаю провиантом*),

в) **бенефицив** - падеж, вербализующий объект, в пользу которого совершается действие: *я все это делаю для жены* (косвенное дополнение - родительная аналитическая форма);

г) **контрагентив** - падеж, указывающий на объект, против которого направлено действие: *я лечусь от хандры* (косвенное дополнение - родительная аналитическая форма);

д) **адрессатив** - падеж, вербализующий объект, к которому направлено действие: *я пишу письмо маме* (косвенное дополнение - дательная форма).

3. **Каузатив**. Данный падеж обозначает объект, являющийся причиной возникновения гештаптной ситуации: *я люблю жену* (прямое дополнение - винительная форма). В указанном предложении «жена» является причиной состояния влюбленности.

4. **Комитатив** - падеж, вербализующий объект, выступающий в роли сопровождающего: *ехал с друзьями* (косвенное дополнение - творительная аналитическая форма).

5. **Медиатив** - падеж, вербализующий объект, являющийся средством для выполнения действия. Мы различаем:

а) **инструменталис**, указывающий на объект, являющийся орудием для выполнения действия (*я рублю топором*),

б) **собственно медиатив**, актуализирующий неинструментное средство: *я лечусь водкой* (косвенное дополнение - творительная форма).

6. **Дестинатив** - падеж, определяющий назначение действия, например, *я обеспечиваю ее старость* (прямое дополнение - винительная форма).

¹ В дальнейшем в скобках мы будем указывать базовые средства воплощения падежа - позицию и форму.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Таким образом, в гештальтном предложении выделяется базисный падеж глоссы номинатемы гештальт-агента, признаковые комплементарные и прозекутивные падежи гештальт-предиката. Дальнейшая работа должна иметь своей целью полное описание моделей и тактик реализации не только комплементарных, но и прозекутивных падежей. Кроме того, она должна проверить возможность распространения предложенных описаний на другие типы предложений. Важным является и определение роли приименных падежей как распространителей комплементарных и прозекутивных глосс.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1995.
- Беловольская Л.А.* Синтаксис словосочетания и простого предложения. Таганрог, 2001.
- Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л, 1977.
- Гак В.Г.* К проблеме синтаксической семантики // Языковые преобразования. М., 1998. С. 264-271.
- Демьянков В.З.* Семантические роли и образы языка. М., 2003.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. трудов. Воронеж, 2001. С. 75-80.
- Кацнельсон С.Д.* Заметки о падежной теории Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 110-117.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Стернин И.А.* Национальная специфика мышления и проблема лакуарности // Связи языковых единиц в системе и реализации: сб. науч. тр. Тамбов, 1998. С. 22-31.
- Теркулов В.И.* Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка. Горловка, 2007.
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X. С. 369-495.

Л.А. Фуре

Л.А. Фуре (Тамбов)

О МЕТАКОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИИ
В СИНТАКСИСЕ *

В когнитивной лингвистике четко прослеживаются научные приоритеты, отмечаемые на различных этапах формирования теоретически и методологических основ этого направления. Что характерно, по-прежнему не ослабевает интерес исследователей в отношении категориального формата знания. В этой связи Е.С. Кубряковой был поставлен вопрос о понимании категории как «функции когниции» [Кубрякова 2009]. Такой подход к категории предполагает рассмотрение ее содержательного плана в двух ракурсах.

Во-первых, содержательные характеристики категории могут быть рассмотрены с позиций обработанной сознанием и смоделированной структуры знания как опоры познавательной деятельности человека. Это могут быть различные лексические и грамматические категории (например, категория числа, категория градуальности или категория «социальный статус» и т.п.).

Во-вторых, с учетом процессуального характера познавательной деятельности человека необходимо рассмотреть и содержательные аспекты самого процесса. Следует подчеркнуть, что процессуальный характер когниции связан с изучением сознания человека как адаптивной динамической системы, позволяющей ему анализировать поступающую по разным каналам информацию и перерабатывать ее, используя результаты предыдущих познавательных процессов.

Определенный вклад в разъяснение процессуального характера когниции внес Т. Гивон, разработавший концепцию когнитивных состояний человека как основы динамической природы языкового сознания человека. Сущность этой концепции сводится к последовательному рограничению когнитивных состояний четырех порядков:

1 - когнитивное состояние первого порядка представляет осознание результатов категоризации окружающего «объективного» мира, включая умение разграничивать фигуру и фон, существенное и несущ-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ественное, необходимое и опциональное, предпочтительное и нежелательное;

2 - когнитивное состояние второго порядка представлено способностью воспринимать, корректировать и в конечном итоге контролировать свое собственное ментальное состояние;

3 - когнитивное состояние третьего порядка характеризуется возможностью оценивать и прогнозировать когнитивное состояние «Другого» на основе знания о собственном когнитивном состоянии;

4 - когнитивное состояние четвертого порядка - это ориентирование на «Другого» [Givon 2005: 234-237].

Динамические процессы обработки сознанием различного рода информации обеспечиваются становлением когнитивных способностей человека в филогенезе наряду с накоплением знаний об окружающем мире (энциклопедическое знание) и знаний об отношениях, в которые вступают различные объекты этого мира, что создает основу для осмысления информации о мире. В процессах коммуникации ключевым положением является также оценка собственных коммуникативных целей и возможностей («я» позиция) и ориентирование на цели партнера по коммуникации (позиция «другого»). Разграничив разные когнитивные состояния, Т. Гивон, фактически, поставил вопрос и о существовании некоторой регулирующей и контролирующей структуры как основы интериоризации знания, его системной организации, а также как опоры для форматирования новых структур знания и возможного их реформатирования. Более того, данные положения свидетельствуют о системной организации высших психических функций, лежащих в основе человеческого сознания. Это подтверждается и данными нейропсихологии и нейролингвистики, объектом которых было измененное сознание при шизофрении. Сбой в адаптивной динамической системе сознания человека сводился в основном к нарушению работы регулирующих и контролирующих центров, что выражалось в неспособности делать логические умозаключения и опираться на опытное знание (см. подробнее: [Givon 2005]).

В свою очередь, полученные результаты свидетельствуют о том, что процесс обработки знания сознанием человека является сложным и многоуровневым. В этой связи правомерно поставить вопрос о существовании **метакогнитивной категории**, которая характеризуется отнесенностью к более высокому уровню абстракции (на это указыва-

Л.А. Фуре

ет семантика компонента «meta» - "of a higher or second-order kind" [CODCE 1990: 745]).

Обоснование природы метакогнитивной категории особенно актуально для синтаксиса, так как процесс конструирования смысла в синтаксисе является многоступенчатым и связан с механизмами деятельности сознания по обработке поступающей из внешнего мира информации. Метакогнитивная категория должна отражать содержательные характеристики процессуального характера когнитивной деятельности человека и должна выполнять регулирующую и контролируемую функции когниции. Как представляется, в качестве такой категории в синтаксисе может выступать МЕТА-ФИГУРА. Следует отметить, что впервые понятие МЕТА-ФИГУРА было введено Л. Талми, по мнению которого, принцип фигури-фонного конструирования смысла предложения оказывается недостаточным в ряде случаев. На более абстрактном уровне анализа необходимо оперировать понятием мета-фигуры, которая указывает на семантические функции, реализуемые целым [Talmy 2000]. Для сравнения приводятся следующие примеры: (1) *The balloon puffed out*; (2) *The balloon shrank in*. Соответственно предложение (1) может быть интерпретировано так: *The balloon expanded into a round shape*, а предложение (2) - *The balloon shrank into a tube shape*. В обоих случаях значимой является форма целого. Интерпретатор каждый раз ориентируется на круглую форму объекта как показатель его целостности: *The balloon is round*.

Важно подчеркнуть, что любые изменения объекта осознаваемы в результате соотнесения эталонных или нормативных характеристик этого объекта с теми, которые демонстрируются этим объектом в конкретной ситуации. Иными словами, любой акт конструирования смысла регулируется метакогнитивной категорией, проецирующей возможные конфигурации знания. Фактически, регулирующая и контролирующая функции МЕТА-ФИГУРЫ обеспечиваются принципом гештальтного восприятия, сущность которого заключается в том, что части распознаются, воспроизводятся, приобретают свое значение, только находясь в составе целого, а также механизмом сравнения. Соотнесение конкретной конфигурации элементов с определенной МЕТА-ФИГУРОЙ имеет процессуальный характер, является интерактивным и служит основой системной организации человеческого сознания. Данный процесс получает объективацию в языке, поэтому именно язык рассматривается как источник данных о природе ментальных

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

процессов. Не случайно, разъясняя природу ментальных репрезентаций, Р. Джекендофф отмечает, что для понимания, как работает мозг человека не надо знать, сколько информации может уместиться, необходимо лишь знать, как эта информация обрабатывается и в каких формах передается [Jackendoff 1995: 2].

Следует подчеркнуть, что метакогнитивная категория МЕТА-ФИГУРА позволяет показать системную организацию «внутренней речи» и механизмы контроля по обработке знаний. В зависимости от типа МЕТА-ФИГУРЫ проектируются линии конструирования предложения. Продемонстрируем данные положения на конкретных примерах.

С опорой на мета-фигуру КАУЗАЦИЯ возможно конструирование следующих предложений:

- (1) *I shooed him out of the room (CCEDAL);*
- (2) *You 're scaring me (CCEDAL);*
- (3) *I had my hair cut (CODCE);*
- (4) *The perfume bewildered her (L.M. Montgomery);*
- (5) *Thirty milliroentgens per hour might cause sickness (T. Wilson);*
- (6) *Diana got awfully sick (L.M. Montgomery);*
- (7) *Scott got a little confused (B. Parker).*

Каузация предполагает наличие каузатора, акта каузации, объекта каузации и результата каузации. В примере (1) репрезентированы каузатор, объект каузации, тип воздействия и его результат. В предложении (2) сообщается о каузируемом состоянии. В случае (3) в синтаксической структуре позиционно не представлен одушевленный объект, который в реальности осуществляет действие. Будучи выведенным из фокуса внимания, этот объект имплицитно на основании характеристик получаемого результата. Само действие предполагает квалифицированные услуги специалистов в той или иной области, поэтому по результату действия возможно эксплицировать лицо, выполняющее действие («конвенциональная каузация» - см. подробнее: [Goldberg 1995: 169]). Конфигурация с подобным лексико-грамматическим наполнением акцентирует конечный результат каузируемого действия, выполняемого в интересах синтаксического субъекта, который является инициатором каузации, но не исполнителем.

Л.А. Фуре

В случае (4) неодушевленный каузатор характеризуется отсутствием намеренности и контролируемости акта каузации. Неодушевленный каузатор выступает в качестве причины изменения состояния. Интегрирование собственно каузатива в структуру предложения (5) приводит к устранению позиции объекта каузации. Позиция постглагольного актанта представлена в этом случае именем со значением состояния. Объект каузации проецируется на основе конституэнтов каузации, проецируемых мета-фигурой КАУЗАЦИЯ. Примеры (6) и (7) репрезентируют непреднамеренную каузацию. Глагол «get» грамматикализуется, превращаясь из полнозначного в связочный. Форма причастия указывает на изменение состояния синтаксического субъекта как результат некоторого воздействия, которое не было запланированным с его стороны. В структуре предложения отсутствует позиция каузатора. Это свидетельствует о том, что когнитивно значимым для говорящего является изменение состояния объекта как следствие определенных каузирующих обстоятельств, которые проецируются мета-фигурой и могут быть эксплицированы на основе контекста. Градуаторы *awfully* и *a little* указывают на различную степень изменения состояния объекта.

Таким образом, конструирование каузативного смысла посредством альтернативных конфигураций, в которых не представлены отдельные элементы каузативной ситуации, возможно за счет регулирующей функции МЕТА-ФИГУРЫ.

Ранжирование степени проявляемого признака достигается за счет активизации мета-фигуры ШКАЛА, что демонстрируется следующими примерами:

He is completely experienced;

He is highly experienced;

He is experienced enough;

He is quite experienced.

Аналогичная МЕТА-ФИГУРА регулирует конструирование предложений, репрезентирующих ассоциативно-образную схему «путь»:

We completely achieved our goals;

We mainly achieved our goals;

We partly achieved our goals.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

В соответствии с теорией синтаксической репрезентации (см. подробнее о теории синтаксической репрезентации: [Фуре 2004, 2005]) структура предложения отражает характер события (событие определяется в данном случае как некоторое положение дел) и отношения различных участников этого события. Согласно принципу конгруэнтности, инициатор и исполнитель действия (онтологический уровень) проецируется на семантическую роль агенса и представлен позицией подлежащего в предложении. Объект этого действия представлен семантической ролью пациенса и в структуре предложения за ним закреплена позиция дополнения и т.п. Анализ следующих предложений свидетельствует, что принцип конгруэнтности может нарушаться в реальной коммуникации в зависимости от того, в каком ракурсе интерпретируется то или иное событие:

- (1) *He cut the cheese into pieces with a sharp knife.*
- (2) *The knife cut the cheese easily.*
- (3) *The cheese cuts easily.*
- (4) *The cheese was cut into pieces.*

Если в случае (1) предложение репрезентирует акциональную конфигурацию, акцентирующую деятеля, действие, инструмент действия и результат действия, то в случае (2) доминируют характеристики деятеля как источника энергии и действия с его качественной квалификацией, что свидетельствует об активизации процессуальной конфигурации.

В примере (3) когнитивно значимой является характеристика «ориентированность на свойство объекта». В этом случае оценивается такой аспект события, как свойство объекта. В последнем случае доминирующей является характеристика «ориентированность на результативное состояние». Употребление пассивной конструкции позволяет устранить позицию деятеля, самого исполнителя, осуществляющего контроль за выполнением действия до его логического завершения. Конструирование события посредством альтернативных конфигураций регулируется совокупностью характеристик в составе целого.

Таким образом, МЕТА-ФИГУРА, выступая в качестве метакогнитивной категории, характеризуется следующими параметрами:

- 1) когнитивная динамичность,
- 2) рефлексивность,
- 3) контролируемость,
- 4) интерактивность,

Л.А. Фуре

5) интенциональность,

6) прогнозируемость.

МЕТА-ФИГУРА обеспечивает динамику познавательных процессов. На основе мета-фигуры, содержательные характеристики которой категориально обусловлены, регулируется организация поступающей из внешнего мира информации в соответствии с целями коммуникации.

Литература

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 11-24.

Фуре Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис.... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.

Фуре Л.А. Когнитивные аспекты синтаксиса английского простого предложения. Тамбов, 2005.

CCEDAL - Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. The University of Birmingham, 2001.

CODCE - The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1990.

Givon T. Context as Other Minds: the Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication. N.Y., 2005.

Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, 1995.

Jackendoff R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation. Cambridge, 1995.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, 2000.

3.3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Л. В. Бабина (Тамбов)

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ*

Взаимодействие категорий в рамках производного слова, предполагающее «переход» слова из одной части речи (ЧР) в другую в результате словообразовательных процессов, является одной из проблем, давно привлекающей внимание ученых. Новые горизонты в ее исследовании открыл когнитивно-дискурсивный подход, в котором делается акцент на связи когнитивных процессов (концептуализации и категоризации) непосредственно с языком, а также на учете дискурсивного фактора при изучении когнитивных основ языковых явлений.

Концептуализация предполагает обработку и оценку всей информации, поступающей из окружающего мира, с которым постоянно взаимодействует человек. Она тесно связана с категоризацией, и различие их, как отмечает Е.С. Кубрякова, заключается в том, что «процесс концептуализации направлен в общем на выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», а процесс категоризации «направлен скорее на объединение единиц, проявляющих сходство в том или ином отношении, но обязательно при сличении этих единиц с концептами, принятыми за основание самой категории» [Кубрякова 2004: 319].

Категоризация понимается не только как процесс отнесения познавательного объекта к некоторому классу (названия материальных предметов, сенсорные и перцептивные образы, социальные стереотипы и т.п.), но и как «сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств» [Кубрякова 2004: 307]. Выявляется категоризация первичная и вторичная. Понятие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

Л. В. Бабина

вторичной категоризации одним из первых предложил Джон Лайонз, который рассматривал ее как производную от первичной. Изучая грамматические категории имен существительных и глаголов, он пришел к выводу, что при их использовании в определенных контекстах на их первичную категоризацию может накладываться вторичная категоризация. В случае имен существительных вторичную категоризацию можно продемонстрировать на примере категории числа. Так, в английском языке большинство вещественных существительных может подвергаться вторичной категоризации и функционировать как счетные существительные: *They drink three or four different wines at every meal*. В случае глаголов вторичную категоризацию можно продемонстрировать на примере глагольной категории вида. Вторичная категоризация проявляется в том, что фактически все «непрогрессивные» глаголы при определенных обстоятельствах могут выступать в форме прогрессивного вида. Например, английский глагол *to have* можно встретить в предложении *I'm having a headache*, в котором он получает интерпретацию «деятельность». Вторичная категоризация, по Дж. Лайонзу, может затрагивать и грамматические функции. Например, привычным является осмысление английского существительного *knife* как вещи. Однако возможны и другие случаи, когда существительное *knife* осмысливается как деятель, как, например, в предложении *This is the knife that killed Bill*. Такое использование становится возможным в результате вторичной категоризации [Лайонз 1978].

В работах современных лингвистов идея вторичной категоризации получила дальнейшее развитие. Проанализировав их, можно прийти к выводу, вторичная категоризация предполагает обращение к уже вербализованному знанию, то есть эта категоризация осуществляется на основе прошлого опыта. Суть ее заключается в том, что языковые единицы в процессе ее осуществления способны менять свою категориальную принадлежность. В отличие от первичной категоризации, при которой единицы приобретают типичные для их категории свойства, вторичная категоризация возможна лишь при определенных условиях, позволяющих единицам выполнять функции, свойственные членам других категорий. При этом «перемещенные» языковые единицы относятся к периферийным членам новой категории.

В ходе словообразовательных процессов также происходит повторное обращение к уже вербализованному знанию, вследствие которого производные слова приобретают категориальные значения, от-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

личные от значений мотивирующих их единиц. Однако при этом производное слово способно приобретать как все свойства членов новой категории, формируя ее ядро (например, наречия, производные от прилагательных), так и иметь неполный набор свойств новой категории (например, *бег, доброта, белизна* и т.п.), формируя периферийные и переходные области. Производное слово также способно и далее подвергаться повторной категоризации, что приводит к образованию словообразовательных гнезд. Например, *соль* —* *солить* —> *соленый* —* В словообразовательном гнезде, которое, как известно, выступает как открытая система, способная к дальнейшему развитию, происходит регуляция классов слов. М.Ю. Казак, исследующая словообразовательное гнездо исходя из связи двух языковых уровней - грамматического и словообразовательного, отмечает, что словообразовательные процессы «расподобляют» категориальные значения, разводя их по грамматическим и семантическим подгруппам, образуя «характеризованные разряды». Действительно, даже тогда, когда производное слово не меняет свою частеречную принадлежность, имеет место его подведение под другую категорию. Так, образование производного слова *motherhood* осуществляется не по транспонирующей схеме. Однако у производного слова меняется та категория, которую Дж. Лайонз называет вторичной, а именно число. Если производящее существительное *mother* относится к исчисляемым существительным, то производное слово *motherhood* - к неисчисляемым. Меняться может не только грамматическая категория, а и ономаσιологическая (таксономическая) категория. Например, *China* —> *Chinese*, *budget* —• *budgeteer*. Следовательно, при осуществлении словообразовательных процессов вторичная категоризация может приводить и к смене частеречной принадлежности производного слова, и к смене вторичных категорий производного слова, и к смене ономаσιологической (таксономической) категории производного слова, систематизируя разные аспекты человеческого опыта. Вышесказанное позволяет говорить об особом типе вторичной категоризации - словообразовательной категоризации. Словообразовательная категоризация получает отражение в словообразовательном значении, соотносимом на когнитивном уровне с пропозицией (ономаσιологической структурой), в которой предикат (ономаσιологическая связка) объединяет в единую структуру два категориальных концепта. Один из концептов фиксируется базисом слова (то есть той ЧР, в которую в акте номинации включается знак), а другой - онома-

Л. В. Бабина

сиологическим признаком (то есть той ЧР, которой характеризуется мотивирующее слово). В том случае, если данная пропозиция выступает как модель порождения целого ряда производных слов с повторяющимся содержанием, она кладется в основу определенной словообразовательной категории. Словообразовательные категории, выступая как сложно организованные и сложно структурированные, как пишет Е.С. Кубрякова, могут быть охарактеризованы как отражательные, номинальные и оценочные [Кубрякова 2006: 12].

Исследование словообразовательных процессов как причастных категоризации и концептуализации, а их результатов - производных слов - как способов вторичной репрезентации знаний о действительности позволяет обратиться к понятию «концептуальная деривация». Концептуальная деривация рассматривается как мыслительный процесс, обеспечивающий формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного знания за счет когнитивных моделей и механизмов. Языковыми механизмами ее проявления могут служить словообразовательная номинация, вторичная номинация, эвфемизация и т.п. Концептуальная деривация, результатом которой становятся разного рода производные языковые единицы, предполагает, что в ходе осуществляющейся определенным образом интерпретации исходного вербализованного знания может одновременно происходит его подведение под новую категорию. То есть осуществление концептуальной деривации предполагает, что повторная концептуализация происходит одновременно с повторной категоризацией. В процессе концептуальной деривации, осуществляемой за счет разного рода когнитивных моделей и механизмов, происходит формирование новой концептуальной структуры, репрезентируемой производным словом. Она включает как участки, определяющие общее категориальное значение появляющегося наименования, так и участки, дающие представление о категориальном значении производящего слова.

Действие концептуальной деривации, обеспечивающей взаимодействие категорий в рамках производного слова, возможно как за счет когнитивных моделей, представляющих упрощенные варианты того, что ими репрезентируется, и имеющих вид пропозиции, так и когнитивных механизмов. К числу когнитивных механизмов, обеспечивающих осуществление концептуальной деривации, можно отнести следующие: «перспективизация», «соединение», «дистраивание». Когнитивный механизм «перспективизация» предполагает выдвижение на

III. Уровневая категоризация естественного языка I

передний план тех участков или отдельных характеристик концептов, соотносимых с производящими словами, которые отражают информацию, необходимую для формирования концепта, репрезентируемого производным словом. Когнитивный механизм «соединение» обеспечивает или согласование перспективизируемых характеристик концептов, соотносимых с производящими словами (иногда характеристик, появившихся в результате действия когнитивных механизмов «достраивание», «развитие»), или согласование восстанавливаемых концептов и концептов, передаваемых производящими словами (иногда концептов, активизированных в результате «достраивания»). Действие когнитивного механизма «достраивание» позволяет восстановить недостающие для создания концепта (концептуальной структуры), соотносимого с производным словом, характеристики (концепты) за счет обращения к когнитивным областям / когнитивной области, к которым / которой отсылают определенные характеристики концептов (концепты), репрезентируемых или производящим словом или производным словом.

Исследование деноминативных глаголов позволило показать, что к числу основных моделей, по которым формируются их значения, можно отнести USE AS INST, USE AS MEANS, PUT INTO PLACE, DO AS / LIKE ACTOR. Формирование значений деноминативных глаголов осуществляется по когнитивным моделям, как правило, в том случае, когда в семантике производящего имени существительного отражено то, под какую категорию можно подвести существительное, обозначающее тот или иной объект. Это предполагает, что концепт, соотносимый с производящим именем существительным, включает характеристику, отражающую информацию о действии, совершаемом осмысливаемым объектом, или о действии, совершаемом над объектом, и эта характеристика является салиентной (наиболее яркой) для говорящего или слушающего. Например, концепт, соотносимый с существительным *hammer*, включает салиентную характеристику, дающую представление о действии, совершаемом при помощи молотка. Вместе с тем существует большое количество имен, обладающих слабо выраженной категориальной принадлежностью. В этом случае возрастает роль дискурсивных факторов, а именно контекста, в котором используется производный глагол, и вступают в действие когнитивные механизмы: перспективизация, соединение и достраивание. Иначе говоря, эти механизмы вступают в действие в том случае, если произво-

Л. В. Бабина

дящее существительное обозначает полифункциональный объект, то есть сложно выявить какую-то одну салиентную характеристику концепта, репрезентируемого производящим существительным, которая бы отражала информацию о действии, совершаемом объектом, или о действии, совершаемом над объектом (*to net, to leash*). Также они используются в том случае, когда контекст меняет зафиксированное в словаре значение деноминативного глагола, образованного по той или иной когнитивной модели, и повторное обращение к модели не позволяет интерпретировать новое значение производного глагола. Главную роль в данной ситуации также приобретает синтаксическая конструкция, содержащая деноминативный глагол, и соотносимое с ней знание.

При формировании концепта, репрезентируемого производным словом, в ходе концептуальной деривации за счет вышеупомянутых когнитивных механизмов (перспективизация, согласование, достраивание) активизируются определенные участки концептуальной структуры, стоящей за именем существительным, не только те, которые задействуются при формировании концепта, соотносимого с индивидуальным значением производного слова, но и те, которые определяют категориальное значение производного слова.

Рассмотрим, как это происходит на примере деноминативного глагола *to chopstick*, образованного от имени существительного *chopstick*. Концептуальную структуру, стоящую за производящим именем существительным, представим в виде объемного фрейма, состоящего из формального, конститутивного и целевого подфреймов [Бабина, Макарова 2007].

Производящее существительное *chopstick* (*китайская палочка*) имеет следующую дефиницию: *one of a pair of thin, tapered sticks, often of wood or ivory, held in one hand between the thumb and fingers and used chiefly in China, Japan, and other Asian countries for lifting food to the mouth* [Webster 1996: 366]. В данном толковании лексема *sticks* передает характеристику «объект», выражение *held in one hand between the thumb and fingers* - характеристику «использование определенным образом», выражение *used for lifting food to the mouth* - характеристику «целевое использование». Рассмотрим распределение характеристик в концептуальной структуре, соотносимой с производящим существительным *chopstick*.

Концептуальная структура, соотносимая с существительным chopstick

КОНСТИТУТИВНЫЙ	ФОРМАЛЬНЫЙ	ЦЕЛЕВОЙ	
СОБСТВЕННО-КОНСТИТУТИВНЫЙ	Instr	СОБСТВЕННО-ЦЕЛЕВОЙ	
		Действия над объектом	Действия объекта
- <i>thin</i> ; - <i>tapered</i> ; - <i>wooden</i> ; - <i>ivory</i> ;		- <i>to use</i> ; - <i>to hold between the thumb and fingers</i> ;	- <i>to lift food to the mouth</i> ² ;

Характеристики, отраженные в семантике существительного, являются характеристиками по умолчанию, справедливыми для любой ситуации. Они располагаются в собственно-конститутивном слоте конститутивного подфрейма: «thin», «tapered», «wooden», «ivory», передавая информацию об онтологических свойствах объекта (китайских палочках), обуславливающих его использование человеком с определенной целью, а также в собственно-целевом слоте целевого подфрейма: «to hold in one hand between the thumb and fingers», «to use», «to lift food to the mouth». На схеме формальный подфрейм располагается между конститутивным и целевым. Такое расположение обусловлено тем, что содержание формального подфрейма выводится на основе характеристик собственно-конститутивного и / или собственно-целевого подфреймов. Онтологические свойства китайских палочек, отраженные в собственно-конститутивном слоте (тонкие, конусообразные, сделанные из определенного материала), определяют их использование, которое передается характеристиками собственно-целевого слота³. В совокупности эти характеристики показывают, что объект, обозначаемый производящим существительным *chopstick*, подводится под

¹ Курсивом выделены концептуальные характеристики по умолчанию, выявляемые на основе значения производящего существительного.

² Жирным курсивом выделены перспективизируемые концептуальные характеристики по умолчанию, выявляемые на основе значения производящего существительного.

³ Следует отметить, что многие свойства инструментов и механизмов являются результатом желания человека, чтобы инструмент или механизм выполнял ту или иную функцию, то есть здесь можно говорить о взаимобусловленности свойств и функций объектов.

категорию «инструмент». Концепт, репрезентируемый существительным, обладает характеристиками «объект», «целое использование (воздействие на объект / субъект)», «использование определенным образом», «отсутствие собственной энергии».

Интерпретация деноминативного глагола *to chopstick* в предложении *We happily chopsticked thin beefslices from a fabulous, sweet and peppery sauce* [ИСС] предполагает восстановление репрезентируемой им концептуальной структуры, для чего необходимо восстановить атомарный предикат (участок концептуальной структуры, репрезентируемый производным словом, который определяет его новую категориальную принадлежность). Атомарный предикат не может быть восстановлен произвольно. Он рассматривается как функция, которая задается аргументами (в нашем случае - аргументом) пропозиции, соотносимой с производным словом [Панкрац 1992: 175; Позднякова 1999: 72; Кубрякова 2004: 414]. В роли аргумента выступает концептуальная структура, соотносимая с производящим существительным. Перспективизация концептуальной характеристики по умолчанию «to lift food to the mouth» собственно-целевого слота, а также концептуальной характеристики формального подфрейма «Instr» позволяет выявить атомарный предикат MOVE.

Следует отметить, что выявление данного предиката позволяет осуществить «переход» от предметного осмысления (то есть чего-то «перманентного», тождественного самому себе в достаточно длительном интервале времени, выделенного из окружающего пространства, обладающего цельностью) к процессуальному осмыслению, которое предполагает меняющееся соотношение или положение объектов во времени и пространстве, этапы смены одного (исходного) состояния в другое, разные траектории движения [Кубрякова 1997: 272-290]. В формирующейся концептуальной структуре ведущую роль уже играет глагольный концепт (восстановленный атомарный предикат), отвечающий за категориальную принадлежность производного слова.

Выявленный атомарный предикат объединяется с аргументом пропозиции - именным концептом благодаря когнитивному механизму соединения, образуя единую пропозициональную структуру. Когнитивный механизм соединения действует на том основании, что «объективация каждой пропозициональной структуры в реальной языковой единице требует естественного согласования именных и глагольных членов пропозиции, то есть согласования функции (она должна быть зафиксирована будущим глаголом) с ее аргументом (аргумент фиксируется ис-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ходным, мотивирующим существительным)» [Панкрац 1992: 189]. Благодаря когнитивному механизму соединения восстанавливается концептуальная структура MOVE WITH INSTR (CHOPSTICK).

Восстановленные элементы концептуальной структуры, репрезентируемой деноминативным глаголом *to chopstick*, позволяют сделать предположение, что анализируемый глагол относится к лексико-семантической группе глаголов физического воздействия на объект. Концептуальные структуры, соотносимые с глаголами физического воздействия на объект, содержат концептуальный элемент OBJ, передающий объект, на который направлено действие, обозначаемое глаголом [см. о глаголах физического воздействия на объект: Гайсина 1982; Падучева 2004: 487; Кустова 2001 и др.]. Восстановление недостающего концептуального элемента OBJ в пропозиции, репрезентируемой производным глаголом *to chopstick*, обеспечивается действием когнитивного механизма достраивания при обращении к классификационному фрейму, соотносимому с глаголами лексико-семантической группы «Физическое воздействие на объект». Таким образом, деноминативный глагол *to chopstick* репрезентирует пропозицию MOVE OBJ WITH INSTR (CHOPSTICK) и реализуется в значении *to lift food with chopsticks* (*перемещать пищу при помощи китайских палочек*). Контекст, в котором используется глагол, передает ситуацию, в которой типичная функция китайских палочек «to lift food to the mouth» оказывается важной, что приводит к перспективизации соответствующей характеристики по умолчанию в рамках фрейма. Таким образом, обращение к контексту, содержащему рассматриваемый производный глагол, подтверждает правильность полученного значения. В рассматриваемом предложении производный глагол *to chopstick* является переходным. Передаваемое им действие направлено на объект, в роли которого выступает словосочетание, называющее продукт питания (*beef slices*). Деноминативный глагол осмысливается как глагол физического воздействия на объект.

Таким образом, формирующаяся концептуальная структура, стоящая за производным словом, включает глагольный концепт, отвечающий за категориальное осмысление производного слова. Однако при этом выделенным оказывается и именной концепт, определяющий индивидуальное значение глагола. Именной концепт, стоящий за объектом, является одним из участников ситуации, описываемой глагольной единицей, который может быть инструментом, лицом и т.п. Как следствие, целый процесс может характеризоваться по его участнику [Кубрякова 2004: 350]. Исходя из вышесказанного, можно говорить об особом

Л. В. Бабина

типе вторичной категоризации - словообразовательной категоризации, приводящей к взаимодействию категорий в рамках производного слова и осуществляющейся в ходе процесса концептуальной деривации одновременно с повторной концептуализацией за счет разного рода когнитивных моделей и механизмов.

Литература

Бабина Л.В., Макарова И.Ю. Интерпретация значений отсубстантивных глаголов, произведенных от существительных таксономической категории Место (Place) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №1. С. 70-78.

Гайсина Р.М. К семантической типологии глаголов русского языка // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 15-21.

Казак М.Ю. Интегративный подход к описанию словообразовательного гнезда // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. №2. С. 54-61.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.

Падучева Е.В. Динамические модели в лексике. М., 2004.

Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.

Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): дисс... д-ра филол. наук. М., 1999.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y., 1996.

ИСС - Информационно-справочная система. URL: <http://www.rockymountainnews.com> (дата обращения 12.06.10).

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Е.И. Гармаш (Запорожье)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ КАК ОБЪЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В наше время демократический подход, получивший широкое распространение в рамках социально-политических структур, выражается не только и не столько властью народа, сколько конкуренцией лидеров. Не является исключением в этом же смысле и научная сфера деятельности человека. В ней, как в зеркале, находят свое отражение процессы конкуренции научных подходов. Лингвистические исследования «характеризуются ярко выраженным полипарадигматизмом, то есть одновременным существованием и развитием нескольких главных направлений научных исследований» [Полюжин 1999: 3]. При этом «как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления...» [Кубрякова 2001: 4].

Фундаментальные работы в сфере когнитивной лингвистики принадлежат таким отечественным и зарубежным исследователям, как: Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, С.А. Жаботинская, Е.С. Кубрякова, Л.А. Манерко, Ю.Г. Панкрац, Е.М. Позднякова, М.М. Полюжин, А.Н. Приходько, И.А. Стернин, В.И. Шаховский, И.С. Шевченко, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, М. Минский, Э. Рош, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье и др.

Практически невозможно преувеличить перспективность когнитивного подхода относительно всего спектра научных исследований. В последнее время когнитивный подход проявил свои универсальные свойства как в том, что диалектически влился во все составляющие спектра научной действительности, (еще раз при этом подчеркнув его генетическую целостность), так и в том, что стремительно продолжает абсорбировать и перераспределять методологические сущности одних научных подсистем в другие.

Такой водоворот научных подходов, все возрастающее число работ, посвященных тенденциям междисциплинарного характера, подтверждает активацию процессов интеграции центральных составляющих методологического базиса. Под последними мы понимаем определенную совокупность знаний о приемах получения и использования

Е.Л. Гармаш

информации. Все это свидетельствует о начале нового этапа эволюции человеческого знания.

Однако не стоит рассматривать развитие когнитивистики только с методологической стороны. Процессы универсализации уверенно движутся в направлении фактического материала. Происходит так называемое связывание объектов исследования. Естественно, получение знаний о какой-либо подсистеме языка, в первую очередь, требует целой серии исследований, ориентированных на отдельные составляющие его объекты.

Далее, наиболее значимые научные решения не только приобретают аксиоматичный характер, но и открывают возможности проведения лингвокогнитивных исследований во всем возможном разнообразии их методов и объектов. Последние, объединяя информационные потоки всей научной мегаструктуры, направлены на создание универсальной базы данных о знаниях. Возможно, именно с ее помощью, человечество не только восстановит лакуны потерянных ранее знаний о мире и самом себе, но детерминирует возникновение абсолютно нового составляющего радиуса сферы знания, именуемого «метакогнитивным» [Кубрякова 2009: 23].

При когнитивном подходе к языковым явлениям внимание исследователей акцентируется на представленности информации в человеческом сознании. В связи с этим возникает необходимость исследования процессов ментальной организации знаний как о сущностях реальных (видимых), так и об идеальных (невидимых). Как известно, «категоризация» и «концептуализация» - главные понятия когнитивной лингвистики. Традиционными являются вопросы дифференциации концепта и категории, концепта и значения, концепта и понятия, концепта и концептуальной сферы. [Шафиков 2007: 3].

Понятие концепта пришло в лингвистику из философии и логики, а в последние десятилетия пережило период актуализации и переосмысления [Маслова 2004: 46], и как свидетельствуют работы, посвященные раскрытию понятий концепта и концептуализации, они продолжают вызывать дискуссии. Неоднократно ученые отмечают, что ⁸ современной лингвистике до сих пор не существует однозначного определения концепта [Болдырев 2000: 23; Карасик 2002: 154; Красавский 2001: 51].

Многогранность этого понятия приводит к тому, что в настоящее время его описание излагается в самых разнообразных вариациях ⁸ зависимости от контекстов научных исследований. Описывая собст-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

венное видение концепта, авторы зачастую оперируют такими умозаключениями, как: абстрактное, обобщающее понятие [Хименко 2004: 168]; субъективно-объективная сущность, в которой представлен окружающий мир и сам человек [Жаботинская 1998: 8], сущность, воплощенная в слове в содержательных формах - обиде, символе, понятии [Колесов 2004: 17]; контейнер, квант знания [Телия 1996: 97]; суммарное явление (совмещает образное, понятийное и ценностное представление о нем [Васильев 2004: 19; Карасик 2002: 154; Кра-савский 2001: 51]; сложный когнитивный лингвосоциальный кон-структ [Филимонова 2001: 20].

Сложность определения концепта кроется главным образом в том, что он «не поддается прямому и непосредственному созерцанию, ощущению, касанию (такое понимание его сущности общее для всех лингвистов), принадлежит одновременно индивидуальному и коллективному когнитивному пространству» [Попова, Стернин 1999: 17]. По мнению А.П. Бабушкина, концепт - «это любая дискретная содержа-тельная единица коллективного сознания, отражающая предмет реаль-ного или идеального мира и хранящаяся в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 2001: 53]. Таким об-разом, в концепте объединяются результаты как социокультурного, так и индивидуального опыта.

Наличие значительного количества подходов определяется тем, что термин «концепт» служит объяснению единиц ментальных и пси-хических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, которая отображает знание и опыт человека [Кубрякова 1996: 90]. Наиболее содержательным считаем толкование концепта как оперативной содержательной единицы памяти, ментального лексико-на, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отби-той в человеческой психике [Там же]. Действительно, концепт - это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, но, по всей видимости, главное, что такая идея существует как оператив-ная единица в мыслительных процессах, причем единица, выступаю-щая как гештальт - как вполне самостоятельная и четко выделяемая от-дельная от других сущность [Кубрякова 2004: 316].

Говоря о структуре концепта как единицы накопления инфор-мации в сознании человека, в первую очередь отметим не только не-однородность информации, но и многоканальность ее поступления из-вне. Именно это и предопределяет типологическое разнообразие самих концептуальных структур. Находясь в человеческом сознании, кон-

Е.Л. Гарман

цепты являют собой узлы концентрации определенных единиц знания (как конкретных, так и абстрактных), то есть весь концептуальный фонд представлен двумя основными группами. Первую - составляют те концепты, в структуре которых имеется кластер, несущий информацию вербального характера. Те концепты, которые не располагают такой составляющей, образуют вторую группу. В рамках данной статьи рассмотрим только те из них, которые представляют собой отдельные, взаимосвязанные ментальные «структуры знания, фиксируемые в языке» [Кубрякова 2001: 8].

Каждый концепт, принадлежащий к первой группе, представлен набором структурных информационно-емких фрагментов (кластеров). Количество и качество таких его составляющих варьирует в зависимости от уровня, в состав которого входит конкретная языковая единица. Проводимый нами анализ процессов аффиксации в английском языке, предполагает необходимость рассмотрения структурных особенностей концептов морфологических и лексических единиц. Предлагаемый нами ряд кластеров (- form(s) (free, bound); - semantic(s) (free, bound); - part of speech; - vision; - sensation) дает возможность составить кластерную вариацию любого концепта данного типа.

Рассматриваемые нами концепты аффиксальных элементов грамматического типа имеют двукластерную структуру, в состав которой входят bound form(s) и bound semantic(s). Концепты словообразовательных аффиксов составляют кластеры: bound form(s) и free semantic(s). В отличие от морфологических, структура лексических единиц представлена кластерами: free form(s); free semantic(s); part of speech; vision; sensation. Анализируя концепты конкретных единиц лексического типа с точки зрения их кластерного набора с целью достижения наибольшей степени объективности показателей таких кластеров как vision и sensation, считаем необходимым дополнительно ввести использование альтернативного указателя степени их репрезентации.

Что касается грамматических морфем, напр.: *-ity*, *-er*, *-ing*, *en-*, *re-* и др. то в результате слияния с лексическими единицами в ментальном фонде носителей английского языка новых концептов не образуется. Это связано с тем, что каждая единица общения, в процессе ее языковой экспликации, проходит сквозь предварительный языковому изображению грамматический уровень знаний. Следует заметить, что его функция заключается в реализации процессов грамматической категоризации каждой из языковых составляющих ментального потока информации. При этом роль грамматической аффиксации практически

III. Уровневая категоризация естественного языка I

невозможно преувеличить. В плане научного анализа когнитивных аспектов морфологии Е.С. Кубрякова отмечает, что изучение такого плана позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говорящего (грамматическое - значит обязательное)...» [Кубрякова 2000: 25]. Таким образом, концепты грамматических аффиксов образуют собственный отдел концептуальной структуры грамматических знаний.

Словообразовательные аффиксы, такие как: *bio-*, *eco-*, *-gate*, *-gram*, *info-*, *-holic* и др., объединяясь с лексемами, образуют достаточно устойчивые ментальные образования, подчеркивая тем самым логичность своего наименования (в понимании словообразовательный - концептообразующий). Арсенал концептов словообразовательных аффиксов максимально приближен к структуре лексических концептов и, взаимодействуя с ними, заполняет «межуровневое пространство» устойчивыми образованиями. Концепты таких производных, также имеют многокомпонентную кластерную структуру, но, при этом, его кластеры наполнены информацией, абсорбированной из исходных концептов, выступивших, в процессе объединения в роли «пропозиции» [Кубрякова 2004: 317]. Акту номинации обычно предшествует именно формирование пропозиции из существующих готовых концептов, но как только в результате этого акта рождается новое слово, слово становится представителем нового отдельного концепта и человек получает возможность оперировать им как новой интегрированной целоеностью» [Там же].

Кроме морфем грамматического и словообразовательного характера, особое внимание привлекают «бифункциональные» [Гармаш 2009: 36] языковые единицы, представленные как в лексическом, так и в морфологическом вариантах. Именно они своим существованием и подчеркивают диалектическое единство этих двух уровней. К числу лексикализованных морфем современного английского языка могут быть отнесены такие единицы, как: *Euro*, *burger*, *gram* и др., а к числу морфологизированных лексем относятся *-friendly*, *-intensive*, *-speak*, *-free*, *-something*, *-person* и др.

Такая «функциональная переориентация представляет реализацию языковой единицы, ее потенциальных функциональных, новых, узואльно не закрепленных грамматических, лексических, а также прагматических особенностей. Этот особый деривационный процесс, тесно связанный с человеком как мыслящим и познающим мир субъектом (поскольку данное явление представляет собой новую номина-

Е.Л. Гармаш

цию), со временем переводит некие языковые единицы в новое семиологическое качество» [Левицкий 2006: 61-62]. Таким образом, каждый из вариантов бифункциональных единиц представлен отдельным концептом, а кластерный набор каждого из концептов - его уровневой принадлежностью.

Дополнительный функциональный статус морфем приобретают те лексические единицы, которые, повторяются в составе каждой из целой серии единиц номинации, и могут быть характеризованы как константные элементы модели. Мы рассматриваем такие случаи не в имманентном смысле появления новых моделей, а как закрепление ассоциативных связей в сознании носителей английского языка, и их последующую реализацию, выраженную в актах словообразования по аналогии.

В лингвокогнитивном понимании такие единицы приобретают качества «присоединяющегося элемента», что соответствует стандартным функциям морфем. Новые аффиксальные функции лексем детерминируют, с одной стороны, пополнение аффиксального фонда, а с другой, что более значимо, - активное расширение лексического состава английского языка. Образованные с их помощью новые единицы общения не только запечатляются в сознании, но и образуют отдельные категории.

В этом же контексте отметим, что в отличие от морфологизации грамматического характера, в процессе образования новых языковых единиц, носители языка не оперирует конкретными способами и моделями, поскольку они относятся не к языковым, а к «метаязыковым» категориям [Кубрякова 2009: 23]. Акты порождающей (а не рефлексивной) номинации в английском языке, основаны, в большинстве случаев, на принципе действия аналогии. Морфологические варианты лексем не только занимают полноправное место на уровне лексических концептов, но и выступают там в роли микро-доменов. Все это дает нам возможность представить два этих концептуальных уровня как «вплавленные части пирамиды», вершину которой представляют грамматические морфемы.

В процессе взаимодействия с окружающей реальностью концептуальная система носителей английского языка постоянно развивается и модифицируется, благодаря процессам категоризации поступающей информации. Под категорией в лингвистике понимается «одна ¹³ познавательных форм мышления человека, которая дает возможность обобщить его опыт и выполнять его классификацию» [Кочерган

III. Уровневая категоризация естественного языка I

2003: 425]. Категоризация и категории есть в итоге ключ к пониманию того, что представляет собой человек [Шафиков 2007: 4]. Категоризация человеческого опыта «тесно связана со всеми когнитивными способностями человека, а также с разными компонентами когнитивной деятельности - памятью, воображением, вниманием и др.» [Пименов, Пименова 2006: 71]. Таким образом, категоризация - одно из ключевых понятий, связанное едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в познающем аппарате индивида, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями - сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п. [Капишева 2009: 58].

В нашем понимании категоризация - сложный динамический процесс в человеческом сознании, который может быть представлен как общность биологически возможных логических механизмов организации и реорганизации поступающей информации. Процессы категоризации охватывают как структурные единицы одного из языковых уровней (напр., морфологические, лексические, синтаксические) так и все существующие уровни языковой метасистемы, а так же их оперативные универсалии, среди которых главное место, безусловно, занимает грамматика.

Также отметим, что категоризация и концептуализация, как генетически заложенные в человеке функции, по сути, представляют собой единую универсальную модель генерации знания (как первичного образования) и мысли (как вторичного), и, по-видимому, является антропоадаптированной моделью Универсума. Прежде всего, это выражается в том, что сам концепт складывается из разных информационных фрагментов, и именно категоризация (в своей простейшей ипостаси) приводит к их объединению в единый информационный узел - концепт.

Считаем возможным говорить о нескольких ипостасях реализации категоризации в ментальной сфере носителей английского языка. Процессы категоризации обуславливают возможность: 1) классификации новой информации; 2) структуризации вторичных концептов; 3) хранения информации в виде системных блоков (категорий); 4) ментальной и устной реализации определенных информационных фрагментов.

В процессах концептуализации и категоризации языковых единиц прослеживается главное стремление как отдельных индивидов, так и целых этносов, а также человечества в целом, не только мыслить о себе самом и о мире, но и сформировать определенный неразделимый образ. Считаем возможным именовать его «картиной человека в мире и мира в человеке», которая напоминает «две стороны одной медали».

Е.Л. Гармаш

Именно такое представление позволяет обратить внимание исследователей не только на изменения в материальном мире и их отражение в сознании людей, но и изменение ментальных характеристик носителей языка как фактора, влияющего на изменение их материального мира. Надеемся, что именно такая трактовка позволит в наибольшей мере отразить единство общего и частного, выраженное в языковой действительности.

Следует отметить, что именно наблюдения за продуктивностью аффиксальных элементов, и выявление их наиболее активных составляющих, позволяет сделать выводы о тенденциях, направлениях, а также перспективах развития всех сфер англоязычного общества. Подводя итоги нашей работы, подчеркнем, что функциональная автономность концептов грамматических аффиксов подтверждает распространенность действия закона «экономии» не только на процессы языкового эфира информации, но и ее ментальной репрезентации. Тем не менее, все нарастающие темпы создания новых единиц общения значительно увеличивают нагрузку внутри ментальных структур носителей английского языка. В результате активируются основанные на действии аналогии процессы сжатия формы уже существующих в английском языке сложных (лексико-синтаксических) номинативных структур, и расширения семантики простых узусальных единиц, что, на наш взгляд представляется перспективным в плане проведения лингвокогнитивного анализа.

Литература

Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 53.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.

Васильев Л.М. Базовые категории «системного семантического словаря русского языка» // Языковые категории: границы и свойства. Минск, 2004. С. 17-19.

Гармаш О.Л. Англомовна ешидигматика та розвиток вокабуляру. Мелитополь, 2009.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Жаботинская С.А. Частеречная семантика: категориальные архетипы // Вѣстник Черкаського університету. Сер. Фшолопчш науки. 1998. Вип. 7. С. 3-14.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Капишева Т.Ю. Фразеологическая категоризация в сфере фитонимии русского и немецкого языков // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 57-62.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009.

Левицкий А.Э. Предпосылки функциональной переориентации языковых единиц // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 61-63.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.

Полюжин М.М. Функциональный і когнитивный аспекта англШського словотворення. Ужгород, 1999.

Пименов Е.А., Пименова М.В. Когнитивная лингвистика на современном этапе // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2006. С. 70-72.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие *концепт* в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивные и коммуникативные аспекты. СПб., 2001.

Хименко С.А. Архетипическая природа концепта «материнство» // Языковые категории: границы и свойства. Минск, 2004. С. 168-169.

Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. Март-апрель. С. 3-6.

Е.М. Позднякова

Е.М. Позднякова (Москва)

КАТЕГОРИЯ ИМЕНИ ДЕЯТЕЛЯ: ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Данная статья посвящена когнитивному анализу категории имени деятеля. Когнитивный анализ языковых категорий и составляющих их единиц направлен на то, чтобы изучить, как информация о мире выражена, картирована языком, то есть, как концептуальная система реализована в категориях языка.

В настоящей работе **категория имени деятеля** рассматривается как категория словообразовательная, однако в ее состав включаются аффиксальные дериваты, композиты и конверсивы, что коренным образом отличает такое понимание категории имени деятеля от ее традиционного понимания, при котором в нее входили суффиксальные производные с агентивными суффиксами. Расширение границ исследования связано именно с тем, что в рамках когнитивного анализа словообразовательной категории меняется как объем материала изучения, так, что наиболее важно, и предмет исследования - структуры знаний, стоящие за производными именами деятеля. Производному слову отводится особая роль, поскольку оно рассматривается как иной, по сравнению с холистическими знаками, способ языковой реализации определенных структур представления знаний. Анализируя производное слово, можно определить «какие признаки объекта включаются в семантическую структуру его обозначения и какие концептуальные составляющие образуют его основу» [Кубрякова 1994: 7]. Производные слова, образованные по модели с общим словообразовательным значением, демонстрируют повторяемость таких концептуальных составляющих и, таким образом, имеют в своей основе единую структуру знания. Поэтому в данной статье речь пойдет о словообразовательном моделировании и о том, какую роль оно играет в языковой категоризации.

О новых подходах к категоризации в рамках когнитивных исследований написано довольно много. В когнитивной психологии основное внимание при описании когнитивных (прототипических) оснований категоризации уделялось естественным категориям. Вариативность объектов, подлежащих естественной категоризации (емкостей для питья, предметов для сидения, жилищ и т.п.), более наглядно демонстрирует принципы естественной категоризации. Но когда необходимо выявить фамильное сходство членов категории, для обоснования сходства и раз-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

личия, скажем, между фужером для шампанского и бокалом для мартини, нужно не только представлять себе образы обоих сосудов, но и **знать**, и **уметь описать вербально** или **представить иконически** эти различия (оба на высоких ножках, но первый - высокий и довольно узкий, а второй - в виде воронки). Нужно также понимать функциональную обоснованность их форм, а для этого нужно знать модели поведения, концепты культуры, наконец, характер самих напитков. Поэтому уже внутри категории «сосуды для питья» можно сформировать фокус, формирующий категорию «сосуды для питья вин», и выстроить цепочечную категорию.

Когда речь заходит о категоризации языковых явлений, знания о языке позволяют подобным же образом детализировать категоризацию некоего объема языкового материала.

До настоящего времени словообразовательные (языковые) категории и принципы их когнитивной категоризации не привлекали такого внимания когнитологов, как, скажем, части речи. Исследованный нами материал имен деятеля в широком понимании (как указывалось выше), позволяет сделать некоторые выводы о принципах когнитивной категоризации для этой категории.

В работе «Язык и знание» Е.С. Кубрякова подчеркнула, что «Подобные явления [фамильного сходства - *Е.П.*] были описаны на разном материале: их целью было показать, как осуществляются переходы от одного значения к другим по цепочке, в которой смежные единицы разделяют между собой больше общих признаков, чем крайние <...>.] Итогом же такого развития выступает наличие разных значений у одного аффикса, одной лексической единицы, одной категории, а следовательно организация категории меняется в силу обретения ею нескольких фокусов, а, возможно, и формирования на этой основе новых категорий» [Кубрякова 2004: 102]. Следуя этому принципу, представим словообразовательные модели категории имени деятеля.

Первое основание для построения категории - по способу моделирования, то есть по вхождению в состав модели основ и аффиксов, полнозначных основ, полнозначных основ и комбинирующихся форм, полнозначных основ и нулевых аффиксов.

Здесь для категории имени деятеля были выявлены следующие модели: СУФФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ, МОДЕЛИ **СЛОЖНЫХ**; СЛОВ (N1+N2); (V+N); (N+V+er), КОНВЕРСИВНЫЕ МОДЕЛИ; ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ; МОДЕЛИ С КОМБИНИРУЮЩИМИСЯ ФОРМАМИ. Их наборы формируют фокусы категории **имени** деятеля, если их рассматривать как знания носителя языка о возможных способах создания слов. Уже здесь, на формально-семантическом

и когнитивном уровне (знание о том, как делаются и могут быть сделаны слова) наблюдается ряд явлений, позволяющих говорить о фамильном сходстве как принципе категоризации. Это, например, пограничные явления между *моделями сложных слов, моделями с комбинируемыми формами и префиксальными моделями* (*minister-democrat* и *social democrat*; *social democrat* и *socio-democrat*; *socio-democrat* и *anti-democrat*). Границы между полнозначным словом, комбинирующей формой и префиксом не являются четкими, и подобные модели имеют некоторую общую зону в использовании для репрезентации сходных смыслов. То же явление наблюдается и в отношении суффиксов и комбинирующихся форм (*worker* и *workaholic*).

Далее, организацию категории имени деятеля можно рассматривать с позиций частей речи, являющихся основой (основами) производного слова. Здесь категория формирует три четких фокуса - отсубстантивные, отглагольные, отадективные модели. Произведенные по этим моделям слова по-разному представляют структуры знания о деятеле.

Так, для отсубстантивных имен деятеля категориальный характер основы - имя существительное - предполагает, что когнитивные операции будут осуществляться в предметной (в широком смысле) концептуальной области. С другой стороны, в результате операции по прибавлению суффикса мы получаем имя деятеля, то есть имя, также принадлежащее к предметной концептуальной области. Суффикс в таком случае выполняет субкатегоризирующую функцию в пределах одной, предметной концептуальной области. Все рассмотренные отсубстантивные модели демонстрируют, что на уровне организации или связывания концептов устанавливается отношение между двумя концептами предметной сферы (категория существительного) с помощью концепта, выражающего процессуальный признак (категория глагола). Это означает в самом общем концептуальном плане, что структура знания, стоящая за каждой из моделей, являет собой некую связь предметных сущностей в помощью глагола - релятора

Обращение к *отглагольным* именам деятеля меняет ракурс рассмотрения ситуаций, выраженных ими. Будучи результатами первого шага деривации «глагол > существительное», такие имена наследуют свойства процессуального признака. Меняется перспективизация события - наиболее выделенным оказывается само действие. Словообразовательные значения моделей - «тот, кто (то, что) совершает действие»; «тот, кто (то, на что) направлено действие»; «то, где происходит Действие». На уровне когнитивного анализа для всех указанных ниже моделей выделены два категориальных концепта: предметный и процессуального признака, которые во всех моделях реализованы концеп-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

тами - ACTOR и OPER, а в некоторых моделях - концептами PAT - BE OPER, OBJ - BE OPER, PLACE - OPER.

К отглагольным именам деятеля относятся и имена, образованные по конверсии (V>N). Словообразовательный акт при конверсии состоит в оперировании определенными когнитивными структурами, связанными со свойством человеческого мышления воспринимать и осмысливать в окружающей его действительности объекты, процессы (процессуальные признаки) и качества, свойства (непроцессуальные признаки). Оперирование этими когнитивными структурами и позволяет выдвигать на первый план, профилировать, допустим, концепт лица как активного исполнителя того действия, которое обозначено глаголом. В этом и заключается характер изменений в концептуальной структуре конверсива, что влечет за собой и изменение лексического значения. Образованное по конверсии существительное представляет совершенно определенный кусочек события, описываемого соответствующим глаголом. Поэтому смена грамматического значения является следствием оперирования когнитивной структурой, представляющей знание о том, что тот, кто или то, что исполняет действие, несет в себе это действие, является его реализующим началом, а то, что служит инструментом выполнения действия, не может не быть связано с действием в процессе его выполнения. В конечном счете, такие когнитивные структуры формируются в ходе взаимодействия субъекта с окружающим миром в процессе деятельности.

Анализ материала показал также, что часть моделей **отадъективных** имен деятеля тяготеют к предметной концептуальной области, а часть - к концептуальной области процессуального признака. Такое положение дел объясняется промежуточным положением категории непроцессуального признака между стабильными предметными сущностями и изменениями (процессуальными признаками). В моделях Adj + er > N; Adj + ist > N; Adj+N; прилагательное служит для дескрипции стабильных признаков объекта (категория объекта включает для данных моделей места проживания, науки, политические течения). В моделях для одушевленных и неодушевленных существительных! Adj+N(v) прилагательное, напротив, более связано с ингерентной сущностью отглагольного имени деятеля - нести информацию об изменении положения дел в ситуации и потому описывает не стабильные свойства, а способ действия (ACTOR-OPER-MANNER). Полученные нами результаты позволяют сделать заключение о том, что концептуальная область непроцессуального признака, реализованная в имена: деятеля, имеет общее пространство как с предметной концептуальной областью, так и с областью процессуального признака. Здесь мы также

Е.М. Позднякова

можем говорить о некоторых переходных зонах, однако только концептуальный и когнитивный анализ позволяет выявить эти переходы.

Выше мы говорили о том, что производное слово является языковой реализацией определенной структуры знаний, определенного когнитивного содержания. Поэтому следующие два фокуса категории деятеля определяются достаточно четко. Это противопоставление по признаку мужской пол - женский пол. Это противопоставление является базовой когнитивной структурой человеческого сознания. Суффиксальная система английского языка (при всей его бедности в обозначении принадлежности к роду морфологическими показателями) позволяет проследить когнитивную значимость такого противопоставления. Хотя для большинстве суффиксов концептуальная оппозиция деятель мужского пола - деятель женского пола нейтрализована и противопоставление этих двух концептов может быть установлено лишь в ходе обращения к знаниям о мире и к дискурсу, где принадлежность к полу обозначается местоимениями, собственными именами и другими средствами, есть ряд моделей имен деятеля женского пола, образованные от имен деятеля мужского пола (tailor - tailoress; farmer - farmerette; comedian - comedienne).

Образование имен деятеля женского рода происходит как на первом, так и на втором шаге деривационного процесса. Суффиксы женского рода присоединяются как к холистическим знакам (host, chap), так и к суффиксальным дериватам (leader, comedian). Во втором случае суффикс женского рода может рассматриваться как концептуализирующий активное начало в силу того, что на первом шаге деривации происходит образование имени деятеля мужского пола.

Проведенный анализ словообразовательных моделей, их значений соответствующих концептов для категории имени деятеля позволяет сделать некоторые заключения о том, как организованы структуры знания о деятеле в категории имени деятеля английского языка и как они репрезентированы с помощью системы словообразовательных средств и моделей.

Поскольку единицы номинации - производные слова - являются продуктами мысли, результатами объединения ряда концептов в единую концептуальную структуру, организация этих концептов, сам принцип их связывания и результат такого ассоциативного соединения и должны, очевидно, рассматриваться как способ репрезентации знаний человеческого уму в виде пропозициональных структур.

Высказывание, соотнесенное с ситуацией, эксплицирует те отношения, которые говорящий устанавливает между участниками ситуации " концептами, соединяемыми им в пропозициональные структуры, настоящее время в рамках исследований по когнитивной лингвистике

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ученые пытаются более полно раскрыть отношения между восприятием, осмыслением действительности, концептуализацией, способами организации концептов в структуры знания и способами закрепления, фиксации этих структур знания в языке. Однако положения о том, что такого же характера соответствия свойственны и процессу номинации производным словом, особенно моменту его создания носителем языка, можно отнести к достижениям последних десятилетий в разработке теории номинации, а затем когнитивно-дискурсивного направления в отечественном языкознании [Кубрякова 1994; Кубрякова 2004].

Структуры представления знаний категории имени деятеля можно разделить на три группы. Первая, самая обширная, включает ядерные, центральные структуры знания, которые представляют объединения концептов, наиболее типичных для ситуации действия. Это структуры знания ACTOR - LIVE - PLACE; ACTOR - DEAL WITH - OBJ; ACTOR - WORK - PLACE; ACTOR - SUPPORT - OBJ; ACTOR - TAKE PART IN - EVENT; ACTOR - WORK WITH - INSTR; ACTOR - ACT - TIME; ACTOR - WORK WITH - MEANS; ACTOR - MAKE - OBJ; ACTOR - CAUSE - EVENT; ACTOR - HAVE - OBJ; ACTOR - LIKE - OBJ; ACTOR (STIMULUS) - CAUSE - FEELING (неодушевленные имена деятеля), ACTOR - MOVE - PATH (PLACE); ACTOR - OPER; PAT - BE OPER; OBJ - BE OPER;) INSTR - BE USED TO OPER; ACTOR - OPER - OBJ; ACTOR - OPER - PLACE; ACTOR - OPER - TIME; ACTOR - OPER - EVENT; ACTOR - OPER - INSTR; (ACTOR) - OPER - OBJ; ACTOR - SELL - OBJ; ACTOR - FEAR - OBJ; ACTOR - WRITE DOWN - OBJ; ACTOR - MEASURE - OBJ; ACTOR - OBSERVE - OBJ; ACTOR - REPRODUCE SOUND - OBJ; PLACE - OPER; MEANS - BE USED TO OPER - OBJ.

Эта группа структур знаний о деятеле получает объективацию в языке в виде производных имен деятеля, образованных по соответствующим словообразовательным моделям. Языковая репрезентация данных структур знания может осуществляться посредством суффиксальных, конверсивных, сложно-суффиксальных моделей, моделей сложных слов и моделей, включающих комбинирующиеся формы.

Вторая группа структур знаний о деятеле представлена пропозициями, включающими наряду с одним из партиципантов ситуации действия, сирконстанту CONTAINER (в том числе и объединение людей - группу - как контейнер): CONTAINER - BE USED TO OPER; ACTOR - BE IN - GROUP; ACTOR - WORK - GROUP, OBJ - BE OPER - IN CONTAINER; ACTOR - OPER - MANNER; ACTOR - OPER - LOC (MANNER). Эта группа структур знания о деятеле соот-

Е.М. Позднякова

несена в языковой реализации с суффиксальными, сложносуффиксальными моделями, моделями сложных слов и моделью *Prep + N*.

Третья группа структур знаний пропозиционального характера представляет собой установление ассоциативной связи между двумя концептами активного начала. Это структуры знаний: *ACTOR(fem) - BE - ACTOR*; *ACTOR 1 - BE - ACTOR2*; *PERS - BE - ACTOR*, в которых осуществляется идентификация, отождествление деятеля с другим лицом или деятелем. Такие структуры знания дают копулятивные сложные существительные. Хотя в данных структурах знания не задействованы концепты, непосредственно организующие ситуацию действия (*AGENT, STIMULUS, OPER, OBJECT, PATIENT, INSTR, MEANS, GOAL, RESULT, TIME, PLACE*), они подчиняются правилу наследования (*inheritance rule*), поскольку как минимум одна из частей сложного слова (а иногда и обе) представляют собой имена деятеля, а на пропозициональном уровне происходит установление ассоциативной связи идентифицируемого лица или предмета с уже осмысленным и включенным в структуру знания концептом «активное начало». В эту же группу мы включаем структуры знания о деятеле, представленные в языке префиксальными моделями. Данные структуры знания характеризуются тем, что с одной стороны, в них происходит сопоставление двух концептов «активное начало» (*ACTOR* для одушевленных или *MEANS* для неодушевленных существительных); с другой стороны, здесь нет простого сопоставления, идентификации одного «активного начала» по отношению к другому. Именно префиксы указывают на характер связи между двумя концептами «активное начало»: это может быть осуществление совместного действия (*co-*), либо, наоборот, противодействия (*counter-*), оказание поддержки (*pro-*) и т.д.

Итак, анализ структур знаний категории имени деятеля позволяет добавить еще один принцип, по которому может быть организована категория имени деятеля как категория многофокусная с позиции словообразовательного моделирования. Это принцип определения фокусов не по формально-семантическому описанию моделей, а по их концептуально-когнитивному характеру. Результаты группировки структур знания по этому принципу представлены выше.

Для того, чтобы по-новому рассматривать категорию имени деятеля как категорию многофокусную, как категорию, для которой может быть несколько оснований для определения фокусов, нами были выделены принципы когнитивного словообразования [Позднякова 1999: 32]. Некоторые из них важны как исходные положения когнитивной категоризации имен деятеля и словообразовательных моделей, по которым они образуются.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Один из них - это признание ведущей роли пропозициональных структур как форматов хранения знаний для однозначных производных слов.

Еще один принцип когнитивного словообразования связан с особенностью психологии восприятия, реализуемой в выделении фона и фигуры при непосредственном восприятии или мысленном представлении ситуации. Учет данной особенности человеческого восприятия позволяет объяснить, почему именно определенные концепты объединяются в пропозиции, на основе которых формируются структуры представления знаний.

Следующий принцип когнитивного словообразования состоит в признании словообразовательного моделирования как категоризирующей деятельности. Словообразовательные модели, по которым создаются регулярные образования по аналогии, могут рассматриваться как порождающие эталоны для образования производных. Таким моделям и созданным по ним словам присущи прототипические свойства (свойства лучшего образца) в рамках словообразовательного процесса в силу их узнаваемости, употребительности и продуктивности.

Эти исходные принципы позволили, оперируя словообразовательными моделями и образованными по ним именами деятеля, показать пути рассмотрения категории имени деятеля как категории многофокусной, причем подобная фокусировка в каждом случае имеет свои основания:

- по формально-семантическим моделям;
- по частеречной принадлежности производящей основы или частеречной принадлежности частей сложного слова;
- по противопоставлению мужской пол - женский пол;
- по группировке структур знания, соотнесенных со всеми словообразовательными моделями категории имени деятеля.

Литература

Кубрякова Е.С. Производное слово как языковая структура представления знаний // Английский лексикон и структуры представления знаний. Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 429. М., 1994. С. 4-11.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

С.Ю. Хованова

С.Ю. Хованова (Москва)

РОЛЬ ФРАЗОВЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН В ПРОЦЕССАХ КАТЕГОРИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из его отличительных черт современного английского языка является наличие в нем значительного количества слов, образованных по конверсии, в том числе и имен типа *sit-in*, образованных от фразовых глаголов. Данное лингвистическое явление часто трактуется в современной лингвистике, как **транспозиция**, то есть процесс, устанавливающий связи между различными частями речи и заключающийся в том, что слово одной части речи выступает в качестве источника деривации для создания слова другой части речи, другой категории или класса без каких-либо формальных изменений.

Данные комплексные единицы активно участвуют в процессе категоризации, который помогает придать окружающему миру, воспринимаемому человеком, упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних и различие других явлений.

Категоризация представляет собой особый аспект мыслительной деятельности человека, позволяющий «членить внешний и внутренний мир человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [Кубрякова и др. 1996: 42], а также дающий возможность раскрыть общие принципы познавательного процесса и формирования знаний, то есть классификации. Причем, не просто классификации окружающих явлений на какие-то группы, а воплощения через это умение своего понимания и объяснения действительности.

Лингвистами-когнитологами признается, что категоризация тесно связана с концептуализацией, однако в отличие от последней, всегда связана с языком и в определенном смысле зависима от него. В данном случае происходит группировка данных на более высоких уровнях абстракции, заданных системой языка. Явлению транспозиции, как отмечает Е.С. Кубрякова, можно дать новое объяснение как процессу, имеющему самое прямое и непосредственное отношение к такой категоризации мира, которая возможна только в языке, или, более точно, только в кодовых системах с конвенционально установленными совокупностями знаков [Кубрякова 2004: 342].

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Определенный интерес представляет собой идея о том, что в системе языковой категоризации определенные разновидности языкового знания представлены в трех типах категорий: **лексических, грамматических и модусных** (см. подробнее: [Кубрякова 2006; Болдырев 2006, 2009]). Эти три системы категоризации в языке обеспечивают совмещение конфигурации коллективного знания и достижение понимания в целом. Как отмечает Н.Н. Болдырев, они создают условия для необходимого «перехода от аналоговой (лексической) к собственно языковой (грамматической) и далее интерпретирующей (модусной) категоризации» [Болдырев 2009: 41].

Рассмотрим фразовые отглагольные имена именно с этих позиций; другими словами, попытаемся проанализировать, как данные языковые единицы участвуют в трех вышеобозначенных процессах категоризации в современном английском языке.

Первый тип языковой категоризации - **лексический** - отражает онтологию мира и результаты его познания человеком. Данные категории называются **аналоговыми** категориями (по отношению к категориям естественных объектов) и **имеют логическую по своей природе структуру** [Там же: 42]. Данный процесс наглядно иллюстрируется фразовыми отглагольными именами при расширении самых разнообразных лексических категорий, логическое выделение которых может быть задано, в том числе, с помощью языка. Данные категории можно рассматривать как синонимические ряды или тематические группы. Так, например, категория «стычка, столкновение» пополняется такими элементами (вариантами) данной категории, выраженными фразовыми отглагольными именами, как *punch-out / punch-up* «драка, потасовка, стычка» - *a rough and violent fight*, *dust-up* «перебранка, небольшая стычка; скандал» - *a fight, usually a short one; a quarrel*, **face-off** «стычка, несогласие; столкновение» - *an argument or a fight; a hostile disagreement face-to-face (=a confrontation)* и рядом других имен данного типа. Причем, каждое из слов очень точно и ярко придает дополнительные оттенки к основному значению «стычка», а именно: *punch-out / punch-up* - бить, нанося удар кулаком (*punch* - ударять кулаком); *dust-up* - так выяснять отношения, что «пыль столбом» (*dust* - пыль); в отглагольном имени *face-off* подчеркивается «столкновение / выяснение отношений лицом к лицу» (*face* - лицо).

Лексическая категория «забастовка», в свою очередь, помимо простого общеизвестного слова *strike*, также выражена большим количеством имен, образованных именно от фразовых глаголов, каждый из

С.Ю. Хованова

которых описывает свою особую разновидность забастовки. Так, *close-down* означает «прекращение работы, как правило, при ликвидации предприятия» - *the stopping of work, especially permanently, in an office, factory, etc.*; *sit-down* - «сидячая забастовка» - *a strike, protest, etc involving people sitting down and refusing to leave a place until someone agrees to give them what they want*, *sit-in* - «сидячая забастовка против расовой дискриминации путем занятия мест (в кафе и других местах, куда не допускаются афро-американцы)» - *the act of occupying the seats or an area of a segregated establishment to protest racial discrimination*; *sleep-in* - «демонстрация протеста в форме захвата помещения для ночевки» - *a form of protest in which the participants sleep overnight in premises that they have occupied*; *work-in* - «одна из форм забастовки - «приходим, но не работаем» - при которой бастующие не уходят с предприятия» - *occasion when workers continue to work as a protest against e.g. proposed dismissal or closure of the factory*. В составе данной категории трудно выделить наиболее типичные образцы, но вместе с тем представляется возможным вывести общую для всех членов категории инвариантную характеристику, служащую основанием для их объединения, а именно: отказ от работы с целью добиться улучшения или изменения ситуации.

Вместе с тем, можно отметить случаи, хотя и единичные, когда фразовые отглагольные имена являются не составляющими категорию единицами, а центром, инвариантом категории. Например, такая единица как *breakdown* упоминается в дефиниции другого фразового отглагольного имени, а именно: *crack-up* «период умственного или физического истощения / упадка сил» - *a period of mental illness or physical breakdown caused by pressure*. Таким образом, использование комплексного знака *breakdown* в лексикографическом описании слова позволяет нам отнести данную единицу к словам с базовым, общим значением, которые традиционно служат названием категории и используются в словарных дефинициях. Данный пример не является типичным, хотя и иллюстрирует возрастающую роль в языке дериватов данного типа.

Второй тип языковой категоризации - **грамматический** - имеет отношение к природе языка, его внутреннему устройству и законам Функционирования. Фразовые отглагольные имена представляют собой необычайно сложные языковые единицы, поскольку, относясь к категории имени, в отличие от других производных имен, сохраняют связь не только между двумя словами, но во многих случаях с **тремя**

III. Уровневая категоризация естественного языка I

мотивирующими его частями: простым исходным глаголом, частицей или непосредственно фразовым глаголом.

Вслед за О.К. Ирисхановой, мы признаем, что характер категоризации в отглагольных именах будет существенно отличаться от прототипических глаголов и существительных, а способность данных лексем образовывать новые категории будет меняться в зависимости от их семантической близости к имени существительному или глаголу [Ирисханова 2000; 65]. В целом, особенности семантики фразовых отглагольных имен в рамках прототипической теории обуславливают их место в периферийной зоне такой грамматической категории как имя существительное.

Третий тип языковой категоризации - модусный - обеспечивает возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов. В онтологической триаде «система мира - система языка - концептуальная система человека» интерпретация связана именно с человеком, его восприятием и оценкой мира и языка [Болдырев 2009; 46]. К числу интерпретирующих категорий можно отнести, в частности, отрицание, категории аппроксимации, эвиденциальности, экспрессивности, оценочные категории и т.п.

Так, например, оценочная категория может быть выражена не только лексическими средствами (*good / bad*), но и в процессе транспозиции словообразовательного характера, где значительную роль играют процессы метонимии и метафоры. Например, фразовое отглагольное имя *meltdown* изначально имело значение «расплавление ядерного реактора», которое в результате метафорического переосмысления дает сегодня другое значение, а именно *meltdown* «кризис, катастрофа». С одной стороны, данная единица мотивирована первым значением данного имени, делая акцент на большей проблемности, даже катастрофичности всей ситуации, описываемой отглагольной номинализацией *meltdown*, чем просто словом *crisis*: кризисная ситуация сравнивается с аварией на ядерной электростанции *meltdown - a disaster comparable to a nuclear meltdown*, а *crisis* «кризис» определяется как «нестабильная ситуация, связанная с большой опасностью или проблемой» - *an unstable situation of extreme danger or difficulty*.

С другой стороны, представляется уместным привести здесь точку зрения тех лингвистов, которые, рассматривая фразовые глаголы, фокусируются на роли, которую выполняет в них не столько исходный глагол, сколько пост-глагольная частица или сателлит. Данная

точка зрения подводит нас к новому подходу в изучении фразовых глаголов в рамках когнитивной семантики. С одной стороны, традиционное значение постпозитива *down* выражает траекторию движения объекта, а именно ВНИЗ. С другой стороны, такие ученые как Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят о том, что личный или даже скорее пространственный опыт человека переводит нас в область других концептов. Движение *вверх - вниз* может быть применено к идее *хорошо - плохо*. Хорошо означает - вверх, плохо, соответственно - вниз (известна метафора Лакоффа "HAPPY IS UP; SAD IS DOWN") [Лакофф, Джонсон 2008: 35]. Отглагольное имя *meltdown* в результате оценочно-событийной гибридизации глагола *to melt down* в его метафорическом значении (экономический кризис как движение вниз) переместился из концептуальной зоны «динамичность-конкретность» в зону «динамичность-абстрактность». Акцент в данном случае в большей степени ставится не на значении глагола, а на значении частицы *down*, что говорит о совершенно разных источниках мотивации, которые стоят за внешне одинаковыми структурами.

В данном случае уместно будет упомянуть о двух типах оценочных категорий, репрезентирующих разные типы знания, а именно: **собственно оценочные категории** (оценочные знания о неязыковых объектах внешнего мира) и **категории оценочных слов** (единицах языка, выполняющих определенную оценочную функцию). В вышеописанном примере частица *down*, входящая в состав фразового отглагольного имени, в определенном контексте сама осуществляет оценочную функцию, указывая на отрицательный аспект / результат данного действия / события.

Особенности формирования и организации модусных категорий состоят в том, что они **объединяют определенные языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции** [Болдырев 2009: 45]. Модусные категории имеют свою, особую природу и место в общей концептуальной системе человека и сегодня представляют особый интерес для исследователей.

Итак, имена типа *meltdown*, образованные от фразовых глаголов, созданы в процессе деривации, и для объяснения их семантического и когнитивного своеобразия необходимо описывать процессы словообразования по-новому. Речь идет о структурах знания, которые намерен был отразить человек в процессе межчастеречной транспозиции и какие он зафиксировал при этом в виде производного слова данного типа.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Приведенный краткий анализ показывает, что в современном английском языке фразовые отглагольные имена, являясь сложнопроизводными по своей структуре, наглядно иллюстрируют собой самые разнообразные процессы категоризации человеческого опыта в языке. Данные процессы, с одной стороны, открыты, а с другой - упорядочены, поскольку существуют лингвистические явления и единицы (например, метафоры и лексемно-ограничители), которые системно определяют (или перераспределяют) категории.

Литература

Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 38-49.

Ирисханова О.К. Некоторые особенности категоризации отглагольных имен существительных // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. научн. тр. Рязань, 2000. С. 62-68.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 42-47.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 65. № 2. М., 2006. С. 3-12.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.

The Free Dictionary Thesaurus. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

Р.О. Борискина

3.4. ТЕСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ

О. О. Борискина (Воронеж)

О СКРЫТОМ ТИПЕ ИМЕННОЙ КАТЕГОРИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

«наиболее адекватное описание системы именных классов возможно при условии учета трех аспектов: морфологического, синтаксического (согласовательного) и семантического»

[Топорова 1996: 25].

«<...> в случае стертости морфологических показателей класса в именах согласование действительно оказывается единственным и неоспоримым свидетельством существования именной классификации, хотя бы и в виде скрытой категории, как в языках кру <...>»

[Виноградов 1996: 9].

1. О типологии именных классификаций

Как современная оптика способна расширить кругозор человека, так и новое понимание языковой категории как функции когниции позволяет свести воедино некоторые теоретические аспекты *именной классификации* для расширения обзора лингвистических явлений как в одном языке, так и в типологической перспективе.

Если допустить, что именные классы - универсальная языковая категория, по-разному выраженная в языках мира, то становится понятно, что разные типы категории (напр., фенотипы и криптотипы (в терминологии Б. Уорфа) можно различать по характеру выраженности: морфологически как во многих языках Африки [Коваль 1979, 1996], и юго-восточной Азии [Кретов 1992: 110-111], или лексически средствами в составе синтагмы как в языке догон [Плунгян 1996: 261-262] и кру [Виноградов 1996: 9]. В первом случае исследователь имеет дело с явными именными классами, во втором - выявляет *криптоклассы*.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Криптоклассом мы называем такой тип именной категории, где классная принадлежность имени выражена не эксплицитно (в случае отсутствия или стертости морфологических показателей класса), а имплицитно - в структуре предложения через набор классифицирующих конструкций.

Наше понимание криптокласса близко определению именного класса, которого придерживаются авторы коллективной монографии «Основы африканского языкознания» [1996]. При этом В.А.Виноградов обращает внимание на важную особенность именной классификации быть «компонентом языковой картины мира, отражающим его когнитивную категоризацию» [Виноградов 1996: 10-11].

Когнитивная природа именного класса вообще, и криптокласса] в частности, проявляется в том, что в его основании лежит семантический классификационный признак, который обеспечивает когнитивную однородность класса. Это значит, что класс составляют имена, обозначающие и материальные, и нематериальные сущности разной лексической семантики, но моделируемые, или категоризируемые языком однотипно, по аналогии с эталоном, о чем мы расскажем ниже.

Исследования именных классификаций в африканских языках показали, что в наше время семантический принцип распределения лексики по именным классам «отступает на второй план» на фоне процессов «затухания класса» [Коваль 1996: 157]. Ср., также размышления И.Н. Топоровой о семантической гетерогенности классов в современных языках банту, а также о том, что «существовавшие преопределения ряда классов «класс зверей», «класс вещей», «класс деревьев» на современном уровне в высшей степени условны, поскольку данные сущности представлены во многих классах. <...> и далее, «При всей важности семантического и морфологического критериев нельзя не признать главную роль согласовательного аспекта в проблеме выделения класса» [Топорова 1996: 59].

Такой подход к проблеме описания именных классов кажется нам продуктивным и перспективным как для решения задач лексической типологии, так и для создания компьютерных приложений в области обработки / порождения текста. Мы считаем, что работа по выявлению криптоклассов отдельного языка, в каком-то смысле, близка к лексико-типологическим задачам.

О. О. Борискина

В случае выявления криптокласса, опираться можно на два из трех критериев: семантический и синтаксический. Рассмотрим каждый из критериев.

2. О семантическом критерии выделения криптокласса

В поисках семантических принципов, которые должны лежать в основе формирования именных классов мы предлагаем придерживаться естественных категорий. Ведь лексический состав в дологический период становления языковой системы упорядочивался и распределялся по классам, не столько для удобства хранения и передачи, сколько для выживания вида. Человек, вынужденный отличать своего от чужого, опасное от безопасного, съедобное от несъедобного, перемещаемое от непереключаемого и т.п., помечал жизненно важные аспекты опытного знания (кроме перечисленных оппозиций еще и размер, форму, свойства материалов, напр., текучесть, и др.) при помощи языка. Представляется, что именно такие жизненно важные признаки (многие из которых представлены бинарными оппозициями) и были положены в основание выделения и понятийных категорий и словарных классов, в частности именных классов. Одним словом, формирование именных классов протекало в условиях мифологического познания действительности по законам «логики» мифа, которая частично сохранилась в метафорической и традиционной сочетаемости, а также идиоматике.

Все вышесказанное объясняет необходимость обращения к этимологии для выявления криптоклассов. Ср. мнение И.Н. Топоровой: «Для глубокого проникновения в механизм реализации семантического критерия (для понимания принципов распределения имен по классам), анализ материала на синхронном уровне представляется недостаточным. В этом плане, как кажется, большие возможности появляются при привлечении данных диахронического уровня, т.е. когда то или иное явление рассматривается в процессе развития» [Топорова 1996: 54].

Выявляя криптокласс в отдельном языке в соответствие с определенным семантическим классификационным признаком целесообразно учитывать опыт описания явных именных классов в языках мира^а. Данные о классах, в основание которых лежит классификационный признак, мы предлагаем считать необходимым и достаточным условием^б для выявления в любом языке скрытого (не имеющего морфологического^в показателя классности) именного лексико-грамматического

III. Уровневая категоризация естественного языка I

класса. Таким образом, подтверждается легитимность выделения криптокласса.

Попытки выявить криптоклассы английского языка показывают, что криптокласс отдельного языка отражает когнитивную категоризацию мира лексико-грамматическими средствами конкретного языка. Криптокласс заслуживает никак не меньшего, а напротив, даже большего внимания, как лексической грамматики, так и лексической типологии. Так, введение криптокласса в лексико-грамматическое описание именных классификаций языков мира поможет пролить свет на их (классов) грамматическую лакуарность (о роли криптокласса в типологическом описании романских языков см.: [Титов 2010]).

Необходимость учитывать при анализе семантики именных классов (ИК) лексическую семантику (ЛС) наряду с грамматической (ГС) И.Н. Топорова объясняет так: «С одной стороны, ЛС тесно связана с категориями грамматической семантики (напр., с одушевленностью, личностью). Так, В.А. Виноградов [Виноградов 1993] вполне убедительно¹ делает предположительный диахронический вывод о том, что категория ГС (неодушевленности) была базой для развития n-классов по признакам размера, формы, состояния и п.п., откуда и возникла поликлассная; система в языках банту. <...> С другой стороны, собственно лексическая семантика до сих пор остается проблемой, еще ожидающей своего решения. Этот факт связан как с чрезвычайно важной ролью данного аспекта в плане теоретической интерпретации именных классов (значение семантического критерия наряду с морфологическим и согласовательным для проблемы выделения ИК признается практически всеми африканистами от К. Майнхофа до исследователей последних лет), так и с отсутствием четких критериев, позволяющих понять семантическую[^] природу именных классов и способы ее реализации в сфере классификации всего лексического материала» [Топорова 1996: 52-54], см. также: [Топорова 1994].

Здесь следует отметить как прорыв в решении проблем лексико-грамматических классификаций результаты системного лексико-типологического исследования, выполненного коллективом **авторов** под руководством Е.В. Рахилиной и Т.А. Майсака [Aquamation 2007]. Основной вопрос для решения теоретических задач лексической типологии и прикладных задач семантико-синтаксической разметки **электронных корпусов**, по мнению редакторов, состоит в понимании универсальности языковых явлений. Ср., <«...> можно считать, что МБ

О. О. Борискина

умеет описывать семантику лексики отдельного языка <...>. Но это еще не типология. Возвращаясь к грамматике, вспомним, что ключевым моментом для осознания типологической задачи в этой области стало понятие универсального грамматического набора как набора универсальных грамматических значений, реализацией отдельного подмножества которого является грамматическая система каждого языка. (<••> теория грамматики разрабатывала идею универсального набора, во многом опираясь на опыт фонетической типологии). Повидимому, должен существовать и универсальный лексический набор, состоящий из *универсальных лексических значений* [Aquamation 2007: 14-15].

3. О синтаксическом критерии выделения криптокласса

Согласно определению криптокласса, обнаружить классность имени можно через набор классифицирующих конструкций. Закономерен вопрос, какие конструкции считать классифицирующими? Такие, в которых отражены связи имен-эталонов с признаковыми словами в атрибутивной, субстантивной и предикативной синтагмах. Синтаксические структуры, с которыми ассоциируются эталоны, способны диагностировать принадлежность имени к криптоклассу.

Поясним сказанное на примере. Эталон длинно-острого предмета ассоциируется с синтагмами, где отражены его связи с типичными для такой формы признаками: быть острым (*sharp*), колющим (*poignant*) и действиями, напр., пронзать (*penetrate*), пронзить (*pierces*), воткнуть (*stick*). Для записи синтагм в качестве инструмента мы предлагаем использовать коллострукции *collostruction* (*collo-cation* + *construction*) - лексико-синтаксический конструкт, разрабатываемый в работах Ст. Грайса и А. Стефановича [Stefanowitsch 2003], объединяющий лексику и синтаксис, а именно коллокацию, как любое словосочетание, и грамматику *конструкций* в понимании Ч. Филлмора, А. Гольдберг и Ханстона. Так, коллострукция [a pointed object pierces smth.], являясь единственным и неоспоримым свидетельством существования именной классификации, по сути, диагностирует принадлежность имен к криптоклассу «длинно-острое». Другими словами, если имя замещает S-позицию коллострукции [a pointed object pierces smth.], оно принадлежит криптоклассу английского языка «длинно-острое». По аналогии с эталоном длинно-тонкого (Пример 1) категоризуется в

III. Уровневая категоризация естественного языка I

английском языке, например, вопрос. Пример 2 свидетельствует о классной принадлежности имени *question* (вопрос).

(1) *another arrow pierced his heart* (стрела пронзила сердце)

(2) *The question pierced my armor* (вопрос пронзил мою защиту)

Мы применяем коллокационные, которые ассоциируются с длинно-острой формой для диагностирования вхождения абстрактных имен в этот криптокласс. Конечно, речь идет о метафорическом словоупотреблении. Именно благодаря тому, что метафоры фиксируют предыдущее состояние языка, они могут «рассказать» нам об ассоциативных связях абстрактных существительных с длинно-острой формой. Одним словом, употребление имен в метафорическом (переносном) значении в диагностирующих коллокациях указывает на их вхождение в криптокласс.

4. Именные криптоклассы в английском языке

Рассмотрим выделенные в английском языке криптоклассы! имен с учетом трех аспектов: семантического (включая эталоны), синтаксического (на примере классифицирующих структур) и легитимности выделения. Для формализации и унификации описания, названия; английским криптоклассам даются на латинском языке.

4.1. Криптокласс RES LONGA

Семантический классифицирующий признак - «стабильная, удлиненная, остроконечная форма». В качестве эталонов класса выступают имена материальных объектов природного происхождения и артефактов, ассоциирующихся в англоязычном сознании с удлиненной, стабильной, остроконечной формой, напр., *stick* (палка, посох), *needle* (иголка, игла), *rod* (ветка, побег, прут, шест, стержень, жезл), *prickle* (шип, коготь), *arrow* (стрела) и т.п. Примечательно, английская лексема *stick* (палка) восходит к общегерманскому корню *stakkan* 'колоть, пронзать, воткнуть' [OED]. Таким образом, эталон длинно-тонкой стабильной формы, которым является палка (OE *stacca*), по сути, есть не что иное, как то, что можно воткнуть, то, чем можно колоть или пронзать, т.е. остроконечное. По всей видимости, здесь мы наблюдаем некий семантический сплав стабильной удлиненной формы и остроконечности, т.е. есть длинно-острую форму. Легитимность выделения криптокласса^ наличие в африканских языках (фула, пулар-фульфульде и др.) общепульского сингулярного класса NDU [Коваль, 1996: 181]. Классифицирующие структуры: напр., [a pointed object sticks (in/into/ from smth-И

Р.О. Борискина

[smb. pricks a pointed object into smth.], [to pierce smth / to be pierced with/by a pointed object] и др. С результатами выявления криптокласса RES LONGA можно познакомиться в работе [Boriskina 2010].

4.2. Криптокласс «RES PARVA»

Семантический признак - «малый размер, соизмеримый с человеческой ладонью, позволяющий перемещать предметы при помощи руки». Эталонами класса являются имена, называющие такой предмет стабильной формы, который имеет относительно малые размеры, позволяющие взять его в руку, держать в руке и передавать: напр., *плод (apple), egg (яйцо), stone (камень)*. Легитимность выделения криптокласса - наличие во вьетнамском, астурийском или галисийском языках морфологически маркированных классов малых предметов [БД Языки Мира]. В бирманском языке, в некоторых диалектах китайского и в языках Юго-Восточной Азии также выделяется класс счетных слов для «предметов для руки» [Кретов 1992: 110-111]. В пулар-фульфульде категория размерности диагностируется нумеративным согласовательным контекстом, выделяется класс NDE - мелко-округлых, есть отдельно класс диминутивов, связанных с именами «штучных» предметов [Коваль 1996: 137-147, 155-156]. В языках фула семантически специфичны диалектные сингулярные мизерно-диминутивные классы, «которым, из-за их ограниченной продуктивности, отводится в грамматиках весьма скромное место. Типологически же они представляют интерес как нетривиальный пример грамматикализации градуированной размерности» [Коваль 1979: 151]. Классифицирующие структуры: [to take an object], [to grab an object], [to hold an object] и др.

4.3. Криптокласс «LIQUIDUS»

Семантический признак - «текучесть, способность перемещаться по образу и подобию водяного тела (в потоках, струях и каплях)». Ср., значение 'жидкое*' относится к «сильным классификационным признакам» [Коваль 1996: 208], который морфологически маркирован во многих африканских языках. Эталонами класса являются имена *water (вода), blood (кровь)*. Примечательно, что имя *life (жизнь)* (см. пример 1) также относится к ядру этого криптокласса, что не представляется атипичным для языковой категоризации. А.И. Коваль также заостряет внимание на факт объединения вещественных и абстрактных имен в общефульском сингулярном классе DAM (так называемый «класс жидкостей»), где наряду с водой, кровью, молоком морфологически оформлено и имя *жизнь*. [Коваль 1996: 208]. Классифицирую-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

щие структуры: [to pour liquid in/into a container], [liquid floods a container], [to leak liquid], [liquid leaks], [liquid flows], [the stream of liquid], [liquid floods a container], [liquid be splattered somewhere] и др.

(1) *When everything is going fine for us, and God is blessing us, when our life is flowine smoothly, it's easy to have faith, it's easy then to trust <...>*

4.4. Криптокласс «HOMO LOQUENS»

Семантический признак - «способность выражать волю словом». Эталонном класса являются имена, называющие человека. Легитимность выделения криптокласса - наличие морфологически маркированных классов в кавказских языках [БД Языки Мира]. Категория личности (или, что тоже, категория разумности, персональное™, человечности) диагностируется во многих африканских языках: в пулар-фульфульде, например, особым согласованием в нумеративной группе [Коваль 1996: 140]. Ср., класс людей в банту [Луцков 1996: 77]. Классифицирующие структуры: [a person says that], [a person suggests that], [a person tells about smth.],

4.5. Криптокласс «HOMO TENENS»

Семантический признак - способность приобретать предметы с целью владения. Эталонном класса являются имена, называющие человека. Классифицирующие структуры: [a person takes smth.], [a person seizes smth.], [a person handles smth.], [a person obtains smth.]. Субъектная позиция в таких структурах предназначена для имен, называющих человека, владеющего определенной собственностью (в отличие от других биологических видов, которым не свойственно «обзаводиться собственностью»). Схватить что-либо зубами, когтями, или клювом и унести с собой может любое живое существо, что находит отражение в глагольной семантике английского языка: *to grab, to grip, to gripe, to grasp, to clasp, to snatch*. Однако наряду с глаголами безразличными к способу приобретения в английском языке выделяется и группа глаголов, с общим значением «приобретать *рукой*». Так маркируется человеческий способ приобретения с целью дальнейшего владения.

4.6. Криптокласс «MOVENS»

Семантический признак - способность самостоятельно перемещаться. Очевидно, оппозиция *перемещающиеся VS. перемещаемые* была релевантной для познавательных целей. Эталонном класса являются имена, называющие живое существо, перемещающиеся разными способами. Легитимность выделения криптокласса - наличие во мно-

Р.Р. Борискина

их языках мира морфологически выраженной категории одушевленности. Классифицирующие структуры: [a person walks], [a person comes], [a person follows smb.], [a person runs].

5. О перспективности криптоклассного исследования

Перспективность предлагаемого подхода к изучению лексико-грамматических именных классов в разных языках видится нам в следующем. Поскольку выделение криптоклассов ориентировано на анализ глубинного слоя миропонимания, слившегося с первичным синтаксисом и базисной лексикой, то криптокласс можно рассматривать как носитель этимологической памяти слова. Криптокласс систематизирует наивную языковую категоризацию смыслового континуума. Именно это обстоятельство делает его пригодным для нужд описания имен отвлеченных значений, которые представляют известную сложность с таксономической точки зрения. Даже если волевым решением исследователя абстрактное имя удастся классифицировать, теоретическая и практическая (прикладная) значимость таких построений остается открытым вопросом. К тому же, многие непредметные имена ограничены или лишены собственной сочетаемости (в понимании В.В. Морковкина: [Морковкин 1984]), что затрудняет выявление и понимание закономерностей их дискурсивного поведения.

Литература

Aquamotion. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.Д. Майсак, Е.В. Рахилина. М., 2007.

База данных «Языки Мира» [Электронный ресурс].

Виноградов В.А. Категориальная типология и языковой тип / научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993.

Виноградов В.А. Введение: именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 5-24

Виноградов В.А. Именные категории в сонгай // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 264-277.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Коваль А.И. О значении морфологического показателя класса в фула // морфология и морфонология классов слов в языках Африки: Имя. Местоимение. М., 1979. С. 24-78.

Коваль А.И. Именные категории в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 92-220.

Кретов А.А. Съедобное - несъедобное или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiana*. № 14. 1992. С. 104-114.

Луцков А.Д. Именные классы в языках банту и заимствованная лексика // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 75-91.

Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. Сб. статей / под ред. В.В. Морковкина. М., 1984. С. 5-15.

Плунгян В.А. Именные категории в языке догон // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 256-263.

Титов В.Т., Кретов А.А. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. 2010. С. 7-12.

Топорова И.Н. Об одном аспекте лексической семантики именных классов в языках банту // Знак. М., 1994.

Топорова И.Н. Именные категории в языках банту // Основы африканского языкознания. Именные категории / под ред. В.А. Виноградова. М., 1996. С. 24-74.

Boriskina O., Marchenko T. An Algorithm for Analysis of Distribution of Abstract Nouns in Cryptotypes // Proceedings of International Conference on Artificial Intelligence (ICAI'10). July 12-15. 2010. Los Angeles, USA. URL: <http://www.world-academy-of-science.org>

OED - Oxford English Dictionary on CD-ROM. Version 3.1. Oxford, 2009.

Stefanowitsch A., Gries Th. Collocations: Investigating the interaction of words and constructions. International Journal of Corpus Linguistics 8: 2. 2003. P. 209-243. John Benjamins Publishing Company.

Л.А. Запелова

Л.А. Запелова (Екатеринбург)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЕДИНИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

*Язык являет собой едва ли не самую яркую
когнитивную способность человека...
язык выступает как универсальное эвристи-
ческое средство объяснения всего сущего,
в том числе и непосредственно языка.*

Е.С. Кубрякова

Понимание языка как когнитивного механизма, участвующего в процессах переработки и передачи информации, в отличие от традиционного представления о языке как формально-структурной системе, позволило лингвистической науке выйти на качественно новый уровень исследования, «учитывающий единую когнитивную методологию изучения явлений когниции и дискурса для обеспечения новых ракурсов их видения и объяснения» [Манерко 2007: 31].

Рассмотрение языка как «когнитивной активности человека» [Уляшева 2006: 60], представление языковых явлений в антропоцентрическом ракурсе «на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004; Белошапкина 2008: 214] обусловил интерес к ряду новых проблем, обозначившихся при таком ракурсе исследований, в частности, к концептуальной организации языковых категорий.

Объектом исследования настоящей статьи является характеристика концептуализации категории единичности как основополагающей для языковой категории количества в целом. В качестве предмета исследования мы рассматриваем здесь ядро прототипичное™, которое воплощает основной прототипический смысл нумеральной единичности.

Количество входит в исходный список концептов по Джекендоффу, которые структурируют чувственный мир, наряду с концептами вещь, событие, состояние, место свойство, °бъем [Jackendoff 1984].

Единичность рассматривается как основной семантический признак категории квантитативности Косеской-Тошевой, Гарго-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

вым [Косеска-Тошева, Гаргов 1990]. Концепт единица появляется на основе сочетания критериев отдельности и физической выделяемости объекта.

Принимая постулат о прототипичное™ естественных категорий [Cruse 1990] мы выделяем в качестве ядра-инварианта категории единичности в русском и английском языках лексемы *один* и *one*. Данные лексемы наиболее однозначно и с высокой частотностью репрезентируют концепт единица в соответствующих языках, что показывает анализ их словарных и контекстных значений на материале национальных корпусов русского и английского языков.

С целью более четкого обозначения ракурса нашего исследования следует подчеркнуть, что концептуализация и категоризация являются «моментами чисто человеческой обработки» [Кубрякова 2004: 95] в структуре восприятия действительности. При этом категория является определенной концептуальной системой раскрытия предметного содержания знания [Крымский 1980: 39] и представляет собой определенную систему понятий. В основе образования категории лежат категориальные концепты и объединение ментальных объектов в категорию происходит на основе категориальных признаков [Голованова 2009: 57-58].

Таким образом, чтобы представить категорию единичности в виде определенной когнитивной модели знания мы выделяем на основе дефиниционного анализа лексем *один* и *one* как инвариантов категории единичности в русском и английском языках следующие категориальные признаки данной категории: предметность, количественность, определенность / неопределенность.

Итак, согласно нашей гипотезе, категория единичности объективируется в языке с помощью набора данных значений. Рассмотрим репрезентацию данной категории в дискурсе на лексическом и грамматическом уровнях репрезентации концепта единица.

Центральное место в системе отражения категории предметности на лексическом уровне занимают имена свободно исчисляемых предметов, то есть конкретные имена типа *стол, стул, a room, a door* и т.д.

Центром именной единичности в языке являются также предметные имена широкой семантики - *предмет, вещь, штука, член, элемент, отдел, объект, единица, тело, носитель, экспонат, экземпляр* и т.д. в русском и *thing, item, article, object, body* и другие в английском. Данные лексемы являются отчасти десемантизированными, **то**

есть, по сути, являются семантически «пустыми», не воспринимаются как самостоятельные полнозначные слова в предложении. Так как их основным лексическим содержанием является предметность, семантическая «пустота» индивидуальной семантики слов этого разряда часто требует контекстуального указания на материал, из которого сделан предмет, указания на определенные его свойства:

Единственный предмет туалета, в котором я мог действительно пощеголять (Харитонов М. Игра с собой // Знамя. 2004)

It was some kind of a medical thing; he'd seen the bracelets before, and this was just another variation (Gallagher S. Rain).

Предметные имена широкой семантики выполняют также функцию счетных слов при указании на предметы, что отражает непосредственную связь категориальных компонентов предметности и количественности в семантике единичности:

На улице в палатке продают, открывалки эти. Двадцать копеек штука (Горин Г. Чем открывается пиво?).

His paintings are also found in museums in Australia and New Zealand, though one show in New York failed to sell a single item because, at the time, his work was considered too English (Northern Echo. Arts material, 1999. № 2).

Выступая в функции счетных слов, предметные имена широкой семантики могут служить дискретизаторами денотатов неисчисляемых имен:

Тут они уже договаривались до полной хрипоты, а мы отправляли их записи в архив и писали: «Фонд хранения такой-то, единица хранения такая-то» (Юрий Домбровский. Хранитель древностей. Часть 2. 1964).

Soon afterwards every valuable item or service; by definition in short supply in Romania was available at a price calculated in packets or cartons of Kent (Almond M. The rise and fall of Nicolae and Elena Ceausescu).

Наряду с именами существительными, выделим группу прилагательных, имеющих номинативное значение единичности. Это прилагательные типа *единичный, единственный, уникальный, одинокий* > *изолированный, отдельный, целостный, единый, single, only, unique, united, lonely, isolated, integral.*

Мы придерживаемся точки зрения, что глаголы и наречия обладают не номинативным, а синтаксическим значением количественности, и, таким образом, не отражают понятия единичности или

III. Уровневая категоризация естественного языка I

множественности в своем лексическом значении. Единичность относится к именным семантическим категориям: свое прототипическое выражение она получает главным образом в формах имени существительного.

Местоимения, как субституты существительных, по нашему мнению, обладают номинативным значением количественности, так как отражают реально существующее различие денотатов, а не воспроизводят числовую характеристику существительного. На единичность референта указывают личные местоимения *я, он, она* в русском языке и *I, he, she* в английском языке.

Объекты, являющиеся референтами ряда неопределенных местоимений, также являются единичными, а значение неопределенности создается в силу того, что данный объект входит в множество объектов того же класса, но он по какой-то причине не выделен из этого множества, так как не идентифицирован с каким-то одним определенным объектом этого множества.

Не наказывал ли брат кому-нибудь что-нибудь передать на случай ареста? (Домбровский Ю. Хранитель древностей. Часть 2. 1964).

There was somebody at the door (Binchy M. Circle of friends).

Лексемы *один* и *one* являются мотивирующими при образовании различных производных с квантитативным значением единичности. В русском языке сложные производные с квантитативным значением единичности образуются от основы *одн-* посредством интерфикса *-о-* и относятся к различным частям речи: существительным (*однобокость, однодневка, однолюб*), прилагательным (*однолетний, одномачтовый, одномоторный*), наречиям (*одноголосно, однословно, одноцветно*).

В английском языке сложные производные с квантитативным значением единичности образуются сложением основы *one-* с другими основами без интерфиксов. Они представлены существительными: *one-acter, one-upmanship, one-off, one-liner*; прилагательными: *one-piece, one-sided, one-way, one-star, one-stop, one-man, onefold* и т.п. Характерна также аналитическая номинация (несколькословные образования): *one-armed bandit, one-horse race, one-man band, one-way mirror* и т.д.

Категория единичности актуализируется и на уровне грамматической формы слова, так как языковая категория числа является обязательным компонентом реализации данной категории. Грамматическая

Л.А. Запелова

категория числа имен существительных является результатом формализации понятийной категории количественности.

Категория числа в русском и английском языках реализуется в формах словоизменения. Функции и значения формы единственного числа в английском языке тесно связаны с возможностью употребления существительных с неопределенным артиклем и со смысловой наполненностью такого употребления.

This whole thing's a mystery (неопределенный артикль с абстрактным существительным реализует не значение квантитативности, а имеет классифицирующее значение).

Serve warm with a dish of sugar for dipping (неопределенный артикль с условно недискретным существительным обозначает искусственно выделенную единицу вещества; реализует не значение квантитативности).

The day after I got back from Moscow, I set out for Philadelphia, where I was due to receive a medal from the Franklin Institute (неопределенный артикль с конкретным именем, явно выраженное квантитативное значение).

Изучение материала показывает, что единичность не является однофокусной категорией и репрезентируется в неразрывном взаимодействии лексических и грамматических средств, иллюстрацией чего является объективация данной категории в лексико-грамматических разрядах (ЛГР) существительных русского и английского языков, представленная на Схеме 1.

На данной схеме ЛГР существительных представлены по способности отображать категорию предметности как категориальный компонент концепта единичности, что определяет характер единичности, передаваемой соответствующими группировками слов - от абстрактного до конкретизированного.

Так, например, свойством вещественных имен является недостаточная устойчивость пространственных характеристик, они лишены четких границ, что, видимо, препятствует их языковому «опредмечиванию». В то же время, языковая система позволяет наименовать отдельные «порции» веществ - *глоток воды, бутылка молока, a slice of cheese, a glass of wine*.

Итак, возможность выражения единичности в значительной мере зависит от подкласса существительного, от характера его денотата, то есть характера отражения какого-либо онтологического объекта в языковой семантике.

**Концептуализация единичности
в лексико-грамматических разрядах существительных**

абсолютные <i>singularia tantum</i> / относительные абстрактные имена (<i>сырье, whitness</i>)	родовые имена (<i>одежда, furniture</i>)	имена <i>pluralia tantum</i> , обозначающие парные и сложно- составные предметы (<i>брюки, scissors</i>)	конкретные имена (<i>книга, picture</i>)
	вещественные имена (<i>железо, copper</i>)		
	условно недискретные имена (<i>несок, salt</i>)	заимствованные имена с омонимич- ными формами числа (<i>такси</i>)	имена собственные (<i>Европа, Солнце, Mike Pill</i>)
	имена действий / событийные имена (<i>крик, шторм, war, battle</i>)		
условная дискретность		выраженная (предметная)	

Исследование показало, что категория единичности **обла**дает прототипической структурой, как в русском, так и в английском языках и концептуализируется как на лексическом, так и на грамматическом уровнях через систему категориальных признаков, которые представляют отражение данной онтологической категории. Категориальное значение количества в языке сопутствует выражению предметности, так как они связаны прочными общегносеологическими основаниями, понятием дискретности, которое служит **бази**сом предметности и основой категории числа в языке.

Свое прототипическое выражение категория единичности (в значении нумеральной единичности) получает в формах имени, главным образом - в формах имени существительного. Взаимосвязь категориальных компонентов единичности показательна **Н** различных уровнях языковой системы: так, слова, выражающие **еди***ничность на лексическом уровне, также имеют ярко выраженное предметное значение, вследствие этого, основным репрезентанте*] концепта «единица» является предметная лексика.

Л.А. Запелова

Анализ материала (в нашем исследовании - преимущественно дискурсе, а не словари и справочники) свидетельствует о том, что даже один ядерный смысл нумеральности в категории единичности является сложным многокомпонентным феноменом, который с одной стороны проявляет дискретность, а при обобщении тяготеет к недискретности. Таким образом, исследование модификаций категории единичности в дискурсе представляется перспективным.

Литература

Белошапкина Т.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 5. С. 214-218.

Голованова Е.И. Эвристический потенциал когнитивных терминов и развитие терминоведения // Терминология и знание. Материалы I Международного симпозиума. М., 2009. С.51-65.

Косеска-Тошева В., Гаргов Г. Българско-полска съпоставителна граматика. Семантичната категория определеност / неопределеност. Т. 2. София, 1990.

Крымский С.Б. Логико-гносеологический анализ универсальных категорий // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980. С. 5-32.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Манерко Л.А. Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко. М.; Рязань, 2007. Вып. 5. С. 30-39.

Уляшева Я.О. Логико-философский анализ понятийной категории определенности-неопределенности // Известия ТРТУ. Раздел II. Филология. 2006. Т. 57. Вып. 2. С. 59-66.

Cruse D.A. Cognitive linguistics. Cambridge University Press, 1990.

Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds: The study of language in Cognitive Science. Cambridge (Mass.), 1984. P. 49-72.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.natcorp.ox.ac.uk](http://www.natcorp.ox.ac.uk)

ОТРАЖЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ПОДКЛАССАХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Учение о категориях и категоризации, берущее свое начало от идей Аристотеля, занимает центральное место в теории познания. А. Тренделенбург писал, что «исконный смысл учения о категориях тот именно и есть, чтобы отыскать те основные понятия, которые **дают** опору и свет среди пестрого хаоса наших неартикулируемых представлений» [Тренделенбург 1868: 153]. Вполне закономерно, что в когнитивной парадигме, рассматривающей язык как «окно в сознание», позволяющее реконструировать работу сознания по данным **языка**, понятия категоризации и концептуализации выступают в качестве базовых, основополагающих. Основной заслугой когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности является дальнейшее развитие учения о категориях, рассмотрение их как динамических сущностей, имеющих прототипический характер, обеспечивающий их взаимодействие, что наиболее полно отражает как естественное **положение** вещей и отношений между ними в реальном мире, так и континуальность нашего мышления.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, категоризация представляет **собой** главный способ придания воспринимаемому нами миру упорядоченного характера, систематизации всего многообразия явлений **окружающего** мира на основе выделения их сходств и различий [Кубрякова 2004: 96]. Процессы категоризации постоянно происходят в **сознании** человека, начиная с раннего возраста. Как отмечает Дж. Лакофф, «двигаясь в мире, мы автоматически осуществляем категоризацию **людей**, животных и физических объектов, как естественных, так и **созданных** человеком <...>. Мы производим категоризацию событий, действий, эмоций, пространственных отношений, социальных отношений и **абстрактных** сущностей в огромном диапазоне» [Лакофф 2004: 20]. При этом особенно важно учитывать критерии, на основе которых **осуществляется** систематизация явлений или предметов и их разнесение по разным классам и категориям. Следует особо подчеркнуть, что **про***цессы категоризации и концептуализации тесно связаны и взаимообу-

Л.А. Козлова

словлены - одно невозможно без другого: накопление знаний о том или ином предмете или явлении обеспечивает формирование концепта в нашем сознании, а наличие концепта в сознании позволяет осуществлять категоризацию предметов и явлений действительности, их систематизацию, выявление причинно-следственных связей между ними. Таким образом, категории как форматы знания являются результатом когнитивной обработки действительности.

Познавая мир и формируя его образ в своем сознании, человек с самого раннего возраста стремится на основе сопоставления новых предметов или явлений с уже известными отнести их к определенному классу или категории и таким образом сформировать свое представление как о категории в целом, так и о ее отдельных представителях. При этом, как показывают исследования по когнитивному развитию личности, способность к формированию целостного представления о том или ином предмете или явлении и, на этой основе, отнесение его к той или иной категории или классу, формируется не сразу, а постепенно, по мере познания всех свойств предмета и выделения из всего комплекса свойств и характеристик именно тех, которые могут служить критериями категоризации или классификации. Интересный пример, иллюстрирующий роль опыта и знаний в формировании способности к категоризации, описывается в работе К. Нельсон, посвященной роли языка в когнитивном развитии ребенка. Автор приводит пример ребенка, первое знакомство которого с утенком произошло в ванне, где родители давали ребенку игрушечного утенка, на основе которого у него и сформировался образ утенка. В течение определенного времени мальчик называл этим словом только того утенка, которого видел в ванной, не используя этого слова в тех ситуациях, когда видел игрушечных утят в другом месте или кормил настоящих уток в пруду [Nelson 1996: 115]. Данный пример свидетельствует о том, что способность к осуществлению категоризации формируется постепенно, по мере накопления опыта общения с внешним миром и его обработки. Он также показывает значимость способности отвлекаться от второстепенных, частных свойств предметов и выделения, фокусирования тех свойств, на основе которых осуществляется категоризация, о чем пишет О.К. Ирисханова, рассуждая о роли фокусирования и дефокусирования в процессах категоризации [Ирисханова 2007: 73].

Одним из вопросов, связанных с категоризацией, является вопрос о соотношении естественной и научной, в нашем случае, языковой кате-

III. Уровневая категоризация естественного языка /

горизации. С одной стороны, широко распространенным является точка зрения о том, что все классификации, осуществляемые нами, могут считаться языковыми в своей основе, поскольку при их осуществлении человек пользуется языком как средством номинации [Taylor 1989]. Как писал Г. Гачев, «...творение мира, о котором рассказано в Книге Бытия, на самом деле было разданием имен, слов уже наличным небу, свету, дню, суше, солнцу, звездам, <...> человеку, что воспринималось людьми как равносильное их сотворению, то есть превращению из хаоса в члены космоса, мирового уклада» [Гачев 1988: 82]. Четкая номинация вещи, присвоение имени предмету или явлению свидетельствует о том, что она познана говорящим в достаточной мере, позволяющей ему отнести ее к тому или иному классу; нечеткая номинация, в частности, использование маркеров нечеткой номинации типа *kind of*, *sort of* свидетельствует об отсутствии у говорящего достаточных знаний для того, чтобы уверенно осуществить процесс категоризации или классификации. Например:

/ get the impression that your boss was sort of amoral (E. Segal).

Характерно, что в качестве маркера нечеткой номинации нередко используется существительное широкой семантики *thing*. Приведем пример.

Earlier in my life - long ago, at least two years ago -I'd had a wistful desire to make all the things suggested in this book: animals twisted out of pipe cleaners, balsa-wood boats that would whiz around when you dropped cooking oil into a hole in the middle, and a tractor thing put together out of an empty threadspool [M. Atwood]. J

Сочетание *a tractor thing* указывает на невозможность точной номинации предмета и означает «нечто, похожее на трактор».

Будучи средством номинации предметом и явлением окружающего мира язык, несомненно, хранит в себе черты естественных классификаций, но вместе с тем в языковых классах и категориях присутствуют черты обработки действительности языковым сознанием. Такое сочетание, переплетение естественной и научной категоризации находит отражение во всех языковых категориях и классах, но наиболее четко это прослеживается в частеречных классификациях, в частности в подклассах имен существительных, что и служит предметом настоящей статьи.

Как отмечают все исследователи, занимающиеся изучением частей речи вообще и существительных в частности, семантическое

Л.А. Козлова

пространство предметности, служащее категориальным значением класса существительных, является наиболее сложным и многоплановым, будучи образовано группировками слов, которые значительно различаются как в логико-смысловом, так и в формально-грамматическом плане. Помимо прототипических существительных, называющих предметы реальной действительности и формирующих ядро класса, семантическое пространство предметности включает названия процессов, действий, качеств, признаков, состояний, абстрактных понятий и отношений, образующих различные периферийные зоны в составе класса существительных, которые по характеру своей лексической семантики сближаются с классами глаголов, прилагательных и наречий, что и создает основу для функционального сближения частей речи и обмена синтаксическими функциями при построении дискурса.

Отмечая неоднородность семантического пространства предметности, исследователи по-разному описывали это явление в зависимости от той парадигмы, в контексте которой велось исследование. Так, В.В. Виноградов подчеркивал, что в семантике имен качества предметность является лишь фундаментом, на котором воздвигаются значения, близкие к категориальным значениям других частей речи, то есть объяснял это с позиций собственно языковой семантики, не затрагивая вопросы, связанные с языковым сознанием [Виноградов 1972: 48]. Д.И. Руденко, анализируя неоднородность семантического пространства предметности в контексте философии языка, отмечает тот факт, что существительные обладают способностью называть предметы двух типов: онтологические предметы, то есть реальные объекты окружающего мира и гносеологические предметы, то есть различные явления и понятия, свойства и качества, представленные в качестве предметов мысли в нашем сознании [Руденко 1990: 64]. Т. Котарьбинский, рассматривая имена событий и свойств, называет их «мнимыми» именами, поскольку они являются таковыми лишь в языковом сознании [Котарьбинский 1963: 97]. Точку зрения, близкую к этой, высказывал и А.А. Потебня, отмечая, что в существительных типа «белизна» предметность, по сути дела, является фиктивной, особо подчеркивая при этом, что такого рода фикции становятся возможными лишь на относительно высокой ступени развития языка [Потебня 1958: 97]. С Линкер, описывая отношения между концептом и способами его настеречной упаковки, особо подчеркивает тот факт, что языковое

III. Уровневая категоризация естественного языка /

сознание обладает способностью упаковывать один и тот же концепт в различные частеречные формы [Pinker 1994: 106].

В рамках рассматриваемого нами вопроса об отражении естественной и научной категоризации в подклассах имен существительных < есть все основания полагать, что в основе выделения подклассов имен существительных лежит именно характер категоризации. В основе семантики прототипических существительных находит свое отражение естественная категоризация, а в семантике имен действия, качества, абстрактных имен, адвербиальных существительных находит свое отражение языковая категоризация, основанная на способности языкового сознания представлять все многообразие внешнего и внутреннего мира в качестве предметов мысли и оформлять его в языковом плане в частеречной форме существительных. Известно, что в когнитивно-ориентированных исследованиях данный процесс получил название реификации [Langacker 1991: 78].

Говоря о сущности реификации, хотела бы подчеркнуть, что данное понятие, как мне представляется, может быть применимо не только для описания процессов на межчастеречном уровне, но и при описании языковых процессов внутри одной части речи, например, на уровне подклассов имен существительных, что находит свое формальное выражение в их нетривиальном числовом поведении, свидетельствующем об особом восприятии той или иной сущности. Поясню сказанное на примере.

/ may be nobody's father, but I've got a lot of dad in me (Mark H. Masse).

Утрата исчисляемости у существительного *dad* свидетельствует о том, что говорящий фокусирует свое внимание на качествах, присущих отцу, что приводит к когнитивному дефокусированию предметной сущности и утрате исчисляемости данным существительным в условиях данного контекста.

Таким образом, широко известный тезис о том, что «слова светятся отраженным светом вещей» [Дорошевский 1973: 109], оказывается верным только в отношении ядра класса существительных. Протянув данную метафору, мы можем сказать, что периферийные ряды имен существительных светятся отраженным светом мысли, поскольку отражают способность языкового сознания представлять в качестве предметов мысли любую абстрактную сущность, явление или процесс и придавать ей частеречную форму имени.

Л.А. Козлова

Данная способность языкового сознания обеспечивает чрезвычайную гибкость и динамизм языку и значительно увеличивает его экспрессивный потенциал. Так, например, регулярное использование однословных предложений с отглагольными существительными является одной из особенностей идиостиля Дж. Фаулза. Например:

David smiled. They strolled on. "You should have married. Damn' sight less expensive. " "But you 'd have missed a lot. " Another sniff of self-reproach (J. Fowles).

Использование однословных высказываний с отглагольными существительными является характерной стилистической особенностью текстов, повествующих о драматических, напряженных событиях. Появление подобных «голофраз» вместо двусоставных предложений служит средством передачи атмосферы напряженности, драматичности описываемых событий. Обратимся к примеру.

"You couldn't have a beastie, a snake-thing. On an island this size. "Ralph explained kindly. "You only get them in big countries, like Africa, or India. " Murmur, and the grave nodding of heads. "He says the beastie came in the dark." "Then he couldn't see it." Laughter and cheers (W. Golding).

Приведенный отрывок текста, взятый из романа У. Голдинга «Повелитель мух», представляет собой один из наиболее драматичных эпизодов повествования, когда среди подростков, оказавшихся в результате авиакатастрофы на безлюдном острове, начинают распространяться слухи о страшном чудовище, которое затем становится своеобразным символом зла. Предложения с отглагольными именами привлекают внимание читателя своей предельной сжатостью и позволяют почувствовать состояние тревоги, в котором пребывают подростки. Употребление подобных однословных высказываний придает повествованию черты т.н. «рубленого синтаксиса» (термин Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1973: 186-187]).

Значительный интерес в этом плане представляют случаи намеренного употребления т.н. мнимых имен, в частности, имен качества, вместо существительных, называющих конкретные предметы физического мира, что может служить свидетельством о «сбое» в естественной категоризации предметов реального мира. Для иллюстрации сказанного обратимся к анализу отрывка из главы романа У. Голдинга "The Two Deaths of Christopher Martin" (в Британском издании роман назывался "Pincher Martin"). В данной главе описываются последние

III. Уровневая категоризация естественного языка I

мгновения жизни моряка с потерпевшего кораблекрушение судна. На 16 страницах текста автор употребляет 52 имени качества, при этом некоторые из них, особенно существительные *darkness* и *brightness* повторяются многократно, становясь, таким образом смысловыми доминантами текста, передающими борьбу двух начал: света и тьмы, жизни и смерти. Автор подробно описывает сознание человека, который за несколько мгновений до смерти как бы заново переживает всю свою жизнь (отсюда и название романа). В то же время окружающая его действительность перестает восприниматься им отчетливо: реальные предметы теряют свои контуры, очерченность, ограниченность в пространстве, то есть все те качества, которые являются основными характеристиками онтологических предметов, позволяющими осуществлять их категоризацию. Качество как бы отделяется от самой вещи - его носителя и воспринимается как автономная сущность. Глаза героя видят не зеленые волны, а просто зелень, не солнце, а отдельно яркость:

He arched and gaped, he rose over the chasm of deep sea on a swell and his mouth opened to scream against the brightness (Более подробно о семантике абстрактных имен качества см. [Брикопнина 2005]).

Подобная высокая плотность использования имен качества автором, их повторяемость в отрывке позволяют читателю прочувствовать специфику восприятия окружающего мира персонажем, утрату способности сознания героя осуществлять естественную категоризацию окружающего мира, а, с другой стороны, раскрывает огромный стилистический потенциал подобных единиц и его реализацию в художественном тексте. Подобное использование т.н. мнимых имен, являющихся результатом языковой категоризации для передачи процессов естественной категоризации показывает тесную связь между естественной и научной категоризацией, которая, как мы пытались показать в данной статье, и находит свое отражение в подклассах имен существительных.

Литература

- Арутюнова Н.Д. О синтаксических разновидностях прозы // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1973. С. 183-189.
- Брикопнина Л. В. Специфика семантики абстрактных имен качества и ее экспликация в синтаксисе (на материале английского языка): дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.

Л.А. Козлова

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.

Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка. Современные направления исследования. Сборник научных трудов. М., 2007. С. 69-79.

Козлова Л.А. Неоднородность семантического пространства предметности и ее экспликация в синтаксисе // Современное лингвистическое образование: мир изучаемого языка. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Барнаул, 2000. Ч. 1. С. 12-20.

Котарьбинский Т. Избранные произведения / пер с польск. М., 1963.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. М., 2004.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: Т. 1-2. М., 1958.

Руденко Д.И. Имя в парадигме «философии языка». Харьков, 1990.

Тренделенбург А. Логические исследования. Ч. 2. М., 1868.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, 1991.

Nelson K. Language in Cognitive Development. The Emergence of the Mediated Mind. Cambridge University Press, 1996.

Pinker S. The Language Instinct. How the Mind Creates Language. N.Y., 1994.

Taylor J. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1989.

СУПЕРКАТЕГОРИЯ ПАРТИТИВНОСТИ КАК ТИП ПОНЯТИЙНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

Вопрос изучения мыслительной основы языковых структур и их речевых реализаций рассматривается в современной лингвистике и междисциплинарных программах, собранных под «когнитивным зонтиком», в качестве одного из важнейших. При этом в число «научных проблем исследования языка <...> вошло изучение языковых категорий» (Е.С. Кубрякова).

Целью данной статьи является рассмотрение трех взаимосвязанных вопросов: во-первых, почему изучение категории партитивности является на сегодняшний день ультраактуальным; во-вторых, каковы методологические подходы к ее изучению и, в-третьих, насколько продуктивной является предлагаемая методология и методика изучения данной категории, то есть основные результаты этого поискового исследования, предполагающие постановку новых проблем.

I. Актуальность изучения категории партитивности обусловлена прежде всего особым статусом понятийной (логико-мыслительной) и языковой категории партитивности в «сообществе» пересекающихся ментальных и языковых категорий. **Идея** часть - целое сыграла непреходящую роль в эволюции человека и общества. Эта идея - самая рациональная в познании, освоении и преобразовании мира. Она пронизывает все без исключения **сферы** жизни человека и общества. В культуре и искусстве она связана с гармонией: («гармония - <...> соразмерное отношение частей целого» [Даль 1981, I: 326]), симметрией, соразмерностью и поэтому эстетикой, например: *золотое сечение, ритм, мелодия, такт, размер и т.д.*

При этом внутренняя дискретность целого как продукт человеческого мышления становится признаком любого объекта, а расчленение объекта как ментальная операция стала основным принципом человеческого мировосприятия. В связи с этим концептуализация объективной реальностиTM посредством категории партитивности является для человеческого сознания внутренней потребностью, внутренним психическим законом сознания, который ставит мироощущение сложности, комбинаторности во главу интерпретации всех вещей.

Из этого следует, что важность рассмотрения категории партитивности обусловлена тем, что:

З.И. Комарова, А.С. Дедюхина

1) данная категория играет опосредованную роль при установлении отношений между явлениями действительности, с одной стороны, и категориями языка, - с другой;

2) она выполняет функции структурирования элементов сознания, квантования и определенной систематизации мыслительных единиц, что готовит почву для последующего перевода их в сферу языка;

3) она носит универсальный характер, что объясняется ее детерминированностью реальной действительностью и логическим строем человеческого мышления, принципиально общим для всех людей [Болдырев 2004; Успенский 2004; Никитин 2006; Бочкарев 2007; Никитина 2010 и др.].

Несмотря на приоритетность изучения категории партитивности, на сегодняшний день сведения о ней носят фрагментарный характер, в результате чего не разработаны теория концептуализации категории партитивности и ее репрезентация в языках, поэтому решение данной проблемы, безусловно, является актуальным.

Итак, **актуальность** исследования обусловлена рядом факторов:

- отсутствием теории концептуализации категории партитивности и ее вербализации в языках;

- в лингвистическом общеграмматическом аспекте - необходимостью категориального подхода к изучению грамматики, так как «грамматика становится наукой сегодняшнего дня, если ее изучать от категории к знаку» [Мигирин 2002: 234];

- в общетеоретическом плане - необходимостью разработки теории партитивности для проникновения в сущность языка, поскольку именно через категории реализуется «миросозидающая функция языка» [Кубрякова 2009];

- в типолого-сопоставительном аспекте - необходимостью выявления этно-лингвистических особенностей концептуализации категорий, поскольку, как указывает, крупный типолог У. Лабов: «в самом общем плане исследование языка можно определить как исследование к а т е г о р и й , выраженных в языке» [Лабов 1983: 138];

- в общенаучном плане - необходимостью накопления знаний при категориальном изучении языков для создания общечеловеческого когнитивно-семантического континуума (В.Н. Макин, Г.Я. Мартыненко, В.В. Налимов, С.В. Чебанов и др.);

- в семиотическом плане - для уточнения места естественного человеческого языка (в его категориях) в семантической шкале естест-

III. Уровневая категоризация естественного языка

венных и искусственных языков [Налимов 2003] и «едином семиотическом континууме» [Мечковская 2004].

Таким образом, ментальная категория партитивности, понятийные смыслы которой через семантические функции репрезентируются в соответствующей языковой категории, объективируется в языке. Считаем продуктивной идею М.В. Всеволодовой понятийные категории относить к «категориям Языка, а их реализацию в каждом языке именовать категориями функционально-семантическими» [Всеволодова 2009: 76], имеющими в языке несколько рангов [Бондарко 1979; Болдырев 2006; Лаенко 2007; Савельева 2008; Всеволодова 2009 и др.].

В свете всего сказанного данную категорию очень высокого ранга трактуем как универсально-лингвистическую, связанную во всех языках мира с одной из неотъемлемых сторон бытия и как «тотальную», «принадлежащую всем сторонам знаковой системы языка» [Витгенштейн 1985: 114], «пронизывающую всю систему языка: и его лексику и его грамматику» [Мигирин 2002: 234; Успенский 2004]. Более того, Н.Ф. Алефиренко утверждает, что «противоборство процессов интеграции и дифференциации в структуре целого - главный стимул развития языковых инноваций» [Алефиренко 2009: 96].

Анализ логико-философских и теоретико-математических концепций количества позволяет утверждать, что в семантике языковых квантитативных построений отражается тотально-партитивный тип когнитивно-психологических структур отражения количества [Савельева 2008; Дедюхина 2010]. Все это позволяет считать понятийную и языковую категории партитивности сложноорганизованными категориями, то есть суперкатегориями (термин С.Г. Шафикова), изучение которых настоятельно диктуется современной лингвистикой.

II. Методология исследования. Основной методологической посылкой является понимание категории (мыслительной и языковой) как функции когниции и коммуникации, введенное Е.С. Кубряковой в когнитивно-дискурсивной парадигме [Кубрякова 2004; 2009], которая рассматривается «как особая версия отечественной лингвистики, развивающая идеи когнитивизма» [Лузина 2006: 41].

Такой подход к проблеме категорий, рассматриваемый как компромисс между платоновским взглядом (на дискретность категорий) и витгенштейновским (недискретности категорий и размытости границ между ними), базируется на прототипическом подходе в нескольких его основных концепциях. Для нашего исследования наиболее оптимальным представляется поиск прототипа в духе Э. Рош [R^{ос}С

1976] и установка на базисный уровень категоризации, что объясняется в стандартной версии теории прототипов тем, что связываемое с этим уровнем целостно-образное восприятие обеспечивает наилучшим образом систематизацию знания [Шафиков 2007; Бочкарев 2007].

Подчеркнем, что категорию рассматриваем как основной формат знания, исходя из того, что все знания о мире, самом человеке и его языке хранятся в нашем сознании в категориальной форме и все входящие в картину мира объекты категоризованы, упорядочены, а потому человек воспринимает мир в таксономической «обработке». Так задается онтологическая модель мира, причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели [Кассирер 2002:47].

При этом усложнение ментальных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям (Л.М. Васильев, Л.М. Зайнуллина, С.В. Иванова, С.Г. Шафиков и др.). Утверждается, что концептуализация первична, а категоризация вторична, хотя речь идет об их сложном диалектическом взаимодействии. Понимание концептуализации как процесса обратной категоризации верно только отчасти, в том смысле, что речь идет о выделении отдельных минимальных единиц опыта (концептуализация) и об объединении этих единиц в более крупные рубрики (категоризация). Однако категоризация есть не только объединение, но и всякая типизация, и в этом смысле категоризация неотличима от концептуализации как процесса и результата выделения типовых смыслов. Накопление знания связано с усложнением концептов, которые начинают, с одной стороны, дробиться, а, с другой стороны, концентрироваться вокруг наиболее общих смыслов. Таким образом, усложнение знания ведет к усложнению концептов и превращению их в категории [Шафиков 2007: 9].

Следует отметить более чем двухтысячелетнюю «вписанность» категорий в эволюцию культуры» [Режабек 2006], в связи с чем, при изучении категории следует учитывать для получения нового, выводного знания все знание предпосылочное. Под ним мы понимаем ту часть наличного, предшествующего знания, которое используется автором для обоснования нового знания, с учетом «видения как» (по Дж. Серлу), или «фокуса» познающего субъекта (по У.л. Чейфу) [Комарова, Запелова 2010].

Все остальные положения методологии данного исследования, вытекающие из основной методологической посылки или соположения с ней, обобщим в виде следующих принципов:

1) антропоцентризм языка, то есть язык понимается как система, составляющая конститутивное свойство человека;

III. Уровневая категоризация естественного языка I

2) из трех трактовок языковых категорий в современной лингвистике: структурной (*принцип оппозиций*); функциональной (*полевой*) и когнитивной (*прототипической*) [Болдырев 2006: 6] - избираем синтез двух последних;

3) синтез ономаσιологического (как «предкогнитивного», по словам Е.С. Кубряковой) и семасиологического подходов;

4) синтез когнитивно-дискурсивного подхода и теории функционально-семантических полей, исходя из того, что поле как «общая для мироздания структура» [Всеволодова 2009: 78], коррелирует с нейро- и психолингвистическими моделями памяти человека;

5) синтез системно-категориального (языкового) и конкретно-смыслового (речевого, дискурсивного) подходов;

6) анализ категории партитивности в статике (фрагмент предметной картины мира) и динамике (фрагмент процессуально-событийной картины мира);

7) современная постнеклассическая эпистемология и гносеология (Ф. Анкерсмит, Р. Рорти, Г. Гадамер, М. Хайдеггер, В.А. Канке, В.В. Ильин, О.К. Ирисханова, В.П. Кохановский, В.А. Лекторский, В.С. Степин и др.), ключевыми идеями которой являются:

- идея активности познающего субъекта и субъект-субъектная гносеологическая схема познания;

- идея предпосылочности знания, в результате которой подходы к реальности должны быть необходимо опосредованы анализом форм ее языкового представления с учетом того, что реальность (мир во всех его концептосферах) не столько отражается, сколько создается в языке;

- антифундаментализм, согласно которому снята установка на поиск незыблемого фундамента в виде окончательно истинных идей, а потому допускается вариантность теорий по принципу дополнительности;

- идея о логико-семантической замкнутости категориальных аппаратов научных теорий, что требует нового подхода к **проблеме** преэссенциальности знаний и возможности межнаучного синтеза.

8) Исходя из того, что в наши дни в отечественной и мировой лингвистике «намечаются контуры новой модели языка, которая в ряде существенных отношений отличается от привычных моделей, сложившихся в последней четверти XX века» [Плунгян 2008: 9], принимаем принципы и постулаты идеологии корпусной лингвист-

З.И. Комарова, А.С. Дедюхина

тики. Смысл корпусно-ориентированной лингвистики состоит том, что, во-первых, она сосредоточила свое внимание на идее выбора и лингвистике речи в результате установки на теорию узуса (Дж. Байби, Т. Гивон, Р. Лангакр, Я.Г. Тестелец, Е.С. Кубрякова, д.Е. Кибрик...); во-вторых, она позволяет изучать не мнимые, а действительно существующие в языке явления [Плунгян 2008: 19].

Исходя из положений **5** и **8**, **эмпирическая база** исследования включает два типа источников:

1) для анализа категории партитивности в сопоставляемых языках в системно-категориальном (языковом) аспекте - словари и справочники, грамматики современного русского и английского языков;

2) для анализа категории партитивности в сопоставляемых языках в конкретно-смысловом (речевом, дискурсивном) аспекте - «*Национальный корпус русского языка*» и «*Британский национальный корпус*», которые позволяют полно представить исследуемую категорию.

Материалом исследования являются высказывания с партитивными существительными и партитивными глагольными предикатами, извлеченные сплошной выборкой из национальных корпусов русского и английского языков.

В нашем исследовании использовано 100 тысяч контекстов (высказываний) в равных количествах по языкам.

Таковы в целом методологические и методические подходы к изучению категории партитивности.

III. Суммарное изложение **результатов исследования** можно свести к следующим основным положениям.

1. В системно-категориальном (языковом) аспекте семантическая структура категории партитивности в русском и английском языках представляет собой сложное взаимодействие трех базовых категориально семантических компонентов: предметности, количественности и определенности / неопределенности, что является результатом языковой интерпретации соответствующей понятийной категории и в значительной мере определяет способы и модели вербализации категории партитивности в конкретно-смысловом аспекте.

Как видим, анализ эмпирического материала подтвердил положение о категории партитивности как суперкатегории, теоретически осмысленное уже на базе широкого предположительного анализа, но уточненное в данном исследовании.

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

2. Основные прототипические смыслы категории партитивности, актуализированные в русскоязычном и англоязычном дискурсах, - часть и целое, часть целого, часть внутри целого, часть вне целого, а также их модификационные смыслы в дискурсах (12 в зоне ближней периферии, 15 в зоне дальней периферии и 16 в зоне крайней периферии) - в русском и английском языках концептуально изоморфны, различаясь в основном господствующими способами вербализации. Средства репрезентации рассматриваемых смыслов охватывают морфо-семантический, лексико-семантический и лексико-грамматический уровни.

Дискурсивный анализ категории партитивности в динамике, то есть во фрагменте процессуально-событийной картины мира (см. фреймово-слововые схемы), также свидетельствуют об изоморфизме концептуальных структур в изучаемых языках.

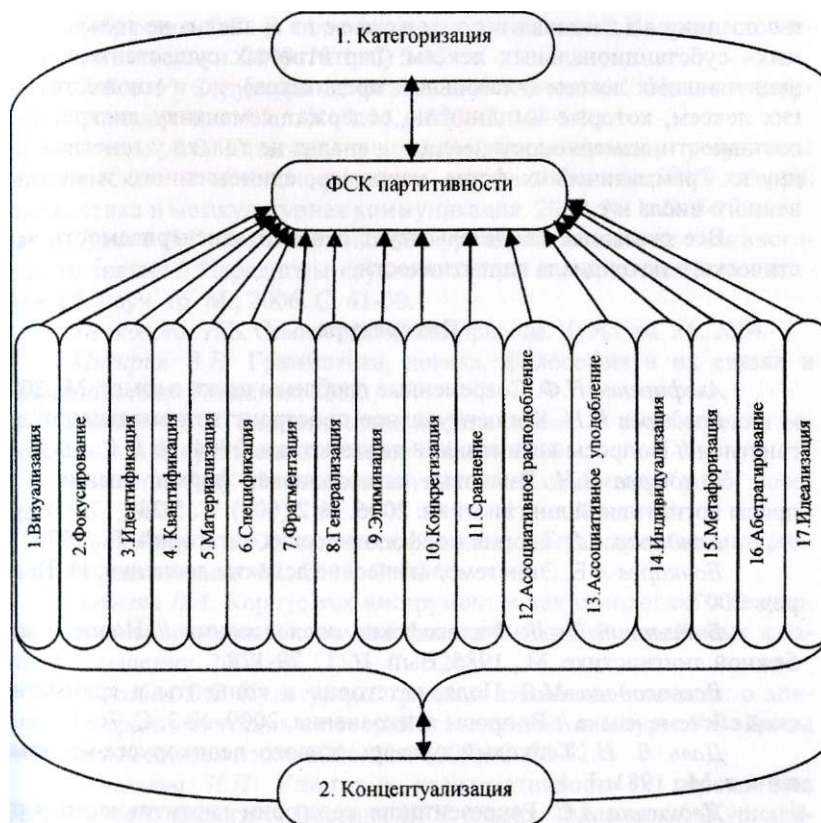
3. Формирование категории партитивности базируется на 19 основных универсальных когнитивных механизмах (см. схему). Как видно из схемы, квантификация и материализация являются господствующими когнитивными процессами создания партитивных смыслов в статике, а в динамике - фрагментация, генерализация, элиминация и метафоризация.

4. В формировании когнитивно-дискурсивной категории партитивности участвуют как грамматическая (собственно языковая), так и лексическая (аналоговая) концептуализации, а также частично - модусная, что свидетельствует о том, что категорию партитивности следует отнести к категориям переходных зон, уровней, или пространств (термин Н.Н. Болдырева) [Болдырев 2006: 8]. Это является еще одним подтверждением тезиса о партитивности как суперкатегории.

5. Можно прогнозировать универсальность выделенных прототипических смыслов партитивности в типологически разных языках, что обусловлено прежде всего общностью когнитивных механизмов концептуализации категории партитивности в изучаемых языках.

6. Проведенный анализ позволяет утверждать, что логико-семантическая понятийная категория партитивности проходит множественные дифференцируемые процессы объективации и репрезентации в языках, что происходит благодаря наличию большого количества параметров данной категории (больше, чем обозначено в первом положении).

**Основные когнитивные механизмы концептуализации
категории партитивности**

Таким образом, проведенное исследование в целом свидетельствует, с одной стороны, о продуктивности предлагаемой методологии изучения языковой категории партитивности, а, с другой стороны, - проникновение в тайны формирования такой суперкатегории языка, безусловно, требует дальнейших поисков методологического и методического характера по целому ряду кардинальных как теоретических проблем: в плане диалектического взаимодействия категоризации и концептуализации, категории и концепта, межкатегориального взаи-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

модействия, поисков «когнитивных эталонов» (А.М. Шахнарович) и т.д., так и эмпирических проблем: анализ с позиции не только ком-плетивного множества (как в проведенном исследовании), но и с позиции аддитивного множества; анализ не только «ядер, ных» субстанциональных лексем (партитивных существительных) и акциональных лексем (глагольных предикатов), но и множества других лексем, которые имплицитно содержат семантику дискретности, составности, измеряемости, меры...; анализ не только у генетива, но и других грамматических форм, например, единственного и множественного числа и т.д.

Все сказанное свидетельствует о почти неисчерпаемости эвристического потенциала партитивности.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. М., 2009.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
- Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 5-23.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бочкарев А. Е.* Эпистемологические аспекты значения. Н. Новгород. 2007.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 79-128.
- Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76-99.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1981. Т. 1.
- Дедюхина А. С.* Репрезентация категории партитивности в русском и английском языках (статика и динамика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
- Кассирер Э.* Философия символических форм: в 3-х т. М., 2002. Т. 1.
- Комарова З.И., Дедюхина А.С.* Методологические и методические основы изучения категории партитивности в современном языкознании // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. Пермь. 2010. № 2. С. 58-65.
- Комарова З.И., Запелалова Л.А.* Категория как формат пред¹¹⁰сылочного и выводного знания // Терминология и знание: материал¹ II Международного симпозиума. М., 2010 (в печати).

З.И. Комарова, А.С. Дедюхина

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-13.

Лабов У. Структура денотативного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1983. С. 123-148.

Лаенко Л.В. Категория ментальной репрезентации: результаты теоретического и методологического поиска // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. № 1. С. 5-12.

Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. М., 2006. С. 41-50.

Мечковская Я.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2004.

Мигирин В.Н. Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействия. Кишинев, 2002.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. Томск, 2003.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. СПб., 2003.

Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале языка лингвистики. М., 2010. С. 68-75.

Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научной освещении. 2008. № 2(16). С. 7-20.

Режабек Е.Я. Культурные границы языкового сознания: о вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3 (009). С. 28-42.

Савельева И.П. Категория количественности в перспективе морфотемного анализа // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 123-126.

Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.

Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3-17.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: [www.http://sara.natcorp.ox.ac.uk](http://www.sara.natcorp.ox.ac.uk).

Rosch E. Basis Objects in Natural Categories in Cognitive Psychology- 1976. P. 382-436.

**КАТЕГОРИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЕ
В ЯЗЫКЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ***

Исследование поэтического текста в когнитивном аспекте делает очевидным тот факт, что процессы категоризации в поэтическом языке не идентичны процессам категоризации, происходящим в обычном языке. Существующие различия могут быть выявлены и описаны на разных уровнях.

Процессы категоризации на уровне *поэтического текста* обнаруживают различные возможности объединения самих поэтических текстов в категории. Во-первых, это категоризация поэтических текстов по принципу авторства. В основе такой категории находится концепт, репрезентированный именем собственным. На первый взгляд, члены категории объединены по инвариантно-вариантному принципу - стихотворение либо является произведением А.С. Пушкина, либо не является. Однако, если речь идет об установлении авторства и причислении текста в конкретной категории, то члены категории демонстрируют прототипические эффекты: по ряду признаков текст похож на произведение А.С. Пушкина, что свидетельствует о концептуально-языковой природе данных категорий.

Помимо авторства, в основу категории может быть положен временно-хронологический концепт или концепт места создания. В этом случае поэтические тексты группируются по хронологии или по принадлежности к определенной национальной литературе.

Другой принцип формирования категорий обнаруживается при обращении к интернет-ресурсам, посвященным поэзии. Их анализ приводит к следующим выводам: на сайтах поэзии помимо традиционного для онтологий хронологического списка или списка по авторам укрепился иной принцип упорядочивания большого количества текстов - тематический или категориальный (*см. табл. 1*). Подчеркивание одинаковых элементов свидетельствует о наличии ядра, которое осознается большинством представителей лингвокультурного сообщества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (№ МК-2384.2010.6).

Тематический список категорий на литеру «S»

http://www.poemhunter.com/poems/	http://poeticalchemist.wordpress.com/	http://famouspoetsandpoems.com/thematic_jwems/
'school	Poem about Santa	Sad Poems
sea	Poem about Seeing	School Poems
sick	Poem about Self-Discovery	Sea Poems
silver	Poem about sleep	Sex Poems
sister	Poem about Snow and Winter	Sister Poems
sky	Poem about Spiritual Journey	Snow Poems
sleep	Poem about Spiritual Light	Soldier Poems
snake	Poem about Sports	Son Poems
soldier	Poem about Spring	Song Poems
sometimes	Poem about Spring Birds Singing	Sonnet Poems
song	Poem about Spring Rain	Sorrow Poems
sonnet	Poem about Spring's Delay	Sorry Poems
sorrow	Poem about St. James Cathedral	Spring Poems
spring	Poem about strokes	Star Poems
star	Poem about Sunny Days	Stress Poems
success	Poem about sunsets	Success Poems
suicide	Poem about Surrender	Suicide Poems
summer	Poem about Surviving Death	Summer Poems
sun		Sympathy Poems
sympathy		

Слова, вынесенные в список как тематические метки, репрезентируют, по сути, ведущую тему, основной концепт текста, и становятся названиями категорий. Их частотность и выделенность свидетельствуют о степени закрепленности концепта в поэтической картине мира. В ряде случаев поэтический текст входит в две категории, если оба концепта представлены одинаково ярко: «There is a sun / There is a moon / sweet brother and sister...» (Aashish Ameya).

Неоднородность категорий свидетельствует о разных концептах, лежащих в их основании. Основанием категории может служить внеязыковой концепт (sun, summer) и концепт, содержащий совокупность жанровых признаков, имеющий концептуально-языковую природу (sonnet, haiku). Жанровые разновидности следует определять как ^{еще} один вид концептов, которые находятся в основании категорий, способных объединять поэтические тексты по жанровому признаку.

Категории, основанием которых служат внеязыковые концепты, находятся в отношениях подобия, что позволяет им становиться подкатегориями более крупных объединений: *swimming* → *sport, spring birds*

III. Уровневая категоризация естественного языка

singing —• *spring*. Показательно, что в книге о русской поэзии [Wachtel 2004] используется тот же принцип объединения в категории, и главы имеют следующие названия: «From the ode to the elegy (and beyond)», «The ballad», «Love poetry», «Nature poetry», «Patriotic verse». Данные названия репрезентируют более общие категории: стихи из категорий *sky, star, sun* могут быть объединены в категорию *nature poetry*. Также ряд подкатегорий может быть объединен в категории *love poetry* и *patriotic verse*. Очевидно, что разнообразие категорий обнаруживает постоянство концептов, которые выбираются в качестве категориального основания: *это жанровые концепты, концепты, связанные с природой, человеком и его чувствами*. Так как категории в поэтическом языке репрезентируют, прежде всего, знания о разных концептуальных областях и их структуре, то следует говорить о репрезентации следующих значимых для поэтической картины мира концептуальных областей: *жанр, природа, человек, мир артефактов*. Область «жанр» включает не только узко жанровые признаки, но и все теоретическое знание, связанное со стихосложением и развитием поэзии как искусства. Область «человек» включает в себя все, что относится к сущности человека и его деятельности, а также область *эмоции и чувства человека*, которая при необходимости может быть выделена в отдельную область. Выделяемые категории имеют инвариантно-вариантный принцип организации и принадлежат онтологии сознания. Данное категориальное деление затрагивает как тексты, так и отдельные художественные концепты, репрезентированные в виде художественных образов.

Исследование процессов категоризации на уровне *поэтического языка* позволяет сделать следующие выводы: поэтический язык является вторичным по отношению к обыденному языку. Поэтический текст - это репрезентация концептуального содержания в условиях творческой интеллектуальной активности. В отличие от обыденной речи, поэтический текст направлен на деавтоматизацию языка, нетрадиционное использование языковых средств, Поэтическая или художественная логика - это логика «воображаемая», логика *n*-измерений, для которой антиномичное мышление естественно. Поэтическое знание *дает образное понимание мира*. Необходимо учитывать, что поэзия - это недискурсивный путь представления концепта через образ, символ: «к концепту можно подняться дискурсивно (через рассуждение, понятие) Я недискурсивно (через образ, символ, участие в осмысленной деятельности, переживание эмоционального состояния)» [Карасик 2007: 27]. Такой путь репрезентации концепта равноправен, так как **практическое**

«Познание отчасти характеризуется размытостью смыслов, противоречивостью, нелогичностью. При познании человек использует сложившиеся у него прототипы, наличие которых позволяет разным представителям одной культуры взаимодействовать друг с другом в изменяющихся условиях, так как в ходе практики общения представители одного сообщества приобретают некое «категориальное среднее» при категоризации и концептуализации действительности, под которое подводят воспринимаемое [Гришаева 2006: 19]. В поэтической картине мира также складывается некое выработанное категориальное среднее, известное представителям определенного сообщества, и на его основании возникают правила языкового выражения индивидуального эмоционального опыта, а также критерии его языковой интерпретации.

Поэтический язык развивается на основе быденного языка, используя и видоизменяя структуры и категории быденного языка. При рассмотрении процессов категоризации в языке выделяются языковые категории и категории естественных объектов. Для поэтического языка естественными объектами являются объекты, включенные в поэтическую картину мира - *поэтические денотаты*. Слово в поэтическом языке способно замещать целый ряд представлений. Различие состоит в следующем: в быденном языке слово соотносится с денотатом - языковым объектом. В поэтическом языке слово имеет двойное соотношение: оно соотносится с языковым объектом и с закрепленным в поэтическом языке *эмоционально-эстетическим комплексом* или *поэтическим денотатом*, под которым мы понимаем *совокупность некоторых устойчивых ассоциативных и эмоциональных смыслов, закрепленных за конкретным объектом*. Быденное значение слова, при этом, становится своего рода внутренней формой, источником ассоциаций для поэтического денотата. Например, *Луна* в быденном языке соотносится с небесным телом. В поэтическом языке важна не столько эта соотнесенность, сколько связанные с данным словом представления о романтике, печали, любви и т.п. Поэтическая *Луна* не равна Луне в ее общепринятом понимании. *Сердце* является заместителем человека, жизни, любви, печали: «The man who says good-bye to his wife / A path through a wood full of lives, and the train / Passing, after all unchangeable / and not now ever to stop, like a heart» (R. Jarrell), «My togjove hath mv heart, and I have his, / By just exchange, one for the other giv'n» (Ph. Sidney), «There is a quiet in my heart / Like on who rests from days of pain» (E.L. Masters). Особенностью поэзии является то, что слова не используются так же, как в быденном языке, сформированный

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

поэтический денотат может либо меняться радикально, либо оставаться относительно стабильным. Следует сразу оговориться, что подобными символами-заместителями могут выступать не только слова, но и некоторые прототипические ситуации. Ситуация восприятия света, например, во многих случаях символизирует веру в Бога: «I see, or think I see, / A glimmering from afar. / A beam of day, that shines for me ^ To save me from despair» (W. Cowper).

Проводя различие между денотатом и поэтическим денотатом, следует пояснить также различие между образованием неязыковых и языковых категорий в поэтической картине мира. К языковым категориям относятся *лексические категории, грамматические категории и модусные категории*, которые обеспечивают достижение понимания в общении и совмещение различных индивидуальных конфигураций знания [Болдырев 2009: 37]. Если применительно к обыденному языку к неязыковым категориям относятся категории естественных объектов и объектов внутреннего мира человека, то при изучении поэтического творчества к неязыковым категориям следует относить категории естественных объектов и объектов внутреннего мира человека, *включенные в поэтическую картину мира*.

Общее разделение языковых категорий на лексические, грамматические и модусные присутствует и в поэтическом языке. Однако внутри данного разделения обнаруживается ряд отличительных особенностей. Рассмотрим лексические категории. Уровень лексической категоризации обладает в поэзии большой значимостью, так как все этапы развития поэтического искусства проявляются, в первую очередь, в отборе «поэтического словаря» - слов, которые могут служить символами-заместителями ряда представлений. С.Дж. Коули утверждает, что символы обуславливают развитие способности к категоризации [Коули 2010: 9], в поэзии это свойство проявляется в полной мере. Однако если в обыденном языке слова, отражают онтологию мира и результат его познания, то в поэтическом языке слова, отражают *результат познания мира в его эмоционально-эстетическом аспекте*. Дело осложняется тем, что в поэтическом языке наблюдается сосуществование языковых категорий обыденного языка и собственно-поэтических языковых категорий. Например, в тексте «В окно, как бонинг, бьется вьюга, / Но затаился я в тепле. / У батареи, как на юге, Сижу - / И так приятно мне! / Приятно мне, что отопление, / Приятно также, что зима; И хорошо, что воскресенье, / Одно лишь плохо - нет вина...» (3. Мясницкий) большинство существительных **употреблено**

прямом значении, и в сознании читателя они соотносятся, прежде всего, с категориями быденного языка. Другой пример демонстрирует то взаимодействие: «A big young bareheaded woman / in an apron / Her hair slicked back standing / on the street / one stockinged foot toeing / the Sidewalk» (W.C. Williams).

Категории поэтического языка имеют вторичный характер. На наш взгляд, вторичная категоризация в поэтическом языке представляет собой следующий процесс: абстрактные впечатления и эмоции (переживания) закрепляются за некоторыми более конкретными объектами, в частности объектами природного мира, так как природа - та эталонная система, относительно которой человек изначально организует свою деятельность. Передача эмоционального опыта связана с формированием в поэтической картине мира системы оценок. На языковом уровне система оценок отражается в системе слов и сочетаний слов, репрезентирующих определенные художественные концепты. Художественный концепт может быть репрезентирован различными языковыми обозначениями в поэтической картине мира (*heart - heart-joy, heart goes stone, my heart*). Такая система позволяет закрепить за отдельными словами целый комплекс представлений и ассоциаций, которые актуализируются в сознании читателя при прочтении поэтического текста, и свидетельствует также о стремлении художественного дискурса к непрерывности.

Категории поэтического языка образуются в рамках поэтического творчества, и членами категорий поэтического языка являются, в первую очередь, обозначения концепта, образованные *путем метафорического, метонимического переноса, перефразирования, добавления эпитетов*. Например, слова и фразы, обозначающие солнце в поэтическом языке, составляют категорию: *sun - golden hue, brother, small sweet, white sun*. Название категории объединяет различные варианты языковой репрезентации одного художественного концепта. В рамках подобной категории репрезентации художественного концепта правомерно сгруппировать в следующие подкатегории: *метафорические* ^означения (*brother, small sweet*), *метонимические обозначения* (*golden hue*), *обозначения, конкретизирующие признак с помощью эпитетов* (*white sun*). В отдельную категорию следует выделить *символические* обозначения (*Other making of the sun / Were waste and welter / And the shrub writhed*), которые в отличие от других языковых средств не конкретизируют концепт, а замещают его, и *обозначения с помощью сравнительных оборотов* (*sun like moon*).

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Например, при репрезентации художественного концепта Moon данное слово служит названием категории: «The moon, a day before full, / hung suspended low to the horizon / above the tree line» (R.A. Foss). Подкатегории формируются из вариантов конкретных образов, передающих специфику объектов с точки зрения их отдельных частей и свойств, в нашем случае - это метафоры, метонимии, и любая другая конкретизация, осуществляемая с помощью механизмов формирования художественного смысла: «The moon / A bright plate / On the water» (R.A. Foss), «That the flying moon was a Phoenix bird» (E. Wylie). Moon, в свою очередь, входит в категорию более высокого уровня обобщения: «The sun and moon get crossed, but they never touch, / Nor strike out fire from each other nor crash out loud. / The planets seem to interfere in their curves / But nothing ever happens, no harm is done» (R. Frost).

Поэтический язык обнаруживает способность формировать категории разного уровня с различным концептуальным основанием. Например, эпитет проявляет способность создавать категории объектов по признаку. Эпитет характеризует значимый признак предмета. В поэзии есть доля логических эпитетов, но большая часть возникает на основе метафорического или метонимического переноса. Выбор слова для репрезентации признака не случаен и мотивирован, при этом совершенно разные объекты могут наделяться одним признаком: *golden-head, leaves, cross, hieroglyphs, goose, clouds; great - person's eye, magicians, horrors, thrills; shining - metal, shield, breasts, plain, light*. Границы данных категорий подвижны в современной поэзии и более жестко закреплены в фольклоре, где сложилась традиция употребления постоянных эпитетов с рядом слов.

Сравнение также позволяет осуществлять компаративную категоризацию - один из путей систематизации впечатлений о мире [Гольдберг 2009: 51]. Художественное сравнение, как правило, включает три элемента: объект сравнения, основание и элемент, который следует за компаративной связкой и чаще всего интерпретируется как эталон. Третий элемент служит основанием для категории, в которую входят все уподобляемые ему объекты. В случае с художественным или поэтическим сравнением следует говорить о его художественной мотивированности и закреплённости в поэтической картине мира: «Drunk under their eyelids / Like children sleeping toward Christmas» (J. Dickey), «An old man whose black face / shines golden-brown as wet pebbles / under the streetlamp» (D. Levartov).

Ж.Н. Маслоа

В «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [Павлович 1999] собран и обобщен уникальный материал по текстам отечественной поэзии, где категориальная структура лексики также ясно прослеживается (см. табл. 2).

Таблица 2

Неполная образная парадигма художественного концепта *Солнце*

СОЛНЦЕ				
человек	божественное / мифологическое существо	животное	птица	насекомое
Царь, властелин, правитель, государь, самодержец, князь, Пилат, Тутанхамон, солнечный Крез, вождь, вожатый, капитан, жених, воин, страж, Малюта, пьяница, живописец, кардинал, арбитр, красный спесивец Дева молодая, девчонка, баба, кухарка	Феб, Геракл, Горгона, Ра, призрак, Жар-птица, ангел Божий, тысячерукий титан	Бык, теле-нок, буйвол, белка, олень, лисье рыжее солнце, лев, жираф	Сказочная птица, павлин, серебристый лебедь, блестящий фазан, голубь, петух, орел, гусь, тетерев, утка	Паук, пчелиный улей, божья коровка, овод, тысячапалый тарантул, красный шмель, вша

Человек, божественное / мифологическое существо, животное, птица, насекомое образуют основания категорий, которые объединяются в одну категорию по общности функции - репрезентации художественного концепта *солнце*. Н.В. Павлович предлагает взгляд на образ «как на некий смысловой инвариант» и выделяет ряд образов, устроенных по одной модели или парадигме [Павлович 1999: 27]. То, что Н.В. Павлович понимает под парадигмами, есть не что иное, как языковые категории поэтической картины мира. Однако здесь не совсем верно говорить о прототипах в когнитивном плане: внутри данных категорий невозможно выделить «лучшего» представителя категории, они организованы по инвариантно-вариантному принципу, и процессы категоризации здесь имеют, в основном, однонаправленный характер.

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Солнце может быть представлено как *властелин, бык, лебедь или паук*, обратная же процедура вряд ли возможна. Если рассматривать возможность уподобления царя или правителя солнцу, что имеет место в поэтической картине мира, то здесь проявляется не иное направление категоризации, а другая категория, основанием которой будет *человек*. Материал, собранный и обобщенный Н.В. Павлович, наглядно демонстрирует, что развитие образов укладывается в рамки вполне прозрачных парадигм и создаваемые образы зачастую являются лишь модификацией и развитием закрепленных в поэтическом дискурсе когнитивных моделей с закрепленной эмоциональной оценкой. Поэт зачастую создает лишь модификацию образа на основе уже существующих моделей, следуя не только некоторым устойчивым когнитивным стратегиям, но опираясь на языковые образы, закрепленные за типичными эмоциями.

Исследование образной парадигмы художественного концепта *солнце* приводит еще к одному выводу: названия категорий почти не дублируются в языковых обозначениях членов категорий (ср.: *птица-сказочная птица*), потому что каждый член категории профилирует определенные признаки концепта, находящегося в основании категории. Чем ярче и важнее признак - тем чаще его языковое обозначение появляется в тексте.

Сравнение процессов лексической категоризации в обыденном языке и в языке поэтического текста обнаруживает в поэтическом **тексте** сосуществование категорий обыденного языка и собственно-поэтических языковых категорий. При использовании одних и тех же языковых знаков в обыденном и поэтическом языке обнаруживается различие денотатов. Соответственно значительную роль в формировании категорий поэтической картины мира и поэтического языка играют художественные концепты и их репрезентации, построенные на **метафорическом** или **метонимическом** переносе. В силу таких качеств, как сложность, многомерность, наличие абстрактных смыслов, художественный концепт, как правило, объединяет несколько подкатегорий. В основании данных подкатегорий находятся более **конкретные** концепты, профилирующие определенные признаки **художественного** концепта. Другими словами, языковые поэтические концепты образуют следующие категории: *метафорические обозначения, метонимические обозначения, обозначения, конкретизирующие признак с помощью эпитетов, символические обозначения, сравнительные обозначения (обозначения с помощью сравнительных оборотов)*.

Привлечение материала русскоязычной и англоязычной поэзии показывает, что процессы категоризации не связаны с национальными или языковыми различиями (это общая когнитивная способность), различия возникают на уровне конкретных членов категорий. Поэтическая картина мира содержит традиционные поэтические концепты, уже получившие разнообразную репрезентацию в поэзии и центральные для поэтического дискурса, и «периферийные», менее разработанные, либо одиночные. На этом основании состав «центральных» и «периферийных» категорий в разных национальных литературах может отличаться.

Процессы категоризации в поэтической картине мира и в поэтическом языке носят уровневый характер. Категории формируются как на сверхтекстовом уровне, так и на уровне текстов и отдельных языковых элементов. В поэзии происходит взаимодействие категорий, сложившихся в обыденном языке, и собственно-поэтических категорий, которые носят вторичный характер.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание. Вып. 2. Тамбов, 2002. С. 360-369.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Гольдберг В.Б. Художественное сравнение как модель познания // Филология и культура: мат-лы VII Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2009. С. 49-52.

Гришаева Н.Л. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «языковая личность» // Вопросы когнитивной лингвистики. 1996. № 1. С. 23-29.

Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.

Коули С.Дж. Натурализация языка: языковой поток и вербальные структуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 5-2.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1,2. М., 1999.

Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. N.Y., 2004.

Д. В. Минахин (Балашов)

АВТОРСКИЕ КАТЕГОРИИ И ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Поэтический текст является сложным исследовательским материалом. В литературоведении текст изучается либо как преломление общественных или эстетических идей, пропущенных через субъективность автора, либо как поле языковых экспериментов. С развитием когнитивной лингвистики язык стал исследоваться с точки зрения его когнитивной функции. Это приводит к изменению взглядов на поэтический текст, к возможности находить новые закономерности, а также рассматривать поэтический текст как результат работы творческого сознания автора. В этом направлении необходимо прояснить вопрос о том, какими текстовыми категориями следует пользоваться в исследовательских целях, и о том, как они соотносятся с авторскими категориями.

Общепринятым является разделение текстовых категорий на структурные (когезия) и содержательные (когеренция). При этом когеренция имеет доминирующий характер, так как обеспечивает смысловое единство. В работах последних лет [Красных 1998] к смысловой и структурной целостности добавляется коммуникативная. По В. Красных, концепт, семантическое, логическое единство - это тематические текстообразующие категории. Категории эстетического и коммуникативного воздействия относятся к коммуникативным текстообразующим категориям. Синтаксические, лексические, фонологические - к структурным категориям.

Цель статьи состоит в том, чтобы наметить особенности пути изучения авторских категорий, чтобы они не противоречили концепциям текстовых категорий. По нашему мнению, авторские категории пронизывают все три уровня текстовых категорий и затрагивают как концепт и эстетическое воздействие, так и категории, образующие структуру поэтического текста.

В поэзии репрезентируются художественные концепты. Согласно Н.С. Болотновой, «художественный концепт является единицей поэтической картины мира автора, отраженной в тексте, характеризуется эстетической сущностью и образными средствами выражения, обусловленными творческим замыслом создателя» [Болотнова 2003: 6]. Художественный концепт отличается сложностью, изменчивостью, возможностью быть репрезентированным разными языковыми сред^{ст}

вами. При этом автор может использовать как слова общепринятые в языке, так и создавать уникальные авторские обозначения концепта. Авторский выбор в данном случае не хаотичен.

На материале поэзии У.Х. Одена разных лет нами были намечены возможности классификации языковых репрезентаций художественных концептов и объединения их в авторские категории. Категория как формат знания уже получила освещение в научной литературе. Под категорией понимается концептуально-сложный формат знания, имеющий интегративный характер, так как категория является результатом интеграции концептов в единую концептуальную структуру [Болдырев 2009: 28].

Нашей задачей стало изучение собственно поэтических категорий. Были исследованы только некоторые художественные концепты, поэтому данная статья не претендует на детальный анализ значимых для творчества У.Х. Одена художественных концептов. Однако исследованный материал позволяет сделать выводы о возможностях поэтической категоризации и ряд существующих закономерностей. Многие концепты в стихах У.Х. Одена универсальны. Организуя те или иные метафорические понятия, они отражают процессы мышления человека и потому, с точки зрения, концептуального подхода к изучению поэтического текста, интересны как концептуальные фрагменты-образы поэтической картины мира автора.

Рассмотрим художественный концепт *смерть* в поэзии У.Х. Одена. Этот концепт репрезентируется теми же словами-репрезентантами, которые используются в повседневном языке: *Death; For every day they die i Among us; Puzzled and jealous about our dying; An important Jew who died in exile; After the shocked were dead.*

Художественные концепты в поэтическом тексте не существуют отдельно друг от друга, а взаимодействуют на основе метафорического, метонимического или символического переноса [Минахин 2010: 236]. В поэзии У.Х. Одена присутствуют собственно поэтические репрезентации данного концепта. Их можно классифицировать следующим образом:

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе, объединяемые в одну категорию. «Метафора и метонимия, по сути своей, представляют собой не только результаты переноса, но и разные виды логических связей между объектами» [Маслова 2009: 395]. В основе метафорического переноса заложен перенос по сходству: *But Death's low answer drifts across; And slyly Death's coercive rumour / In that moment starts...; Prom the bedpost and the rocks / Death's enticing echo mocks, / And his voice replies; Knowing them shipwrecked who were launched for islands.*

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе, подразумевают любой перенос кроме сходства (смежность, функция,

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

часть, целое и т.д.): That gap is the grave where the tall return; ...he closed his eyes...; Behind the quarry's dying glare.

3. Репрезентации, основанные на символизации. В этом случае авторский символ не раскрывает новые черты художественного концепта, а замещает его: Empty catch or harvest loss / Or an unlucky May..,

Подобное разделение можно провести и при репрезентации других концептов.

Художественный концепт *жизнь*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *Life*; Certainly praise: let song mount again and again / *For life* as it blossoms out in a jar or a face; *For living* men in terror of *their lives*.

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: And the life, if it answers at all, replies from the heart; And maps can really point to places / Where life is evil now; The life which they have stolen and perfected.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: And the eyes and the lungs, from the shops and squares of the city; I am whatever you do. I am your vow to be Good, your humorous story. I am your business voice. I am your marriage.

3. Репрезентации, основанные на символизации: *O life's too short* for friends who share, / Travellers think in their hearts, / «*The city's common bed, the air, / The mountain bivouac and the bathing beach, / Where incidents draw every day from each / Memorable gesture and witty speech; Climbing with you was easy as a vow.*

Художественный концепт *война*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *War*, there was *civil war*.

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: Here war is harmless like a monument; And Truth a subject only bombs discuss; A telephone is talking to a man.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: And rockets died in hundreds to express / Our learned carelessness; Two armies waited for a verbal error.

3. Репрезентации, основанные на символизации: Flags on a map declare that troops were sent.

Художественный концепт *мир*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: They slept in *peace*; Nor *its peace* the historical calm of a site / Where something was settled once and for all.

Д. В. Минахин

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: A backward / And delapidated province, connected / To the big busy world by a tunnel.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: And dreams of home; Waving from window, spread of welcome / Kissing of wife under single sheet; Bird-flocks nameless to him, through doorway voices / Of new men making another love; A boy brings milk in bowls.

3. Репрезентации, основанные на символизации: The second dream began in a May wood.

Художественный концепт *время*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *For every day they die / Among us; Long ago; After a tiring day, Sighs for folly done and said / Twist our narrow days; Last night should add / Your voluntary love.*

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: Eighteenth-century way; I am glad those points in the sky / May also be counted among / The creatures of Middle-age; It's cosier thinking of night / As more an Old People's Home / Than a shed for a faultless machine; Upon Time's toppling wave; The hour of birth their only time in college; Time that tires of everyone / Has corroded all the locks.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: We, till shadowed days are done.

3. Репрезентации, основанные на символизации: The Devil in the clock.

Художественный концепт *пространство*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *visit us from islands; your lives by mountains; starving cities; Would gush, flush, green these mountains and these valleys.*

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: Doom is dark and deeper than any sea-dingle.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: Pity the limits and the lack / Set in their finished features.

3. Репрезентации, основанные на символизации: The shield of Achilles.

Художественный концепт *зло*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *Evil.*

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: He disappeared in the dead of winter; Evil is unspectacular and always human / And shares our bed and eats at our own table; It is the Evil that is helpless like a lover.

III. Уровневая категоризация естественного языка. I

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: On each beast and bird that moves / Turn an envious look; That girls are raped...; ...that two boys knife a third.

3. Репрезентации, основанные на символизации: For broken bridges halt him, and dark thickets round / Some ruin where an evil heritage was burned.

Художественный концепт *добро*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: ...those who were doing us some *good*; *Goodness* existed: that was the new knowledge,

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: The goodness carefully worn / For atonement or for luck; And we are introduced to Goodness every day.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: Law is the clothes men wear / Anytime, anywhere, / Law is Good-morning and Good-night.

3. Репрезентации, основанные на символизации: And Freedom's back in every door and tree.

Художественный концепт *путешествие*.

Слова-репрезентанты, которые используются в повседневном языке: *Way*] *Travellers* in their last distress; *A stranger to strangers* over undried sea.

1. Репрезентации, основанные на метафорическом переносе: The intricate ways of quilt; Eighteenth-century way; That the red pre-Cambrian light / Is gone like Imperial Rome / Or myself at seventeen; A way of happening...; Avalanche sliding, white snow from rock-face.

2. Репрезентации, основанные на метонимическом переносе: And Garbo's and Cleopatra's wits to go astraying, / In a feather ocean with me to go fishing and playing.

3. Репрезентации, основанные на символизации: Till there was no place left where they could still pursue him / Except that exile which he called his Race.

Предварительный анализ показывает, что при репрезентации разных художественных концептов используются языковые обозначения разной категориальной принадлежности. Соотношение между представителями категорий различно. Это связано со степенью сложности, конкретности художественного концепта, а также со степенью его представленности в поэзии.

Категории обыденного языка взаимодействуют с собственно поэтическими категориями. Это обеспечивается гибкостью категорий как

Д. В. Минахин

формата знания: категории могут распадаться и образовывать объединения на основе нового актуального критерия. Поэт пользуется категориями обыденного, «каждодневного» языка и собственно поэтическими категориями. Образы не существуют независимо друг от друга, несмотря на их новизну и уникальность.

Важные для творческого авторского сознания концепты находятся в основании авторских категорий, куда входят все возможные языковые репрезентации данного концепта. Они образуют ограниченное количество подкатегорий: репрезентации характерные для обыденного языка, репрезентации, основанные на метафорическом, метонимическом переносах, репрезентации, основанные на символизации.

Авторские категории «встраиваются» в текстовые категории на разных уровнях и образуют органическое единство. Поэтому авторский выбор языковых средств, несмотря на предполагаемую новизну образов, во многом определяется теми моделями и авторскими категориями, которые существуют у него в сознании. Различием между этими моделями на наш взгляд обусловлено различие между национальными литературами. Хотя выявленные принципы поэтической категоризации имеют универсальный характер.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 25-77.

Болотнова Н.С. Художественный текст как единица культуры и проблема его изучения // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка. М., 2003.

Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Московского университета. 1998. № 1. С. 58-59.

Маслова Ж.Н. Концептуализация в поэтическом тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С. 370-397.

Минахин Д.В. К вопросу о способах языковой репрезентации художественных концептов в поэзии У.Х. Одена // Взаимодействие мыслительных и языковых структур. Тамбов, 2010. С. 236-240.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

Оден У.Х. Собрание стихотворений / сост., предисл., примеч. и Пер- с англ. В. Топорова. СПб, 1997.

КАТЕГОРИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Категория прецедентности относится к разряду языковых, дискурсивных и текстовых категорий, так как разновидности прецедентных феноменов, выделенные В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой, отнесены к разрядам единиц языка и дискурса, функционирующих в тексте [Красных и др. 1997: 69]. Текстовая категория прецедентности - отражение в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества и др. Основные свойства текстовой категории прецедентности: диалогичность, аттрактивность, аксиологичность, интегративность, факультативность. Диалогичность проявляется в том, что ПФ, использованный в тексте, вступают в «диалогические отношения» с источником прецедента. Формы содержательной связи этого своеобразного «диалогического единства» различны. Прежде всего, их связывают отношения «согласия»: автор текста считает использованный прецедент наиболее уместным в данной речевой ситуации. Однако одновременно обнаруживается и форма «несогласия», так ПФ, как правило, трансформируется, в нем актуализируются отдельные компоненты, призванные привести в контекст новое смысловое наполнение.

Аттрактивность - свойство прецедентности, выделенное Ю.А. Сорокиным [Сорокин 2006: 266], - это способность ПФ привлекать внимание адресата, реализация которой возможна при условии декодирования адресатом смысла, выраженного при помощи ПФ.

Аксиологичность - это выраженная в тексте оценочность.

Интегративность - это способность объединять пространство текста, выражая квинтэссенцию смыслового наполнения контекста.

Факультативность - это необязательность отражения в тексте данной категории.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «категоризация - это деление мира на категории, то есть выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий» [Болдырев 2001: 23]. Введенные В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой термины «прецедентный феномен» (ПФ), обозначающий родовое понятие, и

Н.В. Немирова

«прецедентных текст» (ПТ), «прецедентное высказывание» (ПВ), «прецедентная ситуация» (ПС), «прецедентное имя» (ПИ) для обозначения видовых понятий позволяют проанализировать категорию прецедентное™ в рамках таксономических категорий [Красных и др. 1997: 64]. ПФ относятся к единицам «репрезентации знаний в человеческом сознании, опосредованным языком» [Кубрякова 2002: 10].

Рассмотрение реализации категории прецедентное™ в конкретном тексте или группе текстов должно быть спроецировано на основной принцип когнитивной лингвистики, сформулированный В.З. Демьянковым: «В филологии интерпретация речи человеком - это вид когниции, непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками. Когнитивисты заставляют поставить вопрос о том, как и когда индивид отбирает из богатства языка именно данные его средства» [Демьянков 1994: 27]. Для интерпретации текста или текстов необходимо учитывать связь процессов категоризации и концептуализации мира [Кубрякова 1996: 44] с опорой на стратегии понимания, особенности когнитивного пространства коммуникантов, возможность ПФ быть средством концептуализации языковой картины мира, когнитивную модель концептосферы.

Соотношение восприятия и порождения текста, по наблюдению Т. Ван Дейка, имеет следующие особенности: «...в распоряжении говорящих имеются различные виды *стратегий* понимания <...>. Эти стратегии опираются на «индикаторы» и «ключевые признаки» текста и контекста <...> информация, получаемая в процессе коммуникативного воздействия <...> должна *функционально организовываться и редуцироваться*» [Дейк 1989: 38-39]. «Среди факторов, обуславливающих адекватность понимания коммуникантов друг друга в процессе общения, следует назвать корпус знаний и представлений, которыми располагает каждый из коммуникантов. Совокупность всех знаний и представлений есть *когнитивное пространство* индивидуума» [Красных и др. 1997: 62]. В это когнитивное пространство включаются и ПФ. ПФ являются одним из ярких средств концептуализации языковой картины мира. Являясь репрезентантами различных концептов, они формируют концептосферу языка, текста или совокупности текстов, объединенных каким-либо параметром (например, темой, жанром, стилем и др.). Прецедентные феномены, обладая высокой степенью обобщения, могут претендовать на роль тех единиц текста, которые формируют его концептуальную информацию.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Концептосфера (КСФ), по определению Д.С. Лихачева, - это «совокупность концептов» [Лихачев 1997:286]. КСФ имеет определенную структуру, определяющую взаимодействие концептов, их системность внутри данного объединения. Иерархический характер концептов, а также их параллельное существование в тексте, безусловно, играет положительную роль в формировании КСФ текста, поскольку отражает различные способы передачи концептуальной информации - дедуктивный и индуктивный.

Понятие КСФ применимо и к языку, и к тексту, и к совокупности текстов.

КСФ текста - это реализованная в концептах содержательно-концептуальная информация текста, которая может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Наиболее распространенный способ передачи содержательно-концептуальной информации - эксплицитный, однако вне зависимости от интенций адресанта у адресата возникает свой круг ассоциаций, порождающий имплицитный смысл.

Текст обладает рядом универсальных признаков: по мнению Т. Ван Дейка, таковыми являются «основная» информация», «макропропозиция (тема)», «контекстная модель», отражающая «важнейшие параметры коммуникативного контекста» [Дейк 1989: 185].

Поиск структурообразующего параметра (СП) КСФ является особенно важным, так как КСФ так же, как и концепт, «имеет структуру, системную организацию, навязываемую, в конечном счете, структурой отражаемого мира и глубиной его [концепта] разработанности в опыте, в совокупном содержании и суммарной структуре вещественной и духовной деятельности общественного человека» [Никитин 2002: 266]. Понятие когнитивной модели применимо, на наш взгляд, к анализу КСФ. Структуры когнитивных моделей (КМ), отраженных в тексте, по мнению Т. ван Дейка, являются «многоуровневыми и категориальными; в них присутствуют такие категориальные элементы, как Обстановка, Обстоятельства, Участники, Событие, Действие. Процесс образования и использования модели находится под контролем Системы Управления, которая наряду с «основной» информацией содержит макропропозиции (темы), и Контекстной Модели, отражающей важнейшие параметры коммуникативного контекста» [Дейк 1989: 185]. Т. ван Дейк считает, что «тематические макропропозиции могут служить ключом к поиску релевантных моделей ситуаций» [Дейк 1989: 170] и шире - к поиску релевантных моделей когнитивных ситуаций.

Рассмотрим КМ КСФ «Российская наука», отраженную в современных газетных публикациях на примере анализа некоторых категори-

Н.В. Немироев

аянных элементов, представленных ПФ, Структурообразующими параметрами данной концептосферы являются оппозиции: 'свой' - 'чужой' [Дейк 1989: 183]; 'старшее поколение российских ученых' - 'молодое поколение российских ученых'; 'ученые' - 'чиновники'; 'наука' - 'миф'; 'настоящее' - 'прошлое'; 'настоящее' - 'будущее'. Первая оппозиция может быть трансформирована в оппозицию 'российские ученые' - 'зарубежные ученые'; она реализуется в многочисленных публикациях, посвященных достижениям зарубежных ученых. Например, П. Образцов в публикации «Изготовлены микроскопические Мата Хари и Джеймс Бонд» («Известия», 02.09.2009) отмечает: «Международный коллектив исследователей и технологов из Швеции, Испании, Италии, Германии и Швейцарии, пишет tembrana.ru, представил опытную технологию массового производства объемных роботов весом 65 миллиграммов, десяток которых может уместиться на ногте большого пальца... при оснащении микроботов подслушивающей и подсматривающей аппаратурой они могут стать великолепными шпионами».

Источником ПИ «Мата Хари» является «сценический псевдоним голландской танцовщицы и куртизанки Маргареты Гертруды Целле (1876-1917)», которая «во время 1-й мировой войны, используя свои связи с высокопоставленными военными чинами и правительственными служащими обеих сторон, передавала союзникам секретные сведения от немцев, но была обвинена (возможно, несправедливо) в том, что она являлась двойным агентом» [Мата Хари]. Источником ПИ «Джеймс Бонд» является «имя британского «специального агента» правительства, всех и вся побеждающего супермена, главного персонажа бестселлеров (первая книга вышла в 1952 г.) английского писателя Яна (Мэна) Ланкастера Флеминга (1908-1964) <...>. По этим книгам были сняты популярные фильмы «бондианы», первый фильм которой назывался «Доктор Ноу» (1962, режиссер Теренс Янг) [Джеймс Бонд].

Сопоставляя деятельность инновационных центров в зарубежных странах, К. Гурдин в статье «Президентский кремний» («Аргументы недели. 2010. № 24) пишет: «Сейчас компании Кремниевой долины выпускают четверть всей продукции мирового хай-тека. А общая стоимость их акций - более 1 трлн. долларов <...>. Понятно, почему успех этой долины пытались повторить многие страны. Например, 30 лет назад англичане построили огромный технопарк под Кембриджем. Французы в свою очередь возвели гигантский наукоград неподалеку от Ниццы на Лазурном берегу. По площади он в семь раз больше строящегося сейчас российского «Сколково», территория которого за-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

нимаег 300 гектаров. Тогда же возникли знаменитый индийский «город программистов» Бангалор и японский научный мегацентр Цукуба. Похожие проекты поддержали правительства Ирландии, Мексики и даже Бангладеш <...>. Относительного успеха добились лишь китайцы. В 1988 г. они построили в пригороде Пекина технопарк Чжунгу. аньцунь. За 22 года он разросся до площади 2 тыс. кв. км, в нем поселились 20 тыс. компаний, которые выпускают продукцию на 50 млрд. долл. в год. Цифры впечатляющие, но до настоящей Кремниевой долины с ее 87 тыс. компаний и 700 млрд. долл. годового оборота китайцам пока как до Луны».

Составное наименование «Кремниевая долина» является прецедентным и восходит к названию «Силиконовая долина» («Кремниевая долина, англ. Silicon Valley) - регион в штате Калифорния (США), отличающийся большой плотностью высокотехнологичных компаний, связанных с производством компьютеров и их составляющих, особенно микропроцессоров, а также программного обеспечения, устройств мобильной связи, биотехнологии и т.п. <...>. Оригинальное английское название долины происходит от использования кремния как полупроводника при производстве микропроцессоров <...>. Русскоязычный вариант названия «Силиконовая долина» возник из-за схожести написания английских терминов silicon (кремний) и silicone (силикон)» [Силиконовая долина].

В статье «Туманный клон Силиконовой долины» с подзаголовком «Для кого создается инновационный центр в Сколково» Н. Попова отмечает: «Бизнес-проект «Город Солнца» уведет проблемы загибающейся отечественной науки далеко в сторону» («Аргументы недели». 2010. № 15). В контексте статьи использовано ПВ «Город солнца», восходящее к заглавию философского произведения Т. Кампанеллы [Город Солнца] и являющееся символическим обозначением всего утопического.

Проблеме нанотехнологий в России посвящена аналитическая статья Т. Батеневой «Добро пожаловать в клетку» («Известия», 20.02.2008), заголовок которой восходит к названию художественного фильма Э. Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964; авторы сценария С.Л. Лунгин, И.И. Нусинов) [Душенко 2002: 249]. Второй компонент ПВ, актуализированный в сознании читателя, передает необходимую автору подтекстовую информацию читающему заголовок адресату о том, что «реальные достижения пока невелики».

Относительно развития нанотехнологий в России высказался В. Гинзбург в интервью, данном им незадолго до своей смерти обзоре

Н.В.Немироев

вателю газеты «Известия» С. Лескову («Известия», 06.05.2009): «Я не против нанотехнологий, они сулят гигантский прорыв, но мы уже в начале пути отстали от конкурентов».

Оппозиция 'старшее поколение российских ученых' - 'молодое поколение российских ученых' нашла отражение в процитированном выше интервью В. Гинзбурга: «Цицерон говорил, что главный грех в старости это лень и безделье. Признаюсь, меня до сих пор возмущает апатия и равнодушие, которые я замечаю в нашей жизни почти на каждом шагу, в том числе и в работе академии, в которой я состою с 1953 года».

В статье Н. Веденеевой «На глубинку из глубинки» с подзаголовком «Молодые провинциальные ученые придумали, как сказку сделать былью» («Московский комсомолец». 2-9.12.2009) рассказывается о достижениях молодых ученых из Южного, Дальневосточного, Приволжского и Уральского федеральных округов. Подзаголовок статьи является трансформированным ПВ: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (источником прецедента является строка из песни «Все выше» (муз. Ю. Хайта, сл. П.Д. Германа), которая стала высказыванием-символом советского времени, в котором идеализировалось светлое будущее, ради которого народ преодолевал многочисленные трудности [Душенко 2002: 101]. В публикации приводятся действительно «сказочные» разработки российских ученых: ветрогенератор, который «работает при умеренном ветре, не создает вредных звуков и безопасен для птиц»; светодиодные установки, накапливающие «солнечную энергию» днем, а ночью включающие «сразу после того, как на них с расстояния от 500 до 1000 м попадает свет»; «препарат из корня левзеи», повышающий «работоспособность в 3-4 раза»; препарат, состоящий на 100 % из полученного из морских водорослей фукоидана, «иммуномодулятора и антивирусного средства»; заменитель кожи человека на основе гиалуроновой кислоты. При описании последнего изобретения автор статьи пишет: «Современного человека не удивишь искусственными частями для организма. «Киборги» с неродными сердцами, почками, глазными хрусталиками живут по всему миру». «Киборг (сокращение от англ. cybernetic organism - кибернетический организм) - биологический организм, содержащий механические компоненты; реже неверно используется в качестве термина для обозначения робота, содержащего биологические компоненты (данное значение термина популяризовано во многом благодаря кинофильму «Терминатор» (1984) Джеймса Кэмерона) [Киборг].

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Структурообразующий параметр 'наука' - 'миф' реализован в контексте интервью главного научного сотрудника Института океанологии РАН А. Городницкого «Плюс 400 градусов...» (подзаголовок - «...при полной мгле в океане обитают странные существа») («Аргументы и факты». 2010. № 26): «Мы <...> наткнулись на странные сооружения, напоминающие развалины древнего города. Они находились на вершине подводной горы Ампер, примерно в 500 км от Гибралтарского пролива <...>. Как геофизик я сформулировал для себя и обосновал модель гибели Антарктиды именно в этом месте. Кстати, с позиций науки пытаюсь объяснять не только миф об Атлантиде, но и некоторые библейские сюжеты. Например, гибель Содомы и Гоморры. Считаю, что это был реальный геологический процесс, погубивший два древних города в Мертвом море. Или взять тьму египетскую. Она могла наступить вследствие длительного вулканического извержения, которое ограничило поступление солнечного света в поверхности Земли».

В статье С. Кашницкого «Бедный самоучка» (подзаголовок - «Великого изобретателя ненавидели академики») («Аргументы и факты». 2010. № 16) реализован структурообразующий параметр 'настоящее' - 'прошлое': «21 апреля исполняется 275 лет со дня рождения выдающегося изобретателя-самоучки, «русского Леонардо», как называли его современники, Ивана Кулибина». Источником ПИ «Леонардо» является имя итальянского живописца, скульптора, архитектора, ученого, инженера Леонардо да Винчи (1452-1519) [Леонардо да Винчи].

Этот же параметр реализован в статье С. Экштута «Цена головы» (подзаголовок - «Размышления после встречи В. Путина с академиками РАН») («Аргументы и факты». 2010. № 19): автор приводит эпиграмму А. Сумарокова (1759), характеризующую бедственное положение российских ученых: «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. Конечно, голова в почтенье меньше ног». Далее автор отмечает: «Лишь на рубеже XIX-XX веков ученые занимают достойное место в обществе».

Структурообразующий параметр 'ученые' - 'чиновники' представлен в аналитической публикации Н. Поповой «Спасительный коктейль с изотопами, или Мартышкин труд Минздрава» (подзаголовок - «Хотя у России есть передовые технологии в области лечения рака, каждый год страна теряет 300 тыс. граждан. Почему?») («Аргументы и факты». 2010. № 25): «Реализация национальной онкологической программы в Минздравсоцразвития напоминает басню Ивана Крылова «Мартышкин труд». Помните, как мартышка катала чурбан туда-

Н.В. Немироев

сюда? И сюда-туда? И никто ее за это даже не похвалил. А за что хвалить? Ведомство Голиковой, по сути, непонятно зачем дублирует (причем дублирует на многие миллионы рублей) деятельность Медицинского научного радиологического центра в Обнинске).

В «размышлениях» доктора физико-математических наук, профессора теоретической физики А. Морозова «Станет ли «Сколково» городом Солнца», опубликованных в газете «Аргументы недель» («Аргументы недель». 2010. № 26) структурообразующим является параметр 'настоящее' - 'будущее': «При самом благоприятном развитии событий в «Сколково» возникнет обычный инженерно-технологический центр». В контексте статьи также использовано ПВ «Город Солнца».

В публикации Константина Гурдина «Президентский кремний» («Аргументы недель». 2010, № 24) также ставится проблема эффективности создаваемого инновационного центра в Сколково: «На этот счет есть две полярные точки зрения. Многочисленные сторонники «Сколково» напоминают, что в свое время именно посещение Кремниевой долины вдохновило генсека Никиту Хрущева на создание Новосибирского Академгородка. Понятно, что ни у кого не повернется язык назвать этот проект «провальным». Теперь история пошла на новый виток, и руководство страны вдохновляется тем же источником. Но есть и не менее многочисленные критики «Сколково». Их основной аргумент таков. Этот технопарк, по сути, - полная противоположность Кремниевой долины. Судите сами: она возникла сама собой, а наш проект создается по указке сверху. Кроме того, американская долина, точно пылесос, вытягивает ученых и программистов со всего мира».

Необходимо отметить, что число структурообразующих параметров анализируемой концептосферы, вероятно, больше, чем представлено в данной статье, однако, как представляется, основные структурообразующие параметры нашли здесь отражение. Структурообразующие параметры положены в основу категориальных элементов когнитивной модели.

Участники событий в анализируемой концептосфере охарактеризованы при помощи ПИ - «русский Леонардо». Обстановка охарактеризована при помощи составного наименования «Кремниевая долина», ПВ «Город Солнца». Обстоятельства, нашедшие отражение в текстах, также могут быть представлены в виде ПФ: ПС - посещение Кремниевой долины, которое вдохновило генсека Никиту Хрущева на создание Новосибирского Академгородка; «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. Конечно, голова в почтенье меньше ног»;

«... придумали, как сказку сделать былью». События также описываются при помощи прецедентов: например, гибель Антарктиды; Содомы и Гоморры; тьма египетская. Действия ученых попадают под определение «Мартышкин труд»; нанотехнологический процесс охарактеризован при помощи ПВ - «Добро пожаловать в клетку»; результаты действий - при помощи ПИ: Мата Хари и Джеймс Бонд, Киборги.

Таким образом, авторы публицистических текстов используют в качестве репрезентантов важнейших категориальных элементов КМ КСФ ПФ, которые являются знаками «бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и национальных вариантов», показателями «интеллектуального уровня автора и его оценки эрудиции, герменевтических возможностей адресата» [Чудинов 2003: 33].

Итак, ПФ играют важную роль в формировании КМ КСФ «Российская наука». Во-первых, анализируемая КСФ, определяемая различными структурными параметрами, реализована при помощи различных прецедентов, которые являются наиболее яркими средствами ее репрезентации. Во-вторых, тема каждой публикации формируется при участии ПФ, которые являются актуализированными средствами ее представления в акте коммуникации. В-третьих, ПФ используются в качестве репрезентантов различных категориальных элементов структуры КМ, таких как обстановка, обстоятельства, участники, событие, действие.

Таким образом, на примере анализа прецедентных репрезентантов КСФ «Российская наука» можно сделать некоторые предварительные выводы об ее особенностях. Во-первых, структурообразующим параметром данной концептосферы является не только СП 'свой' - 'чужой' ('русские ученые' - 'зарубежные ученые'), но и структурообразующие параметры 'старшее поколение русских ученых' - 'молодое поколение русских ученых'; 'ученые' - 'чиновники'; 'наука' - 'миф'; 'настоящее' - 'прошлое'; 'настоящее' - 'будущее'; во-вторых, часть примеров - атрибутированные прецеденты, которые позволяют авторам газетных публикаций обратиться к авторитетным источникам для подтверждения своей точки зрения. Аtribuтированные прецеденты позволяют расширить когнитивное пространство адресата, если ПФ до знакомства с текстом не включался в его состав. Анализируемый материал позволяет проиллюстрировать особенности текстовой категории прецедентности.

Диалогичность источника прецедента и ПФ проявляется в том, что для реализации того или иного смыслового наполнения контекста

Н.В. Немирова

используются, например, ПИ, имеющие определенную, инвариантную лексическую семантику: Джеймс Бонд - 'шпион', Леонардо - 'гений', Мартышкин труд - 'бесполезность', Город Солнца - 'утопичность' и др. Однако включенные в новый контекст ПФ применяются для номинации явлений и событий, далеких от тех, о которых шла речь в первоначальном контексте, поэтому в данном случае можно говорить о семантической трансформации.

Аттрактивность состоит в том, что понимание проанализированных текстов будет успешным при условии относительного тождества когнитивных пространств адресата и адресанта. ПФ в газетных текстах, являющихся частью КСФ «Российская наука» в СМИ, могут претендовать на роль «ключевых признаков», являясь своеобразными «индикаторами» общих знаний разного характера адресанта и адресата: об интертекстуальной природе прецедентов, о возможной их трансформации и др.

Аксиологичность проявляется, например, в общей положительной оценке: утилитарной (Мата Хари, Киборги), телеологической оценке (как сказку сделать былью), интеллектуальной (Леонардо); в общей отрицательной оценке: телеологической (Мартышкин труд), этической («Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог...»).

Интегративность проявляется в том, что ПФ выражают квинтэссенцию газетных публикаций: если для адресанта главным является сообщение о новых изобретениях, то они, как правило, репрезентируются прецедентами (Киборги), если автор преследует цель поставить ту или иную проблему, то в контексте использовано ПВ для ее номинации («Добро пожаловать в клетку», «Мартышкин труд») и др.

Таким образом, одним из «конвенциональных способов объективации знаний» [Кубрякова 2002: 10] являются ПФ, которые служат единицами, репрезентирующими категорию прецедентности в тексте.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов, 2001.

Город Солнца. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ropofl_ConHna <http://crisis-blog.ruAvorld/kri-z-s-i-zakony-finanso-vux-piramid.html>

Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М, 1989.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-33.

Джеймс Бонд. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/enc-Slov/5/57.htm>

Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 2002.

Киборг. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://crisis-blog.ru/world/krizis-i-zakony-finansovyx-piramid.html>
<http://ru.wikipedia.org/wiki/КНборг>

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

Кубрякова Е.С. Категоризация // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 42-45.

Кубрякова Е.С. Слово в дискурсе (Новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 7-11.

Леонардо да Винчи. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/177950>

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280-287.

Мата Хари. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/191558>

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. СПб., 2002.

Силиконовая долина. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://crisis-blog.ru/world/krizis-i-zakony-finansovyx-piramid.html>
http://ru.wikipedia.org/wiki/КреМНHeBafl_fл0fлHHa

Сорокин Ю.А. Психополитология: лица и факты // Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды / сост. В.В. Красных. М., 2006. С. 263-331.

Чудинов А.П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Т. 10. С. 27-34.

Н. Ю Петрова

Н.Ю. Петрова (Москва)

КАТЕГОРИЯ КОГЕРЕНТНОСТИ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ РАКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЫ)

Предлагаемое в недавней серии публикаций [Кубрякова 2008; Кубрякова, Александрова 2008; Кубрякова, Петрова 2009; 2010] введение материала драматических произведений под эгиду когнитивно-дискурсивной парадигмы знания позволяет по-новому взглянуть на одно из центральных для когнитивной лингвистики понятий **формата знания** (о формате знания см, напр, [Болдырев 2009]). Исходным для нас является представление о формате знания пьес как объемной модели в виде комплекса **взаимосвязанных между собой** структур - малых «текстов в тексте» (названия, сэттингов и т.д.). Исследуемая языковая фактология позволяет выявить и ту особую роль, которая отводится в этой модели **категории когерентности**.

Вообще под понятие **категории** подводятся самые разнообразные онтологические и гносеологические сущности и явления. В традиционном понимании категории служат обобщению и систематизации человеческого опыта во всех сферах взаимодействия человека с природой, обществом и другими людьми. При этом классические категории включают в себя единицы, обнаруживающие постоянный набор одинаковых признаков. Однако совершенно очевидно, что естественные категории могут объединять и нетождественные величины. Как отмечает Е.С. Кубрякова, для языковых категорий существенным является 1) инвариантность их начала, то есть наличие для всех единиц определенной общей идеи; 2) оппозитивность, когда маркированные члены четко противопоставлены немаркированным; 3) «фамильное сходство» (по Л. Витгенштейну) всех своих членов [Кубрякова 1997: 4-6]. Обобщая сказанное, категория - это целостность, некий набор, в основе которого лежит концепт. При этом возможно рассмотрение категории и на основе объединенных концептов как **набора признаков**, а не собственно единиц. Так, категория когерентности характеризуется признаком связности, а не набором единиц, как это свойственно классическим категориям.

Сам термин «когерентность» (англ. *coherence*) этимологически восходит к латинскому *cohaerentia* (сцепление, связь) и, как известно,

III. Уровневая категоризация естественного языка_1

первоначально закрепился за точными науками. Так, в физике когерентность определяется как «согласованное протекание во времени нескольких колебательных или волновых процессов, разность фаз которых постоянна» [Словарь иностранных слов, 1981: 238]. В лингвистике идею когерентности традиционно связывают с именами ученых Р. де Богранда и В. Дресслера. В 1981 г. вышла в свет их работа «Введение в лингвистику текста» [de Beaugrande, Dressier 1981], в которой когерентность наравне с когезией (*cohesion*) предлагалось включать в перечень семи обязательных признаков текстуальности, дифференцирующих текст и не-текст. При этом когерентность ассоциировалась со смысловой тканью текста, то есть с его содержательной, внутренней стороной, а когезия - с формальной, или внешней.

Отметим, что двум транслитерированным с английского языка терминам когезии и когерентности в русской традиции противостоит свой аналог - **связность**, который в разных научных контекстах сближается то с когезией, то с когерентностью, то с той и другой одновременно. Однако в силу полифункциональности, вызванной принадлежностью понятия «связность» как к системе общенационального языка, так и к лингвистической терминосистеме, единообразие в его использовании отсутствует. Тем не менее, в специальной литературе, посвященной англистике, чаще применяются именно англоязычные термины «когезия», «когерентность», а также «интеграция» и «интегративность». Например, И.Р. Гальперин следует трактовке когезии, предложенной представителями лондонской лингвистической школы М.А.К. Хэллidayем и Р. Хасан, согласно которой «когезия выявляет, как текст организован в семантическое целое (*semantic edifice*)» [Гальперин 1981: 85]. В значении, сходном нашему пониманию когерентности, ученый использует термин «интеграция». В современных работах по лингвистическому анализу художественного текста (напр., [Бабенко, Казарин; 2008]) интеграция трансформируется в «интегративность», при этом связность противопоставляется цельности.

В данной статье дихотомия «когерентность-когезия» рассматривается как **бинарная оппозиция** поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня. При этом под когерентностью, вслед за В.Е. Чернявской, имеется в виду когнитивная (глубинно-схематичная) **семантическая связность**: причинно-следственная, временная и референциальная [Чернявская 2009: 20]. По-нашему мнению, такая связность обусловлена типом операции **инференции**, например, хронопической; релятивной, возникающей как результат кореференции в

Н.Ю. Петрова

тексте, и т.д. Говоря о когерентности, мы по умолчанию подразумеваем и наличие когезии как особой взаимосвязи компонентов, охватывающих грамматико-синтаксический, лексический и ритмический уровни.

Если следовать мнению о том, что главной целью текста является создание некоего смысла, переданного вербальными средствами (*a verbal message*), то когерентность становится способом поддержания этого смысла на различных участках текста. При таком понимании когерентность обнаруживается в текстах самого разного объема - от малых (вывески, объявления), до текстов, имеющих явно развернутый характер (рассказ, роман, пьеса). При этом в «больших» текстах понятие когерентности распространяется на весь текст в целом и создается не столько за счет внешних, сколько за счет внутренних связей.

Предлагаемый нами впервые лингвокогнитивный анализ текстов драмы позволяет, во-первых, обнаружить само явление когерентности как смыслового звена, связующего различные структуры знания в пьесах и, во-вторых, выявить различные способы проявления **таких** связей, а значит - и разные типы когерентности. Совершенно очевидно, что подобные связи легче прослеживаются на уровне **основного корпуса текста**, который представляет собой наиболее объемную структуру драматической коммуникации в виде некоего когерентного **вопросно-ответного единства**, принимающего форму диалога (полилога) действующих лиц.

В классической типологии текста наиболее значимыми принято считать как минимум четыре вида когерентности, представленные в дихотомиях: эксплицитная и имплицитная, локальная и глобальная, контактная и дистантная, регрессивная и прогрессивная. По-нашему мнению, роль когерентности может быть всесторонне изучена с позиции указанных выше бинарных оппозиций и в тексте. Рассмотрим одну из них.

Итак, **эксплицитная и имплицитная** - это оппозиция, где первый элемент выражен вербально поверхностными структурами, а второй основан на пресуппозиции и разного рода импликационных смыслах, или импликациях. В драматическом дискурсе такая связь возможна при сопоставлении или противопоставлении пропозиций в репликах Действующих лиц. Примером **эксплицитной связности** может служить фрагмент диалога-спора сэра Питера Тизла и его молодой жены в «Школе злословия» Р. Шеридана [Sheridan 1906: 132]:

III. Уровневая категоризация естественного языка.1

Sir Peter Teasle. *Very well, ma'am, very well; - so a husband is to have no influence, no authority?*

Lady Teasle. *Authority! No, to be sure: - if you wanted authority over me, you should have adopted me, and not married me: I am sure you were old enough.*

Sir Peter T. *Old enough! - aye - there it is. Well, well, Lady Teasle, though my life may be made unhappy by your temper, I'll not be ruined by your extravagance.*

Lady T. *My extravagance! I'm sure I'm not more extravagant than a woman of fashion ought to be.*

Локальные связи, основанные на лексическом и синтаксическом повторах, способствуют поддержанию глобальной связности фрагмента. В рассматриваемом примере каждая из трех выделенных пар вводит далее противоположный аргумент - антитезу. При этом второй элемент представлен в эллиптической форме и выполняет функцию эмоционального рефлексива. Такой повтор позволяет говорить об особом синтаксическом «рисунке» фрагмента, построенного по принципу «словесной дуэли» (*ping-pong conversation*). На первый план эксплицитно выводятся основные топики, вокруг которых идет спор героев: ВЛИЯНИЕ / ВЛАСТЬ В СЕМЬЕ, СТАРОСТЬ мужа и РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ / ЭКСТРАВАГАНТНОСТЬ жены-модницы. Ожесточенность спора задается наиболее яркими маркерами модальности - модальными глаголами. Герои говорят то, что думают, и содержательно-концептуальное пространство эпизода находит свое выражение в тексте именно благодаря внешним эксплицитно выраженным связям.

Имплицитная связность предполагает наличие большей доли подтекстовой информации¹, выраженной импликациями, которые, согласно коммуникативному заданию автора, удерживаются от зрителя / читателя. Как известно, в традиционной семантике имплицит трактуется как аномальное явление, однако в рамках стилистики предпринималось немало попыток подвергнуть его классификации. В первую очередь, это экспрессивные средства и стилистические приемы, рассматриваемые на разных языковых уровнях: инструментовка на фонетическом, тропы на лексическом и фигуры речи на синтаксическом (И.В. Арнольд). Помимо этого, учеными вводятся понятия речевых аномалий (К.А. Долинин), двусмысленности (*ambiguity*), так называе-

¹ О деталях различия импликации и подтекста см. [Гальперин 1981: 46].

Н.Ю. Петрова

мого темного образа, а также импликатов, требующих от коммуниканта определенного фонового знания (Г.Г. Молчанова).

Для адекватного понимания авторского замысла адресату придется совершать определенный импликационный поиск на основе метода интуитивного подбора вариантов, удовлетворяющих контексту и коммуникативной ситуации в целом. Нередко в драматических диалогах способом разъяснения имплицитных связей является выводящий на уровень поверхностных структур вопрос-переспрос *What do you mean?*

Проиллюстрируем имплицитную связность на примере отдельного сценического эпизода пьесы Г. Пинтера «День рождения», где импликации пронизывают все семантическое пространство. Участники диалога - хозяйка дома Мэг Боулз и некий таинственный собеседник, обозначенный как «Голос». Семантическая неопределенность фрагмента прагматически обусловлена: персонажи «кодируют» свою речь, чтобы присутствующий в это время в доме третий герой - Стэнли - не понял, что предметом обсуждения является подарок ему на день рождения.

VOICE (through letter box). *Hullo, Mrs Boles...*

MEG. *Oh, has it come?*

VOICE. *Yes, it's just come.*

MEG. *What, is that it?*

VOICE. *Yes. I thought I'd bring it round.*

MEG. *Is it nice?*

VOICE. *Very nice. What shall I do with it?*

MEG. *Well, I don't...* (Whispers.)

VOICE. *No, of course not...* (Whispers.)

MEG. *All right, but...* (Whispers.)

VOICE. *I won't...* (Whispers.) *Ta-ta, Mrs Boles* [Pinter 2008: 18-19].

Весь диалог, построенный на некоторой недоговоренности, выраженной в тексте с помощью приема умолчания, сосредоточен вокруг кореференции безличного местоимения *it*. Во всех репликах *it* занимает тематическую позицию, что свидетельствует о том, что говорящие изначально знают, о чем идет речь, в данном случае - о посылке с подарком. Однако по определенным причинам они предпочитают не называть таинственный объект напрямую. Для зрителя такие знания не являются разделенными (англ. *shared knowledge*). Непонимание референта, стоящего за местоимением *it*, создает смысловую неопределенность разговора. Вербально лишь зафиксировано, что «нечто» / посыл-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ка: 1) только что доставлена (*It's just come*); 2) может быть передана миссис Боулз (*I'd bring it round*); 3) обладает положительными характеристиками (*Very nice*); 4) от миссис Боулз ждут дальнейших распоряжений (*What shall I do with it?*); 5) миссис Боулз, очевидно, не дает конкретного ответа (*Well, I don't...*); 6) хозяйке обещают держать все в секрете (*I won't...*). Неясность ситуации подтверждается и выбором паралингвистических средств - вторая половина диалога произносится участниками шепотом.

Однако уже в авторской ремарке *through letter box*, выводящей адресата за пределы текста, упоминается почтовый ящик. Данные сведения имплицитно режиссеру сведения об оформлении мезансцены, главное предназначение которой - визуально ориентировать зрителя и подсказать ему, что речь идет о предмете, обычно получаемом по почте. Таким образом, в «достроенном» диалоге становятся ясна и основная тема разговора - некая посылка, намеренно скрывающаяся от окружающих, в данном контексте - от Стэнли. Последующий текст пьесы подтверждает эту догадку, которая требует от зрителя ряда когнитивных операций по предварительной инференции полученных сведений: миссис Боулз получает от Лулу, желающей оставаться неузнанной и идентифицируемой лишь как «Голос», подарок для Стэнли на его день рождения.

На глобальном уровне имплицитные связи могут быть продемонстрированы на примере пьесы Т. Стоппарда «Травести» [Stoppard 1994], отражающей несомненную приверженность автора интертекстуальным связям. Здесь драматург соединяет как участников и авторов прецедентных текстов Уайльда и Шекспира, Ленина и Джойса и предоставляет адресату возможность самому обнаружить многочисленные источники аллюзий. Обнаруженные нами виды внетекстовой референции могут быть разделены на три группы, представленные имплицитными аллюзиями 1) на известные исторические личности, 2) литературные произведения, 3) музыкальные произведения. Все они по замыслу автора выполняют решающую роль в структурно-семантической организации пьесы.

Рассмотрев когерентность основного корпуса текста пьес на примере одной из дихотомий «эксплицитная - имплицитная», мы отмечаем широкий спектр дальнейшего исследования, охватывающего те части единого формата пьесы, которые относятся не только к плану зрителя (см. примеры выше), но и к плану постановщика, а также к тому и другому одновременно.

Н.Ю. Петрова

Литература

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста М, 2008.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009. С.25-77.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М, 1981.

Кубрякова Е.С. К определению понятия категории // Аракинские чтения. Обучение иностранным языкам в ВУЗе: матер, науч. конф. 5 мая 1997 г. Тезисы докладов. М, 1997. С. 4-6.

Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С. 30-45.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Драматические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы)//Изв. РАН. СЛЯ, 2008. №4. С. 3-10.

Кубрякова Е.С., Петрова Н.Ю. Драматургические произведения и их роль в определении™ ключевых понятий современной лингвистики текста // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов. Воронеж, 2009. Вып. 3. С. 9-24.

Кубрякова Е.С., Петрова Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // Вопросы когнитивной лингвистики, 2010. № 2. С. 64-73.

Словарь иностранных слов. М, 1981.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М, 2009.

Beaugrande R., de Dressier W. V. Introduction to Text Linguistics. London and New York: Longman, 1981.

Pinter, H. Plays One. London: F & F Contemporary Classics, 2008.

Sheridan R.B. The Dramatic Works. London, N.Y, Toronto: OUPress, 1906.

Stoppard T. Travesties. New York: Grove/Atlantic Inc., 1994.

**СТАТУС И ТИПЫ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ,
СПЕЦИФИКА ИХ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ
С СОДЕРЖАТЕЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ,
ЛОГИЧЕСКОЙ, ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ТОЧЕК ЗРЕНИЯ**

Одним из самых насущных вопросов лингвистики текста является вопрос о категориях текста. Как известно, в соответствии с классической логикой Аристотеля, категория характеризуется определенным набором существенных свойств, который служит необходимым и достаточным условием принадлежности той или иной сущности к данной категории. В философии под категорией понимаются не совокупности свойств некоторых объектов, а совокупности понятий об этих свойствах. «Категории - предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [ФЭС 1983: 251].

Когнитивный подход констатирует размытость границ категорий и утверждает прототипический принцип их внутренней организации. Прототип категорий является средоточием наибольшего числа наиболее релевантных признаков [Кубрякова 2004].

З.Я. Тураева считает целесообразным разделить категории текста на две основные группы. В первую группу войдут категории, которые представляют собой признаки его структуры, во вторую - особенности его содержательной стороны. Первые - условно называют структурными (формальными), вторые - содержательными, или концептуальными. Это деление в известной мере условное, так как и те и другие категории имеют и содержательную и формальные стороны. Эти категории взаимообусловлены. Однако, если первые - присущи тексту как лингвистическому объекту [см.: Гальперин 1977; Малинович 1980], то вторые - характеризуют процесс отражения в тексте объективной действительности. Первые категории заложены в самой структуре текста, осуществляют связь между текстом и объективной действительностью, отраженной и преломленной в тексте. В первую группу, по мнению З.Я. Тураевой, войдут такие категории, как сцепление, интеграция, прогрессия / стагнация, во вторую - образ автора, художественное пространство и время, информативность, причинность,

подтекст и некоторые другие. Взаимосвязь категорий указанных групп осуществляется на стыке когниции и коммуникации. И с тем и с другим уровнем коррелируют такие антропометрические и когнитивно акцентированные категориальные характеристики и модели описания текста, как диалогичность [Бахтин 1997; Диалектика текста 1999], адресованность [Воробьева 1993], интертекстуальность [Лотман 1985, 1993; Бахтин 1997 и др.]. Общим в содержании этих категорий, помимо их безусловной принадлежности к антропометрическому методу изучения текста, является включение в формально-содержательные параметры текста актуализованного представления автора текста о предполагаемом адресате и возможностях общения с ним в едином процессе познавательно-коммуникативной деятельности средствами языка. Объединяет эти категории и то, что их можно рассматривать как категории «децентрализации», или «разгерметизации» текста, так как, благодаря им, текст теряет свой семантический центр и вступает в диалогические отношения «живого подобия» с иными текстами.

«Категории текста носят характер универсалий и обнаруживаются в связном тексте независимо от языка, на котором создан данный текст, и независимо от типа текста. Единство универсально-понятийного аспекта (наличие некоего архитипа) сочетается с различиями в конкретном языковом воплощении, так как оно определяется системой и нормой конкретного языка» [Тураева 1986: 81]. Говоря суммарно, описание категорий текста ставит перед исследователем две основные задачи: 1) выявить, какие понятия передаются этими категориями; 2) определить, какой набор средств используется для их выражения.

Одним из наиболее сложных и наименее разработанных вопросов, связанных с категориями текста, является вопрос о том, как формируется их план выражения и какие средства закреплены за той или иной категорией текста. Становясь компонентами текста, языковые знаки приобретают семантические функции, нередко выходящие за рамки функций, закрепленных за ними в языковой системе. Другими словами, здесь наблюдается асимметрия между планом выражения и планом содержания, свойственная языковым единицам других уровней. Актуализируется не только их основное семантическое ядро, но и дополнительные значения, коннотативные и ассоциативные возможности. Характеристики языковых единиц становятся менее жесткими, менее автоматизированными [Тураева 1986].

«Бесконечная вариативность художественного текста, уникальность формы, несущей эстетическую информацию, приводит к тому,

III. Уровневая категоризация естественного языка I

что основным средством выражения той или иной категории, относящимся к ядру поля, не обязательно является наиболее частотное средство, как, например, в функционально-семантических категориях или категориях научного текста <...>. Например, при формировании категории художественного времени доминантой, переключателем из одной временной плоскости в другую, как правило, являются не видовременные формы, а лексическая система, стилистические приемы, композиция и другие средства» [Гин 1996: 82].

Исследование полевой структуры категорий текста должно идти по пути выявления функциональной нагрузки элементов в каждом конкретном тексте (художественный текст неповторим), должно учитывать их роль в формировании смысла текста, степень интеграции текстом [Васильев 1971; Кибрик 1972; Баранов 1990].

Определяя как текстовые категории связность, цельность, информативность, автосемантию, проспекцию, ретроспекцию и др., И.Р. Гальперин не исключает, что «выделенные категории могут показаться второстепенными или же значение, придаваемой им, преувеличенным» и другие категории будут определять статус текста [Гальперин 1981: 135]. Автор указал и на то, что «многие из перечисленных категорий текста, такие как информативность, интеграция, ретроспекция и др., могут показаться слишком широкими, чтобы их признать достоянием только текста» [Там же: 5], и на то, что «в работе не проводится строгого деления на содержательные и формально-структурные категории: уж очень они взаимообусловлены. Формально-структурные категории имеют содержательные характеристики, а содержательные категории выражены в структурных формах» [Там же]. Кроме того, все перечисленные категории И.Р. Гальперин квалифицирует как грамматические [Гальперин 1977]. Но к характерным чертам грамматических категорий относятся модифицирующий тип категоризирующего признака, его причастность к синтаксису, «обязательность» выбора одного из его значений для (слово) форм из категоризируемой совокупности и наличие регулярного способа его выражения. Наличие всей совокупности этих свойств обычно является основанием для безоговорочного признания грамматического характера категории, хотя каждая из них в отдельности не является ни необходимым, ни остаточным признаком грамматической категории [ЛЭС 1990: 216].

Ясно, что, к примеру, у таких категорий, как интеграция, завершенность, членимость, нет регулярного языкового способа выражения, а ретроспекцию и проспекцию трудно подразделить на значения. Все

Т.В. Романова

это ставит под сомнение квалификацию указанных категорий как грамматических. Кроме того, в грамматике категории есть совокупности форм, обладающих определенными значениями, которые образуют бинарные или многомерные оппозиции (категории числа, лица, падежа и пр.). В текстах также возможно выделение определенных формальных признаков, но немногие из них образуют многомерные и бинарные оппозиции.

К тому же в последнее время грамматическая категория получила более узкое понимание: «ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, систематически выражаемых теми или иными формальными показателями» [Маслов 1998: 127]. Следовательно, необходимо определиться в типах принципиальных категориальных признаков текста, разграничить их и установить отношения взаимообусловленности, тем более что уже при первом взгляде на список выделенных категорий очевидна их неоднородность (например, информативность - модальность).

Приступая к рассмотрению текстовых категорий, укажем, что под категорией принято подразумевать «понятие, в котором отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [Кондаков 1971: 210]. Среди категорий можно назвать общие категории, которыми оперирует любая наука, и специальные (частные).

С нашей точки зрения, категории, указанные И.Р. Гальпериным, - это общие, не собственно лингвистические категории (обеспечиваются не только языковыми средствами). Их можно называть логическими, психологическими [Пауль 1960], внеязыковыми [Кацнельсон 1972].

«Под понятийной категорией обычно понимается замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения («скрытому» или «явному») в конкретном языке...» [ЛЭС 1990: 216]. Обычно понятийные категории понимаются как универсальные, свойственные всем или большинству языков мира... В качестве грамматикализованного ядра понятийной категории выступает соответствующая ей грамматическая категория (темпоральность - время, модальность - наклонение <...>, персональность - лицо... [Там же: 385]. Ясно, что нельзя противопоставлять понятийные категории (категории мышления) и собственно лингвистические, так как категории языка оказываются транспозицией категорий мышления. Но нельзя их и отождествлять [Бенвенист 1974].

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Лингвистические категории - это общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, констатирующие эти классы и получающие разнообразное языковое выражение: морфологическое, синтагматическое, просодическое и т.п. - при различном содержании (грамматическом, лексическом, стилистическом и т.п.) [Ахманова 1966: 190].

Языковым содержанием лингвистической категории является функционально-семантическое поле. В концепции А.В. Бондарко понятийные (логические, общие) категории и охватывающие их понятийные поля относятся к уровню мыслительного содержания (подразделяемому на универсальный фундаментальный базис и систему понятийных категорий конкретного языка), противопоставляясь языковому содержанию [ЛЭС 1990: 385].

Путь исследования текста с опорой на собственно языковые факторы плодотворен при изучении семантики конкретных структурных типов текста, рассматриваемых статически и изолированно, когда целью анализа является выявление семантических разновидностей текстов и лексико-грамматической реализации этой семантики. Возможно использование этого подхода при обращении к динамическому аспекту текста, если исследователь ставит задачу описания функционального диапазона данной семантики. Такое описание возможно через собственно лингвистические текстовые категории, имеющие обобщенный универсальный характер, обладающие вариативностью средств выражения; членимостью.

Категории текста обнаруживают основные признаки, которые приписываются функционально-семантическим категориям: 1) наличие общих инвариантных семантических функций у элементов, образующих данную группировку; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности лексических, морфологических и синтаксических; 3) структура, в которой определяющую роль играет членение на центр / периферию и постепенные переходы между компонентами, частичные пересечения.

Таким образом, единицы, участвующие в формировании категорий текста, объединяются по двум признакам: функциональному и семантическому. Категории текста, подобно **функционально-семантическим** категориям, представляют собой широкие сферы разнородных элементов различных уровней, взаимодействующих при выполнении определенных семантических функций.

Т. В. Романова

Однако если функционально-семантические категории, выделяемые традиционно в языке, относятся к языковому миру, как бы интегрирующему логический и лингвистический мир, то категории текста, прежде всего художественного, относятся к эстетическому миру идеальной действительности.

Специфика выражения категорий текста заключается не только во взаимодействии языковых единиц различных уровней, но и в соединении первичного и вторичного кодового, эксплицитного / имплицитного значения этих единиц [Тураева 1986].

Адекватное описание категорий текста должно также учитывать существование некоего глобального контекста, сопровождающего языковую коммуникацию.

При интерпретации средств формирования категорий текста особое значение приобретает специальный опыт получателя текста, его восприятие аллюзий, реалий, образов.

Кроме того, необходимо учитывать, что языковые средства полифункциональны, они могут одновременно служить планом выражения различных категорий, и то, что в одном и том же отрывке текста реализуется не одна, а несколько категорий текста (учитывать их взаимосвязь).

Если для категорий грамматики предложения характерна полевая структура с максимально грамматикализованным ядром и лексикограмматической периферией, то для полевой структуры категорий художественного текста типично ядро из элементов более высокого уровня.

Элементы, включающиеся в формирование категорий текста, находятся между собой в определенных отношениях. Эти отношения связывают, с одной стороны, понятийную основу с ее языковой формой. С другой стороны, элементы формы также находятся во взаимодействии и взаимозависимости. Здесь действуют два принципа - семантической дискретности отдельных единиц и семантического континуума [Тураева 1986].

Понятие лингвистической категории текста связано с отражением объективной действительности. В связи с этим представляется возможным описание лингвистических категорий текста, начинающегося с денотативных ситуаций, находящихся свое отражение в понятийных категориях.

В тексте, единице, адекватно отражающей отношения объективного мира, можно выделить инвариантные семантико-функцио-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

нальные лингвистические значения, представляющие собой обобщенное отражение отношений объективной действительности, обобщенное отражение денотативных элементов и связей. Инвариантные семантико-функциональные лингвистические значения должны составлять содержательные стороны лингвистической категории. Вся совокупность языковых средств, репрезентирующих инвариантные семантико-функциональные лингвистические значения, обнаруживаемые в тексте, отражает формальное выражение, формальную сторону лингвистических категорий, их структуру.

Соотношение формы и содержания в лингвистической категории проявляется во взаимодействии семантико-синтаксической инвариантности отношений и функциональной близости языковых единиц, фиксирующих эти связи.

Способность языковых средств, представляющих структуру определяемой категории текста, к функционированию в том или ином стиле текста, приспособление их к задачам информации отражает функциональную сторону лингвистической категории.

Следовательно, в основу вычленения категорий текста должны быть положены следующие основные критерии: значение, форма, функция.

Сложность описания лингвистических категорий состоит еще и в том, что, являясь в своей основе понятийными категориями и подлежащие компетенции лингвистов, они имеют различное содержание: языковое и философское, грамматическое и логическое [Мещанинов 1945, 1967].

Необходимо определить соотношение лингвистических категорий с синтаксическими и грамматико-лексическими полями, а также соотношение их с функционально-семантическими категориями. Синтаксические поля вычленяются на уровне однородных единиц. Поэтому понятие синтаксического поля оказывается уже понятия лингвистической категории. Категории текста сближаются с грамматико-лексическими полями и функционально-семантическими категориями (а основным принципом последних так или иначе является принцип поля), но, в отличие от полей, категории текста сигнализируют отношения (связи), имеющие место не только между предметами и явлениями реального мира, но и между мыслями о них. Поэтому семантико-функциональные лингвистические значения, оставляющие содержание лингвистических категорий, являются отношениями не только

Т. В. Романова

предметного характера, но и отношениями предметно-логического характера одновременно.

В сферу функционально-семантических категорий входит языковое грамматическое содержание. В сферу лингвистических категорий текста входит языковое содержание как грамматическое, так и логическое, и, более того, философское.

Следовательно, лингвистические категории текста по сравнению с грамматико-лексическими полями и функционально-семантическими категориями являются более объемными по содержанию. Суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что одни из подходов к решению вопроса, касающегося исходных моментов в определении содержания категорий текста, является обращение к логико-семантическому аспекту текста и попытка интерпретаций категорий текста с точки зрения соотношения их структуры с денотативной ситуацией. Под денотативной ситуацией понимается отражение в сознании человека отношений реальной действительности.

Предварительно под категорией текста будем понимать совокупность языковых средств для выражения определенных инвариантных семантико-функциональных лингвистических значений, коррелирующихся отношениями объективной действительности (или денотативной ситуацией). Для понимания сущности лингвистической категории текста основополагающее значение имеют следующие конституирующие признаки: 1) наличие инвариантных семантико-функциональных лингвистических значений, коррелирующих с денотативной ситуацией; 2) наличие определенной совокупности текстовых формальных языковых средств, различающихся в плане выражения, но сближающихся в функциональном плане, для репрезентации определенных инвариантных семантико-функциональных значений.

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М, 1966.
Баранов А.Н. Проекция поля на текст // Типы языковых парадигм: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 126-131.
Бахтин М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. М, 1997. С. 227-245.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М, 1974.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. С. 17-23.

Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованное™ художественного текста: (Одноязычная и межъязыковая коммуникация): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.

Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1977. Т. 36. № 6. С. 123-129.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб., 1996.

Диалектика текста: В 2 т. Т. 1 / О.Н. Гордеева, О.В. Емельянова, Е.С. Петрова и пр.; под ред. проф. А.И. Варшавской. СПб., 1999.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.; Л., 1972.

Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. М., 1972.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1971.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Лотман Ю.М. Двойственная природа текста (связный текст как семантическое коммуникативное образование) // Текст и культура. Общие и частные проблемы. М., 1985.

Лотман Ю.М. Избранные статьи. Тарту, 1993. Т. 3.

ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Малинович М.В. К понятию лингвистических категорий текста // Проблемы лингвистического анализа текста. Иркутск, 1980. С. 14-22.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. М., 1998.

Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. Ч. 1. М., 1945.

Мещанинов И.И. Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. М., 1967.

Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. М., 1960.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М., 1986.

ФЭС- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Н.В. Фурашова

Н.В. Фурашова (Минск)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАТЕГОРИЙ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА

Одним из постулатов современной парадигмы лингвистических исследований является признание отсутствия четких границ у языковых категорий, в том числе и между разными - традиционно выделяемыми - языковыми уровнями: морфологией, грамматикой, лексикой. Указанные уровни представляют собой, по мнению лингвистов-когнитологов, **континуум** символических структур, произвольно подразделяемых исследователями на дискретные уровни и единицы в целях изучения природы языка [Achard 1998: 20; Croft 2001: 17; Langacker 1988: 12]. Каждый уровень предстает, в свою очередь, как инвентарь знаков (символов), то есть двусторонних единиц «форма-значение», причем значение понимается здесь в широком смысле и включает как семантику, так и прагматику.

Для обозначения указанных единиц в одном из активно разрабатываемых зарубежными (как американскими, так и европейскими) лингвистами направлений - грамматике конструкций (Constructional Grammar, Konstruktionsgrammatik) - используется термин «конструкция». Первоначально он был введен в лингвистику для описания семантики единиц лексического уровня и отражал новый взгляд на значение, истоки которого лежали в новом понимании процесса познания - не как **объективного отражения** окружающей действительности субъектом, а как деятельности, характерными чертами которой являются антропоцентризм, интерпретативность, перспективизм и т.д. При таком подходе «реальность, с которой имеет дело познание и в которой мы живем - это не что иное, как **конструкция** самого субъекта, иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая» (выделено - *Н.Ф.*) [Конструктивизм 2008: 3-4] (см. также [Болдырев 2009: 45; Колмогорова 2006: 241; Лакофф 2004: 10-11; Меркулов 1999: 69; Рахилина 2000: 338; Чейф 2008: 78; Шахнарович, Юрьева, 1990: 51; Achard 1998: 9; Croft, Cruse, 2004: 19; Geeraerts 1997: 8; Geeraerts 2006: 4; Halliday, Matthiessen 1999: 3; Johnson 2008: 46; Langacker 2008: 35,55; Verhagen 2007: 48, 58 и др.]). Опыт, приобретаемый нами в процессе взаимодействия с реальным миром и фиксируемый лексическими единицами,

III. Уровневая категоризация естественного языка /

отражает наши потребности, интересы, культуру и т.п. и именно в силу этого не может быть нейтральным отражением объективной реальности. Важно, однако, подчеркнуть, что идея конструктивизма не отрицает объективной реальности, которая, конечно, существует, но структурируется она человеком с учетом его субъективных потребностей и возможностей.

В рамках направления лингвистических исследований, именуемого грамматикой конструкций, сфера использования термина «конструкция» - а значит, и соответствующий взгляд на языковые единицы - была расширена, он стал применяться для описания единиц других уровней языка. Сегодня «конструктивисты» любую языковую единицу рассматривают как конструкцию, а язык - как континуум конструкций, один полюс которого образуют категории с более конкретным когнитивным содержанием, то есть лексические единицы, другой - схематические категории высокого уровня абстракции, не имеющие конкретного лексического наполнения. В основе этого подхода лежит признание того, что единицы всех уровней языка - особенно важно это положение для грамматики / синтаксиса - обладают собственным значением. Например: 1) морфологический уровень: конструкция [ver-V] имеет дистрибутивное значение (*verteilen* 'раздать, распределить', *verschenken* 'раздарить', *verschütten* 'расплескать'); конструкция [N-E] - значение множественного числа (*Tische* 'столы'); 2) синтаксический уровень: абстрактные структуры типа дитранзитивной [NP_{NoM} V NP_{DAT} MP] *Hans gab Maria ein Buck* 'Ханс дал Марии книгу' и под. (см. обзор в [Stefanowitsch 2008]).

Представленный подход к единицам языка является, на наш взгляд, благоприятным для достижения цели данной статьи - описания роли категорий разных языковых уровней в формировании семантики многозначного глагола. Рассматривая единицы всех уровней как конструкции и подчеркивая этим их единую природу и общность, он предоставляет тем самым хорошую возможность для их сопоставления и сравнения.

В работах указанного направления термин «грамматическая конструкция» имеет отнесенность и к морфологии, и к синтаксису. В таком широком понимании подчеркивается его противопоставление единицам лексического уровня и определенная общность значений единиц других уровней, объединяемых этим термином (ср.: "the lexicon and **the rest** of grammar" [Goldberg 1995: 23] 'лексикон и **остальная часть** грамматики' (выделено - *Н.Ф.*), хотя и термин «грам-

Н.В. Фурашова

матика» здесь употреблен не в традиционном для нас понимании). То есть категории (конструкции) разных языковых уровней имеют одну и ту же природу, сущность - они обладают значением. Но они имеют одно существенное различие - уровень абстракции. Значение грамматических конструкций имеет концептуальный характер, оно отражает **способ** концептуализации опыта в процессе его кодирования и языкового представления, в то время как лексические категории фиксируют конструкцию конкретной - повторяющейся в опыте - ситуации [Croft 2001: 109-110; Langacker 2006: 29].

Таким образом, грамматика (в широком понимании термина) конструирует и структурирует опыт человека с целью его языковой «упаковки» и коммуникации. Отсюда и следует признание того, что грамматические конструкции обладают собственным значением независимо от их лексического наполнения [Goldberg 1995: 1, 224; Gries 2006: 2-3]. Проанализированный материал (многозначные глаголы со значением физического (воз)действия в немецком языке) свидетельствует также о том, что грамматические (синтаксические и морфологические) конструкции передают **основной, базовый опыт** человека по воздействию на объекты окружающего мира или опыт восприятия и интерпретации изменений, наблюдаемых в этом мире. Они представляют собой **схемы**, образцы организации когнитивного содержания в процессе его языковой обработки, которые можно назвать «грамматическими гештальтами» [Dirven 2005: 19].

Продемонстрируем приведенные положения на конкретном материале - немецких глаголах со значением физического действия. Примером синтаксической конструкции может служить [NP_{акк} von NP_{дат} V], имеющая в контексте анализируемых глаголов значение «каузировать отделение чего-либо от чего-либо». Конкретной реализацией данной относительно абстрактной - так как содержащей конкретный предлог «от» - конструкции являются, например, сочетания *eine Scheibe vom Brot schneiden* 'отрезать кусок хлеба от буханки', *den Staub von der Glasplatte wischen* 'стереть пыль со стеклянной поверхности', *die Knöpfe vom Mantel trennen* 'доел.: отделить пуговицы от пальто', *den Schnee, das Laub vom Bürgersteig fegen* 'сметать снег, листву с тротуара'. Еще одним примером может служить синтаксическая конструкция со значением извлечения одного объекта из другого [NP_{акк} aus NP_{дат} V], имеющая конкретные реализации типа *eine faule Stelle aus dem Apfel schneiden* 'вырезать гнилое место из яблока', *ein Buch aus dem Schrank nehmen* 'достать книгу из шкафа' и под.

III. Уровневая категоризация естественного языка 1

Эти же значения могут быть переданы и морфологическими конструкциями, например: [ab-V] (отделение), [aus-V] (извлечение): *sich eine Scheibe Brot, Wurst abschneiden* 'отрезать кусок хлеба, колбасы'; *eine Annonce aus der Zeitung ausschneiden* 'вырезать из газеты объявление', *Steine [aus der Mauer] ausbrechen* 'выбивать камни из стены'. Возможность реализации одного и того же значения на нескольких уровнях свидетельствует о его «привилегированности» и культурной значимости для определенного языкового сообщества. Приведенные примеры являются конкретными реализациями абстрактных, схематических конструкций, которые наполняются лексическим содержанием, в первую очередь, глаголом с определенным значением, которое без проблем интегрируется в значение конструкции. В приведенных примерах глаголы обозначают конкретный способ достижения результата, зафиксированного грамматической конструкцией, а смысл всего высказывания представляет собой композицию значений конструкций всех уровней (среди «конструктивистов» нет единства взглядов в вопросе признания композиционное™ семантики конструкций, но эта проблема выходит за рамки данной статьи).

В рамках темы данной статьи интересно отметить случаи, когда значения конструкции и глагола, употребленного в ней, приходят в противоречие, вступают в конфликт. Так, лексическая единица *binden* 'связывать', фиксирующая опыт соединения, скрепления чего-либо с помощью объектов определенного типа (нить, проволока, веревка и т.п.), например: *Blumen [zu einem Strauß] binden* 'связать цветы (в букет)', *Junge Baume an eine Stütze binden* 'привязывать молодые деревья к колышкам' (ср. также [an-V] *den Hund, das Pferd anbinden* 'привязать собаку, лошадь') может употребляться в антонимической морфологической конструкции [ab-V] со значением отделения чего-либо от чего-либо: *die Schürze, den Schlips, das Kopftuch abbinden* 'снять (доел.: отвязать, развязать) фартук, галстук, платок'; *das Bein, den Arm abbinden* 'от-/развязать ногу, руку'. Конструкции с противоположным значением мотивируют появление антонимических значений у одного и того же глагола.

Этот вывод имеет непосредственное отношение к развитию многозначности у анализируемых глаголов, в первую очередь, у таких прототипических глаголов физического действия, как *brechen* 'ломать, колоть', *stechen* 'колоть', *schneiden* 'резать', *graben* 'копать' и др. Так, в конструкции [NPакк in MPджк V] глагол *graben* имеет значение 'поместить что-либо во что-либо (как правило, в землю)', в конструкции [NPAKK aus NP_{dat} V] - противоположное значение 'извлечь что-либо из чего-

Н.В. Фурашова

либо', [NPAKK nach NP_{ДАТ} V] - 'искать, копать' и т.д. Приведенные сочетания позволяют сделать вывод о том, что значение глагола предопределяется семантикой конструкции более высокого уровня абстракции, в которой он употреблен. Сами конструкции могут быть - как и лексические единицы - многозначными. Интеграция глагола в такую конструкцию приводит соответственно к его многозначности, на что обратил внимание Д. Вундерлих на примере глагола *aufziehen* 'натягивать, тянуть вверх и т.д.', три значения в семантической структуре которого мотивированы тремя значениями конструкции [auf-V] [Wunderlich 1991: 32].

Выше отмечалось, что каждый уровень языка может рассматриваться как инвентарь соответствующих конструкций. При этом перечень грамматических - в широком понимании термина - конструкций является конечным. Что касается лексического состава языка, то он традиционно считается открытым классом, так как постоянно пополняется новыми единицами. Кроме этого, каждая лексическая единица - это уникальная, специфическая конструкция нашего опыта. И именно комбинация относительно стабильных, схематических конструкций с каждым раз уникальной в своем значении лексической единицей позволяет выражать все новые смыслы, что имеет два важных следствия. Во-первых, значение самой грамматической конструкции подвергается некоторым модификациям, в результате чего она также может стать многозначной. Во-вторых, значение высказывания часто перестает быть выводимым из значений конструкций. Так, если исходным значением морфологической конструкции [ab-V] является значение отделения, удаления чего-либо, например: *abhacken* 'отрубить', *abhobeln* 'снять рубанком', *abbrechen* 'отколоть', *abkratzen* 'соскрести', *abfegen* 'вы-/смести', то употребление глагола *ncihen* 'шить' в данной конструкции приводит к значению 'ушить, сделать (изделие из ткани) уже', в сочетании с глаголом *kochen* 'кипятить, варить' конструкция приобретает значение завершенности действия *Kartoffeln abkochen* 'gar kochen' (отварить картофель, сварить **до готовности**).

Важно однако отметить, что перечисленные значения трудно однозначно приписать морфологической конструкции, они рождаются именно в момент интеграции определенной лексической единицы в конструкцию, что еще раз подтверждает, с одной стороны, континуальный характер языковой системы, о чем шла речь в начале статьи, с другой - роль **взаимодействия языковых уровней** в порождении новых значений.

И, наконец, не последнюю роль в формировании значения конструкции и интерпретации высказываний играют так называемые экс-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

тралингвистические знания, которые только и помогают понять, например, сочетания типа *Geschirr, Instrumente abkochen* 'кипятить посуду, инструменты', где глагол *kochen* 'кипятить' приобретает значение 'стерилизовать кипячением'. Нельзя также не заметить, что это значение является результатом этнокультурного конструирования данной ситуации. Согласно дефиниции 'etw. durch Kochen keimfrei, steril machen' процесс стерилизации интерпретируется немецкоговорящим этносом как «удаление бактерий», что и мотивировало употребление глагола именно в конструкции [ab-V].

Роль грамматических конструкций в порождении новых значений особенно ярко проявляется в окказиональных употреблениях глаголов. В этой связи показателен часто приводимый в литературе пример *to sneeze the napkin off the table* доел.: 'счихнуть салфетку со стола'. Значение 'каузировать перемещение объекта' у данного глагола - это, по выражению Дж. Тейлора, вклад конструкции в семантику высказывания [Taylor 2003: 38-39], что еще раз свидетельствует о прimate более абстрактных грамматических конструкций.

Такой подход явно отличается от традиционного понимания роли глагола в предложении, согласно которому глагол предопределяет синтаксические конструкции, в которых он может употребляться (вербоцентризм). В представленном в данной статье направлении исследований первичными и решающими признаются значения конструкций. Так, Дж. Тейлор считает, что порождение и интерпретация новых высказываний базируются на знании абстрактных схем сочетаемости, накладываемых на единицы языка. Эти схемы-конструкции имплицитно также информируют о том и, следовательно, предопределяют, какие лексические единицы могут заполнить слоты конструкции. Они могут при этом быть в определенной степени специфицированными, то есть содержать конкретные лексические единицы. В знание глагола может входить информация о том, в каких конструкциях он может употребляться [Taylor 2003: 42-43], но предпочтение в формировании семантики высказывания сторонники представленного в данной статье направления отдают более абстрактным по сравнению с лексическими грамматическим конструкциям.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. В изучении многозначности глаголов необходимо учитывать взаимодействие всех уровней языка: семантики, морфологии, синтаксиса (Д. Вудерлих включает сюда и фонологию [Wunderlich 2006: 13]).
2. Любая языковая единица является конструкцией (в описанном выше смысле), а каждый уровень языка представляет собой ин-

Н.В. Фурашова

вентарь конструкций. При формировании и интерпретации нового значения решающей оказывается семантика более высокой по уровню абстракции конструкции, например, синтаксической или морфологической по сравнению с лексической.

3. Грамматические конструкции (морфологические и синтаксические) структурированы и находятся в определенных отношениях друг к другу - синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия. Они также могут быть многозначными. При интеграции глагола в подобные конструкции он наследует указанные отношения, что непосредственно связано с развитием полисемии.

4. При порождении и интерпретации новых значений (употреблений) глаголов невозможно обойтись без привлечения экстралингвистического опыта, что подтверждает положение и об отсутствии границ между знанием языка и знанием мира, которое язык и призван фиксировать с целью сделать его доступным для передачи другим, то есть для коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 38-50.

Колмогорова А.В. Языковое значение как структура знания и опыта // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006. С. 240-256.

Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1999.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). М., 1990.

Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 78-88.

Achard M. Representation of cognitive structures: syntax and semantics of French sentential complements. Berlin; N.Y., 1998.

III. Уровневая категоризация естественного языка I

Croft W. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001.

Croft W., Cruse D. Cognitive linguistics. Cambridge, 2004.

Dirven R. Major strands in Cognitive Linguistics // Cognitive linguistics: internal dynamics and interdisciplinary interaction. Berlin, N.Y., 2005. P. 17-31.

Geeraerts D. Diachronic Prototype Semantics. A Contribution to Historical Lexicology. Oxford, 1997.

Geeraerts D. A rough guide to Cognitive Linguistics // Cognitive Linguistics Research. 34. Cognitive Linguistics: Basic Readings. Mouton de Gruyter, Berlin, N.Y., 2006. P. 1-28.

Goldberg A.E. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago and London, 1995.

Gries S.Th. Introduction // Corpora in cognitive linguistics: corpus-based approaches to syntax and lexis. Berlin, N.Y., 2006. P. 1-17.

Halliday M.A.K., Matthiessen, Christian M.I.M. Construing experience through meaning: a language-based approach to cognition. London, N.Y., 1999.

Johnson M. Philosophy's Debt to Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, 2008. P. 39-52.

Langacker R.W. An Overview of Cognitive Grammar // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 3-48.

Langacker R. W. Subjectification, grammaticization, and conceptual archetypes // Subjectification: various paths to subjectivity. Berlin, N.Y., 2006. P. 17-40.

Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008.

Stefanowitsch A., Fischer K. Konstruktionsgrammatik: Ein Überblick // Konstruktionsgrammatik I: Von der Anwendung zur Theorie. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2008. S. 3-17.

Taylor JR. Cognitive models of polysemy // Trends in Linguistics. Studies and Monographs 142. Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. Mouton de Gruyter: Berlin, N.Y., 2003. P. 31-47.

Verhagen A. Construal and Perspectivization // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford, 2007. P. 48-81.

Wunderlich D. Arbeitsbuch Semantik. Frankfurt am Main, 1991.

Wunderlich D. Introduction: What the study of the lexicon is about // Advances in the theory of the lexicon. Berlin; N.Y., 2006. P. 1-25.

ДИНАМИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Семантические аспекты апеллятивной и ономастической лексики представляют интерес с точки зрения соотношения лексических и грамматических элементов. Географический объект, имеющий собственное имя, получает двойное обозначение: термин + топоним. Но каждое из этих слов, если это не онимизация апеллятива, имеет свою структуру значения, в которой есть денотат и сигнификат, при этом денотат у этих двух слов действительно один и тот же, но сигнификат у каждого слова свой. Специфика ономастиологической номинации как явления речи состоит в том, что осуществляется индивидуализация объекта, являющегося денотатом собственного имени. Известно, что индивидуализация объекта осуществляется на базе не только лингвистической, но и экстралингвистической. Кроме того, как отмечает М.В. Голомидова, частную характеризующую и индивидуализирующую семантику имени собственного составляют не только денотативная отнесенность, но и мотивировочное значение [Голомидова 1998]. Удельный вес мотивированности в семантике топонимического знака довольно высок. Обобщение отдельных мотивационных связей приводит к образованию мотивационных моделей, которые определяют структуру топонимобразования, ср.: Омск (острог на реке Омь), Томск и т.д., где *-ск* является грамматическим маркером принадлежности.

В силу наличия двойного сигнификата (термин + оним) топонимическое наименование более информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого объекта и сообщает о нем культурно-исторические данные [Рут 1992: 42].

Типологическое сопоставление русской и английской топонимии позволяет выявить общие модели регулярной многозначности, присутствующие в одном и отсутствующие в другом языке. В результате проведенного исследования было выяснено, что антропонимы и топонимы обладают не только номинативным единичным значением, но и имеют общую тенденцию соотношения понятий предмет / пространство. С точки зрения компонентного состава значений слов отмечены следующие механизмы семантических изменений: сужение и

III. Уровневая категоризация естественного языка I

расширение количества компонентов, их замена на фоне ассоциативных связей, следовательно, при переходе имен собственных в имена нарицательные путем семантической деривации задействованы различные механизмы изменения семного состава значения. Ассоциативные связи лексического фона субстандартных топонимов и антропонимов реализуются в производном с помощью словообразовательных моделей, являющихся своего рода прототипами, дающими жизнь новым дериватам [Пономарева 2005: 37].

Семантический анализ ономастических дериватов показал, что к наиболее продуктивным лексико-семантическим группам относятся топонимы, гидронимы и антропонимы.

Сравнительный анализ английских и русских топонимов и антропонимов показал, что основными когнитивными моделями семантической деривации являются следующие:

- «предмет» > «место его происхождения»: *Шампанское, Богема;*

- место > предмет, явление, популярное в этом месте: *Вавилон* (Московская молодежная группировка, собирающаяся в кафе *Вавилон* на улице Горького), *Макдональдс, Эльдorado;*

- место > деятельность, явление, производящее похожее впечатление: *Бродвей, Голливуд.*

Рассмотренные выше модели могут быть названы доминантными, так как они являются наиболее общими, универсальными в процессе развития нарицательной семантики у антропонимов и топонимов. Метафорический и метонимический переносы, а также модификация значения выступают основными способами субстандартной семантической деривации антропонимов и топонимов.

Появление фундаментальных исследований по теории языковой номинации, а также частных исследований по способам номинации свидетельствуют о чрезвычайной сложности проблемы изучения номинативной деятельности человека, представляющей собой «комплексный речемыслительный процесс, имеющий как логикогносеологические, так и психологические, как биологические, так и социальные, как физиологические, так и чисто языковые основания» [Кубрякова 1986: 13]. Названия получали те объекты, на которые была направлена деятельность человека и которые представляли для него утилитарный интерес. В процессе номинации человек выделяет и фиксирует самое важное. Средством фиксации является адекватное языковое средство, связывающее тем самым мир действительности с миром

Т.В. Хвесько

языка и устанавливающее корреляцию между объектом и выбранным для его названия языковым отрезком. Анализ словообразовательной и ономаσιологической структуры топонимов позволяет реконструировать номинативную деятельность человека и установить некоторые принципы номинации, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков уже известных объектов и служат базой для новых наименований.

Ономаσιологический подход к рассмотрению словообразования в последние годы приобрел особое значение. Проводя ономаσιологический анализ, мы должны иметь в виду, что это анализ формы лингвистической деятельности, которая представляет собой очень хорошо отработанную на материале словообразовательного анализа методику. В сфере применения ономаσιологии сместился акцент от имен предметов к исследованию процессов номинации в целом, и «в фокусе должного внимания оказалась вся номинативная деятельность как процесс рождения имени для обозначения тех или иных объектов окружающего нас мира» [Кубрякова 1986: 13].

Увеличение номинативных средств, вызываемое коммуникативной необходимостью - актуальная проблема нашего времени. Расширение и обогащение лексического состава благодаря грамматизации форм приобретает особое значение в рамках общей проблемы лингвистических преобразований и эволюции языка.

Межъязыковые заимствования в плане реализации лексико-семантической деривации, процессы неологизации на разных уровнях современных языков пользуются повышенным вниманием лингвистов. *Неологизм* - новообразованное слово или новое значение старого, типа *водолазка, стенка, платформа, шильки* - является активным способом пополнения лексического фонда современного русского языка. Заимствования из английского языка, который является межнациональным языком-донором, наличие в современном русском языке большого числа англицизмов ставит перед исследователями такие задачи, как всестороннее изучение влияния новой иноязычной лексики на систему русского языка, выявление закономерностей интеграции заимствований во все системы языка-реципиента. Особая важность избранной проблемы определяется тем, что словообразовательная интеграция иноязычных единиц в современный русский язык, их функциональное разнообразие в современной лингвистике до сих пор остаются еще недостаточно изученными, несмотря на наблюдающуюся в по-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

следнее время особую интенсивность проникновения слов иноязычного происхождения в русскую речевую среду.

Изучение англоязычных заимствований в современном русском языке с точки зрения их словообразовательных морфологических возможностей показывает взаимодействие лексических и грамматических категорий. Англицизмы подвергаются влиянию русской деривационной системы, образуя словообразовательные цепочки и гнезда. В.В. Виноградов отмечал, что в Академическом словаре ясность семантической перспективы в изложении связи значений слова пострадала от гнездового расположения слов, где не только сливались омонимы, но и производные от них слова смешивались в беспорядочную грудку, напр.: *вывалить* и *вываливать*. Сравните: *толпа вывалила из переулка* и *вываливать дрова из саней* [Виноградов 1977: 7].

Иноязычный материал заслуживает особого внимания, так как процесс заимствования из английского языка на современном этапе приобретает массовый характер. Не случайно внимание таких известных лингвистов, как В.В. Виноградов [1982], А.А. Реформатский [1987], Л.В. Щерба [1957] привлекают проблемы адаптации англицизмов. В свою очередь словообразовательная адаптация англицизмов приводит в действие словопорождающий механизм языка-реципиента.

Избранный подход позволяет наглядно представить словообразовательные и мотивационные отношения между компонентами гнезда, показать вариативность формантов, продуктивность словообразовательных средств. На современном этапе развития русского языка английские заимствования активно участвуют в словообразовательном процессе. Наблюдается не только их собственное участие в словопроизводстве, но и реализация словообразовательного потенциала, создание дериватов на базе англицизмов, что способствует формированию словообразовательных гнезд, разнообразных по количеству и составу производных, сравните: *фрилав* - *фрилавность*, *хэпибездей* - *хэпибезднутый*, *окей* - *окейница*, *вип* — *виповать* (... *на концерте надо не виповать как мажоры за столиками, а наслаждаться музыкой стоя*) [Прокутина 2010].

В работе Е.В. Прокутиной очерчены возможности английских заимствований в составе нестандартной лексики современного русского языка, определены способы образования производных лексем в нестандартной лексике современного русского языка на базе английских заимствований. Автор вносит достойный вклад в изучение возможностей словообразовательной системы русского языка, в теорию деривации. Выдвинута смелая гипотеза о том, что, проникая в сферу нестан-

дартной лексики и функционируя в ней, англицизмы активно развиваются, образуя новые лексемы по грамматическим моделям современного русского языка. Очевидно, адаптации заимствованных англицизмов способствует отсутствие в них морфологических показателей (распад падежных окончаний), их успешное взаимодействие с исконными словообразовательными средствами русского языка, возможность образовывать разветвленные словообразовательные гнезда по имеющимся в русском языке типам и моделям словопроизводства. Новые слова, образованные на базе англицизмов, заполняют лакуны языковой системы и реализуют таким образом ее потенциальные возможности.

Если говорить о причинах заимствований в современном русском языке, то к внешним неязыковым причинам заимствования иноязычной лексики относятся наличие политических, торговых, культурно-экономических контактов между народами; социальные, экономические и политические изменения. Не последняя роль в заимствовании лексики принадлежит средствам массовой информации, художественной литературе и сети Интернет. К лингвистическим (языковым) причинам заимствований можно отнести отсутствие эквивалента в системе принимающего языка; тенденция к сокращениям или принадлежность иноязычного слова к интернациональной лексике. Переход в другой язык сопровождается семантическими или морфологическими маркерами.

Прямое заимствование, для которого характерно полное воспроизведение иноязычной морфемы, а также сохранение основного значения слова, выражено в примерах: англ. *boyfriend* (друг, любимый) → *бойфренд*, англ. *change* (обмен) → *чейндж*, от англ. *loser* (проигравший, неудачник) → *лузер*.

К способам заимствования относится и словопроизводство, представляющее собой ту часть языкотворчества, которая особенно ярко показывает видение мира того или иного народа, его культуру и менталитет.

Народная этимология является достаточно популярным и эффективным средством эмоционально-экспрессивного выражения говорящего, его лингвокреативности, речевой релаксации, в процессе которой проверяются ресурсы и возможности языка. Сочетание английского корня и русского суффикса есть не что иное, как гибрид: *шузы*, *гламурный*, *герла* [Ирисханова 2004]. Лингвистическое творчество проявляется и в варьировании географических названий. Динамические языковые явления отражают развитие мысли, не всегда объектив-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

ное, но всегда самостоятельное, в результате которого появляются искаженные названия. Часть моря вокруг Кольского полуострова называлась *Норманским* (искаж. *Мурманским* морем на картах XVI-XVIII вв.). Название города *Мурманска* происходит от этнонима *мурман*, искаж. *норманн* (норвежец). Что же повлияло на изменение: ассоциация с *дурман*, *гурман*, *туман*?

Название *Набережные Челны* происходит от тюрк. *Чалы* (гора, косогор), что созвучно с русск. *челны* (лодки). Использование формы мн. числа - общеизвестное средство образования топонимов, напр.: Лужники, Борки, Горки. Обновление номинации сопровождается снижением экспрессивного воздействия на собеседника и эмоционального самовыражения, оценки говорящего. Так, от заимствованного из английского языка слова *гламур* «чары, волшебство; обаяние, очарование» в русском языке образуется производное слово *гламурятник*, которое содержит дополнительный компонент негативной экспрессии и пренебрежительного отношения, что обусловлено ассоциативной связью со словами, образованными с суффиксом *-атник / -ятник*: «курятник», «голубятник» - типовая словообразовательная парадигма со значением «помещение для животных». Такая связь является порождением языковой шутки, насмешки, иронии. По аналогии образуются слова *попсятник* (от англ. *popular music* - поп-музыка), *випятник* (от англ. *VIP - Very Important Person* - особо важная персона), *мажорятник* (от англ. *major* - представитель материально обеспеченной элиты), *лузерятник* (от англ. *loser* - неудачник) и т.д.

Таким образом, проникая в лексический состав русского языка различными способами, англицизмы проявляют словообразовательный потенциал. Заимствованные слова активно образуют производные на русской почве, становясь объектом сознательного словотворчества.

Механизмы взаимодействия единиц языка и речи можно проследить на примере семантической деривации. Процессы апелляции имен собственных и онимизации имен нарицательных показывают, что в языке происходит постоянное взаимодействие между именами нарицательными и собственными. Если индивидуальность именуемого объекта становится неочевидной, наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное (в языке вообще или в данной речевой ситуации). В таком случае можно говорить об апелляции собственного имени. В языке также имеет место прямо противоположный процесс. Если именуемый нарицательным именем объект становится определенным и конкретным, возрастает вероятность его перехода в имя собственное. Такой

переход называется онимизацией. В большинстве случаев в основе онимизации и апеллятивации лежит семантическая деривация.

Апеллятивация наблюдается в случае, если: а) денотат имени собственного приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива; б) нарушается связь имени с одним определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга объектов, поселений и т.п. При этом, поывая с одним понятием, слова связываются прочной логической связью с другими понятиями. Чтобы установить такую связь, имя собственное должно обрести определенную долю интеллектуальной информации. Насыщение имени собственного такой информацией и приводит к его постепенной апеллятивации. Этот процесс может проходить естественным (довольно длительным) и искусственным путем. Искусственный путь осуществляется в области специализированной лексики и предполагает единовременный акт словотворчества, сопровождаемый специальным постановлением, то есть здесь речь идет о целенаправленном переходе. Естественная апеллятивация топонимов в результате семантической деривации наблюдается в следующих случаях: *бикини* - происходит от названия острова в Тихом океане; *богемия* *— регион на западе Чехии; *канарейка* <— Канарские острова; *эльдorado* <— EL Dorado, мифический город золота; *Голливуд* <— город в Америке; *джерси* *— остров; *марафон* <— город в Греции; *мавзолей* *— захоронения Маузолоса в Турции; *матрас* *— город Мадрас в Индии; *олимпиада* *— Olympus, самая высокая гора в Греции. Во всех перечисленных случаях топоним переходит в апеллятив в результате постепенного расширения знаний о нем. Денотат приобретает большую известность в определенном социуме, имя становится типичным и теряет связь с первоначальным названием города, острова, события.

Таким образом, в современном языке процесс апеллятивации становится нормой; в него может быть вовлечено практически любое имя. В результате создаются качественно новые лексические единицы, которые активно участвуют в различных словообразовательных процессах: аффиксации, словосложении, конверсии. Одно и то же имя может неоднократно вовлекаться в процесс апеллятивации, причем каждый раз актуализируются различные составляющие лексического фона этого имени, что ведет к созданию омонимов. Первоначальное значение апеллятивированного имени (АИ) достаточно быстро трансформируется. Оттенки значения перерастают в самостоятельные единицы, поэтому одной из наиболее характерных черт современных АИ является полисе-

III. Уровневая категоризация естественного языка I

мия. АИ является благоприятным материалом для развития словообразования по аналогии. Следует отметить, что процесс приобретения АИ свойств имен нарицательных (ИН) (использование в форме множественного числа, с артиклем; написание со строчной буквы и т.д.) во многом упрощается. Как следствие учащаются случаи вовлечения различных ИС в процесс апелляции. В результате создаются яркие, образные единицы, и это способствует возрастанию их популярности. С другой стороны, вследствие их применения в языке увеличивается количество образований, сохраняющих отчетливо выраженную связь с ИС, но употребляющихся в несвойственных им функциях.

В современном английском языке отчетливо проявляется тенденция к сближению имени собственного и нарицательного, и это свидетельствует о том, что отношение носителей языка к статусу имен претерпевает изменения.

Объектом ономаσιологического анализа в принципе могут служить различные тематические группы слов: и термины, и антропонимы, и топонимы. Несмотря на ряд проведенных исследований лексики с ономаσιологических и когнитивных позиций, тематическая группа топонимов до настоящего времени изучена менее всего и требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 7.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. С. 21.

Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 270.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 13.

Пономарева О.Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале англ. языка в сопоставлении с русским и немецким языками): монография. Тюмень, 2005. С. 37.

Прокутина Е.В. Английские заимствования в нестандартной лексике современного русского языка: структурно-словообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. С. 42.

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

**ВЫПУСК VII
ТИПЫ КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКЕ**

Сборник научных трудов

Главный редактор серии
Кубрякова Елена Самойловна

Ответственный редактор выпуска
Болдырев Николай Николаевич

ISBN 973-5-89016-637-1

9 78E>890 166371

Компьютерная верстка *С.Г. Павловой*

Подписано в печать 8.10.2010 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 32,02. Уч-изд. л. 30,10.
Тираж 500 экз. Заказ 1535.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г